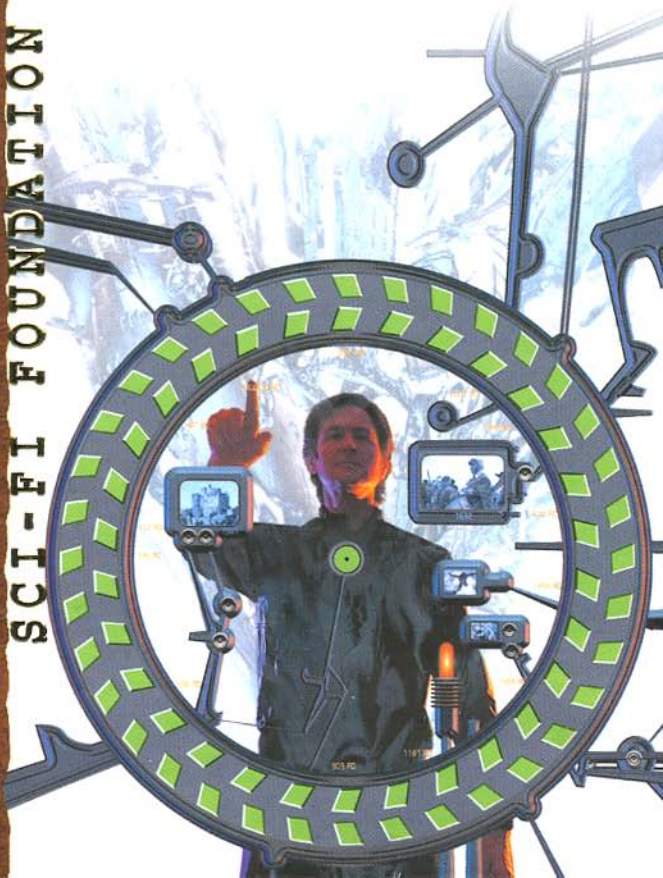
Весь

ХАЙНЛАЙН

СВОБОДНОЕ ВЛАДЕНИЕ ФАРНХЭМА

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ

SCI-FI FOUNDATION

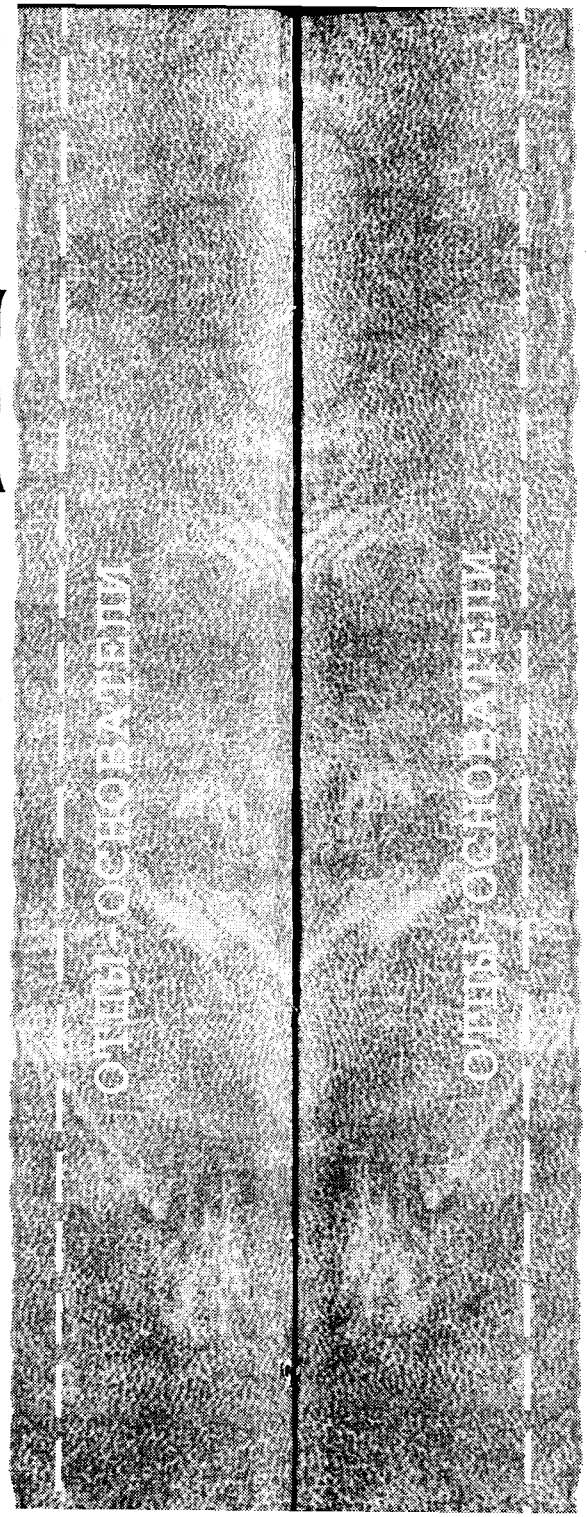
Весь

ХАЙНЛАЙН

Весь

ХАЙНЛАЙН

КУКЛОВОДЫ
ПАСЫНКИ ВСЕЛЕННОЙ
ДОРОГА ДОБЛЕСТИ
ГРАЖДАНИН ГАЛАКТИКИ
ТУННЕЛЬ В НЕБЕ
ЧУЖАК В СТРАНЕ ЧУЖОЙ
СВОБОДНОЕ ВЛАДЕНИЕ ФАРНХЭМА

Роберт

ХАЙНЛАЙН

СВОБОДНОЕ ВЛАДЕНИЕ ФАРНХЭМА

Москва
ЭКСМО
Санкт-Петербург
TERRA FANTASTICA
2007

УДК 82(1-87)
ББК 84(7 США)
Х 12

Robert A. Heinlein

FARNHAM'S FREEHOLD
BEYOND THIS HORIZON
THE SIXTH COLUMN

Составитель и автор комментариев *А. Ермолаев*

Оформление серии *А. Саукова*

Серия основана в 2003 году

Хайнлайн Р.
Х 12 Свободное владение Фарнхэма: Фантастические романы / Роберт Хайнлайн; [сост. и коммент. А. Ермолаева; пер. с англ.]. – М.: Эксмо; СПб.: Terra Fantastica, 2007. — 784 с.: ил. — (Отцы-основатели. Весь Хайнлайн).

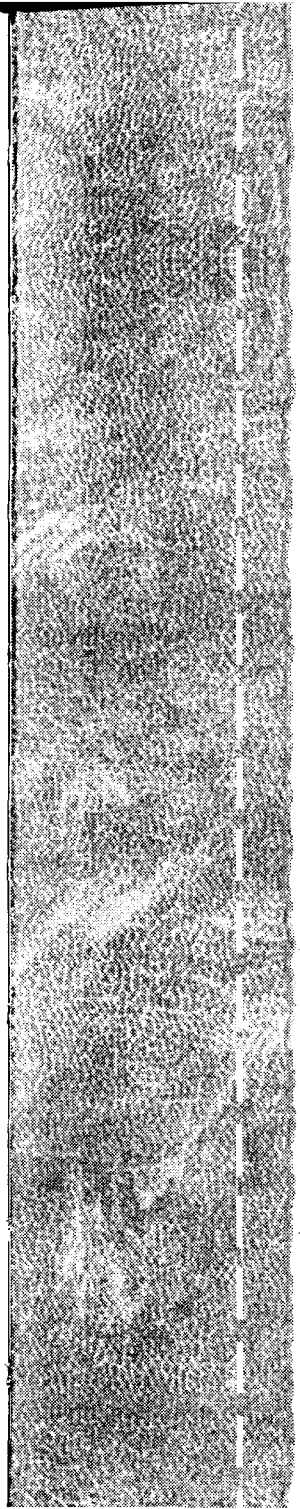
ISBN 5-7921-0735-9 (TF)
ISBN 978-5-699-21265-1 (Эксмо)

В данный том собрания сочинений Гранд-мастера мировой фантастики Роберта Хайнлайна вошли романы-антиутопии, повествующие о мрачных временах, которые ожидают человечество в целом и конкретно США в недалеком будущем. Генетические эксперименты и мутации, жестокий кризис общества потребления, военная азиатская экспансия на Восток, свирепые эпидемии — вот далеко не полный перечень ужасов, с которыми предстоит столкнуться американскому обывателю. Но уверенный в себе и умеющий постоять за себя одиночка всегда сможет без страха взглянуть в глаза любым опасностям.

УДК 82(1-87)
ББК 84(7 США)

© **Перевод. А. Иорданский, 1998;**
П. Киракозов, 2002; А. Сергеев, 1994
© **Иллюстрации. Я. Ашмарина, 1998, 2006, 2007**
© **TERRA FANTASTICA, 2007**
© **Оформление.**
ООО «Издательство «Эксмо», 2007

ISBN 5-7921-0735-9 (TF)
ISBN 978-5-699-21265-1 (Эксмо)

СВОБОДНОЕ ВЛАДЕНИЕ ФАРНХЭМА

© П. Киракозов, перевод

Глава первая

— Никакой это не слуховой аппарат,— объяснил Хьюберт Фарнхэм.— Это радиоприемник, всегда настроенный на частоту сигнала тревоги.

Барбара Уэллс от изумления замерла, так и не донеся ложку до рта.

— Мистер Фарнхэм, вы думаете, что они все-таки собираются напасть на нас?

Хозяин дома пожал плечами.

— К сожалению, Кремль не делится со мной своими намерениями.

— Отец, перестань пугать наших дам,— сказал его сын.— Миссис Уэллс...

— Называйте меня просто Барбара,— перебила его молодая особа.— Я даже собираюсь через суд добиться разрешения опускать слово «миссис» перед своим именем.

— Для этого вам вовсе не требуется разрешения суда.

—Учтите это, Барб,— заметила его сестра Карен.— В наше время бесплатные советы очень дороги.

— Помолчи. Барбара, при всем своем уважении к отцу я все же считаю, что ему просто мерещатся всякие страсти. На мой взгляд, войны, конечно, не будет.

— Надеюсь, вы правы,— спокойно сказала Барбара.— А почему вы так считаете?

— Потому что коммунисты — прежде всего реалисты. Они никогда не пойдут на то, чтобы начать войну, которая может повредить им, даже если бы в конечном итоге и смогли бы выиграть ее. А тем более они не рискнут начать войну, победить в которой не в состоянии.

— В таком случае, может быть, они заодно перестанут устраивать все эти ужасные кризисы, как на Кубе? А взять, к примеру, шум из-за Берлина: как будто кому-то есть до этого Берлина какое-нибудь дело! От всего этого просто постепенно становишься неврастеничкой,— заявила его мать.— Джозеф!

— Да, мэм?

— Приготовьте мне кофе. И бренди. Кофе-ройял.

— Да, мэм,— слуга, молодой негр, убрал со стола ее тарелку, к содержимому которой она почти не притронулась.

— Отец,— заметил молодой Фарнхэм,— а ведь мать беспокоится не из-за каких-то там дурацких кризисов. Это ты нервируешь ее своим поведением. Ты должен вести себя спокойнее.

— Разве?

— Да, должен! Мать совсем потеряла аппетит... и все из-за какой-то дурацкой пуговицы, торчащей у тебя в ухе. Нельзя же так!

— Перестань, Дьюк! Когда ты стал жить отдельно от нас, мы договорились оставаться друзьями. И я всегда рад выслушать твое мнение как мнение друга. Но все это не дает тебе права встревать между мной и твоей матерью — моей женой.

— Но, Хьюберт...— протянула его жена.

— Прости, Грейс.

— Ты слишком строг с мальчиком. Это беспокоит меня.

— Дьюк уже не мальчик. И я не сказал ничего такого, что могло бы тебя заставить переживать. Прости.

— Мне тоже очень неудобно, мама. Но если отец считает, что я лезу не в свое дело, что ж...— Дьюк изобразил на лице кривую улыбку.— Придется мне, видимо, обзавестись собственной женой, о которой я мог бы беспокоиться. Барбара, вы согласны выйти за меня замуж?

— Нет, Дьюк.

— Я же предупреждала тебя, Дьюк, что она очень умна,— поспешно вставила его сестра.

— Карен, спусти пары. Но почему, Барбара? Я молод. Я здоров. К тому же не исключено, что у меня когда-нибудь появятся клиенты. А пока мы могли бы прекрасно перебиваться и вашими доходами.

— Нет, Дьюк. Я полностью согласна с вашим отцом.

— Что?

— Вернее, следовало бы сказать, что мой отец согласен с вашим. Не знаю, носит ли он сейчас приемник в ухе, но уверена, что обычное радио слушает внимательно. Дьюк, в нашей семье даже машины снабжены набором предметов первой необходимости на случай войны.

— Серьезно?

— В багажнике моей машины, что стоит перед вашим парадным входом, той самой, на которой мы с Карен приехали сюда, как раз лежит такой набор. Папа приготовил его еще тогда, когда я поступала в колледж. Он относится к этому очень серьезно, и я тоже.

Дьюк Фарнхэм открыл было рот, но так ничего и не сказал. Его отец спросил:

— Барбара, интересно, что же включил в этот набор ваш отец?

— О, множество вещей. Десять галлонов воды. Продукты. Большую канистру бензина. Лекарства. Спальный мешок. Ружье...

— Вы умеете стрелять?

— Папа научил меня. Лопата. Топор. Одежда. Да, еще радио. Но самым важным, как он всегда считал, был вопрос «куда?» Если бы я оставалась в колледже, то отец наверняка счел бы оптимальным вариантом подвал. А здесь он, скорее всего, посоветовал бы мне как можно дальше забраться в горы.

— В этом нет никакой необходимости.

— Почему?

— Отец имеет в виду,— пояснила Карен,— что в случае чего вы сможете укрыться вместе с нами в нашей дыре.

Барбара вопросительно посмотрела на хозяина дома. Тот объяснил:

— Это наше бомбоубежище. Мой сын называет его «каприз Фарнхэма». Мне кажется, что там вы будете в большей безопасности, чем в горах, особенно если учесть тот факт, что всего в десяти милях от нас расположена база стратегических ракет. Поэтому, как только раздастся сигнал тревоги, мы укроемся в убежище. Верно, Джозеф?

— Да, сэр! Если так, то я согласен оставаться у вас на жалованье.

— Черта с два! Ты можешь считать себя уволенным тотчас же, как только прозвучит сирена. И с этого момента платить придется уже тебе самому.

— Мне тоже нужно будет вносить свою лепту? — спросила Барбара.

— Вам придется мыть посуду. Каждому придется это делать. Даже Дьюку.

— Меня можно сбросить со счетов,— мрачно сказал Дьюк.

— Что? У нас не так уж много посуды, сынок.

— Я не шучу, отец. Хрущев заявил, что похоронит нас,— и ты всеми силами стараешься, чтобы именно так и произошло. Я не собираюсь хоронить себя заживо в такой дыре.

— Как вам угодно, сэр.

— Сыночек! — его мать оставила чашку.— Если будет налет, обещай мне, что ты укроешься вместе с нами в убежище,— на глазах ее блеснули слезы.

Молодой Фарнхэм некоторое время упрямо молчал, затем вздохнул:

— Если начнется налет — я имею в виду, если прозвучит сигнал тревоги, потому что никакого налета быть не может,— я, так и быть, полезу в эту самую дыру. Но сделаю это, отец, только ради спокойствия матери.

— В любом случае место для тебя там всегда готово.

— О'кей. А теперь давайте перейдем в гостиную и перекинемся в карты. Только уговор: о войне больше ни слова. Годится?

— Согласен,— его отец поднялся и предложил руку супруге.— Дорогая?..

В гостиной Грейс Фарнхэм заявила, что в карты она играть не будет:

— Нет, дорогой, у меня совершенно нет настроения. Ты уж, пожалуйста, составь компанию молодым, и... Джозеф! Джозеф, принесите мне еще капельку кофе. Ройял, я имею в виду. Не смотри на меня так, Хьюберт. Ты ведь прекрасно знаешь, что мне только это и помогает.

— Может тебе лучше принять милтаун, дорогая?

— Я терпеть не могу всех этих лекарств. Куда лучше выпить еще капельку кофе.

Они разбились на пары. Дьюк печально покачал головой.

— Бедная Барбара! Играть вместе с моим отцом... Сестра, ты предупредила ее?

— Оставь свои предупреждения при себе,— посоветовал отец.

— Но она имеет право знать. Барбара, молодящийся грабитель, сидящий напротив нас, настолько оптимистичен в бридж-контракте, насколько пессимистичен... кое в чем другом. Так что ждите подвохов. Если у него на руках окажутся плохие карты...

— Заткнешься ты когда-нибудь или нет? Барбара, какую систему вы предпочитаете? Итальянскую?

Она широко раскрыла глаза.

— Единственное, что я знаю итальянское, так это вермут, мистер Фарнхэм. А играю я по Горену. Ни плохо, ни хорошо, просто я знаю эту книгу.

— Ну что ж, по книге так по книге,— согласился Хьюберт Фарнхэм.

— По книге...— эхом отозвался его сын.— Вопрос только, по какой? У папаши есть очаровательная привычка следовать советам «Альманаха фермера», особенно когда у противника плохие карты. Тогда он начинает удваивать и вторично удваивать ставку. А потом он начинает рассказывать, что если бы ты пошел с бубен...

— Ваше высочество,— прервал его отец,— может быть, вы все-таки соизволите взяться за карты? Или вы желаете, чтобы я вбил их вам в глотку?

— Я уже сказал. Ну что, приправим игру чем-нибудь остреньким? Например, по центу за очко?

— Для меня это очень много,— поспешно сказала Барбара.

— К вам, девочки, это не относится,— ответил Дьюк.— Только ко мне и отцу. Таким способом я ухитряюсь платить за аренду конторы.

— Дьюк имеет в виду,— поправил его отец,— что таким способом он все глубже увязает в долгах своему старику. Я отыгрывал у него, бывало, все его месячное содержание, еще когда он учился.

Барбара смолкла, и игра началась. Высокая ставка держала ее в постоянном напряжении, хотя платить ей не пришлось бы. Волнение ее усиливалось еще и мыслью, что партнер был классным игроком.

Когда она поняла, что мистер Фарнхэм считает ее игру вполне сносной, ей удалось немного расслабиться. Однако все равно она радовалась, когда удавалось отдохнуть в роли «болвана». Эти минуты отдыха она отдавала изучению Хьюберта Фарнхэма. Он ей определенно нравился: и тем, как он вел себя в семье, и тем, как играл в бридж,— спокойно, вдумчиво, практически никогда не ошибаясь, а иногда просто блестяще. Она была в восторге, когда он, набравшись наглости не положить туза, выжал последнюю взятку в контракте, в котором она переторговалась.

Она знала, что Карен надеется обручить их с Дьюком за этот уикэнд, считая их вполне удачной парой. Дьюк был довольно привлекателен внешне (да и Карен была хорошенькой), и к тому же был бы для Барбары прекрасной партией: подающий надежды адвокат, всего на год старше ее, с молодой и цепкой хваткой.

Интересно, надеется ли он сам овладеть ею за эти выходные? Может быть, и Карен втайне рассчитывает на это и сейчас с любопытством наблюдает за тем, как разворачиваются события?

Нет, этому не бывать!

Она, конечно, вполне согласна с тем, что один раз ей не повезло, но это не значит, что любая разведенная женщина абсолютно доступна. Черт побери, да ведь она *ни с кем* не лежала в постели с той самой ужасной ночи, когда она собрала свои вещи и ушла. И почему это люди считают...

Дьюк смотрел на нее. Она встретилась с ним взглядом, вспыхнула и отвела глаза. Теперь она смотрела на его отца.

Мистеру Фарнхэму было что-то около пятидесяти, так она решила. По крайней мере, на вид ему можно было дать именно столько. Волосы его уже начали редеть. Седой, худощавый, даже худой, хотя с небольшим животиком, глаза усталые, вокруг глаз морщинки, от носа к уголкам губ тянутся глубокие складки.

Симпатичным его никак не назовешь...

И тут с неожиданной теплотой она подумала, что если бы Дьюк Фарнхэм обладал хотя бы половиной мужественного очарования своего отца, то резинка трусов не оказалась бы для нее такой надежной защитой. Она вдруг почувствовала, что рассердилась на Грейс Фарнхэм. Какое оправдание можно найти женщине, ставшей неизлечимой алкоголичкой, раздражительной, жирной, все прощающей себе, когда у нее такой муж?

Эту мысль сменила другая — о том, что с годами Карен может стать такой же, как ее мать. Мать и дочь вообще были похожи, если не считать того, что Карен не превратилась пока в жирную тушу. Барбаре вдруг стало неприятно думать об этом.

Карен ей нравилась больше, чем кто-либо из подруг по учебе, с которыми она столкнулась после возвращения в колледж. Ведь Карен такая милая, благородная и веселая...

Но может быть, когда-то и Грейс Фарнхэм была такой же.

Неужели женщина с годами всегда становится раздражительной и никчемной?

Закончился последний кон, и Хьюберт Фарнхэм оторвался от карт.

— Три пики, гейм и роббер. Неплохо было заказано, уважаемый партнер.

Барбара покраснела.

— Вы хотите сказать, неплохо сыграно. Заказала-то я многовато.

— Ничего. В худшем случае мы могли остаться без одной. Кто не рискует, тот не выигрывает. Карен, Джозеф уже лег?

— Занимается. Завтра у него контрольная.

— Жаль, мы могли бы пригласить его сыграть. Барбара, Джозеф — лучший игрок в этом доме, всегда играющий смело, когда это оправдано. Прибавьте к этому, что он учится на бухгалтера и

никогда не забывает ни одной карты. Карен, может быть, ты сама нальешь нам чего-нибудь, чтобы не беспокоить Джозефа?

— Конечно, масса Фарнхэм. Водка и тоник вас устроят?

— И чего-нибудь закусить.

— Пошли, Барбара. Придется нам похозяйничать на кухне.

Хьюберт Фарнхэм проводил их взглядом. Как несправедливо, думал он, что такое прелестное дитя, как миссис Уэллс, постигло этакое несчастье — неудачный брак. В бридж она играет вполне прилично. Хороший характер. Может быть, немного нескладна и лицо вытянуто чуть больше, чем надо... Но зато приятная улыбка и своя голова на плечах. Если бы у Дьюка была хоть капелька мозгов... Но у Дьюка ее определенно не было.

Фарнхэм поднялся и подошел к жене, тупо кивающей телевизору.

— Грейс! — позвал он.— Грейс, дорогая, тебе пора ложиться,— он помог ей дойти до спальни.

Вернувшись в гостиную, он застал сына сидящим в одиночестве.

— Дьюк, я хотел извиниться перед тобой за тот разговор во время обеда.

— Ах, это! Да я уже и думать забыл.

— Я предпочел бы пользоваться твоим уважением, а не снисхождением. Я знаю, что ты не одобряешь мою «дыру». Но ведь ты никогда и не спрашивал, зачем я построил ее.

— А что тут спрашивать? Ты считаешь, что Советский Союз собирается напасть на нас, и надеешься, что укрывшись в земле, спасешься. Обе эти идеи нездоровы по сути. Болезненны. И более чем вредны для матери. Ты просто принуждаешь ее пить. Мне это не нравится. И еще больше мне не понравилось то, что ты напомнил мне — мне, адвокату! — что я не должен вмешиваться в отношения между мужем и женой.

Дьюк поднялся.

— Пожалуй, я пойду.

— Сынок, ну пожалуйста, разве защита не имеет права высказаться?

— Что? Ну ладно, ладно,— Дьюк снова сел.

— Я уважаю твое мнение. Я не разделяю его, но я не одинок. Множество людей придерживается моей точки зрения. Хотя, впрочем, большинство американцев и пальцем не пошевелило, чтобы попытаться спастись. Но как раз в тех вопросах, которые ты упомянул, ты неправ. Я не считаю, что СССР нападет на нас, и сомневаюсь, что наше убежище спасет нас в случае ядерного удара.

— Тогда зачем же ты все время таскаешь в ухе эту штуку, сводя мать с ума?

— Я никогда не попадал в автомобильную катастрофу. Но я застрахован от нее. И бомбоубежище — это своего рода страховка.

— Но ведь ты сам только что заявил, что бомбоубежище никого не спасет!

— Нет, это не совсем так. Оно могло бы спасти наши жизни, если бы мы жили милях в ста отсюда. Но Маунтин-Спрингс — цель первостепенного значения, а ни один человек не может построить убежище, которое выдержало бы прямое попадание.

— Тогда о чем же беспокоиться?

— Я уже сказал тебе. Это лучшая страховка, которую я могу себе позволить. Наше убежище не выдержит прямого попадания. Но если ракета уйдет немного в сторону, оно выдержит — ведь русские не супермены, а ракеты — штуки капризные. Я просто постарался свести риск к минимуму. Это все, что я мог сделать.

Дьюк колебался.

— Отец, дипломат из меня никудышный...

— Тогда и не старайся быть дипломатом.

— В таком случае я задам вопрос в лоб: стоит ли сводить мать с ума, превращать ее в пьяницу только ради того, чтобы продлить свою жизнь на какие-нибудь несколько лет с помощью этой земляной норы? Да и имеет ли смысл дальнейшая жизнь после войны, когда страна будет опустошена, а все твои друзья — мертвы?

— Может, и нет.

— Тогда зачем все это?

— Дьюк, ты пока не женат...

— Это неоспоримо.

— Сынок, я тоже буду откровенен. Я давным-давно перестал заботиться о собственной безопасности. Ты уже взрослый человек

и стоишь на собственных ногах, и твоя сестра, хоть она и учится в колледже, достаточно взрослая женщина. А что касается меня...— он пожал плечами.— Единственное, что меня еще по-настоящему занимает, так это хорошая партия в бридж. Как ты, наверное, заметил, мы с твоей матерью практически перестали понимать друг друга.

— Да, я вижу это. Но это твоя вина. Это ты ведешь мать к помешательству.

— Если бы все было так просто... Во-первых, ты еще учился на адвоката, когда я построил это убежище — как раз во время Берлинского кризиса. Тогда твоя мать приободрилась и снова стала самой собой. Тогда она за весь день могла выпить один мартини и ей этого вполне хватало, а не четыре, как сегодня вечером. Дьюк, Грейс просто необходимо это убежище!

— Что ж, может быть. Но ты определенно выводишь ее из себя, снуя по дому с этой затычкой в ухе.

— Вполне возможно. Но у меня нет выбора.

— Что ты имеешь в виду?

— Грейс — моя жена, сынок. А «любить и заботиться» включает в себя и заботу о том, чтобы продлить ей жизнь, насколько это в моих силах. Это убежище может сохранить ей жизнь. Но только в том случае, если она будет находиться внутри него. Как по-твоему, за какое время до атаки нас успеют предупредить?.. В лучшем случае минут за пятнадцать. А для того, чтобы укрыть ее в убежище, достаточно будет и трех минут. Но если я не услышу сигнала тревоги, у нас в распоряжении не окажется и трех минут. Поэтому-то я и слушаю непрерывно радио. Во время любого кризиса.

— А если сигнал поступит в то время, когда ты спишь?

— Когда обстановка напряжена, я сплю с пуговицей в ухе. Когда она напряжена до предела, как, например, сегодня, мы с Грейс ночуем в убежище. Девушкам тоже придется сегодня ночевать там. И ты, если хочешь, можешь присоединиться сегодня к нам.

— Пожалуй, нет.

— Напрасно.

— Отец, если даже предположить, что атака возможна,— только предположить, потому что русские еще не сошли с ума,— зачем же было строить убежище так близко к стратегической базе? Почему ты не выбрал место, которое было бы отдалено от любых возможных целей, и не построил убежище там? Опять же, только предполагая, что оно необходимо матери для успокоения нервов, что, в принципе, возможно, и тем самым избавив ее от ненужных страданий?

Хьюберт Фарнхэм тяжело вздохнул.

— Сынок, она никогда бы не согласилась уехать отсюда. Ведь здесь ее дом.

— Так заставь ее!

— Сынок, тебе приходилось когда-нибудь заставлять женщину делать то, чего она по-настоящему не хочет? Кроме того, дело осложняется ее склонностью к выпивке. С алкоголиками довольно трудно сладить. А я должен по возможности стараться ладить с ней, насколько это в моих силах. И... Дьюк, я уже говорил тебе, что у меня не так-то много причин стараться остаться в живых. И одна из них вот какая...

— Ну, продолжай же!

— Если эти лживые подонки когда-нибудь сбросят свои смертоносные бомбы, то я хотел бы отправиться на тот свет как подобает настоящему мужчине и гражданину — с восемью мертвыми врагами, лежащими вокруг меня,— Фарнхэм выпрямился в кресле.— Я не шучу, Дьюк. Америка — лучшая страна из всех, что люди создали за свою долгую историю, по крайней мере, на мой взгляд, и если мерзавцы убьют нашу страну, я тоже хотел бы убить хотя бы нескольких из них. Человек восемь, не меньше. Я почувствовал большое облегчение, когда Грейс наотрез отказалась переезжать.

— Почему?

— Потому что я не хочу быть изгнанным из своего родного дома каким-нибудь крестьянином со свиным рылом и скотскими манерами. Я свободный человек. И надеюсь до конца остаться свободным. Я подготовился к этому, как смог. Но бегство не в моем вкусе, и... Девочки возвращаются.

Вошла Карен, неся напитки, за ней появилась Барбара.

— Ха! Барб осмотрела наши запасы и решила испечь креп-сюзе. Почему вы оба такие мрачные? Опять плохие вести?

— Нет, но если ты включишь телевизор, мы еще успеем посмотреть конец десятичасовых новостей. Барбара, эти блины с хитрым названием великолепно пахнут! Предлагаю вам место повара.

— А как же Джозеф?

— Джозефа мы оставим мажордомом.

— Тогда я согласна.

— Хей! — сказал Дьюк.— Как же это получается? Вы отвергаете мое предложение сочетаться законным браком и принимаете предложение моего старика жить с ним во грехе?

— Я что-то не заметила намека на грех в предложении вашего отца.

— Как? Разве вы не знаете, Барбара? Наш отец — известный сексуальный маньяк.

— Это правда, мистер Фарнхэм?

— Ну...

— Именно поэтому я и стал юристом, Барбара. Мы не в силах были таскать сюда Гарри Гизлера аж из самого Лос-Анжелеса всякий раз, когда папочка попадал в переплет.

— Да, славные были денечки! — согласился его отец.— Но, Барбара, к сожалению, это было много лет назад. Теперь моей слабостью стал бридж-контракт.

— Раз вы так опасны, я считаю себя вправе рассчитывать на более высокий оклад...

— Тише, дети! — крикнула Карен и сделала телевизор погромче.

«...пришли к соглашению по трем из четырех предложенных Президентом основных вопросов и договорились собраться еще раз, чтобы обсудить четвертый вопрос — о присутствии их атомных подводных лодок в наших территориальных водах. Теперь можно с большой долей уверенности сказать, что кризис, самый острый из всех, случившихся в период после Второй мировой войны, кажется, идет на убыль в результате достижения договоренности, в той или иной степени удов-

летворяющей обе стороны. А теперь позвольте познакомить вас с потрясающими новостями, касающимися компании "Дженерал Моторс" и сопровождающимися всесторонним их анализом, который по своей глубине...»

Карен выключила телевизор. Дьюк заметил:

— Все именно так, как я и предполагал, отец. Можешь вынуть из уха свою затычку.

— Потом. Я занят креп-сюзе. Барбара, надеюсь, вы будете готовить их каждое утро.

— Отец, перестань соблазнять ее и сдавай карты. Я хочу отыграться.

— У нас впереди еще целая ночь,— мистер Фарнхэм кончил есть и поднялся, чтобы убрать тарелку. В этот момент прозвенел звонок у входной двери.

— Я открою.

Он направился в прихожую, но скоро вернулся. Карен спросила:

— Кто там, папа? Я сдала за тебя. На сей раз мы с тобой партнеры. Ну, вырази же свою радость по этому поводу.

— Я просто восхищен. Только помни, что с объявления одиннадцати взяток торговаться не начинают. По-моему, этот человек просто заблудился. А может, он не в своем уме.

— Должно быть, это был один из моих поклонников. Пришел на свидание, а ты прогнал его.

— Вполне возможно. Какой-то старый, лысый болван, насквозь мокрый и оборванный.

— Да, это ко мне,— подтвердила Карен.— Президент нашего студенческого союза. Пойди догони его, отец.

— Слишком поздно. Он только взглянул на меня и смылся. Кто объявляет масть?

Барбара продолжала играть, на сей раз совершенно машинально. Ей все время казалось, что Дьюк объявляет слишком много взяток; тогда она поймала себя на том, что недообъявляет взятки, и попыталась бороться с собой. Они несколько раз «подсели» в длинном, мрачном роббере, который в конце концов «выиграли», хотя и проиграли по очкам.

Проиграть следующий роббер с Карен в качестве партнера было сущим удовольствием. Они поменялись местами, и Барбара вновь оказалась партнером мистера Фарнхэма. Он улыбнулся ей.

— Ну что, покажем им, как надо играть?

— Я постараюсь.

— Просто играйте как всегда. По книге. Все ошибки предоставьте делать Дьюку.

— Слова не деньги, папа. Давай побьемся об заклад, что вам не выиграть этого роббера. Ставлю сто долларов.

— Хорошо, пусть будет сто.

Барбара стала нервничать, вспомнив о жалких семнадцати долларах, которые лежали в ее сумочке. Она разволновалась еще сильнее, когда первый круг закончился при пяти трефах, объявленных и побитых Дьюком, и тогда она поняла, что он переборщил и остался бы без одной, если бы она покрыла его прорезку.

— Ну что, губернатор, удваиваем пари? — предложил Дьюк.

— О'кей. По рукам.

Второй круг был для нее намного удачнее: ее контракт при четырех пиках. К тому же она смогла выйти со всех своих козырей. Улыбка ее напарника была вполне достаточным вознаграждением. Но у нее почему-то дрожали руки.

— Обе команды получают по очку,— сказал Дьюк,— счет сравнивается. Как твое давление папочка? Может, еще раз удвоим пари?

— Что, собираешься уволить свою секретаршу?

— Не надо лишних слов!

— Идет. Четыре сотни. Можешь продать свою машину.

Мистер Фарнхэм сдал карты. Барбара взяла свои и нахмурилась. В принципе, не так уж плохо: две дамы, пара валетов, туз, король — не было длинной масти, да и король ничем не прикрыт. В общем, комбинация была из тех, которые она привыкла называть «ни то ни се». Оставалось только надеяться, что это будет один из этих вызывающих всеобщий вздох облегчения кругов, когда все пасуют.

Ее партнер взглянул на свои карты и объявил:

— Три козыря.

Барбара с трудом сдержалась, чтобы не вскрикнуть, а Карен воскликнула:

— Папочка, да у тебя жар!

— Принимаю.

— Твой ход.

«Боже, о боже, что мне делать?» — взмолилась про себя Барбара. Объявление ее партнера обозначало двадцать пять очков — и приглашение к шлему. У нее самой было тринадцать. Тридцать восемь на двух руках — большой шлем.

Так говорила книга! (Барбара, ты же помнишь, «три без козыря» — это двадцать пять, двадцать шесть или двадцать семь очков — прибавь тринадцать, вот вам и «Большой Шлем».) Но по книге ли играл мистер Фарнхэм? Может быть, он объявлял просто для того, чтобы выиграть роббер и победить в этом нелепом пари?

Если она сейчас спасует, то и игра, и роббер, и четыреста долларов — дело верное. Но большой шлем — если они объявят его — принес бы им что-то около пятнадцати долларов при тех ставках, которые установили Дьюк и его отец. Рисковать чужими четырьмястами долларами ради каких-то пятнадцати?

Смешно!

А нельзя ли выйти на шлем потихоньку, по конвенции Блэквуда? Да нет, ведь предварительной торговли не было. Может быть, это как раз один из тех случаев, о которых предупреждал ее Дьюк?

Но ведь ее партнер ясно сказал: «Играй по книге».

— Семь, без козырей,— твердо объявила она.

Дьюк присвистнул.

— Благодарю вас, Барбара. Теперь, папочка, ты один против всех. Контра.

— Пас.

— Пас,— эхом отозвалась Карен.

Барбара снова прикинула свои возможности. Этот одинокий король был довольно гол. Но... либо родная команда получает все, либо ничего.

— Реконтра.

Дьюк улыбнулся.

— Спасибо, золотко. Ходи, Карен.

Мистер Фарнхэм вдруг положил карты и резко встал. Его сын сказал:

— Эй, садись, тебе скоро придется пить лекарство, так что не уходи.

Мистер Фарнхэм, не отвечая, подошел к телевизору, включил его, затем включил радио и настроил его на нужную волну.

— Красная тревога! — неожиданно объявил он.— Пусть кто-нибудь предупредит Джозефа,— и выбежал из комнаты.

— Вернись! Тебе не провести нас с помощью такого примитивного трюка!

— Заткнись, Дьюк! — прикрикнула на него Карен.

Ожил телевизионный экран:

«...приближается. Сразу же настройтесь на волну своей аварийной станции. Удачи вам, всего хорошего, и да благословит вас всех Господь!»

Изображение на экране исчезло, и стало слышно радио.

«...Это не учебная тревога! Это не учебная тревога! Все в укрытия! Члены спасательных команд должны немедленно собраться на своих пунктах. Ни в коем случае не выходите на улицу. Если у вас нет укрытия, оставайтесь под защитой ваших домов. Это не учебная тревога! Неопознанные баллистические объекты только что замечены нашими системами раннего предупреждения, и есть все основания предполагать, что это боевые ракеты. Все в укрытия! Членам спасательных команд немедленно явиться на свои пункты...»

— Кажется, это серьезно,— с дрожью в голосе выдавила из себя Карен.— Дьюк, покажи дорогу Барбаре. Я пойду разбужу Джозефа,— и она выбежала из комнаты.

— Никак не могу поверить этому,— пробормотал Дьюк.

— Дьюк, как пройти в укрытие?

— Я покажу вам,— он неторопливо встал, собрал карты и аккуратно разложил их по разным карманам.— Мои и сестренкины — в моих брюках, а ваши с отцом — в пальто. Пошли. Чемодан возьмете?

— Нет!

Глава вторая

Дьюк провел ее через кухню, за которой находилась лестница, ведущая в подвал. Мистер Фарнхэм уже спускался по ней, неся на руках жену. Похоже было, что она спит.

— Подожди, отец! — крикнул Дьюк.— Сейчас я возьму ее сам.

— Спускайся первым и открой дверь!

В стене подвала оказалась стальная дверь. Дьюк не сумел справиться с ней — не знал, как отпирается замок. Мистер Фарнхэм не выдержал и, отдав жену сыну, сам открыл ее. За дверью оказалась еще одна лестница, ведущая куда-то глубже под землю. Спустившись по ней, они внесли безжизненное тело миссис Фарнхэм в небольшую комнатушку, обнаружившуюся за второй стальной дверью. Барбара прикинула, что пол этой комнаты находится футов на шесть ниже основания фундамента, а само убежище располагается примерно под задним двором дома.

Из комнаты послышался голос мистера Фарнхэма:

— Барбара! Входите же скорее! А где Джозеф? Где Карен?

Не успел он договорить, как эти двое кубарем скатились по лестнице. Карен была растрепана и выглядела очень возбужденной. Джозеф спросонья дико озирался по сторонам. Одет он был явно наспех, в брюки и нижнюю рубашку. Обуви на нем не было.

Он резко остановился.

— Мистер Фарнхэм! Они что, собираются нанести нам удар?

— Боюсь, что так. Входи скорее.

Юноша-негр обернулся и закричал:

— *Если не ошибаюсь, доктор Ливингстон!* — и кинулся вверх по лестнице.

— О боже! — простонал мистер Фарнхэм и сжал ладонями виски. Затем добавил уже обычным тоном: — Девочки, входите. Карен, запри эту дверь, я же наверху подожду, сколько смогу.

Он взглянул на часы.

— Пять минут.

Девушки вошли. Барбара шепотом спросила:

— Что случилось с Джозефом? Помешался?

— Да, что-то вроде этого. «Если не ошибаюсь, доктор Ливингстон» — это наш кот, который любит Джозефа и терпит нас,— Карен начала запирать внутреннюю дверь, сделанную из толстенной листовой стали и крепящуюся десятью засовами болтами десятидюймовой длины толщиной в дюйм.

Вдруг она остановилась.

— Черт меня возьми! Я запираю дверь, а отец остался там, снаружи!

— Не запирай вообще.

Карен покачала головой.

— Нет, я все-таки завинчу парочку болтов, чтобы он слышал. А кот этот, может, сейчас прохлаждаться где-нибудь за несколько километров отсюда.

Барбара оглянулась. Комната имела Г-образную форму. Вошли они с конца короткого рукава. Справа, у стены, располагались две койки, на нижней лежала по-прежнему спящая Грейс Фарнхэм. Вдоль противоположной стены тянулись полки, тесно уставленные какими-то припасами. Койки и полки разделял проход немного шире, чем входная дверь. Потолок был низким, закругленным и сделанным, как и двери, из листовой стали. Дальше можно было различить края еще двух коек. Дьюка видно не было, и вдруг он появился из-за поворота и принялся устанавливать ломберный столик. Барбара с удивлением следила за тем, как он аккуратно вынимает из карманов карты, которые захватил перед бегством из гостиной. Как давно это было! Наверное, уже с час назад. А может быть, и пять минут.

Дьюк заметил ее, улыбнулся и расставил вокруг столика складные стулья.

В дверь постучали. Карен отперла ее. Ввалился Джозеф, за ним вошел мистер Фарнхэм. С рук Джозефа спрыгнул рыжий персидский кот и тут же принялся обнюхивать все углы. Фарнхэм взглянул на жену и сказал:

— Джозеф! Помоги мне тянуть болты.

— Есть, сэр!

К ним подошел Дьюк.

— Ну как, посудина заклепана, шкипер?

— Да, осталась только скользящая дверь. Она запирается специальной рукояткой.

— Ну что ж, как запрете — прошу к столу,— Дьюк указал на разложенные карты.

Отец уставился на него в изумлении:

— Дьюк, ты что же, всерьез предлагаешь доигрывать партию, когда с минуты на минуту мы ждем нападения?

— Мою серьезность изрядно подкрепляет надежда выиграть четыре сотни долларов. И еще одну ставлю на то, что нас вообще не атакуют. Через полчаса тревога будет отменена, и в завтрашних газетах появятся сообщения, что радарные станции были сбиты с толку северным сиянием. Ну как, будешь играть? Или сдаешься?

— М-м-м... мой партнер сыграет за меня. Я занят.

— Ты не будешь потом оспаривать ее проигрыш?

— Конечно, нет.

Барбара обнаружила, что уже сидит за столом. У нее было такое чувство, что все это происходит во сне. Она взяла карты своего партнера и взглянула на них.

— Твое слово, Карен.

— О черт! — воскликнула в сердцах Карен и пошла с тройки треф.

Дьюк взял карты «болвана» и разложил их по мастям.

— Какую карту со стола?

— Все равно,— отозвалась Барбара.— Я играю в открытую.

— Может, лучше не надо?

— Да тут все взятки,— и она открыла карты.

Дьюк взглянул на них.

— Все ясно...— сказал он.— Не убирайте их, отцу тоже будет интересно посмотреть,— он что-то прикинул в уме.— Здесь примерно двадцать четыре сотни очков. Отец!

— Да, сынок?

— Я тут выписываю чек на четыре сотни и еще девяносто два доллара, и пусть это будет мне уроком.

— Нет такой необходимости...

Свет погас, пол вздрогнул под ногами. Барбара почувствовала, как что-то страшно сдавило ей грудь. Она попыталась встать,

но не смогла устоять на ногах. Казалось, вокруг них с ревом носятся поезда подземки, а пол стал напоминать палубу корабля, попавшего в свирепый шторм.

— Отец!

— Я здесь, Дьюк. Ты ранен?

— Не знаю. Но чек мне придется выписать уже на пятьсот девяносто два доллара!

Подземные толчки продолжались. Сквозь не затихающий ни на мгновение шум Барбара услышала, как мистер Фарнхэм усмехнулся и сказал:

— Забудь об этом. Доллар только что обесценился.

— Хьюберт! Хьюберт! Где ты? — послышался пронзительный голос миссис Фарнхэм.— *Останови* это!

— Иду, дорогая.

Тьму прорезал тонкий луч фонарика и двинулся по направлению к койкам. Барбара подняла голову и с трудом разобрала, что это хозяин дома на четвереньках, держа фонарик в зубах, пробирается к супруге. Достигнув койки, он принялся успокаивать жену, и скоро ее крики стихли.

— Карен!

— Да, папа?

— Ты в порядке?

— Да, лишь ушиблась немного. Опрокинулся стул.

— Прекрасно. Тогда включи аварийное освещение. Только не вставай. Передвигайся ползком. Я посвечу тебе фонариком. Потом возьми аптечку и шприц и... ох-х! Джозеф!

— Да, сэр?

— Ты цел?

— Все о'кей, босс.

— Позови-ка своего лохматого Фальстафа. А то он прыгнул на меня.

— Просто он хочет выразить свое расположение к вам.

— Да-да. Но мне не хотелось бы, чтобы он выражал его в то время, когда я делаю укол. Позови его.

— Сию секунду. Док! Ко мне! Док! Док! На рыбку!

Через некоторое время грохот стих, пол перестал качаться под ногами. Миссис Фарнхэм, получив дозу снотворного, безмятежно уснула. В первом отсеке тускло светили две небольшие лампочки, и мистер Фарнхэм принялся изучать последствия нападения.

Ущерб оказался невелик. Несмотря на то что все было уложено на полках довольно тщательно, несколько банок с консервами все же свалилось на пол. Разбилась одна бутылка рома, но кроме спиртного практически ничего из припасов не хранилось в стеклянной таре. Спиртное, оставленное в ящиках, тоже уцелело. Самым неприятным оказалось то, что со стены сорвало взрывом батарейный радиоприемник, который, упав на пол, разбился вдребезги.

Мистер Фарнхэм встал на четвереньки и принялся разглядывать остатки приемника. Подошел его сын и, взглянув на разбитое устройство, произнес:

— Наплевать, отец. Смети весь этот хлам в помойное ведро.

— Кое-что можно восстановить.

— А ты что-нибудь понимаешь в радиотехнике?..

— Нет,— вздохнул отец.— Но у меня есть книги.

— Книги не починят радиоприемника. Тебе следовало бы иметь запасной.

— Он у меня есть.

— Так что же ты его не достанешь? Интересно было бы узнать поподробнее, что случилось.

Отец медленно поднялся и взглянул на Дьюка.

— Мне тоже интересно. Тот приемник, что у меня в ухе, молчит. Конечно, ничего удивительного в этом нет — он слишком слабый. А запасной приемник упакован в поролон и, скорее всего, не пострадал.

— Так доставай же его!

— Потом.

— Потом, потом... Дьявольщина! Где он?

Мистер Фарнхэм начал гневно посапывать.

— Мне уже начало надоедать твое тявканье.

— Что? Ну прости. Скажи мне только, где запасное радио.

— Нет. Мы можем лишиться и его. Я хочу дождаться конца нападения.

Сын пожал плечами.

— Ну что ж, упрямься на здоровье. Но ведь наверняка все с удовольствием послушали бы последние новости. Твое упрямство просто глупо.

— Тебя никто не спрашивает. Я уже сказал, что мне надоело твое тявканье. Если тебе так хочется узнать, что происходит снаружи,— скатертью дорожка. Тебя никто не держит. Я отопру внутреннюю дверь и промежуточную, внешнюю ты сам вполне можешь открыть.

— Как это? Не говори глупостей.

— Только не забудь закрыть ее за собой. Лучше, если она будет закрыта — это ослабит излучение. И ударную волну.

— Вот это уже ближе к делу. Здесь есть чем измерить уровень радиации? Нам бы следовало...

— Заткнись!

— Что? Отец, не надо строить из себя сурового папашу.

— Дьюк, я по-хорошему прошу тебя замолчать и выслушать меня. Согласен?

— Ну что же... хорошо. Мне только не нравится, когда на меня кричат в присутствии других людей.

— В таком случае держи язык за зубами.

Они находились в первом отсеке. Возле них мирно похрапывала миссис Фарнхэм. Остальные удалились во второй отсек, чтобы не быть свидетелями ссоры.

— Так ты готов слушать меня?

— Готов, сэр,— холодно ответил Дьюк.

— Вот и отлично. Сынок, я не шучу. Или уходи, или делай только то, что буду говорить я. Подразумевается и то, что ты должен заткнуться, если я прошу. Как бы поточнее выразиться? Это должно быть абсолютное подчинение, быстрое и охотное. Или ты предпочтешь уйти?

— А не слишком ли ты перегибаешь палку?

— Вот именно это я и делаю. Наше убежище — спасательная шлюпка, а я ее командир. Ради безопасности остальных я должен

поддерживать дисциплину. Даже если для этого придется кого-нибудь выбросить за борт.

— Это довольно-таки искусственная аналогия. Отец, очень жаль, что ты служил на флоте. После него у тебя в голове завелись романтические идеи.

— А я, Дьюк, жалею о том, что тебе вообще не пришлось служить. И ты не реалист. Но оставим это. Так будешь ты выполнять приказы? Или все-таки покинешь нас?

— Ты же прекрасно знаешь, что я никуда не уйду. Да ты и не стал бы говорить об этом всерьез. Ведь это верная смерть.

— Так ты, следовательно, согласен подчиняться мне во всем?

— Я... э-э-э... буду сотрудничать с тобой. Но это диктатура... Отец, вчера вечером ты сам ясно дал понять, что ты свободный человек. Но ведь и я тоже. Поэтому я согласен помогать тебе. Но я не собираюсь исполнять приказы, которые считаю ненужными. Что касается держания языка за зубами, то я постараюсь быть дипломатичным. Но если я сочту необходимым, то наверняка выскажу свое мнение вслух и открыто. Свобода слова. Ведь это справедливо, не так ли?

Отец вздохнул.

— Не то ты говоришь, Дьюк. Отойди-ка, я открою дверь.

— Эта шутка, кажется, заходит слишком далеко, отец.

— Я не шучу. Я собираюсь выставить тебя за дверь.

— Отец... Мне бы не хотелось говорить тебе этого... но мне кажется, у тебя силенок не хватит тягаться со мной. Я крупнее тебя, да и помоложе.

— Это мне известно. Но я вовсе не собираюсь драться с тобой.

— Тогда оставим эти глупости.

— Дьюк, пожалуйста! Я построил это убежище. Не прошло еще и двух часов, как ты измывался над ним, называл его «болезненной причудой». А теперь, когда оказалось, что ты был неправ, ты с удовольствием пользуешься им. Верно?

— В принципе, да. Ты прав.

— И все-таки ты указываешь мне, что и как я должен делать. Заявляешь мне, что следовало запастись вторым приемником. И все это тогда, когда ты сам не запасся *ничем*! Будь же мужчиной,

раз так получилось, и делай то, что тебе говорят. Ведь ты спасся только благодаря мне!

— Черт побери! Я тебе уже сказал, что согласен сотрудничать!

— А сам и не думаешь этого делать. Вместо этого ты отпускаешь глупые замечания, мешаешь мне, упрямишься, напрасно задерживаешь меня, когда у меня куча срочных дел. Дьюк, мне не нужно сотрудничество на твоих условиях и по твоему разумению. Пока мы находимся в этом убежище, мне требуется полное подчинение.

Дьюк покачал головой.

— Постарайся наконец понять, что я уже не ребенок, отец. Мое сотрудничество — да. Но большего я не обещаю.

Мистер Фарнхэм печально произнес:

— Возможно, было бы лучше, если бы командовал ты, а я тебе подчинялся. Но дело в том, что я много раз обдумывал все, что может случиться непредвиденного, а ты — нет. Сынок, я предусмотрел, что у твоей матери может начаться истерика, и у меня все было наготове для такого случая. Как ты думаешь, не мог ли я предусмотреть и данную ситуацию?

— Как это? Ведь я здесь оказался по чистой случайности.

— Я сказал «ситуацию». На твоем месте мог оказаться любой другой. Сегодня у меня могли быть гости или какие-нибудь случайные люди вроде того ненормального, который забрел к нам накануне, и я же не бросил бы их на произвол судьбы. Поэтому мне пришлось предусматривать и различные крайности. Неужели ты думаешь, что планируя все это, я не предвидел, что кто-нибудь может выйти из повиновения, и не продумал, как поставить его на место?

— Ну, и как же?

— Как ты думаешь, чем отличается командир спасательной шлюпки от остальных, сидящих в ней?

— Это что, загадка?

— Да нет. Просто только у командира есть оружие.

— О, я и не сомневался, что здесь у тебя есть и оружие. Но в руках ты ничего не держишь и...— Дьюк усмехнулся.— Отец, я что-то с трудом представляю себе, как ты стреляешь в меня. Неужели ты способен на это?

Мистер Фарнхэм пристально посмотрел на сына, затем опустил глаза.

— Нет. В чужого человека — возможно. Но ты мой сын,— он вздохнул.— Ну что ж, надеюсь на твое сотрудничество.

— Обещаю тебе его.

— Спасибо, сынок. А теперь, извини, мне нужно кое-что сделать,— мистер Фарнхэм оглянулся назад и позвал:— Джозеф!

— Да, сэр.

— Сложилась ситуация номер семь.

— Ситуация семь, сэр?

— Да, и положение все время ухудшается. Будь осторожен с инструментами и не мешкай.

— Понятно, сэр!

— Спасибо,— он повернулся к сыну.— Дьюк, если ты действительно хочешь сотрудничать, то можешь собрать остатки этого радио. Оно точно такое же, как и запасное. Так что в случае необходимости какие-то детали нам могут пригодиться. Согласен?

— Конечно, сэр. Я же сказал, что готов сотрудничать,— Дьюк опустился на колени и занялся тем, что до этого помешал сделать отцу.

— Спасибо,— мистер Фарнхэм повернулся и пошел по направлению ко второму отсеку.

— Мистер Дьюк! Руки вверх!

Дьюк взглянул через плечо и увидел, что позади карточного столика стоит Джозеф и целится в него из автомата Томпсона. Он вскочил на ноги.

— Какого черта!

— Стойте на месте! — предупредил Джозеф.— При малейшем движении — стреляю!

— Правильно,— согласился мистер Фарнхэм.— Его ведь не удерживают родственные узы, как меня. Джозеф, если только он шевельнется, пристрели его.

— Отец! Что происходит?

Мистер Фарнхэм повернулся к дочери.

— Ступай обратно!

— Но, папочка...

— Тихо! Обе ступайте обратно и сидите там на нижней койке. Быстро!

Карен подчинилась. Барбара с ужасом заметила, что в руке хозяина дома тускло отсвечивает автоматический пистолет, и быстро последовала за Карен.

— А теперь обнимите друг друга,— приказал Фарнхэм,— и не двигайтесь.

Он вернулся в первый отсек.

— Дьюк!

— Да.

— Опусти руки и расстегни брюки. Пусть они спадут, но ног из них не вынимай. После этого медленно повернись лицом к двери и отпирай ее.

— Отец...

— Заткнись! Джозеф, если он сделает что-нибудь не так, как я велел, стреляй. Можешь для начала стрелять по ногам, но попасть в него ты должен обязательно.

Ошеломленный, бледный как полотно, Дьюк сделал то, что ему велели: спустил брюки так, что оказался стреноженным ими, повернулся и принялся откручивать болты на двери. Когда он вывинтил половину болтов, отец остановил его.

— Дьюк, стой! В ближайшие несколько секунд придется решать: уходить тебе или оставаться. Условия тебе известны.

Почти без колебаний Дьюк ответил:

— Я принимаю твои условия.

— Но это еще не все. Ты будешь подчиняться не только мне, но и Джозефу.

— *Джозефу?!*

— Моему первому помощнику. Без помощника мне никак не обойтись, Дьюк. Не могу же я все время бодрствовать. Я бы с радостью назначил помощником тебя, но ты ведь не хотел иметь с этим ничего общего. Поэтому мне пришлось поднатаскать Джозефа. Он знает, где что находится, как что действует, как что починить. Таким образом, он мой заместитель. Что ты на это скажешь? Согласен ли ты подчиняться ему также беспрекословно, как и мне? И не будешь огрызаться?

— Обещаю,— медленно проговорил Дьюк.

— Хорошо. Но обещание, данное под давлением, ни к чему не обязывает. Существует другая форма подчинения, которая применяется в случае насилия и тем не менее имеет силу. Ты как юрист должен знать, о чем я говорю. Я хочу, чтобы ты дал клятву заключенного. Клянешься ли ты подчиняться обстоятельствам до тех пор, пока мы не сможем покинуть убежище? Это честное соглашение: твоя клятва в обмен на то, что мы оставляем тебя здесь.

— Клянусь.

— Благодарю. Тогда запирай дверь и застегивай брюки. Джозеф, можешь убрать автомат.

— О'кей, босс.

Дьюк запер дверь, привел в порядок брюки. Когда он повернулся, отец протянул ему пистолет.

— Зачем это? — спросил Дьюк.

— Соберись с мыслями. Если твоя клятва ничего не стоит, то лучше нам узнать об этом сейчас.

Дьюк взял пистолет, вытащил из него обойму, оттянул затвор и поймал выскочивший из патронника патрон. Взглянув на него, Дьюк сунул патрон в обойму, вставил ее — и вернул перезаряженный пистолет отцу.

— Моя клятва остается в силе. Держи.

— Пусть останется у тебя. Ты всегда был упрямым мальчишкой, но не лжецом.

— О'кей... босс,— сын положил пистолет в карман.— А здесь довольно жарко.

— Сдается мне, будет еще жарче.

— Да? И какую же дозу мы, по-твоему, получаем?

— Я имею в виду не радиацию. Огненный шторм.— Мистер Фарнхэм подошел к месту стыка двух отсеков, взглянул на висевший там термометр, затем на часы.— Уже восемьдесят четыре градуса, а с момента нападения прошло только двадцать четыре минуты. Значит, будет еще хуже.

— Насколько хуже?

— Откуда я знаю, Дьюк? Я не имею понятия, на каком расстоянии от нас произошел взрыв, сколько мегатонн было в бомбе,

насколько далеко распространилось пламя. Я даже не знаю, горит ли над нами дом или его снесло взрывом. Нормальная температура в убежище — около пятидесяти градусов. Так что все это выглядит паршиво. И ничего с этим не поделаешь. Хотя, впрочем, кое-что мы можем сделать. Раздеться и ходить в шортах. Так я и поступлю, пожалуй.

Он прошел в соседний отсек. Девушки все так же сидели на койке, крепко обнявшись. Джозеф устроился на полу, прислонившись спиной к стене. На руках у него лежал кот. Карен взглянула на отца широко открытыми глазами, но ничего не сказала.

— Ну, детки, можете вставать.

— Спасибо,— сказала Карен.— Для объятий здесь довольно жарко.— Барбара разомкнула руки, и Карен выпрямилась.

— Ничего не поделаешь. Вы слышали, что произошло?

— Какая-то ссора,— неуверенно ответила Карен.

— Верно. И это последняя ссора. Я — начальник, а Джозеф — мой заместитель. Понятно?

— Да, папочка.

— Миссис Уэллс?

— Я? О, конечно! Ведь это же ваше убежище. Я так благодарна вам, что оказалась здесь. Благодарна за то, что оказалась в живых. И пожалуйста, мистер Фарнхэм, называйте меня просто Барбара.

— Хм... В таком случае называйте меня Хью. Это имя нравится мне больше, чем Хьюберт. Дьюк — и все остальные тоже — отныне пусть называют друг друга просто по имени. Не называйте меня больше «отец», зовите меня Хью. А ты, Джо, оставь этих мистеров и мисс. Понял?

— О'кей, босс. Как вам будет угодно.

— Отныне ты должен говорить: «О'кей, Хью». А теперь, девочки, раздевайтесь до нижнего белья, потом разденьте Грейс и выключите свет. Сейчас жарко, а будет еще жарче. Джо, советую раздеться до трусов.— Мистер Фарнхэм снял пиджак и начал расстегивать рубашку.

— Э... босс, мне вполне хорошо и так,— сказал Джозеф.

— Вообще-то я не спрашиваю, я тебе приказываю.

— Э-э-э... босс, на мне нет трусов.

— Это правда,— подтвердила Карен.— Спросонья он так торопился, что забыл надеть их.

— Вот как? — Хью взглянул на своего экс-лакея и хмыкнул: — Джо, да ты, кажется, еще не созрел для такой ответственной должности. Наверное, мне следовало бы назначить своим заместителем Карен.

— Годится.

— Ладно, возьми на полке запасные трусы и переоденься в туалете. Когда закончишь, покажи Дьюку, где что находится. А ты, Карен, то же самое проделай с Барбарой. А потом мы соберемся.

Собрались они минут через пять. Хью Фарнхэм сидел за столом и тасовал карты. Когда все расселись, он спросил:

— Кто хочет сыграть в бридж?

— Папочка, ты шутишь?

— Меня зовут Хью. Я не шучу: партия в бридж может здорово успокоить наши нервы. Потуши сигарету, Дьюк.

— Э... прошу прощения.

— Думаю, что завтра ты уже сможешь курить. Я впустил много чистого кислорода, поэтому наружный воздух не поступает. Видел баллоны в туалетной комнате?

В промежуточном помещении между отсеками стояли баллоны со сжатыми газами, бак с водой, химический туалет. Там же находились различные запасы и крохотный стоячий душ. Здесь же были входное и выходное вентиляционные отверстия, наглухо сейчас закрытые, и ручная воздухоочистительная установка с уловителями двуокиси углерода и водяных паров.

— Значит, в них кислород? А я думал, там просто сжатый воздух.

— Он занял бы слишком много места. Так что курить слишком рискованно. Я открыл для проверки один из вентиляционных входов — воздух очень горячий, как в смысле температуры, так и в смысле радиации. Счетчик Гейгера трещит как пулемет. Друзья, я не знаю, сколько нам еще придется пользоваться сжатым кислородом. Запас его рассчитан на тридцать шесть часов

для четырех человек, так что для шестерых его хватит примерно на двадцать четыре часа. Но это не самое страшное. Я весь в поту, и вы тоже. До ста двадцати градусов мы еще сможем терпеть. Если температура поднимется выше, придется использовать кислород для охлаждения убежища. В таком случае нам останется выбирать между жарой и удушьем.

— Папа... то есть Хью, я хотела сказать. Ты имеешь в виду, что мы или поджаримся заживо, или задохнемся?

— Я этого не допущу, Карен.

— Если дойдет до этого... я предпочитаю пулю.

— Не потребуется. У меня в убежище запас снотворного, достаточный, чтобы безболезненно умертвить человек двадцать. Но мы здесь не для того, чтобы погибать. До сих пор нам везло. И если наше везение продлится еще немного, мы переживем катострофу. Так что не настраивайтесь на похоронный лад.

— А как насчет радиации? — спросил Дьюк.

— Ты умеешь читать показания счетчика?

— Нет.

— Тогда поверь мне на слово, что с этой стороны опасность нам пока не грозит. Теперь насчет сна. В отсеке, где лежит Грейс,— женская половина, другой отсек — для мужчин. Коек только четыре, но этого вполне достаточно: один из нас постоянно должен наблюдать за температурой и воздухом, другой, которому тоже не хватает места, должен заботиться о том, чтобы дежурный не уснул. Тем не менее сегодняшнюю вахту я беру на себя, и напарник мне не понадобится — я принял декседрин.

— Я буду дежурить.

— И я с тобой.

— Мне совсем не хочется спать.

— Тише, тише! — сказал Хью.— Джо, тебе со мной дежурить нельзя, потому что тебе придется сменить меня, когда я выдохнусь. Мы с тобой будем дежурить попеременно до тех пор, пока ситуация не перестанет быть опасной.

Джо пожал плечами и промолчал.

Дьюк сказал:

— Тогда, видно, я буду удостоен этой чести.

— Вы что, считать не умеете? Две койки для мужчин, две — для женщин. Что остается? Нужно сложить этот стол, и тогда еще одна женщина сможет спать на полу. Джо, доставай одеяла. Пару брось здесь на пол и пару — в туалетной комнате, для меня.

— Уже несу, Хью.

Обе девушки настаивали на том, чтобы им тоже разрешили нести вахту. Хью оборвал их:

— Довольно.

— Но...

— Довольно, я сказал, Барбара. Одна из вас спит на койке, другая здесь, на полу. Дьюк, дать тебе снотворное?

— Никогда не имел такой привычки.

— Не строй из себя железного человека.

— Ну... пусть это будет проверка на ржавчину.

— Хорошо. Джо? Секонал?

— Дело в том, что я так рад тому, что завтра не нужно писать эту контрольную...

— Приятно слышать, что хоть кто-то из нас чему-то рад. Хорошо.

— Я еще хотел сказать, что сна у меня ни в одном глазу. Вы уверены, что вам не понадобится моя помощь?

— Уверен. Карен, достань Джо одну таблетку. Знаешь, где они лежат?

— Да, и себе я тоже, пожалуй, возьму. Я не железный человек, и милтаун очень кстати.

— Прекрасно. Барбара, вы пока не пейте снотворное. Может быть, мне еще придется разбудить вас, чтобы вы не давали мне заснуть. Впрочем, милтаун можете принять. Это обычное успокоительное.

— Пожалуй, ни к чему.

— Как хотите. А теперь — всем спать. Сейчас ровно полночь, и через восемь часов на вахту заступят следующие двое.

Через несколько минут все улеглись. Барбара легла на полу. Свет выключили, оставив только одну лампочку для дежурного. Хью расположился на одеялах и принялся сам с собой играть в солитер, причем довольно плохо.

Пол снова вздрогнул, послышался раздирающий уши рев. Карен вскрикнула.

Хью мгновенно вскочил. На сей раз удар был не очень силен, и он смог удержаться на ногах. Хью поспешил в женский отсек.

— Дочка! Где ты? — он пошарил по стене и нащупал выключатель.

— Я здесь, папа. Боже, как я испугалась! Я уже почти заснула, как вдруг *это*! Я чуть не свалилась на пол. Помоги мне спуститься.

Он поддержал ее, и она, спустившись, прижалась к нему и зарыдала.

— Ну-ну,— приговаривал он, ласково похлопывая ее по спине.— Ты же у меня смелая, не бойся, все будет хорошо.

— И вовсе я не смелая. Я все время боюсь без памяти. Просто я стараюсь не показывать этого.

— Карен... я тоже боюсь. Так давай не будем поддаваться страху, а? Выпей-ка еще таблетку. Можешь запить чем-нибудь покрепче.

— Хорошо. И то, и другое. Но мне в этом бункере не уснуть. Здесь слишком жарко и страшно, когда трясет.

— Ладно. Мы можем постелить тебе на полу, там попрохладнее. А где твое белье, девочка? Лучше надеть его.

— Оно там, наверху, на койке. Но мне это безразлично. Мне просто нужно, чтобы кто-нибудь был рядом. А впрочем, нет. Лучше я оденусь, а то Джозеф будет шокирован, когда проснется.

— Сейчас, подожди. Вот твои трусики. А куда же девался лифчик?

— Может быть, свалился на пол?

Хью пошарил внизу.

— Нет, и здесь нету.

— Ну и черт с ним! Джо может и отвернуться. Я хочу выпить.

— Хорошо. Джо настоящий джентльмен.

Дьюк и Барбара сидели на полу на одеяле. Оба выглядели очень неважно. Хью спросил:

— А где Джо? Он не ранен?

Дьюк усмехнулся.

— Хочешь посмотреть на «спящую невинность»? Вон там, на нижней койке.

Хью обнаружил своего заместителя лежащим на спине, громко храпящим и таким же нетранспортабельным, как Грейс Фарнхэм. «Если не ошибаюсь, доктор Ливингстон» свернулся калачиком у него на груди. Хью вернулся в первый отсек.

— На сей раз взрыв был гораздо более удален от нас. Я очень рад, что у Джо есть возможность выспаться.

— А по мне, так взрыв был чертовски близко. И когда только у них кончатся эти проклятые ракеты?

— Я думаю, скоро. Друзья, мы только что с Карен организовали клуб «Я тоже боюсь» и собираемся отпраздновать его учреждение небольшим возлиянием. Еще кандидаты в члены клуба есть?

— Я почетный член!

— И я тоже,— поддержала Барбара.

— Еще бы!

Хью извлек откуда-то бумажные стаканчики и бутылку шотландского виски, а также секонал и милтаун.

— Принесите кто-нибудь воды.

— Я не хочу, чтобы какая-то вода мешалась со столь благородным напитком.

— А я, пожалуй, разбавлю,— сказала Барбара.— Как все-таки жарко!

— Отец, какая у нас сейчас температура?

— Дьюк, в туалетной есть термометр. Будь добр, сходи и посмотри.

— Конечно. А можно мне потом тоже принять снотворное?

— Ради бога,— Хью дал Карен одну капсулу секонала и таблетку милтауна, посоветовав Барбаре тоже принять успокоительное. Затем он и сам принял милтаун, решив, что декседрин слишком возбудил его. Вернулся Дьюк.

— Сто четыре градуса,— объявил он.— Я еще немного отвернул вентиль. Правильно?

— Скоро нам придется отвернуть его еще больше. Вот твои таблетки, Дьюк,— двойная доза секонала и милтауна.

— Спасибо,— Дьюк проглотил лекарства и запил их виски.— Пожалуй, я тоже лягу на полу. Кажется, это самое прохладное место в доме.

— Логично. Ну хорошо, давайте ложиться. Дадим таблеткам возможность проявить себя.

Хью сидел с Карен до тех пор, пока она не уснула, затем осторожно убрал руку, которую она продолжала сжимать во сне, и вернулся на свой пост. Температура поднялась еще на два градуса. Он еще больше отвернул вентиль на баллоне с кислородом, но уловив прощальное шипение остатков газа, покачал головой, взял гаечный ключ и перешел к другому баллону. Перед тем как отворачивать вентиль, он присоединил к нему шланг, который тянулся в жилой отсек. Отвернув вентиль, он уселся на одеяло и опять начал притворяться, что раскладывает пасьянс.

Через несколько минут на пороге появилась Барбара.

— Что-то мне не спится,— сказала она.— Можно составить вам компанию?

— Вы плакали?

— А что, заметно? Прошу прощения.

— Садитесь. Хотите сыграть?

— Давайте сыграем. В общем-то, мне просто не хочется быть одной.

— А мы с вами поговорим. Выпьете еще?

— С удовольствием! А может быть, не стоит тратить виски понапрасну?

— У нас его очень много. Да к тому же, когда его и пить-то, если не в такую ночь? Помните одно: мы оба должны следить за тем, чтобы другой не уснул.

— Хорошо. Буду стараться не дать вам заснуть.

Они выпили, разбавив скотч водой из бака. Было так жарко, что им показалось, что виски выходит с потом быстрее, чем они успевают пить его. Хью еще немного увеличил количество кислорода и тут заметил, что потолок слишком горяч.

— Барбара, должно быть, над нами горит дом. Потому что над потолком слой бетона толщиной в тридцать дюймов да еще два фута почвы.

— Как вы думаете, какая температура там, снаружи?

— Трудно сказать. Вероятно, мы находимся недалеко от эпицентра взрыва,— он еще раз пощупал потолок.— Я сделал эту штуку более чем прочной: потолок, стены и пол представляют собой сплошную бетонную коробку, усиленную стальной арматурой. И правильно. У нас еще могут быть затруднения с дверями. Этот жар... да и от взрывной волны все могло перекосить.

— Так мы в ловушке? — тихо спросила она.

— Нет-нет. В полу этой комнаты есть люк, ведущий в туннель, защищенный бетоном. Он выходит в канаву за садом. В случае чего мы пробьемся. У нас есть ломы и домкрат. Даже если выход завален и покрыт вулканическим стеклом — это меня не тревожит. Меня тревожит другое: сколько мы еще продержимся здесь, внутри... И будет ли безопасно выйти наружу?

— А как с радиоактивностью?

Он поколебался.

— Барбара, какая вам разница? Вам что-нибудь известно о радиации?

— Конечно. В колледже я в основном занималась ботаникой. И в генетических экспериментах мне приходилось пользоваться изотопами. Хью, мне легче будет узнать самое худшее, чем пребывать в неведении,— из-за этого-то я и плакала.

— М-м-м... Положение гораздо хуже, чем я сказал Дьюку,— он указал большим пальцем через плечо.— Счетчик вон там, за бутылями. Сходите посмотрите.

Барбара отправилась к счетчику и некоторое время оставалась возле него. Вернувшись, она молча села.

— Ну, как? — спросил он.

— Можно я выпью еще немного?

— Конечно! — он налил ей виски и разбавил его.

Она глотнула и тихо сказала.

— Если радиация не начнет уменьшаться, то к утру дойдет до красной черты,— она нахмурилась.— Конечно, эта предельная цифра из перестраховки занижена. Если я правильно помню, тошнить нас начнет не раньше, чем на следующий день.

— Излучение скоро начнет спадать. Поэтому меня больше беспокоит жара,— он взглянул на термометр и еще немного приоткрыл вентиль.— Сейчас работает батарейный поглотитель. Не думаю, что нам стоит в такой жаре крутить ручной воздухоочиститель. Одним словом, о це-о-два начнем беспокоиться только тогда, когда станем задыхаться.

— Резонно.

— Давайте не будем больше говорить о подстерегающих нас опасностях. О чем бы вы хотели поговорить? Может быть, расскажите немного о себе?

— Да мне и рассказывать-то почти нечего, Хью. Пол женский, белая, двадцати пяти лет от роду. Учусь, вернее, училась в колледже, после неудачного замужества. Брат — военный летчик, так что, может быть, он уцелел. А родители мои живут в Акапулько — возможно, и они живы. Домашних животных, слава богу, нет. Я очень рада, что Джо спас своего кота. Я ни о чем не жалею, Хью, и ничего не боюсь. Только как-то тоскливо...— она тяжело вздохнула.— Все-таки это был очень хороший мир, даже несмотря на то что в нем я была несчастлива.

— Не плачьте.

— Я не плачу. Это не слезы. Это пот.

— О да. Конечно.

— В самом деле, просто невыносимо жарко,— она вдруг завела руку за спину.— Вы не против, если я сниму эту штуку, как Карен? Он буквально душит меня.

— Пожалуйста, дитя мое, если вам так будет легче, снимите. Я на своем веку насмотрелся на женщин, не говоря уже о Грейс. Так что вид обнаженного тела не шокирует меня,— он встал, подошел к счетчику радиации. Проверив его показания, он взглянул на термометр и еще больше отвернул вентиль на баллоне.

Вернувшись на свое место, Фарнхэм заметил:

— В принципе, я мог бы запасти вместо кислорода сжатый воздух. Тогда мы могли бы курить. Но я не думал, что кислород придется использовать для охлаждения,— он, казалось, совсем не обратил внимания на то, что она последовала его приглашению чувствовать себя как ей удобнее.— Наоборот, я беспокоился о том,

как обогреть убежище. Хотел придумать печь, в которой использовался бы зараженный воздух. Без какой-либо опасности для обитателей убежища, что вполне возможно, хотя и трудно.

— Я и так считаю, что вы все замечательно оборудовали. Я никогда не слышала об убежище с запасом воздуха. Ваше, вероятно, единственное. Вы настоящий ученый. Верно?

— Я-то? Боже, конечно, нет! Единственное, что я закончил,— это школу. А то немногое, что я знаю, я почерпнул за свою долгую жизнь. Кое-что во время службы на флоте, кое-что на заводе, кое-что из книг. Потом я некоторое время работал в одной строительной конторе и там узнал кое-что о строительстве и трубах. После этого я стал подрядчиком,— он улыбнулся.— Нет, Барбара, я просто нахватался всего понемногу. Ненасытное любопытство слоненка. Вроде нашего «Если не ошибаюсь, доктора Ливингстона».

— А почему у вашего кота такая странная кличка?

— Это все Карен. Она так прозвала его за то, что он большой исследователь. Сует свой нос абсолютно во все. Вы любите кошек?

— Даже не знаю. Но доктор Ливингстон — просто прелесть.

— Это верно. Мне вообще нравятся кошки. Ими нельзя владеть. Они — свободные граждане. Собаки, например, дружелюбны, веселы и верны. Но они — рабы. Это не их вина, их выводили по этому признаку. Рабство всегда вызывает во мне тошнотворное чувство, даже если это раболепие животных.

Он нахмурился.

— Барбара, я, наверное, не так огорчен тем, что произошло, как вы. Может быть, это даже хорошо для нас. Я имею в ввиду не нас шестерых. Я говорю о нашей стране.

— То есть как это? — искренне удивилась она.

— Ну... конечно, тяжело рассуждать на такую сложную и пространную тему, когда сидишь скорчившись в убежище и не знаешь, сколько еще удастся продержаться. Но... Барбара, на протяжении многих лет я обеспокоен судьбой нашей родины. На мой взгляд, наша нация стала превращаться в стадо рабов — а ведь я верю в свободу. Может быть, война все изменит... Возможно, это будет первая в истории человечества война, которая более губительна для глупцов, чем для умных и талантливых.

— Как же так?

— В войнах всегда гибла прежде всего самая лучшая часть нации — молодежь. На сей раз те ребята, которые служат в армии, находятся в большей безопасности, чем гражданское население. А из гражданских больше всего шансов уцелеть у тех, у кого хватило ума как следует приготовиться к войне. Конечно же, правил без исключения не бывает, но в основном, все именно так и будет. Людская порода улучшится. Когда все закончится, условия жизни будут суровы, но от этого людское племя только выиграет. Ведь уже на протяжении многих лет самый надежный способ выжить — быть совершенно никчемным и оставить после себя выводок столь же никчемных детей. Теперь все будет иначе.

Барбара задумчиво кивнула.

— Обычная генетика. Но, в принципе, это жестоко.

— Да, это жестоко. Но победить законы природы не удалось еще ни одному правительству, хотя многие из них пытались это сделать неоднократно.

Несмотря на жару, она поежилась.

— Наверное, вы правы. И все же я предпочла бы, чтобы осталось хоть какое-то государство, все равно, плохое или хорошее. А уничтожение худшей трети — это, конечно, с генетической точки зрения, оправдано, но вообще-то в смерти такого количества людей ничего хорошего нет.

— М-м-м... да. Я и сам боюсь об этом думать. Барбара, а я запас кислород не только для охлаждения и регенерации воздуха. Я предвидел и другие возможности его применения.

— Какие же?

— Все разговоры об ужасах третьей мировой войны крутились вокруг атомного оружия — радиоактивные осадки, стомегатонные бомбы, нейтронные бомбы. И болтовня насчет разоружения и демонстрации сторонников мира — все это было связано с бомбой, посвящено Бомбе, Бомбе, Бомбе — как будто убивает только атомное оружие! Эта война может оказаться не только атомной, но и атомно-химически-бактериологической,— он указал на баллоны:— Именно поэтому-то я и запасся сжатым кислородом. Фарнхэм предохраняет нас от поражения газами, аэрозо-

лями, вирусами. И еще бог знает чем. Они не станут уничтожать нашу страну полностью, если представится возможность лишить нас жизни без разрушения нашего достояния. Я ничуть не удивился бы, если бы узнал, что атомные удары были нанесены только по военным объектам вроде той противоракетной базы, что расположена неподалеку отсюда, а города вроде Нью-Йорка или Детройта получили просто по порции нервно-паралитического газа. Или по облаку бактерий чумы, которая за двадцать четыре часа дает смертельный исход в восьмидесяти случаях из ста. Подобных вариантов бесчисленное множество. Там, снаружи, воздух может быть наполнен смертью, которую не укажет ни один датчик и не задержит ни один фильтр,— он печально улыбнулся.— Простите меня. Наверное, вам все-таки лучше пойти и лечь.

— Мне так не хочется оставаться одной! Можно я еще посижу с вами?

— Конечно. Когда вы рядом, я чувствую себя значительно лучше, хотя приходится говорить о грустных вещах.

— Ваши речи куда менее грустны, чем мысли, которые приходят мне в голову, когда я остаюсь одна. Интересно, что же все-таки происходит снаружи? Жаль, что у вас нет перископа.

— Он есть.

— Как? Где?

— Вернее, был. Простите. Видите эту трубу над нами? Я пытался поднять его, но его, видимо, заклинило. Однако... Барби, я накинулся на Дьюка за то, что он хотел использовать запасное радио до конца нападения. А может, оно уже кончилось? Как вы думаете?

— Я? Откуда же я знаю?

— Вы знаете столько же, сколько и я. Первая ракета предназначалась для уничтожения противоракетной базы: в наших местах больше нет ничего достойного внимания. Если они наводят ракеты с орбитальных спутников, то вторая ракета была еще одной попыткой поразить ту же цель. По времени все совпадает: до нас от Камчатки примерно полчаса, а второй взрыв произошел минут через сорок пять после первого. Возможно, вторая ракета попала в яблочко — и это вам известно, потому что прошло уже

больше часа, а третьей ракеты нет. Сие должно означать, что с нами покончено. Логично?

— На мой взгляд, да.

— Это очень шаткие рассуждения. Не хватает данных. Может быть, обе ракеты не попали в базу, и теперь база сшибает на лету все, что они запускают. Может быть, у них кончились ракеты. Может быть, третью бомбу сбросят с самолета. Мы не знаем. Но я собираюсь это выяснить.

— Я бы с удовольствием послушала какие-нибудь новости.

— Попробуем. Если новости хорошие, мы разбудим остальных,— Хью порылся в углу и вытащил оттуда коробку. Распаковав ее, он извлек на свет божий радиоприемник.— Ни одной царапинки. Давайте попытаемся сначала без антенны.

— Ничего, кроме статистических разрядов,— через некоторое время констатировал он.— Это неудивительно. Хотя первый его собрат принимал местные станции и без наружной антенны. Подождите немного.

Вскоре он вернулся.

— Ничего. Видимо, можно считать, что наружной антенны больше нет. Ну что ж, попробуем аварийную.

Хью взял гаечный ключ, отвернул заглушку с трубы диаметром в дюйм, которая торчала в потолке, и поднес к открытому отверстию счетчик.

— Радиация немного сильнее,— он взял два стальных прута, каждый длиной метра по полтора. Одним из них Хью поводил по трубе вверх-вниз.— На всю длину не входит. Верхушка этой трубы находилась почти у самой поверхности земли. Вот беда,— он привинтил к первому пруту второй.— Теперь предстоит самое неприятное. Отойдите подальше, сверху может посыпаться земля — горячая и радиоактивная.

— Но ведь она попадет на вас.

— Разве что на руки. Я потом их очищу. А вы после этого проверите меня счетчиком Гейгера,— он постучал молотком по кончику прута. Тот продвинулся вверх еще дюймов на двадцать.— Что-то твердое, придется пробивать.

После долгих усилий Хью оба прута целиком скрылись в трубе.

— У меня было такое ощущение,— сказал он, очищая руки,— словно последний фут прута уже выходил на открытый воздух. По идее, антенна должна торчать из земли футов на пять. Я полагаю, что над нами развалины. Остатки дома. Ну что ж, обследуете меня счетчиком?

— Вы говорите это так спокойно, будто спрашиваете: «Осталось у нас молоко со вчерашнего вечера?»

Он пожал плечами.

— Барби, дитя мое, когда я пошел в армию, у меня не было за душой ни гроша. Несколько раз за свою жизнь я разорялся. Так что я не собираюсь убиваться по поводу крыши и четырех стен. Ну как, есть что-нибудь?

— На вас ничего нет.

— Проверьте еще пол под трубой.

На полу оказались «горячие» пятна. Хью вытер их влажным клинексом и выбросил его в специальное ведро. После этого Барбара провела раструбом счетчика по его рукам и еще раз по полу.

— Очистка обошлась нам примерно в галлон воды. Лучше бы теперь этому радио работать нормально,— он подсоединил антенну к приемнику.

Через десять минут они убедились, что эфир пуст. Шумы — статические разряды — на всех диапазонах, но никаких сигналов.

Хью вздохнул.

— Это меня не удивляет. Я, правда, точно не знаю, что ионизация делает с радиоволнами, но сейчас над нашими головами, скорее всего, самый настоящий шабаш радиоактивных изотопов. Я надеялся, что нам удастся поймать Солт-Лейк-Сити.

— А разве не Денвер?

— Нет. В Денвере расположена база межконтинентальных баллистических ракет. Оставлю, пожалуй, приемник включенным: может быть, что-нибудь поймаем.

— Но ведь тогда батареи быстро разрядятся.

— Не так уж быстро. Давайте сядем и почитаем вслух какие-нибудь стишки,— он взглянул на счетчик радиации, мягко присвистнул, затем проверил температуру.— Облегчу-ка я еще немного

участь наших спящих красавцев, страдающих от жары. Кстати, а как вы переносите жару, Барбара?

— Честно говоря, я просто перестала о ней думать. Истекаю потом, и только.

— Как и я.

— Во всяком случае, не надо тратить кислород ради меня. Сколько еще баллонов осталось?

— Не так уж много.

— Сколько?

— Меньше половины. Не мучайтесь из-за этого. Давайте поспорим на пятьсот тысяч долларов (теперь это все равно что пятьдесят центов), что вам не прочитать ни одного лимерика, которого бы я не знал.

— Приличного или нет?

— А разве бывают приличные лимерики?

— О'кей. «Веселый парнишка по имени Скотт...»

Вечер шуточных стихотворений провалился. Хью обвинил Барбару в том, что она слишком чиста и невинна, на что та ответила:

— Это не совсем так, Хью. Просто голова не работает.

— И я сегодня что-то не в ударе. Может быть, еще по глоточку?

— Пожалуй. *Только обязательно с водой. Я так потею, что,* кажется, совершенно иссохла. Хью...

— Да, Барби?

— Мы ведь, скорее всего, погибнем, правда?

— Да.

— Я так и думала. Наверное, еще до рассвета?

— Нет! Я уверен, что мы протянем до полудня. Если захотим, конечно.

— Понятно. Хью, вам не трудно было бы меня обнять? Прижмите меня к себе. Или вам слишком жарко и так?

— Когда мне покажется слишком жарко для того, чтобы обнять девушку, я буду знать, что я мертв и нахожусь в аду.

— Спасибо.

— Так удобно?

— Очень.

— Какая вы маленькая.

— Я вешу сто тридцать два фунта, а рост у меня пять футов и восемь дюймов. Так что не такая уж я миниатюрная.

— Все равно вы маленькая. Оставьте виски. Поднимите голову.

— М-м-м... Еще. Прошу вас, еще!

— Да вы алчная девчонка.

— Очень алчная. Спасибо, Хью.

— Какие хорошенькие...

— Они — лучшее, что у меня есть. Лицо-то у меня ничего особенного собой не представляет. Но у Карен они красивее.

— Это кому как.

— Ну что ж, *не буду спорить. Приляг, дорогой. Дорогой Хью...*

— Так хорошо?

— Очень! Удивительно хорошо. И поцелуй меня еще раз. Пожалуйста!

— Барбара, Барбара!

— Хью, милый! Я люблю тебя. О!..

— Я люблю тебя, Барбара...

— Да, да! О, прошу тебя! Сейчас!

— *Конечно, сейчас!*

— Тебе хорошо, Барби?

— Как никогда! Никогда в жизни я не была так счастлива.

— Хорошо, если бы это было правдой.

— Это правда. Хью, дорогой, сейчас я совершенно счастлива и больше ни капельки не боюсь. Мне так хорошо, что я перестала чувствовать жару.

— С меня, наверное, на тебя капает пот?

— *Какая разница! Две капельки сейчас висят у тебя на подбородке,* а третья — на кончике носа. А я так вспотела, что волосы совершенно слиплись. Но все это не имеет значения. Хью, дорогой мой, это то, чего я хотела. Тебя. Теперь я готова умереть.

— Зато я не хочу, чтобы мы умирали.

— Прости.

— Нет-нет! Барби, милая, еще недавно мне казалось, что в смерти нет ничего плохого. Теперь я чувствую, что мне с удесятеренной силой захотелось жить. Жизнь снова обрела смысл для меня.

— О, наверное, я думаю так же.

— Барбара! Мы постараемся не погибать, если это только в наших силах. Давай сядем?

— Как хочешь... Только если ты снова обнимешь меня.

— Еще как! Но сначала я хочу налить нам обоим по порции виски. Я снова жажду. И совершенно выбился из сил.

— Я тоже. У тебя так сильно бьется сердце!

— Ничего удивительного. Барби, девочка моя, а знаешь ли ты, что я почти вдвое старше тебя? Что я достаточно стар, чтобы быть твоим отцом?

— Да, папочка.

— Ах ты, маленькая плутовка! Только попробуй еще сказать так, и я выпью все оставшееся виски.

— Больше не буду, Хью. Мой любимый Хью. Только ведь мы с тобой ровесники... потому что умрем в один и тот же час.

— Перестань говорить о смерти. Я хочу попытаться найти какой-нибудь выход из положения.

— Если только он есть, ты обязательно найдешь его. Я не испытываю страха перед смертью. Я уже смотрела ей в лицо и больше не боюсь. Не боюсь умереть и не боюсь жить. Но... Хью, я хочу просить тебя об одной милости.

— Какой?

— Когда ты будешь давать смертельную дозу снотворного остальным... не давай ее мне, пожалуйста.

— Э-э-э... но это может быть необходимо.

— Я не то имела в виду. Я приму таблетки, только не вместе с остальными. Я хочу принять яд после тебя.

— М-м-м... Барби, сам я не собираюсь их принимать.

— Тогда, пожалуйста, не заставляй и меня.

— Хорошо-хорошо. А теперь помолчим. Поцелуй меня.

— Да, милый.

— Какие у тебя длинные ноги, Барби. И сильные к тому же.

— Зато ступни...

— Перестань набиваться на комплименты. Мне очень нравятся твои ступни. Без них ты бы выглядела какой-то незаконченной.

— Фу, как не стыдно! Хью, а знаешь, чего мне хочется?

— Еще раз?

— Нет-нет. А впрочем, да. Только не сию секунду.

— Так чего же? Спать? Ложись и спи, дорогая. Я и один вполне справлюсь.

— Нет, не спать. Кажется, мне больше никогда в жизни не захочется заснуть. Никогда. Так жаль было бы истратить на какой-то сон даже одну из тех немногих минуток, что нам остались. Нет, у меня другое желание: я с удовольствием сыграла бы в бридж — в качестве твоего партнера.

— Ну... в принципе, мы можем разбудить Джо. Остальных нельзя — три грана секонала не располагает к карточной игре. Но мы могли бы сыграть и втроем.

— Нет-нет. Мне не нужно сейчас ничьего общества, кроме твоего. Мне так нравилось играть с тобой на пару.

— Ты замечательный партнер, дорогая. Самый лучший на свете.

— Ну, конечно, не «самый лучший». Ты играешь классом повыше. Я бы хотела побыть подле тебя много-много лет, чтобы научиться играть так же, как ты. И еще я бы хотела, чтобы тот налет случился минут на десять позже. Тогда ты успел бы сыграть большой шлем.

— В этом не было никакой необходимости. Когда ты объявила, я понял, что можно сразу класть карты.— Он сжал ее плечи.— Три больших шлема за один вечер!

— Три?

— А что, по-твоему, водородная бомба — не второй большой шлем?

— О! А вторая бомба — третий?

— Вторая бомба не в счет, она упала слишком далеко. Если ты не понимаешь, о чем я говорю, то я вообще отказываюсь объяснять что-либо.

— Ах вот оно что! В таком случае можно попробовать сыграть и четвертый. Правда, я теперь не смогу вынудить тебя сходить первым. Мой лифчик куда-то делся, и...

— Так, значит, ты нарочно сделала это?

— Конечно. Теперь твоя очередь ходить. А я попробую ответить.

— Э, только не так быстро. Три больших шлема — это максимум, на что я способен. Разве что один маленький шлем... да и то, если я приму еще одну таблетку декседрина. Но четыре больших шлема — это выше моих сил. Ты же знаешь, что я не в том возрасте.

— Посмотрим. Мне все-таки кажется, что у нас получится и четвертый большой.

И в этот миг их накрыло самым большим из шлемов.

Глава третья

Погас свет. Грейс Фарнхэм вскрикнула. Доктор Ливингстон зашипел, Барбару швырнуло на баллон с кислородом, да так, что она в темноте потеряла всякую ориентацию.

Оправившись немного, она пошарила возле себя руками, нащупала ногу. Затем нащупала Хью, являющегося продолжением этой ноги. Он не шевелился. Барбара попыталась прослушать его сердце, но не смогла. Она закричала:

— Эй! Эй! Кто-нибудь!

Отозвался Дьюк:

— Барбара?

— Да, да!

— Вы в порядке?

— Я-то в порядке, да с Хью плохо!

— Спокойно. Сейчас я попытаюсь зажечь спичку — если, конечно, мне удастся перевернуться с головы на ноги. Я стою вверх ногами.

— Хьюберт! Хьюберт!

— Да, мамочка. Подожди.

Грейс продолжала причитать. Дьюк, как мог, пытался успокоить ее, одновременно проклиная темноту. Барбара немного освоилась со своим положением, попыталась слезть с груды баллонов, ударилась обо что-то подбородком и наконец ощутила под собой ровную поверхность. Поверхность была наклонной.

— Наконец-то! — воскликнул Дьюк.

Спичка вспыхнула ослепительно ярко, так как воздух был перенасыщен кислородом.

Прозвучал голос Джо:

— Лучше ее погасить. А то может случиться пожар.

Тьму прорезал луч фонарика. Барбара позвала:

— Джо! Помоги мне с Хью!

— Сейчас. Только сначала попробую наладить свет.

— Может быть, он умирает.

— Все равно без света ничего не сделаешь.

Барбара снова попыталась найти у Хью пульс, наконец услышала слабое сердцебиение и, всхлипывая, обхватила его голову.

В мужском отсеке вспыхнул свет. Барбара получила возможность оглядеться. Пол убежища теперь накренился под углом градусов в тридцать. Она, Хью, стальные баллоны, бак с водой и все остальное громоздилось бесформенной кучей в нижнем углу. Бак дал течь, и вода залила весь туалет. Если бы пол наклонился в другую сторону, они с Хью были бы похоронены под кучей баллонов и затоплены водой.

Через несколько минут до нее добрались Джо с Дьюком, с трудом преодолев перекосившуюся дверь. В руке у Джо была переносная лампа. Дьюк спросил у Джо:

— Как же мы его понесем?

— Его нельзя трогать. Вдруг поврежден позвоночник!

— Все равно нужно его отсюда унести.

— Никуда мы его не понесем,— твердо сказал Джо.— Барбара, вы передвигали его?

— Только положила его голову к себе на колени.

— В таком случае больше его не шевелите,— Джо принялся осматривать своего пациента.— Больших повреждений как будто нет,— наконец решил он.— Барбара, если можете, посидите в том же положении до тех пор, пока Хью не придет в себя. После этого я смогу проверить его глазные яблоки, чтобы определить, сильно ли он контужен, как у него с координацией движений и все такое прочее.

— Конечно, я посижу. Еще кто-нибудь пострадал?

— Ничего заслуживающего внимания,— уверил ее Дьюк.— Джо считает, что сломал пару ребер. Я немного повредил плечо.

Мать просто откатилась к стене. Сестрица сейчас ее успокаивает. Она тоже в полном порядке, если не считать синяка на голове. На нее свалилась консервная банка. А вы сами-то как?

— Только ушибы. Мы с Хью как раз раскладывали двойной пасьянс и пытались не растаять от жары, когда нас накрыло.— Она попыталась представить, как долго сможет продолжаться эта ложь. Но Дьюк, кажется, ничего не подозревал. Джо был в одних трусах.

Барбара спросила:

— Как кот? С ним ничего не случилось?

— Если не ошибаюсь, доктор Ливингстон,— серьезно ответил Джо,— избежал повреждений. Но он очень расстроен тем, что его тазик с песком перевернулся. Так что в настоящее время он чистится и проклинает все на свете.

— Я рада, что он не пострадал.

— Вы ничего необычного в этом взрыве не заметили?

— Чего именно, Джо? Мне только показалось, что он был самым сильным из всех. Намного сильнее предыдущих.

— Да. Но не было никакого грохота. Просто один мощнейший удар, а потом... ничего.

— И что это значит?

— Не знаю. Барбара, вы можете еще немного посидеть здесь не шевелясь? Я хочу попытаться восстановить освещение и определить ущерб. Заодно посмотрю, что можно привести в божеский вид.

— Я буду сидеть как каменная.

Ей показалось, что Хью задышал спокойнее. Тогда она решила, что ей больше не от чего быть несчастной. К ней пробиралась Карен с фонариком, осторожно продвигаясь по наклонному полу.

— Как отец?

— По-прежнему.

— Скорее всего, ушиб голову, как и я. А ты как? — она фонариком осветила Барбару.

— Нормально.

— Слава богу! Я рада, что ты тоже в чем мать родила. Никак не могла найти свои трусики. Джо так старается не смотреть в

мою сторону, что на него просто больно глядеть. Какой-то он все-таки чересчур правильный и добропорядочный.

— Я совершенно не представляю, где моя одежда.

— Одним словом, единственный обладатель трусов среди нас — это Джо. А что с тобой случилось? Ты спала?

— Нет. Я была здесь. Мы разговаривали.

— Хм... Обвинение утверждает обратное. Не волнуйся, я никому не открою твою страшную тайну. Мама ничего не узнает — я сделала ей еще один укол.

— А тебе не кажется, что твои выводы слишком поспешны?

— Делать выводы — мое любимое развлечение. Я уверена, что мои непристойные предположения верны. Очень жаль, что я спала ночью. Тем более что эта ночь у нас скорее всего последняя,— она придвинулась к Барбаре и чмокнула ее.— Я тебя очень люблю.

— Спасибо, Карен. Я тоже люблю тебя.

— Прекрасно. Тогда давай не будем хоронить себя заживо, а порадуемся лучше тому, какими мы оказались отважными ребятами. Ты осчастливила отца тем, что дала ему возможность разыграть шлем. И если ты смогла сделать его еще счастливее, то я этому только рада,— она выпрямилась.— Ну ладно, пойду разбирать припасы. Если папочка очнется — позови,— она вышла.

— Барбара!

— Да, Хью! Да!

— Не так громко. Я слышал, что говорила моя дочь.

— Слышал?

— Да. Она джентльмен по натуре. Барбара, я люблю тебя. Может быть, мне не представится другой возможности сказать тебе это.

— Я тоже люблю тебя.

— Милая!

— Позвать остальных?

— Подожди немного. Тебе так удобно?

— Очень!

— Тогда позволь мне немного отдохнуть. А то я совсем ошалел.

— Отдыхай сколько хочешь. Кстати, попробуй пошевелить пальцами ног. У тебя что-нибудь болит?

— О, болит-то у меня много чего, но, к счастью, не слишком сильно. Подожди-ка... Да, вроде все мои конечности в порядке. Теперь можешь звать Джо.

— *Особенно спешить некуда.*

— Лучше все-таки позовем его. Кое-что нужно сделать.

Вскоре мистер Фарнхэм полностью пришел в себя. Джо потребовал, чтобы он продемонстрировал ему свою невредимость. Оказалось, что и в самом деле, кроме большого количества синяков, мистер Фарнхэм во время взрыва не получил ничего более серьезного: ни переломов, ни сотрясения мозга. Барбара про себя пришла к заключению, что Хью приземлился на кучу баллонов, а она упала на него сверху. Обсуждать это предположение она ни с кем не стала.

Первое, что сделал Хью,— это перетянул ребра Джо эластичным бинтом. Во время процедуры тот то и дело вскрикивал, но после перевязки ему стало явно удобнее. Затем был произведен осмотр головы Карен. Хью решил, что здесь он бессилен.

— Пусть кто-нибудь посмотрит на термометр,— попросил он.— Дьюк?

— Термометр разбит.

— Не может этого быть! Ведь он целиком сделан из металла. Ударопрочная вещь.

— Я уже смотрел на него,— объяснил Дьюк,— пока ты тут эскулапствовал. Кажется, стало прохладнее. Возможно, термометр и ударопрочный, но два баллона раздавили его, как яйцо.

— Ах вот оно что! Ну да ладно, невелика потеря.

— Отец, может быть, хоть теперь испробовать запасное радио? Учти, я просто предлагаю.

— Понятно. Жаль тебя огорчать, Дьюк, но оно, скорее всего, тоже разбито. Мы уже пытались включить его. Ни ответа ни привета,— он взглянул на часы.— Полтора часа назад. В два часа. Еще у кого-нибудь есть часы?

Часы Дьюка показывали то же самое время.

— С нами, кажется, все в порядке,— заключил Хью,— если не считать запаса воды. Есть несколько пластиковых бутылей, но воду из бака надо попробовать спасти. Будем обеззараживать ее

таблетками. Джо, нам понадобится какая-нибудь посуда, и пусть все вычерпывают воду с пола. Постарайтесь, чтобы она была почище.— Затем он добавил:— Карен, когда освободишься, приготовь что-нибудь на завтрак. Пусть это даже Армагеддон, но есть все равно необходимо.

— Даже если это Армагеддон и Армагеддону не нравится, что его будут есть,— подпустила шпильку Карен.

Отец недовольно повел плечами.

— Девочка моя, придется тебе на доске тысячу раз написать: «Я больше никогда не буду неостроумно шутить перед завтраком».

— А по-моему, остроумно, Хью.

— Не надо поддерживать ее, Барбара. Хватит, беритесь за дело.

Карен ушла, но вскоре вернулась, неся Доктора Ливингстона.

— От меня там мало толку,— сообщила она.— Мне все время приходится держать проклятого кота. Он так и рвется помогать.

— Мя-я-а-у!

— Тихо! Придется, видно, дать ему рыбки и только тогда приняться за приготовление завтрака. Чего изволите, босс Папа Хью? Креп-сюзе?

— С удовольствием.

— Единственное, на что вы можете рассчитывать,— это джем и крекеры.

— Ну и прекрасно. Как идет вычерпывание?

— Папочка, я отказываюсь пить эту воду, даже после обеззараживания,— она состроила гримасу.— Ты же сам знаешь, что это такое!

— Вполне возможно, что больше пить будет нечего.

— Разве что разбавить ее виски...

— М-м-м... из всех ящиков со спиртным течет. Я открыл два из них, и в них было всего по одной неразбитой бутылке.

— *Папа, не порти настроение перед завтраком.*

— Вопрос в том, надо ли делить виски на всех поровну. Может, лучше приберечь его для Грейс?

— О! — лицо Карен исказилось в гримасе мучительного раздумья.— Пусть она получает мою долю. Но остальных обделять только потому, что у бедняжки Грейс такой каприз, не следует.

— Карен, в нашем положении грешно издеваться над матерью. Ведь ты прекрасно знаешь, что для нее это в какой-то мере лекарство.

— О да! Конечно! А для меня лучшее лекарство — бриллиантовые браслеты и собольи шубы.

— Доченька, не стоит осуждать ее. В этом, наверное, и моя вина. Так, например, считает Дьюк. Когда ты будешь в моем возрасте, ты научишься принимать людей такими, какие они есть.

— Погоди, я пробую завтрак. Ну вот... Вполне вероятно, я несправедлива к ней. Но я устала оттого, что всякий раз, когда я привожу домой своих приятелей, мамуля обязательно отключается уже к обеду. Или пытается облапить их на кухне и поцеловать.

— Неужели такое бывало?

— А ты что, не замечал? Впрочем, ты в это время почти никогда не бывал дома. Прости.

— Ты тоже прости меня. Но только за то, что я высказал в твой адрес. Мы оба погорячились. А в остальном, как я уже сказал, когда ты доживешь до моих лет...

— Папа, я вряд ли доживу до твоих лет — и ты прекрасно понимаешь это. И если у нас осталось всего две бутылки виски, этого, возможно, вполне хватит. И почему бы просто не налить всем желающим?

Он помрачнел.

— Карен, я вовсе не собираюсь сложа руки ждать смерти. Действительно, стало немного прохладнее. Мы еще можем выкарабкаться.

— Что ж... тебе виднее. Кстати, о лекарствах: не запасся ли ты при строительстве этого монстра некоторым количеством антабуса?

— Карен, антабус не отбивает желания выпить. Просто, если человек, принявший таблетку, выпьет, он почувствует себя очень скверно. Если твое мнение о нашей дальнейшей печальной судьбе верно, то стоит ли омрачать Грейс последние часы жизни? Ведь я не судья ей, я ее супруг.

Карен вздохнула.

— Папочка, у тебя есть одна отвратительная черта: ты всегда прав. Ладно, так и быть, пусть пользуется моей долей.

— Я просто хотел знать твое мнение. И ты в некотором роде помогла принять мне решение.

— И что же ты решил?

— Это не твое дело, заинька. Займись приготовлением завтрака.

— Так и хочется плеснуть тебе в тарелку керосина. Ладно, поцелуй меня, папа.

Он чмокнул ее в щеку.

— А теперь поостынь и принимайся за дело.

В конце концов все бодрствующие собрались к завтраку. Сидеть им пришлось на полу, так как стулья упрямо не хотели стоять. Миссис Фарнхэм находилась в почти летаргическом забытьи от сильной дозы успокоительного. Остальные обитатели убежища по-братски разделили между собой консервированное мясо, крекеры, холодный растворимый кофе и банку персикового компота. Согревало завтрак лишь теплое чувство товарищества. На сей раз все были одеты. Мужчины натянули шорты, Карен надела шорты и бюстгальтер. Барбара облачилась в просторное платье гавайского типа, позаимствованное у подруги. Ее собственное белье насквозь промокло, а воздух в убежище был слишком влажен, чтобы высушить что-либо.

— Теперь мы должны кое-что обсудить,— возвестил Хью.— Желающие могут вносить предложения,— он взглянул на сына.

— Отец... то есть Хью, я хотел сказать вот о чем. Здорово пострадала уборная. Я немного привел ее в порядок и соорудил какой-никакой насест из дощечек от упаковки баллонов. Хочу предупредить...— он повернулся к сестре,— вам, женщины, нужно быть особенно осторожными. Насестик довольно шаткий.

— Это ты будь поосторожнее. Тебя самого с большим трудом научили пользоваться туалетом. Папа свидетель.

— Помолчи, Карен. Молодец, Дьюк. Нас здесь шестеро. Боюсь, придется заняться уборной дополнительно. Как, Джо, верно я говорю?

— Да, конечно, но...

— Что «но»?

— Вам известно, сколько осталось кислорода?

— Да. Наверное, скоро придется перейти на воздушный насос и фильтр. У нас уже нет действующего счетчика радиоактивности, поэтому мы не узнаем, насколько заражен воздух, которым мы дышим, тем не менее дышать нам необходимо.

— А вы проверяли насос?

— С виду он совершенно невредим.

— Это не так. Боюсь, отремонтировать его мне будет не под силу.

Мистер Фарнхэм вздохнул.

— Видно, все-таки нужно было приобрести второй, с рассрочкой на шесть месяцев. Ладно, потом посмотрю, что там можно сделать. Дьюк, ты тоже подключайся, вдруг сможешь чем-нибудь помочь.

— О'кей.

— Положим, мы не сумеем починить насос. В таком случае будем использовать оставшийся кислород как можно более экономно. Когда он кончится, еще некоторое время мы сможем дышать тем воздухом, который будет в убежище. Но в конце концов наступит время, когда нам придется открыть дверь.

Все молчали.

— Ну, улыбнитесь же кто-нибудь! — воскликнул Хью, потом продолжил:— С нами еще не покончено. Дверь мы затянем фильтром, сделанным из простыней,— это все же лучше, чем ничего, он будет задерживать радиоактивную пыль. У нас есть еще один радиоприемник. Барбара, помнишь, ты приняла его за слуховой аппарат. Я хорошенько завернул его и убрал подальше, он невредим. Я выберусь наружу, установлю антенну, и мы сможем слушать его здесь. Может быть, это спасет нам жизнь. Над убежищем мы поставим шест и поднимем флаг — любую тряпку. Нет, лучше поднять американский флаг — у меня один припасен. В этом случае, если даже мы и не выживем, то пойдем на дно с высоко поднятым флагом.

Карен принялась аплодировать.

— Карен, перестань паясничать.

— Я вовсе не паясничаю, папа! Я плачу.

Багрянец ракет возвещает войну,
Бомбы с ревом рвут тишину.
Но повторяю еще раз, друзья:
Нашему флагу падать нельзя!

Голос ее прервался, и она закрыла лицо ладонями. Барбара обняла ее за плечи.

Хью Фарнхэм между тем продолжал как ни в чем не бывало:

— Ко дну мы не пойдем. Очень скоро наш район наверняка начнут обследовать с целью поиска уцелевших. Они заметят флаг и заберут нас отсюда — возможно, на вертолете. Поэтому наша задача — держаться до тех пор, пока не подоспеет помощь,— задумавшись, он на мгновение смолк.— Никакой ненужной работы, минимум физических усилий. Каждый должен принимать снотворное и, по возможности, спать двенадцать часов в сутки. Остальное время лежать неподвижно. Так мы сможем протянуть дольше всего. Единственное, что требуется сделать,— это отремонтировать насос, а если не сможем, то наплевать и на него. Смотрим дальше: вода должна быть строго нормирована. Дьюк, назначаю тебя старшим хранителем воды. Определи, сколько ее у нас в распоряжении, годится ли она для питья, и разработай график выдачи с таким расчетом, чтобы хватило на возможно более продолжительное время. Где-то в аптечке есть дозировочный стаканчик — воду дели с его помощью. Ну вот, кажется, и все: починить насос, минимум усилий, максимум сна, нормирование воды. Ах да! Пот — это тоже нерациональная трата воды. Здесь все еще жарко, и ваш балахон, Барбара, насквозь промок от пота. Снимите его.

— Можно выйти?

— Разумеется.

Она прошла, осторожно ступая по наклонному полу, в подсобное помещение и переоделась в свой мокрый купальник.

— Вот так-то лучше,— одобрил он.— Теперь...

— Хьюберт! Хьюберт! Где ты? Воды!

— Дьюк, выдай ей одну унцию. Только тщательно отмерь.

— Да, сэр.

— И не забудь, что кот тоже имеет право на свою порцию.

— Может быть, для него сойдет и грязная вода?

— Хм... Честность по отношению к нашему другу вряд ли особенно повредит нам. Зато мы будем знать, что остались честными до конца.

— Но он уже пил ее.

— Э-э-э... Впрочем, ты распоряжаешься водой, тебе и решать. Кто еще хочет высказаться? Джо, тебя устраивает такой план?

— Видите ли... Нет, сэр.

— Вот как?

— Конечно, то, что минимум усилий сохранит нам много кислорода,— верно. Но когда придется открывать дверь, у нас может не хватить на это сил.

— Положимся на удачу.

— А вправе ли мы полагаться только на нее? С недостатком воздуха, задыхаясь, мучимые жаждой, может, больные — я бы хотел иметь уверенность, что любой из нас — ну, скажем, Карен со сломанной рукой сможет открыть эту дверь.

— Понимаю.

— Мне кажется, необходимо сначала опробовать все три двери. Бронированную лучше вообще не запирать. У девушек не хватит сил совладать с ней. Внешней дверью я готов сам заняться.

— Извини, но это моя привилегия. С остальным я согласен. Именно поэтому и предложил высказываться. Я устал, Джо, в голове все мешается.

— А что если двери вышли из строя? Вдруг внешнюю дверь заклинило?

— На этот случай у нас есть домкрат.

— Если двери не откроются, мы должны убедиться в сохранности аварийного туннеля. Лично мне плечо Дьюка внушает опасения. Да и у меня самого ноют ребра. Сегодня я еще в состоянии работать. Завтра мы с Дьюком уже будем лежать пластом и боль будет раза в два сильнее. Между тем люк завален металлическими баллонами, а проход — всяким хламом. Расчистка потребуется основательная. Босс, говорю вам, нам нужна уверенность в том,

что сможем выбраться наверняка — и побеспокоиться об этом необходимо именно сейчас, пока мы сохранили силы.

— Ненавижу посылать людей на тяжелые работы. Но ты сам вынудил меня к этому,— Хью встал, подавляя стон.— Давайте займемся делом.

— У меня есть еще одно предложение.

— Вот как?

— Да. Вам следует отдохнуть и выспаться. Толком вы за это время так и не отдыхали, а помяло вас довольно здорово.

— Как раз со мной все в порядке. У Дьюка повреждено плечо, у тебя сломаны ребра, а сделать предстоит еще очень много.

— Думаю, лучше всего оттащить эти баллоны с помощью блока и тросов. Барбара может помочь. Хоть она и женщина, но силой ее бог не обидел.

— Конечно,— согласилась Барбара.— К тому же я выше Джо. Прошу прощения, Джо.

— Не стоит. Босс... Хью, мне не хотелось бы еще раз упоминать об этом, но я считаю, что отдохнуть вам просто необходимо. То, что вы устали,— несомненно. Ведь вы на ногах уже сутки. И, с вашего позволения, я уверен: вы успешно справитесь со всеми подстерегающими нас опасностями, если как следует отдохнете.

— Он прав, Хью.

— Барбара, но и вы тоже глаз не сомкнули.

— Но мне не требуется принимать решений. В принципе, я могу прилечь, а Джо позовет меня, когда будет нужно. О'кей, Джо?

— Отлично, Барбара!

Хью улыбнулся.

— Объединяетесь против меня? Ладно, так и быть, пойду вздремну.

Через несколько минут Хью уже лежал в мужской спальне. Он закрыл глаза, и сон охватил его раньше, чем он успел о чем-нибудь подумать.

Дьюк и Джо обнаружили, что пять замков на внутренней двери заклинило.

— Пусть так и остаются,— решил Джо.— Мы всегда можем выбить их кувалдой. Давай пока поднимем бронированную дверь.

Бронированная дверь, располагавшаяся за запирающейся, была рассчитана на то, чтобы выдержать взрыв большой мощности. Она открывалась и запиралась с помощью рычажного устройства.

Джо не удалось даже стронуть ее с места. Дьюк, который был тяжелее на сорок фунтов, тоже ничего не смог сделать. Тогда они навалились на ручку вдвоем.

— Ни с места.

— Ага.

— Джо, как насчет того, чтобы попробовать молотком?

Молодой негр нахмурился.

— Дьюк, я бы предпочел, чтобы твой отец сам сделал это. Ведь мы можем сломать ручку и обломать зубцы на шестеренке.

— Вся беда в том, что мы пытаемся приподнять с помощью этой ручки дверь весом в тонну или около того, а рассчитано это хозяйство на то, чтобы двигать ее горизонтально.

— Эта дверь всегда была довольно тугой.

— Так что же нам делать?

— Может, попробуем аварийный выход?

Они присоединили к крюку в потолке трос и блок. С их помощью гигантские баллоны были аккуратно расставлены по своим местам. Барбара и Карен тянули конец троса, а мужчины передвигали баллоны, устанавливая их на место. Когда середина помещения была освобождена, стал возможен доступ к люку, ведущему в аварийный туннель. Крышка люка была очень тяжелой. Чтобы поднять ее, тоже пришлось использовать блок и трос.

Крышка со скрипом подалась и вдруг отвалилась вбок, так как пол был наклонным. Падая, она успела ободрать голень Дьюку и чуть не ушибла Джо. Дьюк выругался.

Оказалось, в туннеле тоже хранились кое-какие припасы. Карен, так как была миниатюрнее всех, подавала их наверх, а Барбара укладывала рядом с отверстием люка.

Вдруг Карен крикнула:

— Эй! Владыка воды! Здесь есть вода в банках.

— Замечательно!

Джо сказал:

— Совсем забыл. Ведь сюда не заглядывали с тех пор, как убежище было оборудовано и снабжено припасами.

— Джо, а что делать с распорками?

— Я сам займусь ими. Ты только вытащи припасы. Дьюк, туннель не защищен броней, как двери. Распорки удерживают на месте металлический щит, на нем расположены припасы, а потом идет крышка люка, которую мы только что сняли. В самом туннеле, с интервалом в три метра,— перегородки из мешков с песком, а выход защищен слоем грунта. Твой отец считал, что должно было получиться что-то вроде кессона, преграждающего путь взрывной волне.

— Боюсь, что мешки завалили крышку.

— В таком случае придется прокапываться сквозь песок.

— А почему нельзя было использовать настоящую броню?

— Он считал, что так безопаснее. Ты же видел, что произошло с дверью. Не хотел бы я пробиваться сквозь стальную преграду в этой узенькой норе.

— Тогда все ясно, Джо. Напрасно я, видно, назвал ямой это мудро задуманное сооружение.

— Да, это верно. Можно назвать наше убежище машиной — машиной для выживания.

— Больше ничего нет,— возвестила Карен.— Не желают ли джентльмены помочь мне вылезти отсюда?

— А может, лучше положить крышку на место, оставив тебя внизу? — Дьюк помог сестре выбраться из лаза.

Джо спустился вниз, морщась от боли в груди. Доктор Ливингстон, внимательно наблюдавший за происходящим, спрыгнул в люк вслед за своим товарищем, использовав его плечи в качестве посадочной площадки.

— Дьюк, будь добр, передай мне молоток... Не мешай, Док. Нечего тут распускать хвост.

— Забрать его? — спросила Карен.

— Не нужно. Он обожает находиться в гуще событий. Пусть кто-нибудь посветит мне.

Распорки вскоре были извлечены и ровно уложены рядом с люком.

— Дьюк, мне опять понадобится лебедка. Я не хочу совсем убирать крышку. Мы просто натянем трос так, чтобы он принял на себя всю тяжесть, и тогда я смогу немного отодвинуть ее и посмотреть, как там дальше.

— Вот конец троса.

— Отлично. Док! Чтоб тебя... Док! Не путайся под ногами! Дьюк, дай постоянное напряжение. Пусть мне кто-нибудь посветит. Я отодвину крышку и выгляну.

— И получишь порцию радиоактивных изотопов в лицо.

— Придется рискнуть. Еще немного... Она подается... высвободилась!

Потом Джо замолк. Дьюк спросил:

— Ну, что ты там видишь?

— Я что-то не уверен. Дай-ка я поставлю ее на место. Передай мне еще одну распорку.

— Вот она, прямо над твоей головой. Джо, что ты там увидел?

Негр, устанавливая крышку на место, вдруг заорал:

— Док! Док, назад! Маленький паршивец! Он проскочил у меня между ног и выскочил в туннель! Док!!!

— Далеко он не убежит.

— Ладно... Карен, ты не могла бы пойти разбудить отца?

— Черт побери, Джо! Что ты там видел?

— Дьюк, я и сам не знаю. Потому-то мне и нужен Хью.

— Иду, иду.

— Здесь очень тесно вдвоем. Сейчас я выберусь наверх, и тогда Хью сможет спуститься сюда.

Хью появился, когда Джо был уже наверху.

— Джо, что у тебя?

— Хью, лучше бы ты сам посмотрел.

— Хорошо... Надо было мне установить в люке лестницу. Дай руку,— Хью спустился вниз, убрал распорку и отодвинул крышку.

Он смотрел еще дольше, чем Джо, затем позвал:

— Дьюк! Вытащи-ка эту крышку совсем.

— Что там, папа?

Крышка была извлечена, отец и сын поменялись местами. Дьюк довольно долго смотрел в туннель.

— Достаточно, Дьюк. Выбирайся оттуда.

Когда Дьюк присоединился к остальным, отец спросил его:

— Ну, и что ты думаешь на этот счет?

— Это невероятно.

— Папа,— напряженно произнесла Карен,— кто-нибудь скажет, в конце концов, что там произошло, или нет? А то мне очень хочется попробовать эту кувалду на одном из ваших черепов.

— Да, детка. Впрочем, там вполне достаточно места для вас обеих.

Дьюк и Хью помогли спуститься Барбаре, а та помогла слезть вниз Карен. Обе девушки приникли к отверстию.

— Лопни мои глаза,— тихо выругалась Карен и полезла в туннель.

— Детка! Вернись! — крикнул ей Хью, но она не ответила. Тогда он спросил:— Барбара, скажи, что ты там видишь?

— Я вижу,— медленно произнесла Барбара,— очаровательный, поросший лесом холм, зеленые деревья, кусты и чудесный солнечный день.

— Да, и мы видели то же самое.

— Но это невозможно.

— Да.

— Карен уже выбралась наружу. Туннель никак не длиннее восьми футов. Она держит на руках Доктора Ливингстона. Она зовет нас: «Выходите!»

— Скажи ей, пусть отойдет подальше от устья туннеля — возможно, оно радиоактивно.

— Карен! Отойди от туннеля подальше! Хью, сколько сейчас времени?

— Начало восьмого.

— А снаружи больше похоже на полдень. На мой взгляд, конечно.

— Не знаю, что и думать.

— Хью, я хочу выйти.

— Э-э-э... А, черт с ним! Только не задерживайся у выхода и будь осторожна.

— Хорошо,— и она полезла в туннель.

Глава четвертая

Хью повернулся к своему заместителю.

— Джо, я выхожу наружу. Принеси-ка мне мой сорок пятый и пояс. Вообще-то не стоило разрешать девочкам выбираться наружу невооруженными,— он полез в люк.— А вы оставайтесь и охраняйте убежище.

— От кого? — спросил Дьюк.— Да здесь и нечего охранять.

Отец поколебался.

— Не знаю. Просто у меня какая-то смутная тревога. Ну ладно. Пошли вместе. Только обязательно нужно взять оружие. Джо!

— Иду.

— Джо, возьми оружие для себя и для Дьюка. Потом подожди, пока мы выберемся наружу. Если мы вскоре не вернемся, сам решай, что делать. Такой ситуации я не предвидел. Этого просто быть не должно!

— Тем не менее все, что мы видели, вполне реально.

— Это уж точно, Дьюк,— Хью нацепил револьвер и опустился на колени. В просвете туннеля было хорошо видно холмистую, зеленую равнину, раскинувшуюся там, где должна была быть радиоактивная пустыня. И вулканическое стекло. Он полез вперед.

Оказавшись под открытым небом, он огляделся.

— Папочка! Разве здесь не чудесно?

Карен стояла немного ниже, на склоне холма, у подножия которого протекал ручей. За ручьем простиралась возвышенность, покрытая лесом. На их стороне леса не было.

В голубом небе ярко светило солнце, а вокруг — ни малейшего следа того чудовищного опустошения, которое, несомненно, принесла бы война. В то же время не было заметно никаких признаков пребывания здесь человека: ни зданий, ни дороги, ни тропинки, ни следов реактивных самолетов в мире. Окрестности выглядели совершенно девственно и изменились до неузнаваемости.

— Папа, я хочу спуститься к ручью.

— Иди сюда! Где Барбара?

— Я здесь, Хью,— он поднял голову и увидел, что она стоит почти рядом с ним, над убежищем.— Пытаюсь понять, что произошло. Как ты думаешь?

Убежище находилось на вершине холма — большой прямоугольный монолит. Оно было покрыто грязью, за исключением мест, где обломился участок туннеля и где должна была находиться лестница, ведущая в убежище из дома. Прямо над ними виднелась покореженная бронированная дверь.

— Не знаю, что и думать,— признался Хью.

Появился Дьюк, волоча за собой винтовку. Он посмотрел вокруг и ничего не сказал.

Барбара и Карен присоединились к ним. Доктор Ливингстон, играя, прыгнул на ногу Хью и отскочил. Очевидно, на взгляд персидского кота, место, где он оказался, заслуживало всяческого одобрения: оно словно специально было создано для котов.

— Сдаюсь. Объясните мне, что произошло,— взмолился Дьюк.

— Папа, ну почему я не могу спуститься к ручью? Я хочу выкупаться.

— От грязи еще никто не умирал. Я и так сам не свой. Не хватало еще мне беспокоиться о том, чтобы ты не утонула...

— Он же мелкий!

— ...или чтобы тебя не задрал медведь, или чтобы не засосали зыбучие пески... И вообще, девочки, лучше вам вернуться в убежище и вооружиться, а потом вылезать наружу, если уж так хочется. Но обязательно держитесь друг друга и будьте начеку. Скажите Джо, пусть идет сюда.

— Есть, сэр! — девушки нырнули в туннель.

— Так что ты думаешь, Дьюк?

— Ну... лучше я помолчу.

— Если тебе есть о чем молчать, это уже не плохо. Мне, например, сказать вообще нечего. Я просто ошеломлен. Я постарался запланировать и просчитать все ситуации. Но такого и предусмотреть не мог. И потому, если у тебя сложилось какое-то мнение, ради бога, не молчи.

— Ну... Все это выглядит как гористая местность в Центральной Америке. Но, конечно, это не возможно.

— Что возможно, а что не возможно — в нашем положении гадать не приходится. Предположим, это Центральная Америка. Чего бы ты опасался в первую очередь?

— Дай подумать. Тогда тут могут быть ягуары. Наверняка змеи. Тарантулы и скорпионы. Малярийные комары. Ты, кажется, что-то говорил о медведях?

— Я имел их в виду как символ. Нам следует быть начеку до тех пор, пока мы не поймем, что нам может угрожать.

Появился Джо с ружьем и стал молча любоваться представшей его глазам картиной.

— Голодать нам не придется. Смотрите, вон там, слева и ниже по течению ручья,— заметил Дьюк.

Хью посмотрел в направлении, указанном Дьюком. На них с интересом взирал олененок. Очевидно было, что она ни капельки не боится людей.

— Может, свалить его? — предложил Дьюк. Он начал поднимать ружье.

— Нет, не нужно до тех пор, пока мы не начнем испытывать острой необходимости в свежем мясе.

— Ладно. Симпатичная зверюшка, верно?

— Да, очень. Но я встречал североамериканского оленя. Это не он. Дьюк, где же мы все-таки? И как мы сюда попали?

Дьюк криво усмехнулся.

— Отец, ведь ты сам провозгласил себя фюрером. Так что мне не полагается думать. И иметь свое мнение.

— Перестань!

— Хорошо. Я в самом деле не знаю, что и думать. Может быть, это какая-нибудь галлюциногенная бомба.

— Разве в таком случае мы все видели бы одно и то же?

— Не знаю. Вот если бы я подстрелил косулю, держу пари, мы могли бы ею закусить.

— Мне тоже так кажется. Джо? Идеи, мнения, предложения?

Джо почесал затылок.

— Симпатичное местечко. Но я, к сожалению, горожанин до мозга костей.

— Хью, вообще-то одну вещь ты можешь сделать.

— Что именно, Дьюк?

— Забыл про свое маленькое радио? Попробуй включить его.

— Отличная идея,— Хью полез было в убежище, но у самого выхода столкнулся с Карен, которая собиралась выбраться наружу, и послал за радио ее. Дожидаясь, он размышлял, из чего бы соорудить лестницу. Пробираться взад-вперед по трехметровому туннелю было довольно неудобно.

Радиоприемник ловил статические разряды, и ничего больше.

Хью выключил его.

— Попробуем еще раз вечером. Ночью я когда-то слушал с его помощью Мексику и даже Канаду,— он нахмурился.— Какие-нибудь передачи в эфире обязательно должны быть. Если только они не стерли нас с лица земли.

— Ты неправ, отец.

— Почему же, Дьюк?

— Этот район, например, вообще не затронут войной.

— Именно поэтому я не могу понять молчания радио.

— И все же Маунтин-Спрингс получил свое. Следовательно, мы не в Маунтин-Спрингс.

— А кто говорит, что мы там? — возразила Карен.— В Маунтин-Спрингс отродясь не бывало ничего похожего. Да, пожалуй, и во всем штате.

— Это очевидно,— Хью взглянул на убежище, громоздкое, массивное.— Но где же мы?

— Ты когда-нибудь читал комиксы, папа? Мы — на другой планете.

— Сейчас не время для шуток, детка. Я в самом деле обеспокоен.

— А я и не шучу. Ничего подобного нет в радиусе тысячи миль от нашего дома. Так что это вполне может быть и другая планета. Видимо, та, на которой мы жили раньше, немного поизносилась.

— Хью,— сказал Джо,— хоть это и глупо, но я согласен с Карен.

— Почему, Джо?

— Ну... понимаешь, где-то ведь мы находимся, верно? А что случается, когда водородная бомба взрывается прямо над головой?

— Ты испаряешься.

— Что-то я не чувствую себя испарившимся. И не могу заставить себя поверить, что эта бетонная глыба пролетела тысячи миль, грохнулась оземь и осталась цела и невредима, если не считать нескольких наших синяков и сломанных ребер. А предположение Карен...— он пожал плечами,— можно назвать это хоть четвертым измерением. Последний взрыв швырнул нас в четвертое измерение.

— Вот-вот, то же самое я и говорю, папа. Мы на другой планете! Давайте ее исследовать!

— Угомонись, детка. Что касается другой планеты... Кто сказал, что мы должны обязательно знать, где мы находимся? Наша задача — приспособиться к данным условиям.

— Карен,— сказала Барбара,— мне все-таки не верится, что это не Земля.

— А почему? Ты просто не хочешь верить.

— Ну...— Барбара кинула камешком в соседнее дерево.— Это вот — эвкалипт, а там, за ним,— акация. Конечно, ничего похожего на Маунтин-Спрингс, но все же совершенно обычная субтропическая флора. Если твоя «новая планета» покрыта точно такими же растениями, как и Земля... Короче говоря, это наверняка Земля.

— Кайфоломщица! — возразила Карен.— Почему бы и на другой планете растениям не развиваться так же, как и на Земле?

— Это было бы так же удивительно, как и одинаковые...

— Хьюберт! Хьюберт! Где ты? Я не могу найти тебя! — донесся из туннеля голос Грейс Фарнхэм.

Хью нырнул в туннель.

— Иду, иду!

Ленч они устроили под сенью дерева, немного в стороне от входа в туннель. Хью решил, что туннель был расположен достаточно глубоко под землей, так что вряд ли был опасно заражен радиацией. А вот что касалось крыши убежища, тут Хью не был в этом так уверен. Поэтому он установил дозиметр на крыше с тем, чтобы сравнить его показания с показаниями прибора, оставшегося внутри. С большим облегчением он убедился в том, что дозиметр определил набранную ими дозу облучения как далеко не летальную, а также в том, что показания приборов совпадают друг с другом.

Единственной мерой предосторожности было то, что ружья они держали рядом с собой — все, кроме его жены. Грейс Фарнхэм «терпеть не могла ружей» и сначала вообще отказывалась сидеть в соседстве с «этими ружьями».

Тем не менее поела она с завидным аппетитом. Дьюк развел костер, и они были осчастливлены горячим кофе, разогретой тушенкой с горохом, консервированными бататами и компотом. А самое главное — сигаретами, причем им не нужно было беспокоиться, хватит ли воздуха.

— Замечательно,— произнесла Грейс.— Хьюберт, дорогой, знаешь, чего не хватает, чтобы сделать наше маленькое пиршество еще более приятным? Мне известно, что ты не любишь, когда пьют днем, но сейчас мы в таком экстраординарном состоянии... и мои нервы на пределе. Так вот, Джозеф, вам нетрудно сбегать в убежище и принести бутылочку того испанского бренди...

— Грейс!

— Что, дорогой? Мы могли бы немного отпраздновать наше чудесное спасение.

— Я не уверен, что бренди у нас есть.

— Что? Не может быть, ведь было целых два ящика.

— Большинство бутылок разбилось. Это порождает еще одну проблему. Дьюк, ты потерял работу хранителя воды, но ты назначаешься виночерпием. У нас остались еще, по крайней мере, две целые бутылки. Одним словом, сколько бы ты ни нашел, раздели все спиртное на шесть частей, только раздели поровну, будет ли это по нескольку бутылок каждому или по нескольку глотков.

На лице миссис Фарнхэм отразилось полное непонимание. Дьюк явно испытывал неудобство. Карен поспешно сказала:

— Папа, вспомни, что я тебе говорила.

— Ах да!.. Дьюк, твоя сестра отказывается от своей доли. Поэтому храни ее в качестве медицинского средства. Если, конечно, Карен не изменит своего решения.

— Мне не нравится моя новая должность,— сказал Дьюк.

— Дьюк, нам обязательно нужно поделить спиртное. Да, кстати, то же самое сделай и с сигаретами.

— Уж если они кончатся, так кончатся навсегда, а вот насчет спиртного у меня есть надежда, что нам когда-нибудь удастся получить самогон,— он повернулся к жене.— Может быть, тебе лучше принять милтаун, дорогая?

— Чертово зелье! Хьюберт Фарнхэм, ты, кажется, хочешь сказать, что я не имею права выпить?

— Ничуть. Две бутылки уцелели во всяком случае. На твою долю придется как минимум полпинты. Если хочешь выпить — ради бога.

— Джозеф, будь добр, сбегай и принеси мне бутылочку бренди.

— Нет! — резко вмешался ее супруг.— Если хочешь выпить, Грейс, принеси ее сама.

— Ерунда, Хью, я сбегаю.

— Я против! Грейс, у Джо сломано несколько ребер. Лаз в убежище не доставит ему приятных ощущений. А ты запросто можешь забраться туда — ведь ты единственная, кто не пострадал.

— Неправда!

— На тебе ни царапинки. А все остальные — кто в синяках, кто с чем-нибудь похуже. Теперь о распределении обязанностей. Я хочу, чтобы ты взяла на себя приготовление пищи. Карен будет твоей помощницей. О'кей, Карен?

— Конечно, па.

— Таким образом, вы обе будете заняты. Мы соорудим жаровню и голландскую печь, но это со временем, а пока придется готовить на костре и мыть посуду в ручье.

— Ах вот как? Тогда, будьте добры, скажите мне, мистер Фарнхэм, что в это время будет делать распрекрасный Джозеф, чтобы оправдать расходы на свое содержание?

— А может быть, ты скажешь мне, как мы все будем оправдывать эти расходы? Дорогая, дорогая... разве ты не понимаешь, что теперь все по-иному?

— Не говори ерунды. Когда все станет на свои места, Джозеф получит до гроша все, что ему причитается. Он и сам прекрасно

это знает. Кроме того, мы спасли ему жизнь. И вообще были всегда добры к нему, так что он вполне может немного подождать с платой. Верно, Джозеф?

— Грейс! Помолчи и послушай. Джо больше не слуга. Он наш товарищ по несчастью. Нам больше никогда не придется платить ему. Перестань вести себя как дитя и посмотри фактам в лицо. У нас больше ничего нет. Никогда не будет денег. Нет дома. С моим бизнесом покончено. Нет больше «Маунтин Экскендж Бэнк». Нет ничего, кроме того, что мы запасли в убежище. Но нам повезло. Мы живы и к тому же каким-то чудом получили возможность прожить оставшуюся жизнь не под землей, а на земле. Счастье! Ты понимаешь?

— Я понимаю только одно: ты пытаешься найти оправдание своей грубости.

— Ты получила работу по своим способностям.

— Кухарка! Я и так влачила ярмо кухонного рабства в твоем доме двадцать лет! Это вполне достаточный срок. Я отказываюсь! Ты понял? Я отказываюсь!

— Ты не права ни в одном, ни в другом. Большую часть нашей совместной жизни ты имела прислугу. Да и Карен начала мыть посуду, как только смогла заглянуть через край раковины на кухне. Не спорю, у нас бывали тяжелые времена. Теперь же предстоят — тяжелее некуда, и ты должна помочь, внести свою лепту, Грейс. Ведь ты отличная кулинарка, стоит тебе только захотеть. Ты будешь готовить... или не будешь есть.

— О-о-о! — Она разрыдалась и бросилась к убежищу.

Ее спина уже исчезла в туннеле, когда Дьюк встал, чтобы последовать за матерью. Отец остановил его:

— Дьюк!

— Да?

— Подожди минутку, а потом можешь идти. Я собираюсь выбраться на разведку и хотел бы, чтобы ты сопровождал меня.

Дьюк поколебался.

— Ладно.

— Тогда смотри. Мы скоро отправляемся. Думаю, тебе лучше взять на себя роль охотника. Стреляешь ты гораздо лучше меня, а Джо вообще никогда не охотился. Как ты считаешь?

— Ну что ж... хорошо.

— Отлично. А теперь пойди успокой ее и... Дьюк, постарайся заставить ее понять, что происходит.

— Попробую. Но я согласен с матерью. Ты ведешь себя с ней грубо.

— Может быть. Продолжай.

Дьюк внезапно повернулся и ушел. Карен тихо заметила:

— Я тоже так думаю, папа. Ты вывел ее из себя.

— Я решил, что иначе нельзя, Карен. Если бы я не сделал этого, она вообще бы палец о палец не ударила, а только гоняла Джо взад-вперед, обращаясь с ним как с наемным поваром.

— Что ты, Хью, я очень даже люблю готовить. Например, приготовление сегодняшнего ленча было для меня сплошным удовольствием.

— Она готовит гораздо лучше, чем ты, Джо, и она, *именно она* будет заниматься стряпней. Не доведи Господь поймать мне тебя помогающим ей.

Юноша улыбнулся.

— Не поймаешь.

— Надеюсь. В противном случае я сниму с тебя шкуру и прибью ее к стене. Барбара, что ты знаешь о сельском хозяйстве?

— Очень мало.

— Но ведь ты ботаник.

— Нет, в лучшем случае я могла бы им стать когда-нибудь.

— Даже это делает тебя трижды фермером по сравнению с нами. Я, например, едва отличаю розу от одуванчика, Дьюк знает еще меньше, а Карен вообще считает, что картошка образуется в подливке. Ты слышала, как Джо назвал себя горожанином. В убежище должны быть семена, небольшой запас удобрений, кое-какой сельскохозяйственный инвентарь и книги по сельскому хозяйству. Осмотри все это и постарайся найти место для огорода. А уж мы с Джо вскопаем, что нужно, и все такое прочее. Но тебе придется руководить нами.

— Хорошо. А есть семена каких-нибудь цветов?

— Как ты догадалась?

— Просто мне очень хотелось, чтобы они были.

— Есть. И однолетних, и многолетних. Сегодня выбирать место не нужно. Я не хочу, чтобы вы с Карен далеко отходили от убежища, пока мы хорошо не разнюхаем обстановку. Джо, сегодня нам нужно сделать две вещи: лестницу и две уборных. Барбара, как у тебя с плотницким искусством?

— Так... средне. Могу вбить гвоздь.

— Тогда не разрешай Джо делать то, что способна сделать сама. Его ребра должны срастись. Но лестница нам необходима. А тебе, Карен, мой цветочек, предоставляется почетная обязанность соорудить два туалета.

— Н-да. Что ж, благодарю.

— Просто два углубления. Одно для вас, эфемерных созданий, другое для нас, грубых мужчин. Потом мы с Джо соорудим сначала что-нибудь вроде небольших будочек. Потом возьмемся за дом — бревенчатый или даже каменный.

— Интересно, па, ты сам-то собираешься что-нибудь делать?

— Конечно. В основном, умственную работу. Осуществлять общее руководство, наблюдение — одним словом, надзор. Потвоему, это не адский труд, а? — он зевнул.— Ну ладно, всего хорошего. Я, пожалуй, прошвырнусь в клуб, зайду в турецкую баню, а остаток дня проведу за добрым крепким плантаторским пуншем.

— Папочка, может, ты лучше примешь холодный душ из ручья? Выдумал тоже, туалеты!..

— Отчизна будет гордиться тобой, дорогая!

Через полчаса Хью с сыном стали собираться в дорогу.

— Джо,— предупредил Хью.— Мы собираемся вернуться до темноты, но, в случае вынужденной задержки, мы до утра будем жечь костер и возвратимся завтра. Если тебе придется идти искать нас, ни в коем случае не ходи один, а возьми с собой любую из девушек. Впрочем, нет, возьми лучше Карен. У Барбары не во что обуться, только босоножки на шпильках. Проклятье! Придется изготовить мокасины. Ты понял?

— Конечно.

— Мы пойдем по направлению к тому холму — видишь? Я хочу подняться на него, чтобы осмотреть как можно большую

территорию. Может быть, удастся заметить какие-нибудь признаки цивилизации.

Они отправились в путь. Их снаряжение состояло из ружей, фляжек, топора, мачете, спичек, сухих пайков, компасов, биноклей, грубых ботинок и плащей. Плащ и ботинки оказались Дьюку впору: он сообразил, что отец запас одежду специально для него.

Они шли, по очереди меняясь местами; тот, кто шел позади, старался не отставать и считал шаги, а идущий впереди изучал окрестности, определяя направление по компасу и запоминая увиденное.

Высокий холм, избранный Хью в качестве наблюдательного пункта, находился за ручьем. В поисках брода они немного прошли вниз по течению. Вокруг было много всякой живности. Особенно изобиловали эти места миниатюрными косулями, на которых, очевидно, никто не охотился, по крайней мере люди, так как по пути Дьюк заметил пуму, и дважды им встречались медведи.

Когда они достигли вершины, было уже примерно три часа пополудни. Подъем оказался довольно утомительным — мешал густой кустарник, к тому же они никогда не занимались альпинизмом. Как только они забрались наверх, у Хью возникло горячее желание рухнуть на землю и больше не вставать. Но он преодолел эту минутную слабость и огляделся. К востоку местность казалась более ровной. Его взгляду предстало бесконечное пространство прерий.

И ни малейших признаков присутствия человека.

Хью настроил бинокль и стал изучать окрестности. Заметив движущиеся вдали силуэты, он решил, что это антилопы, а может, и коровы, и подумал, что за ними стоит понаблюдать внимательнее. Но все это потом, потом...

— Хью!

Он опустил бинокль.

— Да, Дьюк?

— Видишь тот пик? Так вот, его высота равняется тысяче ста десяти футам.

— Не спорю.

— Это Маунтин-Джеймс. Отец, мы дома!

— Что ты хочешь этим сказать?

— Посмотри на юг. Видишь там три глыбы? В тринадцать лет я сломал ногу, упав со средней из них. А вон та остроконечная гора между ними и Маунтин-Джеймс — это Хантерс-Хорн. Неужели ты не видишь? Ведь линию горизонта можно так же легко сличить, как и отпечатки пальцев! Это Маунтин-Спрингс!

Хью уставился туда, куда показывал Дьюк. Действительно, вид был ему знаком. Даже окно его спальни было расположено с таким расчетом, чтобы из него была видна вся панорама. Сколько раз он сиживал на закате и смотрел на эти горы!

— Да...

— Конечно, да,— с иронией согласился Дьюк.— Будь я проклят, если я понимаю, как это произошло! Сдается мне,— он топнул ногой,— что мы на вершине водонапорной башни. На том месте, где она раньше находилась. А...— он сощурился,— насколько я понимаю, убежище располагается прямо на лужайке перед нашим домом. Отец, мы вовсе не двигались с места!

Хью достал блокнот, в который они записывали количество пройденных шагов и курсы по компасу, и что-то посчитал.

— Да. Правда, возможна небольшая погрешность.

— Ну, и что ты думаешь по этому поводу?

Хью взглянул на небо.

— Ничего я не думаю. Дьюк, скоро наступит ночь?

— Пожалуй, часа через три. Солнце скроется за горами часа через два.

— Сюда мы добирались два часа, следовательно, дорогу обратно одолеем значительно быстрее. У тебя есть сигареты?

— Да.

— Можешь дать мне одну? И запиши на меня, разумеется. Выкурим по одной, тогда можно и возвращаться,— он огляделся.— Место здесь открытое, так что ни один хищник не сможет подкрасться к нам незамеченным,— он положил ружье на землю возле себя, затем снял пояс и уселся сам.

Дьюк протянул отцу сигарету. Они закурили.

— Отец, ты невозмутим, как рыба. Ничто тебя не удивляет.

— Ты так считаешь? Вовсе нет. Просто я раньше так часто всему удивлялся, что постепенно приучил себя не демонстрировать этого.

— Это не у всех получается.

Некоторое время они курили молча. Дьюк сидел, Хью улегся на траву. Он был в полном изнеможении, и ему сейчас больше всего хотелось, чтобы никуда не нужно было возвращаться.

Неожиданно Дьюк добавил:

— Кроме того, ты очень любишь издеваться над людьми.

— Возможно, ты и прав, если, по-твоему, то, как я поступаю,— издевательство. Человек всегда старается делать только то, что ему хочется, то, что его «радует»,— в пределах собственных возможностей. И если я меняю спущенное колесо, так только потому, что мне это доставляет большее удовольствие, чем бесконечное сидение на шоссе.

— Не нужно утрировать. Тебе просто приятно издеваться над мамой. Ты и меня любил в детстве шлепать за малейшую провинность... до тех пор, пока мать не топнула ногой и не заставила тебя прекратить это.

— Пора нам двигаться,— сказал отец и стал надевать пояс.

— Еще минутку. Я хочу кое-что тебе показать. Не беспокойся, мы не опоздаем. Мне нужны считанные секунды.

Хью выпрямился.

— Что такое?

— А вот что: твоя роль отважного капитана окончена! — Дьюк дал отцу сильную затрещину.— Это тебе за издевательство над мамой! — он ударил еще раз — на этот раз с другой стороны и настолько сильно, что сбил отца с ног.— А это за то, что ты приказал ниггеру наставить на меня ружье!

Хью Фарнхэм лежал совершенно спокойный.

— Не ниггер, Дьюк. Негр.

— Он для меня негр только до тех пор, пока знает свое место. А то, что он прицелился в меня, делает его поганым ниггером. Можешь встать. Больше я тебя бить не собираюсь.

Хью Фарнхэм поднялся.

— Нам пора идти обратно.

— И это все, что ты можешь мне сказать? Давай-давай. Можешь тоже меня ударить. Отвечать тебе я не стану.

— Нет.

— Я не нарушал клятвы. Я ждал, пока мы покинем убежище.

— Согласен. Кто пойдет первым? Мне кажется, так будет лучше.

— Уж не думаешь ли ты, что я боюсь выстрела в спину? Отец, пойми, я просто должен был сделать это.

— Неужели?

— Да, черт возьми! Чтобы не потерять уважение к самому себе.

— Хорошо,— Хью надел пояс, взял ружье и направился к последней сделанной им по пути отметке.

Шли они молча. Наконец Дьюк произнес:

— Отец!

— Да, Дьюк?

— Прости...

— Забудем об этом.

Они продолжали идти и, дойдя до ручья, нашли место, которое переходили вброд. Хью торопился, так как быстро темнело.

— Ответь мне только на один вопрос,— обратился Дьюк к отцу.— Почему ты не назначил поварихой Барбару? Ведь она чужая нам. Зачем тебе снова было подковыривать мать?

Немного подумав, Хью ответил:

— Барбара теперь не более чужая, чем, например, ты, Дьюк, а приготовление пищи — единственное, что умеет делать Грейс. Или, ты считаешь, она должна бездельничать, в то время как остальные вкалывают?

— Естественно, нет. Все мы должны быть чем-то заняты, само собой разумеется. Но зачем ты издеваешься над ней при посторонних? Ты понимаешь меня?

— Дьюк!..

— Да?

— Последний год я занимался каратэ по три раза в неделю.

— Ну и что?

— Просто больше не пытайся драться со мной. Проще будет выстрелить мне в спину.

— Вот как!

— Да, а пока ты не решишь застрелить меня, тебе придется мириться с моим лидерством. А может, ты хочешь взять ответственность на себя?

— Ты что, предлагаешь мне это?

— Я не могу делать такого предложения. Возможно, группа предпочтет тебя. Твоя мать — она точно. Может быть — и сестра. А вот что касается мнения Барбары и Джо — тут ничего нельзя сказать наверняка.

— А как же ты, отец?

— Лучше я не буду отвечать тебе на этот вопрос: я ничего тебе не должен. Но я надеюсь, что до тех пор, пока ты не решишь сделать заявку на лидерство, ты будешь сознательно подчиняться мне так же, как делал это, дав клятву.

— Ну ты и сказанул! Сознательно подчиняться! Надо же!

— В нашем положении иначе быть не может. Я просто не в состоянии подавлять мятеж каждые несколько часов — а их с твоей стороны было уже два,— да и твоя мать страдает отсутствием дисциплины. В подобных условиях не может действовать ни один руководитель. Поэтому я могу принять от тебя только сознательное подчинение. Оно включает в себя и невмешательство с твоей стороны в то, что ты назвал «издевательством».

— Но послушай, ведь я же сказал тебе, что я...

— Тихо! Если ты сам не решишь, как вести себя в подобных условиях, то самый лучший выход для тебя — выстрелить мне в спину. И не думай взять меня голыми руками или дать возможность выстрелить первым. В следующий раз, Дьюк, если я замечу угрозу с твоей стороны, я убью тебя. Если смогу. Но один из нас наверняка будет мертв.

Некоторое время они шли не разговаривая. Мистер Фарнхэм так и не обернулся. Наконец Дьюк спросил:

— Отец, скажи же ради бога, почему ты не можешь руководить демократично? Я вовсе не собираюсь захватывать власть, я просто хочу, чтобы все было честно.

— Да, ты не хочешь власти. Ты просто хочешь быть пассажиром на заднем сиденье, который указывает водителю, куда ему ехать.

— Чепуха! Я хочу, чтобы все было демократично.

— Неужели? Следовательно, нам придется устраивать голосование по вопросу о том, должна ли Грейс работать наравне со всеми

и имеет ли она право накачиваться виски? А как нам вести заседания? Может быть, попробуем процессуальный кодекс Роберта? А удалять ее из зала во время дебатов будем или нет? Может, ей следует остаться и защищать себя от обвинений в лености и пьянстве? Значит, ты согласен подвергнуть родную мать такому позору?

— Не говори глупостей!

— Я просто пытаюсь выяснить для себя, что ты подразумеваешь под демократичностью. Если ты понимаешь ее как постановку любого вопроса на голосование — ладно, готов помочь тебе попробовать, разумеется, если ты сам будешь подчиняться любому решению большинства. Пожалуйста, выдвигай свою кандидатуру в председатели. Я устал от ответственности и знаю, что Джо тоже не очень доволен ролью моего заместителя.

— Не понимаю, какое отношение имеет Джо ко всему этому.

— А я думал, ты собираешься быть демократичным.

— Да, но ведь он...

— Кто же *он*, Дьюк? Ниггер? Или просто слуга?

— Ты любишь все вывернуть наизнанку.

— Это потому, что у тебя бредовые идеи. Можем использовать формальную демократию — правила порядка, дебаты, тайное голосование, все такое — в любой момент, когда тебе захочется испробовать эту чушь. Особенно — в такой момент, когда тебе захочется поставить вопрос о недоверии и перехватить лидерство, а мне все так осточертеет, что я сам буду надеяться на твой успех. Но пока что у нас и так самая настоящая демократия.

— Вот как?

— Я действую в интересах и от имени большинства — четверых против двоих. Так мне, по крайней мере, кажется. Ну этого не достаточно. Мне необходимо абсолютное большинство, я не могу бесконечно пререкаться с меньшинством. Я имею в виду тебя и твою мать. И я хочу, чтобы нас стало пятеро против одного еще до того, как мы вернемся в убежище. Я жду от тебя заверений в том, что ты не будешь вмешиваться в мои попытки заставить, принудить, пусть даже путем «издевательств», твою мать принять на свои плечи равную долю нашего общего груза,— это в том случае, если ты не намерен бороться за лидерство.

— И ты хочешь, чтобы я согласился на такое?

— Я настоятельно советую тебе это сделать. Или сознательное подчинение с твоей стороны... или при следующем столкновении один из нас простится с жизнью. Учти, я ни словом, ни жестом не стану предупреждать тебя. Вот поэтому-то наилучший для тебя выход — застрелить меня.

— Перестань болтать чепуху! Ты же прекрасно знаешь, что я никогда не выстрелю тебе в спину!

— Ах вот как?! Тогда мне придется застрелить тебя при малейшем намеке на неповиновение. Но вот что я хотел бы тебе сказать: если ты найдешь невозможным для себя сознательно подчиняться мне, если ты поймешь, что не в состоянии заменить меня, если у тебя не хватит духу пойти на ссору со мной, ссору, в которой один из нас точно будет убит, то и тогда у тебя остается все же выход.

— Какой же?

— Как только захочешь, можешь уйти. Я дам тебе ружье, патроны, соль, спички, нож и все, что ты посчитаешь необходимым. Хоть ты этого и не заслуживаешь, но я не могу позволить уйти тебе ни с чем.

Дьюк зло рассмеялся.

— Предоставляешь мне возможность сыграть роль Робинзона Крузо, а всех женщин оставляешь себе?

— Отчего же? Всякий, кто захочет уйти с тобой, свободен. Со своей законной и равной с остальными долей всего, что у нас есть. Можешь взять с собой всех трех женщин, если, конечно, тебе удастся увлечь их своей идеей.

— Что ж, я подумаю.

— Подумай, подумай. А пока умерь немного свой пыл и постарайся увеличить свои шансы на победу в «демократических» выборах, не забывая в то же время об осторожности и стараясь не противоречить мне, чтобы не схватиться со мной раньше, чем ты будешь готов к этому. Я честно предупреждаю тебя. Тем более, что мое терпение кончилось — ты выбил мне зуб.

— Прости, я не хотел.

— Когда ты бил, этого не чувствовалось. Вот и убежище, так что можешь начинать «сознательно подчиняться» с того, что сделаешь вид, будто мы прекрасно провели время.

— Слушай, отец, если ты еще раз...

— Заткнись! Я устал от тебя.

Когда они подошли к убежищу совсем близко, их заметила Карен и радостно закричала. Из туннеля тут же вылезли Джо и Барбара. Карен помахала лопатой.

— Посмотрите, что я уже сделала!

Она выкопала туалеты по обе стороны от убежища. Каркасы их составляли щиты, сбитые из стволов молоденьких деревьев и обшитые листами картона от ящиков со спиртным. Сиденья были сделаны из дощечек, которыми были обшиты баллоны кладовой.

— Ну, как? — требовательно спросила она.— Разве не роскошь?

— Да,— согласился Хью,— значительно более основательно, чем я ожидал от тебя,— он не стал говорить, что на туалеты Карен извела почти всю их древесину.

— Я работала не одна. Большую часть плотницкой работы проделала Барбара. Слышали бы вы, как она ругается, когда попадает молотком по пальцу!

— Ты ушибла палец, Барбара?

— Ничего страшного. Лучше идите опробуйте лестницу.

— Обязательно,— он полез было в туннель, но Джо остановил его.

— Хью, пока не стемнело, давай кое-что обсудим.

— Ради бога. Что именно?

— Ты как-то упоминал о том, что нужно построить хижину. Допустим, мы соорудим ее: что мы будем иметь? Земляной пол и вечно текущую крышу, окна без стекол и дверной проем без двери. Мне кажется, что в убежище нам будет лучше.

— Что ж, возможно,— согласился Хью.— Я предполагал, что мы будем использовать его в качестве пристанища, пока не обзаведемся чем-нибудь получше.

— Думаю, оно не так уж радиоактивно, Хью. Стрелку дозиметра зашкалило бы, если бы крыша была по-настоящему «горячей». Ведь этого не произошло.

— Радостная весть. Ну, Джо, сам посуди, уклон в тридцать градусов более чем неудобен. Нам необходимо жилище с ровным полом.

— Это я и имел в виду, Хью. Что, если использовать гидравлический домкрат? Его грузоподъемность — тридцать тонн. А сколько весит убежище?

— Сейчас, сейчас. Нужно вспомнить, сколько ушло бетона и стали,— Хью достал блокнот.— Ну, скажем, тонн двести пятьдесят.

— Просто я подумал...

— Идея сама по себе хороша...— Хью задумчиво обошел вокруг убежища — прямоугольной глыбы двадцати футов в длину, двадцати в ширину и двенадцати в высоту, прикидывая углы, вымеряя расстояния.

— Можно попробовать,— решил он наконец.— Мы подкопаем приподнятую часть до середины так, чтобы убежище встало ровно. Черт, жаль, что у нас нет отбойных молотков.

— А сколько времени может занять такая работа?

— Думаю, что двое управились бы за неделю, если бы не напоролись на валуны. Когда под рукой нет динамита, валуны могут стать проблемой.

— Совсем неразрешимой?

— Любую проблему, в принципе, можно решить. Будем надеяться, что скальные породы нам не встретятся. Вынутой землей мы подсыпем ту часть, которая окажется в воздухе, когда опустится задравшееся крыло, и все укрепим бревнами. В общем, потная работенка.

— Тогда я начну завтра с утра.

— Как бы не так! И думать не смей, пока не заживут твои ребра. Завтра утром начну я с нашими лихими девицами. Да и Дьюка подключим, после того как он подстрелит нам дичь,— консервы, я думаю, лучше экономить. Кстати, что вы сделали с пустыми консервными банками?

— Зарыли.

— Их нужно выкопать и вымыть. Жестяная банка для нас дороже золота — она годится для чего угодно. Ладно, поднимемся, а то я еще не насладился лестницей.

Лестницу смастерили из двух обтесанных стволиков, к которым прибили ступеньки все из тех же ящичных дощечек. Хью отметил про себя, что древесина расходуется более чем неэкономно, ступеньки следовало делать из обрубленных веток. Черт побери, сколько теперь появилось всего, чего нельзя получить, просто сняв телефонную трубку! Например, эти рулоны туалетной бумаги — по одному в каждой кабине. Их не следовало оставлять там — а вдруг пойдет дождь? Иначе очень скоро придется пользоваться листьями или вообще ничем.

Многое, очень многое они привыкли принимать как само собой разумеющееся. Гигиенические пакеты — насколько их хватит? И как обходились без них первобытные женщины? Они наверняка чем-то пользовались, но чем?

Нужно предупредить всех, что изготовленное фабричным способом, будь то клочок бумаги, грязная тряпка, булавка,— все следует беречь как зеницу ока. Нужно без устали следить за тем, чтобы это правило неукоснительно соблюдалось, постоянно удерживать их от бездумной траты чего бы то ни было.

— Замечательная лестница, Барбара!

Она, казалось, очень обрадовалась похвале.

— Самое трудное сделал Джо.

— Вовсе нет,— стал отпираться Джо.— Я только давал советы и помог обтесать кое-что.

— Все равно, кто бы ни сделал ее, она сделана прекрасно. Теперь посмотрим, выдержит ли она меня.

— О, конечно же, выдержит! — с гордостью воскликнула Барбара.

В убежище были включены все лампы. Значит, следует предупредить и насчет батарей. Нужно сказать девушкам, чтобы разыскали в книгах, как делают свечи.

— Где Грейс, Карен?

— Маме плохо. Она прилегла.

— Вот как? Тогда тебе лучше заняться обедом,— Хью вошел в женскую комнату, чтобы посмотреть, что за недуг сразил жену.

Грейс лежала на койке в одежде, забывшись в тяжелом сне, и громко храпела. Он нагнулся, приподнял ей веко. Она даже не пошевелилась.

— Дьюк!

— Да?

— Иди сюда.

Хью спросил у подошедшего сына:

— Ты давал ей выпить после ленча?

— Да. Но ведь ты и не запрещал.

— Я не обвиняю тебя. Сколько ты ей дал?

— Только один хайболл. Полторы унции скотча с водой.

— Как, по-твоему, похоже это на один хайболл? Попробуй-ка разбуди ее.

Дьюк попытался, но безуспешно. Отчаявшись, он сказал:

— Отец, я понимаю, ты считаешь меня дураком. Но я действительно дал ей выпить только одну порцию. Проклятье, ведь ты прекрасно знаешь, что я не меньше тебя ненавижу ее пьянство.

— Не волнуйся, Дьюк. Надо думать, она добралась до бутылки уже после того, как ты ушел.

— Может быть,— нахмурился Дьюк.— Я дал матери выпить, как только обнаружил первую уцелевшую бутылку. Затем я занялся инвентаризацией. Кажется, нашел все, что осталось, если только ты не припрятал где-нибудь еще про запас...

— Нет, все ящики находились в одном месте. Шесть ящиков.

— Правильно. Я нашел тринадцать целых бутылок — двенадцать по три четверти литра и литровую бутылку бурбона. Я еще прикинул, что это будет по две бутылки на человека, а бутылку бурбона оставил на всякий случай. Я открыл «Кингс Ронсом», налил порцию матери и отметил уровень виски на этикетке карандашом. Сейчас мы узнаем, прикладывалась она еще раз к нему или нет.

— Ты спрятал спиртное?

— Да, я спрятал весь запас на самую верхнюю полку в противоположном конце убежища. Я прикинул, что ей довольно трудно будет забраться туда,— ведь я не такой уж идиот, отец. Она была в своем отсеке и не могла видеть, как я прячу ящик. Правда, она могла догадаться...

— Давай проверим.

Все двенадцать бутылок были на месте, нетронутые, тринадцатая — едва начата. Дьюк поднял ее повыше.

— Вот! Ровно до отметки. Но ведь была еще одна, помнишь? Мы открыли ее, когда все началось, после первого взрыва. Куда она делась?

— Когда вы заснули, мы с Барбарой слегка приложились к ней, но до дна там было далеко. Она осталась в комнате с баллонами.

— А! Все ясно. Разбита вдребезги. Я заметил ее, когда мы наводили там порядок. Но тогда я не понимаю, где мать могла взять спиртное?

— Она не брала его, Дьюк.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Это не виски.— Хью подошел к аптечке и взял оттуда пузырек со сломанной печатью на горлышке.— Посчитай, сколько здесь капсул секонала. Ты вчера сколько выпил вечером — две?

— Да.

— Карен выпила одну перед сном, одну позже. Одну выпил Джо. Ни я, ни Барбара, ни Грейс не принимали его. Итого пять капсул секонала.

— Подожди, я считаю.

Отец принялся считать капсулы, которые откладывал Дьюк.

— Девяносто одна,— объявил Дьюк.

— Правильно,— Хью ссыпал капсулы обратно в пузырек.— Следовательно, она приняла четыре.

— Что же делать, папа? Промывание желудка? Рвотное?

— Ничего.

— Но как же? Неужели у тебя нет сердца... Ведь она пыталась покончить с собой!

— Успокойся, Дьюк. Она и не думала делать ничего подобного. Четыре капсулы — шесть гран — у здорового человека вызывают просто ступор, а она здорова как бык: месяц назад она была на осмотре у врача. Нет, она выпила секонал, чтобы подольше оставаться в состоянии опьянения,— Хью нахмурился.— Алкоголик — это уже само по себе достаточно плохо. Но люди часто, сами того не желая, убивают себя снотворными таблетками.

— Отец, а что ты подразумеваешь под тем, что она выпила его, чтобы подольше оставаться в состоянии опьянения?

— Ты не пользовался ими?

— Ни разу в жизни, только те две прошлой ночью.

— Помнишь, что ты сам чувствовал, когда принял две капсулы прошлым вечером? Тепло, радость и беспечность?

— Нет, я просто лег и отключился, а потом сразу очнулся стоящим на голове.

— Значит, у тебя еще не развилось привыкание к лекарству. А Грейс прекрасно знает, что за эффект оно дает. Опьянение, счастливое опьянение. Правда, я раньше не замечал, чтобы она принимала больше одной капсулы, но раньше и в спиртном ее никто не ограничивал. Когда человек начинает пить снотворное, будучи не в состоянии раздобыть спиртное, он на плохом пути.

— Отец, ты должен был подальше убирать от нее спиртное давным-давно.

— А как, Дьюк? Постоянно твердить, что выпивки она не получит? На вечеринках вырывать рюмку из рук? Ссориться на людях? Спорить с ней в присутствии Джо? Не давать ей карманных денег, закрыть ее счет в банке, следить, чтобы ей не давали в кредит? Разве что-нибудь удержало бы ее в таком случае от соблазна начать закладывать вещи в ломбард?

— Мама никогда не опустилась бы до этого.

— Подобное поведение типично. Дьюк, пойми, нельзя удержать взрослого человека, желающего получить спиртное. Даже правительство Соединенных Штатов оказалось в свое время в этом плане бессильным. Более того. Невозможно быть ответственным за чье-либо поведение. Я говорил о том, что отвечаю за нашу группу. Не совсем так. Самое большое, что я или любой другой руководитель могли бы сделать это только заставить каждого нести ответственность за свою собственную судьбу.

Хью глубоко задумался, лицо его выражало тревогу.

— Вероятно, моя ошибка состояла в том, что я дал Грейс возможность бездельничать. Но она и так считала меня скупцом из-за того, что я позволял ей иметь только одного слугу и женщину, которая убирала в доме. Дьюк, сам посуди, что тут можно было придумать, кроме как бить ее?

— Ну... эта проблема потеряла актуальность. Что нам делать сейчас?

— Вот именно, ваше высочество. Что ж, спрячем для начала пилюли подальше.

— А я уничтожу эти проклятые бутылки!

— Этого я не стал бы делать.

— Ты бы не стал! Я не ослышался, что ты назначил меня хранителем спиртного?

— Нет, решать тебе. Я просто сказал, что, будь я на твоем месте, я бы не стал этого делать. Такой поступок был бы необдуманным.

— Ну, я так не считаю. Отец, я не буду разбираться в том, мог ли ты не дать матери дойти до состояния, в котором она сейчас пребывает. Но лично я намерен прекратить это.

— Очень хорошо, Дьюк. Виски так и так скоро кончится. Может, лучше было бы не мешать ей пока. Если ты согласишься, я мог бы вложить в это дело одну из своих бутылок. Да кой черт, хоть обе. Я люблю пропустить стопарик не меньше любого другого, но Грейс это необходимо.

— Это не имеет значения,— решительно заявил его сын.— Я не собираюсь давать ей ни глотка. Чем быстрее с проклятым зельем будет покончено, тем быстрее она станет нормальным человеком.

— Конечно, решать тебе. Но если можно, я внесу предложение.

— Какое?

— Утром встань пораньше, пока она еще спит. Вынеси все спиртное наружу и зарой его в месте, известном только тебе. А потом открывай по мере надобности по одной бутылке и распределяй примерно по унции на каждого. Пусть остальные пьют так, чтобы она этого не видела. Открытую бутылку тоже лучше хранить где-нибудь за пределами убежища.

— Вообще-то звучит довольно дельно.

— Перед нами стоит еще одна проблема — держать от матери подальше снотворное.

— Его тоже закопать?

— Нет, оно необходимо здесь. И не только снотворное. Димедрол, иглы для шприца, некоторые лекарства, среди которых есть ядовитые и наркотические, совершенно незаменимые. Если

она не сможет найти секонал — пять пузырьков по сто капсул в каждом,— нельзя предсказать заранее, что она попытается принять. Придется воспользоваться сейфом.

— Чем?

— В толщу бетона вмонтирован небольшой сейф. Там ничего нет, кроме ваших свидетельств о рождении и других документов. Да, еще немного патронов и две тысячи серебряных долларов. Деньги хорошо бы куда-нибудь выложить, мы потом сможем использовать их в качестве металла. Ключ к сейфу — комбинация «4 июля 1776 года» — «47-17-76». Но лучше изменить ее, так как Грейс она может быть известна.

— Тогда я сразу так и сделаю!

— Не спеши, она не скоро проснется. Насчет запасных патронов... Дьюк, до сих пор ты был распорядителем спиртных напитков и сигарет, а теперь ты назначаешься еще и распорядителем лекарств. Поскольку я на некоторое время по уши зароюсь в землю, ты становишься моим заместителем по распределению и отныне отвечаешь за все, что не может быть возмещено: за спиртное, табак, патроны, гвозди, туалетную бумагу, спички, батареи, иглы...

— Боже милостивый! А погрязней работенки не найдется?

— Сколько угодно, Дьюк. Каждому я пытаюсь поручить ту работу, которая соответствует его талантам. Джо слишком робок, к тому же он пока не воспользовался ни единой возможностью что-нибудь сэкономить; Карен живет только сегодняшним днем. Барбара чувствует себя безбилетным пассажиром, хотя это и не так, она не сможет ни на кого прикрикнуть. Я бы сам занялся этим, но меня ждут другие, не менее важные дела. Ты же самый подходящий для этого человек! Ты не колеблясь отстаиваешь свои права и, случается, проявляешь даже дальновидность, правда, не слишком часто.

— Большое спасибо. Мне сразу стало понятно.

— Самое сложное, что тебе предстоит,— это вбить им всем в головы, что необходимо беречь каждый кусочек металла, бумаги, ткани и дерева — те вещи, которые американцы за долгие годы привыкли бездумно транжирить. Что еще? Рыболовные крючки.

Продукты не так важны — мы постоянно будем пополнять запас: ты — охотой, Барбара — огородничеством. И тем не менее возьми на строгий учет продукты, которые невозможно возместить. Соль. Ты должен следить за тем, чтобы соль расходовалась особенно бережно.

— Соль?

— Если только тебе не удастся набрести во время охоты на соляной выход. Соль... Черт побери, ведь нам наверняка придется дубить кожу. Обычно я всегда только просаливал кожи перед тем, как отдать их меховщику. Да разве что еще выскребал. Но так ли это было необходимо?

— Не знаю.

— Нужно посмотреть. Проклятье, очень скоро мы обнаружим, что я не догадался запастись множеством вещей, без которых нам просто не обойтись.

— Отец,— возразил Дьюк,— по-моему, ты и так сделал все, что мог.

— Ты так думаешь? Приятно слышать. Тогда мы попробуем...— Хью направился в кладовку.

— Папа?

— Да?

Из люка показалась голова Карен.

— Папа, нельзя ли нам войти? Снаружи уже темно и страшно. Что-то большое и ужасное загнало Дока внутрь.

— Прости, детка. Конечно, входите. А потом мы закроем люк крышкой.

— Есть, сэр! Отец, ты обязательно должен выглянуть наружу. Звезды! Млечный Путь похож на неоновую вывеску. И Большая Медведица... Может, это все-таки не другая планета? Или мы и с другой планеты будем видеть тот же небосвод?

— Точно не могу сказать,— тут он вспомнил, что женщины и Джо еще не знают об их открытии — о том, что они находятся в графстве Джеймс, район Маунтин-Спрингс. Но рассказать об этом должен Дьюк — ведь это он определил их местонахождение.— Дьюк, хочешь еще раз оглядеться перед тем, как мы закроемся?

— Покорнейше благодарю, я уже налюбовался.

— Ну, как знаешь,— Хью выбрался наружу, подождал, пока его глаза привыкнут к темноте, и убедился, что Карен была права: никогда еще не приходилось ему видеть такое глубокое в своей чистоте небо, не загрязненное ни малейшим признаком смога.

— Изумительно!

Карен взяла его за руку.

— Да,— согласилась она,— но я бы все-таки предпочла бы обычные уличные фонари этим звездам. Там, в темноте, кто-то ходит. Мы слышали, как воют койоты.

— Здесь водятся медведи, а Дьюк слышал рычание пумы. Джо, ты держи кота ночью взаперти, да и днем лучше не давать ему отлучаться.

— Он достаточно смышлен и поэтому и сам далеко не уйдет. К тому же кто-то уже поучил его уму-разуму.

— Меня тоже! — провозгласила Карен.— Это медведи! Барбара, ползи внутрь. Отец, если взойдет луна, то это уж точно Земля — в этом случае я больше никогда ни на грош не поверю комиксам.

— Лучше спроси у своего брата, где мы находимся.

За ужином открытие Дьюка было основной темой разговоров. Разочарование Карен немного возмещалось ее интересом к тому, отчего никто из них раньше не смог определить, что они находятся в Маунтин-Спрингс.

— Дьюк, ты действительно уверен в том, что говоришь?

— Ошибки быть не может,— ответил Дьюк.— Если бы не деревья, ты бы сама с легкостью это установила. Чтобы как следует оглядеться, нам пришлось взобраться на самую вершину Водонапорного Холма.

— Так вы, значит, столько времени потратили на дорогу к Водонапорному Холму? Но ведь до него пять минут ходу.

— Дьюк, объясни сестре насчет автомобилей.

— Думаю, что это из-за бомбы,— вдруг сказала Барбара.

— Конечно, Барбара. Вопрос только в том, как...

— Я имею в виду гигантскую водородную бомбу, которую, как утверждали русские, они имели на орбите. Ту, которую обычно называли «космической бомбой». Скорее всего, она-то и накрыла нас.

— Продолжай, Барбара.

— Так вот, первая бомба была просто ужасна, вторая — еще хуже: в их пламени мы чуть не сгорели. Третья же просто здорово встряхнула нас, а потом не было ничего — ни шума, ни жара, ни сотрясений, а радиоактивность стала меньше, вместо того чтобы возрасти. И вот что я думаю: слышали ли вы когда-нибудь о параллельных мирах? Миллионы миров бок о бок, почти одинаковые, но не совсем. Миры, в которых королева Елизавета вышла замуж за графа Эссекса, а Марк Антоний искренне ненавидел рыжих. Мир, в котором Бен Франклин был убит током. Так вот: это один из таких миров.

— Ну вот, дошли и до Бенджамена Франклина.

— Это ты зря, Карен. Космическая бомба угодила в нас прямым попаданием и вышвырнула в параллельный мир. В мир, где все точно такое же, как у нас, за исключением одного — в нем никогда не было людей.

— Я не уверена, что мне нравится мир без людей. Предпочтительнее было бы впрямь оказаться на другой планете. И чтобы на ней непременно были воинственные вожди, восседающие на тоатах. Или на этих,— как их там? — зитидарах?

— Ну, и как тебе моя гипотеза, Хью?

— Я стараюсь быть беспристрастным и пока одно могу сказать: мы не должны рассчитывать на то, что встретим других разумных существ.

— Мне нравится твоя теория, Барбара,— заявил Дьюк.— Она объясняет все. Выстрелены, как арбузная косточка из пальцев. Фью-ить!

— Да, и оказались здесь.

Дьюк пожал плечами.

— Пусть эта гипотеза войдет в историю как теория Барбары Уэллс, «теория переноса в пространстве», и будет безоговорочно принята всеми. Принято единогласно, на этом заканчиваем. Я, например, чертовски хочу спать. Кто где спит, Хью?

— Минутку. Друзья, позвольте представить вам моего заместителя по распределению. Сын мой, поклонись публике,— Хью объяснил свою программу экономии.— Дьюк с течением времени

усовершенствует ее, но суть я вам изложил. Допустим, я на земле нахожу согнутый гвоздь — виновный получает соответствующее количество плетей. За серьезное нарушение, например, за трату спички — протаскивание под килем. Еще одно нарушение — и виновного вешают на городской площади при большом стечении народа.

— Ха! А мы все будем смотреть!

— Помолчи, Карен. Конечно, я шучу. Никаких наказаний не будет, просто вы сами должны осознать, что непростительно бессмысленно тратить то, чего вам никогда больше не увидеть как своих ушей. И я хочу произвести еще одно назначение. Доченька, ты, кажется, владеешь стенографией?

— Ну, это слишком сильно сказано. Мистер Грегг, наш преподаватель, вряд ли придерживался такого мнения.

— Хью, я знаю стенографию. А зачем она тебе?

— О'кей, Барбара. Я назначаю тебя нашим историографом. Сегодня — *День Первый*. В принципе, можешь использовать привычный календарь. Только придется его немного сдвинуть, судя по звездам, сейчас зима. Каждый день ты должна фиксировать события, а потом расшифровывать записи. Тебе также присваивается звание «хранительница огня». Я полагаю, что вскоре ты станешь ею на самом деле: нам придется разжигать огонь и сохранять его. Ну вот и все. Прошу прощения, Дьюк, что задержал.

— Хью, я буду спать в хранилище. А ты ложись на койку.

— Погоди еще секунду, братишка. Папа, а нельзя нам с Барбарой помыться в хранилище? Нам это просто необходимо. Девушки, которые копают выгребные ямы, обязаны мыться.

— Конечно, Карен,— согласился Дьюк.

— С водой проблемы нет,— сказал Хью,— но вы с не меньшим успехом можете утром выкупаться в ручье. Помните только одно: пока одна купается, вторая должна быть начеку. Я ведь не шутил насчет медведей.

Карен вздрогнула.

— Я и не думала, что ты шутишь. Кстати, папочка, где нам справлять нужду? В туалете? Или терпеть всю ночь до утра? Правда, я не уверена, что дотерплю. Я, конечно, постараюсь: очень не хочется среди ночи играть в прятки с медведями, но...

— Надо думать, туалет остался на своем месте.

— Ну... я думала, что теперь, когда у нас эти новехонькие отхожие места...

— Да пользуйтесь, пользуйтесь.

— О'кей! Братишка, тогда дай нам с Барбарой водички для туалета и можешь отправляться спать.

— Мыться вы раздумали?

— Помыться мы можем и в женской спальне, когда вы все уляжетесь почивать. Таким образом ваше смущение целиком останется при вас.

— А меня бы это вовсе не смутило.

— Что очень плохо.

— Тихо,— вмешался Хью.— Мы должны следовать правилу «Нет — ложному стыду». Здесь мы скучены хуже, чем в московской коммунальной квартире. Вы знаете, что говорят японцы по поводу наготы?

— Я слышала, что они моются совместно,— сказала Карен.— И была бы очень рада последовать их примеру. Горячая водичка! Это, я вам скажу, вещь!

— Так вот, они говорят следующее: «Видят наготу часто, но рассматривают редко». Не подумайте, что я призываю вас расхаживать в чем мать родила. Но стыдиться друг друга просто глупо. Если нужно переодеться, а уединиться негде — переодевайтесь спокойно. Или взять, например, купание в ручье. Тот, кому предстоит охранять купающегося, может оказаться человеком другого пола,— иначе возникает множество сложностей. Поэтому советую: меньше обращайте на это внимания,— он взглянул на Джозеф.— Вышеизложенное в большой степени относится к тебе. Я заметил, что ты особенно щепетилен в этих делах.

— Так уж я воспитан, Хью,— упрямо ответил Джо.

— Вот как? В таком случае придется тебе забыть об этой стороне твоего воспитания. После целого дня тяжелой работы, может статься, только Барбара будет в состоянии охранять тебя от медведей.

— Я все-таки рискну выкупаться в одиночку. Что-то я не видел поблизости медведей.

— Джо, не мели чепухи. Ты мой заместитель.

— Не по своей инициативе.

— Очень скоро ты перестанешь им быть, если не сменишь пластинку. Будешь купаться, когда тебе нужно и под охраной любого из нас.

— Нет уж, благодарю покорно,— заупрямился Джо.

Хью Фарнхэм вздохнул.

— Вот уж от кого, а от тебя я такого не ожидал. Дьюк, ты не поможешь мне? Я имею в виду «ситуацию номер семь».

— С удовольствием! — Дьюк схватил ружье и начал деловито заряжать его. У Джо отвисла челюсть, но он не пошевелился.

— Это лишнее, Дьюк. Оружие ни к чему. А теперь, Джо, возьми только ту одежду, в которой был вчера вечером. За одежду, которая припасена для тебя, платил я. Так что тебе больше ничего не причитается, даже спички. Можешь переодеться в кладовой — ведь превыше всего ты ценишь свою скромность. Насчет жизни — не знаю. Давай пошевеливайся.

Джозеф медленно спросил:

— Мистер Фарнхэм, вы это серьезно?

— Сейчас я не менее серьезен, чем ты, когда прицеливался в Дьюка. Ты помог мне прижать его. Ты слышал, как я сам прижал свою жену. Так могу ли я после этого спустить тебе то, чего я не стерпел от них? Боже всемогущий, да ведь тогда в следующий раз мне придется схватиться с девицами, после чего группа распадется и мы все погибнем. Поэтому я предпочту, чтобы ты ушел один. Даю тебе еще две минуты на прощание с Доктором Ливингстоном. Кота с собой взять не позволю: я не желаю, чтобы он был съеден.

Док сидел на коленях негра. Джо медленно поднялся, все еще придерживая кота руками. Он был ошеломлен.

— Если, конечно, ты не предпочтешь остаться с нами,— добавил Хью.

— А можно?

— Можно, но только на общих для всех условиях.

По щекам Джо медленно скатились две слезы. Он потупился, погладил кота и тихо сказал:

— Тогда я останусь. Я согласен.

— Отлично. В таком случае для подтверждения своего согласия извинись перед Барбарой.

Барбара была слегка удивлена. Она хотела что-то сказать, но потом решила, что лучше не вмешиваться.

— Э-э-э... Барбара, прости меня.

— Не стоит, все в порядке, Джо.

— Я буду... счастлив и горд, если мне когда-нибудь доведется купаться под вашей охраной. Разумеется, если вы согласитесь.

— Всегда пожалуйста, Джо. Буду рада.

— Благодарю вас.

— А теперь,— возвестил Хью,— предлагаю перекинуться в бридж. Карен, ты как?

— А почему бы и нет?

— Дьюк?

— Я лучше прикорну. Если кому-нибудь приспичит на горшок — смело шагайте через меня.

— Ложись на полу, рядом с койками, Дьюк, и старайся не мешаться под ногами. Впрочем нет, лучше забирайся на верхнюю койку.

— А где ты будешь спать?

— Я лягу последним. Мне нужно кое-что обдумать. Джо, играть будешь?

— Сэр, я не горю желанием играть сейчас в карты.

— Пытаешься поставить меня на место?

— Отнюдь нет, сэр.

— Не стоит, Джо. Предлагаю тебе трубку мира. Всего лишь один роббер. Сегодня выдался трудный денек.

— Благодарю. Я все-таки предпочел бы не играть.

— Черт возьми, Джо! Неужели мы будем держать обиду друг на друга? Вчера вечером Дьюку, например, пришлось куда хуже, чем тебе сегодня. Его-то ведь чуть было не вышвырнули в радиоактивный ад, а не на легкую прогулку с доброжелательными медведями, как тебя. А разве он обиделся?

Джо опустил глаза, почесал Доктора Ливингстона за ухом. Потом внезапно вскинул голову и улыбнулся:

— Один роббер. И оберу тебя до нитки.

— Черта с два! Барби! Будешь четвертой?

— С удовольствием!

Джо выпало играть в паре с Карен. Он разобрал карты и угрожающе произнес:

— Ну, теперь держитесь!

— Следи за ним, Барби.

— Хочешь побочную ставку, па?

— А что ты мне можешь предложить?

— Ну... хотя бы мое юное тело.

— Не пойдет, дрябловато, да и не в моем вкусе.

— Ты просто ужасно несправедлив ко мне. Я не дряблая, а пикантно пухленькая. Ну ладно, а как насчет моей жизни, судьбы и девичьей чести?

— И что ты за все это хочешь?

— Браслет с бриллиантами.

Барбара с удивлением заметила, что на сей раз Хью играет из рук вон плохо: он то и дело обсчитывался, часто сбрасывал не в масть. Она поняла, что Хью еле жив от усталости, милый, бедняжка! Видно, кому-то придется прижать и его, не то он просто убьет себя, пытаясь в одиночку вынести груз на своих плечах.

Через сорок минут Фарнхэм написал долговую расписку на бриллиантовый браслет, и они стали укладываться спать. Хью с удовлетворением заметил, что Джо разделся и нагишом лег на нижнюю койку. Именно так, как ему и было велено. Дьюк, тоже голый, растянулся на полу. В убежище было жарко: такая груда железобетона не могла быстро остыть, а воздух снаружи перестал поступать, как только закрыли крышкой люк. С духотой не справлялись даже вентиляционные отверстия. Хью отметил про себя, что нужно придумать какую-нибудь решетку, которая бы не впускала внутрь медведей и не выпускала наружу кота. Но все это потом, потом...

Он взял фонарик и вошел в хранилище.

Книги снова были кем-то расставлены по полкам, кроме тех, которые еще лежали раскрытыми и сохли. Он задумчиво перелистал несколько штук, искренне надеясь, что вред им причинен небольшой.

Последние книги на свете... Похоже на то, во всяком случае.

Он вдруг почувствовал такую жалость, которой не испытывал даже при абстрактной мысли о гибели миллионов людей. Гибель миллионов книг казалась ему событием более страшным и делом более жестоким, чем убийство людей. Все люди рано или поздно умирают. Смерть ни для кого не делает исключения. Но книга не должна умирать, и грешно убивать ее, ведь книги — олицетворение человеческого бессмертия. Сжечь книгу... Это все равно что изнасиловать беззащитную.

Книги всегда были его лучшими друзьями. Они учили его всему на свете в сотнях публичных библиотек. Они согревали его в момент одиночества. Внезапно он почувствовал, что, если бы ему не удалось сохранить немного книг, жизнь потеряла бы для него смысл.

Большая часть его библиотеки являлась собранием книг, могущих принести практическую пользу. Британская Энциклопедия... Грейс считала, что лучше на это место водрузить телевизор: «Ведь их потом, возможно, будет трудно купить». Объемистость Энциклопедии его тоже не совсем устраивала, но это издание являлось самым компактным хранилищем знаний из всего того, что мог предложить рынок. Книга Че Гевары «Партизанская война» — слава богу, что она им не понадобится! Да и соседние с ней «О партизанской войне» Мао Цзе-дуна в переводе Гриффита и книга Тома Уинтрингема «Новые способы ведения войны» (пособие для войск специального назначения) можно забыть о них.

Я не хочу воевать,
Я не пойду воевать,
Мне не нужна война опять!

— вспомнил он.

«Настольная книга бойскаута», «Справочник по конструированию», «Пособие по ремонту радиоаппаратуры», «Охота и рыболовство», «Съедобные грибы и как их распознать», «Ваш загородный дом: печи и трубы», «Пособие по выживанию», разработанное особым отделом штаба морской пехоты, «Техника выживания» — издание штаба ВВС, «Практическое пособие по плотницкому делу» — книги все полезные, важные и недорогие. «Поваренная

книга для путешественников», «Медицина без докторов», «Пять акров и независимость», самоучитель русского языка, русско-английский и англо-русский словари, справочник растений.

«Антология английской поэзии» оксфордского издания, «Сокровища американской поэзии», «Книга игр» Хойла, «Анатомия меланхолии» Бертона, его же «Тысяча и одна ночь», старая добрая «Одиссея» с иллюстрациями Вайета, полное собрание стихотворений Киплинга и его «Сказки просто так», однотомник Шекспира, молитвенник, Библия, «Занимательная математика», «Так говорил Заратустра», стихи Т. С. Элиота, Р. Фроста...

Как он сетовал на то, что его собрание художественной литературы не включает в себя всего, что он хотел бы сейчас иметь! Как жаль, что нет здесь произведений Марка Твена — для них он нашел бы место. Как жаль, что...

Поздно, слишком поздно. Его скромная библиотека — это все, что осталось от некогда могучей культуры. «Верхушка башни окунулась в облака...»

Он очнулся и понял, что заснул стоя. Зачем он пришел сюда? Что-то важное... Ах да! Дубление кожи. Кожа! Барбара ходит босая. Нужно сделать ей мокасины. Наверное, самое лучшее — заглянуть в «Британнику» или в какое-нибудь специальное пособие.

Нет, слава богу, соль не нужна. «Найдите дуб...» — впрочем, лучше, если Барбара сама найдет его — это заставит ее ощутить себя полезной. И для Джо нужно подыскать какое-нибудь дело, которое только он один будет способен довести до конца. Пусть бедняга потешится общим восхищением, почувствует, что действительно нужен всем. Главное — не забыть...

Хью с трудом дошел до главной комнаты, взглянул на верхнюю полку и понял, что не испытывает ни желания, ни сил забираться на нее. Он улегся на одеяло, на котором они играли в карты, и мгновенно заснул.

Глава пятая

К завтраку Грейс не вышла. Девушки быстро покормили мужчин и остались, чтобы вымыть посуду и прибраться. Дьюк отправился на охоту, взяв с собой кольт сорок пятого калибра и охотничий лук.

Он сам так решил: стрелы можно собрать или сделать новые, а пули пропадали безвозвратно. Дьюк несколько раз выстрелил из лука и пришел к выводу, что его плечо в норме.

Он сверил часы и договорился, что если его не будет к трем часам, то возле убежища зажгут дымный костер.

Хью велел девушкам вынести на солнце все книги, которые хоть немного отсырели, и, вооружившись киркой и лопатой, принялся вгрызаться в землю. Джо хотел было помочь, но Хью категорически отказался от всякой помощи.

— Слушай, Джо, ведь нужно сделать тысячи дел. Пожалуйста, займись ими.

— Что бы мне такое сделать?

— Ну, например, составь инвентарные списки. Помоги Дьюку в учете всего, что невозможно восстановить. По ходу дела у тебя будут возникать разные соображения, записывай их. Посмотри по книгам, как изготовляются мыло и свечи. Проверь оба дозиметра. Только возьми оружие и будь начеку. Следи, чтобы девицы не выходили невооруженными. Черт побери, да хоть придумай, как устроить канализацию и водопровод без труб, свинца и цемента.

— Разве такое возможно?

— Но ведь кто-то сделал же это первым! И объясни этому хвостатому надсмотрщику, что помощники мне не нужны.

— О'кей. Док, иди сюда! Сюда, сюда!

— Да, и еще, Джо. Можешь предложить девушкам свои услуги в качестве охраны, пока они купаются. Смотреть на них при этом не обязательно.

— Хорошо. Но только я скажу им, что это не мое предложение. Я не хочу, чтобы они думали...

— Послушай, Джо. Эти девушки — пара нормальных, здравомыслящих, злых на язычок американских девчонок. Можешь им говорить, что угодно, они все равно будут уверены, что ты подглядываешь. Ведь основой их мировоззрения является чувство собственной неотразимости. Так что, по их понятиям, мужчина просто не может не подсматривать за ними. Ты их ни в чем не убедишь, а только обидишь.

— Кажется, я понял,— сказал Джо и удалился.

Хью начал копать, думая при этом, что он-то никогда не упускал случая в таких делах. Этот неисправимый питомец воскресной школы, вероятно, и на обнаженную леди Годиву постеснялся бы взглянуть. Хороший парень — а воображения ни на грош. Правда, положиться на него можно полностью. Досадно, что пришлось обойтись с ним так круто...

Очень скоро Хью понял, что его худшие опасения подтвердились: работать без тачки оказалось невозможно. Он пришел к такому заключению, не успев еще выкопать достаточно большой ямы. Трудиться без всякой механизации было, конечно, тяжело, но совсем уж немыслимо таскать выкопанный грунт ведрами. Более того, для нормального человека это просто оскорбительно.

Тем не менее он начал выносить землю вручную, напряженно думая при этом, как соорудить колесо, не имея металла, паяльного инструмента, мастерской, плавильной печи — одним словом, ничего...

Постой-постой... Ведь есть стальные баллоны. Койки сделаны с применением металлических полос, а в корпусе перископа имеется ковкое железо. Уголь можно получить, а меха — это просто шкуры животных да каркас из веток. Вот так-то! А идиот, который при наличии всего этого не сумеет сварганить колесо, просто-таки заслуживает того, чтобы таскать землю на собственном горбу.

Вокруг него растут тысячи деревьев... Например, в Финляндии больше ничего и нет, кроме деревьев. А все же Финляндия — самая симпатичная маленькая страна в мире...

— Док, брысь из-под ног!

...Конечно, если только Финляндия еще существует.

Девушкам, должно быть, понравится финская баня, где они могли бы попариться, взвизгивая от удовольствия, и снова почувствовать себя нормальными людьми. Бедняжки, больше они никогда не увидят ни обычной ванной, ни косметики. Может быть, хоть сауна послужит для них утешением. Да и Грейс, наверное, не прочь будет помыться. Вдруг в парилке спадет с нее нынешняя одутловатость и она снова станет стройной. Какой она раньше была красавицей!..

Показалась Барбара с лопатой.

— Где ты ее взяла? И что собираешься делать?

— Это лопата, которой работал Дьюк. Я собираюсь копать.

— Босиком? Ты с ума со... Ба, да на тебе ботинки!

— Это ботинки Джо. И джинсы тоже его. А рубашка Карен. Где мне начинать?

— Вот тут, чуть подальше. Если встретится валун тяжелее двухсот килограммов — зови на помощь. Где Карен?

— Купается. А я решила пропотеть посильнее, а потом помыться поосновательнее.

— Мойся, когда захочешь. И не вздумай работать здесь полный день. Тебе это не под силу.

— Мне нравится работать с тобой, Хью. Почти так же, как и...— она не договорила.

— Как играть в бридж?

— Да, как играть в бридж на пару с тобой. Да, можно сказать и так. Тоже.

— Барби, девочка моя...

После этого он почувствовал, что рытье может быть удовольствием. Голова отдыхает, а мышцы работают в полную силу. Прямо радостно даже. Сколько лет он не брал в руки лопату?

Барбара работала уже с час, когда из-за угла появилась миссис Фарнхэм.

— Доброе утро! — Барбара добавила по лопате земли в каждое из ведер, подняла их наполненными наполовину и исчезла за углом.

Грейс Фарнхэм обратилась к мужу:

— Ага! А я-то все думала, куда это ты запропастился. Все меня бросили. Ты понимаешь? — она была в том же наряде, в котором спала. Лицо отекло.

— Просто тебе дали возможность отдохнуть, дорогая.

— Думаешь, приятно просыпаться в одиночестве в незнакомом месте? Я к этому не привыкла.

— Грейс, никто не хотел тебя обидеть. О тебе просто позаботились.

— Это называется забота? Ладно, не будем больше об этом.

— Хорошо.

— А ты и рад,— заметно было, что она старается взять себя в руки. Затем она спросила напрямик: — Может быть, ты все-таки прервешься ненадолго и сообщишь мне, куда спрятал мою выпивку? Мою! Мою долю. Уж конечно, я не рискну тронуть твою, после того как ты так обошелся со мной. На глазах у слуг и посторонних людей к тому же!

— Грейс, тебе придется поговорить с Дьюком.

— *Что это значит?*

— Все спиртное находится в ведении Дьюка. И я не знаю, где он держит его.

— Ты лжешь!

— Грейс, за двадцать семь лет я не солгал тебе ни разу.

— О! Какой ты все-таки жестокий!

— Возможно. Но я не лжец, и в следующий раз, когда ты позволишь себе обвинить меня во лжи, тебе это даром не пройдет.

— Где Дьюк? Он не позволит тебе разговаривать со мной в таком тоне! Он обещал мне это!

— Дьюк ушел на охоту. Намеревался вернуться к трем часам.

Она некоторое время молча смотрела на него, потом резко повернулась и бросилась за угол.

Тут же появилась Барбара, взяла лопату, и они продолжили работу.

— Мне очень жаль, что ты стала невольной свидетельницей этого разговора,— сказал Хью.

— Какого?

— Если только ты не отходила отсюда более чем на сто метров, то сама знаешь, какого.

— Хью, это не мое дело.

— В нынешних обстоятельствах всем до всего должно быть дело. Теперь ты составила плохое мнение о Грейс.

— Хью, да мне и в голову никогда бы не пришло критически относится к твоей жене.

— Тем не менее у тебя складывается какое-то впечатление о людях. Я хочу, чтобы твое представление о Грейс не было поверхностным. Представь себе, какой она была двадцать пять лет назад. Вспомни Карен.

— Должно быть, Карен очень похожа на нее?

— Да, похожа, но Карен никогда не отличалась ответственностью. На Грейс же всегда во всем можно было положиться. Я находился на действительной службе — офицерский чин я получил только после Перл-Харбора. Ее родители были, что называется, добропорядочными бюргерами. И они вовсе не желали, чтобы их дочь вышла замуж за нищего солдата.

— Еще бы!

— А она все же вышла. Барбара, ты даже представить себе не можешь, что значило в те дни быть женой молодого парня, призванного в армию! При полном отсутствии денег. Родители Грейс хотели, чтобы она вернулась домой, но не присылали ей ни гроша, пока она находилась со мной. Грейс не бросила меня.

— Она молодец.

— Да. Учти притом, что до этого ей никогда не приходилось жить в одной-единственной комнате, пользоваться общей с другими жильцами ванной, сиживать в приемных покоях военно-морских госпиталей. Экономить буквально на всем. Оставаться совершенно одной, пока я был в море. Молодая и красивая женщина могла бы найти себе кучу развлечений в Норфолке, а она вместо этого нашла себе работу в прачечной — сортировать грязное белье. И все же когда бы я ни приехал на побывку, она была неизменно красива, жизнерадостна и ни на что не жаловалась.

— Александр родился на второй год...

— Александр?

— Дьюк. Его назвали в честь дедушки по материнской линии и крестили без меня. Ее родители после рождения внука пошли на попятную: теперь они были согласны принять меня в свою семью. Но Грейс не растаяла и так никогда и не взяла от них ни цента. Она снова устроилась на работу, а с ребенком целыми днями нянчилась наша квартирная хозяйка.

По службе я продвигался довольно быстро, и деньги уже не были такой проблемой. Началась война, я был произведен из капралов в лейтенанты. Но в конце концов мне пришлось выбирать:

снова переходить в капралы или увольняться в запас. С согласия Грейс я стал гражданским и оказался на берегу, без работы, но с женой, с сыном, посещавшим начальную школу, и трехлетней дочерью. Жить нам пришлось в трейлере. Была безумная инфляция, и цены непрестанно росли. Все, что мы имели,— это несколько облигаций военного времени.

Настал второй тяжелый период нашей жизни. Я ввязался в подряды, потерял на этом все сбережения, после чего мне пришлось устроиться на работу в водопроводную компанию. Мы не голодали, хотя подчас приходилось варить суп из топора. Грейс все невзгоды переносила очень мужественно: трудолюбивая домохозяйка, активный член местной ассоциации родителей и преподавателей, а самое главное — всегда оптимистично настроенная.

Поскольку я когда-то занимался подрядами, через некоторое время я решил еще раз попробовать свои силы в этой области бизнеса. На сей раз мне повезло. Кое-как я наскреб с мира по нитке и ухитрился построить дом. Продал его еще до окончания строительства и тут же построил еще два. С тех пор удача не покидала меня.

Лицо Хью Фарнхэма стало задумчивым.

— Вот тут-то она и стала сдавать. Когда мы наняли прислугу. Когда стали держать в доме спиртное. Мы не ссорились — мы вообще никогда не ссорились, если не считать вопроса о воспитании Дьюка, которого я хотел вырастить в строгости, а Грейс не выносила рукоприкладства по отношению к мальчику. Она стала опускаться именно тогда, когда я стал делать деньги. Пережить процветание ей было не под силу. Она привыкла выкручиваться в неблагоприятных обстоятельствах и, когда мы разбогатели, ощутила себя не у дел. Но я все же надеюсь, что ей удастся перебороть себя.

— Конечно, Хью.

— Надеюсь.

— Я рада, что ты рассказал мне о ней, Хью. Теперь я буду лучше понимать ее.

— Черт возьми, в этом нет никакой нужды. Я просто хотел, чтобы ты знала: эта толстая, глупая и эгоистичная женщина — не вся Грейс, и в том, что она покатилась по наклонной плоскости,— не только ее вина. Со мной не так просто ужиться, Барбара, как ты думаешь.

— Вот как?

— Да! Когда я получил возможность отойти от дел, я не оставил свой бизнес. Я позволил себе задерживаться в конторе вечерами. А когда женщина часто остается одна, она может начать с лишнего бокала пива перед телевизором, потом выпить еще один, и еще... Впрочем, все равно, если бы я даже и бывал по вечерам дома, то посвятил бы свой досуг чтению. Мало того, я вступил в семейный клуб. Сначала она посещала его, но скоро перестала. Она прекрасно умеет держаться на людях. Но, видимо, ей надоело играть роль светской дамы. Я не хочу корить ее за это. Она избрала свой путь... и если бы я был потверже... она, вероятно, не стала бы такой, как сейчас.

— Чепуха!

— Что?

— Хью Фарнхэм! То, что представляет себе человек,— его собственных рук дело. Убеждена, что это так. Я являюсь такой, какая есть, потому что сама пожелала этого. То же и с Грейс. И с тобой,— и уже тише она добавила: — Я люблю тебя. И судьба Грейс — не твоя вина. И ни в чем из того, что мы сделали, твоей вины нет. Я просто слышать не могу и не хочу, как ты бьешь себя в грудь и причитаешь: *«Mea culpa!»* *. Ты признаешь достоинства Грейс. Так почему бы тебе не признать ее недостатки?

Он заморгал и улыбнулся.

— Семь без козыря.

— Вот так-то лучше.

— Я тебя люблю. Считай, что я тебя поцеловал.

— Я тебя тоже. Большой шлем. Внимание, сюда идут копы,— вдруг сказала она сквозь зубы.

Это оказалась Карен, чистая, сверкающая, с расчесанными волосами, накрашенными губами и улыбающаяся.

— Какое вдохновляющее зрелище! — воскликнула она.— Может быть, несчастные рабы желают корочку хлеба и глоток воды?

— Скоро захотим,— согласился отец.— Помогай нам, только не нагружай корзину с верхом.

---

* «Моя вина» — *лат.*

Карен попятилась.

— Но я не вызывалась работать с вами!

— Ладно, не будем формалистами.

— Но, папа, я ведь только что помылась!

— А что, разве вода в ручье в ближайшее время иссякнет?

— Папа! Я уже приготовила ленч. На свежем воздухе. А вы слишком грязные, чтобы появляться в моем хорошеньком, чистеньком домике.

— Ты права, детка. Пошли, Барбара,— он поднял ведра.

К ленчу миссис Фарнхэм не вышла. Карен передала ее заявление, что она решила поесть в убежище. Хью не стал вмешиваться: и так, когда вернется Дьюк, предстоит вынести черт-те что.

— Хью... я вот насчет канализации...— нерешительно начал Джо.

— Есть какие-нибудь соображения?

— Кажется, я придумал, как получить проточную воду.

— Если у нас будет проточная вода, я гарантирую, что сделать канализацию не составит труда.

— Папа, правда? Я знаю, чего мне хочется. Туалет, облицованный кафелем, лучше всего зеленым. И обязательно чтобы в нем было достаточно места для переодевания.

— Помолчи, детка. Так что же ты придумал, Джо?

— Я вспомнил римские акведуки. Ручей стекает с возвышенности, так что наверняка какой-нибудь его участок расположен выше убежища. Насколько я помню, римские акведуки были бесструбными. Вода по ним текла под открытым небом.

— Понимаю,— Фарнхэм обдумывал идею.— В сотне метров выше по течению есть небольшой водопад... Но ведь это означает массу строительных работ. И для каждой арки еще понадобится рама.

— А может, мы просто выдолбим половинки стволов? И укрепим их на опорах из бревен?

— Можно и так,— Хью подумал, затем добавил: — Но можно и еще проще, таким образом мы убьем сразу двух зайцев. Барбара, какова эта местность?

— Не поняла...

— Ты сказала, что здесь субтропики. А ты можешь определить, какое сейчас время года? И чем грозит смена сезона? Я вот к чему клоню: нужна ли нам ирригация?

— Господи, Хью, я понятия не имею.

— Подумай хорошенько.

— Ну,— она оглянулась,— не думаю, чтобы тут когда-нибудь свирепствовали морозы. Будь у нас вода, мы могли бы снимать урожай круглый год. Это не тропический влажный лес, иначе подлесок был бы гораздо гуще. Похоже, что здесь дождливые периоды сменяются засушливыми.

— Но наш ручей не пересыхает: в нем много рыбы. Где ты собираешься разбить огород?

— Может быть, на той поляне, немного ниже по течению? Правда, придется выкорчевать там несколько деревьев и довольно много кустов.

— Деревья и кусты — не проблема. Джо, пошли прогуляемся. Я возьму ружье, а ты захвати свой сорок пятый. Девочки, не выкапывайте столько, чтобы вас завалило. Нам будет очень не хватать вас.

— Папа, я хотела немного вздремнуть.

— Отлично! В процессе работы обдумай этот вопрос как следует.

Хью и Джо стали пробираться вверх по ручью.

— Что ты придумал, Хью?

— Канаву с постоянным наклоном к убежищу. Мы должны подвести ее к вентиляционному отверстию на крыше. Если нам это удастся, значит, все в порядке. Тогда у нас будет нормальный туалет, проточная вода для приготовления пищи и мытья посуды. И для огорода, причем она будет течь с места настолько высокого, что ее можно будет отвести, куда только пожелает Барбара. Но самым главным удовольствием и роскошью для наших женщин станет возможность с удобствами мыться и нормально мыть посуду. Мы освободим хранилище и устроим там ванную и кухню.

— Хью, как ты собираешься подвести воду — я понял. Но ведь не может она просто стекать вниз через вентиляционное отверстие? Нужно сделать что-то вроде трубы.

— Я еще не обмозговал детали, но мы обязательно устроим все как надо. Туалет с бачком нам не осилить, значит, придется сделать такой, в котором постоянно течет вода. Подобные туалеты — обычное дело на военных кораблях. Там это просто: доска с небольшим стульчаком. Вода стекает под доску с одной стороны и вытекает с другой. Мы пустим ее через лаз, а затем подальше от дома отведем. Ты нигде не встречал глину?

— Ниже по течению в одном месте берег глинистый. Карен еще пожаловалась, что очень скользко. Из-за этого она купалась выше по течению — там песчаный пляжик.

— Потом пойду взгляну. Если мы сможем обжигать глину, то обзаведемся очень многими вещами: унитазом, раковиной, посудой, трубами. Построим печь для обжига из сырой глины и будем использовать ее и для приготовления пищи, и для гончарных дел. Но глина — дело второе, она только облегчает задачу. Вода — вот настоящее золото. Недаром все цивилизации возникли близ воды. Джо, мне кажется, мы забрались достаточно высоко.

— Может, поднимемся еще повыше? Обидно будет, если придется копать канаву длиной в двести метров.

— Гораздо длиннее.

— Тем более. Выкопаем, а потом увидим, что она проходит слишком низко и ее не провести на крышу.

— Мы сначала все обследуем.

— Обследуем? Хью, ты шутишь! У нас нет никаких геодезических инструментов, даже обычного ватерпаса. При взрыве в нем разбилось стекло.

— Египтяне обмеряли свои земли, имея еще меньше, Джо. Неважно, что у нас нет уровня. Мы сделаем его.

— Ты смеешься надо мной, Хью?

— Ничего подобного. Древние механики делали эти нехитрые приборы задолго до того, как их стала производить промышленность. Мы соорудим обычный отвес. Он похож на перевернутую букву Т, к которой прикреплен шнурок с грузом. На планке отмечается строгая вертикаль. Лучше сделать его шести футов в длину и шести в высоту, чтобы уменьшить погрешность. Придется разобрать одну из коек на доски. Работа легкая, но требующая

аккуратности. Ты как раз и займешься этим, пока заживают твои ребра. А девицы пусть трудятся на выемке грунта.

— Ты мне только начерти этот злосчастный прибор, а уж сделать-то я его сделаю.

— Когда выровняем убежище, мы поставим эту штуку на крышу и с ее помощью найдем точку ручья, которая на той же высоте. Когда выровняем убежище, сразу же проведем воду. Правда, пока мы будем рыть канаву, по пути нам придется убрать пару деревьев. Надеюсь, никаких других трудностей не возникнет. Не дрейфь, Джо! Все будет о'кей!

— Да, работенка не пыльная.

— Не пыльная, но потная. Если за день мы будем делать метров по шесть неглубокой канавы, то вода для орошения появится у нас как раз к началу сухого сезона. Ванна может подождать. Девочки будут рады уже и тому, что она должна будет появиться в перспективе. Джо, мне кажется, отвод нужно делать здесь. Понимаешь, почему?

— А что здесь понимать?

— Чтобы перегородить ручей, мы срубим вон те два дерева. Потом навалим в их кроны кустов и грязи — всего, что попадется под руку,— и получим отличный пруд. Нужно было бы сделать шлюз, но я пока не знаю, как. Да, решение одной проблемы неизбежно ведет к возникновению следующих. Проклятье!

— Хью, ты пытаешься пересчитать цыплят еще до наступления осени.

— Пожалуй что и так... Ладно, пошли посмотрим, много ли девицы накопали, пока мы тут отдыхали.

Выкопали за время их отсутствия немного. Вернувшийся с охоты Дьюк принес небольшого оленя. Девушки теперь безуспешно пытались освежевать его. Карен с ног до головы была забрызгана кровью.

Они оторвались от своего занятия, заметив, что мужчины возвратились. Барбара вытерла пот со лба, испачкав его при этом кровью.

— Никогда бы не подумала, что внутри у него столько всего.

— Просто ужас! — вздохнула Карен.

— Так это еще очень маленький олень.

— Сами видим. Папа, покажи нам, как это делается. Мы хотим поучиться.

— Я? Но я занимался спортивной охотой. А всю грязную работу обычно делал егерь. Впрочем... Джо, дай-ка мне вон тот маленький топорик.

— Сейчас. Я как раз вчера наточил его. Он очень острый.

Хью разрубил тушу и извлек внутренности, в душе порадовавшись, что девушки не успели проколоть желчный пузырь.

— Ну вот и все. Остальное — ваша забота. Барбара, если бы ты сумела снять шкуру, то вскоре уже могла бы уже щеголять в ней. Ты не видела поблизости дубов?

— Только карликовой формы. И еще сумах. Ты ломаешь голову, как получить танин.

— Да.

— Я знаю, как извлечь его из коры.

— Тогда ты, видимо, знаешь о дублении больше меня. Признаю свое поражение. На всякий случай: в книгах есть описание процесса.

— Это нам известно. Я уже туда заглядывала. Док! Не смей ничего трогать!

— Он не будет есть,— заверил ее Джо,— особенно если это что-то вредное. Коты очень разборчивы в еде.

Пока разделка туши продолжалась, из убежища появились Дьюк с матерью. Миссис Фарнхэм была в хорошем настроении, но здороваться ни с кем не стала и уставилась на оленью тушу.

— О, бедняжка! Дьюк, у тебя хватило жестокости убить такую прелесть?

— Я несколько раз промахивался и потому очень разозлился на нее.

— Отличная добыча, Дьюк,— похвалил Хью.— И прекрасная еда.

Грейс смерила мужа презрительным взглядом.

— Может быть, ты и станешь есть ее, а я на это неспособна.

Карен изобразила искреннее удивление.

— Мама, ты что, стала вегетарианкой?

— Я не это имела в виду. Я возвращаюсь в убежище. Не могу больше этого видеть. Карен, прежде чем заходить внутрь, обязательно помойся. Я не желаю, чтобы ты перепачкала кровью все то, что я вылизала до блеска.— Она направилась к убежищу.— Пошли, Дьюк.

— Сейчас иду, мама.

Карен со злостью рубанула тушу.

— Где ты подстрелил ее? — поинтересовался Хью.

— На той стороне гряды. Я бы вернулся еще раньше.

— Что же тебя задержало?

— Да промахнулся и расщепил стрелу о валун. Охотничья лихорадка. Ведь последний раз я стрелял из лука много лет назад.

— Две стрелы и одна туша — это совсем неплохой результат. Ты сохранил наконечник?

— Конечно, а что, я похож на глупца?

— Ты-то нет, а вот из меня точно сделали дурочку,— сказала Карен.— Братишка, ведь это я навела порядок в убежище. Если мать что-то и убрала, то только за собой.

— Я знаю.

— Бьюсь об заклад: как только мать учует запах жаркого, она сразу передумает.

— Ладно, не надо об этом.

Хью отошел в сторону, сделав знак Дьюку следовать за собой.

— Я рад, что Грейс выглядит довольной и умиротворенной. Видимо, ты успокоил ее...

Дьюк смутился.

— Понимаешь, ты ведь сам говорил, что сразу лишать ее нельзя... Я дал ей совсем немного, только одну порцию, и пообещал, что разрешу выпить еще одну перед обедом.

— Кажется, этого вполне достаточно.

— Лучше бы мне пойти за ней. Ведь бутылка осталась там, внутри.

— Пожалуй.

— О, не беспокойся! Я взял с нее честное слово. Ты просто не умеешь с ней обращаться, папа.

— Это верно. Не умею.

Глава шестая

Из дневника Барбары Уэллс

Я вывихнула лодыжку и поэтому ходить не могу. На досуге я решила заняться дневником. Вообще-то стенографические записи я делаю каждую ночь, но расшифрованы из них пока очень немногие.

Пишу я на чистых листах «Британики» — их в конце каждого тома по десять страниц. А всего энциклопедия насчитывает двадцать четыре тома. На каждой странице я постараюсь умещать по тысяче слов. Таким образом, у меня будет место для двухсот сорока тысяч слов — вполне достаточный объем для записи нашей истории до тех пор, пока мы сами не научимся делать бумагу.

Мне некому поплакаться в жилетку, а девушке это порой так необходимо. Это стенографический вариант — заодно и мой дневник, который никто, кроме меня, прочесть не сможет, потому что Карен действительно полный профан в стенографии (в чем она сама честно призналась).

Хотя, быть может, Джо знаком со стенографией. Ведь ее наверняка преподают в экономических колледжах. Но Джо — настоящий джентльмен и никогда не станет читать чужой дневник без разрешения. Мне нравится Джозеф. Его доброта не напускная. Я уверена, что он в душе переживает очень многое, но никогда не позволяет себе говорить об этом вслух. Его положение здесь так же ненормально, как и мое, только оно гораздо более тяжелое.

Грейс, кажется, перестала посылать его туда-сюда, что, впрочем, не мешает ей теперь гонять за каждой мелочью нас. Хью тоже отдает распоряжения, но всегда для общего блага. Да и не так уж часто он распоряжается: мы уже вжились в обстановку и стараемся сами проявлять инициативу. Я — фермер и решаю самостоятельно, чем заниматься. Дьюк снабжает нас мясом и помогает мне, когда не охотится. Карен в доме делает все, что считает нужным.

Хью запланировал свою работу, кажется, уже столетия на два вперед. Джо ему помогает. Грейс же своей обязанностью считает

донимать всех своими капризами. Обычно мы потакаем им — так легче. Она живет по-своему, и особенностью ее образа жизни является то, что она старается причинить окружающим как можно больше беспокойства и неприятностей.

Миссис Фарнхэм уже прикончила львиную долю спиртного. Сама я к нему равнодушна и, слава богу, пока в нем не нуждаюсь. Но, находясь в приятной компании, я не прочь пропустить глоток-другой, хотя при этом меня преследует мысль, что это не мое виски, а Хьюберта.

Грейс разделалась со своей долей в три дня. Ту же участь она уготовила доле Дьюка. Как оказалось, виски ожидал скорый конец. И вот осталось только кварта бурбона, которую мы назвали «медицинской». Грейс выследила Дьюка, узнала, где он закопал ее, и извлекла бутылку. Когда Дьюк вернулся домой, он обнаружил, что мать отключилась, а бутылка валяется рядом пустая.

Следующие три дня были каким-то кошмаром. Грейс кричала. Она плакала. Она грозила покончить жизнь самоубийством. Хью и Дьюк объединились, и один из них всегда находился подле нее. Хью заработал огромный фингал под глазом, а на симпатичном лице Дьюка было полно царапин. Думаю, что им пришлось накачивать ее витаминами и насильно кормить.

На четвертый день она просто лежала на койке. На пятый встала и выглядела почти нормально.

За ленчем она заявила следующее, сделав вид, что это всем давно известно: русские начали войну как раз потому, что Хью построил убежище.

Она не казалась рассерженной этим, скорее, в ее словах было смирение. В конце концов миссис Фарнхэм заключила, что война скоро кончится и мы все вернемся домой.

Никто не спорил с ней. К чему? Кажется, ее помешательство безобидно. К удивлению, она наконец безропотно приступила к выполнению обязанностей повара, правда, еще вопрос, лучше ли она готовит, чем Карен. Пока она больше ведет разговоры о том, какие замечательные блюда могла бы приготовить, будь у нее то-то и то-то. Карен, как и раньше, много работает и временами кричит даже на меня, а потом ходит сама не своя.

Дьюк постоянно напоминает ей о том, что она должна быть более терпимой.

Мне не следует задевать Дьюка: возможно, он станет моим мужем. То есть я хочу сказать, кто же еще может им стать? Я нормально переношу его, но не представляю, как буду относиться к Грейс в качестве свекрови. Дьюк очень мил и всегда заботится обо мне и Карен. Поначалу он все ссорился с отцом (мне казалось это очень глупым), но теперь они уживаются более чем мирно. Да, пожалуй, это единственно возможная партия.

Что касается меня, то я совершенно не тороплюсь устраивать свою судьбу, хотя и против ничего не имею. Правда, я один раз уже обожглась... Но Хью считает, что род человеческий должен продолжаться. Что ж, вполне возможно.

(Полигамия? Я согласна! Даже если Грейс будет старшей женой. Но меня никто не спрашивает об этом. Да я и не уверена, что Грейс это понравилось бы. Мы с Хью не обсуждаем таких вещей и вообще стараемся не прикасаться друг к другу и не оставаться наедине, а я больше не строю ему глазки. Кончено.)

Вся беда в том, что хотя мне и нравится Дьюк, между нами не возникает подлинного чувства. Поэтому я инертна и стараюсь избегать обстоятельств, при которых он смог бы заигрывать со мной. Будет просто очаровательно, если я как-нибудь в одну из ночей после нашей свадьбы, будучи до предела раздраженной поведением его матери и его попустительствам ей, заявлю ему, что он и наполовину не тот мужчина, каким является его отец.

Впрочем, Дьюк не заслуживает такого обращения.

Джо — первый негр, с которым мне удалось познакомиться поближе, и впечатления от этого знакомства у меня наилучшие.

Джо? Мое восхищение им — совершенно искреннее. К тому же он лишен такого сомнительного достоинства, как мать-алкоголичка. Он лучше меня играет в бридж, я даже подозреваю, что он вообще умнее меня. Он очень чистоплотен и никогда не появляется в убежище не вымывшись. О, конечно, после дня тяжелой работы от него воняет как от козла. Но ведь и от Дьюка разит, а от Хью еще сильней. Я вообще не верю в эти слухи о «негритянском запахе».

(Вам приходилось когда-нибудь бывать в женской раздевалке? Так вот: женщины пахнут значительнее мужчин.)

С Джо та же беда, что и с Дьюком. Нет подлинного чувства. К тому же он застенчив и вряд ли осмелится ухаживать за мной. Одним словом, Джо отпадает.

Но он мне нравится... как мог бы нравиться младший брат. Он всегда готов оказать помощь. Именно он, как правило, стережет нас с Карен во время купания, и всегда приятно знать, что Джо начеку. Дьюк уже убил пять медведей, а одного убил Джо — как раз когда охранял нас. Он выпустил в него три пули. Медведь упал у самых его ног, но наш верный страж не отступил ни на шаг.

Между купаниями мы отдыхаем на берегу, и, кажется, наше бесстыдство огорчает Джо больше, чем медведи, волки, койоты, пумы... или кошка, рассмотрев которую, Дьюк заявил, что это мутировавший леопард, особенно опасный, так как бросается на жертву с дерева. Мы не купаемся под деревьями и не рискуем удаляться с открытого места без сопровождения вооруженного человека. Это так же опасно, как пересекать Уилшир-авеню на красный свет.

Змеи здесь тоже водятся. И по крайней мере один из видов ядовит.

Джо и Хью как-то утром продолжали работу по выравниванию убежища. Когда Дьюк спустился в яму, Док Ливингстон спрыгнул за ним. Как оказалось, внизу притаилась змея.

Док учуял ее и зашипел. Джо же заметил змею только тогда, когда она уже успела укусить его в лодыжку. Он убил ее лопатой и рухнул на землю, держась за ногу.

Бросившийся на помощь Хью тут же разрезал ранку ножом и через считанные мгновения отсосал кровь. Когда я прибежала к ним, услышав крик, почти все уже было сделано. Потом он ввел Джо противоядие от укусов гремучих змей.

Перетащить Джо в убежище оказалось целой проблемой. В туннеле он потерял сознание. Хью пришлось переползти через него и тянуть за собой. Я толкала неподвижное тело сзади. А чтобы поднять его по лестнице, понадобились уже усилия трех человек: помогла Карен. В помещении мы раздели Джо и уложили в постель.

Около полуночи, когда дыхание Джо стало совсем слабым, а пульс едва прощупывался, Хью принес в комнату последний оставшийся у нас баллон с кислородом, надел на голову Джо полиэтиленовый мешок, в котором раньше хранилось белье, и пустил туда газ.

К утру Джо стало лучше.

А через три дня он уже был на ногах и чувствовал себя прекрасно. Дьюк сказал, что это, скорее всего, была гадюка — одна из разновидностей гремучих змей. Поэтому противоядие, которое ввели Джо, и спасло ему жизнь.

Я, во всяком случае, до смерти боюсь любых змей.

Земляные работы заняли три месяца. Камни! Вокруг убежища — ровная, обширная долина, которая просто-таки усеяна валунами разных размеров. Когда мы доходили до больших, то женщины обкапывали, а мужчины разбивали их и вытаскивали наружу с помощью веревок и блоков.

Большую часть булыжников удалить было довольно просто. Но однажды Карен наткнулась на валун, который, казалось, проходит планету насквозь и снова выходит наружу где-нибудь в Китае. Хью окинул его взглядом и бодро сказал:

— Отлично. А теперь нужно выкопать яму рядом с ним с северной стороны, и достаточно глубокую.

Карен ничего не сказала на это, только непонимающе взглянула на Хью.

Пришлось нам копать. Вскоре мы наткнулись на второй валун, почти такой же, как и первый.

— Прекрасно,— сказал Хью.— Теперь копайте еще одну яму к северу от этого.

Мы напоролись на третий валун. Уже через три дня последний из валунов очутился в яме, вырытой рядом с ним, второй успокоился в яме из-под третьего, а первый, с которого все началось, благополучно оказался в яме из-под второго.

По мере того как отдельные участки подкопа становились достаточно глубокими, Хью подпирал их бревнами. Он очень торопился, боясь, как бы убежище не качнулось и не придавило

кого-нибудь из нас. Поэтому, когда работа подошла к концу, под убежищем был целый лес подпорок.

Наконец Хью укрепил два угла убежища, нависшие над подготовленной площадкой, могучими бревнами и начал постепенно извлекать остальные подпорки с помощью блока и веревки. Некоторые из них даже приходилось подкапывать. Делая это, Хью очень волновался и, опасаясь несчастного случая, старался обойтись собственными силами. Теперь убежище удерживали в равновесии только два крайние бревна.

Вынуть их было невозможно.

На них приходилось такая огромная нагрузка, что они просто смеялись над нашими усилиями. Я спросила:

— Что же теперь делать, Хью?

— Попробуем применить предпоследнее средство.

— Какое?

— Сжечь бревна. Но для этого придется сначала удалить траву и кусты в тех местах, где они могут загореться. Карен, ты знаешь, где у нас нашатырный спирт и йод? Мне необходимо и то, и другое.

Я все удивлялась, зачем это Хью понадобилось столько нашатыря. Запас был действительно велик и хранился в больших пластиковых бутылях, которые, как ни странно, благополучно перенесли все испытания. Я не знала, что заготовлена такая уйма йода; я не занимаюсь лекарствами.

В импровизированной химической лаборатории закипела работа.

— Что ты делаешь, Хью? — спросила я.

— Эрзац-динамит. Посторонних прошу удалиться,— ответил он.— Штука опасная: взрывается даже от неосторожного взгляда.

— Прошу прощения,— пролепетала я, попятившись.

Он поднял голову и улыбнулся.

— Эта смесь безопасна, пока не высохнет. Я припас ее на случай партизанской войны. Оккупационные войска довольно косо смотрят на людей, хранящих дома взрывчатые вещества, а в обычном йоде или нашатыре нет ничего подозрительного. Каждый из них в отдельности совершенно безопасен. Но стоит их только

соединить... Правда, я никогда не рассчитывал использовать такую взрывчатку в строительстве. Уж больно она капризна.

— Хью, кстати, мне совершенно безразлично, ровный пол или нет.

— Если нервничаешь, пойди прогуляйся.

Сделать взрывчатку оказалось делом нехитрым. Хью слил вместе раствор йода и обыкновенный нашатырный спирт, в результате чего выпал осадок. Полученную после фильтрации состава кашицу он разложил на несколько порций, завернул каждую из них в бумагу, а затем заложил пакетики в отверстия, которые Джо высверлил в упрямых столбах.

Теперь придется ждать, пока высохнет.

Хью вымыл все то, с чем работал, искупался прямо в одежде, снял ее в воде и повесил на берегу сушиться. На том день закончился.

В нашем арсенале имеются два карабина двадцать второго калибра с оптическим прицелом. Хью велел Дьюку и Джо пристрелять их. Я поняла, что намерения у Хью самые серьезные: он разрешил истратить по пять патронов на каждый карабин. Обычно его девиз: «Одна пуля — один медведь».

Когда взрывчатка наконец высохла, мы вынесли из убежища все, что могло разбиться. Женщины непосредственного участия в этом не принимали. Карен была занята тем, что держала Дока Ливингстона, а я, вооружившись ружьем Дьюка, несла караул.

Отмерив от убежища метров тридцать, Хью уложил Дьюка и Джо с карабинами на землю, а сам встал между ними и спросил:

— Можно начинать отсчет?

— Можно, Хью.

— Давай, отец.

— Сделайте глубокий вдох. Немного выдохните, задержите дыхание. Начинайте целиться... Пять... четыре... три... два... один... ОГОНЬ!

Раздался грохот, как будто великан в сердцах хлопнул гигантской дверью, и середины обоих столбов как не бывало. Какую-то долю секунды убежище торчало без опоры, словно полка, затем оно грузно качнулось, дошло концом до земли и осталось в ровном положении.

Мы с Карен разразились приветственными криками. Грейс захлопала в ладоши. Док Ливингстон помчался обследовать место происшествия. Хью, улыбаясь, наслаждался представшей его глазам картиной.

В этот момент земляной гребень, на котором стояло убежище, просел, оно дрогнуло и стало медленно сползать по склону вниз, вращаясь по ходу вокруг туннеля. Оно скользило все быстрее и быстрее, и я уже думала, что его путешествие закончится в ручье. В этот момент оно было похоже на большие сани, катящиеся с горы.

Но немного ниже склон выравнивался, и вскоре убежище остановилось. Туннель был теперь забит землей, и водопровод с канализацией, похоже, здорово отдалились от нас.

Хью взял лопату, спустился к убежищу и, как ни в чем не бывало, начал копать. Я побежала вниз; по щекам у меня ручьем текли слезы. Джо опередил меня.

Хью поднял голову и распорядился:

— Джо, очисти туннель. Я хочу знать, все ли в порядке внутри, а девушкам, наверное, пора заняться ужином.

— Босс...— Джо поперхнулся.— Босс... Какая беда!

Тогда Хью тоном, которым разговаривают с детьми, сказал:

— Чем ты огорчен, Джо? Это только сэкономит наш труд.

Я решила, что он шутит. Джо тупо спросил:

— Что?

— Да-да,— уверил его Хью.— Смотри, насколько ниже теперь расположена крыша. Каждый фут, на который убежище опустилось, сэкономит нам по крайней мере футов сто акведука. А выровнять снова убежище здесь уже гораздо проще — тут земля глинистая и валунов меньше. Если мы все дружно возьмемся за дело, то максимум через неделю все будет в порядке. Тогда мы сможем заняться проведением воды в дом и на огород. И закончим все недели на две раньше, чем планировали.

Он оказался прав. Через неделю мы выровняли убежище, и на сей раз Хью установил столбы так, что взрывать их не понадобилось. И, что самое главное, бронированная дверь стала открываться совершенно свободно. Теперь в нашем доме в изобилии

свежий воздух и солнечный свет. Раньше в убежище было душно, а от свечей сильно воняло. В тот же день Хью и Джо приступили к рытью канавы. В предвкушении торжественного дня Карен на стенах бывшего хранилища сделала наброски умывальника, ванны и унитаза в натуральную величину.

Честно говоря, нам вполне хватает удобств. Когда Карен набила два наматрасника сухой травой, спать на полу стало не менее удобно, чем на койке. Сидим мы за столом на стульях и каждый вечер играем в бридж. Удивительно, насколько лучше жить в убежище, когда пол горизонтальный и когда не нужно пробираться через узкий туннель, а можно просто по-людски войти в открытую дверь.

Поскольку печь не перенесла выпавших на ее долю испытаний, готовить приходится на костре. Но мы с Карен не жалуемся, так как Хью обещал, что после подведения воды он займется гончарным делом и изготовит не только ванну и раковину, но и плиту с трубой, выходящей в вентиляционное отверстие. Какая роскошь!

Мои посевы растут не по дням, а по часам. Вот еще вопрос: как размолоть зерно. Смертельно хочется отведать горячего свеженспеченного хлеба.

25 декабря. С РОЖДЕСТВОМ!

Во всяком случае, будем считать, что оно наступило. Хью полагает, что если мы и ошибаемся, то всего на один день.

Вскоре после того как мы попали сюда, Хью выбрал небольшое деревце, около которого с северной стороны лежал большой плоский камень, и обтесал его ствол так, чтобы он отбрасывал на камень ровную тень. Мне, как хранителю огня, вменили в обязанность сидеть ежедневно у этого камня в районе предполагаемого полудня и отмечать конец тени, когда она становится наиболее короткой.

Тень постепенно становилась все длиннее, а дни короче. С неделю назад изменения перестали быть заметными. Я сообщила об этом Хью, и мы взялись наблюдать вместе. А три дня назад наступил долгожданный момент... Тот день мы сочли двадцать вторым декабря, и сегодня празднуем Рождество.

Флаг, как и планировал Хью, мы подняли на вершине самого высокого из растущих поблизости деревьев. Оставленное без сучьев, оно казалось настоящим флагштоком. Я, как хранитель огня, ежедневно поднимаю и опускаю флаг, но в первый раз был особый случай. Мы стали тянуть жребий, и честь первый раз осуществить церемониал выпала Джо. Когда он начал медленно поднимать полотнище наверх, все выстроились в шеренгу и запели «Звездно-полосатый флаг». Петь было трудно: мы чуть не плакали от избытка чувств.

Затем мы принесли присягу. Эта процедура в исполнении несчастных оборванцев, возможно, могла показаться сентиментальной чепухой, но я думаю иначе. Мы по-прежнему единая нация, верующая в Господа и провозгласившая свободу и справедливость для всех.

Хью отслужил праздничную службу и зачитал вслух главу о Рождестве Христовом из Евангелия от Луки. Потом мы молились и пели рождественские песни. У Грейс оказалось сильное, уверенное сопрано, у Джо — звонкий тенор, а у Карен, меня, Хью и Дьюка — соответственно сопрано, контральто, баритон и бас. На мой взгляд, хор звучал неплохо. Во всяком случае, мы остались довольны, даже несмотря на то, что во время пения «Белого Рождества» Грейс начала всхлипывать и едва не заразила остальных.

Хью проводит службы каждое воскресенье. Присутствуют на них все, в том числе и Дьюк, хотя он убежденный атеист. Хью читает псалом или одну из глав Священного Писания, потом мы поем гимны. Затем Хью или сам читает молитву, или просит кого-нибудь сделать это. Служба заканчивается чтением «Благослови этот дом...». Кажется, мы возвращаемся ко временам, когда старейшина одновременно являлся и священником.

Странно, Хью никогда не использует «Верую», и его молитвы всегда настолько нейтральны, что он даже не заканчивает их воззванием к Господу и непременным «Аминь».

В один из тех редких вечеров, когда нам удалось поговорить наедине (на прошлой неделе мы наблюдали с ним за фазами Луны), я спросила его, как он относится к вере. Для меня всегда очень важно, как относится к вере интересующий меня мужчина,

хотя Хью и не принадлежит мне и никогда принадлежать не будет.

— Можешь считать меня экзистенциалистом.

— Так ты не христианин?

— Я так не говорил. «Не христианин» — это не отрицание, а утверждение. Не буду заниматься определениями, чтобы не сбить тебя совсем с толку. Ведь тебя интересует, почему я провожу службу, не будучи в то же время набожным?

— В общем... да.

— Потому что это моя обязанность. Богослужения должны быть доступны тем, кто в них нуждается. Если в мире нет добра и нет Бога, эти ритуалы безвредны. Если же Бог есть, они подобающи — и по-прежнему безвредны. Ведь мы не какие-нибудь темные пахари, приносящие кровавые жертвы. По крайней мере, я так считаю, Барбара.

Вот и все, что мне удалось вытянуть из него. В прошлой моей жизни религия всегда была для меня чем-то красивым, теплым и удобным, чему я отдавалась по воскресеньям. Не могу сказать, что я отличалась особым религиозным рвением. Но безбожное служение Хью Богу неожиданно стало для меня чем-то высоким и важным.

Воскресенье отличается от прочих дней не только проведением службы. Хью не разрешает нам работать в этот день. Мы приводим себя в порядок, моемся, предаемся любимым занятиям, играем или забавляемся как-нибудь. Шахматы, бридж, лепка, пение хором и все такое прочее... или просто болтовня. Игры очень важны: они не позволяют нам постепенно превращаться в животных, единственная цель которых — выжить во что бы то ни стало, и дают нам возможность оставаться людьми, наслаждающимися жизнью и знающими ей цену. Поэтому мы никогда не пропускаем ежевечерний роббер. Он как бы служит символом того, что наша жизнь не заключается только в рытье канав и разделке туш.

Мы следим за собой. Я, например, довольно сносно научилась парикмахерскому делу. Дьюк отрастил было бороду, но затем, увидев, что Хью каждое утро тщательно бреется, последовал его примеру. Не знаю уж, как они выйдут из положения, когда

кончатся лезвия. Я заметила, что Дьюк уже подправляет их на мыльном камне.

Рождество еще не прошло: сейчас мы как раз играем в бридж. Праздничный обед был просто роскошен: Грейс и Карен убили на него целых два дня. Мы отведали речную форель с растительным гарниром, жареное мясо в соусе из грибов, копченые языки, медвежий бульон, крекеры (довольно удачные), редис, салат латук, зеленые огурцы и лук, салат из свеклы «Грейс продакшн» и, что самое главное, целую кастрюльку домашней тянучки, так как сгущенное молоко, шоколад и сахар невосстановимы. Обед завершился растворимым кофе и сигаретами. На долю каждого пришлось по две чашки и по две сигареты.

Все получили подарки. Единственное, что я имела при себе, когда так неожиданно оказалась в убежище,— это сумочка. На мне были нейлоновые чулки, но вскоре я их сняла, и они сохранились почти новыми. Я подарила их Карен. В косметичке была помада — она досталась Грейс. Из кожи сумочки я сплела ремень — его получил Джо. В сумочке был вышитый носовой платок. Я его выстирала, выгладила, прижимая к гладкому бетону, и преподнесла Дьюку.

И только сегодня утром я придумала, что подарить Хью. Много лет я таскала в сумочке маленький блокнотик, на обложке которого золотом было вытеснено мое имя. В нем осталась чистой добрая половина листов. Хью он может пригодиться, но самое главное — это мое имя на обложке.

Ну, мне пора бежать. Сейчас мы с Грейс должны попытаться оставить с носом Хью и Джо: карты сданы.

Никогда еще в жизни у меня не было такого счастливого Рождества.

Глава седьмая

Карен и Барбара занимались всеми делами сразу: купались, мыли посуду в ручье и стирали белье. Джо невдалеке бдительно нес вахту. Вокруг места, где они обычно располагались, кусты и

деревья вырублены, чтобы хищник, если он появится, не остался незамеченным. Юноша непрерывно оглядывал окрестности, ни на секунду не отвлекаясь на созерцание охраняемой им райской сцены.

— Барби, эта простыня не выдержит еще одной стирки. Она совсем обветшала,— сказала Карен.

— Ничего, ветошь нам тоже пригодится.

— Да, но что же мы будем использовать вместо простыней? А все это мыло.— Карен зачерпнула ладонью массу из миски, стоявшей на берегу. Масса была серой, мягкой, неприятной на ощупь и сильно напоминала овсяную кашу.— Эта дрянь прямо-таки проедает белье насквозь.

— Простыни — еще полбеды, а вот что будет, когда не останется ни одного полотенца?

— Да, притом последнее непременно окажется мамочкиным,— с иронией добавила Карен.— Наш хранитель обязательно выдумает причину для такого распределения.

— Зря ты так, Карен. Не забывай, что Дьюк проделал колоссальную работу.

— Да знаю я, знаю. Дьюка и в самом деле нельзя винить. Это происки его приятеля Эдди.

— Какого еще Эдди?

— Эдипова комплекса, дорогуша.

Барбара отвернулась и стала полоскать пару заношенных джинсов.

— Ты согласна со мной? — спросила Карен.

— У каждого могут быть слабости.

— Да. Вон даже у папочки есть дефект. Его все еще беспокоит шея.

Барбара выпрямилась.

— А разве у него болит шея? Может быть, ему помог бы массаж?

Карен хихикнула.

— Знаешь, сестричка, в чем твоя слабость? Ты абсолютно не понимаешь шуток. Просто у отца несгибаемая шея упрямца, и этого уже ничем не вылечишь. Его слабость в том, что у него нет

слабостей. Не надо хмуриться. Я люблю папочку. Я просто восхищаюсь им, но тем не менее рада, что не похожа на него,— она отнесла белье к кустам терновника и принялась его развешивать.— Проклятье! Почему отец не догадался запастись бельевыми прищепками? Эти шипы еще хуже, чем мыло.

— Без прищепок мы вполне можем обойтись. Хью и так запасся невероятным количеством необходимого. Буквально всем, начиная с будильника с восьмидневным заводом...

— Который, к слову сказать, сразу же разбился.

— ...и кончая инструментами, семенами, книгами и еще бог знает чем. Карен, не вылезай на берег голышом.

Карен остановилась. Одна нога ее уже стояла на берегу.

— Чепуха. Старина Каменное Лицо не будет подглядывать. Издевательство, самое настоящее издевательство — вот что это такое. Мне кажется, что когда-нибудь я сама наброшусь на него.

— Чем ты недовольна? Джо в экстремальной ситуации показал себя настоящим джентльменом. Так что умерь свой пыл. Подожди, сейчас я закончу полоскать белье, и мы отнесем сушить все сразу.

— Хорошо, хорошо. Но я все время спрашиваю себя: есть в нем что-нибудь человеческое или нет.

— Конечно, есть. Готова поклясться в этом. Он настоящий мужчина.

— Хм... Барби, уж не хочешь ли ты сказать, что наш святой Иосиф подкатывался к тебе?

— Господи, конечно же, нет! Но он краснеет каждый раз, когда я прохожу мимо него.

— Откуда ты знаешь?

— Он становится еще чернее. Карен, Джо очень хороший человек. Жаль, что ты не слышала, как он объяснял мне насчет Дока.

— Что объяснял?

— Ну, понимаешь, Док начинает признавать меня. Вчера он сидел у меня на руках, и я кое-что заметила и сказала Джо: «Джо, Док что-то очень сильно растолстел. Или он всегда был такой?» Вот тут-то Джо и покраснел. Но ответил мне с очаровательной серьезностью: «Барбара, Док Ливингстон, в сущности не такой

уж кот, каким он себя считает. Старина Док скорее относится к кошкам. Это вовсе не ожирение. Э-э-э... видишь ли... у Дока должны появиться детки». Он буквально выдавил это из себя. Наверное, ему показалось, что меня этим можно смутить. Смутить ему меня не удалось, но удивлена я была чрезвычайно.

— Как, Барбара, ты в самом деле *не знала*, что Док Ливингстон — кошка?

— Откуда мне знать? Все называли его «он», да и имя у него... у нее мужское.

— Но ведь доктор может быть и женщиной. Ты что же, не можешь отличить кота от кошки?

— Я никогда над этим не задумывалась. У Дока такая густая шерсть!

— М-м-да, с персидскими кошками действительно трудно сразу разобраться, кто есть кто. Но котов всегда отличают царственные манеры, да и другие признаки у них довольно внушительных размеров.

— Даже если бы я и обратила на это внимание, то просто подумала бы, что он кастрирован.

Карен, казалось, была потрясена.

— Смотри, чтобы отец этого не услышал! Он никогда в жизни не позволил бы кастрировать кота. Папа считает, что коты являются равноправными с людьми гражданами. Но ты все-таки удивила меня. Котята, надо же!

— Так мне сказал Джо.

— А я и не заметила,— Карен выглядела озадаченной.— Впрочем, если вспомнить, я давно не брала его на руки. Только несколько раз гладила да удерживала от опрометчивых поступков. А то он буквально ничего не давал делать. Стоило открыть какой-нибудь ящик, как Док уже оказывался там. Теперь я понимаю: это он выбирал место для котят. Мне следовало бы быть повнимательней.

— Карен, почему ты продолжаешь говорить «он», «его»?

— Почему? Но ведь Джо тебе объяснил. Док *считает* себя котом — а почему я, собственно, должна разубеждать его? Он всегда так считал, и он был самым своенравным из наших котят. Хм...

котята. Барби, когда Док достиг зрелости, мы устроили ему встречу с котом самого что ни есть аристократического происхождения. Но тот чем-то не понравился Доку и был им изрядно потрепан. Поэтому мы потеряли всякую надежду и с тех пор никогда не пытались навязывать ему друга. Кстати, летописец ты наш, скажи-ка, сколько дней мы уже здесь?

— Ровно шестьдесят два дня. Я уже справлялась: нормальный для кошек срок — от шестидесяти до семидесяти дней.

— Следовательно, это может случиться в любой момент. Готова биться об заклад, что сегодня ночью мы не сомкнем глаз. Кошки никогда не производят на свет свое потомство в нормальное время суток,— Карен вдруг резко сменила тему разговора: — Барбара, чего тебе больше всего не хватает? Сигарет?

— Я уже и думать про них забыла. Скорее всего, яиц. Яиц к завтраку.

— Отец думал об этом. Оплодотворенные яйца и инкубатор. Но он не построил его; и яйца все равно разбились бы. Да, мне их тоже, пожалуй, не хватает. Лучше всего, если бы яйца несли коровы, а отец придумал бы способ запасти коров. Тогда бы у нас были и яйца, и молоко. Представляешь? Мороженое! Холодное молоко!

— Масло,— добавила Барбара.— Мелко нарезанные бананы со взбитыми сливками. Горячий шоколад.

— Перестань, Барби, я, кажется, сейчас умру голодной смертью прямо у тебя на глазах.

Барбара ущипнула ее.

— Про тебя никак не скажешь, что ты похудела.

— Возможно,— Карен замолчала и принялась мыть посуду.

Наконец она тихо произнесла:

— Барби, то, что собирается сделать наш Док, и наполовину так не удивит всех наших, как тот сюрприз, который преподнесу им я.

— Что за сюрприз, милая?

— Я беременна.

— *Что?*

— То, что слышала. Беременна. Жду ребенка, если тебе так понятней!

— А ты уверена, дорогая?

— *Конечно же, уверена!* Я сдала анализы, и очкарик, который их проверял, только вылупил глаза, получив результат. Я уже на четвертом месяце.— Карен бросилась в объятия подруги.— Я ужасно боюсь!

Барбара принялась утешать ее:

— Ну-ну, дорогая, все будет хорошо.

— Черта с два! — воскликнула Карен.— Мать устроит тут такое... и больниц здесь нет... и врачей. Господи, и почему Дьюк не пошел в медицинский? Барби, я, наверное, умру. Я знаю.

— Карен, не болтай чепуху. Детей, родившихся без помощи докторов, гораздо больше, чем детей, привозимых на кормление в тележках. Тебя не так страшит возможность смерти, как объяснение с родителями.

— Да, и это тоже,— Карен вытерла глаза и шмыгнула носом.— Барби, ты только не обижайся... но я именно поэтому пригласила тебя к себе на тот уикэнд.

— Вот как?

— Я подумала, что мать не станет устраивать большого шума при постороннем человеке. Большинство девиц в нашем заведении были или мещанками, или потаскушками, да к тому же еще и абсолютными дурами. А ты не то и не другое, и я знала, что ты заступишься за меня.

— Ну спасибо..

— Это мне-то спасибо? Да ведь я просто собиралась использовать тебя.

— Мне никто никогда еще не делал лучшего комплимента,— Барбара вытерла Карен слезы и потрепала ее по щеке.— Я рада, что оказалась здесь. Так ты, значит, пока ничего не сообщила родителям?

— Ну... я собиралась. А потом началась эта война... а потом матери стало плохо... а отец все время обременен заботами. Мне никак не выбрать подходящего момента.

— Карен, а ведь ты не боишься признаться отцу, ты опасаешься только матери.

— Да... в основном матери. Но и отца тоже. Мало того, что он будет потрясен и шокирован... он подумает еще, что с моей стороны было просто глупо залететь.

— Согласна, что он будет удивлен, но не согласна со всем остальным,— Барбара заколебалась.— Карен, ты не должна носить это в себе. Я постараюсь разделить все твои тревоги.

— Я так и думала. Потому-то я и попросила тебя поехать со мной.

— Я имею в виду не это. Я тоже беременна.

— *Что?*

— Да-да. Так что мы можем сообщить всем сразу два радостных известия.

— Боже мой! Барбара! Но как же?

Барбара пожала плечами.

— Неосторожность. А как это произошло с тобой?

Карен вдруг улыбнулась.

— Как? Меня просто опылила пчелка, как же еще? Ты, наверное, хотела спросить «кто»?

— «Кто» меня совершенно не интересует. Это твое личное дело. Ну так как, может, пойдем и скажем им? Я готова говорить от нас обеих.

— Погоди минутку. Ты сама-то собиралась извещать об этом кого-нибудь? Или не собиралась?

— В общем-то нет,— честно ответила Барбара.— Я хотела подождать, пока не станет заметно.

Карен взглянула на талию Барбары.

— Ничего не заметно. А ты уверена?

— У меня уже два раза ничего не было. Я беременна. Или больна, что гораздо хуже. Давай соберем белье, пойдем и все им расскажем.

— Но ведь по тебе ничего не видно, да и по мне тоже, если специально не приглядываться. Может, нам пока ничего не говорить, а приберечь эти новости на крайний случай?

— Карен, почему бы тебе не признаться сначала отцу? А он уж пускай сообщает матери.

Карен обрадовалась.

— Ты думаешь, так можно сделать?

— Я просто уверена, что Хью предпочел бы услышать об этом в отсутствие твоей матери. Так что иди найди его и все ему расскажи. А я развешу белье.

— Уже бегу!

— И ни о чем не беспокойся. Мы спокойно родим наших детей и будем вместе их воспитывать. Ничего плохого с ними не случится. Знаешь, как нам будет весело! Мы будем просто счастливы.

Глаза Карен засияли.

— Да, и у тебя будет девочка, а у меня мальчик. Потом мы их поженим и обе станем бабушками!

— Вот теперь ты снова настоящая Карен,— Барбара поцеловала ее.— Беги и расскажи обо всем отцу.

Карен застала Хью за выкладыванием печи. Когда она сказала, что хотела бы поговорить с ним наедине, он охотно согласился:

— Пойдем вместе посмотрим, как там канал, заодно и поговорим.

Отец дал ей лопату, а сам взял ружье.

— Ну так что у тебя на уме, девочка моя?

— Давай отойдем немного подальше.

Они отошли уже довольно далеко, когда Хью остановился, взял у нее из рук лопату и стал подравнивать край канавы.

— Папа! Ты, может быть, заметил, что у нас не хватает мужчин?

— Нет. Трое мужчин и три женщины. Совершенно нормальное соотношение.

— Я имела в виду не это. Наверно, мне следовало сказать «возможных избранников».

— Тогда так и говори.

— Хорошо. Я уже поправилась. Мне нужен совет. Что хуже: кровосмешение, межрасовый брак или положение старой девы?

Он еще раз копнул и остановился.

— Я не собираюсь заставлять тебя оставаться старой девой.

— Я так и думала. А как насчет двух вытекающих отсюда возможностей?

— Кровесмешение,— медленно проговорил он,— обычно ни к чему хорошему не приводит.

— Следовательно, у меня остается только один выход.

— Подожди. Я сказал «обычно»,— он уставился на лопату.— Честно говоря, я никогда не задумывался над этим... у нас и так проблем по горло. Браки между братьями и сестрами не такая уж и редкость. И результаты не обязательно плохие,— он нахмурился.— Но ведь есть еще Барбара. Может быть, нам придется примириться с полигамией?

— Не то, папа. Кровесмешение может произойти не обязательно с братом.

Он изумленно уставился на нее.

— Если ты хотела удивить меня, то добилась успеха, Карен.

— Шокировать тебя, ты хотел сказать?

— Нет, удивить. Ты что, серьезно собираешься предложить то, о чем говорила?

— Папочка,— грустно сказала она,— это единственное, над чем я никогда бы не стала шутить. Если бы мне пришлось выбирать между тобой и Дьюком — как между мужьями естественно,— я бы без колебаний предпочла тебя.

Хью вытер лоб.

— Карен, мне очень не хочется принимать твои слова всерьез...

— Но я серьезно говорю!

— Похоже на то, к сожалению. Следовательно, я должен понимать тебя так, что Джозефа ты отметаешь начисто? Ты думала об этом?

— Конечно!

— Ну, и что?

— Сам понимаешь, что не просчитать этот вариант я не могла. Джо очень мил, но, увы, он совсем мальчишка, хотя и не-много старше меня. И если я когда-нибудь скажу ему «у-у-ух», он, по-моему, просто выскочит из собственной кожи. Нет, это не то.

— Может быть, на твое решение оказывает влияние цвет его кожи?

— Папа, знаешь что? Мне очень хочется плюнуть тебе в лицо за такие слова. Ты ведь прекрасно знаешь, что я не наша мамочка.

— Я просто хотел быть уверен. Карен, тебе хорошо известно, что для твоего отца цвет кожи не имеет никакого значения. В человеке меня больше всего интересуют другие вещи. Крепко ли он держит свое слово? Выполняет ли он свои обещания? Честно ли он трудится? Храбр ли он? Выступит ли он в защиту справедливости? И Джо во всех этих отношениях очень импонирует мне. Мне кажется, ты относишься к нему предвзято.

Он вздохнул.

— Если бы мы по-прежнему жили в Маунтин-Спрингсе, я бы не стал вынуждать тебя выходить замуж за негра. Слишком паршиво относятся к этому окружающие. Настолько, что подобные браки почти всегда трагедия. Здесь же, слава богу, эти варварские пережитки над нами не довлеют. И я советую тебе серьезно подумать насчет Джо.

— Да думала я, много думала! Я могу выйти за Джо, но хочу, чтобы ты знал: если бы я могла выбирать свободно, то выбрала бы тебя!

— Благодарю.

— Он еще меня благодарит, черт возьми! Я женщина, а ты мужчина, который нравится мне больше всех. Но мне тут все равно ничего не светит. И ты знаешь, почему. Из-за мамочки.

— Я знаю,— его лицо внезапно приняло усталый вид.— Обычно приходится делать не то, что хочется, а то, что можно. Карен, мне ужасно жаль, что ты лишена возможности выбирать из гораздо более длинного списка кандидатов.

— Папочка, ты научил меня главному — не проливать слез над тем, чему не поможешь. Это любимое занятие матери, но не мое. Да и Дьюк не прочь порой, хотя ему это свойственно в меньшей степени, чем ей. В данном вопросе я больше похожа на тебя. Мой принцип — считай свои очки и играй соответственно. Глупо жаловаться на то, что пришли плохие карты. Ты понимаешь меня, отец?

— Да.

— Но я пришла сюда не для того, чтобы предложить тебе руку и сердце. И даже не за тем, чтобы утешить тебя, хотя раз уж я

сказала так много, я могла добавить и то, что ты можешь получить меня, если захочешь... Впрочем, ты, конечно, догадывался об этом и раньше. Так вот: я пришла, чтобы выяснить для себя кое-что, прежде чем сообщить тебе одну вещь. Я уже оценила свои шансы и решила играть ва-банк. Тут уж ничего не поделаешь...

— Что-что? Может быть, я смогу помочь?

— Вряд ли. Я беременна, папа.

Он выпустил лопату из рук и порывисто обнял дочь.

— О, это же замечательно!

— Папа,— в конце концов сказала она,— если ты не отпустишь меня, я не смогу застрелить медведя.

Он тут же разжал объятия, схватил ружье и оглянулся.

— Где он?

— Нигде. Но ты сам всегда напоминал нам о бдительности.

— Ах да! Ну, теперь я буду настороже. Кто же отец ребенка? Джо или Дьюк?

— Ни тот, ни другой. Это случилось еще раньше, в колледже.

— О! Это еще лучше!

— Почему? Черт возьми, отец, все идет совсем не так, как я предполагала. Дочь является домой испорченной. В таких случаях, само собой разумеется, папаша вне себя от ярости. А ты вдруг заявляешь: «Как здорово!» Честно говоря, я от тебя такого не ожидала.

— Прошу прощения. При других обстоятельствах я, возможно, попенял бы, что ты довольно неосторожна...

— О, еще как! Я рискнула так же, как одна негритянская матрона, которая сказала: «Да тыщу раз ничего не случалось». Сам знаешь.

— Боюсь, что да. Но в нашем нынешнем положении этому приходится только радоваться. До сих пор я считал, что моя дочь еще девочка. И вдруг узнаю, что она женщина, что моя дочь собирается подарить нам ребенка, отец которого находится вне нашей группы. Разве ты не понимаешь, дорогая? Ты почти удвоила шансы нашей колонии на выживание.

— Это я-то?

— Подумай сама, ведь ты достаточно умна. Кстати, отец твоего ребенка.. он качественный мужик?

— А как ты думаешь, папа, связалась бы я с ним, если бы он был небезупречен?

— Извини, доченька. Вопрос, конечно, глупый,— Хью улыбнулся.— Мне что-то расхотелось работать. Пойдем-ка лучше поделимся с другими этой доброй вестью.

— Хорошо, но, папа, *что же мы скажем матери?*

— Правду. Причем говорить буду я. Не беспокойся, девочка моя. Ты только роди ребенка, а уж я позабочусь обо всем остальном.

— Есть, сэр! Знаешь, папа, только сейчас я по-настоящему хорошо себя почувствовала.

— Вот и отлично.

— Я почувствовала себя так хорошо, что даже забыла кое о чем. Ты знаешь, Док Ливингстон тоже собирается иметь детей...

— Знаю.

— А почему же мне ничего не сказал?

— Ты имела столько же возможностей обратить на это внимание, сколько и я.

— Верно, но вообще-то это бестактно с твоей стороны — заметить, что Док беременна, и не заметить, что беременна твоя родная дочь.

— Я подумал было, что ты в последнее время слишком много ешь...

— А, так ты, значит, все-таки что-то заметил! Папочка, иногда ты мне ужасно нравишься! А отныне будешь нравиться всегда. Всегда!

Хью решил сначала подзаправиться, а потом уже поговорить с Грейс. Что ни говори, серьезное сражение не стоит начинать на пустой желудок.

Из напыщенных речей жены, которые ему пришлось выслушать, следовало, что Карен всегда была неблагодарной дочерью, позором семьи, бесстыдной маленькой шлюхой, а Хью, в свою очередь, дрянным отцом, негодным мужем и, наконец, человеком, на которого можно было свалить вину за беременность дочери.

Хью позволял ей нести всю эту несусветную чушь до тех пор, пока она не остановилась, чтобы перевести дыхание.

— Успокойся, Грейс.

— Что? Хьюберт Фарнхэм, вы еще считаете себя вправе затыкать мне рот? Как вы вообще смеете сидеть здесь, в то время как ваша дочь так нагло през...

— Заткнись, или мне придется заставить тебя сделать это.

— Мама, сбавь обороты,— сказал Дьюк.

— Ах, и ты с ними за одно? Боже, могла ли я подумать, что когда-нибудь настанет день...

— Мама, ты можешь успокоиться? Давай послушаем, что скажет отец.

Грейс постаралась сдержать гнев, затем обратилась к Джо:

— Оставь нас.

— Джо, сиди где сидишь,— приказал Хью.

— Да, Джо, останься, пожалуйста,— поддержала Карен.

— Ну что ж, если ни у одного из вас нет элементарного чувства приличия...

— Грейс, сейчас я гораздо ближе, чем когда бы то ни было, к тому, чтобы ударить тебя. Уймешься ты когда-нибудь или нет? Ты должна послушать, что скажут другие.

Она взглянула на сына. Дьюк старательно избегал ее взгляда.

— Хорошо, я послушаю. Только толку от этого не будет никакого.

— А мне кажется, что будет, потому что это чрезвычайно важно. Грейс, нет никакого смысла измываться над Карен. Кроме того, твоя жестокость по отношению к ней просто странна. Ведь ее беременность — это радостное событие для нас.

— Хьюберт Фарнхэм, сдается мне, что вы совсем выжили из ума.

— Прошу тебя! Ты руководствуешься критериями обывательской морали, что при данных обстоятельствах довольно глупо.

— Вот как? Значит, по-твоему, принципы морали глупы, не так ли? Да ты просто распевающий гимны лицемер!

— Моральные принципы не глупы сами по себе. Именно мораль есть краеугольный камень наших отношений. Но как бы аморальна ни была беременность Карен с точки зрения окружающего общества, которое к тому же и существовать-то перестало,

сейчас это потеряло всякое значение. Поэтому не будем больше обсуждать ее поведение. То, что произошло, для нашей маленькой общины — сущее благо. Подумайте хорошенько: нас здесь шестеро, причем четверо — близкие родственники. С генетической точки зрения, у нас очень ограниченный генофонд. И все же мы должны как-то продолжать свой род, иначе нет смысла бороться за выживание. Теперь появился седьмой человек, хотя и не собственной персоной. На такое счастье даже и рассчитывать не приходилось. Молю бога, чтобы у Карен родились близнецы, которыми наша семья всегда изобиловала. Это еще усилит наших потомков.

— Ты говоришь о собственной дочери как о корове!

— Она моя дочь, и я люблю ее, но самое главное сейчас в ней то, что она женщина и ждет ребенка. Я хотел бы, чтобы и ты, и Барбара тоже были беременны... и причем от совершенно посторонних людей. Нам необходимо смешение самой разной крови, чтобы предотвратить опасность вырождения будущих поколений.

— Я не собираюсь сидеть здесь и выслушивать твои оскорбления!

— Я всего лишь сказал «хотел бы», и в лице Карен мы неожиданно получили это чудо. Нам следует просто-таки лелеять ее, Грейс, и проявлять по отношению к ней максимальную заботу на протяжении всего периода ее беременности. И больше всех других заботиться о Карен должна ты.

— Ты хочешь сказать, что я вовсе не собираюсь заботиться о ней? Это ты, ты никогда не заботился о собственной дочери!

— То, что она моя дочь, не имеет значения. Я сказал бы тоже самое в случае беременности Барбары, тебя или любой другой женщины. Отныне Карен освобождается от всякой тяжелой работы. Стирка, которой она занималась сегодня, возлагается на тебя. Довольно бить баклуши. Будешь во всем ей помогать. И самое главное: больше никаких обвинений, грубости, нравоучений в ее адрес. Ты будешь мила и добра с ней! Постарайся не забываться, Грейс. Или мне придется наказать тебя.

— Ты не посмеешь!

— Надеюсь, ты не станешь давать мне повод для репрессий.

Хью повернулся к сыну.

— Дьюк, могу я рассчитывать на твою поддержку? Отвечай!

— А что ты подразумеваешь под наказанием, отец?

— Любые меры, которые мы будем вынуждены принять. Слова. Общественные меры принуждения. Физические наказания, если потребуется. Все, вплоть до исключения из группы, коли иного выхода не останется.

Дьюк побарабанил пальцами по столу.

— Все это довольно жестоко, па.

— Да, и я хочу, чтобы ты подумал о самых крайних мерах.

Дьюк взглянул на сестру.

— Хорошо. Я поддерживаю тебя. Мама, придется вести себя соответственно...

— Мой собственный сын пошел против меня! О господи, зачем я вообще появилась на свет?

— Барбара?

— Что я думаю? Я согласна с тобой, Хью. Карен необходимо доброе отношение. Ее нельзя нервировать.

— А ты не лезь не в свое дело!

Барбара спокойно взглянула на Грейс.

— Прошу прощения, но моим мнением поинтересовался ваш муж. Да и Карен просила меня присутствовать здесь. Мне кажется, Грейс, что вы вели себя отвратительно. Ребенок — это не стихийное бедствие.

— Тебе легко говорить!

— Может быть. Но вы постоянно придираетесь к Карен... Вы не должны так поступать.

— Скажи им, Барбара,— вдруг вмешалась Карен,— о себе.

— Ты этого хочешь?

— Лучше скажи. А то она сейчас набросится на тебя.

— Хорошо.— Барбара прикусила губу.— Я тоже беременна... и очень рада этому. Ребенок и несчастье — понятия взаимоисключающие.

Наступившая тишина показала Барбаре, что она добилась цели — отвела огонь от Карен. Сама же она чувствовала себя совершенно спокойной — впервые с тех пор, как заподозрила, что

беременна. Она не проронила ни слезинки — о нет! — но обнаружила, что напряжение, о котором она не подозревала, покинуло ее.

— Ах ты шлюха! Ничего удивительного, что моя дочь пошла по кривой дорожке, если попала под влияние такой...

— Молчи, Грейс!

— Да, мама,— поддержал отца Дьюк,— лучше успокойся.

— Я только хотела сказать...

— Ты ничего не скажешь, мама. Я не шучу.

Миссис Фарнхэм сдалась. Хью снова заговорил:

— Барбара, надеюсь, ты не шутишь ради того, чтобы защитить Карен.

Барбара взглянула на него и ничего не смогла прочесть на его лице.

— Нет, не шучу, Хью. Я сейчас на третьем месяце.

— В таком случае у нас двойная радость. Придется нам и тебя освободить от тяжелой работы. Дьюк, ты не взял бы на себя сельское хозяйство?

— Конечно.

— Да и Джо мог бы кое-чем помочь. М-м-м... значит, мы должны поторопиться с кухней и ванной. Вам обеим понадобятся такого рода удобства еще задолго до того, как родятся дети. Джо, нужно незамедлительно строить медведеустойчивую хижину. Здесь нет места для детской, и нам, мужчинам, придется выметаться. Я думаю...

— Хью...

— Что, Барбара?

— Не беспокойся за меня. Я пока могу спокойно заниматься садоводством. У меня не такой большой срок, как у Карен, и я не испытываю тошноты по утрам. Когда понадобится помощь, я сама дам знать.

Он задумался.

— Так дело не пойдет.

— Господи, но я люблю землю, люблю возиться с ней. Матери пионеров всегда работали, будучи беременными. Они переставали трудиться только тогда, когда у них начинались схватки.

— Что часто убивало их, Барбара. Мы не можем рисковать. Поэтому будем обращаться с вами обеими как с драгоценными сосудами,— он огляделся.— Правильно я говорю?

— Правильно, отец.

— Конечно, Хью.

Миссис Фарнхэм встала.

— От такого разговора мне стало дурно.

— Спокойной ночи, Грейс. Помни, Барбара: никакого огорода.

— Хью, пожалуйста, когда придет время, я сама откажусь от него.

— Займись общим руководством. И смотри, чтобы я не застал тебя с лопатой. Или за прополкой. Ты можешь повредить себе. Отныне ты фермер-теоретик.

— А разве в твоих книгах ничего не сказано о том, какую работу может выполнять беременная женщина?

— Я еще посмотрю. В любом случае мы будем придерживаться самой консервативной точки зрения. Некоторые врачи вообще томят своих пациенток в постели целыми месяцами, чтобы избежать выкидыша.

— Папа, надеюсь, ты не собираешься держать нас в постели?

— Скорее всего нет, Карен. Но мы обязаны быть предельно осторожными,— сказал он и добавил: — Барбара права: сегодня уже поздно окончательно решать что-либо. Кто желает сыграть в бридж? Или он слишком сильно возбуждает?

— Господи, конечно нет! — воскликнула Барбара.— Я думаю, что уж бридж-то никак не может послужить причиной выкидыша.

— Разумеется,— согласился Хью,— но то, как торгуется Карен, может вызвать сердечный приступ у любого из нас.

— Ха! И что хорошего, если торговаться, как компьютер? Жить надо рискуя. Я всегда была за это.

— Что верно, то верно.

Но дальше торговли дело у них не пошло. Доктор Ливингстон, который обычно спал в ванной, появился в комнате. Походка его была странной — ноги почти не сгибались, а зад он буквально волочил по земле. «Джозеф,— всем своим видом, казалось, говорит кот,— эти самые котята родятся у меня прямо сейчас!»

Тревожное мяуканье и странное поведение кота дали ясно понять, что происходит. Джо мгновенно оказался на ногах.

— Док, что с тобой, Док?

Он хотел было поднять кота, но тот замяукал еще громче и стал вырываться.

Хью сказал:

— Джо, оставь его в покое.

— Но старине Доку *больно*!

— В таком случае ему надо помочь. Дьюк, нам придется воспользоваться электричеством и переносным фонарем. Задуйте свечи. Карен, постели на стол одеяло и чистую простыню.

— Один момент.

Хью склонился над столом.

— Спокойно, Док. Тебе больно, да? Ничего, потерпи еще немножко. Мы здесь. С тобой,— он погладил кота по спине, затем осторожно пощупал живот.

— У него схватки. Карен, поторопись.

— Уже готово, папа.

— Помоги мне поднять его, Джо.

Они уложили кота на стол.

Джо встревоженно спросил:

— Что нам теперь делать?

— Прими таблетку милтауна.

— Но ведь Доку *больно*.

— Конечно. Но мы ничем не можем тут помочь. Сейчас ему придется туго. Это ее первые роды, и она перепугана. К тому же Док довольно стар для первых родов. Это плохо.

— Но мы просто обязаны *что-нибудь* сделать.

— Самое полезное, что ты можешь сейчас сделать,— это успокоиться. Ты передаешь коту свой страх. Джо, если бы можно было как-то помочь... Единственное, что в наших силах,— это стоять рядом, давая тем самым понять, что она не одинока. И не позволять ей бояться. Так дать тебе успокоительное?

— Да, если можно.

— Дьюк, достань таблетку. Джо, не отлучайся: Док доверяет тебе больше всех.

— Хьюберт, если ты собираешься простоять всю ночь рядом с котом, мне понадобится снотворное. Ни один нормальный человек не заснет в такой суете! — воскликнула Грейс.

— И таблетку секонала для твоей матери, Дьюк. У кого есть предложения, где можно устроить котят? — Хью порылся в памяти. Каждая коробка, каждый клочок картона были использованы и еще раз использованы в бесконечном благоустройстве. Построить им логово из кирпичей? Но этим можно заняться только с наступлением дня, а бедная зверюшка нуждается в гнезде, безопасном и уютном, прямо сейчас. Может быть, разобрать какие-нибудь стеллажи?

— Папа, что ты скажешь по поводу нижнего ящика шкафа с одеждой?

— Отлично! Выложите из него все вещи и постелите туда что-нибудь мягкое. Например, мою охотничью куртку. Дьюк, сооруди раму, которая поддерживала бы одеяло. Котятам понадобится нечто вроде маленькой пещерки, чтобы они чувствовали себя в безопасности. Сам понимаешь.

— Не суетись, папа, разберемся,— произнесла Карен.— Это не первые роды в нашей семье.

— Прости, доченька. Кажется, сейчас у нас появится первый котенок. Видишь, Джо?

Шерсть от головы до хвоста у Дока вдруг вздыбилась, затем улеглась обратно. Еще раз...

Карен, торопливо освободив ящик от вещей, разостлала в нем куртку отца и поставила его у стены. Затем бросилась к столу.

— Ну как, я не опоздала?

— Нет,— успокоил ее Хью.— Но вот-вот все должно случиться.

Док на мгновение перестал тяжело вздыхать, испустил стон и после двух конвульсивных движений разродился котенком.

— Да он вроде завернут в целлофан,— с удивлением заметила Барбара.

— Разве ты не знала? — поразилась Карен.— Папа, смотри, он *сереньки*й! Док, как же так? Впрочем, сейчас не время задавать вопросы.

Но ни Хью, ни Доктор Ливингстон и не собирались отвечать ей. Роженица стала тщательно вылизывать новорожденного,

пленка лопнула, и маленькие лапки беспомощно зашевелились. Писк, настолько тонкий и высокий, что его едва можно было различить, возвестил о первом знакомстве юного существа с миром. Док перекусил пуповину и продолжал вылизывать отпрыска, очищая его от крови и слизи и не переставая в то же время довольно урчать. Котенку это явно не нравилось, и он снова заявил свой почти неслышный протест.

— Босс,— сказал Джо,— с ним что-то неладно. Почему он такой маленький и худой?

— Это просто отличный котенок. У тебя родился замечательный наследник, Джо. Он настоящий бакалавр, хотя сам того не сознает,— ласково приговаривал Хью, почесывая кошку между ушами. Затем он продолжил уже обычным тоном: — И наихудший образчик подзаборника, который мне когда-либо попадался: гладкошерстный, полосатый и серый.

Док неодобрительно взглянул на Хью и, исторгнув из себя послед, принялся жевать кровавую массу. Барбара нервно сглотнула и кинулась к двери. Карен бросилась за ней, открыла ей дверь и поддерживала ее до тех пор, пока та полностью не очистила желудок.

— Дьюк! — позвал Хью.— Охраняй.

Дьюк последовал за девушками и высунул голову наружу.

Карен сказала ему:

— Можешь уйти. Здесь мы в полной безопасности. Сегодня очень яркая луна.

— Ладно. Только оставьте дверь открытой,— и он исчез внутри убежища.

Карен заметила:

— Я думала, что у тебя нет токсикоза.

— Так оно и есть. О-о-о! — Барбару снова стошнило.— Это из-за того, что сделал Док.

— Ах вот оно что! Но ведь коты всегда так поступают. Позволь я протру тебе лицо, дорогая.

— Это ужасно.

— Это нормально. И к тому же полезно для них. Гормоны или что-то в таком роде. Лучше спроси у Хью. Ну как, тебе полегчало?

— Кажется, да. Карен, надеюсь, нам не нужно будет делать того, что сделал Док? А?

— Что? О! Думаю, нет, вроде не нужно... Иначе нам сказали бы об этом в школе.

— На сексологии нам не говорили очень многих вещей,— слабо пролепетала Барбара.— У нас, например, этот курс вела старая дева. Но я просто не могу... Кажется, я расхотела иметь ребенка.

— Геноссе,— мрачно произнесла Карен,— уж кому-кому, а нам обеим об этом нужно было думать раньше. Отойди немного, кажется, настал мой черед.

Они вернулись в комнату бледные, но с виду довольно спокойные.

Док произвел на свет еще трех котят после их возвращения, и Барбара наблюдала за родами и последующими операциями Дока, уже не испытывая потребности бежать за дверь. Из новорожденных только третий заслуживал внимания. Он явно был мужчиной: его крупная голова никак не хотела вылезать, и Док буквально согнулся пополам от боли.

Хью по мере возможности старался помочь родиться маленькому тельцу. При этом он вспотел, совсем как настоящий хирург. Док взвыл и укусил его за палец. Но это ничуть не повлияло на поведение акушера.

Внезапно котенок высвободился. Хью склонился над ним и подул ему в рот. Котенок тут же ответил тоненьким негодующим писком. Тогда Хью положил его к матери и позволил ей его вычистить.

— Еле спасли,— выдохнул он, стараясь унять дрожь в руках.

— Док не виноват, он не мог с собой ничего поделать,— заметил Джо.

— Да, я понимаю. Кто из вас, девочки, займется моим пальцем?

Барбара перевязала ему палец, повторяя про себя, что она, когда настанет ее черед, *не должна, НЕ ДОЛЖНА* кусаться.

По старшинству котята располагались следующим образом: гладкошерстный серый, пушистый белый, угольно-черный с белой грудкой и чулочками и пестрый. После долгих споров между

Карен и Джо они были названы: Счастливый Новый Год, Снежная Принцесса Великолепная, Доктор Черная Ночь и Лоскутная Девочка Страны Оз. Кратко: Счастливчик, Красотка, Полночь и Заплатка.

К полуночи мать и новорожденные были размещены в ящике и снабжены водой, пищей и тарелкой с песком неподалеку. С чувством исполненного долга все отправились спать. Джо улегся на полу, прислонившись головой к кошачьему гнездышку.

Когда все затихло, он поднялся и, включив фонарь, заглянул в ящик. Док Ливингстон держал одного из котят в лапках, а трое других сосали молоко. Перестав вылизывать Красотку, Док вопросительно взглянул на Джо.

— Твои котятки просто прелесть,— сказал Джо,— самые лучшие детишки на свете.

Док расправил свои королевские усы и довольно заурчал.

Глава восьмая

Хью оперся о лопату.

— Достаточно, Джо.

— Я еще немного подчищу возле шлюза.

Они стояли у верхнего конца траншеи, там, где была устроена запруда на случай жаркой погоды. А жара стояла сильнейшая. Лес начал увядать, солнце палило невыносимо. Поэтому приходилось быть особенно осторожными с огнем.

Зато о медведях не было необходимости беспокоиться так, как раньше, хотя невооруженным по-прежнему никто не ходил. Дьюк перебил столько плотоядных, как из рода медвежьих, так и кошачьих, что появление их стало редкостью.

Через запруду протекал только небольшой ручеек, но в нем хватало воды для поливки и хозяйственных нужд. Без этого водовода они просто потеряли бы свой сад.

Раз в несколько дней водную систему необходимо было подправлять. Настоящего шлюза Хью сделать не смог. Его остановила нехватка инструментов и металла, а также отсутствие древесины. Вместо этого он кое-что придумал. В том месте, где вода заходила в канал, дно траншеи было выложено кирпичом, а дальше вниз — полукруглыми черепичными плитками. Чтобы усилить ток воды, покрытие сняли и, увеличив уклон дна, положили снова. Эта операция потребовала немалых усилий, но, без сомнения, они окупились.

Траншею выложили черепицей до самого дома, поэтому утечки воды практически не было. Печь для обжига работала день и ночь. Благодаря глине стало возможным капитальное строительство. Правда, последнее время хорошей глины не хватало.

Это не сильно беспокоило Хью: все самое необходимое у них было.

Ванная комната перестала казаться сказкой. А шикарный туалет с двумя отделениями, разгороженными оленьей шкурой, после долгих мытарств мужской половины все-таки был оснащен канализацией.

Приступив к изготовлению канализационной трубы, Хью столкнулся с большими трудностями. После множества неудач он наконец выстрогал цилиндрическую основу, состоящую из трех сегментов. Глину приходилось намазывать на нее и затем подсушивать немного, чтобы основу можно было вынуть по частям до того, как пересохшая глина начнет трескаться.

Со временем Хью стал настоящим мастером: ему удалось свести до минимума процент брака при формовке и обжиге.

Поврежденный бак для воды он со скрежетом зубовным распилил вдоль и сделал две ванны. Одну решили установить в доме, а другую снаружи, под открытым небом. Чтобы не было утечки, он обтянул их выбритыми шкурами, и ванны действительно не протекали.

Приближение периода дождей заставило поторопиться с устройством на кухне очага. Его пока не использовали, так как дни стояли длинные и жаркие. Пищу готовили на улице и ели под навесом из медвежьих шкур.

Теперь их дом был двухэтажным. Хью справедливо рассудил, что надстройка, способная выдержать натиск медведей или нашествие змей, должна быть каменной, с прочной крышей. Это

сделать, конечно, можно. А вот как насчет окон и дверей? Возможно, ему и удастся когда-нибудь сварить стекло, если будет решена проблема с содой и известью. Но не так скоро. Крепкую дверь и плотные ставни сделать нетрудно, но тогда внутри будет слишком душно.

Поэтому они построили на крыше убежища нечто вроде сарайчика с травяной крышей. Теперь, при поднятой лестнице, медведь, пришедший помериться с ними силами, встретит на своем пути двенадцатифутовую стену. Не будучи вполне уверенным, что стена отпугнет всех визитеров, Хью расставил вдоль края пустые кислородные баллоны и протянул веревку так, что если ее задеть, эти баллоны валились вниз. Сигнализация сработала на первой же неделе, отпугнув непрошеного гостя. Заодно страшно напугался и Хью, в чем он сам честно признался.

Все, что не портилось от дождя, было вытащено наружу, и главную комнату превратили в женскую спальню, и — одновременно — детскую.

Хью смотрел вниз по течению ручья, а Джо тем временем заканчивал подравнивать траншею. В долине виднелась крыша хижины.

«Смотрится вполне прилично»,— подумал Хью. Все их хозяйство — в прекрасном состоянии, а на будущий год будет еще лучше. Настолько лучше, что у них появится возможность заняться разведкой. Даже Дьюк до сих пор не бывал дальше, чем в двадцати милях отсюда. Для путешествий у них пока не было ничего, кроме ног, к тому же слишком тяжело еще справляться с бесконечным множеством разнообразных дел...

А следующий год уже не за горами.

Человек не должен останавливаться на достигнутом, иначе для чего же жить? Когда они начинали, у них не было ни горшка, ни окошка. В этом году горшок... а в будущем, значит, окошко? Не следует торопиться. Пока все идет прекрасно. Даже Грейс как будто поуспокоилась. Он был просто уверен, что она возьмет себя в руки и в конце концов станет счастливой бабушкой. Грейс всегда любила детей и умела ухаживать за ними.

Теперь уже скоро. Малышка Карен, правда, точно не знает срока, но предполагает, что знаменательный день наступит примерно через две недели, и ее состояние подтверждает ее слова, насколько он может судить.

Чем скорее, тем лучше! Хью изучил в своей библиотеке все книги, касающиеся беременности и родов. Он приготовился, как только мог. Обе его пациентки как будто пребывали в отличном здравии: у обеих обмеры талии давали прекрасные результаты, обе вроде бы избавились от страхов и поддерживали друг друга дружеским подшучиванием, способствующим сохранению нормального настроения. Если Барбара будет поддерживать Карен, если Карен будет поддерживать Барбару, если они обе будут опираться на опыт материнства Грейс, то им нечего бояться.

Прекрасно все же будет иметь в доме детей!

И в этот момент радостного опьянения Хью Фарнхэм понял, что еще никогда в жизни он не был так счастлив.

— По-моему, нормально, Хью. А эти лишние плитки захватим домой.

— Добро. Возьми ружье, а я понесу инструменты.

— Сдается мне,— сказал Джо,— что мы должны...

Его слова заглушил выстрел. Они замерли. За первым последовали еще два.

Они побежали.

Стоявшая на пороге Барбара подняла ружье, помахала им и вошла внутрь. Когда они подбежали к дому, она вышла навстречу, ступая босыми ногами и двигаясь медленно и осторожно, чтобы не упасть. Ее беременность была уже хорошо заметна. Большой живот покоился в просторных шортах, сделанных из старых джинсов Дьюка. На ней была мужская рубашка, перешитая так, чтобы не стеснять увеличивающиеся груди. Ружья в ее руках уже не было.

Джо подбежал к ней раньше Хью.

— Карен? — быстро спросил он.

— Да. У нее началось.

Джо поспешно вошел в дом.

Подбежавший Хью спросил, задыхаясь:

— Ну, что?

— У нее отошли воды. Затем начались схватки. Тогда я и выстрелила.

— Почему же ты... Впрочем, ладно, что еще?

— С ней Грейс. Но она хочет видеть тебя.

— Дай мне отдышаться,— Хью вытер пот и постарался успокоится. Он сделал глубокий вдох, задержал воздух в легких, затем медленно выдохнул. Восстановив дыхание, он вошел в дом. За ним последовала Барбара.

Койки, прежде располагавшиеся возле двери, были сняты. Кровать частично занимала дверной проем, оставался лишь узкий проход. Одну из коек превратили в диванчик в углу. На кровати лежал травяной матрас, застланный медвежьей шкурой. На ней развалился пестрый котенок.

Хью прошел мимо, почувствовав, как другой котенок потерся о его щиколотку. Он вошел в следующее помещение. Здесь из коек была сооружена кровать, на которой лежала Карен. Грейс сидела возле роженицы и обмахивала ее веером. Джо стоял тут же с выражением молчаливого сострадания на лице.

Хью улыбнулся дочери.

— Привет, толстушка! — он нагнулся и поцеловал ее.— Ну, как ты? Больно?

— Да, сейчас больно. Но я рада, что ты здесь.

— Мы спешили изо всех сил.

Котенок вскочил на постель и улегся на Карен.

— Ах ты! Черт бы тебя побрал, Красотка!

— Джо,— сказал Хью,— собери кошек и отправь их в изгнание.

Вход в туннель был заполнен кирпичом, оставлены только вентиляционные отверстия и кошачья дверь, которую при желании можно было заложить кирпичом. Кошкам все это не очень нравилось, однако так пришлось сделать после того, как пропал и, видимо, погиб Счастливый Новый Год.

Карен попросила:

— Папа, я хочу, чтобы Красотка была со мной.

— Джо, к Красотке моя просьба не относится. Когда наступит самый ответственный момент, схвати ее и сунь к остальным.

— Ясно, Хью,— Джо вышел, столкнувшись в дверях с Барбарой.

Хью потрогал щеки Карен, пощупал пульс. Затем спросил жену:

— Ее побрили?

— Пока не было времени.

— Тогда вы с Барбарой побрейте ее и вымойте. Детка, когда же разверзлись хляби твои?

— Только что. Я сидела на горшке. Тут-то все и началось. Сижу я себе, никого не трогаю... а потом вдруг — р-раз! — и Ниагарский водопад!

— Но схватки-то у тебя были?

— Еще какие!

— Это хорошо. Значит, о схватках можно не беспокоиться,— он улыбнулся.— В принципе, беспокоиться вообще не о чем. Думаю, что большую часть ночи ты проведешь за игрой в бридж. Дети, как и котята, имеют обыкновение появляться на свет под утро.

— Всю ночь? Я хочу, чтобы этот сопляк родился побыстрее, и делу конец.

— Я тоже хотел бы, чтобы все это кончилось поскорее, но у детей на этот счет свое мнение,— сказал Хью и добавил: — Ладно, тебе предстоят кое-какие дела, да и мне нужно кое-чем заняться. Я в грязи с головы до ног,— он собрался уходить.

— Папа, подожди секундочку. А я обязательно должна оставаться здесь? Здесь очень жарко.

— Нет. У двери светлее. Особенно если наш юный Тарзан соблаговолит появиться при свете дня. Барбара, откинь эту потертую медвежью шкуру — будет прохладнее. Возьми вон ту простынку. Или лучше чистую, если есть.

— Стерилизованную?

— Нет. Ее не распаковывай до тех пор, пока не начнутся роды,— Хью похлопал дочь по руке.— Постарайся, чтобы не было схваток, пока я не вымоюсь.

— Папа, тебе нужно было стать врачом.

— А я и есть врач. Самый лучший в мире.

Выйдя из дома, он встретил Дьюка, задыхающегося от долгого бега.

— Я слышал три выстрела. Сестренка?

— Да. Не волнуйся, у нее только начались схватки. Я собираюсь принять ванну. Не желаешь присоединиться?

— Сначала я хочу повидаться с сестренкой.

— Тогда поторопись: ее собираются купать. Мужчины там сейчас помеха. Заодно захвати Джо. Он размещает котов по камерам.

— Может быть, следует накипятить воды?

— Пожалуйста, займись, если это успокоит тебя. Дьюк, я уже заготовил все необходимое, по крайней мере то, что у нас имеется. Уже с месяц, как заготовил. В том числе и шесть бидонов кипяченой воды на то на се. Так что пойди поцелуй свою сестру и постарайся не показывать ей своей обеспокоенности.

— Ну и хладнокровен же ты, отец!

— Сынок, я сам не свой от страха. Я уже сейчас могу перечислить тринадцать возможных осложнений — и ни с одним из них мне не справиться. Я гожусь только на то, чтобы похлопывать ее по руке и уверять, что все идет как по маслу... а ей именно это и надо. Осматривая ее, я сохраняю видимость каменного спокойствия, а сам не знаю, на что обращать внимание. Я хочу одного: чтобы она обрела уверенность, и буду тебе очень признателен, если ты мне в этом поможешь.

— Вас понял, сэр. Буду поддерживать вашу игру,— с готовностью отозвался Дьюк.

— Только не переигрывай. Просто постарайся показать ей, что ты разделяешь ее уверенность в старом доке Фарнхэме.

— Я постараюсь.

— Если Джо слишком разволнуется, вытаскивай его оттуда. Он дергается больше всех. Грейс справляется прекрасно. Ладно, поспеши, а то они не пустят тебя.

Немного позже выкупавшийся и успокоившийся Хью выбрался из воды и направился к дому, неся одежду в руках, чтобы ветерок высушил его кожу. Он задержался у двери, натягивая шорты.

— Тук-тук!

— Нельзя,— отозвалась из-за двери Грейс.— Мы заняты.

— Тогда прикройте ее. Мне нужно вымыть руки перед операцией.

— Мама, перестань. Входи, папа.

Хью вошел, пробрался мимо Барбары и Грейс и зашел в ванную. Там он очень коротко остриг ногти, вымыл руки — сначала проточной водой, а затем кипяченой — и повторил процедуру еще раз. Помахав руками в воздухе, чтобы они высохли, он вернулся в комнату, стараясь ни до чего не дотрагиваться.

Карен лежала на широкой кровати около двери, прикрытая половинкой изношенной простыни. На плечи ее была накинута серая рубаха, которая была на Хью в ночь нападения. Грейс и Барбара сидели на кровати, Дьюк стоял в дверях, а Джо печально сгорбился позади кровати.

Хью улыбнулся дочери.

— Ну, как дела? Еще схватки были?

— Ни единой, черт бы их побрал. Хоть бы он родился до обеда.

— Обязательно родится. Потому что никакого обеда тебе не видать как своих ушей.

— Чудовище! Мой отец просто чудовище.

— Доктор Чудовище, с вашего позволения, а теперь, друзья мои, прошу вас очистить помещение. Мне нужно осмотреть пациентку. Все свободны, кроме Грейс. Барбара, пойди и приляг.

— Я не устала.

— Возможно, нам всю ночь придется провести на ногах. Так что лучше вздремнуть заранее. Я не испытываю ни малейшего желания принимать преждевременные роды.

Он откинул простыню, осмотрел Карен и ощупал ее живот.

— Ты чувствуешь толчки?

— Еще бы! Когда он родится, его непременно нужно записать в команду Грин Бей Пэкерз. У меня такое впечатление, что на ногах у него бутсы.

— Ничуть не удивлюсь, если это так. Ты была обута, когда зачинала его?

— Что? Папа, что за гадости ты говоришь! Да.

— В следующий раз перед этим обязательно разуйся.

Беседуя с дочерью, Хью одновременно пытался определить, в каком положении находится ребенок — головкой вниз или, боже избави, поперек. Как оказалось, сделать это он был не в состоянии.

Поэтому он улыбнулся Карен и солгал:

— Прекрасно, бутсы нас не побеспокоят, поскольку он расположен головкой прямо вниз, именно так, как надо. Надо думать, роды будут очень легкими.

— Откуда ты знаешь, папа?

— Положи руку вот сюда, где моя. Вот его выпуклая головка, вниз которой он и нырнет. Чувствуешь?

— Кажется, да.

— Если бы ты была на моем месте, посмотрела на себя со стороны, то могла бы даже и увидеть.

Он попытался определить, начало ли расширяться влагалище. *Имело место небольшое кровотечение, поэтому он не решился* произвести обследование руками: во-первых, он все равно не знал, как должно было все это быть на ощупь, а во-вторых, боялся занести инфекцию. Кое-что могло поведать ректальное обследование, но он опять же не знал, что именно, поэтому не было никакого смысла подвергать Карен этой малоприятной процедуре.

Хью поднял голову и встретился взглядом с женой. Сначала он хотел посоветоваться с ней, но потом решил, что не стоит. Несмотря на то, что дети у Грейс были, о деторождении она знала не больше его самого, а дав понять Карен, что он не уверен в себе, он может пошатнуть ее уверенность в благоприятном исходе.

Поэтому он взял свой «стетоскоп» (три последних чистых листа из энциклопедии, скатанные в трубочку) и стал прослушивать сердцебиение плода. Но и здесь его ожидала неудача: он услышал множество различных шумов, которые определил про себя как «бурчание в кишках».

— Тикает, как метроном,— заключил он, откладывая трубку и снова укрывая дочь.— Твое дитя в отличном состоянии, девочка, и ты сама тоже. Грейс, вы, кажется, завели журнал: когда начались первые боли?

— Им занималась Барбара.

— Будь добра, сохрани его. А сейчас скажи Дьюку, чтобы он снял ремни со второй кровати и принес их сюда.

— Хьюберт, ты уверен, что они понадобятся? Ни один из моих врачей не советовал мне ничего подобного.

— Это самое последнее новшество,— заверил он ее.— Теперь его применяют во всех больницах,— Хью где-то читал, что некоторые акушерки заставляют рожениц тянуть во время потуг ремни. Он просмотрел все книги, ища подтверждения, но не нашел. Тем не менее здравый смысл подсказывал ему, что это действительно правильно — женщине так легче тужиться.

У Грейс на лице отразилось сомнение, но возражать она не стала и вышла из убежища. Хью собрался встать, но Карен схватила его за руку.

— Не уходи, папа!

— Больно?

— Нет. Я хотела сказать тебе одну вещь. Я попросила Джо взять меня в жены. На прошлой неделе. И он согласился.

— Рад слышать это, дорогая. Тебе достанется настоящее сокровище.

— Мне тоже так кажется. Конечно, в моем положении выбирать особенно не приходится, но Джо мне действительно нравится. Разумеется, мы не поженимся до тех пор, пока я полностью не оправлюсь после родов и не стану сильной и здоровой, как прежде. Сейчас я и подумать боюсь о разговоре с матерью.

— Я ей ничего не скажу.

— И Дьюку тоже не говори. А Барбара все знает и считает, что это прекрасно.

Схватки у Карен начались, когда Дьюк прилаживал ремни. Она вскрикнула, застонала и ухватилась за концы ремней, которые торопливо протянул ей Дьюк. Хью положил руку ей на живот и почувствовал, как сильно он напрягается одновременно с приступами боли.

— Тужься, детка,— посоветовал он,— и старайся дышать глубже — это помогает.

Она глубоко вздохнула, но только застонала вновь.

Казалось, прошла вечность, прежде чем Карен немного расслабилась, выдавила улыбку и сказала:

— Ну, наконец-то прошло. Искренне сожалею о звуковых эффектах, папа.

— Если хочешь, кричи на здоровье. Но лучше глубоко дышать. Отдохни немного, пока мы тут разберемся. Джо, тебя придется использовать в качестве повара: я хочу, чтобы Барбара отдохнула, а Грейс будет исполнять обязанности медсестры. Поэтому тебе придется приготовить обед и заодно что-нибудь холодненькое на ужин. Грейс, ты занесла в журнал, когда начались схватки?

— Да.

— Заметила, сколько времени они длились?

— Я засекла,— сказала Барбара.— Сорок пять секунд.

Карен возмутилась:

— Барбара, да ты в своем ли уме! Они длились никак не менее часа.

— Ладно, пусть будет сорок пять секунд,— сказал Хью.— Засекайте время появления схваток и сколько они длятся.

Семь минут спустя начался следующий приступ. Карен постаралась последовать совету отца и дышать глубоко. На сей раз она только слегка вскрикнула. Но когда боль отошла, она уже не в состоянии была шутить и только отвернулась лицом к стене. Схватки были долгими и сильными. Хотя страдания дочери потрясли Хью, он все же немного приободрился: роды как будто обещали быть непродолжительными.

Но получилось совсем наоборот. Весь этот жаркий и трудный день женщина на кровати старалась избавиться от своей ноши. Лицо ее побелело, то и дело она вскрикивала, с каждой потугой живот ее напрягался, мышцы на руках и шее вздувались. Затем, когда схватки отпускали, она откидывалась на подушки, усталая и дрожащая, не в состоянии разговаривать и обращать внимание на что-либо, кроме происходящего с ней.

Дальше стало хуже. Схватки теперь шли с трехминутными интервалами, причем каждая следующая была длиннее предыдущей и, казалось, более мучительной. Наконец Хью посоветовал ей не пользоваться ремнями: он не заметил, чтобы от них был какой-нибудь толк. Она тут же попросила дать их, как будто не слыша, что он сказал. Похоже, ремни помогали ей чувствовать себя немного удобнее.

В десять часов вечера началось кровотечение. Грейс заметалась, она слыхала много рассказов о том, как опасно кровотечение. Хью объяснил то, что так и должно быть и что это свидетельствует о скором появлении ребенка. Да он и сам поверил в это, потому что вскоре кровотечение прекратилось. Казалось невероятным, что роды могут затянуться еще.

Грейс на что-то рассердилась и встала. Барбара тут же плюхнулась в освободившееся кресло. Хью надеялся, что Грейс решила отдохнуть — женщины дежурили по очереди.

Но через несколько минут его жена вернулась.

— Хьюберт,— сказала она высоким срывающимся голосом,— я собираюсь вызвать врача.

— Пожалуйста,— согласился он, не сводя глаз с Карен.

— Послушайте меня, Хьюберт Фарнхэм! Вам следовало вызвать врача с самого начала. Вы убиваете ее, слышите? Я намерена вызвать врача, и вам меня не остановить!

— Конечно, Грейс, о чем речь! Телефон вон там,— он указал пальцем.

Казалось, Грейс была слегка озадачена, но затем она резко повернулась и вышла.

— Дьюк!

В комнату торопливо вбежал сын.

— Да, отец?..

Хью многозначительно произнес:

— Дьюк, твоя мать решила вызвать врача по телефону. Пойди помоги ей. *Ты меня понял?*

У Дьюка расширились глаза.

— Где у нас иглы?

— В маленьком пакетике на столе. Большой не трогай — он стерилизован.

— Ясно. Сколько ей ввести?

— Два кубика. Только смотри, чтобы она не видела иглы, а то может дернуться.

Тут он почувствовал, что у него самого закружилась голова.

— Нет, лучше введи ей три кубика. Я хочу, чтобы она сразу вырубилась и проспала до утра. Она выдержит такую дозу.

— Иду, иду,— поспешно сказал Дьюк и последовал за матерью.

У Карен-как раз наступил перерыв между схватками, и она, видимо, впала в полузабытье. Очнувшись, она прошептала:

— Бедный папочка! Твои женщины доставляют тебе столько огорчения!

— Успокойся, милая.

— Я... О боже, опять подступает!

Между приступами боли она выкрикивала:

— О, какая боль! Я больше не могу! Ох, отец, я хочу врача! Ну пожалуйста, папочка! Пусть придет доктор!

— Ты тужься, доченька, тужься!

Схватки все продолжались и продолжались до самой ночи. Облегчения не было, становилось только хуже. Не было смысла вести журнал схваток — они стали почти непрерывными. Карен уже не могла говорить. Среди стонов можно было с трудом различить только невнятные мольбы о помощи. В промежутках между схватками она иногда вдруг начинала что-то бормотать, но на вопросы не отвечала.

Перед рассветом — Хью к тому времени стало казаться, что эта пытка длится не меньше недели, хотя часы утверждали, что схватки начались всего восемнадцать часов назад,— Барбара сказала с тревогой в голосе:

— Хью, она больше не выдержит.

— Я знаю,— согласился он, глядя на дочь. Как раз сейчас та была охвачена болью: лицо ее посерело и исказилось, рот искривился в агонии, сквозь зубы вырывались сдавленные стоны.

— Что же делать?

— Я думаю, необходимо кесарево сечение. Но я не хирург, к сожалению.

— А может, все-таки...

— Нет... Я тут бессилен.

— Но ведь ты же знаешь гораздо больше, чем первый человек, который решился сделать его. Ты знаешь, как обеспечить стерильность. У нас есть сульфаниламиды, и ее можно напичкать димедролом,— Барбара говорила громко, не боясь, что Карен может услышать ее: Карен уже ничто не интересовало.

— Нет!

— Хью, ты просто обязан. Она умирает.

— Я понимаю,— он вздохнул,— но делать кесарево сечение уже поздно, даже если бы я и решился. Я имею в виду, чтобы спасти Карен. Но ребенка это могло бы еще спасти.

Он заморгал и покачнулся.

— Но нам не спасти и ребенка. Где мы возьмем кормилицу? Ты кормить не можешь, по крайней мере сейчас. А коров у нас нет.

Он глубоко вздохнул и попытался взять себя в руки.

— Осталось одно. Попробовать эскимосский способ.

— Господи, а это что такое?

— Поставить ее на ноги и предоставить возможность действовать земному притяжению. Вдруг это поможет? Позови мужчин. Они нам потребуются. Мне снова нужно продезинфицировать руки. Может быть, придется делать надрез. О боже!

Через пять минут они были готовы. Пока Карен бессильно лежала после очередной схватки, Хью попытался объяснить ей, что предстоит сделать. Слова с трудом доходили до нее, но в конце концов она слегка кивнула и прошептала:

— Мне уже все равно.

Хью подошел к столу, на котором были разложены его инструменты, взял в одну руку скальпель, а в другую фонарь.

— Ну, ребята, как только начнется, берите ее под руки и поднимайте.

Схватки возобновились буквально через несколько секунд.

Хью кивнул Дьюку.

— Давайте!

— Джо, помогай! — они принялись поднимать ее, поддерживая за плечи и бедра.

Карен закричала:

— Нет, нет! Не трогайте меня... Я не вынесу этого! Папочка, пусть они отпустят меня! Папа!

Они остановились. Дьюк спросил:

— Так что будем делать, отец?

— Я сказал — поднимайте! Ну!

Они с трудом подняли её с кровати. Барбара зашла сзади и, обхватив ее руками вокруг талии, сильно надавила на измученный живот несчастной. Карен снова закричала и стала вырываться. Они обхватили ее еще крепче. Хью лег навзничь и направил луч фонаря вверх.

— Тужься, Карен, тужься!

— О-о-о!

И тут он вдруг увидел темя ребенка, серовато-голубое. Он хотел уже отложить скальпель, но головка снова исчезла!

— Карен, попробуй еще раз!

Хью мучительно раздумывал о том, где следует разрез. Спереди? Или сзади? Или и сзади и спереди? Он снова увидел темя — оно появилось и пропало. Рука его вдруг стала твердой как камень, он потянулся совершенно бессознательно и сделал небольшой надрез.

Он едва успел отложить скальпель, как прямо ему в руки шлепнулся мокрый, скользкий, окровавленный ребенок. Хью помнил, что должен сделать еще что-то, но все, что он сообразил в данную минуту,— это взять ребенка за обе ножки, поднять и шлепнуть по крошечной попке. Раздался сдавленный крик.

— Теперь осторожно положите ее на кровать, но только полегче.

Они все еще связаны пуповиной.

Мужчины бережно уложили Карен. Хью стоял на коленях. Руки его были заняты слабо попискивающей ношей. Поднявшись, он попытался вложить ребенка Карен в руки, но заметил, что та не в состоянии взять его. Хотя казалось, что она в сознании и глаза ее открыты.

Хью и сам был на грани обморока. Он мутным взором обвел комнату и вручил ребенка Барбаре.

— Никуда не отходи,— зачем-то сказал он ей.

— Отец,— спросил Дьюк,— а разве не нужно перерезать пуповину?

— Пока еще нет. И куда только запропастился этот скальпель? — Он наконец нашел его, быстро протер йодом, надеясь, что этого окажется достаточно, и положил рядом с двумя прокипяченными

ми шнурками, затем повернулся и пощупал пуповину — пульсирует или нет.

— Он просто замечательный,— мягко сказал Джо.

— Она,— поправил его Хью.— Ребенок — девочка. А теперь, Барбара, если ты...

Он замолчал. Дальнейшее произошло слишком быстро. Ребенок начал задыхаться. Хью схватил его, повернул головкой вниз, сунул палец в рот младенцу и извлек оттуда комок слизи. Отдав ребенка Барбаре, он снова принялся щупать пуповину и только тут заметил, что Карен в опасном состоянии.

С кошмарной мыслью о том, что ему следовало бы быть вдвое более сильным, он взял один из шнурков и узлом перевязал пуповину около животика ребенка, пытаясь унять дрожь в руках. Затем он начал завязывать второй шнурок и понял, что этого уже не нужно: Карен внезапно исторгла послед, и началось кровотечение. Она застонала.

Одним движением скальпеля Хью перерезал пуповину, бросил Барбаре: «Закрой ее пластырем» и повернулся, чтобы заняться матерью.

Кровь текла из нее ручьем. Лицо посерело, и она, казалось, уже потеряла сознание. Было бесполезно накладывать швы на разрез и последовавшие за ним разрывы: Хью видел, что кровь шла изнутри. Пытаясь остановить ее, он сделал тампон из последней оставшейся марли и крикнул Джо и Дьюку, чтобы те принесли бандаж и холодный компресс.

Через мучительно долгий, как ему показалось, промежуток времени компресс и бандаж были на месте, а марля подкреплена целым ворохом стерильных гигиенических салфеток. Хью поднял глаза, взглянул на лицо Карен и тут же с панической поспешностью стал пытаться нащупать ее пульс.

Карен скончалась через семь минут после рождения дочери.

Глава девятая

Кэтрин Джозефин пережила свою мать на день. Хью окрестил ее этим именем и каплей воды через час после того, как умерла

Карен. Было ясно, что и девочка долго не протянет. У нее оказалось что-то не в порядке с дыханием.

Один раз, когда малышка стала задыхаться, Барбара вернула ее к жизни, прижавшись ртом к ее ротику и высосав из него что-то, что тут же с отвращением сплюнула. Некоторое время после этого малышка Джоди как будто чувствовала себя лучше.

Но Хью понимал, что это только отсрочка. Он не представлял себе, каким образом им удастся сохранить девочку живой достаточно длительное время — целых два месяца — до тех пор, пока Барбара не сможет кормить ее. У них в запасе остались только две банки сухого молока.

Тем не менее они старались сделать все возможное.

Грейс припомнила состав смеси: сухое молоко, кипяченая вода и немного сладкого сиропа. У них, правда, не из чего было кормить девочку. Отсутствовала даже соска. Осиротевший ребенок был вещью, которой Хью никак не мог предвидеть. Теперь, задним числом, рождение младенца казалось ему одним из самых вероятных событий, и он клял себя за то, что не предусмотрел такой возможности. Поэтому он дал себе клятву приложить все силы к тому, чтобы дочь Карен осталась жива.

Пластиковая капельница оказалась наиболее похожим на соску предметом. Ничего лучшего найти не удалось. С ее помощью они попытались дать малютке смесь, стараясь нажимать на бока капельницы в такт сосательным движениям ребенка.

Из этой затеи мало что получалось. Малютка Джоди по-прежнему дышала с трудом и начинала задыхаться каждый раз, когда они пытались покормить ее. На то, что бы прочистить ей горлышко и дать возможность оправиться, они потратили почти столько же усилий, как и на то, чтобы покормить ее. Казалось, она просто не хочет брать в рот грубую подделку, а если они старались кормить ее насильно, она тут же начинала задыхаться. Дважды Грейс удавалось скормить ей почти унцию смеси. И оба раза она срыгивала ее. Барбаре и Хью не удалось даже этого.

На следующее утро Хью проснулся от крика Грейс. Ребенок задохнулся и умер.

В тот страшный день, когда борьба за жизнь новорожденной еще продолжалась, Дьюк и Джо выкопали могилу высоко на склоне холма, на лужайке. Могила получилась глубокой, кроме того, они запаслись кучей булыжников. Оба боялись, что медведи или койоты могут разрыть могилу.

Когда работа была закончена, Джо с усилием спросил:

— Как мы будем делать гроб?

Дьюк вздохнул и вытер пот со лба.

— Джо, гроб нам не осилить.

— Но мы просто должны сделать его.

— Конечно, можно нарубить деревьев, расколоть их и получить немного досок — как мы и делали, например для кухонного стола. Но сколько времени это у нас займет? Джо, погода стоит жаркая. Карен не может столько ждать.

— Тогда мы должны разобрать что-нибудь. Кровать, например, или книжные полки.

— Проще всего — шкаф для одежды.

— Ладно, не будем откладывать.

— Джо, любая вещь, из которой можно сделать гроб, находится в доме. Неужели ты думаешь, что Хью разрешит нам сейчас войти туда и начать ломать, колотить, прибивать? Он просто убьет того, кто разбудит ребенка или отвлечет в то время, когда его с таким трудом пытаются покормить. Если раньше не убьют Барбара или мать. Нет, Джо. Придется нам обойтись без гроба.

Они принесли почти весь запас кирпичей, выложили нечто вроде ящика на дне могилы, выстлав его изнутри навесом, под которым обедали, и сделали из тонких стволов крышку, чтобы ящик можно было закрыть. Хотя все это выглядело довольно жалко, они почувствовали нечто вроде удовлетворения.

На следующее утро в этой могиле были похоронены мать и дочь.

Опускали их вниз Джо и Дьюк. Последний настоял на том, чтобы отец не вмешивался и занялся лучше дома Грейс и Барбарой. Дьюк вообще предпочел бы справиться со всем сам, но без помощника, к сожалению, обойтись было трудно.

Когда Дьюк предложил не отпускать Грейс на похороны, Хью отрицательно покачал головой.

— Нельзя лишать мать возможности в последний раз проститься с дочерью. Я не могу препятствовать ей в этом.

Не мог препятствовать ей и Дьюк. К тому времени, когда Джо отправился звать остальных, его сестра и племянница мирно покоились, аккуратно прикрытые тканью. Не осталось ни единого следа тех усилий, которых потребовало помещение их сюда: ни осыпавшейся земли, ни обломков отвалившейся кладки. Лицо Карен выражало абсолютное спокойствие, а дочурка покоилась у нее на груди, как будто задремав.

Дьюк коснулся края кирпичной стенки, наклонился и прошептал:

— Прощай, сестричка. Прости меня за все.

Затем он прикрыл ей лицо и осторожно вылез из могилы. По склону холма поднималась небольшая процессия. Хью поддерживал под руку жену, Джо помогал Барбаре. За убежищем на флагштоке колыхался приспущенный флаг.

Подойдя к могиле, они встали так, что Хью оказался у изголовья, по правую руку от него стояла жена, по левую — сын. Барбара и Джо расположились с противоположной стороны. К облегчению Дьюка, никто не попросил приоткрыть лица усопших, да и мать воспринимала происходящее как будто спокойно.

Хью вынул из кармана небольшую черную книжечку и раскрыл ее на заложенном заранее места.

— *Я есть суть, и я есть жизнь... Ничто не принесли мы в сей мир, и посему ничто не в силах наших взять из него. Господь дал, и Господь же взял...*— читал он.

Грейс всхлипнула, и колени у нее начали подгибаться. Хью вложил книгу в руки Дьюка и поддержал супругу.

— Продолжай, сынок.

— Отведи ее назад, отец!

— Нет-нет, я должна остаться,— совершенно убито пробормотала Грейс.

— Читай, Дьюк. Я отметил нужные места.

— *...он копит богатства и не может знать, кто унаследует их.*

Поелику я вчуже с тобой, и только странник я в этом мире, какими были отцы и деды наши.

О, удели мне хоть малую толику, чтобы мог я вновь обрести силы мои...

Человек, от женщины рожденный, обречен лишь на быстротечное бытие, и полон несчастий краткий путь его земной...

В руки Господа всемогущего нашего предаем мы душу сестры нашей — сестер наших — и предаем тела их земле. Землю — земле, прах — праху и тлен — тлену...

Дьюк остановился и бросил в могилу маленький комок земли. Затем он снова заглянул в книгу, закрыл ее и сказал вдруг:

— Давайте помолимся.

Они отвели Грейс обратно в дом и уложили в постель. Джо и Дьюк вернулись, чтобы засыпать могилу землей. Хью, решив, что жена его теперь отдохнет, принялся снимать нагар со свечей в задней комнате. Грейс открыла глаза.

— Хьюберт...

— Что, Грейс?

— Я ведь говорила тебе. Я предупреждала. Но ты не хотел меня слушать.

— О чем ты, Грейс?

— Я ведь говорила тебе, что ей нужен доктор. Но ты не вызвал его. Ты оказался слишком гордым. Ты принес мою дочь в жертву собственной гордыне. Дитя мое... Ты убил ее.

— Грейс, но здесь же нет докторов. Ты прекрасно это знаешь.

— Настоящий мужчина на твоем месте не стал бы искать оправданий!

— Грейс, прошу тебя. Дать тебе чего-нибудь? Милтаун, например? А может, сделать укол?

— Нет, нет! — пронзительно вскрикнула она.— Именно так ты и помешал мне в тот раз вызвать врача. Теперь тебе никогда не удастся обвести меня вокруг пальца с помощью лекарств. Не прикасайся больше ко мне никогда. Убийца!

— Хорошо, Грейс,— он повернулся и вышел.

Барбара сидела у двери, обхватив голову руками. Хью сказал:

— Барбара, приспущенный флаг нужно снова поднять. Я пойду и сам сделаю это.

— Так скоро, Хью?

— Да. Жизнь продолжается.

Глава десятая

Жизнь продолжалась. Дьюк охотился и помогал Джо заниматься сельским хозяйством. Больше обычного трудился Хью. Грейс тоже работала. Качество приготовленных ею блюд улучшалось день ото дня, как и ее аппетит. Она растолстела и никогда больше не обвиняла мужа в смерти дочери.

Грейс вообще игнорировала его. Когда нужно было что-то обсудить, она разговаривала с Дьюком. Она перестала посещать и проводимые Хью службы.

Как-то в последний месяц беременности Барбары Дьюк остался один на один с отцом.

— Отец, ты однажды обронил, что любой из нас может уйти, когда захочет.

Хью был удивлен.

— Да.

— Ты, кажется, говорил, что выделишь уходящему равную долю имущества. Боеприпасы, инструменты и так далее.

— Все, что есть. Фирма гарантирует. Дьюк, неужели ты хочешь уйти?

— Да... и не я один. Уйти хочет мать. Именно она настаивает на этом. У меня тоже есть мотивы, но основная причина в ней.

— М-м-м... Что ж, давай обсудим твои мотивы. Может быть, ты недоволен моим руководством? Так я с радостью уступлю свое место. Я абсолютно уверен, что смогу уговорить Джо и Барбару согласиться с этим, так что у тебя будет единодушное одобрение,— он вздохнул.— Я устал нести эту ношу.

Дьюк покачал головой:

— Не в том дело, папа. Я вовсе не хочу становиться боссом, да и справляешься ты прекрасно. Не могу сказать, чтобы мне понравилось, как ты вначале все взял в свои руки. Но самое главное — результаты, а результатов ты добился отличных. Лучше давай не будем обсуждать мое решение. Могу только сказать, что с тобой лично это никак не связано... и я бы ни за что не ушел, если на уходе не зациклилась бы мать. Она непременно хочет отделиться. А я не могу отпустить ее одну.

— Ты не знаешь, почему Грейс хочет покинуть нас?

Дьюк заколебался:

— Отец, по-моему, это не имеет значения. Она решила окончательно и бесповоротно. Я без конца твержу, что не смогу устроить ей такую же безопасную и удобную жизнь, как здесь. Но в этом вопросе она настоящий кремень.

Хью взвесил его слова.

— Дьюк, если твоя мать так считает, я не собираюсь отговаривать ее. Я уже давно истратил последние крохи влияния на нее. Но у меня есть две идеи. Может быть, какая-нибудь из них покажется тебе приемлемой...

— Вряд ли.

— Выслушай сначала. Ты знаешь, что у нас есть медные трубки — часть из них мы использовали при оборудовании кухни. Но кроме них я припас еще кое-что для изготовления самогонного аппарата. Я приобрел в свое время все необходимое, чтобы в случае войны иметь возможность торговать спиртным, которое было бы чистым золотом в любом примитивном послевоенном обществе. Я не построил аппарат по известным нам обоим причинам. Но я могу соорудить его. И я знаю, как гнать самогон,— он слегка улыбнулся.— Это не кабинетное знание. На юге Тихого океана во время службы я гнал самогон; командир закрывал на это глаза. Тогда-то я и узнал, как из зерна, картошки, да почти из чего угодно, гнать спиртное. Дьюк, возможно, твоя мать была бы счастлива, если бы всегда имела выпивку.

— Но она же сопьется до смерти!

— Дьюк, Дьюк... Если это доставляет ей такое удовольствие, нравственно ли запрещать ей пить? Ради чего ей жить? Раньше она любила смотреть телевизор, бывать в гостях; она могла целый день провести в парикмахерской, затем пойти в кино, в гости и выпить там немного с подругой. Вот в чем был смысл ее жизни, Дьюк. А где теперь все это? Ушло безвозвратно. И только то, что я предлагаю, немного скрасило бы ее существование. Кто ты такой, чтобы указывать своей матери, спиваться ей до смерти или нет?

— Отец, дело не в этом!

— Так в чем же?

— Ну, ты знаешь, я не одобряю... не одобрял, что мать слишком много пьет. Но я бы, наверное, теперь смирился с этим. Если ты построишь аппарат, мы, возможно, будем твоими покупателями. Но уйти все равно уйдем, так как самогон не решает проблемы.

— Что же, остается второе предложение: уйду я, а не она. Только вот...— Хью нахмурился.— Дьюк, скажи ей, что я уйду, как только Барбара родит. Не могу же я покинуть ее в таком положении. Но ты можешь заверить Грейс...

— Отец, это тоже не решит проблемы!

— Тогда я не понимаю...

— О Господи! Ну да ладно. Дело-то как раз в Барбаре. Она... Короче говоря, мать ополчилась на нее. Совершенно не может ее терпеть с тех пор, как умерла Карен. Она сказала мне: «Дьюк, эта женщина не будет рожать ребенка в моем доме! Своего выродка! Я этого не потерплю. Скажи отцу, что он должен выставить ее отсюда» — вот ее собственные слова.

— Боже мой!

— Именно. Я пытался урезонить мать. Я без конца повторял, что Барбара не может уйти. Я обьяснил это с разных сторон. Я сказал, что нет никаких шансов, чтобы ты вообще когда-нибудь выгнал Барбару. А что касается того, чтобы заставить ее уйти сейчас или даже просто отпустить ее, так это столь же невозможно, как если бы ты выгнал Карен. Я сказал ей, что и я сам настроен так же и что если все-таки у тебя хватит подлости совершить такое (допустим чисто теоретически), то я и Джо будем с оружием в руках защищать Барбару. Но ты, конечно, на такое свинство не способен.

— Спасибо и на этом.

— Мои слова решили исход дела. Мать верит мне, когда я высказываюсь начистоту. Поэтому она решила, что уйдет сама. Я не могу удержать ее. Она уходит. А я иду, чтобы заботиться о ней.

Хью потер виски.

— Да, действительно, ситуация никогда не бывает столь плохой, чтобы ее нельзя было сделать еще хуже. Дьюк, но ведь даже вместе с тобой идти ей некуда.

— Не совсем так, отец.

— То есть?

— Все можно устроить, если ты согласишься нам помочь. Помнишь пещеру у начала каньона Коллинза, ну, ту, которую еще собирались превратить в туристический аттракцион? Так вот, она все еще существует. Или ее двойник, точнее сказать. Я охотился в той стороне еще в первую неделю нашего пребывания здесь. Каньон выглядел таким знакомым, что я поднялся наверх и нашел пещеру. Ты знаешь, отец, в ней вполне можно жить и обороняться.

— А вход? А дверь?

— Никаких проблем, если ты отдашь стальной щит, который загораживал вход в туннель.

— Конечно, о чем речь!

— В пещере есть небольшое отверстие, которое решает проблему дыма. По ней протекает ручей, не пересохший до сих пор, несмотря на жуткую жару. Одним словом, отец, пещера не менее комфортабельна, чем наше убежище. Она нуждается только в небольшой отделке.

— Тогда сдаюсь. Можешь брать почти все, что захочешь. Постельные принадлежности, кухонную утварь. Вашу долю консервов. Спички, оружие, боеприпасы. Составь список, а я потом помогу тебе все перенести.

Дьюк покраснел так, что стало заметно даже сквозь загар.

— Отец, ты знаешь, кое-что уже там...

— Вот как? Ты считал, что я окажусь мелким скрягой?

— Э... я не говорю о последнем периоде. Я припрятал там кое-какие вещи еще в первые дни нашего пребывания здесь. Помнишь... ну, в общем, у нас с тобой произошла та стычка... а после нее ты назначил меня главным хранителем. Это навело меня на мысль, и я после этого неделю или две не выходил из дома ненагруженным, стараясь уйти, когда меня никто не видит.

— Попросту воровал.

— Я бы так не сказал. Я никогда не брал больше одной шестой наших запасов... и только самые необходимые вещи. Спички, патроны. То ружье, которое ты никак не мог найти. Одно одеяло.

Нож. Немного провизии. Несколько свечей. Дело в том, что... Поставь себя на мое место. Постоянно существовала угроза того, что ты рассердишься на меня и нам придется драться — причем один из нас непременно будет убит, как ты мне тогда заявил,— или я буду вынужден бежать сломя голову, не имея возможности ничего взять с собой. Я решил не вступать в борьбу с тобой. Поэтому мне пришлось заняться кое-какими приготовлениями. Но я ничего не крал: ты же сам сказал, что я могу взять свою долю. Одно твое слово — и я тут же принесу все обратно.

Хью Фарнхэм задумчиво поковырял мозоль, затем взглянул на сына.

— Иногда для человека украсть — значит выжить, не так ли? Я хотел бы узнать только одну вещь. Дьюк, среди продуктов, которые ты унес, были *банки с молоком*?

— Ни единой. Отец, неужели ты думаешь, что если бы там было молоко, я не принес бы его назад, когда умирала Карен?

— Да, прости. Зря я это спросил.

— Это я зря не утащил несколько банок. Тогда бы их не истратили.

— Ребенок все равно не прожил столько, чтобы выпить даже то молоко, которое у нас оставалось, Дьюк. Впрочем, что об этом сейчас говорить! Нужно все вопросы решить побыстрее, но не забывай, что ты в любое время можешь вернуться. Понимаешь, твоя мать сейчас в таком возрасте, когда женщины на некоторое время становятся... несколько упрямыми... Но они потом перебарывают в себе это и остаток жизни доживают милыми старыми леди. Возможно, когда-нибудь наша семья и воссоединиться вновь. Надеюсь, время от времени мы будем видеться. И... если захочешь овощей, приходи и бери, сколько нужно.

— Я как раз хотел поговорить на эту тему. Обрабатывать землю я там не смогу. Но если я, например, по-прежнему буду охотиться... нельзя ли мне будет, когда я принесу вам мясо, взять овощей?

Хью улыбнулся.

— Кажется, мы возродили торговлю. Кстати, мы можем снабжать тебя всякими горшками, да и дубление шкур тебе не стоит

организовывать. Дьюк, одним словом, прикинь, что вам будет нужно, чтобы завтра же мы могли начать переносить все это в пещеру. Особенно не стесняйся. Вот только...

— Что?

— Книги — мои! Тебе придется каждый раз приходить сюда, чтобы заглянуть в ту или иную книгу. В моей библиотеке они на дом не выдаются.

— Что ж, это справедливо.

— Я не шучу. Ты можешь одолжить у меня бритву, можешь взять мой лучший нож. Но попробуй только упереть хоть одну книжку — и я спущу с тебя шкуру и сделаю из нее переплет. Всему есть предел. Ну ладно, я пойду предупрежу Джо и уведу куда-нибудь Барбару. Постараемся не появляться до темноты. Желаю тебе удачи. И передай Грейс, чтобы она не обижалась. Она, конечно, злится, но все же передай. Рай создать можно только вдвоем, а ад очень просто устроить и в одиночку. Не могу сказать, что в последнее время я чувствовал себя счастливым, и, возможно, Грейс умнее, чем мы ее считаем.

— Кажется, таким образом ты просто вежливо посылаешь нас к черту?

— Не исключено.

— Ладно... чтобы ты ни имел в виду, желаю того же самого и тебе. То, что я ушел из дома при первой возможности и стал жить один,— вовсе не было случайностью.

— Туше! Ну ладно, ладно! — отец повернулся и направился прочь.

Выслушав сообщение, Джо ничего не сказал. Он только заключил, что ему лучше пойти и прорыть еще несколько оросительных канавок. Барбара ничего не говорила до тех пор, пока они не остались одни.

Захватив с собой немного еды, фляжку с водой, ружье и одеяло, они поднялись на холм и расположились немного выше могилы, в тени дерева. Хью заметил, что на могильном холмике лежат свежие цветы, и подумал: неужели Барбара забиралась сюда? Ведь путь давался ей с большим трудом: чтобы подняться, им понадобилось довольно много времени. Или это сделала Грейс?

Но это казалось еще менее вероятным. Затем разгадка пришла ему в голову: Джо.

Когда Барбара удобно расположилась, улегшись на спину и подогнув ноги, Хью спросил:

— Ну, что ты по этому поводу думаешь?

Она долго молчала. Затем ответила:

— Хью, мне ужасно жаль, что так получилось. Ведь это я виновата, да?

— Ты виновата? Только потому, что не вполне нормальная женщина испытывает ненависть к тебе? Ты же сама как-то говорила, что не стоит упрекать себя за недостатки других людей. Неплохо бы тебе самой прислушаться к своему совету.

— Я не о том говорю, Хью. Я имею в виду потерю твоего сына. Грейс не смогла бы уйти без Дьюка. Он что-нибудь говорил? Обо мне?

— Ничего, кроме той навязчивой идеи, которая овладела Грейс. А что он должен был рассказать?

— Не знаю, имею ли я право разглашать... Но в любом случае расскажу. Хью, после смерти Карен Дьюк просил меня выйти за него замуж. Я отказала ему. Он был обижен. И удивлен. Понимаешь... ты знаешь насчет Карен и Джо?

— Да.

— Я не была уверена, сказала ли тебе Карен. Когда она решила выйти замуж за Джо, я решила, что мне придется выйти замуж за Дьюка. Карен считала это само собой разумеющимся, и я тоже как-то упомянула, что собираюсь сделать это. Возможно, она сообщила о нашем разговоре Дьюку. Во всяком случае он ожидал, что я скажу ему «да». А я ответила «нет». Он был оскорблен. Прости меня, Хью. Если хочешь, я скажу ему, что передумала.

— Не спеши! Хотя, на мой взгляд, ты совершила ошибку, я не хочу, чтобы ты исправляла ее ради меня. Что ты теперь намерена делать? Может быть, собираешься выйти замуж за Джо?

— Джо? Нет, я и в голове не держала становиться женой Джо. Тем не менее я выйду замуж за него с не меньшей готовностью, чем за Дьюка. Хью, я всегда готова делать то, что мне нравится. А мне нравится то, что нравится тебе,— она повернулась на бок и

взглянула на него.— Да ты и сам знаешь это. Если ты хочешь, чтобы я вышла за Джо,— я выйду за него. Если ты хочешь, чтобы я стала женой Дьюка,— я стану ему женой. Ты только скажи — и я сделаю все, что угодно.

— Барбара, Барбара!

— Я не шучу, Хью. Я готова на все. Я полностью доверяюсь тебе. Не в чем-то одном, а целиком и полностью. Да разве ты не догадался об этом за все время, что мы здесь? Я играю строго по книге.

— Не говори чепухуу.

— Если это чепуха, то это правдивая чепуха.

— Возможно. Но я хочу, чтобы ты вышла замуж за того, кто тебе нравится.

— Это единственно, чего я не могу сделать: ты уже женат.

— Ох!

— Ты удивлен? Может, я удивила тебя тем, что заговорила об этом после столь длительного молчания? Но так оно и есть, и так было всегда. Поскольку я не могу выйти замуж за тебя, я выйду за того, на кого укажешь ты. Или никогда не выйду.

— Барбара, а ты согласилась бы выйти замуж за меня?

— *Что ты сказал?*

— Ты согласилась бы стать моей женой?

— Да.

Он потянулся к ней и поцеловал ее. Она ответила на его поцелуй, прижавшись губами к его губам и полностью отдавшись его воле.

В конце концов он оторвался от нее.

— Ты не хочешь немного поесть?

— Пока нет.

— По такому случаю не грех бы и шампанского выпить. Но у нас только лепешки.

— Ну ладно. Тогда я, пожалуй, откушу кусочек. И глотну воды. Хью, мой любимый Хью, а как же быть с Грейс?

— А никак. Фактически она развелась со мной еще месяц назад, в день... в тот день, когда мы похоронили Карен. И то, что она живет с нами,— вопрос чисто нехватки жилья. Для того, чтобы

развестись здесь, судья не нужен, равно как и нам с тобой, чтобы быть вместе, не требуется свидетельство о браке.

Барбара обхватила руками свой большой живот:

— Мое свидетельство здесь! — голос ее был спокоен и счастлив.

— Ребенок мой?

Она взглянула на него.

— Ты знаешь поговорку? Один глупец может задать столько вопросов, что и тысяча мудрецов не ответит.

— Господи, ну и дурак же я.

— Конечно же, он твой, любимый. Это такая вещь, которую ни одна женщина не может доказать, но знает наверняка.

Он снова поцеловал ее. Когда он оторвался от ее губ, она погладила его по щеке.

— А вот теперь я, пожалуй, съела бы лепешку, даже несколько. Я голодна. Я чувствую, как жизнь переполняет меня. Ужасно хочется жить!

— Да! Завтра начинается наш медовый месяц.

— Сегодня. Он уже начался. Хью, я хочу сделать запись в журнале. Милый, можно я сегодня буду спать на крыше? Я прекрасно управлюсь с лестницей.

— Ты хочешь спать вместе со мной? Распутная девчонка!

— Я имела в виду другое. Сейчас я вовсе не распутна, все мои гормоны восстают против этого. Никакой чувственности, дорогой. Только платоническая любовь. В медовый месяц от меня не будет никакого толка. О, я буду счастлива просто находиться рядом с тобой. Нет, дорогой, я хотела сказать, что мне неприятно будет спать под одной крышей с Грейс. Я боюсь ее. Боюсь не за себя, а за ребенка. Хотя это, может быть, и глупо.

— Не так уж и глупо. Скорее всего, ничего не произойдет, но некоторые меры предосторожности мы все-таки предпримем. Барбара, а что ты вообще думаешь о Грейс?

— Я должна отвечать?

— Если можешь.

— Она мне не нравится. Это не имеет отношения к тому, что я боюсь ее. Она не нравилась мне задолго до того, как в ее присутствии у меня стало возникать неприятное чувство. Мне не нра-

вится, как она ведет себя со мной; мне не нравится, как она обращается с Джозефом; мне не по душе было, как она относилась к Карен; я совершенно не переваривaю того, как она обращается с тобой,— хотя я всегда была вынуждена делать вид, что не замечаю этого,— и я презираю ее за то, что она сделала с Дьюком.

— Мне она тоже перестала нравиться... и уже давно. Я рад, что она уходит от нас, Барбара, и был бы рад этому, даже если бы тебя с нами не было.

— Хью, я так счастлива! Ты знаешь, что я разведена?

— Да.

— Когда наш брак распался, я поклялась себе, что никогда в жизни не послужу причиной чьего-либо развода. Поэтому я чувствовала себя виноватой с самой ночи нападения.

Он покачал головой.

— Забудь об этом. Наш брак с Грейс распался давным-давно. Дети и обязанности — единственное, что связывало нас. По крайней мере, меня, так как она и обязанностей знать не хотела. Милая, если бы наш с Грейс брак был настоящим, ты могла бы, конечно, прийти ко мне в объятья в ту ночь, но все ограничилось бы утешениями и поглаживанием по головке. А так мы думали, что скоро умрем, а мне хотелось любви по крайней мере так же сильно, как тебе. Я просто сгорал от желания любить — и получил тебя.

— Любимый, я больше никогда не дам тебе сгорать.

На следующее утро, около девяти часов, они все собрались возле убежища, где уже были сложены вещи отбывающих.

Хью с иронической улыбкой окинул взглядом то, что отобрала для себя его бывшая жена. Грейс буквально восприняла его слова «берите, что хотите». Она дочиста обобрала убежище, взяв лучшие одеяла, почти всю утварь, включая чайник, три поролоновых матраса из четырех, почти все оставшиеся консервы, весь сахар и львиную долю остальных невосполнимых продуктов.

Хью возразил только в одном случае — соль. Когда он заметил, что Грейс прихватила всю имевшуюся соль, он настоял на разделе. Дьюк согласился и спросил, есть ли еще возражения.

Хью отрицательно покачал головой. Ведь Барбара не будет мелочиться — с милым рай и в шалаше.

Дьюк взял лопату, топор, молоток, менее половины гвоздей и не тронул ни одного инструмента из имевшихся в единственном экземпляре. Он попросил, чтобы в случае необходимости, ему одалживали их. Хью согласился и в свою очередь, предложил помощь в работах, где одному не справиться. Дьюк поблагодарил его. Для обоих положение было тягостным, и они тщательно скрывали это, проявляя чрезмерную учтивость.

Отправление откладывалось из-за сложностей со стальным щитом. Нести его было вполне по силам такому сильному мужчине, как Дьюк, но щит нужно было упаковать так, чтобы он не лишал Дьюка возможности стрелять.

Кончилось тем, что в дело пошла медвежья шкура, покрывавшая кровать, на которой умерла Карен. Хью жалел лишь о том, что было упущено время. Вещи, отобранные Грейс, унести можно было только за шесть ходок. Дьюк считал, что две ходки в день — это максимум; но и тех не удастся сделать, если они вскоре же не выйдут.

В конце концов щит приспособили на спину Дьюку так, что густой мех смягчал давление металлической ноши.

— Кажется, удобно,— решил Дьюк.— Берите свои мешки и пойдем.

— Уже идем,— отозвался Хью и нагнулся над своей поклажей.

— Боже мой!

— Что-нибудь случилось, Дьюк?

— Смотрите!

Над восточным склоном показались очертания какого-то предмета, который скользил по воздуху курсом, пролегавшим в стороне от жилища. Однако, приблизившись, он вдруг замер в воздухе, развернулся и направился к ним.

Появившийся прямо над ними предмет просто не с чем было сравнить: он напоминал разве что темную костяшку домино. Хью сначала даже не смог оценить его размеры. Но когда «костяшка» оказалась в пятистах футах над их головами, ему показалось, что

она имеет около ста футов в ширину и трехсот в длину. Деталей рассмотреть он не мог. Двигался предмет быстро, но бесшумно.

Он пролетел над ними, развернулся, сделал круг. Затем остановился, еще раз развернулся и прошел теперь уже на небольшой высоте.

Хью заметил, что одной рукой он прижимает к себе Барбару. Когда загадочный предмет появился, она стояла в некотором удалении от всех, замачивая белье в установленной снаружи ванне. Теперь же она вдруг оказалась в его объятиях, и он чувствовал, как вздрагивает ее тело.

— Хью, что это?

— Люди.

Предмет теперь висел над их флагом. Можно было уже различить людей. Над краями предмета появились головы.

Вдруг один из углов как будто отделился, резко спикировав вниз, и завис над самой верхушкой флагштока. Хью увидел, что это машина длиной футов в девять и шириной фута три, с одним пассажиром. Подробностей он различить не мог, равно как и понять, что приводит аппарат в движение. Нижняя часть туловища пилота была скрыта бортами. Видны были только плечи и голова.

Человек оборвал флаг, и его машина вернулась к большому аппарату, буквально втянувшись в него.

Прямоугольник распался.

Он разделился на машины, подобные той, что завладели их флагом. Большинство из них оставалось в воздухе, около дюжины приземлилось, причем три вплотную окружили колонистов. Дьюк закричал: «Внимание!» и потянулся к ружью.

Но ему не удалось добраться до него. Он застыл под острым углом, растерянно хватая воздух руками, а затем был медленно возвращен в вертикальное положение.

Барбара испуганно выдохнула на ухо Хью:

— Хью, что это?

— Не знаю,— ему не нужно было спрашивать, что она имеет в виду: в то самое мгновение, когда остановили его сына, он испытал ощущение, как будто по грудь погрузился в зыбучий песок.— Не сопротивляйся.

— А я и не думала даже...

Грейс завопила:

— Хьюберт, Хьюберт, сделай же что-нибудь...— крик ее оборвался. Казалось, она потеряла сознание, но не упала.

Четыре машины бок о бок висели в воздухе, футах в восьми над ними, и медленно продвигались к огороду Барбары. Там, где они пролетали, вся растительность — ячмень, помидоры, горох, рис, картофель — одним словом, все, включая даже мелкие оросительные канавки, спрессовывалось в однородное ровное покрытие, которое тут же начала затапливать вода. Тогда одна из машин, отделившись от остальных, проделала вдоль границ свежеутрамбованной площадки канаву, и вода стала уходить по ней, попадая теперь в ручей немного ниже по течению.

Барбара спрятала лицо на груди Хью. Он успокаивающе похлопал ее по спине.

Машина тем временем двинулась вдоль канавы к ее началу, и вода вскоре вообще перестала течь.

Когда огород был превращен в ровную площадку, на нее стали садиться другие машины. Хью не в состоянии был определить, чем они заняты, но за считанные секунды на площадке вырос большой павильон, иссиня-черный и украшенный красными и золотыми узорами.

— Отец! Ради бога, попробуй дотянуться до оружия! — крикнул Дьюк.

У Хью на поясе был его сорок пятый, который он счел наиболее удобным для похода оружием. Неведомая сила лишь слегка сдерживала руки Хью. Однако он ответил:

— Не стану и пытаться.

— Неужели ты собираешься вот так просто стоять и смотреть...

— Да. Дьюк, подумай сам. Если мы постоим спокойно, то, возможно, поживем еще немного.

Из павильона появился человек. Он, казалось, был около двух метров роста. Еще более высоким его делал отполированный до блеска шлем с перьями. На могучие обнаженные плечи незнакомца был накинут развевающийся плащ красного цвета, расписанный золотом. Ноги его были обуты в черные сапоги.

Остальные носили черные комбинезоны с красно-золотыми нашивками на правом плече. У Хью создалось впечатление, что человек в красном плаще (а в том, что он является предводителем этих людей, сомневаться не приходилось) некоторое время переодевался в свое официальное платье. Хью немного приободрился. Они были пленниками, но раз глава захвативших их людей удосужился переодеться, прежде чем допрашивать их, значит, они были важными пленниками, и возможно, переговоры принесут какие-нибудь плоды.

Надежда Хью подкреплялась еще и тем, что выражение лица человека было добродушно-высокомерным; блестящие глаза смотрели спокойно и весело. У незнакомца был высокий лоб и массивный череп. Он выглядел умным и осторожным. Хью не мог определить, к какой расе он относится. Кожа его была коричневой и блестящей. Но рот только отдаленно напоминал негроидный. Нос, хотя и широкий, имел горбинку, а черные волосы были волнистыми. В руке он держал небольшой стержень.

Приблизившись к ним и дойдя до Джо, чужак остановился как вкопанный. Затем отдал стоявшему рядом с ним человеку какой-то приказ.

Джо выпрямился и размял ноги.

— Благодарю вас.

Человек обратился к Джо на непонятном языке.

Тот ответил:

— Прошу прощения, но я не понимаю.

Пришелец снова что-то произнес. Джо беспомощно пожал плечами. Человек улыбнулся и похлопал его по плечу, затем повернулся и поднял ружье Дьюка. Он неуклюже повертел его, рассматривая, и Хью забеспокоился, что ружье может выстрелить.

Однако было похоже, что незнакомец кое-что понимал в ружьях. Он передернул затвор, дослал патрон, приложил ружье к плечу и выстрелил в сторону ручья.

Выстрел прозвучал оглушительно, а пуля пролетела совсем рядом с головой Хью. Человек широко улыбнулся, кинул винтовку своему сопровождающему и, подойдя к Хью и Барбаре, протянул руку, очевидно, желая дотронуться до ее живота.

Хью оттолкнул его руку.

Тогда, почти незаметным движением и совершенно беззлобно, тот отвел руку Хью своим стержнем. Это был даже не удар, с такой силой нельзя было бы убить и мухи.

Хью вскрикнул от боли. Его рука горела как в огне и была полностью парализована.

— О боже!

Барбара тревожно сказала:

— Не нужно, Хью. Он не собирается причинить мне вреда.

Это действительно было так. С абсолютно безразличным интересом, с каким ветеринар мог бы осматривать кобылу, человек ощупал живот Барбары, затем приподнял одну из ее грудей, а в это время Хью исходил бессильной злобой, будучи не в силах помочь своей возлюбленной.

Наконец незнакомец закончил свое обследование, улыбнулся Барбаре и погладил ее по голове. Хью попытался забыть о боли в руке и сосредоточиться мыслями на своих познаниях в языке, который он когда-то изучал.

— *Ви гаварить по-русски, гаспадин?*

Человек взглянул на него, но ничего не ответил.

Барбара спросила:

— *Sprechen sie Deutsch, mein Herr?*

Тот только улыбнулся. Тогда Хью окликнул:

— Дьюк, попробуй испанский!

— О'кей. *Habla usted Espacol, Senor?*

Никакого ответа.

Хью вздохнул.

— Кажется, мы исчерпали наш запас.

— Мсье,— вдруг произнес Джо,— *Est-ce que vous parlez la langue française?*

Человек обернулся:

— *Tiens?*

— *Parlez-vous français, monsieur?*

— *Mais oui! Vous etes française?*

— *Non, non! Je suis americain. Nous sommes tous americans.*

— *Vraiment? Impossible!*

— *C'est vrai, monsieur. Je vous en assure.*— и Джо указал на опустевший флагшток.— *Les Etats-Unis de l'Amerique.*

Далее за разговором следить стало трудно, так как обе стороны углубились в дебри ломаного французского. Наконец они умолкли.

Джо сообщил:

— Хью, он предложил мне... приказал мне пойти с ним в палатку и говорить там. Я попросил его сначала освободить вас всех, но он ответил «нет». Вернее, «нет, черт возьми».

— Тогда попроси его освободить женщин.

— Попробую.— Джо сказал человеку какую-то длинную фразу.— Он говорит, что беременная женщина — Барбара — может сесть на землю. А «жирная» — он имеет в виду Грейс — должна пойти с нами.

— Отлично, Джо. Ты там договорись про нас.

— Попробую. Я не слишком хорошо его понимаю.

Все трое отправились в павильон. Барбара села и даже вытянула ноги. Но Хью невидимые путы держали по-прежнему надежно.

— Отец,— с тревогой в голосе произнес Дьюк.— Это наш шанс, пока рядом нет никого, кто понимал бы по-английски.

— Дьюк,— устало ответил Хью,— ты разве не понимаешь, что все козыри у них на руках? Я думаю, что мы останемся в живых до тех пор, пока не рассердим его — и ни минутой дольше.

— Так ты, значит, даже не хочешь попытаться оказать сопротивление? А как же тогда насчет той чепухи, которую ты так любил нести,— о том, что ты свободный человек и всегда собираешься оставаться им?

Хью потер получившую удар руку.

— Дьюк, я не буду с тобой спорить. Но если ты что-нибудь такое начнешь, нас всех убьют. Вот так я оцениваю положение.

— Значит, все это было чистым трепом,— презрительно сказал Дьюк.— Ну что ж, я лично ничего не обещаю.

— Прекрасно. И хватит об этом.

— Скажи мне, отец, каково это: испытывать чью-то власть над собой, а не властвовать над другими?

— Мне это не нравится.

— Мне тоже это не нравилось. И я никогда не забывал этого. Надеюсь, ты нажрешься этого досыта.

— Дьюк, ради бога, перестань пороть всякую чушь,— сказала Барбара.

Дьюк взглянул на нее.

— Хорошо, я замолчу. Ответь мне только на один вопрос. От кого у тебя будет ребенок?

Барбара не ответила. Хью промолвил:

— Дьюк, если нам удастся выкрутиться, обещаю, что разделаю тебя под орех.

— В любое время, старик.

Они замолчали. Барбара дотянулась до Хью и потрепала его по ноге.

Около кучи их пожитков собрались пятеро и внимательно разглядывали их. Подошел шестой и отдал какой-то приказ. Они разошлись. Тогда он сам осмотрел пожитки, затем заглянул в убежище и исчез внутри.

Хью услышал шум воды и увидел, как по руслу ручья пронеслась коричневая волна.

Барбара подняла голову.

— Что это?

— Нашей плотины больше нет. Но это уже не имеет значения.

Спустя довольно продолжительное время из павильона вышел Джо, совершенно один. Он подошел к Хью и сказал:

— Это просто поразительно, по крайней мере то, что я уразумел. Мне было далеко не все понятно, так как он говорит на ломаном французском, да и я знаю язык недостаточно хорошо. Но вот что я узнал: мы находимся на территории частного владения.

Он предполагает, что мы беглые преступники. Правда, слово какое-то другое, не французское, но смысл именно такой. Я попытался убедить его — и надеюсь, успешно,— что мы ни в чем не виноваты и попали сюда не по своей воле.

Во всяком случае, он ничуть не сердится, даже несмотря на то, что формально мы преступники: бродяжничество, разведение

растений там, где сельское хозяйство запрещено, постройка плотины на чужой земле и все такое прочее.

Думаю, для нас все кончится хорошо, если мы будем делать то, что нам велят. Он находит нас любопытными — и нас, и то, как мы попали сюда, и все остальное.

Джо взглянул на Барбару.

— Ты помнишь свою теорию насчет параллельных вселенных?

— Наверное, я была права, да?

— Нет. Хотя я еще не во всем разобрался, но одно могу сказать с уверенностью. Барбара, Хью, Дьюк, слушайте! Это наш, наш собственный мир!

— Джо, это просто непостижимо! — воскликнул Дьюк.

— Сам спорь с ним. Но он знает, что я подразумеваю под Соединенными Штатами, знает, где находится Франция. И так далее. Это не вызывает никакого сомнения.

— Ну...— Дьюк запнулся,— все, конечно, может быть. Но есть еще один вопрос. А *где моя мать*? Как ты мог оставить ее наедине с этим дикарем?

— С ней ничего плохого не случилось, она обедает с ним. И похоже, очень довольна происходящим. Не беспокойся, Дьюк, все будет в порядке — так мне кажется. Как только они закончат трапезу, мы отправимся.

Некоторое время спустя Хью помог Барбаре усесться в одну из странных летающих машин, затем и сам устроился в другой, позади пилота. Он обнаружил, что сиденье весьма удобно, а вместо предохранительного ремня имелось все то же поле, охватившее, едва он уселся, нижнюю часть тела подобно зыбучему песку. Пилот, удивительно похожий на Джо молодой негр, оглянулся, затем бесшумно поднял аппарат в воздух и присоединился к формирующемуся в воздухе большому прямоугольнику. Хью заметил, что почти в половине машин пассажиры были белые, пилоты же были темнокожие, всех оттенков, начиная со светло-коричневого яванцев и кончая иссиня-черным уроженцев острова Фиджи.

Аппарат, в котором находился Хью, находился примерно посередине крайней правой шеренги. Он бросил взгляд в поисках

остальных и слегка удивился, заметив, что Грейс расположилась в машине босса, занимавшей почетное, видимо, положение в середине первого ряда. Там же находился и Джо, со всех сторон окруженный кошками.

К сформировавшейся в прямоугольник воздушной армаде не присоединились две машины. Одна из них замерла над кучей добра, сложенного возле убежища, собрала все вещи в невидимую сеть и улетела. Второй аппарат завис над убежищем.

Массивная постройка поднялась вверх исключительно легко, так, что не пострадал даже навес на крыше. Небольшая машина и ее гигантская ноша заняли место футах пятидесяти от основного формирования. Огромный прямоугольник рванулся вперед, набирая скорость, но Хью при этом не ощутил ветра, бьющего обычно при полете в лицо. Аппарат, несущий убежище, казалось, без труда летел с той же скоростью, что и все остальные. Машины с пожитками не было видно, вероятно, она находилась где-то слева.

Последнее, что Хью увидел внизу,— это шрам на месте, где стояло убежище, шрам побольше там, где были посадки Барбары, и извилистую черту на месте оросительной канавы.

Он потер больную руку, подумав про себя, что все случившееся было просто цепью удивительных совпадений. Это даже немного оскорбляло его, как оскорбили бы тринадцать пик на одной руке при всей видимости честной сдачи карт. Он вспомнил замечание Джо перед посадкой в машины: «Нам невероятно повезло, что мы встретили ученого. Французский язык здесь язык мертвый — давно исчезнувший, *une langue perdue*, как он выразился».

Хью встретился взглядом с Барбарой. Она улыбалась.

Глава одиннадцатая

Мемток, Главный Управляющий дворца Лорда-Протектора Полуденного Района, был озабочен и счастлив. Счастлив, потому что озабочен. Он и сам не осознавал того, что счастлив, и часто жаловался на то, как трудно исполнять ему свои обязанности, потому что, по его словам, хотя под его началом и состояло почти

восемнадцать сотен слуг, среди них не было и трех, которым он мог бы доверить вылить сосуд с помоями, не наблюдая за ними.

Мемток только что имел приятную беседу с Шеф-поваром, он намекнул, что из старого и жилистого повара получилось бы гораздо лучшее жаркое, чем то, которое было послано к столу Их Милости накануне вечером. Одной из обязанностей, которую Мемток добровольно возложил на себя, было лично пробовать все, что предстояло отведать его Повелителю. При этом приходилось пренебрегать опасностью оказаться отравленным, а также тем, что гастрономические вкусы Их Милости разительно отличались от его собственных. Рискованная дегустация была одним из тех бесчисленных способов, с помощью которых Мемток входил лично во все детали; именно подобное тщание быстро возвысило его в еще сравнительно молодом возрасте до нынешнего ответственного значительного поста.

Шеф-повар недовольно проворчал что-то, и Мемток отослал его, дав понять, что поваров в наши дни найти не так уж трудно. Затем с удовольствием вернулся к прерванным делам.

Перед ним лежала груда бумаг, так как он только что закончил переезд из *Дворца* в Летний Дворец — тридцать восемь Избранных и всего лишь четыреста шестьдесят три слуги: летняя резиденция обслуживалась предельным минимумом персонала. Эти переезды, осуществляющиеся дважды в год, требовали массы бумаг: заказы, наряды, описи, платежные документы, грузовые накладные, перечни обязанностей, депеши — и он все больше склонялся к мысли попросить патрона найти какого-нибудь юнца посимпатичнее, вырезать ему язык и обучить обязанностям письмоводителя. Но затем Мемток отбросил это намерение: он не доверял слугам, которые умели читать, писать и производить арифметические действия,— это всегда вело к тому, что ими овладевали всякие идеи, даже если они не могли говорить.

Вообще-то Мемтоку нравилась возня с документами, и он не хотел делить ее с кем-либо. Его руки так и летали над ворохом бумаг, ставя подписи, выводя резолюции, одобряя платежи. Перо он держал странно — между двумя пальцами правой руки. Больших пальцев на руках у него не было.

Он прекрасно обходился и без них и теперь уже с большим трудом представлял себе, зачем они могли бы ему понадобиться. Он свободно держал ложку, перо и хлыст, а в большем не было необходимости.

Наконец, ему не только не мешал недостаток пальцев, но он даже гордился их отсутствием: оно доказывало, что он служил своему Повелителю в двух основных ипостасях: на конюшне, когда был помоложе, а затем — вот уже на протяжении многих лет — в качестве вышколенного слуги. Любой из слуг в возрасте старше четырнадцати лет (за небольшим исключением) нес на себе следы или одной, или другой операции; немногие могли похвастаться и тем и другим одновременно, очень немногие, какие-нибудь несколько сотен на всей Земле. Эти немногие говорили как равные только друг с другом, они были элитой.

Кто-то поскребся в дверь.

— Войдите! — крикнул он, а увидев вошедшего, прорычал: — Чего нужно?

Рык был совершенно автоматическим, но ему действительно был очень не по душе этот слуга, и по весьма серьезной причине: он не обязан был подчиняться Мемтоку, так как был представителем другой касты — касты охотников, хранителей и загонщиков — и подчинялся Мажордому-хранителю. Мажордом считал себя равным Главному Управляющему по рангу — формально так оно и было. Но у него были большие пальцы.

Летний Дворец был не по душе Мемтоку. Здесь ему приходилось иметь дело с той разновидностью слуг, которая имела непростительный недостаток — она не находилась у него в подчинении. В принципе, стоило ему только намекнуть Их Милости, и любого из этих ничтожеств ждала бы кара, но просить он не любил; с другой стороны, тронь он только кого-либо из них — и мерзавец непременно пожалуется своему начальнику. А Мемток считал, что разногласия между старшими слугами ведут к падению нравов среди подчиненных.

— Послание от Повелителя! Их Милость изволит пребывать на обратном пути во дворец. С Их Милостью четыре захваченных дикаря и эскорт. Приказано немедленно подняться на крышу для встречи Повелителя и получения распоряжений насчет пленников. Все.

— Все? Черт побери, что значит «все»? Какие еще пленники? И, во имя Дяди, когда он прибывает?

— Все! — стоял на своем посланец.— Послание передано двадцать минут назад. Я искал вас повсюду.

— Вон!

Самым важным в сообщении было то, что Их Милость возвращается домой, следовательно, не будет отсутствовать всю ночь. Распоряжения Шеф-повару, Церемониймейстеру, Музыкальному Директору, Домоправителю, Начальникам Всех Департаментов...— забот было так много, что Мемток не успевал отдавать приказания. При этом он не переставал размышлять. Четыре дикаря? Экая важность!

На крыше Мемток оказался своевременно. Он обязательно должен был находиться там, чтобы организовать встречу Лорда-Протектора.

После прибытия на место Хью так и не смог повидаться с Барбарой. Когда поле перестало действовать, перед Хью предстал совершенно лысый, приземистый белый человек со злым выражением лица, резкими движениями и хлыстом в руке. Одет он был в белый балахон, который можно было принять за ночную рубашку, если бы не красно-золотая нашивка на правом плече. Хью предположил, что это геральдический знак его повелителя. Та же эмблема, но уже из золота, инкрустированного рубинами, повторялась на медальоне, висящем на груди коротышки на массивной золотой цепочке.

Человек оглядел его с головы до ног с явным презрением, затем передал его и Дьюка с рук на руки другому белому в «ночной рубашке». Тот был без медальона, но с хлыстом, хотя и меньшим по размеру. Хью потер руку и решил, что не стоит проверять, так же эффективен этот хлыст, как тот, что был у предводителя.

Проверить довелось Дьюку. Сердитый коротышка дал какие-то указания их новому надсмотрщику и ушел. Тот отдал приказ, который Хью, оценив интонацию и жест, понял как «следуйте за мной» — и пошел.

Дьюк заупрямился. Тогда провожатый слегка коснулся хлыстом его лодыжки. Дьюк закричал. Остаток пути ему пришлось проделать хромая.

Они спустились в скоростном лифте и в конце концов попали в освещенную комнату без окон, вызывавшую ассоциацию с больницей.

На сей раз Дьюк сразу уразумел приказание раздеться, и стимуляции хлыстом не потребовалось. Выругавшись, он все же повиновался. Хью отнесся к приказу совершенно спокойно. Кажется, он уже начал понимать систему. Хлыст использовали здесь так же, как опытный всадник применяет шпоры: заставляя беспрекословно подчиняться, но не причиняя вреда.

Из первой комнаты их перегнали во вторую, поменьше, где в них со всех сторон ударили струи воды. Оператор находился на галерее наверху. Он криком привлек их внимание, а затем жестами показал, что они должны тереть свою кожу.

Пленники принялись соскребать с себя грязь. Водяные струи исчезли, их обдало жидким мылом. Они еще раз помылись, их сполоснули, после чего пришлось вымыться еще раз. Процесс сопровождался энергичными жестами оператора, недвусмысленно свидетельствовавшими о том, каким тщательным должно быть мытье. Хлынули струи очень горячей воды, сменившейся холодной. Завершилась процедура потоками холодного воздуха. Хью это сильно напомнило автоматическую посудомойку, тем не менее, помывшись, они стали намного чище, чем когда-либо за время пребывания в этом мире.

Помощник банщика налепил им на брови полоски липкого пластыря, втер в голову какую-то эмульсию, затем — ее же — в бороды, уже довольно заметные, так как в этот день они не брились, и в конце концов в лобки. Прежде чем подчиниться этим манипуляциям, Дьюк сподобился заработать еще одно угощение хлыстом. Зато когда им волей-неволей пришлось вытерпеть еще и клизмы, Дьюк, стиснув зубы, покорился беспрекословно. Ватерклозет, с которым они вынуждены были ознакомиться, присутствовал здесь в виде небольшого отверстия в полу, где крутился водоворот.

Здесь им очень коротко остригли ногти на руках и на ногах и вновь отправили мыться.

Вода смыла обработанный эмульсией волосяной покров, так что из душевой они вышли абсолютно лысыми, если не считать бровей. Банщик заставил их трижды прополоскать рты, наглядно продемонстрировав, что от них требуется, и длинно сплюнул в водоворот. Жидкость для полоскания была немного едковата, но приятна на вкус. Когда они закончили эту процедуру, Хью испытал во рту ощущение удивительной свежести.

После бани он почувствовал себя абсолютно чистым, оживленным и прямо-таки исполненным сил и бодрости. Вместе с тем от всего, чему их подвергли, у него остался неприятный осадок: над ним как будто издевались.

Их провели в следующую комнату и обследовали.

Осуществлявший осмотр человек носил длинную белую рубашку и небольшую эмблему на тонкой золотой цепочке. Не нужно было быть провидцем, чтобы догадаться о его профессии. При таком обращении с пациентами ему никогда не разбогатеть — решил Хью. В человеке было что-то от военного врача. Он вел себя не то чтобы недоброжелательно, но скорее безразлично.

Он был очень удивлен и заинтересован съемным мостом, который обнаружил во рту Хью. Сняв его и внимательно обследовав, он осмотрел участок десны, который тот занимал, затем передал мост одному из своих помощников и отдал какое-то распоряжение. Помощник ушел, и Хью подумал, что жевать ему теперь будет не так удобно, как раньше.

Врач потратил на них по часу или даже больше, пользуясь приборами, которых Хью никогда не видывал. Единственными приемами, знакомыми ему, были измерения роста, веса и давления. С ними обоими что-то делали, но ни одна из манипуляций не причиняла боли — никаких скальпелей или подкожных инъекций. Ассистент врача принес съемный мост обратно, и Хью получил разрешение вставить его на место.

Хотя обследования и процедуры были безболезненными, они порой казались унизительными. Во время одной из них, когда Хью

уложили на стол, который только что освободил Дьюк, молодой человек спросил:

— Ну и как тебе все это, отец?

— Отдыхаю.

Дьюк фыркнул.

То, что оба имели шрамы после аппендицита, показалось врачу не менее интересным, чем съемный мост. Жестами он изобразил боль в животе, а затем большим пальцем указал на местоположение аппендикса. Хью с трудом удалось выразить согласие, так как утвердительное кивание головой, как ему показалось, носило здесь смысл отрицания.

Ассистент вошел снова и вручил врачу предмет, который оказался еще одним мостом. Хью было велено открыть рот, старый мост был извлечен и поставлен новый. Хью ощупал его языком. Ощущение было такое, будто в ротовой полости нет никакого инородного тела. Врач обследовал, очистил и запломбировал все их пораженные зубы совершенно безболезненно, обходясь при этом, насколько понял Хью, без всякой анестезии.

Затем Хью был внезапно «связан» (опять невидимое поле), укреплен на столе в положении на спине, а ноги его были подняты и разведены в сторону. Подкатили еще один столик, и Хью понял, что его собираются оперировать, а затем с ужасом понял и то, какого рода операция его ожидает.

— Дьюк! Дьюк! Не давай им схватить тебя! Попробуй выхватить у него хлыст!

Дьюк колебался слишком долго. В руках у врача хлыста не было — он держал его поблизости. Дьюк рванулся к хлысту, но врач оказался проворнее. Через несколько минут еще не успевший очнуться от настигшей его ошеломляющей боли Дьюк тоже лежал на столе с разведенными ногами.

Оба они продолжали протестовать, насколько это было возможно в их положении. Врач задумчиво посмотрел на них, вызвал надсмотрщика, который их привел, и отослал его куда-то. Через некоторое время появился коротышка с большим медальоном. Оценив ситуацию, он вихрем умчался.

Несчастные остались пребывать в томительном ожидании решения своей участи. Главный врач в это время занялся тем, что

заставил своих ассистентов закончить приготовления к операции, и теперь ее характер уже не оставлял ни малейших сомнений. Дьюк заметил, что им лучше было бы сегодня утром оказать сопротивление и погибнуть, чем вот так позорно ожидать своей участи здесь, подобно поросятам. Да они бы и дрались, как подобает мужчинам, напомнил он отцу, если бы тот не струсил.

Хью не стал спорить. Он согласился. Он все пытался убедить себя в том, что его нерешительность была вызвана заботой о женщинах. Но это служило слабым утешением. Конечно же, последние годы он не слишком часто использовал свои... вполне может быть, что они ему никогда больше не понадобятся. Но какого хрена, он же привык к ним. А по отношению к Дьюку, такому еще молодому, это будет просто жестоко.

По прошествии довольно продолжительного времени коротышка ворвался к ним, донельзя разъяренный. Он выкрикнул какой-то приказ, и Хью и Дьюк были тут же освобождены.

На этом все и закончилось, если не считать того, что их успели полностью натереть ароматным кремом.

Пленников одели в длинные рубашки, провели по длинным пустынным коридорам, и Хью был водворен в камеру. Дверь не запирали, но открыть ее он не мог.

В одном из углов стоял поднос с едой и ложкой. Пища была превосходной, тем не менее он не смог определить, из каких продуктов приготовлены некоторые блюда. Хью ел с аппетитом, выскреб дочиста тарелки и запил все легким пивом. Затем он улегся спать на мягкой подставке на полу, отрешившись от всех забот.

Разбудили его шаги.

Он был отведен в другое помещение без окон, оказавшееся учебной комнатой. Здесь его поджидали два невысоких человека в белых одеяниях. У них было все необходимое для организации учебного процесса: разновидность классной доски (написанное можно было стирать с нее быстро и бесследно каким-то удивительным способом), терпение и хлыст, поскольку занятия проводились «под неумолчный свист ореховых розог», как выразился поэт. Ни одна ошибка не оставалась незамеченной.

Оба они умели рисовать и прекрасно жестикулировали, объясняя что-либо, когда Хью учили говорить.

Изучая язык, Хью заметил, что под воздействием боли память у него улучшается, желания повторять ошибку дважды у него не возникало. Сначала его наказывали только за то, что он забывал слова, но со временем можно было заработать удар хлыстом за ошибки в склонении, синтаксисе, идиоматике и произношении.

Такое обучение «по Павлову» продолжалось — если подсчеты были верны — семнадцать дней. Занимаясь только учебой, он за эти дни не видел ни одной живой души, кроме своих учителей. Они занимались им по очереди, Хью же отдавал занятиям по шестнадцать часов в сутки. И хотя выспаться ему не удалось ни разу, на уроках он не дремал — не осмеливался. Ежедневно его мыли и выдавали чистую рубашку, дважды в день его кормили. Пища был обильной и вкусной. Три раза в сутки его под конвоем водили в туалет. Все остальное время Хью учился говорить, каждую минуту опасаясь того, что за ничтожную ошибку его опалит жгучая боль.

Со временем он научился предотвращать наказание. Вопрос, заданный достаточно быстро, иногда изрядно выручал его. *«Учитель, ничтожный слуга понимает, что есть протокольные разновидности речи для каждого статуса, от вышестоящего к нижестоящему и наоборот, но ничтожный в своем глубоком невежестве никак не может догадаться, что из себя представляет каждый статус, не осмеливаясь даже и предположить, какими путями шел Великий Дядя, создавая оные, и не осознавая даже иной раз, какой из статусов имеет честь употребить почтенный учитель, обращаясь к ничтожному слуге своему во время занятий, и который из них ему, ничтожному, следует осмелиться употребить в ответ. Более того, покорный слуга понятия малейшего не имеет о его собственном статусе в великой семье, если будет угодно милостивому наставнику».*

В таких случаях хлыст откладывался в сторону и на протяжении часа ему читали лекцию. Проблемы иерархии волновали Хью гораздо больше, чем можно было заподозрить из его вопросов. Самым низким статусом был статус жеребца. Нет, был еще более низкий — дети слуг. Но поскольку от детей всегда можно ожидать ошибок, они в счет не шли. Более высокое положение занимала прислуга, затем шли оскопленные слуги — категория

слуг, различия внутри которой были настолько незначительными и многочисленными, что в их среде почти всегда употреблялась речь равных, если разница в положении не была слишком уж очевидной.

Над слугами возвышалась каста Избранных, с неограниченными вариациями рангов, связанных подчас с такими ритуальными обстоятельствами, при которых женщина являлась более важной персоной, чем мужчина. Но это-то как раз затруднений не представляло: всегда можно было пользоваться речью нижестоящего. Однако...

— Если двое Избранных заговорят с тобой одновременно, которому из них ты ответишь?

— Младшему,— ответил Хью.

— Почему?

— Поскольку Избранные не ошибаются, ничтожный слуга ослышался: в действительности старший из Избранных не говорил, в противном случае младший никогда бы не осмелился прервать его.

— Правильно. А если ты оскопленный садовник и встречаешь в саду Избранного, ранг которого соответствует рангу твоего Повелителя-дядюшки, и он спрашивает у тебя: «Малыш, что это за цветок?»...

— Их Милость, несомненно, знает все сущее несравненно лучше, чем ничтожный слуга, но если глаза последнего не лгут ему, то этот цветок, должно быть, лилия.

— Неплохо. Но при ответе еще следует опустить глаза долу. Теперь о твоем статусе...— в голосе наставника звучала неподдельная боль.— У тебя вообще нет статуса.

— Прошу прощения, учитель?

— О Дядя! Как только не пытался я выяснить это! Никто ничего не мог сказать мне вразумительно. Наверное, знает только наш Лорд-Дядюшка, но Их Милость еще не произнесла своего решения. Во всяком случае, ты не ребенок, не жеребец, не скопец, ты не принадлежишь ни к одной прослойке. Ты просто дикарь, и это ни в какие ворота не лезет.

— Но какой же стиль мне употреблять в речи?

— Всегда только нижестоящего. О, конечно, не по отношению к детям и жеребцам — они этого не заслуживают.

Хью находил, что изучаемый язык очень прост и логичен, за исключением изменений в интонации согласно статусам. В нем не было неправильных глаголов, а порядок слов в предложении был строго определенным. Возможно, такой строй речи имел искусственное происхождение. Ориентируясь по некоторым знакомым словам, таким как «симба», «бвана», «вазир», «этаж», «трек», «онкл», Хью предположил, что корневая база речи восходит к нескольким основным языкам африканского континента.

Его лингвистический интерес был сугубо абстрактный и, в сущности, уже не имеющим значения: Хью изучал «Речь», и, по словам его учителей, это был единственный язык, который употреблялся во всем мире.

Единственной сложностью в изучении языка было то, что зачастую одно и то же понятие обозначалось в нем двумя словами одновременно. Одно из слов использовалось вышестоящими в разговоре с нижестоящими; синоним же использовался нижестоящими в разговоре с вышестоящими. Нужно было знать оба слова: одно — чтобы использовать самому в разговоре, другое — чтобы распознавать его в речи вышестоящего.

Произношение сначала давалось Хью с трудом, но уже к концу первой недели он довольно сносно чмокал губами, щелкал языком, мог выдержать в середине слова необходимую паузу, определить на слух и произнести настолько малоразличимые звуки, что раньше он и не подозревал об их существовании. На шестнадцатый день он уже свободно болтал и даже начал думать на новом языке, так что хлыст обжигал его довольно редко.

На следующий день к вечеру Лорд-Протектор послал за ним.

Глава двенадцатая

Несмотря на то что утром Хью уже мылся, ему пришлось проделать это еще раз. Затем его умастили ароматным кремом, выдали свежее одеяние и только тогда повели в покои Лорда. Следуя

по пятам за Мемтоком, он преодолел несколько приемных с секретарями и наконец оказался в огромной, роскошно отделанной комнате, где увидел Джозефа и Дока Ливингстона. Самого Лорда еще не было.

— Хью! Как здорово! — воскликнул Джо и бросил Главному Управляющему: — Ты свободен.

Мемток поколебался, затем попятился и вышел. Джо взял Хью под руку и подвел его к дивану.

— Как я рад тебя видеть! Садись сюда и поболтаем, пока нет Понса. Ты прекрасно выглядишь.

Док Ливингстон потерся о лодыжки Хью, замурлыкал и улегся рядом с ним.

— Со мной все в порядке. А кто такой этот Понс? — Хью почесал кота за ухом.

— Ты разве не знаешь, как его зовут? Я имею в виду Лорда-Протектора. Хотя, конечно, я мог бы сам догадаться. Так вот, это одно из его имен, которое используется только в узком семейном кругу. Но это все ерунда, лучше расскажи, как с тобой обращались.

— В принципе, неплохо.

— Еще бы! Понс распорядился, чтобы тебе ни в чем не отказывали. Если что-нибудь будет не так, ты мне только скажи. Я все улажу.

Хью поколебался.

— Джо, тебе приходилось хоть раз испытать на своей шкуре действие их хлыста?

— Мне? — удивился Джо.— Конечно, нет. Хью, неужели они наказывали тебя? Ну-ка скинь этот дурацкий балахон и дай мне взглянуть на тебя.

Хью покачал головой.

— На мне нет никаких следов. И все же... мне это не нравится.

— Но ведь если тебя секли без причины... Хью, понимаешь, Понс как раз совершенно не выносит произвола. Он очень гуманный человек и требует только одного — дисциплины. Если же кто-нибудь — любой человек, даже Мемток,— был несправедливо жесток по отношению к тебе, то он получит свое.

Хью задумался. Учителя вызывали у него симпатию. Они упорно трудились над тем, чтобы с ним стало можно разговаривать, и не слишком злоупотребляли хлыстом.

— Нет, Джо. Мне не причинили вреда. Я немного погорячился.

— Рад слышать это. Да и вообще, наверное, жаловаться особенно было не на что. Я еще понимаю тот жезл, который носит Понс,— им можно убить человека на расстоянии в тысячу футов, и чтобы научиться использовать его с умом, нужно долго тренироваться. А игрушки, которыми пользуются слуги,— это просто погонялки, ни на что большее не годные.

Хью решил не выяснять, можно ли их считать «просто погонялками»; ему необходимо было узнать кое-что более важное.

— Джо, а как остальные? Ты видел их?

— О, с ними все в порядке. Кстати, ты слышал насчет Барбары?

— Ни черта я не слышал! Что с ней?

— Не волнуйся, не волнуйся. Я хотел сказать, насчет ее детей?

— Ее ребенка?

— Ее детей. У нее близнецы, совершенно одинаковые. Родила неделю назад.

— Ну и как она? Как она себя чувствует? Отвечай!

— Полегче, полегче. С ней абсолютно все в порядке, лучше и быть не может. Само собой. Ведь они тут в медицине намного опередили нас. Здесь и слыхом не слыхивали, чтобы при родах умирали и мать и дитя,— Джо внезапно помрачнел.— Просто позор, что они не наткнулись на нас еще несколько месяцев назад,— затем он оживился.— Барбара говорила мне, что если у нее будет девочка, она назовет ее Карен. А когда оказалось, что у нее мальчики, она того, что постарше на пять минут, назвала Хью, а младшего — Карл Джозеф. Здорово, правда?

— Я польщен. Так, значит, ты видел ее, Джо? Я тоже должен повидаться с ней. И немедленно. Как бы это устроить, а?

Джо был удивлен.

— Но это невозможно, Хью. Да ты и сам должен знать.

— А почему это невозможно?

— Ты же не оскоплен, вот почему. Просто невозможно, и все.

— О господи!

— Очень жаль, но таково положение вещей,— Джозеф внезапно улыбнулся.— До меня тут дошли слухи, что ты едва не получил это право. Понс чуть не умер со смеху, узнав, как вы с Дьюком заорали, когда поняли, что вас ждет.

— Не вижу в этом ничего смешного.

— Понимаешь, Хью, просто у него большое чувство юмора. Он смеялся, когда рассказывал мне об этом. А я не смеялся, и тогда он решил, что у меня совсем нет чувства юмора. Разные люди смеются по разному поводу. Карен обычно любила поговорить с псевдонегритянским акцентом, при одном только звуке которого у меня сводило челюсти. Но она же не желала никому причинить зла. Карен... что толку вспоминать об этом, верно? А ты знаешь, если бы ветеринар зашел с вами дальше, чем следовало, это стоило бы ему обеих рук. Понс так и передал ему. Ну, конечно, он позже, может, и смягчился бы — хороших хирургов не хватает. Но, в принципе, намерения врача относительно вас были оправданы, поскольку ты и Дьюк слишком велики и стары для жеребцов. Однако Понс не выносит небрежной самодеятельности в работе.

— Ладно, ладно. Я все-таки не понимаю, что плохого в том, если я повидаюсь с Барбарой и взгляну на детишек. Ты же, например, виделся с ней? А ведь ты тоже не оскоплен.

Джо начал слегка раздражаться.

— Хью, но ведь это разные вещи. Неужели ты не понимаешь?

— Почему же разные?

Джо вздохнул.

— Хью, не я устанавливаю правила. Но, согласно им, я Избранный, а ты — нет, и все тут. Я же не виноват, что ты белый.

— Хорошо, хорошо. Забудем об этом.

— Нужно радоваться, что хоть один из нас, в данном случае я, находится в положении, когда может помочь остальным. Ты понимаешь, что все вы были бы просто уничтожены, если бы с вами не было меня?

— Да, мне это уже приходило в голову. Хорошо, что ты говорил по-французски. И он тоже.

Джо покачал головой.

— Французский здесь ни при чем. Он просто сэкономил нам время. Дело в том, что там был именно я... только поэтому вы были освобождены от всякой ответственности. Единственное, что требовалось установить,— это меру моей виновности. Надо мной нависла опасность,— Джо нахмурился,— я до сих пор еще не совсем оправдан. То есть я имею в виду, что Понс уже окончательно убежден в моей невиновности, но дело обязательно должен рассмотреть Верховный Лорд-Владетель. Меня еще могут казнить.

— Джо, но за какие же грехи тебя могут казнить?

— О, их множество! Сам суди. Если бы белые вчетвером были без меня, то Понс приговорил бы вас, даже не удостоив взглядом. Два основных преступления очевидны. Беглые. Слуги, которые сбежали от своего повелителя. Плюс бродяжничество, наносящее ущерб личному имению Лорда-Владетеля. Дело совершенно ясное в обоих случаях, и в обоих случаях приговор один — смертная казнь. Не убеждай меня, что все было не так, я сам это прекрасно знаю, но ты не представляешь себе, какого труда мне стоило убедить в нашей невиновности Понса, да еще на языке, который толком оба не знаем. И опасность меня все еще не миновала. Тем не менее,— он просиял,— Понс сказал мне, что Лорд-Владетель затратит еще многие годы на то, чтобы рассмотреть все те дела, по которым должен вынести обвинительные заключения, и что он уже на протяжении многих лет не только не посещал своих владений здесь, но и даже и не приближался к ним. Так что к тому времени, когда очередь дойдет до меня, следов нашего пребывания в районе убежища не останется. Деревья там сажают уже сейчас, а подсчета количества медведей, оленьей и прочей живности никто не производил. Поэтому Понс советовал мне не беспокоиться.

— Что ж, это хорошо.

— Ты думаешь, мне не составило труда убедить Понса? Как бы не так! Дать своей тени коснуться Лорда-Владетеля — серьезный проступок, не говоря уже о том, чтобы чихнуть в его присутствии. Поэтому, сам понимаешь, что незаконное вторжение в его личные земли — это тяжелейшее преступление. Но раз Понс говорит «не беспокойся» — я не беспокоюсь. Он относится ко мне как к гостю, а не как к пленнику. Ну ладно, теперь расскажи о себе. Я слышал, что ты учился Языку. Я ведь тоже: как только выдавалось свободное время, тут же являлся преподаватель.

Хью продемонстрировал свои познания:

— С благосоизволения Их Милости, ничтожный слуга, как, вероятно, прекрасно известно Их Превосходительству, не осмеливался посвящать свое время ничему иному.

— Ого! Ты говоришь на нем лучше, чем я.

— Мне в этом немало помогли,— ответил Хью, перейдя на английский.— Джо, а ты виделся с Дьюком? Или с Грейс?

— С Дьюком нет. И не пытался. Понс почти все время был в разъездах и постоянно брал меня с собой. Так что я был ужасно занят. А Грейс я встречал. Возможно, тебе удастся свидеться с ней. Она часто бывает в этих покоях. Это единственный для тебя шанс поговорить с ней. Только здесь. И только в присутствии Понса. Следует отдать ему должное: он не ревнитель протокольных предрассудков. В узком кругу, я имею в виду. На людях он старается соблюдать лицо.

— Хм... Джо, в таком случае не мог бы ты попросить его позволить мне увидеться с Барбарой и близнецами? Здесь, в его присутствии?

Джо стал раздражаться.

— Хью, ну как ты не понимаешь, что я всего-навсего гость? Я здесь на птичьих правах. У меня нет ни одного собственного слуги, нет денег, нет титула. Я сказал, что ты, возможно, встретишься с Грейс, но не утверждал, что ты обязательно ее увидишь. Если это произойдет, то только потому, что Понс пошлет за тобой и не сочтет нужным удалять ее из покоев — но ни в коем случае не ради тебя. А что касается того, чтобы попросить его устроить тебе свидание с Барбарой, я просто не могу и заикнуться об этом. И все тут! И тебе не советую. Иначе ты на своей шкуре убедишься, что его жезл — не игрушечная погонялка.

— Но я только хотел...

— Тихо! Он идет.

Джо устремился навстречу патрону. Хью стоял потупив глаза, с опущенной в поклоне головой и ждал, когда на него обратят внимание. Понс вошел большими шагами, одетый почти так же, как и при первой встрече, только шлем заменяла на этот раз небольшая красная шапочка. Он приветствовал Джо, тяжело уселся на диван и вытянул ноги. Док Ливингстон тут же вскочил ему на колени. Понс погладил его. Неизвестно откуда появились две служанки, сняли обувь со своего хозяина, обтерли ему ноги мокрым горячим полотенцем, затем вытерли их, помассировали, обули шлепанцы и исчезли.

Пока завершались эти манипуляции, Лорд-Протектор о чем-то беседовал с Джозефом. Смысл Хью полностью не понимал, выхватывая из разговора лишь отдельные слова. Но он обратил внимание, что вельможа в разговоре с Джо использует форму равенства и что тот отвечает ему тем же. Поэтому Хью решил, что положение Джо упрочилось так, что лучше и не надо — почти так же, как и положение Дока Ливингстона. Что ж, Джо и в самом деле довольно симпатичный парнишка.

Наконец Лорд обратил внимание и на Хью:

— Садись, бой.

Хью сел на пол. Лорд продолжал:

— Ну что, ты выучил Язык? Нам сказали, что ты владеешь им.

— С позволения Их Милости, ничтожный раб посвящал все свое время этой благородной цели, хотя результат и довольно плачевен, о чем Их Милость имеет, видимо, честь судить несравненно лучше, чем Их слуга.

— Что ж, неплохо. Произношение бывает и хуже. Но ты пропустил инфикс. Как тебе нравится погода?

— С позволения Их Милости, погода стоит именно такая, какой установил ее Дядя Всемогущий. И ежели любимейший племянник Всевышнего довольствуется ею, то что же может осмелится сказать по этому поводу его ничтожнейший слуга?

— Хорошо. Акцент есть, но понять можно легко. Поработай еще над произношением. Передай своим учителям, что так распорядились мы. А теперь оставь этот глупый стиль. У меня нет

времени выслушивать все эти обороты. Отныне в разговоре со мной всегда используй речь равных. Наедине, естественно.

— Хорошо, я...— Хью запнулся, так как вернулась одна из служанок и подала Повелителю какое-то питье на подносе.

Понс посмотрел на Хью, затем перевел взгляд на девушку.

— Это? Не обращай внимания, они глухонемые. Так что ты там говорил?

— Я хотел сказать, что не успел составить представления о погоде, так как просто не имел возможности судить о ней с тех пор, как попал сюда.

— Само собой. Я отдал распоряжение, чтобы тебя как можно быстрее выучили Языку, а мои слуги воспринимают приказы буквально. Никакого воображения. Ладно, с нынешних пор тебе дадут возможность гулять каждый день по часу. Скажи об этом тому, кто занимается тобой. Просьбы имеются? Как кормят? Как обращаются?

— Питание неплохое. Вообще я привык есть три раза в день, но...

— Можешь питаться хоть четыре раза. Опять же: скажи об этом кому следует. Ну, довольно. Перейдем теперь к другим вопросам. Хью... тебя ведь так зовут, да?

— Совершенно верно, Их Милость.

— Ты что? Не слышал, что я сказал? Я сказал: «Пользуйся речью равных». Мое частное имя — Понс. Так меня и называй. Хью, если бы я сам не нашел вас, если бы я не был ученым и если бы я не видел тех забавных вещиц в строении, которые вы называете домом, я бы не поверил в вашу историю. Но теперь я просто не могу не верить в то, что видел собственными глазами. Я человек без предрассудков. Пути Дяди неисповедимы, но чудес он не творит... И я не побоюсь сказать то же самое в любом из его храмов на земле, как бы неортодоксально это ни звучало. Но... так сколько времени прошло, Джо?

— Две тысячи сто три года.

— Ну, скажем, две тысячи. Что с тобой, Хью?

— О, ничего, ничего.

— Если тебя тошнит, то лучше выйди. Я сам выбирал эти ковры. Так вот, я и говорю, что ваши приключения дали пищу для

ума моим ученым — и очень хорошо, что дали, должен заметить. За долгие годы они не выдумали ничего, кроме какой-нибудь усовершенствованной мышеловки. Ленивые отродья! Я приказал им явиться ко мне с разумным ответом на вопрос, не ссылаясь на всякие там чудеса, как пять человек или там шесть, а заодно и довольно массивное строение, могли преодолеть пропасть в двадцать веков, да еще так, что ни один волос не упал с их головы? Чистой воды преувеличение, ха-ха! Джо сказал мне, что вы там сломали себе пару костей и еще кое-какие мелочи.

Кстати о костях. Джо предупреждал меня, что разговор о них вряд ли придется тебе по душе, да и ему тоже, но я приказал моим ученым потревожить кое-какие кости. Анализ изотопов стронция — вот как это называется, но ты вряд ли когда-нибудь слышал об этом. Верное доказательство, что труп достиг зрелости до периода максимальной радиоактивности... Слушай, я ведь предупреждал тебя насчет ковров. Не смей!

Хью сглотнул — «Карен! Карен! Моя милая девочка!»

— Ну, как? Тебе лучше? Наверное, сразу следовало сообщить тебе, что при вскрытии захоронения присутствовал священник и были произведены все необходимые церемонии. Все было в точности так же, как если бы она была одной из Избранных. Специальная служба по моему разрешению. А после того как были произведены исследования, буквально каждый атом вернули на место и могила была зарыта с соблюдением всех положенных обрядов.

— Это правда, Хью,— сурово сказал Джозеф.— Я был там. И возложил на могилу свежие цветы. Цветы, которые всегда будут свежими,— так мне и сказали.

— Конечно, будут,— подтвердил Понс.— До тех пор, пока не распадутся от обычной эрозии. Я не знаю, почему вы используете для этого цветы, но если необходимы еще какие-нибудь обряды или нужно принести какие-нибудь жертвы во искупление того, что, на ваш взгляд, святотатство,— ты только скажи. Я прекрасно понимаю: в другие времена обычаи были иными.

— Нет. Нет, пусть будет так.

— Как хочешь. Все это пришлось сделать по соображению научной необходимости. Мне показалось, что это разумнее, чем

ампутировать, например, один из твоих пальцев. Другие тесты также заставили моих ученых примириться с очевидностью. Пища, законсервированная методом настолько древним, что я сомневаюсь, знает ли кто-нибудь из современных специалистов по гастрономии, как его воспроизвести... а все же продукты оказались вполне съедобными. По крайней мере, несколько слуг ели их, и никто не отравился. Необходимо упомянуть об удивительном перепаде радиоактивности между внутренней и наружной поверхностями покрытия. Я намекнул ученым на этот факт. Основываясь на информации, полученной от Джо, я приказал им искать данные в подтверждение того, что это событие произошло в начале войны между Западом и Востоком, в ходе которой было уничтожено все северное полушарие.

И они нашли эти данные. Расчеты показали, что сооружение, вероятно, находилось в эпицентре атомного взрыва. И все же оно оказалось целехонько. На почве этого возникла гипотеза, настолько дикая, что я не буду утомлять тебя, излагая ее. Ученым же я просто велел продолжать исследования.

Но самое главное — это целый ряд подлинных исторических сокровищ. Я ведь историк, Хью. История, если к ней умело подобрать ключи, может поведать обо всем на свете. И сокровищем, само собой, являются те книги, которые попали сюда вместе с вами. Я не преувеличивая могу сказать, что теперь они — самое ценное мое достояние. В мире имеется всего лишь две копии Британской Энциклопедии, но они другого издания и пребывают в таком плачевном состоянии, что представляют собой скорее раритет, нежели источник, с которым мог бы работать ученый. В Смутные Времена о них, видимо, никто не заботился,— Понс откинулся назад. Он казался прямо-таки счастливым.— Но зато моя в превосходном состоянии,— и добавил: — Я прекрасно сознаю значимость и других книг. Буквально все они — сокровища. Особенно «Приключения Одиссея», которые известны только по названию. Наверно, иллюстрации тоже относятся ко временам Одиссея?

— Боюсь, что нет. Художник в мое время был еще жив.

— Это плохо. Но тем не менее они превосходны. Примитивное искусство, гораздо более сильное, чем современное. Но я слегка

преувеличил, сказав, что книги — самое ценное мое приобретение.

— Почему?

— Потому что самое ценное — это ты! Вот почему! Разве ты не рад этому?

Хью слегка помедлил, затем ответил:

— Рад, если это правда. (Если правда то, что я твоя собственность, надменный ублюдок, то пусть уж я лучше буду ценной собственностью.)

— О, конечно, конечно. Если бы ты говорил в модальности подчиненного, ты не мог бы выразить сомнение. Помни, Хью, я никогда не лгу. Ты и тот, другой... Как его, Джо?

— Дьюк.

— Вот-вот, Дьюк. Джо очень высокого мнения о твоей образованности и более низкого о его. Но дай я объясню. Есть ученые, которые владеют древним английским. Поскольку он не лежит в основе современного Языка, занимаются им очень немногие. Тем не менее ученых я мог бы найти. Но мне никогда не сыскать такого специалиста, как ты. Потому что ты в то время жил и, следовательно, сможешь делать переводы со знанием дела, без этих сводящих с ума четырех, а то и пяти разных толкований одного и того же отрывка, которые обесценивают большую часть переводов древних текстов, а все потому, что ученые не знают, о чем же на самом деле писал древний автор. Я имею в виду незнание культурного контекста. И, вне всяких сомнений, ты можешь объяснить мне вещи, которые очевидны для тебя и непонятны мне.

Ведь так? Теперь ты понимаешь, что мне нужно? Начинай с Британской Энциклопедии. Приступай к работе прямо сегодня, садись за перевод. Делай его как можно скорее, царапай как-нибудь, а уж в презентабельный вид текст приведет кто-нибудь другой. Понимаешь? Ну и хорошо, тогда иди и начинай.

Хью с трудом сглотнул.

— Но, Понс, дело в том, что я не умею писать на Языке.

— *Что?*

— Меня обучили только говорить, но никто не учил меня читать и писать.

Понс прикрыл глаза.

— Мемток!

Главный Управляющий Дворца появился с быстротой, навевающей подозрения о подслушивании. Да так оно и было: он подслушивал разговор при помощи средств, неизвестных, по его мнению, Лорду-Протектору. Чтобы усыпить бдительность Повелителя, на всякий случай Мемток тяжело дышал. Такие проделки, конечно, были довольно рискованны, но он считал их необходимыми для более тщательного исполнения своих обязанностей. Во всяком случае было безопаснее шпионить за Их Милостью самому, чем конспиративно засылать к нему не совсем глухонемую прислугу.

— Мемток, я ведь велел тебе научить его говорить, читать и писать на языке!

Хью слушал их разговор потупив глаза, в то время как Главный Управляющий пытался возражать, что подобного приказа ему никто не отдавал (это действительно было так), но тем не менее он был выполнен (очевидная ложь), и что он вовсе не пытается возражать Лорду-Протектору (вещь совершенно нетерпимая, невозможно даже и представить, чтобы кто-нибудь пытался)...

— Чушь,— оборвал Понс.— Я и сам не могу понять, почему я никак не отправлю тебя в угольные шахты. Ты бы живописно смотрелся в забое. Белизну твоей кожи прекрасно оттеняла бы въевшаяся в нее здоровая угольная пыль,— он слегка пошевелил своим жезлом, и Мемток побледнел еще больше.— Ладно, исправляй свой промах. Пусть полдня с ним занимаются чтением и письмом, а другую половину дня пусть он переводит и диктует в рекордер. Я мог бы и раньше подумать о диктовке — письмо занимает слишком много времени. Но все равно я хочу, чтобы он умел читать и писать,— он повернулся к Хью.— Еще что-нибудь тебе нужно? Подумай.

Хью откликнулся витиеватой фразой с необозначенной направленностью речи, с помощью которой попросить было ничего нельзя, поскольку речь адресовалась от нижестоящего к вышестоящему.

Понс поморщился:

— Говори прямо, Хью. Мемток, зажми уши. В присутствии Мемтока можешь обходиться без церемоний. Он член моей внутренней семьи, мой племянник по духу. Можешь открыть уши,— обратился он к Главному Управляющему.

Мемток расслабился и постарался принять вид настолько доброжелательный, насколько позволяло вечно кислое выражение его лица.

— Ну что же, Понс, в таком случае-мне нужен кабинет для работы. Моя комнатушка размером примерно с этот диван.

— Запрашивай все, что тебе необходимо.

— Ну, мне нужна комната с естественным освещением, с окнами, площадью примерно в одну треть этой. Столы для работы, книжные полки, принадлежности для письма, удобное кресло... Да, кстати, и свободный доступ в туалет, чтобы не ждать, когда стража соизволит отвести меня туда.

— А разве ты лишен этого?

— Да. И еще: я не уверен, что мои мыслительные процессы стимулируются под воздействием хлыста.

— Мемток, ты наказывал его хлыстом?

— Нет, Дядюшка, клянусь чем угодно!

— Ты способен поклясться и будучи застигнутым на месте преступления. Кто наказывал его?

Хью осмелился вмешаться в разговор:

— Я не жалуюсь, Понс. Но эти хлысты нервируют меня. К тому же я не знаю, кто имеет право отдавать мне приказы. По-моему, кто угодно. Я так и не сумел выяснить свой статус.

— М-м-м... Мемток, какое положение он занимает в семье?

Главный слуга вынужден был признать, что ему так и не удалось решить эту проблему.

— Тогда давайте решим ее на месте. Назначим его главой департамента. Допустим, Департамента Древней Истории. Титул: Главный Исследователь. Следовательно, по старшинству он следует сразу после тебя, Мемток. Извести об этом всех. Я делаю так, чтобы показать, насколько этот слуга ценен для меня. И любой, кто посмеет мешать ему работать, кончит печально. Скорее всего, новый департамент будет состоять из одного человека, но

ты сделай все, что необходимо, чтобы он выглядел посолиднее: придай ему кого-нибудь, кто занимался бы рекордером и подготовлял материалы для меня, найди корректора или двух, помощника, который бы присматривал за ним. Я не хочу, чтобы Хью тратил свое драгоценное время на всякие мелочи. Посыльного. В общем, сам понимаешь. По этому дому без работы болтаются десятки бездельников, которые только даром едят свой хлеб. Они вполне могли бы украсить Департамент Древней Истории. А теперь приготовь небольшой хлыст и малый значок. Пошевеливайся.

Через считанные минуты на Хью уже висел медальон, ненамного меньше, чем тот, который украшал грудь Мемтока. Понс взял хлыст и что-то вынул из него.

— Хью, я не дам тебе заряженного хлыста, потому что ты все равно не умеешь обращаться с ним. Если один из твоих оболтусов будет нуждаться во взбучке, Мемток всегда посодействует тебе. Может быть, позже, когда ты научишься пользоваться жезлом, мы посмотрим. Ну а теперь... Ты удовлетворен?

Хью решил, что сейчас не время просить о свидании с Барбарой. По крайней мере, не в присутствии Мемтока. Но он начинал надеяться.

Его и Мемтока отпустили одновременно. И Мемток не стал возражать, когда Хью вышел не сзади, а рядом с ним.

Глава тринадцатая

Мемток хранил молчание все время, пока они шли через вотчину слуг. Он прикидывал, как бы использовать неожиданный поворот событий в свою пользу.

Статус дикаря беспокоил Главного Управляющего с момента появления того здесь. Он никак не вписывался в обстановку, а в мире Мемтока все должно было укладываться в определенные рамки. Что ж, теперь дикарь получил утвержденный статус. Их Милость сказал, и этого было достаточно. Но ситуация ничуть не улучшилась. Новый статус был таким нелепым, что превращал всю подлестничную структуру дворца в простую насмешку,

а ведь именно подлестничный мир был тем миром, с которым только и был знаком Мемток.

Но Мемтоку нельзя было отказать в проницательности и практичности. Краеугольным камнем его философии являлась житейская мудрость «Лбом каменную стену не прошибешь», а его излюбленная стратегия заключалась в неизменном следовании правилу «Если не можешь одолеть врага, стань его другом».

Как бы сделать так, чтобы нелепое возвышение этого дикаря выглядело естественным и необходимым и пошло бы на пользу Главному Управляющему?

Дядя! Да ведь этот дикарь даже не оскоплен. И, скорее всего, не будет. По крайней мере, в ближайшее время. Возможно, позже — тогда все, более или менее все — встанет на свои места. Мемток был искренне удивлен, когда Их Милость велел отложить неизбежное. Своего оскопления он почти не помнил. Чувства и мотивы поступков того времени были для него лишь призрачным смутным воспоминанием — как будто о другом человеке. Дикарю не имело смысла поднимать вокруг операции столько шума, ведь оскопление придавало назначению подлинный вес. Мемток предвкушал еще лет пятьдесят активной деятельности, власти, приятной жизни — кто из жеребцов может мечтать о такой?

Но этот, по-видимому, мог. Как бы все-таки скрасить все это?

Достопримечательность — вот что представлял собой дикарь. У всех великих Лордов были свои Достопримечательности. Временами даже сам Мемток был озабочен тем фактом, что его собственный Повелитель совсем не интересуется Достопримечательностями. В его имении не было ни сиамских близнецов, ни даже, на худой конец, двухголового уродца. Не было и карлика с перепонками между пальцами. Их Милость был — следует признать это — слишком прост в своих вкусах для человека столь высокого положения. Иногда Мемтоку становилось прямо-таки стыдно за него. Ведь Повелитель почти все свое время проводит над свитками и всякими такими вещами, в то время как ему следовало бы позаботиться о чести дома.

Вот, к примеру, тот Лорд в Хинде... Какой у него был титул? Принц чего-то или еще что-то, не менее глупое. Но, несмотря на

это, у него была огромная клетка, где жеребцы и прислуга совокуплялись с громадными обезьянами, причем и те и другие бормотали что-то одинаково неразборчивое, так что их вполне можно было перепутать,— Языка они не знали и отличались только волосатостью. Вот это была Достопримечательность, достойная поистине великого владения! Главный Управляющий того Лорда клялся и божился, что у них есть и живые выродки, появившиеся на свет в результате такого скрещивания, только они спрятаны так, чтобы жрецы не узнали о них. Это вполне могло быть и правдой, поскольку, например, несмотря на то что официально дети от связей между Избранными и слугами считались невозможными, они все же появлялись, хотя согревательницы постелей проходили стерилизацию. Но подобным сведениям никогда не удавалось просочиться наружу.

Значит, Достопримечательность — вот под каким соусом его следует представить. Неоскопленный, который тем не менее стал ответственным слугой. Знаменитый ученый, который не умеет даже толком говорить на Языке, хотя он ничуть не моложе Мемтока. Человек из ниоткуда. Со звезд. Ведь любому известно, что где-то на звездах есть люди.

А может быть, чудо? Ведь храмы постоянно стараются обнаружить наличие чудес, и тогда, возможно, очень скоро это владение станет самым знаменитым благодаря своей Достопримечательности. Да. Это вполне осуществимо. Слово здесь, слово там, завуалированный намек...

— Хью,— сердечно произнес Мемток,— можно я буду звать тебя просто Хью?

— Что? Ах да, конечно!

— А ты зови меня Мемток. Давай немного прогуляемся и выберем помещение для твоего департамента. Я так думаю, что ты предпочел бы солнечное место. Может быть, комнаты, выходящие окнами в сад? А как насчет личных апартаментов? Должны они примыкать к помещению департамента, или ты предпочел бы, чтобы они располагались отдельно?

Лучше последнее, подумал Мемток. Можно выкинуть Старшего Садовника и Старшего над жеребцами и отдать их помещения

дикарю — вот тогда все поймут, какой важной птицей является эта Достопримечательность... а заодно и настроить их обоих тем самым против дикаря. Тогда он быстро поймет, кто его друг. А им будет, конечно же, Мемток, и никто другой. Кроме того, садовник последнее время стал заносчив, утверждая, что он не обязан подчиняться Главному Управляющему. Ему не повредит небольшая встряска.

— О, мне не нужно ничего особенного,— заверил Хью.

— Пошли, пошли! Необходимо, чтобы у тебя были все удобства. Мне и самому подчас хочется куда-нибудь скрыться от всех этих треволнений. Но я не могу: проблемы, проблемы, целые дни напролет — одни проблемы, а все потому, что некоторые совершенно не способны думать самостоятельно. Так что нам очень не хватает умного человека. Мы подберем тебе и твоему слуге удобные помещения, где вам обоим вполне хватит места.

Слуга? Но где найти такого малого, ископленного и достаточно надежного, которому можно было бы поручить докладывать обо всем, будучи при этом уверенным, что информация не станет достоянием посторонних ушей? Если сейчас кастрировать сына его старшей сестры, успеет ли тот оправиться вовремя?

И оценит ли сестра всю мудрость подобного решения? Он возлагал на парня очень большие надежды. Мемток в глубине души сознавал, что когда-нибудь ему придется уйти — разумеется, не скоро, через много лет,— и лучше бы было, если бы его высокий пост унаследовал его родственник. Но для этого многое придется запланировать заранее, а планировать слишком поспешно — глупо. Если бы можно было убедить сестру!

Мемток вел Хью по заполненным слугами коридорам. Слуги так и прыскали в сторону при их приближении. Когда один из них замешкался, он был сразу же наказан за свою нерасторопность.

— Ничего себе! Какое огромное здание!

— Это? Подожди, ты еще не видел *Дворца*! Правда, он, несомненно, скоро развалится под умелым руководством моего заместителя. Хью, ведь здесь только четверть всего персонала. Тут устраиваются лишь приемы в саду, а не официальные торжества.

И только для горстки гостей. В городе же к нам постоянно прибывают и убывают Избранные. Иногда меня по нескольку раз за ночь поднимают с постели, чтобы я приготовил покои для какого-нибудь Лорда, прибывшего без всякого предварительного уведомления, и его дам. В таких случаях мне всегда помогает предусмотрительность. Отпирая двери крыла для гостей, я всегда знаю — знаю, заметь,— что кровати застелены свежим, ароматным бельем, что гостей ожидают напитки, нигде ни пылинки и мягко играет музыка.

— Да, но это, наверное, обеспечивается безукоризненной работой прислуги.

— Безукоризненной! — фыркнул Мемток.— Хотел бы я согласиться с тобой. На самом деле все это стоит мне немалых усилий: ежедневно перед сном, независимо от того, устал я или нет, я совершаю обход каждой из комнат. Затем я еще должен встать и убедиться, что недочеты устранены, не полагаясь на заверения слуг. Они все лжецы, Хью. Слишком много Счастья. Их Милость слишком щедр, он никогда не урезает рацион.

— Я считаю, что питание вполне достаточное. И качественное.

— Я ведь не сказал «пища», я сказал «Счастье». Я распоряжаюсь пищей и не считаю, что этих дармоедов нужно морить голодом в качестве наказания. Хлыст куда лучше. И они это понимают. Всегда помни, Хью: у большинства слуг мозгов как таковых нет. Они так же тупы, как и Избранные... Это, естественно, не относится к Их Милости — я бы никогда не посмел критиковать своего патрона. Я говорю об Избранных вообще. Ну, ты сам понимаешь,— он подмигнул Хью и шутливо ткнул его пальцем.

— Я знаю об Избранных не так уж много,— сказал Хью.— Да и почти не встречал их.

— Ничего... еще повстречаешь. Чтобы иметь хоть небольшое соображение, недостаточно одной темной кожи, хотя в храмах и учат обратному. Только учти: цитировать мои слова не нужно, да я и не признаюсь никогда, что говорил такое. Но... как ты думаешь, кто в действительности управляет этим имением?

— Я здесь слишком недолго, чтобы составить какое-нибудь мнение.

— Неглупый ответ! Ты мог бы пойти очень далеко, если бы был честолюбив. Тогда позволь я объясню. Если Их Милость уезжает куда-нибудь, хозяйство продолжает функционировать, будто ничего не случилось. Но если уеду или позволю себе заболеть я... Ты знаешь, я просто боюсь подумать о таком,— он взмахнул хлыстом.— И они это знают. С его дороги они так быстро не сворачивают, как с моей.

Хью решил переменить тему:

— Я все-таки не понял твоего замечания относительно рациона счастья.

— Разве ты не получал Счастье?

— Я даже не знаю, что это такое.

— Ого! А ведь причитающиеся тебе и твоим учителям порции отправляли каждый день. Они, значит, до вас не доходили? Придется заняться расследованием. Что касается Счастья... Я сейчас покажу тебе кое-что.

Мемток вывел Хью на небольшой балкон. Перед ними простирался центральный обеденный зал для слуг, по которому змеились три очереди.

— Сейчас как раз время раздачи — само собой, для жеребцов отведено другое время. Счастье можно получить в виде пищи, питья или курева. Доза во всех случаях одинакова, но некоторые считают, что курение доставляет наиболее утонченное наслаждение.

На вопрос о последствиях применения Счастья Мемток ответил:

— Ничего страшного. Счастье улучшает аппетит, успокаивает нервы, гарантирует крепкое здоровье, заменяет все виды удовольствий и абсолютно лишает честолюбия. Вся штука в том, что следует либо пользоваться им постоянно, либо совсем не пользоваться. Я лично никогда не принимал его регулярно, даже будучи жеребцом, потому что был честолюбив. И сейчас прибегаю к нему только изредка — по праздникам и всяким таким случаям, в самых умеренных количествах,— Мемток улыбнулся.— Сегодня вечером сам узнаешь.

— Как это?

— А разве я не говорил тебе? Сегодня после вечерней молитвы устраивается банкет в твою честь.

Хью почти не слышал его. Он напряженно всматривался в длинную очередь, пытаясь разглядеть Барбару.

В качестве почетного эскорта Мемток избрал Старшего Ветеринара и Главного Инженера имения. Хью был слегка обеспокоен таким вниманием со стороны врача, памятуя о своем беспомощном положении при предыдущей встрече с этим человеком.

Но ветеринар являл собой воплощенную сердечность.

Мемток восседал во главе длинного стола. Хью расположился по правую руку от него, а остальные места занимали двадцать начальников других департаментов. За стулом каждого гостя стоял лакей, а непрерывные вереницы других слуг появлялись и исчезали, принося и унося приборы и блюда. Банкетный зал был красиво украшен, обставлен удобной мебелью, а празднество было пышным и продолжительным. Хью не мог представить себе, какой же должна быть пища Избранных, если их верховные слуги питались так роскошно.

Вскоре он отчасти узнал это. Мемтоку подавали дважды: сначала из общего меню, затем из особого. Эти другие блюда он только пробовал, откладывая их на отдельную тарелку, зато блюда, стоящие на столе, ел с большим удовольствием.

Мемток заметил взгляд Хью.

— Это обед Лорда-Протектора. Хочешь попробовать? На свой страх и риск, разумеется.

— Какой риск?

— Яд, конечно. Когда человеку больше ста лет, естественно, что его наследники пребывают в нетерпении. Не говоря уже о деловых партнерах, политических противниках и бывших друзьях. Не бойся: блюда пробуют за полчаса до того как их отведает Их Милость или я, да и то за этот год мы потеряли всего одного дегустатора.

Хью решил, что Мемток испытывает его, и зачерпнул полную ложку.

— Нравится? — поинтересовался Главный Управляющий.

— Пожалуй, чересчур жирновато.

— Слышишь, Гну? Наш новый кузен — человек утонченного вкуса. Слишком жирно. А в один прекрасный день тебя самого зажарят в собственном жиру. Дело в том, Хью, что мы едим лучше, чем Избранные, хотя сервируется их стол гораздо роскошнее. Но я гурман и люблю артистизм в еде. А Его Милости все равно, что он ест, лишь бы оно не визжало, когда его кусаешь. А если ему подать блюдо под слишком изощренным соусом или с экзотическими специями, то он просто отошлет все это обратно и потребует кусок мяса, хлеба и стакан молока. Верно я говорю, Гну?

— Ты же сам знаешь.

— И все труды насмарку.

— Точно,— вздохнул Шеф-повар.

— Поэтому лучшие повара кузена Гну работают на нас, а уж Избранные перебиваются такими, главное умение которых состоит в том, чтобы обтянуть приготовленную птицу кожей, не повредив перьев. А теперь, кузен Хью, с твоего позволения, я поднимусь в Большой зал и прослежу за тем, чтобы шедевр кузена Гну выглядел лучше, чем он есть на самом деле. В мое отсутствие не верь тому, что они будут говорить обо мне, хотя все это сущая правда,— он показал зубы, состроив гримасу, которая, видимо, должна была обозначать улыбку, и вышел.

Некоторое время все молчали. В конце концов кто-то — Хью показалось, что это начальник транспортной службы,— рискнул утолить свое любопытство:

— Главный Исследователь, а в чьем имении вы находились, прежде чем были приняты к нам, осмелюсь спросить?

— Спрашивайте. Владение Фарнхэма, Чрезвычайного Владетеля.

— Вот как! Вынужден признать, что титул вашего Избранного мне внове. Может быть, это новый титул?

— Наоборот, очень старый,— ответил Хью.— Исключительно древний и установленный самим Всемогущим Дядей, благословенно будь имя его. Грубо говоря, этот титул приближается к королевскому, но только старше.

— Неужели?

Хью подумал, что можно дать волю своей фантазии. Из разговоров он знал, что Мемток осведомлен о великом множестве вещей, но почти ничего не понимает в истории, географии и вообще в том, что выходит за пределы жизни в имении. А из своих занятий Языком он усвоил, что слуга, умеющий читать и писать,— большая редкость, если только эти знания не необходимы ему, чтобы исполнять свои обязанности. Такое положение господствовало даже среди старших слуг. Мемток с гордостью заявил ему, что он подал прошение о том, чтобы ему позволили научиться читать, когда был еще жеребцом. И потом учился до седьмого пота, к великому удовольствию других жеребцов. «Я мог бы провести среди жеребцов еще пять лет, а то и все десять, но как только я научился читать, я сразу же подал прошение об оскоплении,— сказал он Хью.— И все-таки я смеюсь последним, а где теперь те, кто тогда смеялся надо мной? Я умею заглядывать в будущее».

Так что Хью решил,что если уж врать, то напропалую. Большая ложь легче могла сойти за правду.

— Титул сохраняется в неприкосновенности вот уже на протяжении трех тысяч лет. Линия преемственности, благодаря Всемогущему Дяде, не прерывалась ни разу, даже в Смутные Времена и в Период Изменения. Божественное происхождение титула дает право его носителю разговаривать с Владетелем на равных, на «ты».— Хью гордо выпрямился.— А я был Главным Фактотумом Лорда Фарнхэма.

— И в самом деле благородный дом. Но что такое «Главный Фактотум»? У нас здесь нет такого поста. Это управляющий?

— И да и нет. Главный Управляющий находился под началом Фактотума.

Собеседник ахнул.

— И все остальные слуги тоже. Конечно, ответственность колоссальная.

— Надо думать!

— В самом деле. Я стал стареть, и здоровье мое начало ухудшаться... Я перенес временный паралич нижних конечностей. По правде говоря, ответственность никогда не прельщала меня: по натуре я ученый. Поэтому я подал прошение, чтобы меня

переместили...— и вот я здесь, личный ученый Избранного, который имеет склонности, схожие с моими собственными. Весьма подходящее для моих преклонных лет положение.

Тут Хью понял, что по крайней мере в одном он зашел слишком далеко: ветеринар поднял голову

— Насчет паралича. При осмотре я не заметил никаких его признаков.

«Черт бы побрал этих докторов, вечно они озабочены только своими профессиональными проблемами»,— раздраженно подумал Хью.

— Паралич разбил меня внезапно, однажды утром,— спокойно парировал он удар.— И с тех пор больше ни разу меня не беспокоил. Но для человека моего возраста это было первым предупреждением.

— А каков же ваш возраст? Интересуюсь, конечно, чисто профессионально. Могут я задать такой вопрос?

Хью попытался принять такой же надменный вид, как у Мемтока.

— Не можешь. Я сообщу его, когда мне понадобятся твои услуги. Но,— добавил он, чтобы разрядить обстановку,— могу честно признаться, что рожден я несколько лет раньше, чем Их Милость.

— Удивительно, с точки зрения вашего физического состояния — мне оно показалось весьма приличным,— я дал бы вам не больше шестидесяти.

— Это у нас в крови,— загадочно ответил Хью.— Я не первый из нашей линии, кто прожил очень длинную жизнь.

От других вопросов его спас приход Главного Управляющего. Все встали. Хью вовремя не заметил вошедшего, поэтому продолжал сидеть. Но Мемток даже если и остался недоволен, то ничем не выдал этого. Садясь рядом, он хлопнул Хью по плечу.

— Бьюсь об заклад, они рассказали тебе, что я пожираю собственных детей.

— Напротив, у меня сложилось впечатление, что все вы — одна большая семья, которую возглавляет любящий дядюшка.

— Лжецы, все они лжецы. Ну, остаток вечера я свободен, если только не случится чего-нибудь из ряда вон выходящее. Их Милость знает, что мы тут пируем в твою честь, и великодушно разрешил мне не являться больше в Большой зал. Поэтому мы теперь можем расслабиться и повеселиться,— Главный Управляющий постучал ложкой по кубку.— Кузены и племянники, предлагаю тост за здоровье нашего нового родственника. Вы, может быть, уже слышали, что я сказал: Лорд-Протектор очень доволен нашей скромной попыткой дать возможность кузену Хью чувствовать себя как дома в семье Их Милости. Но, я думаю, невозможно не заметить, что жезл, которым обладает кузен Хью, не малый хлыст, а хлыст чуть поменьше моего,— Мемток хитровато улыбнулся.— Будем надеяться, что ему никогда не придется воспользоваться им.

Слова шефа вызвали бурю аплодисментов. Он сурово продолжал:

— Вы все должны знать, что даже мой старший заместитель не носит подобного символа власти, не говоря уже об обычном главе департамента... Я надеюсь, вы сами на основании этого сделаете вывод о том, что самый легкий намек кузена Хью, Главного Исследователя и Помощника Их Милости по делам науки, назначенного личным приказом Их Милости, этот его намек — то же, что мой приказ. И не советую доводить дело до того, чтобы я сам занимался разбирательством. А теперь — тосты! Поднимем бокалы все вместе, и пусть Счастье свободно вливается в наши жилы... Пусть тост скажет самый младший из нас, ну!

Вечеринка становилась шумной. Хью заметил, что Мемток пьет очень немного. Он вспомнил предупреждение и попытался следовать ему. Но это было невозможно. Главный Управляющий мог пропустить любой из тостов, просто подняв бокал, но Хью, как почетный гость, чувствовал себя обязанным пить каждый раз.

Через какое-то время (Хью уже смутно представлял, сколько его прошло) Мемток отвел его в роскошные апартаменты. Хью чувствовал опьянение, но не ощущал неустойчивости, обычно сопровождающей его,— просто казалось, что тело парит над землей. Он чувствовал просветление, чувствовал, что в него вселилась мудрость веков, подплыв к нему на серебряном облаке и затопив душу ангельским счастьем.

Он так и не выяснил состав напитка. Алкоголь? Возможно. Бетель? Грибы? Может быть. Марихуана? Наверняка. Он должен набросать рецепт, пока вкус еще свеж в его памяти. Это как раз то, в чем нуждается Грейс. Он должен... Но, конечно же, это у нее теперь есть. Просто прекрасно. Бедняжка Грейс... Он никогда не понимал ее... а ведь все, что ей было нужно,— это немного Счастья.

Мемток довел его до спальни. Поперек изножья его прекрасной новой кровати спало какое-то существо явно женского пола, белокурое и уютное.

Хью взглянул на нее со своей стофутовой высоты и недоуменно заморгал.

— Кто она?

— Согревательница твоей постели. Разве я не говорил тебе?

— Но...

— Все в порядке. Да-да, я знаю, что фактически ты жеребец. Но ты не сможешь причинить ей вреда: именно для подобной цели она и существует. Так что не беспокойся. Все будет в порядке.

Хью повернулся, чтобы обсудить вопрос подробнее. Двигался он медленно из-за ощущения своей необъятной ширины и высоты. Мемток исчез. Хью почувствовал, что едва может добраться до постели.

— Подвинься, киска,— пробормотал он и мгновенно уснул.

Проснулся он поздно, но девица все еще была здесь. Она ждала его с завтраком. Хью почувствовал себя в ее присутствии как-то неудобно. И это не было следствием похмелья — похмелья не было. Видимо, Счастье не требовало подобной расплаты за злоупотребление им. Он чувствовал себя физически сильным, ум его обострился, единственное, что он испытывал,— сильное чувство голода. Но эта девочка-подросток смущала его.

— Как тебя зовут, киска?

— Да будет им известно, каково бы ни было имя их покорной слуги, это не имеет ни малейшего значения, и они могут звать ее, как им заблагорассудится,— она все равно будет более чем довольна.

— Ладно, ладно. Говори со мной как с равным.

— У меня нет настоящего имени. Чаще всего мне говорят: «Эй, ты!»

— Хорошо, тогда я буду звать тебя Киска. Тебя это устраивает? Ты в самом деле похожа на котенка.

На щеках у нее появились ямочки.

— Да, сэр! Это гораздо более приятно, чем «Эй, ты».

— Логично, в таком случае отныне ты — Киска. Можешь сказать об этом всем и больше не откликайся на «Эй, ты!» Скажи, что имя присвоено тебе официально Главным Исследователем, а если кто-нибудь усомнится, то пусть спросит у Главного Управляющего. Если осмелится.

— Да, сэр. Спасибо, сэр. Киска, Киска,— повторяла она на разные лады, как бы запоминая, потом вдруг хихикнула.— Чудесно!

— Я рад за тебя. Это мой завтрак?

— Да, сэр.

Он перекусил прямо в постели, предлагая ей куски, и догадался, что она ожидала этого или, по крайней мере, того, что он разрешит ей поесть. Пищи было вдоволь и четверым; вдвоем им удалось осилить приблизительно треть порции. Затем Хью обнаружил, что Киска вознамерилась помочь ему в ванной. Он отказался от ее услуг.

Немного погодя, когда Хью уже собирался приняться за порученное дело, он вдруг спросил:

— А чем ты будешь заниматься теперь?

— Я вернусь в помещение для прислуги, сэр, как только вы отпустите меня. А возвращусь, когда вы будете ложиться спать... или когда прикажете.

Он уже хотел было сказать ей, что она очаровательна, и что он почти сожалеет, что отключился накануне ночью, и что он больше не нуждается в ее услугах... но остановился. Ему в голову вдруг пришла мысль.

— Послушай, ты знаешь высокую прислугу по имени Барбара? Она вот настолько выше тебя. Она появилась здесь примерно две недели назад, и у нее есть дети, близнецы, родившиеся совсем недавно.

— О, конечно, сэр. Дикарка.

— Да-да. Это она. Ты знаешь, где она?

— О да, сэр. В палате для лежачих. Я очень люблю ходить туда и смотреть на малышей,— она погрустнела.— Как это, должно быть, прекрасно...

— Да. Ты не можешь передать ей записку?

Киска задумалась.

— Но она не сможет понять. Она ведь совсем дикая и даже говорить еще толком не умеет.

— М-м-м... Черт возьми. Впрочем, может быть, это и к лучшему. Подожди минутку.

В его комнате был стол. Он подошел к нему, взял одну из замечательных ручек — они не оставляли клякс, не могли исписаться и казались сплошным куском металла — и отыскал листок бумаги. Затем торопливо написал записку Барбаре, в которой осведомился о здоровье ее и близнецов, описал свое необычное возвышение, сообщил, что вскоре он как-нибудь ухитрится увидеться с ней, наказал не волноваться и терпеливо ждать и заверил ее в том, что его чувства к ней по-прежнему горячи.

В конце записки Хью приписал:

«P. S. Податель сей записки — девушка по имени Киска; если только она невысока, с хорошо развитой грудью, блондинка в возрасте лет четырнадцати. Она моя согревательница постели — это ничего не значит, а у тебя, конечно, сразу начнут закрадываться всякие подозрения, злючка ревнивая! Я собираюсь оставить ее при себе, чтобы связываться с тобой,— это моя единственная возможность. Постараюсь писать каждый день, и каждый день буду ожидать ответа от тебя. Если сможешь, конечно. А если кто-либо сделает что-нибудь, что тебе не понравится,— сообщи мне, и я тут же пришлю его голову на блюде. Кажется, у меня есть такая возможность. Все обстоит довольно неплохо. Посылаю тебе также бумагу и ручку. Люблю, люблю, люблю. Твой Хью.

P. P. S. Полегче со Счастьем. Оно вызывает привыкание».

Он передал девушке записку и принадлежности для письма:

— Ты знаешь Главного Управляющего в лицо?

— О да, сэр. Я согревала его постель. Дважды.

— Вот как? Удивительно.

— Почему, сэр?

— Ну, я думал, что подобные вещи его не интересуют.

— Вы имеете в виду то, что он оскоплен? Но некоторые старшие слуги все равно любят, чтобы им согревали постель. Мне больше нравится бывать у них, а не наверху: меньше беспокойства и можно спокойно выспаться. Главный Управляющий обычно не посылает за согревательницами, хотя иногда просто проверяет нас и учит, как вести себя в постели, перед тем как допустить нас наверх,— Киска добавила: — Понимаете, он неплохо разбирается в таких вещах, потому что когда-то сам был жеребцом,— она взглянула на Хью с невинным любопытством.— А правда то, что о вас рассказывают? Могу я спросить?

— Э-э-э... не можешь.

— Прошу прощения, сэр,— растерялась она.— Я не хотела ничего плохого,— она со страхом взглянула на хлыст и потупила глаза.

— Киска!

— Да, сэр?

— Видишь этот хлыст?

— О, конечно, сэр...

— Так вот, ты никогда — слышишь, никогда — не попробуешь его на себе. Обещаю тебе. Никогда. Мы с тобой друзья.

Лицо ее просветлело, и в этот момент она казалась не только хорошенькой, а просто-таки ангельски прекрасной.

— О, не знаю, как вас и благодарить, сэр!

— И еще одно. Единственный хлыст, которого тебе отныне следует опасаться,— это хлыст Главного Управляющего. Поэтому держись от него подальше. А если тебя тронет кто-нибудь из обладателей «малых хлыстов», то скажи ему, что он заработает моего, гораздо большего хлыста. Кто не поверит — пусть осведомится у Главного Управляющего. Ты поняла меня?

— Да, сэр,— она, казалось, была вне себя от радости.

«Слишком уж рада»,— решил Хью.

— Но старайся не попадать в беду. Не совершай ничего такого, за что можно получить удар хлыста,— или мне придется послать тебя к Управляющему, чтобы он высек тебя как следует, он этим славится. Но до тех пор пока ты прислуживаешь мне, не позволяй никому, кроме него, наказывать тебя. А теперь ступай и отнеси записку. Увидимся вечером, часа через два после вечерней молитвы. Если захочешь спать, приходи раньше и ложись.

«Надо не забыть распорядиться, чтобы для нее здесь поставили маленькую кровать»,— напомнил он себе.

Киска коснулась рукой лба и вышла. Хью отправился в свой кабинет и остаток дня провел за изучением алфавита и переводом трех статей из Британской Энциклопедии. Он быстро обнаружил, что его словарный запас недостаточен, и послал за одним из своих учителей, чтобы использовать его в качестве толмача. Однако Хью быстро убедился, что некоторые вещи требуют бесконечных объяснений и комментариев, так как содержание понятий за прошедшие века радикально изменилось.

Киска тем временем отправилась прямо к Главному Управляющему в кабинет, доложила обо всем и отдала записку и принадлежности для письма. Мемток был серьезно озадачен: он, по всей вероятности, располагал важнейшим обвинительным документом, но не было никакой возможности узнать, о чем же в нем сообщается. Правда, ему пришло в голову, что тот, второй... как бишь его... Юкк, Джук? Что-то в этом роде... наверное, мог бы прочесть эти каракули. Но, во-первых, неизвестно, умеет ли дикарь читать, во-вторых, даже хлыст не гарантировал бы того, что тот честно переведет содержание письма.

Искать помощи у Джо даже не пришло Мемтоку в голову. Равно как и просить содействия у этой толстухи — новой согревательницы постели Их Милости. Но был во всей истории и еще один интересный аспект: неужели женщина-дикарка в самом деле умеет читать, а возможно, и более того,— в состоянии написать послание в ответ?!

Он сунул записку в копир, затем отдал ее девушке.

— Все в порядке. Отныне ты — Киска. И веди себя точно так, как он велел,— не позволяй никому наказывать тебя и распусти

об этом слух. Я хочу, чтобы все узнали. Но чтобы ты не забывалась...— он тронул для острастки ее хлыстом так, что Киска подскочила от боли.— Помни, что *этот* хлыст всегда ждет тебя, если ты в чем-нибудь ошибешься.

— Ничтожная слышит и повинуется!

Вечером Хью вернулся из столовой для старших слуг довольно поздно, так как застольная болтовня затянулась надолго. Войдя в спальню, он обнаружил, что Киска, свернувшись калачиком, спит у его постели. Тут он вспомнил, что забыл попросить еще одну кровать.

В крепко сжатом кулачке девушки виднелся листок бумаги. Осторожно, чтобы не разбудить ее, он вытащил записку и стал читать.

«Мой милый!

Каким неизъяснимым счастьем для меня было увидеть строки, написанные твоей рукой! От Джо мне стало известно, что ты в безопасности, но я ничего не слышала о твоем продвижении и не представляла, знаешь ли ты о близнецах. Сначала о них: оба растут как на дрожжах, оба как две капли воды похожи на своего отца, у обоих его «ангельский» характер. По моим прикидкам, родились они по три килограмма каждый. Их взвешивали после родов, но здешние меры веса мне неизвестны. Теперь немного о себе. Относятся ко мне как к знаменитой племенной корове, стараются не причинять никаких волнений, а медицинское обслуживание, которого меня удостоили, было на удивление хорошим. Как только у меня начались схватки, мне тут же дали какое-то питье, и потом я совершенно не испытывала боли, хотя отчетливо воспринимала все подробности родов, но так, как будто это происходило не со мной, а с кем-то другим. Таким образом, все случилось без малейших неприятных ощущений и даже наоборот, настолько легко, что я бы, кажется, теперь рожала каждый день. Особенно если бы у меня каждый раз рождались такие прелестные малыши, как Хью и Карл Джозеф.

Что же до остального, то жизнь моя довольно скучна. Изо всех сил штудирую Язык. Молока у меня в избытке, я даже делюсь с девушкой на соседней кровати, которой не хватает своего. Правда, наши с тобой малыши большие обжоры.

Я буду терпеливо ждать. Ничуть не поражена твоим быстрым повышением. И зная тебя, не удивлюсь, если через месяц ты станешь тут самым главным. Я полностью уверена в своем муже. Мужчине. Какое это приятное слово: муж...

Теперь о Киске. Не верю я твоим бойскаутским клятвам, развратник ты несчастный. Твой послужной список показывает, что ты всегда готов воспользоваться неопытностью юной девушки. А она очень хорошенькая.

Теперь серьезно. Милый, я знаю, насколько ты благороден, и ни на миг не заподозрила дурного. Но даже если бы твое благородство в какой-то момент изменило тебе, я бы не осуждала тебя, принимая во внимание те функции, которые призвана выполнять Киска. Я имею в виду, что твое сближение с ней не будет чем-то из ряда вон выходящим, ведь это ее профессия.

Если ты не сдержишься, я не буду ревновать тебя к ней, во всяком случае сильно, но я бы не хотела, чтобы ваши отношения стали прочными, по крайней мере настолько, чтобы ты забросил меня. Учти, я довольно быстро восстанавливаю силы и желания. Но я ни в коем случае не настаиваю, чтобы ты избавился от нее, поскольку она — единственная возможность для связи. Будь добр с ней, она чудесное дитя. Впрочем, я знаю, что ты всегда очень добр со всеми.

Я буду писать каждый день и, если не получу ответной весточки, буду плакать в подушку от смертельной тревоги за тебя. До свидания, мой любимый ныне, и присно, и во веки веков.

Б.

P. S. Это пятно — отпечаток ножки маленького Хью».

Хью нежно поцеловал письмо и лег в постель, прижимая его к себе. Киска так и не проснулась.

Глава четырнадцатая

Хью обнаружил, что чтение и письмо на Языке даются ему довольно легко. Написание было фонетическим. Для каждого звука имелось соответствующее буквенное обозначение. Непроизносимых букв не было, как не было и никаких исключений в произношении или написании слов. Если выговор не соответствовал тексту, то имелись специальные знаки, указывающие на необходимое изменение звука. Своей логичностью и свободой от ловушек строй Языка напоминал эсперанто. Таким образом, как только был выучен 47-буквенный алфавит, Хью мог написать и прочитать любое слово.

Печатные буквы сильно напоминали рукописные, поэтому страницы книг выглядели так, будто их от руки заполнил какой-то опытный писец. Хью не удивился, обнаружив, что буквы похожи на арабские, а посмотрев соответствующую статью в Британнике, еще раз убедился, что скорее всего этот алфавит развился из арабского письма его времени. Около полудюжины букв вообще не претерпели никаких изменений, некоторые изменились не сильно. Имелось много новых букв, которые обозначали звуки, отсутствующие в языке XX века. Проконсультировавшись еще раз в Британнике, Хью понял, что основные корни Языка были арабскими, французскими, суахили и еще Дядя знает какими. Подтвердить этого он не мог, поскольку словаря, отражающего исторические изменения в лексике, не существовало, похоже, вовсе. А его учителя, кажется, были свято убеждены в том, что Язык всегда являлся таким, каким они знали его. Они даже понятия не имели ни о каких изменениях.

Впрочем, эти изыскания представляли чисто теоретический интерес. Хью не знал ни арабского, ни французского, ни суахили. В школе он немного учил латынь и еще меньше — немецкий, а в последние годы пытался учить русский. Поэтому он не обладал знаниями, достаточными для выяснения истоков Языка. Им руководило сугубо человеческое любопытство.

Но даже на удовлетворение простого любопытства Хью не имел права тратить драгоценное время. Если он хотел ублаготворить Их

Милость, то ему нужно было чем-то заинтересовать того — в данном случае переводами,— чтобы тот разрешил ему повидаться с Барбарой. Это значило, что он должен буквально завалить Понса материалами. Хью работал не покладая рук.

На второй день своего назначения Хью попросил, чтобы ему прислали Дьюка, и Мемток удовлетворил его просьбу. Вид у Дьюка был довольно измученный, под глазами мешки, но на Языке он говорил, хотя и не так хорошо, как его отец. Видимо, он имел больше ссор с учителями, чем его отец; его настроение колебалось от безнадежности до мятежности, он довольно заметно хромал.

Мемток не имел абсолютно ничего против того, чтобы передать Дьюка в Департамент Древней Истории.

— Только рад буду избавиться от него. Для жеребца он чудовищно велик, а ни на́ что другое, по-видимому, не годен. Конечно, пусть работает у тебя. Не переношу слуг, которые слоняются без дела и только дармоедствуют.

И Хью взял сына к себе.

Дьюк окинул взглядом апартаменты Хью и присвистнул:

— Ну и ну! Я вижу, ты из дерьма ухитрился выбраться, благоухая как роза. Как это ты?

Хью объяснил ему ситуацию.

— Вот поэтому я и хотел бы, чтобы ты перевел статьи, касающиеся юриспруденции и родственных ей отраслей знания,— это, должно быть, удастся тебе лучше всего.

Дьюк упрямо сжал кулаки.

— Засунь их себе знаешь куда?

— Дьюк, оставь свой вызывающий тон. Ведь это прекрасная возможность для тебя.

— А что́ ты сделал для матери?

— А что я мог сделать? Встречаться мне с ней не разрешают, как и тебе. Сам знаешь. Джо уверяет меня, что она не только шикарно устроилась, но и счастлива.

— Так говорит он. Вернее, говоришь ты, что говорит он. А я хотел бы убедиться собственными глазами. Я, черт возьми, настаиваю на этом.

— Настаивай сколько хочешь. Пойди скажи Мемтоку. Но хочу предупредить заранее: я не смогу защитить тебя.

— Я и так знаю, что мне скажет и что сделает этот маленький грязный недоносок,— Дьюк поморщился и потер больную ногу.— Именно ты должен побеспокоиться обо всем. Раз уж ты так ловко устроился, тебе и карты в руки. Используй хотя бы часть своей власти на то, чтобы защитить мать.

— Дьюк, я ничего не в состоянии сделать. Со мной обращаются так же хорошо, как с породистой лошадью, например. И потребовать я имею право примерно столько же, сколько та самая лошадь. Если будешь сотрудничать со мной, я могу помочь тебе получить свою долю хороших условий: удобное жилье, мягкое обращение, легкую работу. Но мне ни в малейшей степени не подвластна жизнь женской половины, и я скорее, наверное, смог бы слетать на луну, чем добиться того, чтобы Грейс перевели сюда. Ты ведь знаешь, что порядки у них здесь, как в гареме.

— Значит, ты собираешься сидеть, исполняя роль ученого тюленя при этой черной обезьяне, и даже пальцем не пошевелишь, чтобы помочь матери? Ну уж уволь! Я с тобой не останусь!

— Дьюк, я не намерен спорить с тобой. Я выделю тебе комнату. Если ты не будешь переводить, я постараюсь сделать так, чтобы Мемток не узнал об этом. Но скорее всего у него всюду есть осведомители.

На этом разговор и закончился. Сначала Дьюк действительно ничем не помогал отцу. Но скука сделала свое дело там, где не помогли доводы. Дьюк не выдержал ничегонеделанья в запертой комнате. В принципе, он мог бы выйти из нее, но всегда оставалась опасность того, что он наткнется на Мемтока или на кого-нибудь из старших слуг с хлыстами и те могут поинтересоваться, чем это он тут занимается. От утренней молитвы до вечерней слуги всегда вынужденно имитировали занятость делом, даже если и были свободны; в противном случае они могли нарваться на неприятности.

Дьюк начал заниматься переводами, но вскоре обнаружил, что явные пробелы в знании Языка создают трудности в работе. Хью прислал ему помощника-клерка, имевшего отношение к юридической стороне дел Их Милости.

Хью видел Дьюка крайне редко. Это, по крайней мере, избавляло его от необходимости постоянно спорить с сыном. Производительность Дьюка через неделю стала возрастать, но зато ухудшилось качество работы — Дьюк открыл для себя чудодейственные свойства Счастья.

Хью долго думал над тем, стоит ли предостерегать сына от наркотика, и все-таки решил не вмешиваться. Если Дьюку нравилось принимать Счастье, то почему он должен удерживать его? Качество переводов сына мало волновало Хью. Ведь Их Милость не имел возможности судить о них... разве Джо мог случайно открыть ему глаза. Но это было маловероятно. Да Хью и сам не особенно старался. «Сойдет,— считал он.— Отсылай боссу побольше да пояснее, а трудные места можно и пропустить».

Кроме того, он заметил, что пара порций Счастья после обеда прекрасно скрашивает остаток дня. Счастье давало ему возможность прочитывать очередное письмо Барбары в состоянии какого-то теплого, радостного опьянения, затем сочинять ответ, который предстояло отнести Киске, и крепко засыпать.

Но Хью не злоупотреблял напитком, относясь к нему с опаской. У алкоголя, считал он, есть преимущество — он ядовит. Человек очень быстро в этом убеждается, когда начинает предаваться чрезмерным возлияниям. Счастье же не давало синдрома похмелья — его воздействие на организм было коварнее. Напиток снимал состояние тревоги, подавленности, беспокойства, скуки и погружал в нирвану безмятежного блаженства. Уж не составлял ли его основу мепробамат? — размышлял Хью. Но, к сожалению, он весьма поверхностно знал фармакологию, к тому же те скудные сведения, которыми он располагал, относились к временам двухтысячелетней давности.

Являясь ответственным слугой, Хью мог практически ни в чем себе не отказывать. Но со временем он заметил, что Мемток не единственный из старших, кто умеренно употребляет Счастье. Ни один из страстных поклонников этого своеобразного наркотика не мог рассчитывать на приличную должность. Нередко случалось, что человек, достигший высших ступеней иерархии слуг, скатывался обратно на дно, будучи не в силах противостоять соблазну потреблять Счастье в неограниченном количестве. Хью не представлял себе, что с такими людьми бывало потом. Сам же он пользовался правом держать бутылку зелья в своей комнате. Это решило проблему Киски.

Хью передумал просить у Мемтока кровать для нее. Он не хотел наводить Главного Управляющего на мысль, что это дитя интересует его в качестве связующего звена между женскими помещениями и Департаментом Древней Истории. Вместо этого он велел девушке каждую ночь устраивать себе постель на диване в жилой комнате.

Киска была огорчена. К этому времени она уже была уверена, что Хью мог бы воспользоваться ею не только как согревательницей постели в буквальном смысле слова, и считала, что он намеренно лишает ее возможности создавать ему комфорт и дарить наслаждение. Это пугало ее: если она не по душе хозяину, то вскоре может потерять самое лучшее из всех мест, которые когда-либо имела. Так что она не осмелилась сказать Мемтоку, что Хью отказывается пользоваться ее услугами. Она докладывала обо всем, кроме этого.

Киска плакала.

Ничего лучшего она не смогла бы придумать. Всю жизнь Хью не выносил вида женских слез. Он усадил ее на колени и объяснил, что она ему очень нравится (правда), что ему очень жаль, что он слишком стар, чтобы оценить в полной мере ее достоинства (ложь), и что присутствие кого-либо в постели мешает ему спать (полуправда), и еще: он очень доволен ею и хочет, чтобы она продолжала ему служить.

— А теперь вытри глазки и глотни вот этого.

Хью знал, что Киска принимает Счастье. Она получала свою порцию в виде жевательной резинки, в состав которой входил порошок. Многие слуги за работой предпочитали употреблять Счастье именно в таком виде, что позволяло им целый день находиться в состоянии приятного полуопьянения. Киска, узнав, что Хью не возражает против подобного времяпрепровождения, все дни напролет торчала у него, неустанно пережевывая резинку.

Выпив предложенный напиток, счастливая Киска отправилась спать, больше не беспокоясь о том, что хозяин хочет избавиться от

нее. Таким образом, прецедент имел место. После этого каждый вечер, за полчаса до того как ложиться спать, Хью давал ей немного Счастья.

Некоторое время он отмечал уровень в бутылке, чтобы убедиться, что Киска не прикладывается к ней в его отсутствие. Замков у него в помещении не было, хотя он, как один из старших слуг, обладал правом иметь их. Но Мемток счел целесообразным утаить от Главного Исследователя информацию об этой привилегии.

Когда Хью удостоверился, что Киска не потягивает напиток втихаря, он перестал беспокоиться. В самом деле, Киску ужаснула бы даже мысль о том, что она может что-нибудь украсть у хозяина. Уровень ее самосознания был настолько мизерный, что пришелся бы впору маленькой мышке. Она была меньше чем никто и знала об этом; у нее никогда ничего не было своего, даже имени, пока Хью не дал ей его. Благодаря его доброте в ней стала пробуждаться личность, но сдвиг был едва заметен, и любая мелочь могла свести на нет все усилия в этом направлении.

Хью, наполовину по наитию, укреплял привязанность Киски к себе. Она была умелой банщицей. В конце концов он сдался и разрешил ей тереть ему спину и регулировать воду для мытья, одевать его и заботиться о его одежде. Она оказалась еще и опытной массажисткой. Иногда ему даже приятно было чувствовать, как ее маленькие ручки разминают ему плечи и шею, затекшие после долгого дня, проведенного над книгами или у экрана ридера. Одним словом, она старалась делать все, чтобы не быть бесполезной.

— Киска, а чем ты обычно занимаешься днем?

— В основном ничем. Прислуга из моей полукасты, если у нее ночная работа, днем, как правило, отдыхает. Поскольку я каждую ночь занята, мне разрешают до полудня оставаться в спальном помещении. Обычно я так и делаю, потому что наша начальница очень любит давать тем, кого она видит шляющимися без дела, какое-нибудь поручение. После полудня... Ну, естественно, я стараюсь никому не попадаться на глаза. Это самое лучшее. Безопасно.

— Понятно. Если хочешь, отсиживайся здесь. Вернее, если можешь.

Лицо ее просветлело.

— Если вы достанете мне разрешение, то смогу.

— Хорошо, достану. Можешь здесь смотреть телевизор... Хотя в это время еще нет передач. М-м-м... ты ведь не умеешь читать? Или умеешь?

— О, конечно, нет! Я бы никогда не осмелилась подать прошение.

— Хм...— Хью знал, что разрешение учиться читать не мог дать даже Мемток. Такое дело требовало вмешательства самого Их Милости, да и то после обязательного расследования причин возникновения такой необходимости. Более того, подобного рода противозаконные поступки могли оборвать тонкую нить, связывающую его с Барбарой, и окончательно лишить надежды воссоединиться с ней... Черт возьми, мужчина всегда должен быть мужчиной!

— У меня здесь есть свитки и экран. Ты хотела бы попытаться?

— Да защитит нас Дядя!

— Не поминай Дядю всуе. Если сможешь держать свой маленький язычок за зубами, то я научу тебя. Чего ты так испугалась? Я не заставляю тебя решать сразу. Сообщишь мне, когда надумаешь. Только никому не говори.

Киска никому не сказала. Умалчивать она тоже боялась, но инстинкт самосохранения подсказал ей, что доложив об этом, можно очень скоро распрощаться с безоблачным счастьем.

Киска стала для Хью чем-то вроде семьи. Она ласково провожала его на работу, вечером с улыбкой встречала, беседовала с ним, если ему хотелось пообщаться, и никогда не заговаривала первой. Вечера она обычно проводила перед телевизором — так Хью называл устройство, принцип работы которого он не смог понять.

Передача, транслирующаяся в цветном объемном изображении, начиналось ежевечерне, после молитвы, и продолжалась до отбоя. Большой экран был установлен в холле, где собирались слуги, а несколько малых экранов находилось в комнатах старших слуг. Хью не раз смотрел передачи, надеясь лучше понять

общество, в котором ему предстояло жить. В итоге он пришел к выводу, что с таким же успехом можно представить себе жизнь Соединенных Штатов по телевизионному сериалу «Пороховой дымок».

Чаще всего транслировались крикливые мелодрамы со стилизованным, как в китайском театре, действием. Обычно сюжет составляла история о верном слуге, который в финале героически погибал, спасая жизнь своему Повелителю.

Для обитателей подлестничного мира телевизор был вторым по значению развлечением после Счастья. Киска обожала смотреть его, пережевывая при этом резинку и издавая приглушенный (чтобы не отвлекать склонившегося над книгой Хью) восклицания. После окончания передачи она растроганно вздыхала, с изъявлением величайшей благодарности принимала свою порцию Счастья, касалась на прощанье рукой лба и отправлялась спать. Хью же еще некоторое время проводил за чтением.

Он очень много читал — каждый вечер (если только Мемток не наносил визита) и большую часть дня.

Ему было страшно жалко времени, убиваемого на переводы для Его Милости, но пренебрегать ими он не мог. Ведь работа была единственной надеждой на будущее. Хью понял одно: для того чтобы делать грамотные переводы текстов, необходимо хорошо разбираться в современной культуре. В Летнем Дворце была библиотека, и когда он заявил, что ему для работы необходимо иметь к ней доступ, Мемток все устроил.

На самом деле Хью не сильно волновало качество переводов. Занимаясь научными изысканиями, он пытался найти ответ на вопрос, что же случилось с его миром и почему возник этот.

Поэтому на экране его устройства для чтения постоянно была проекция текста какого-нибудь свитка. Принцип работы со свитками Хью нашел просто-таки восхитительным: для чтения необходимо было всего-навсего опустить в устройство заряженный сдвоенный цилиндр и включить экран. По экрану бежала строчка длиной в несколько сотен футов, до конца свитка. Глаз не терял времени на возвращения к началам коротких строчек. Легкий нажим ускорял считывание до любой скорости, воспринимаемой мозгом. Когда Хью привык к фонетике, он стал читать быстрее, чем когда-либо умел по-английски.

Но он не нашел того, что искал.

В изображении прошлого явно было стерто различие между фактом и выдумкой. Даже когда он выяснил, что война между Востоком и Западом, забросившая их сюда, датировалась 703-м годом до Великого Изменения, он все равно с трудом находил соответствие между миром, который был ему когда-то знаком, и «историей», заключенной в свитках.

Описаниям войны еще можно было верить.

Сам Хью был свидетелем только первых ее часов, но свитки давали возможность узнать, как примерно разворачивались события дальше: взаимные ракетно-бомбовые атаки, которые именовались «блестящим превентивным натиском» и «массированным ударом возмездия», стершими с лица земли города от Пекина до Чикаго и от Торонто до Смоленска; огненные смерчи, причинившие ущерб в десятки раз больший, чем бомбы; нервно-паралитический газ и другие ОВ, уничтожившие тех, кого пощадили пожары; пандемические заболевания, вспышки которых долго не затухали и инкубационный период которых завершился как раз к тому времени, когда горстка уцелевших стала приходить в себя и обретать призрак надежды.

Да, в весь этот Армагеддон можно было верить. Подготовкой его занимались башковитые ребята; а деловые ребята, на которых те работали, и не пытались предотвратить глобальную гекатомбу (просто не считаясь с такой перспективой) — они лишь делали новые заказы исполнительным башковитым ребятам.

Конечно же, он никогда не полагал, что «лучше красный, чем мертвый»; не считает так и теперь. Нападение было на сто процентов односторонним, и он не жалел ни об одной мегатонне «массированного воздействия».

Но что случилось, то случилось. Свитки говорят о том, что уничтожено было все северное полушарие.

А как же насчет остального мира? В свитках утверждалось, что в Соединенных Штатах ко времени войны негры находились в положении рабов. Значит, кто-то выкинул целое столетие истории.

Сознательно или нет? Может быть, это явилось следствием путаницы и отсутствия сведений? Насколько ему было известно, в Смутное Время, на протяжении почти двух веков, по всему миру пылали костры из книг. Сожжение их продолжалось и после Изменения.

Была ли утрата истории случайностью? Или жрецы сочли, что так будет лучше?

А с какого момента китайцев стали считать «белыми», а индусов «черными»? Конечно, если судить исключительно по цвету кожи, то китайцы и японцы были такими же светлокожими, как и любой средний белый его времени, а индусы так же темнокожи, как и африканцы. Но раньше антропологическое деление народов было совсем иным.

Само собой, если учитывать только цвет кожи — а, видимо, только он имелся в виду,— спорить было не о чем. История утверждала, что белые, со своими дурными наклонностями, уничтожили друг друга почти окончательно, оставив израненную Землю в наследство простодушной, душевной, милосердной темной расе, избранным чадам Великого Дяди.

Немногочисленные белые, спасенные Дядей, были выхожены и выпестованы, как дети, и теперь снова плодились и размножались под благосклонным руководством Избранных. Так было написано.

Хью допускал, что война, которая полностью уничтожила Северную Америку, Европу и всю Азию, кроме Индии, могла унести жизни большинства белых и почти всех китайцев. Но что же случилось с населением Южной Америки, с белыми в Южно-Африканской Республике, с австралийцами и жителями Новой Зеландии?

Как он ни бился, ответа так и не нашел. Единственное, что было определенным,— это то, что Избранные все были темнокожими, а их слуги белолицыми и обычно низкорослыми. Хью и Дьюк были гораздо выше других слуг. И наоборот, те немногие Избранные, которых он видел, были людьми весьма крупными.

Если нынешние слуги произошли от белых австралийцев... Нет, это исключается: те никогда не были малахольными. А так называемые «Экспедиции Милосердия» — что это? Вылазки за рабами? Или погромы? Или, как говорится в свитках, спасательные экспедиции в поисках уцелевших?

Все эти пробелы в истории, скорее всего, возникли вследствие сожжения книг. Хью не смог выяснить, отправлялись ли в костер все книги или техническим была уготована иная участь. Очевидным представлялось лишь то, что весьма развитая технология Избранных не могла начаться с нуля.

Впрочем, а почему бы и нет? Ведь современные ему наука и техника развились в основном за последние пятьсот лет, причем большая часть технических новшеств создавалась в последнее столетие, а наиболее удивительные открытия делались в пятидесятилетний период до начала войны. Так мог ли мир, скатившись в пучину варварства, выбраться из нее за два тысячелетия? Конечно, мог!

Так или иначе, но Коран был, похоже, единственной книгой, которая официально избежала костра. Да и то у Хью появилось сомнение, тот ли это Коран. В свое время у него был перевод Корана, и он несколько раз перечитывал его.

Теперь он очень жалел, что не взял книгу с собой в убежище, поскольку Коран в том виде, в каком он читал его теперь на Языке, явно не соответствовал запечатлевшемуся в памяти. Например, Хью припомнил, что Магомет был рыжеволосым арабом, а в этом «Коране» неоднократно подчеркивалось, что цвет кожи Пророка был черным. И еще: Хью был совершенно убежден, что Коран не содержал расистских взглядов. Его же «исправленная и дополненная» версия была буквально нашпигована ими.

К тому же в Коран входил теперь Новый Завет с казненным Мессией. Он проповедовал свою веру и был повешен — все религиозные свитки были испещрены виселицами. Хью ничего не имел против модернизации, ведь за прошедшие века вполне могли появиться новые откровения.

Но он не мог смириться с ревизией учения Христа, проведенной с целью соответствия последнего новым догматам. Это уже было жульничеством.

Структура общества таила в себе немало загадок. У Хью появились только первые проблески понимания его сложной культуры и высокоразвитой технологии. Цивилизация Избранных, устойчивая и даже застывшая, со строгой иерархией и отлаженной системой управления, тем не менее постоянно приходила в упадок. Церковь и Государство были едины: «Один Язык, Один Король,

Один Народ, Один Господь». Лорд-Владетель являлся как высшим иерархом церкви, так и главой государства, владея по воле Дяди абсолютно всем; а Лорды-Хранители, такие как Понс, распоряжались всего лишь ленными наделами, по совместительству исполняя функции епископов. Помимо Лордов имелись еще и многочисленные граждане (само собой Избранные, так как белый не являлся личностью): торговцы, землевладельцы, люди разных профессий. В экономике на фоне чаетного предпринимательства можно было заметить признаки чуть ли не тоталитарного коммунизма. Если он правильно понимал прочитанное, то здесь существовали даже корпорации!

Наиболее интересной Хью показалась система наследования (не считая того, что, как он выяснил, его статус, согласно закону и обычаю, равнялся нулю). Семья была всем, браки — ничем. То есть последние существовали как таковые, однако особенного значения не имели. Наследование происходило по женской линии, но властью наделялись только мужчины.

Эта закавыка смущала Хью, пока в один прекрасный день все не стало на свои места. Понс являлся Лордом-Протектором, так как был старшим сыном чьей-то старшей дочери, старший брат которой был Лордом-Протектором перед Понсом. Таким образом, наследником Понса становился старший сын старшей из его сестер — титул передавался от матери к дочери непрерывно и бесконечно, причем власть сосредоточивалась в руках старшего брата каждой из наследниц. Кем был отец Понса, совершенно не имело значения, и еще меньшее значение имело то, сколько у него было сыновей, поскольку ни один из них не обладал правом наследования. Понс был преемником брата своей матери, а его наследником должен был стать сын его сестры.

Хью понимал, что при подобной системе функции и роль брака сводились к минимуму, проблема незаконнорожденности оказывалась настолько отвлеченной, что не интересовала никого, но семья приобретала исключительно важное значение. Женщины (Избранные) теперь никак не могли быть недооценены. Они обладали значительно большим весом, чем мужчины, еще и потому, что правили посредством своих братьев — это было освящено религией.

У единого бога — Всемогущего Дяди — имелась старшая сестра, Мамалой Вечная, настолько святая, что ей даже не осмеливались молиться и имя ее никогда не поминалось всуе. Она являлась могущественным воплощением Женщины, давшей жизнь всему сущему.

У Хью создалось впечатление, что он когда-то читал о таком порядке наследования — от дяди к племяннику по женской линии. Справившись в энциклопедии, он с удивлением обнаружил, что такая система доминировала то в одной культуре, то в другой в разные времена на всех континентах.

Великое изменение имело место, когда Мамалой наконец преуспела — действуя, как всегда, опосредованно — в объединении всех чад своих под одной крышей. Назначив ответственным за все их Дядю, она удалилась на покой.

Хью так прокомментировал это:

— И упаси Бог род человеческий!

Хью с нетерпением ждал, когда Их Милость изволит послать за ним. Прошло уже два месяца со дня их появления здесь, и Хью начал опасаться, что у него никогда не возникнет возможности попросить о свидании с Барбарой. Не исключено, что Понс, когда к нему стали поступать тексты, потерял к переводчику всякий интерес. Перевод же всей Британники потребовал бы нескольких жизней. Хью решил ускорить развитие событий и в один прекрасный день отправил Понсу письмо.

Неделю спустя Лорд-Протектор вызвал его. Мемток явился к Хью с этим известием, приплясывая от нетерпения, но тем не менее настоял, чтобы перед аудиенцией Хью помылся, обтерся дезодорантом и надел чистый балахон.

Похоже, Лорду-Протектору не было никакого дела до того, как пахнет Хью: он явно был занят чем-то другим. Хью стоял молча и ждал. Здесь же была и Грейс. Она возлежала на диване, возясь с кошками и жуя резинку. Миссис Фарнхэм только раз взглянула на человека, когда-то бывшего ее мужем, и больше не обращала на него никакого внимания, если не считать того, что на лице у нее застыла затаенная улыбка, которую Хью знал очень хорошо. Он называл ее «канарейка, съевшая кота».

Док Ливингстон спрыгнул с дивана, подошел к нему и потерся о его ноги. Хью знал, что он не должен на это реагировать, терпеливо ожидая, когда Понс заметит его присутствие... Но ведь кот долгое время был его другом, и он не имел права забывать об этом. Хью наклонился и погладил Дока.

Небеса не разверзлись. Их Милость не обратил внимания на нарушение правил.

Наконец Лорд-Протектор соизволил подать голос:

— Бой, иди сюда. Что ты там пишешь за чушь насчет того, что я смогу делать деньги на твоих переводах? И с чего ты вообще взял, что я нуждаюсь в деньгах?

Хью со слов Мемтока знал, что ему, как Главному Управляющему, приходится много экономить и выкручиваться с деньгами, выделенными на ведение столь обширного хозяйства, поскольку жизнь с каждым годом становится все дороже и дороже.

— Да будет угодно выслушать Их Милости ничтожное мнение их ничтожнейшего слуги..

— Оставь этот цветистый стиль, черт тебя подери!

— Понс, там, в мире, откуда я пришел, во все времена не было человека, богатого настолько, чтобы ему не нужно было денег еще больше. Обычно бывало так: чем богаче человек, тем больше денег ему требовалось.

Лорд улыбнулся.

— «*Plus ça change, plus c'est la meme chose*» — «Чем больше все меняется, тем больше все остается по-прежнему». Я вижу, ты занят не только поглощением Счастья. Ты прав: положение вещей остается таковым и в наши дни. Ну и что же? Что ты придумал? Давай выкладывай!

— Сдается мне, что в энциклопедии есть информация, с помощью которой можно было бы извлекать выгоду. Технологические процессы и тому подобное... иными словами, все, что было утрачено людьми за последние два тысячелетия, но сейчас могло бы давать доход.

— Отлично, займись этим. То, что ты посылал мне до сих пор,— конечно, то, что я успел прочесть,— вполне удовлетворительно. Но очень много тривиального. Например: «Смит, Джон,

родился и умер... политик, который успел сделать очень мало, а то, что успел,— очень плохо». Понимаешь, о чем я?

— Думаю, что да, Понс.

— Отлично. Тогда отбрось весь этот хлам и подыщи мне три-четыре идейки, из которых я мог бы выжать деньги.

Хью поколебался. Понс спросил:

— Так что, ты понял меня?

— Мне, наверное, понадобится помощь. Понимаете, я ведь не знаю, что творится за стенами дворца. Мне известно только то, что делается под лестницами. Я думаю, тут мог бы помочь Джо.

— Каким образом?

— Я так понял, что он путешествовал с вами и много видел... Скорее всего, именно он мог бы указать проблемы, заслуживающие внимания. Пусть он отметит соответствующие статьи, я их переведу, а уж вы будете судить, стоит ли с этим связываться. Я могу изложить для вас их содержание вкратце, чтобы вы не теряли времени на незначительные подробности, тем более если данный предмет не заинтересует вас.

— Неплохая идея. Я уверен, что Джо будет просто счастлив помочь. Хорошо, присылай энциклопедию. Все.

Хью был отпущен так скоро, что даже не имел возможности попросить свидания с Барбарой. Правда, он все равно не стал бы рисковать, упоминая ее имя в присутствии Грейс.

Сначала он хотел найти Дьюка и рассказать, что он собственными глазами видел его мать раздобревшей и счастливой, но потом решил этого не делать. Дьюк мог поставить под сомнение правдивость сообщения, тем более что Хью не виделся с Грейс с глазу на глаз.

Глава пятнадцатая

Джо присылал в день по тому Британники с помеченными статьями. Хью приходилось трудиться над переводами не покладая рук. Через две недели его снова вызвали.

Он ожидал, что состоится что-то вроде совещания по какому-либо вопросу. Но оказалось, что в покоях Лорда сидят сам

Понс, Джо и какой-то Избранный, которого Хью до этого ни разу не видел. Он мгновенно приготовился говорить, как и предписывалось слугам, в уничижительном наклонении.

Лорд-Протектор кивнул.

— Подойди сюда, Хью. Сними карту. И не вздумай вдаваться в эти утомительные формальности. Здесь семья. Все свои.

Хью, поколебавшись, приблизился. Второй Избранный, крупного телосложения темнокожий человек с хмурым выражением лица, казалось, не очень-то обрадовался появлению белого слуги. Хлыст у него был с собой, и он вертел его в руках.

Джо взглянул на Хью и улыбнулся.

— Я учил их играть в бридж. Но нужен четвертый. Я все время твержу Понсу, что ты самый лучший из когда-либо виденных мною игроков. Ты уж постарайся, не подведи меня, а?

— Постараюсь,— Хью сразу узнал одну из своих колод. Вторая, похоже, была изготовлена и расписана вручную, но сделано это было изумительно. Карточный столик не был позаимствован из обстановки убежища и также являлся настоящим произведением искусства, обильно украшенным резьбой по дереву.

Хью выпало играть в паре с незнакомым Избранным. Хью ясно видел, что не нравится партнеру, но тот, что-то проворчав, не стал возражать.

У них был контракт при трех пиках — по счастливому раскладу карт они взяли четыре. Партнер буркнул:

— Парень, ты мало заказал. Игра впустую. Постарайся, чтобы этого больше не повторилось.

Хью промолчал и сдал карты вновь.

В следующем круге Джо и Понс взяли пять треф. Партнер Хью разозлился:

— Если бы ты зашел с бубен, мы бы обставили их. А ты вместо этого подставил нас! Я ведь предупреждал тебя. Ну, теперь...

— Мрика! — резко сказал Понс.— Это бридж. И играй в него. А хлыст убери. Слуга поступил совершенно правильно.

— Ничего подобного! И будь я проклят, если буду играть с ним дальше! Я всегда чувствую, что имею дело с вонючим слугой, как бы хорошо его ни выскребли. А этот, по-моему, вообще не мылся!

Хью почувствовал, что у него взмокли подмышки, и вздрогнул. Но Понс ровным голосом произнес:

— Хорошо, мы извиняем тебя. Можешь идти.

— И отлично! — Избранный встал.— Но прежде чем я уйду, я хотел сказать одну вещь... Если промешкать еще немного, то Их Превосходительство отдаст Протекторат Северной Звезды...

— Уж не собираешься ли ты вложить в это дело деньги? — резко спросил Их Милость.

— Но ведь я думаю о семейных интересах. Во всяком случае, я-то не упустил бы такой возможности! Сорок миллионов гектаров, сплошь покрытых первосортным лесом! Я бы не думал ни секунды! Но у меня буквально нет ни гроша... и вы сами знаете, почему.

— Конечно, знаем. Ты злоупотребляешь азартными играми.

— Совершенно напрасно вы так... Деловому человеку приходится рисковать. Нельзя же назвать азартной игрой то, что...

— А мы считаем, что это азартные игры. Мы не против риска, но терпеть не можем проигрышей. И если тебе снова придется проиграть, то желательно, чтобы ты вкладывал свои собственные деньги.

— Но это вовсе не так рискованно. Дело практически верное... Все равно что породниться с Их Превосходительством. Семье...

— Позволь нам решать, что семье выгодно, а что нет. А тебе придется еще немного подождать этого права. Пока же мы не менее твоего хотели бы доставить удовольствие Лорду-Правителю. Но ни в коем случае не с помощью сумм, которыми семья в данный момент не располагает.

— Деньги можно занять. Под проценты, которые...

— Ты собрался уходить, Мрика. Будем считать, что ты уже ушел,— Понс взялся за карты и начал тасовать их.

Молодой Избранный фыркнул и вышел.

Понс разложил пасьянс, снова смешал карты и снова раздал их. Через некоторое время он пожаловался Джо:

— Иногда этот юноша так выводит меня из себя, что я бы, кажется, с радостью изменил завещание.

Джо казался озадаченным.

— А я всегда думал, что его нельзя лишить наследства.

— Конечно, нет! — Их Милость выглядел шокированным.— Такого не сделает и последний крестьянин. До чего бы мы докатились, если бы стали нарушать установленный порядок? Даже думать не хочется о таком. Нет, он мой наследник. Я имел в виду только слуг.

— Тогда я не понимаю...— сказал Джо.

— Ну ты же знаешь... Хотя, возможно, и нет. Я все время забываю, что ты недавно среди нас. В завещании я распоряжаюсь вещами, принадлежащими лично мне. Их не так много... украшения, свитки и тому подобное. Стоимость всего этого примерно около миллиона. Пустяки. Если не считать домашних слуг. Только домашних. Я не говорю о слугах на шахтах, фермах или других предприятиях. Обычай таков, что всех домашних слуг упоминают в завещании поименно. В противном случае они обязаны следовать в загробный мир вслед за своим Дядюшкой, то есть за мной,— он улыбнулся.— Была бы неплохая шутка, если бы после моей смерти Мрика обнаружил, что ему нужно или набрать денег на покупку полутора-двух тысяч слуг, или заколотить дворец и жить в шалаше. У меня эта сцена так и стоит перед глазами. Ведь парень и сливы не сорвет без того, чтобы дерево не трясли четверо слуг. Я даже не уверен, что он умеет сам обуваться. Хью, если ты будешь утверждать, что черная дама кроет красного валета, я накажу тебя. Я в очень плохом настроении.

Хью торопливо произнес:

— А что, у вас не сошлось? Я и не заметил.

— Тогда чего же ты уставился в карты?

Хью в самом деле уткнулся в карты, стараясь не привлекать к себе внимания. Он очень нервничал, оказавшись невольным свидетелем ссоры между Понсом и его племянником, но не упустил ни слова из их перепалки, поскольку нашел ее более чем интересной.

Понс продолжал:

— А ты что предпочел бы, Хью? Сопровождать меня в мир иной? Если ты останешься здесь и будешь служить Мрике, то предупреждаю тебя, меньше чем через год после моей смерти тебе придется обгрызать себе пальцы на ногах, чтобы не умереть от

голода... В то же время, как гласит Благой Свиток, небеса — довольно приятное местечко.

— Выбирать сложно...

— А тебе и не придется выбирать. Ты никогда не узнаешь, что тебя ожидает. Слуга не должен знать этого, чтобы всегда хорошо служить своему повелителю. Этот мерзавец Мемток так и ходит за мной по пятам, упрашивая удостоить его чести сопровождать меня на небеса. Если бы я был уверен, что он просит искренне, то непременно отказал бы ему из-за его бездарности.

Понс вдруг смешал карты и выругался:

— Черт бы побрал этого мальчишку! Он, конечно, партнер не ахти какой, но мне хотелось сыграть несколько настоящих сильных робберов. Джо, нам нужно научить играть еще несколько человек. До чего же тоскливо оставаться без четвертого партнера!

— Конечно,— согласился Джо.— Прямо сейчас?

— Нет-нет. Я хочу играть по-настоящему, а не смотреть, как новичок спотыкается на каждом ходе. Я уже втянулся в эту игру. Она позволяет совершенно отвлечься от неприятных мыслей.

И тут Хью осенило:

— Понс, если вы не против того, чтобы в игре участвовал еще один слуга...

Джо просиял.

— Конечно же! Он...

— Барбара,— быстро перебил его Хью, чтобы тот не успел назвать Дьюка.

Джо растерянно заморгал, но затем постарался исправить положение:

— Он — я имею в виду Хью — собирался назвать прислугу по имени Барбара. Она хорошо играет в бридж.

— Что? Так ты, значит, кое-кого обучил игре и под лестницей, Хью? — удивился Понс и добавил: — Барбара? Я что-то не припомню такого имени. По крайней мере, она не относится к старшим слугам.

— Вы должны помнить ее,— сказал Джо.— Она была с нами, когда вы нас подобрали. Помните, может, такая высокая...

— Ах да! Конечно! Так, значит, Джо, ты утверждаешь, что самка умеет играть в бридж?

— Она игрок высшего класса,— заверил его Джо.— Играет лучше меня. Господи, Понс, да она обыграет вас как мальчишку. Правду я говорю, Хью?

— Барбара — великолепный игрок.

— Пока не увижу — не поверю.

Через несколько минут Барбара, свежевымытая и досмерти перепуганная, уже стояла на пороге. Увидев Хью, она остолбенела от удивления.

К ней приблизился Понс.

— Так... Значит, это и есть самка, которая умеет играть в бридж? Не бойся, малышка, я тебя не съем.

Далее он добродушно заверил Барбару в том, что ее вызвали только для того, чтобы сыграть в бридж, и что она может расслабиться и не соблюдать уничижительные формы речи.

— В общем, веди себя так, словно ты приятно проводишь время с другими слугами. Поняла меня?

— Да, сэр.

— И еще одно.— Он похлопал ее по плечу.— Пока ты будешь моей партнершей, я не рассержусь на тебя, если ты допустишь промах,— ведь ты все-таки самка, и вообще удивительно, что ты способна играть в интеллектуальную игру. Но...— он сделал паузу,— если ты, играя против меня, попытаешься подыгрывать мне, обещаю, что тебя накажут. Поняла?

— Правильно,— подтвердил Джо,— требование Их Милости справедливо. Играй по книге и старайся изо всех сил.

— По книге,— повторил Понс.— Я, правда, никогда не видел этой книги, но Джо уверяет, что научил меня играть именно по ней. Так что старайся. Ну ладно, давайте сдавать.

Хью почти не слушал его. Он блаженно вглядывался в свою возлюбленную. Она выглядела достаточно хорошо и на вид была здорова, но ему странно было видеть ее стройной как прежде, вернее, почти как прежде, так как талия ее еще не обрела былого изящества, а грудь значительно увеличилась в объеме. Загар с Барбары почти сошел, а одета она была, как и вся прислуга, в

бесформенный балахон, довольно короткий. Хью очень обрадовался тому, что она не лишилась своих волос. Они, правда, были коротко подстрижены, но отрастить их ничего не стоило.

Тут он заметил, что его собственная внешность почему-то удивила Барбару, и понял причину. Улыбнувшись, он пошутил:

— Я теперь причесываюсь ладонью, Барби. Какая разница? Тем более что я уже привык быть лысым, и мне это даже нравится.

— Ты выглядишь просто изысканно, Хью.

— Он страшен как смертный грех,— заметил Понс.— Но зачем мы здесь собрались? Болтать? Или играть в бридж?

Они играли несколько часов подряд. И чем дольше они играли, тем больше Барбара успокаивалась и приходила в себя. В конце концов игра, по-видимому, начала доставлять ей удовольствие. Она даже стала улыбаться, и не только Хью, но иногда и Их Милости.

Барбара играла строго по книге, и Понсу ни разу не удалось поймать ее на фальши. Хью пришел к выводу, что их хозяин — хороший игрок, не отличный, конечно, но он, по крайней мере, запоминал битые карты и в торговле был точен. Хью находил его вполне достойным партнером и довольно сильным противником.

Один раз, когда контракт был на руках у Понса, Хью обратил внимание, что тот заказал слишком много. Тогда он исхитрился потерять одну верную взятку, дав таким образом Барбаре сделать контракт, гейм и роббер.

Этим он заслужил безразличный взгляд, как бы вскользь брошенный на него Барбарой, да Джо посмотрел на него с незаметной для постороннего взгляда усмешкой, но удержался от комментариев.

Понс ничего не заметил. Оставшись в дураках, он взревел от огорчения, потянулся и погладил Барбару по голове:

— Изумительно! Изумительно! Малышка, да ты, кажется, и впрямь *умеешь* играть. Я и сам не смог бы провернуть такую комбинацию.

Не стал он жаловаться на судьбу и тогда, когда в следующем роббере Барбара и Хью жестоко наказали его и Джо. Тогда Хью решил, что кроме приличных способностей к карточной игре у Понса есть и то, что называется «спортивным духом».

Появилась одна из глухонемых прислужниц, поклонилась и подала Их Милости бокал. Судя по запотевшему стеклу — с прохладительным напитком. Затем поднесла и Джо. Понс отхлебнул глоток, вытер губы и довольно произнес:

— Уф! Очень кстати.

Джо шепотом сказал ему что-то на ухо. Понс удивился и ответил:

— Конечно. Почему бы и нет?

Таким образом, Хью и Барбару тоже обслужили. Хью с удовольствием обнаружил, что в бокале у него — чистый яблочный сок. Если бы там оказалось Счастье, то он не поручился бы за свою дальнейшую способность играть.

Во время следующего роббера Хью заметил, что Барбара чем-то озабочена и с большим трудом сосредоточивается на игре. Когда они доиграли круг, он тихонько заметил:

— Что-нибудь не в порядке, милая?

Она бросила взгляд на Понса и прошептала:

— В общем, да. Когда за мной прислали, я как раз должна была кормить малышей.

— О! — Хью повернулся к хозяину.— Понс, Барбаре необходимо сделать перерыв.

Понс оторвался от тасовки карт:

— Не иначе как в уборную. Думаю, одна из служанок покажет ей, где это. Ведь сами-то они ходят куда-то.

— Нет, не это. Впрочем, может быть, и это тоже. Но я хотел сказать, что у Барбары есть дети. Близнецы.

— Ну так и что? У самок обычно и бывают близнецы. Ведь у них две груди.

— В том-то и дело: она еще кормит их грудью, а последний раз их нужно было кормить несколько часов назад. Ей просто необходимо уйти.

Понс, казалось, был слегка раздражен. Поколебавшись немного, он заявил:

— Чепуха. Молоко небось не свернется из-за такого небольшого опоздания. Сдавай карты.

Но Хью не притронулся к колоде. Понс повысил голос:

— Ты что, не слышал меня?

Хью встал. Его сердце билось, как молот, и он почувствовал, что дрожит от страха.

— Понс, Барбара страдает. Именно сейчас ей просто необходимо покормить малышей. Я, конечно, не могу принудить вас отпустить ее... но неужели вы думаете, что я буду продолжать играть, если вы заставите ее мучиться? Если вы так считаете, то, видимо, вы сошли с ума.

Великан долгое время рассматривал его, ни капли не изменившись в лице. Потом он вдруг улыбнулся.

— Хью, а все-таки ты мне нравишься. При самой первой нашей встрече ты ведь тоже устроил нечто подобное, не так ли? Наверное, эта прислуга — твоя сестра, да?

— Нет.

— Тогда если кто из нас и сошел с ума, так это ты. Да знаешь ли ты, как близок был к тому, чтобы стать просто мясом?

— Могу предположить.

— Вряд ли, потому что по тебе этого никак не скажешь. Ладно, пусть ее двойняшек принесут сюда. Они могут сосать, в то время как мы играем.

Принесли малышей, и Хью тут же понял, что это самые симпатичные ребятишки на свете, самые здоровенькие и миленькие детишки, которые когда-либо появлялись на свет божий. Он так и сказал Барбаре. Но в первый момент ему не удалось даже дотронуться до детей, так как Понс сразу же подхватил их на руки, рассмеялся и, подув обоим в ротики, немного покачал.

— Отличные мальчуганы! — воскликнул он.— Отличные мальчуганы у тебя, Барба! Сущие маленькие дьяволята, готов поклясться! Давай-давай, малыш, сжимай кулачок! Ну-ка, двинь дядюшку кулаком еще разок! Как их зовут, Барба? Имена у них есть?

— Вот этот — Хью...

— Что? Разве у них с Хью есть что-нибудь общее?

— Он их отец.

— Ну и ну! Ты, Хью, может быть, и не красив, но, видимо, у тебя есть другие достоинства. Если только Барбара говорит правду. А как зовут второго?

— А это маленький Джо, Карл Джозеф.

Понс взглянул на Джо.

— Так, значит, самка называет своих отпрысков в твою честь, Джо? Придется получше присматривать за тобой, разбойник ты этакий. Что же ты подарил Барбе?

— Прошу прощения?

— Что ты подарил ей за рождение ребенка, идиот? Подари ей кольцо, которое у тебя на пальце. В этом доме столько детей названо в мою честь, что мне приходится заказывать целые мешки безделушек. Их мамаши знают, что я обязан что-нибудь подарить им. Хью-то счастливчик — ему нечего отдавать. Ха, да у Хьюги, кажется, зубки!

Самому Хью удалось немного подержать детишек, пока Барбара устраивалась так, чтобы иметь возможность и кормить их грудью, и играть в бридж одновременно. Она брала детей по одному, а свободной рукой в это время играла. Вокруг ребенка, которого не кормили, суетились глухонемые служанки. Когда кормление закончилось, малышей унесли. Несмотря на довольно сложные условия, Барбара играла неплохо, даже хорошо. Длинная игра закончилась тем, что Понс набрал больше всех очков, Барбара оказалась на втором месте, а Джо и Хью разделили третье и четвертое. Хью пожульничал совсем немного, чтобы добиться такой расстановки. Понсу действительно шла карта, особенно когда его партнершей была Барбара. Им даже удалось сделать два малых шлема.

Понс пребывал в отличном расположении духа.

— Барба, поди сюда, малышка. Скажи своей начальнице, что я приказал найти кормилицу для твоих двойняшек и что я хочу, чтобы ветеринар остановил у тебя выделение молока. Я желаю, чтобы ты как можно быстрее смогла стать моим партнером — или противником — по бриджу. Ты играешь, как настоящий мужчина.

— Хорошо, сэр. Но позволено ли будет задать вопрос?

— Позволено.

— Я бы предпочла кормить детей сама. Ведь они — это все, что у меня есть.

— Ну что ж...— он пожал плечами.— Кажется, сегодня у меня день упрямых слуг. Видимо, вы оба все еще дикари. Вам бы отнюдь не повредила небольшая порка. Ладно, но в таком случае тебе придется иногда играть только одной рукой: я не желаю, чтобы игра прерывалась.— Он улыбнулся.— Кроме того, я время от времени буду даже рад видеть маленьких разбойников, особенно того, который умеет кусаться. Можешь идти. Все.

Барбара была отправлена так внезапно, что Хью едва успел на прощанье обменяться с ней улыбками. Он-то рассчитывал, что они спустятся вниз вместе, а может быть, даже зайдут к нему ненадолго. Но Их Милость рассудил по-другому, поэтому ему пришлось остаться. На душе у Хью было тепло и хорошо. Сегодня он впервые за долгое время испытал минуты настоящего счастья.

Понс объяснил ему, почему ни одну из переведенных им статей нельзя использовать практически.

— Не отчаивайся, Хью. Продолжай свою работу, и нам обязательно что-нибудь попадется.— Он перевел разговор на другую тему, все еще не отпуская Хью. Тот обнаружил, что Понс — эрудированный собеседник, который интересуется всем и готов как внимательно слушать, так и увлекать рассказом сам. Он казался Хью воплощением добродушного циника. Проницательный дилетант, не милосердный, но и не жестокий, Понс не кичился своим положением и не был расистом — он относился к Хью как к равному по интеллекту.

Пока они беседовали, низкорослые прислужницы накрыли стол для Понса и Джо. Хью, впрочем, и не ожидал, что его пригласят принять участие в трапезе, да и не желал этого. Он всегда мог приказать накрыть ему стол в кабинете; а в том, что Мемток был прав, утверждая, что слуги питаются лучше хозяев, Хью убедился давно.

Когда Понс наелся, он придвинул свои блюда Хью.

— Ешь.

Хью колебался какие-то доли секунды. Он прекрасно понимал, что ему оказана великая честь — для слуги, разумеется. На блюде оставалось еще очень много — раза в три больше, чем съел Понс. Хью не мог припомнить, чтобы ему приходилось подъедать за кем-нибудь, да еще грязной ложкой. Тем не менее он принялся за трапезу.

Как обычно, меню Их Милости не пришлось по вкусу Хью — что-то жирное, а он всегда недолюбливал свинину. Свинина редко подавалась слугам, но зато была обычной составной частью блюд, которые постоянно пробовал Мемток. Это очень удивляло Хью, так как в ревизованном Коране еще сохранились религиозные предписания по поводу пищи, а Избранные следовали некоторым мусульманским обычаям. Они практиковали обрезание, не употребляли спиртного, не считая легкого пива, и номинально чтили рамазан. Магомет был бы потрясен коренными изменениями, которые претерпело его монотеистическое учение, но некоторые его детали он бы узнал.

Но хлеб был вкусен, фрукты превосходны, равно как и мороженое и многое другое; совсем не было необходимости есть одну свинину. Хью отведал всего понемногу.

Понс поинтересовался, каким был климат в их время в этом районе.

— Джо говорит, что иногда у вас были морозы, даже снег.

— Конечно. Каждую зиму.

— Удивительно. И какой же бывал мороз?

Хью задумался. Он до сих пор не знал, как эти люди измеряли температуру.

— Если взять диапазон температур между замерзанием воды и ее кипением, то иногда температура доходила до одной трети этого промежутка ниже точки замерзания.

Понс удивился.

— Ты уверен? Мы измеряем диапазон от точки кипения до точки замерзания ста градусами. Следовательно, ты утверждаешь, что температура доходила иногда до тридцати трех градусов ниже нуля.

Хью с удивлением отметил, что стоградусная шкала прожила два тысячелетия. Впрочем, почему и нет? Ведь Избранные пользовались десятичным счислением в арифметике и в денежной системе. Он еще раз прикинул в уме.

— Да. Я имел в виду именно эту температуру. Порой стояли такие холода, что в горах,— Хью указал в окно на вздымающиеся на горизонте вершины,— в термометре замерзала ртуть.

— Да,— поежился Джо,— такой мороз, что зубы стыли. Только из-за него я готов был двинуть на Миссисипи.

— А где,— спросил Понс,— находится Миссисипи?

— Ее больше не существует,— объяснил Джо.— Сейчас она под водой, к сожалению.

Разговор сам собой переключился на обсуждение причин изменения климата, и Их Милость послал за последним томом Британники, чтобы имевшиеся в нем карты сравнить с современными. Когда карты были разложены на столе, они склонились над ними.

Там, где раньше была Миссисипи, теперь далеко на север простирался Мексиканский Залив, Флориды и Юкатана не было, а Куба представляла собой архипелаг незначительных островов. Калифорния имела внутреннее собственное море, а большая часть северной территории Канады исчезла.

Такого рода изменения произошли повсюду. Скандинавский полуостров превратился в остров, Британские острова стали группой мелких островков, под водой оказалась часть Сахары. Все прибрежные низменности были покрыты водой: не было Голландии, Бельгии, северной Германии... Не было и Дании — Балтика стала заливом Атлантического океана.

Когда Хью увидел все это, его охватила тоска по безвозвратно исчезнувшему. Из книг он знал, что мир изменился, но впервые видел перед собой страшную картину этих глобальных изменений.

— Вопрос в том,— подытожил Понс,— явилось ли таяние льдов следствием большого количества пыли, появившейся в атмосфере в результате войны между Востоком и Западом, или оно явилось природным явлением, которое лишь в небольшой степени было ускорено искусственно. Некоторые из моих ученых придерживаются первой версии, некоторые — второй.

— А сами вы что думаете? — спросил Хью.

Лорд пожал плечами.

— Я не так глуп, чтобы составлять мнение, не располагая достаточной информацией. Поэтому оставляю эти глупости ученым. Единственно, за что я благодарен Дяде, так это за то, что живу во времена, когда могу выйти на порог, не обморозив ступней.

Однажды я был на Южном полюсе — у меня там кое-какие шахты. Так что вы думаете? Иней на земле. Ужасно. Льду место в напитках.

Понс подошел к окну и некоторое время стоял, вглядываясь в силуэты гор на фоне заката.

— Если бы здесь вновь стало холодно, мы бы мигом выковыряли их оттуда. А, Джо?

— Да они сами вернулись бы, поджав хвосты,— усмехнулся Джо.

Хью был озадачен.

— Понс имеет в виду,— объяснил Джо,— беглых, скрывающихся в горах. За которых сначала приняли нас.

— Да, там шляются беглые и горстка аборигенов,— добавил Понс.— Дикари. Бедняги, которые никогда не вкушали плодов цивилизации. Их очень трудно спасти, Хью. Ведь они не стоят и не ждут, когда их обнаружат, как вы, например. Они хитры, как волки. Стоит в небе появиться хоть тени — и они замирают на месте. Их никак не обнаружить с воздуха. Кроме того, эти создания способны на все. Конечно, мы с легкостью могли бы выкурить их оттуда, но тогда и игра кончится, а это неинтересно. Хью, кстати, ты ведь и сам жил там, поэтому должен знать, как это можно устроить. Как нам переловить бродяг, не портя игры?

Мистер Хьюберт Фарнхэм колебался ровно столько, сколько ему требовалось на то, чтобы сформулировать ответ.

— Их Милость, должно быть, знает, что ничтожный слуга — всего лишь слуга. И он никогда не осмелится предположить, что его незначительные соображения могут хотя бы близко подойти к тем гениальным решениям проблемы, которые несомненно переполняют великий ум Их Милости.

— Что такое, черт возьми? Перестань, Хью. Я действительно хочу знать твое мнение.

— Вы знаете мое мнение, Понс. Я слуга. И мои симпатии — на стороне беглецов. И дикарей. Ведь я и сам пришел сюда не по собственной воле. Меня привели.

— Конечно, и ты, и даже Джо были захвачены. Но уж, наверное, теперь ты не жалеешь об этом? Теперь-то ты видишь разницу, не так ли?

— Да, вижу.

— Тогда ты должен благодарить судьбу за то, что условия твоей жизни улучшились. Разве теперь ты не можешь назвать их комфортными? Разве не ешь вкуснее и сытнее? Дядя! Да ведь когда мы подобрали вас, вы голодали и били вшей. Вы были чуть живыми от непосильного труда, я же знаю! Я не слеп и не глух: в моей семье даже последний слуга не работает так много, как приходилось вам, и спит в куда лучшей постели, к тому же у вас еще и вонь стояла такая, что нам едва удалось вывести ее. А ваша пища (если так можно назвать ту гадость, которую вы ели)... Любой из моих слуг побрезговал бы прикоснуться к ней. Разве все это не правда?

— Правда.

— Так в чем же дело?

— Я предпочитаю свободу.

— Свобода! — Их Милость презрительно фыркнул.— Плод больного воображения. Бессмыслица. Хью, тебе бы следовало заняться семантикой. Современной семантикой, конечно. Вряд ли в ваше время такая наука существовала. Мы все свободны идти предписанными нам путями. Так же, как камень волен падать, когда ты подбрасываешь его в воздух. Никто не свободен в абстрактном смысле этого слова. Может, ты думаешь, что я свободен? Скажем, свободен поменяться с тобой местами, а? А поменялся бы я с тобой, если бы мог? С радостью, клянусь! Ведь ты даже представления не имеешь о том, какие заботы обуревают меня, чем я занят. Иногда я всю ночь лежу, не в силах заснуть, и мучительно раздумываю о том, как мне быть дальше,— а ведь такого в спальнях слуг не бывает. Они счастливы — у них нет забот. А я должен терпеливо нести свое бремя.

Лицо Хью приняло упрямое выражение. Понс подошел к слуге и обнял его за плечи.

— Ладно, давай обсудим это разумно, как два умных человека. Ведь я не отношусь к тем отягощенным предрассудками Избранным, которые считают, что слуга не способен думать, потому что кожа его белого света. А такие есть, ты знаешь. Разве я не уважал всегда твой интеллект?

— Да... уважали.

— Это уже лучше. Тогда позволь мне кое-что объяснить тебе — Джо знает, что,— а ты будешь задавать вопросы, и мы придем к разумному взаимопониманию. Во-первых... Джо, ты ведь видел Избранных повсюду, в том числе Избранных, которых наш друг Хью, несомненно, назвал бы «свободными». Расскажи ему о них.

Джо хмыкнул.

— Хью, если бы ты видел их, то был бы рад, что имеешь счастье жить в имении Понса. Я могу описать их только так: «нищее черное отребье». Совсем как то «нищее белое отребье», которое жило на берегах Миссисипи. Несчастные, которые даже не знают, что будут есть в следующий раз.

— Понимаю.

— Я, кажется, тоже понимаю,— согласился Их Милость.— Очень выразительно. Я предвижу день, когда каждый человек будет иметь слуг. Конечно, это случится не за одну ночь, потребуется долгое время, чтобы прийти к такому. Но мой идеал — когда у каждого Избранного будут слуги, а о слугах будут заботиться так же, как в моем имении. Я для этого делаю все, что в моих силах. Я слежу за тем, чтобы они с рождения и до смерти ни в чем не испытывали недостатка. Им нечего бояться, они живут в абсолютной безопасности, чего нет в горах. Они счастливы, они никогда не работают до седьмого пота — как я, например,— они развлекаются, чего я никак не могу сказать о себе. Эта партия в бридж — первое настоящее развлечение за целый месяц. Моих слуг никогда не наказывают, разве только для того, чтобы вразумить их; да ты и сам знаешь, что в большинстве своем они непроходимо глупы. Не подумай, что я и тебя отношу к этой категории... Нет, я могу честно сказать, что считаю тебя способным руководить другими слугами, несмотря на твой цвет кожи. Я говорю о простых слугах. Честно, Хью, неужели ты считаешь, что они могли бы сами позаботиться о себе так же хорошо, как забочусь о них я?

— Наверное, нет.— Хью уже слышал все это несколько дней назад и почти в тех же самых выражениях от Мемтока, с той лишь разницей, что Понс, похоже, искренне заботился о благополучии слуг, а Главный Управляющий открыто презирал их, даже, пожалуй, еще больше, чем втайне презирал Избранных.— Нет, большинство из них не могло бы позаботиться о себе.

— Ага! Так ты согласен со мной?

— Нет.

Понс был ошеломлен.

— Хью, как же мы можем спорить, если ты сначала говоришь одно, а потом сам себе противоречишь?

— Я не противоречу себе. Я согласен, что вы прекрасно заботитесь о своих слугах. Но я не уверен, что предпочел бы благополучие свободе.

— Но *почему*, Хью? Назови мне настоящую причину, а не отделывайся философскими абстракциями. Если ты несчастлив, то я хочу знать почему. Чтобы я мог исправить положение.

— Одну причину я могу назвать. Мне не дают жить с моей женой и детьми.

— *Что?*

— С Барбарой и близнецами.

— Ах вот оно что! А разве это очень важно? Ведь у тебя есть согревательница постели. Так мне сказал Мемток, и я даже поздравил его с тем, как он ловко справился с необычной ситуацией. От этой старой лисы ничего не ускользает. Так что женщина у тебя есть, причем гораздо более искушенная в постельных делах, чем обычная самка. А что касается близнецов, то ты всегда можешь повидаться с ними. Только прикажи — и тебе их принесут. Когда угодно. Но кто же согласится жить с детьми? Или с женой? Я, например, со своей женой и детьми не живу, клянусь. Правда, иногда вижусь с ними, когда это необходимо. Но разве у нормального мужчины может возникнуть желание делить с ними кров?

— Еще какое!

— Ну, знаешь... Дядя! Я хочу, чтобы ты был по-настоящему счастлив. Это можно устроить.

— *Можно?*

— Конечно. Если бы ты не стал поднимать столько шума из-за оскопления, то уже давным-давно жил бы вместе с ними. Я до сих пор не понимаю, почему ты отказался. Так ты согласен на встречу с ветеринаром?

— Э... нет.

— Тогда есть другая возможность. Я прикажу стерилизовать женщину.

— *Нет!*

Понс вздохнул.

— Тебе трудно угодить. Но будь же рассудителен, Хью. Не могу же я игнорировать научную теорию размножения только ради того, чтобы сделать приятное одному из слуг. Да ты знаешь, сколько слуг в нашей семье? Здесь и во Дворце? Думаю, около тысячи восьмисот. А знаешь, что произойдет, если дать им возможность беспрепятственно размножаться? Через десять лет число их удвоится. А потом они начнут голодать! Естественно, я не в силах содержать такую армию слуг. Да и ни один Избранный не смог бы справиться с ними, если бы они стали размножаться стихийно. Так что же лучше? Контролировать рождаемость? Или пусть голодают?

Их Милость со вздохом добавил:

— Жаль, что ты не на голову ниже. Возможно, тогда мы бы что-нибудь придумали. Ты когда-нибудь был в помещениях жеребцов?

— Да, однажды мы с Мемтоком были там.

— Ты заметил там дверь? Тебе пришлось наклониться, а Мемток прошел не сгибаясь — ведь он тоже когда-то был жеребцом. В любом из бараков для жеребцов по всему миру двери одинаковой высоты. И ни одному слуге, если он выше ростом, не стать никогда жеребцом. Этот закон очень мудр, Хью. Не я устанавливал его. Он был введен давным-давно Их Превосходительством, который правил в те времена. Если бы им позволили рождаться всякими, то процветал бы беспорядок, а это плохо как для слуги, так и для хозяина. Нет, Хью, все имеет свои причины. Так что не проси невозможного.— Он поднялся с дивана, на котором они с Хью разговаривали, и пересел за карточный столик. Взяв колоду, он сказал: — И давай больше не будем говорить на эту тему. Ты умеешь играть в двойной солитер?

— Да.

— Тогда подсаживайся. И давай не будем дуться. А то мужчины обычно расстраиваются, когда им не удается добиться желаемого.

Хью печально раздумывал о том, что Понс ни в коем случае не желает ему зла. Просто он является представителем правящего класса, и этим все сказано. Власть предержащие не любят, когда ставят под сомнение их благие намерения.

Они сыграли партию. Хью проиграл, потому что мысли его витали далеко. Начали вторую, и тут Их Милость заметил:

— Надо бы приказать, чтобы расписали еще одну колоду. А то эта уже поистерлась.

Хью поинтересовался:

— А разве нельзя отпечатать ее, как свиток?

— Интересная мысль. Мне подобное никогда не приходило в голову.— Понс потер пальцами одну из карт XX века.— Эта, во всяком случае, не очень-то похожа на напечатанную. А что, их в самом деле печатали?

— Конечно. Тысячами. Даже, можно сказать, миллионами, учитывая то, что продавались они в огромных количествах.

— Вот как? Никогда бы не подумал, что бридж, для которого необходим острый ум, мог привлечь много людей.

Хью внезапно положил карты.

— Понс! Вы хотели найти способ сделать деньги.

— Да. Хотел.

— Так вот он — у вас в руках. Джо! Давай-ка обсудим это. Сколько колод продавалось в Соединенных Штатах ежегодно?

— Ну, я точно не знаю, Хью. Наверное, миллионы.

— Я тоже так думаю. С прибылью около девяноста процентов. Хм... Понс, а ведь бридж и солитер — не единственные карточные игры. Возможности тут неограниченные. Есть такие же простые игры, как солитер, но в них могут играть два, три или большее количество игроков. Есть игры, в которые может играть дюжина людей одновременно. Есть даже разновидность бриджа — «двойной», как его называют,— более сложная, чем контракт. Понс, почти каждая семья в наше время имела одну, две, а то и дюжину колод. В редком доме не держали карт. Можно примерно подсчитать, сколько колод продавалось. Вероятно, только в Соединенных Штатах в ходу их было около ста миллионов. А перед вами — девственный рынок. Все, что потребуется,— это заинтересовать людей.

— Понс, Хью прав,— подтвердил Джо.— Возможности неограниченные.

Понс поджал губы.

— Если продавать их по бычку за колоду, ну, скажем...

— Слишком дорого,— возразил Джо.— Ты убьешь рынок еще до начала дела.

Хью встрепенулся.

— Джо, помнишь, есть какая-то формула для установления цены, дающей максимальную прибыль?

— Она срабатывала только при полной монополии.

— Да? А как здесь насчет этого? Партнеры, авторское право и все такое прочее? В тех свитках, что я читал, об этом ничего не было сказано.

— Хью, Избранные не имеют такой системы,— ответил Джо,— она им не нужна. Все прекрасно разработано, динамика в экономике незначительная.

— Это плохо,— сказал Хью.— Не пройдет и двух недель, как рынок переполнится подделками.

Понс встал.

— Что за белиберда! Говорите на Языке.— Беседа между Джо и Хью незаметно для них перешла на английский, поскольку в Речи отсутствовали соответствующие понятия.

— Прошу прощения, Понс,— извинился Джо и вкратце объяснил ему, что подразумевается под патентом, авторским правом и монополией.

Понс облегченно вздохнул.

— О, это очень просто. Когда на человека снисходит Вдохновение Небес, Лорд-Владетель запрещает кому бы то ни было другому пользоваться этим без разрешения. Но такое случается редко. На моей памяти было всего дважды. Но, во всяком случае, было.

Хью не удивился, узнав, как редко случаются здесь изобретения.

Эта культура была статична, а так называемой «наукой» занимались в основном оскопленные рабы. Поскольку получение патента на новую идею целиком зависело от воли Их Превосходительства, то и инициатива в этом направлении была редка.

— Значит, вы заявите, что эта идея — Вдохновение Небес?

Понс немного подумал и ответил:

— Вдохновение — это то, что Их Милосердие в Их Мудрости признает таковым.— Он вдруг улыбнулся.— На мой взгляд, все, что пополняет закрома семьи бычками, является Вдохновением. Проблема в том, чтобы Владетель думал так же. Но это можно устроить. Продолжайте.

— Хью,— сказал Джо,— охраняться должны будут не только игральные карты, но и игры вообще.

— Конечно. Если не будут покупать карты Их Милости, то пусть и не играют в них вовсе. Разумеется, трудно гарантировать, что кто-нибудь не попытается подделать колоду карт, но монополия сделает это противозаконным.

— Необходимо будет пресекать не только подделку наших карт, но и появление любой другой их разновидности. Ведь в бридж, например, можно играть картами, на которых проставлены одни номера.

— Да,— отозвался Хью.— Джо, у нас в убежище где-то была коробка со скрэбблом...

— Она здесь. Ученые Понса спасли все, Хью. Я понимаю, к чему ты клонишь, но здесь не смогут играть в скрэббл, потому что никто не знает английского.

— А что мешает нам изобрести скрэббл заново — но уже на Языке? Стоит мне только посадить мой штат за частотные исследования Языка, и я очень скоро смогу изготовить скрэббл — и доску, и фишки, и правила, но уже на Языке.

— Что такое, во имя Дяди, этот ваш скрэббл?

— Игра, Понс. Очень хорошая. Но главное то, что за нее можно просить гораздо больше, чем за колоду карт.

— И это еще не все,— сказал Хью. Он начал загибать пальцы.—Домино, анаграммы, покерные фишки, мозаики или джигсо, но с объяснением... кстати, ты их здесь видел?

— Нет.

— Они годятся для любого возраста. Бывают самых разных степеней сложности. Жестянщик. Кости. Существует множество игр с костями. Джо, здесь есть казино?

— Своего рода. Есть места для игр, и многие играют дома.

— Рулетки?

— Не думаю.

— Тогда страшно подумать, что мы можем сделать. Понс, складывается впечатление, что отныне вы все ночи будете проводить, подсчитывая барыши.

— Для этого есть слуги. Я только хотел бы знать, о чем вы говорите. Будет ли позволено спросить?

— Простите, сэр. Джо и я говорили о древних играх... и не только об играх, но и о всякого рода развлечениях, которые раньше были в большом ходу, а сейчас оказались забытыми. Так я, по крайней мере, думаю. А ты, Джо?

— Единственная знакомая игра, которую я встречал здесь,— это шахматы.

— Не удивительно, что они сохранились. Понс, дело в том, что любая из этих игр может приносить деньги. Конечно, у вас есть игры. Но эти будут экзотическим новшеством, хотя они и очень старые. Пинг-понг... Стрельба из лука! Кегельбаны! Джо, у них есть все это?

— Нет.

— Бильярд... Ладно, хватит. Мы и так уже перечислили достаточно. Понс, значит, сейчас самое важное — добиться покровительства Их Милосердия, которое должно распространяться на все игры; и я, кажется, придумал, как выдать это за вдохновение свыше. Это было чудом.

— Что? Ерунда. Я не верю в чудеса.

— А вам и не надо верить. Смотрите сами: нас обнаружили на земле, принадлежащей лично Владетелю,— а нашли нас вы, Лорд-Хранитель этой земли. Разве это не выглядит так, что сам Дядя хотел, чтобы о нашем существовании стало известно Владетелю? И чтобы вы, как Лорд-Хранитель, сохранили найденное имущество и достойно им распорядились?

Понс улыбнулся:

— Могут найтись охотники оспорить такое толкование событий. Но ведь не вскипятишь воды, не истопив печку, как говорила моя тетушка.— Он встал.— Хью, я хочу посмотреть на этот самый скрэббл. И как можно скорее. Джо, мы выберем время, чтобы ты объяснил нам все остальное. Мы отпускаем вас обоих. Все.

Киска уже спала, когда вернулся Хью. В кулачке у нее была зажата записка.

«Милый, как чудесно было увидеть тебя! Жду не дождусь, когда же Их Милость снова позовет нас играть в бридж! Он просто душка! Пусть даже и проявил недомыслие кое в чем. Но он исправил свою ошибку, а это черта настоящего джентльмена.

Я так возбуждена тем, что повидалась с тобой, что едва могу писать. А ведь Киска ждет записку, чтобы отнести ее тебе.

Близнецы посылают тебе свои слюнявые поцелуи. Люблю, люблю, люблю!

Твоя, и только твоя, Б.».

Хью читал записку Барбары со смешанным чувством. Он разделял ее радость по поводу воссоединения, хотя оно и было довольно непродолжительным, и тоже с нетерпением ждал того времени, когда Понс для своего удовольствия позволит им побыть вместе. Что же касается всего остального... Лучше постараться вытащить ее отсюда до того, как она начнет мыслить категориями обыкновенной рабыни. Конечно, в какой-то степени Понс был джентльменом. Он сознавал свои обязанности, был великодушен и щедр по отношению к своим подданным. В общем, джентльмен по меркам этой эпохи.

Но он же был и проклятым сукиным сыном! И Барбаре не следовало бы так охотно закрывать на это глаза. Игнорировать этот факт — да, тут уж никуда не денешься. Но не забывать.

Он должен освободить ее.

Но как?

Хью улегся в постель. Промаявшись около часа, он поднялся, перебрался в гостиную и встал у окна. За темным покровом ночи он различил еще более темные очертания гор.

Где-то там жили свободные люди.

Он мог разбить окно и уйти в горы, затеряться там до рассвета и заняться поиском этих людей. Ему даже не потребовалось бы разбивать окно — можно было просто проскользнуть мимо дремлющего привратника или воспользоваться данной ему властью, олицетворяемой хлыстом, и пройти, невзирая на стражу. Никаких особых мер, чтобы помешать слугам удрать, не предпринималось. Стража содержалась скорее для того, чтобы предотвратить проникновение извне. Большинство слуг и не подумало бы бежать.

Единственная серьезная опасность, которая подстерегала его,— это собаки. Правда, если потребуется, он сможет убить собаку голыми руками. *Но как бежать, когда на руках двое грудных детей?*

Он взял бутылку, налил себе порцию Счастья, выпил ее и вернулся в постель.

Глава шестнадцатая

В течение многих дней Хью занимался тем, что перерабатывал скрэббл, переводил хойловское «Полное собрание игр», диктуя заодно правила и описания игр и развлечений, которых не было у Хойла (пинг-понг, гольф, катание на водных лыжах), и часто встречался с Понсом и Джо — за игрой в бридж.

Последнее было самым приятным. С помощью Джо он научил играть нескольких Избранных, но чаще всего они играли вчетвером: Хью, Понс, Джо и Барбара. Понс отдавался игре с энтузиазмом новообращенного. Он старался отдавать игре каждую свободную минуту, причем предпочитал, чтобы состав игроков был постоянный — все те же четверо.

Хью казалось, что Понс искренне симпатизирует Барбаре, равно как и коту, которого он звал «Даклистон». Понс распространил на котов обращение как с равными, и Док или любой другой его сородич всегда мог запросто вспрыгнуть к нему на колени, даже если Понс в это время торговался. То же добродушно-покровительственное отношение проявлялось и к Барбаре. Узнав ее поближе,

он стал называть ее не иначе как «Барба» или «деточка». И уже никогда больше не обращался к ней как к неодушевленному предмету, нарушая тем самым предписания правил Языка. Барбара, в свою очередь, называла его «Понс» или «дядюшка» и явно испытывала удовольствие от общения с ним.

Иногда Понс оставлял Хью и Барбару наедине, а однажды — на целых двадцать минут. Минуты, проводимые вдвоем, были для них настолько бесценными, что они не рисковали искушать судьбу и довольствовались всего лишь легким пожатием рук.

Если подходило время кормления, Барбара говорила об этом, и Понс отдавал распоряжение принести детей. Как-то раз он сам приказал доставить их, заявив, что не виделся с ними целую неделю и хотел бы посмотреть, сильно ли они подросли. Поэтому игру пришлось отложить до тех пор, пока «дядюшка» не навозился с малышами всласть на ковре, развлекая их разными забавными звуками.

Когда ребятишек унесли, Понс сказал Барбаре:

— Детка, они растут, как сахарный тростник. Надеюсь, мне доведется увидеть их взрослыми.

— Дядюшка, вам еще жить да жить!

— Возможно. Я пережил уже, наверное, с дюжину пробователей пищи, но предотвратить смерть от старости они не в состоянии. А из наших мальчиков вполне могут получиться прекрасные лакеи. Я так и вижу их подающими блюда на банкете во Дворце — в Резиденции, конечно, а не в этой хибаре. Кто сдает?

Несколько раз Хью мельком видел Грейс. Если он появлялся в покоях Понса, когда она там находилась, Грейс немедленно удалялась с выражением крайнего недовольства на лице. Если же Барбара приходила раньше Хью, то он вообще уже не заставал Грейс. Было ясно, что его бывшая жена в апартаментах Их Милости чувствует себя как дома, очевидным было и то, что она по-прежнему не переносит Барбару, а заодно и Хью. Однако она ни разу не пыталась выразить свою неприязнь в активной форме, видимо научившись не поступать вопреки воле хозяина.

Теперь Грейс официально имела статус согревательницы постели Их Милости. Хью узнал об этом от Киски. Прислуга всегда

знала, у себя ли Лорд, по тому, где была Грейс — наверху или внизу. Других занятий она не имела, и никто, даже Мемток, не имел права наказывать ее. Кроме всего прочего, каждый раз, когда Хью видел ее, она была роскошно одета и увешана драгоценностями.

Грейс очень растолстела — настолько, что Хью испытывал облегчение оттого, что теперь даже формально не обязан делить с ней ложе. Но вообще-то все согревательницы постели, на его вкус, были слишком полными. Даже Киска. По меркам двадцатого века девушка ее габаритов уже вполне могла садиться на диету. Киска же очень огорчалась, что никак не может пополнеть еще, и все спрашивала Хью, не разонравилась ли она ему из-за этого. Правда, она была совсем юной, и чрезмерная пышность ее форм не казалась уродливой.

Совсем другое дело — полнота Грейс. Где-то в этой расплывшейся туше скрывалась прелестная девушка, бывшая когда-то его женой. Он старался не размышлять на эту тему и не понимал, как нынешняя Грейс может нравиться Понсу — если, конечно, она ему нравилась. По правде говоря, Хью допускал, что официальное положение согревательницы постели не обязывало к оказанию прочих услуг. Ведь Понсу было более ста лет от роду. Был ли он еще в состоянии иметь дело с женщинами? Хью этого не знал, да и мало интересовался. На вид Понсу можно было дать лет шестьдесят, причем он казался исполненным сил и бодрости. Но Хью все же склонялся к мысли, что Грейс выполняла достаточно скромные функции.

Если он к судьбе Грейс стал равнодушен, то Дьюка она весьма волновала. Как-то раз сын ворвался к нему в кабинет и потребовал разговора с глаза на глаз. Хью отвел его в свою комнату. Они не виделись уже с месяц. Дьюк регулярно посылал переводы, поэтому не было острой необходимости встречаться.

Хью попытался сделать встречу теплой.

— Садись, Дьюк. Хочешь немного Счастья?

— Нет уж! Спасибо. Что такое я слышал насчет матери!..

— И что же ты слышал? (О боже! Опять начинается...)

— Ты чертовски хорошо знаешь, о чем идет речь!

— Боюсь, что нет.

Хью все-таки заставил его сказать все открытым текстом. Дьюк располагал всеми фактами, но, что больше всего удивило Хью, узнал их только что. Поскольку более четырехсот слуг были отлично осведомлены о том, что одна из дикарок — не та высокая и худая, а другая — проводила в покоях Их Милости гораздо больше времени, чем в помещениях для прислуги, то казалось странным, что Дьюку понадобилось столько времени, чтобы узнать об этом. Впрочем, у Дьюка было мало общего с другими слугами, да и сам он не пользовался особой популярностью,— Мемток называл его «возмутителем спокойствия».

Хью не стал ни отрицать, ни подтверждать то, что выложил ему сын.

— Так что же? — требовательно спросил Дьюк.— Что ты собираешься предпринять?

— Ты о чем, Дьюк? Ты хочешь, чтобы я прекратил все эти сплетни среди слуг?

— Я не о том! Ты что же, собираешься вот так спокойно сидеть здесь сложа руки, в то время как твою жену насилуют?

— Не исключено. Ты приходишь ко мне с какими-то слухами, которые дошли до тебя от старшего помощника младшего дворника, и требуешь от меня действий. Прежде всего я хотел бы знать, почему ты даже не усомнился в правдивости этих слухов? И потом, почему ты с такой уверенностью говоришь об изнасиловании? В-третьих, каких поступков ты ждешь от меня? В-четвертых, как ты представляешь себе мои возможности вмешиваться в судьбу Грейс? Подумай над моими вопросами и постарайся быть рассудительным. А затем мы с тобой поговорим о том, чего я не могу и что могу.

— Не увиливай!

— Я не увиливаю. Дьюк, ты получил дорогостоящее образование юриста — я знаю, ведь это я платил за твое обучение. И ты сам много раз повторял выражение «волею обстоятельств». Так примени теперь свое образование. Расположим вопросы по порядку. Почему ты думаешь, что эти слухи — правда?

— Ну... они дошли до меня... и я их проверил. Все это знают.

— Вот как? Но ведь раньше все знали, что земля плоская. Однако это оказалось совсем не так. Согласись.

— Но я же говорю тебе! Мама назначена согревательницей постели этого ублюдка.

— Кто тебе сказал?

— Да все говорят!

— А ты спрашивал у начальницы прислуги?

— Что я, с ума сошел, что ли?

—Будем считать этот вопрос риторическим. Нам известно только то, что Грейс назначена прислуживать наверху. Обязанности ее могут быть самыми разными: прислуживать Их Милости, знатным дамам или еще что-нибудь. Хочешь, устрою тебе свидание с начальницей, чтобы ты сам смог узнать у нее, чем занимается наверху твоя мать?

— Нет уж, сам спрашивай.

— Не буду. Я уверен, что Грейс не потерпит вмешательства в свои дела. Допустим, мы выясним, что она, как ты подозреваешь, действительно согревательница постели Их Милости. Но при чем здесь изнасилование?

Дьюк был удивлен.

— Знаешь, такого я не ожидал даже от тебя. Сидеть тут и заявлять, не моргнув глазом, что мама может согласиться на такое *добровольно*.

— Но я же не сказал, что она что-то там такое делает. Это ты сказал. Ведь помимо твоих слов о том, что она назначена согревательницей постели, мне ничего не известно. А ты располагаешь лишь слухами. Даже если они не беспочвенны, мы не можем утверждать, что Грейс непременно побывала в его постели — добровольно или нет. До меня никакие сведения на сей счет не доходили. Только твои грязные измышления. Возможно, ты отчасти и прав, но опять же нет никаких оснований полагать, что имело место нечто большее, чем совместный сон. Я и сам не раз делил ложе с особами женского пола, и в этом не было криминала. Даже допуская мысль о возможных интимных отношениях между ними — опять же, заметь, твое предположение,— я искренне сомневаюсь, что Их Милость хоть раз в жизни изнасиловал какую-нибудь женщину. Не забывай и о его возрасте.

— Чушь! Ни один черный ублюдок не упустит случая опоганить белую женщину!

— Дьюк! Это то, что ты говоришь,— ядовитая безумная чушь! Ты заставляешь меня заподозрить, что ты и вправду сошел с ума.

— Я...

— Молчать! Ты прекрасно знаешь, что Джозеф много раз имел возможность изнасиловать любую из трех белых женщин на протяжении долгих десяти месяцев. Ты прекрасно знаешь и то, что его поведение было превыше всяческих похвал.

— Ну... у него просто не было случая.

— Я уже сказал тебе: прекрати молоть вздор. Возможностей у него было предостаточно. Хотя бы в то время, когда ты был на охоте. В любой день. Ведь он оставался наедине с каждой из них множество раз. Так что перестань оскорблять Джозефа. Мне просто стыдно за тебя.

— А мне — за тебя. Ты — зажиревший кот черномазого короля.

— И прекрасно. Значит, нам обоюдно стыдно друг за друга. Если тебе не нравится быть зажиревшим котом, можешь отправляться мыть посуду или делать, что прикажут. Я в твоих услугах не нуждаюсь.

— Мне все равно.

— Тогда, будь добр, сообщи мне, когда тебе надоест твоя сытая жизнь. Правда, это будет стоить тебе собственной комнаты, но ведь отдельная комната — привилегия зажиревших котов. Впрочем ладно. Я, кажется, вижу только одну возможность узнать истинное состояние дел. Нужно спросить самого Лорда-Протектора.

— Наконец-то я услышал от тебя нечто разумное! Отлично!

— Только спрашивать буду не я. Ведь я же не подозреваю его в изнасиловании. Спроси сам. Повидайся с Главным Управляющим. Он выслушает любого из слуг, пожелавшего обратиться к нему — на страх и риск слуги, конечно. Но я не думаю, что он без достаточно веского повода будет наказывать кого-либо из моего департамента, ведь у меня есть кое-какие привилегии зажиревшего кота. Вот и скажи ему, что ты хочешь встретиться с Лордом-Протектором. Думаю, больше ничего и не понадобится. Разве что подождать неделю или две. Если Мемток откажет тебе, дай мне знать. Я уверен, что смогу добиться от него этой аудиенции. А потом, когда предстанешь перед Лордом-Протектором, просто спроси его, напрямую.

— И мне солгут в глаза. Да я задушу эту черную обезьяну, как только увижу ее!

Мистер Фарнхэм вздохнул.

— Дьюк, у меня просто в голове не укладывается, что один человек может заблуждаться в таком множестве вещей. Если тебя удостоят аудиенции, то рядом с тобой будет Мемток. Со своим хлыстом. Лорд-Протектор будет на расстоянии футов пятидесяти от тебя. К тому же хлыст, который висит у него на поясе,— не обычная игрушка-погонялка, а смертоносное оружие. Старик — тертый жизнью калач, и убить его не так-то просто.

— Ничего, я попробую!

— С таким же успехом кузнечик может попытаться напасть на газонокосилку. Можно восхищаться его отвагой, но не его рассудительностью. Ты также ошибаешься и в том, что считаешь Их Милость способным солгать тебе. Если он действительно сделал то, что ты предполагаешь,— то есть силой заставил твою мать отдаться,— он ничуть не постыдится этого, равно как и не постыдится дать тебе честный ответ. Дьюк, пойми, он также не станет лгать слуге, как и не подумает, например, уступить тебе дорогу. К тому же... а своей матери ты поверишь?

— Конечно, поверю.

— Тогда попроси Лорда-Протектора дать тебе возможность встретиться с ней. Я почти уверен, что он не откажет и разрешит тебе свидание на несколько минут — естественно, в его присутствии. Правила гарема он может нарушить — только когда сам пожелает. Если у тебя хватит смелости заявить ему, что ты хочешь услышать подтверждение своим подозрениям, думаю, что он будет удивлен. Но потом, скорее всего, рассмеется и согласится. На мой взгляд, это единственная для тебя возможность увидеть мать и убедиться, что она в безопасности и хорошо устроена. Другого способа встретиться с ней нет. Полагаю, у тебя есть надежда: твое дело столь необычно, что может потешить Понса комизмом, как ему представляется, столь смехотворной проблемы.

Дьюк был озадачен.

— Слушай, а какого черта ты сам его не спросишь? Ведь ты видишься с ним почти каждый день. По крайней мере, я слышал такое.

— Я? Да, мы встречаемся довольно часто. Но спрашивать его об изнасиловании... Ты ведь это имеешь в виду?

— Да, если ты предпочитаешь такое выражение.

— Я ни в коей мере не подозреваю Их Милость в насилии и не собираюсь служить выразителем твоих грязных подозрений. Если нужно спросить, то имей смелость сделать это сам.— Хью поднялся.— Мы потеряли уже уйму времени. Так что или принимайся за работу, или иди и повидайся с Мемтоком.

— Я еще не кончил.

— Нет, кончил. Это приказ, а не предложение.

— Если ты думаешь, что я боюсь хлыста...

— Господи, Дьюк, не стану же я наказывать тебя сам! Если ты доведешь меня, я попрошу Мемтока проучить тебя. Говорят, он крупный специалист. А теперь выметайся. Ты отнял у меня полдня.

Дьюк ушел. Хью некоторое время пытался собраться с мыслями.

Стычки с Дьюком всегда выводили его из себя, даже когда тот был еще двенадцатилетним мальчишкой. Но его беспокоило и кое-что еще. Он использовал все свои возможности убедить сына отказаться от избранного им пути. Его абсолютно не волновало то, что составляло основной предмет беспокойства для Дьюка. Что бы ни случилось с Грейс, он был уверен, что изнасилование как таковое не имело места.

Дьюк, с жалостью отметил Хью, не осознал древнего Закона Побежденных, гласившего, что их женщины в конце концов сдаются победителям — добровольно.

Подчинилась его бывшая жена или нет — было вопросом скорее академическим. Он сильно подозревал, что у нее ни разу не появилось такой возможности. В любом случае она, очевидно, была довольна своей судьбой — чисто по-обывательски. Но жизнь Грейс ни в коей мере не беспокоила его. Он честно старался исполнить свой долг по отношению к ней, она сама отдалилась от него. Ему только не хотелось бы, чтобы Барбаре когда-нибудь пришлось испытать на себе гнет безысходности, который способен был превратить — и превращал на всем протяжении истории — женщину в добровольную наложницу. Он любил ее, но не строил никаких

иллюзий по поводу того, что она, обычный человек из плоти и крови, окажется ангелом. Даже гордые сабинянки не выдержали выпавшего на их долю испытания и сдались. «Лучше смерть, чем бесчестье» — этот лозунг никогда не был слишком популярным. В реальности предпочитался компромисс с гордостью, подчас счастливый.

Он достал бутыль Счастья, посмотрел на нее... и поставил на место. Нет, он никогда не будет решать своих проблем таким способом.

Хью не пытался узнать, виделся ли Дьюк с Мемтоком. Он вернулся к своей бесконечной работе, одержимый намерением умаслить Их Милость любым доступным способом, будь то бридж, прибыльные идеи или просто переводы. Он больше не надеялся на то, что босс позволит ему взять к себе Барбару и близнецов. В этом вопросе старый Понс был тверд, как камень. Но быть в фаворе все равно было полезно, даже необходимо, что бы ни случилось. Кроме того, расположение «дядюшки» позволяло Хью хоть изредка видеться с Барбарой.

Он ни на миг не забывал о возможности побега. По мере того как лето подходило к концу, он все больше укреплялся в мысли, что бежать в этом году — всем четверым, да еще с грудными младенцами на руках — невозможно. Вскоре все хозяйство переедет обратно в город, а он понимал, что единственный шанс удачного побега — это бегство в горы. Ничего... Пусть еще год, пусть два и даже больше. Может быть, лучше подождать до тех пор, пока мальчики научатся ходить. Даже и тогда побег будет более чем труден, а с грудными детьми на руках он вообще немыслим. Но, несмотря на отдаленную перспективу, нужно, когда их еще раз хотя бы на минуту оставят одних, поделиться идеей бегства с Барбарой, чтобы она не вешала носа и ждала.

Хью не осмелился написать ей это. Даже если Джо и не выдаст его, Понс, попади ему в руки записка, сможет получить ее перевод, ведь где-то были ученые, знающие английский язык. А Грейс? Он надеялся, что она не будет мстить, но угадать было трудно. Возможно, Понс все знал об этой переписке, каждый день получал переводы записок, смеялся над ними и не обращал на них внимания.

А что, если разработать код? Что-нибудь вроде первого слова в первой строчке, второго во второй и так далее. Можно рискнуть.

К тому же Хью сообразил, что у них есть еще одно преимущество, которое может здорово помочь им. Беглецы редко достигали своей цели просто потому, что их выдавала внешность. Белую кожу еще можно было загримировать, но слуги на много дюймов ниже и на несколько фунтов легче, чем Избранные.

И Барбара, и Хью были высокого роста. В этом отношении они вполне могли сойти за Избранных. Черты лица? У Избранных лица отличались значительным разнообразием. Индусские черты смешивались с негроидными и многими другими. Проблему представляла его лысая голова. Значит, придется украсть парик. Или сделать его. Если у них будет краденая одежда, припасенная пища, хоть какое-нибудь оружие (да сами две его руки чего-то стоят) и грим, они вполне могут сойти за «нищее черное отребье» и отправиться в путь.

Если только он не окажется слишком длинным. Если их не настигнут собаки. Если они по неведению не допустят какого-нибудь дурацкого ляпсуса.

Но слуги, которых сразу выдает телосложение, не имеют право выходить за пределы имения, фермы или ранчо без пропуска, полученного от повелителя.

Возможно, ему удастся увидеть такой пропуск и даже подделать его. Нет, ни он, ни Барбара не могли открыто путешествовать по поддельному пропуску по той же причине, которая позволяла ему надеяться сойти за Избранных: для обычных слуг у них были слишком крупные габариты и их сразу же задержали бы.

Чем больше Хью размышлял, тем больше приходил к мысли, что побег следует отложить, по крайней мере до следующего лета.

Если бы только они оказались среди слуг, которых отберут для поездки в Летний Дворец на будущий год... Если бы они все четверо оказались... Об этом-то он и не подумал! Господи Иисусе! Да ведь их маленькая семья может больше никогда не собраться под этой крышей. И возможно, из-за этого им придется бежать сейчас, в тот короткий промежуток времени, который их отделял от переезда. Бежать, несмотря на собак, на медведей, на этих злобных

мелких леопардов... бежать, да еще с двумя младенцами на руках. Боже! Было ли у какого-либо мужчины меньше шансов спасти свою семью?

Да. У него самого... когда он строил убежище.

Подготовиться, насколько это возможно... и молить о чуде.

Хью начал припасать еду из тех блюд, которые ему приносили в комнату,— то, что можно было хранить. Он стал присматривать, где-бы украсть нож или что-нибудь, из чего можно его изготовить. Все свои приготовления он тщательно скрывал от Киски.

Гораздо раньше, чем он ожидал, ему удалось достать грим. Наступил праздник, что означало оргию слуг в Большом зале. где рекой лилось Счастье. В этот день силами слуг устраивались маленькие костюмированные представления. Хью выпало играть комическую роль Лорда-Протектора в небольшой веселой пьесе. Он не колеблясь согласился, ибо сам Мемток отметил, что комплекция делает его самой подходящей кандидатурой на эту роль. Хью опробовал свои актерские данные, помахав жезлом в три раза большим, чем тот, который носил Их Милость.

Представление имело успех. Хью заметил, что Понс наблюдает за его игрой с балкончика, где они с Мемтоком как-то наблюдали за раздачей Счастья слугам. Понс смотрел и смеялся. Хью, войдя в роль Повелителя, рявкнул:

— Эй, там, на балконе! Потише! Мемток, а ну-ка всыпь как следует этому насмешнику.

Тут Их Милость расхохотался пуще прежнего, а слуги чуть ли не покатились по полу от восторга. На следующий день, за бриджем, Понс похлопал Хью по плечу и объявил, что лучшего Лорда Чепухи он еще не видывал.

В результате успешно проведенной операции были добыты: пакетик краски, которую достаточно было смешать с обыкновенным кремом, чтобы получить отличный темный грим, и парик, который скрывал его лысый череп под копной черных волнистых волос. Это был не тот парик, в котором он играл,— тот он вернул Главному Управляющему, даже предложив Мемтоку примерить его на себя. Нет, этот парик он выбрал из нескольких, из года в год накапливающихся в костюмерной после представлений. Хью при-

мерил его, бросил, поддав ногой, а затем украдкой подобрал и сунул под балахон, где и держал несколько дней, не зная, хватятся его или нет. Когда стало ясно, что пропажа осталась незамеченной, он спрятал парик под столиком в рабочем кабинете, задержавшись вечером немного дольше своих помощников.

Он продолжал подыскивать что-нибудь, из чего можно было выточить нож.

После разговора с сыном прошло уже три недели, и за это время они ни разу не встречались. Иногда от Дьюка поступали переводы, иногда день или два ничего не было. Хью прощал ему эти перерывы. Но когда прошла целая неделя, а от него не поступило ни одной статьи, Хью решил проверить.

Он подошел к комнате, которая была одной из «привилегий» Дьюка как «исследователя истории», и, постучав в дверь, не получил ответа.

Он постучал еще и решил, что Дьюк или спит, или отсутствует. Тогда он приоткрыл дверь и заглянул внутрь.

Дьюк не спал, но, похоже, витал в совершенно ином мире. Он растянулся на постели совершенно голый, пребывая в самом сильном опьянении Счастьем, какое Хью когда-нибудь приходилось видеть.

Когда дверь открылась, Дьюк поднял голову, глупо хихикнул, взмахнул рукой и пробормотал:

— Приэтт, старый мшенник! Кээк тыи ддзелла?

Хью приблизился к нему, чтобы получше рассмотреть то, что, как он сначала подумал, ему просто показалось. Когда он убедился, что глаза его не обманывают, его чуть не стошнило.

— Сынок! Сынок!

— Все ноешш, Хьюги? Старый пдлюга Хью, выжжига чертоф!

Судорожно сглатывая, Хью попятился и чуть не налетел спиной на Главного Ветеринара. Хирург улыбнулся и спросил:

— Пришли навестить моего пациента? Сейчас он вряд ли в этом нуждается.— Пробормотав извинения, он проскользнул мимо Хью, подошел к кровати и поднял Дьюку веко. Затем проверил его пульс, послушал дыхание и шутливо похвалил: — Дела

идут отлично, кузен. Давай-ка примем еще процедурку, и можно будет посылать тебе вкусный обед. Как ты насчет этого?

— Ааатлично, док! Заммчательно! Я ття увжаю! Оччень увжаю!

Ветеринар покрутил циферблат на каком-то маленьком приборчике, прижал к бедру Дьюка и подержал немного. Уходя, он улыбнулся Хью.

— Практически здоров. Еще несколько часов он пробудет в забытьи, затем проснется голодным и даже не заметит, сколько прошло времени. Тогда мы покормим его и дадим еще порцию. Прекрасный пациент! Никакого беспокойства. Он даже не знает, что случилось. А когда поймет, не будет ничего иметь против.

— *Кто приказал сделать это?*

Хирург был явно удивлен.

— Конечно, Главный Управляющий. А что?

— Почему мне не сообщили?

— Не знаю. Лучше спросить его самого. Для меня это вполне обычный приказ. Рутинная работа — ничего особенного. Сонный порошок в ужине, затем ночью — операция. Послеоперационный уход и обычно большие дозы транквилизаторов. Некоторые из пациентов первое время немного нервничают, поэтому мы все делаем в соответствии с индивидуальностью пациента. Но, сами видите, он воспринял все исключительно легко, будто ему удалили зуб. Кстати, все забываю спросить: как тот мост, который я вам поставил? Довольны?

— Что? Ах да... доволен. Но это не важно. Я хочу знать...

— С вашего позволения, лучше поговорите с Главным Управляющим. Теперь, если вы не возражаете, я осмелюсь покинуть вас, так как спешу к больному. Я заглянул убедиться, что с пациентом все в порядке.

Хью вернулся к себе, и тут его вырвало. Вымывшись, он отправился разыскивать Мемтока.

Мемток принял его в своем кабинете незамедлительно и пригласил садиться. Хью постепенно стал считать Главного Управляющего если и не другом, то, по крайней мере, приятелем. Мемток в последнее время часто захаживал к нему по вечерам.

Несмотря на то что он был просто старшим слугой, в близком общении он проявил себя по-своему эрудированным человеком, наделенным недюжинными способностями и острым умом.

Создавалось впечатление, что Мемток страдает от одиночества, бывшего сродни одиночеству капитана судна, и что ему доставляет удовольствие расслабиться где-то и насладиться приятельской беседой.

Поскольку другие старшие слуги были скорее подчеркнуто вежливы со Старшим Исследователем, нежели дружелюбны, Хью также тяготился своим одиночеством и поэтому всегда был рад Мемтоку. До сегодняшнего...

Он прямо, не вдаваясь в формальности, объяснил Мемтоку, с чем он к нему пришел.

— Почему вы приказали сделать это?

Мемток был обескуражен, явно недоумевал.

— Что за вопрос? Что за неприличный вопрос? Конечно, потому, что таков был приказ Лорда-Хранителя.

— Он отдал такой приказ?

— Дорогой кузен! Оскопление никогда не делается без распоряжения Лорда. Конечно, иногда я рекомендую ему это. Но приказ о непосредственном исполнении должен исходить только от него. Однако, уж коль зашла речь, могу заверить, что подобной рекомендации я не давал. Мне просто был отдан приказ, и я его исполнил.

— Но мой-то голос должен учитываться! Ведь он работает в моем департаменте!

— О, но его перевели еще до того, как оскопление было сделано. Иначе я бы не преминул известить тебя. Приличия, приличия — вот что главное в жизни. Я всегда строго контролирую своих подчиненных. Но зато и сам никогда не подвожу их. Иначе хозяйство вести нельзя. Честность прежде всего.

— Но мне не было сообщено, что он переведен. Разве это не называется «подвести»?

— Как же, как же? Обязательно известили,— Главный Управляющий взглянул на множество отделений с различными бумагами на своем столе и вытащил из одного записку.— Вот она.

Хью стал читать:

«СЛУЖЕБНЫЕ ОБЯЗАННОСТИ — ИЗМЕНЕНИЕ — ОДИН СЛУГА, ПОЛ — МУЖСКОЙ (дикарь, обнаруженный и принятый в семью, известный под кличкой «Дьюк»). Описание...— Хью опустил его.— ...освобождается от своих обязанностей по Департаменту Истории и переводится на личную службу Их Милости. Приказ вступает в силу немедленно. Местопребывание и питание: прежнее, до дальнейших распоряжений...».

— Но я не видел этой бумаги!

— Это моя архивная копия. А тебе послан оригинал,— Мемток указал на левый нижний угол листка.— Вот подпись твоего заместителя в получении. Всегда приятно, когда подчиненные умеют читать и писать. Меньше беспорядка. Например, болвану Главному Хранителю Угодий можно вдалбливать что-либо до хрипоты, а потом старый козел будет утверждать, что слышал совсем не то. Даже хлыст улучшает его память всего на один день. Весьма прискорбно. Нельзя же, в самом деле, вечно наказывать одного из старых слуг,— Мемток вздохнул.— Я бы порекомендовал Их Милости сменить его, если бы помощник не был еще глупее.

— Мемток, я никогда не видел такой записки.

— Возможно. Но она была направлена к тебе в Департамент, и твой заместитель расписался в получении. Поищи у себя в кабинете. Ручаюсь, что ты найдешь ее. Или ты хочешь, чтобы я пощекотал твоего помощника? Буду только рад.

— Нет-нет.

Мемток, скорее всего, был прав, и приказ, наверное, лежал у него на столе непрочитанным. Департамент Хью разросся — теперь в нем было две или три дюжины человек. Создавалось впечатление, что количество их растет с каждым днем. Большинство сотрудников были абсолютными бездарями. Они только отнимали у него драгоценное время. Хью уже давно распорядился, чтобы его не беспокоили по пустякам. Распоряжение это он отдал своему заместителю — честному, довольно грамотному клерку. Иначе Хью вообще не смог бы заниматься переводами. Здесь

вступал в действие закон Паркинсона. Клерк, выполняя его приказ, полностью взял на себя все бумажные дела. Примерно раз в неделю Хью быстро пробегал глазами поступившую за этот период корреспонденцию и отдавал ее заместителю, чтобы тот подшил ее в архив, сжег или поступил по своему разумению с этими бесполезными бумажками.

Возможно, приказ о переводе Дьюка валялся сейчас среди непрочитанных бумаг. Если бы только он наткнулся на него раньше... Слишком поздно, слишком поздно! Хью сгорбился в кресле и закрыл лицо руками. Слишком поздно! Ох, сынок мой, сынок!..

Мемток почти ласково коснулся его плеча.

— Кузен, ну возьми же себя в руки. Ведь твои привилегии не были ущемлены, правда? Сам видишь, что это так!

— Да-да. Я понимаю,— промямлил Хью, не отрывая рук от лица.

— Тогда отчего же ты так переживаешь?

— Он был... он мой... мой сын.

— Он? Что же ты ведешь себя так, словно он твой племянник? — Мемток воспользовался специфическим словом, обозначающим «старший сын старшей сестры», и был искренне озадачен странной реакцией дикаря. Он еще мог бы понять заботу матери о сыне — о старшем сыне, по крайней мере. Но отец? Дядя! Да у Мемтока — он был уверен в этом — тоже были сыновья среди слуг. Начальница прислуги называла его даже «Мемток — малый не промах». Но он не знал своих детей и даже представить себе не мог, чтобы их судьба его когда-нибудь заинтересовала. Или чтобы он проявил хоть какую-то заботу о них.

— Потому что...— начал Хью.— А, впрочем, ладно. Вы только исполнили свой долг. Все нормально.

— Но... ты все еще огорчен. Я, пожалуй, пошлю за бутылочкой Счастья. И на сей раз выпью с тобой.

— Нет-нет, благодарю вас.

— Ну, будет, будет! Тебе это необходимо. Счастье прекрасно тонизирует, а ты как раз скис. Им только не нужно злоупотреблять.

— Благодарю, Мемток, но я не хочу. Сейчас мне нужно быть особенно собранным. Я хочу повидать Их Милость. Прямо сейчас, если можно. Вы не устроите мне такую возможность?

— Не могу.

— Черт возьми, я же знаю, что можете! И знаю, что, если вы попросите, он примет меня.

— Кузен, но ведь я сказал «не могу», а не «не хочу». Их Милости здесь нет.

— О-о-о!

Хью попросил, чтобы ему разрешили повидаться с Джо, однако Главный Управляющий ответил, что молодой Избранный отбыл вместе с Лордом-Протектором. Мемток пообещал дать знать, как только кто-нибудь из них вернется.

Хью не стал обедать, ушел к себе и впал в горькое раздумье. Он не мог не мучить себя мыслью, что в случившемся отчасти была и его вина,— нет, не та, что он сразу же не читал всей входящей корреспонденции, поступающей к нему в департамент,— здесь имело место простое невезение. Даже если бы он проверял весь этот «мусор» каждое утро, он все равно мог опоздать,— ведь оба приказа, скорее всего, были отданы одновременно.

Мучило его то, что, очевидно, он сам спровоцировал последнюю ссору с Дьюком. Нужно было солгать мальчику, сказать, что его мать, как ему доподлинно известно, является обыкновенной служанкой или кем-нибудь в этом роде у сестры Лорда-Протектора, что Грейс пребывает в полной безопасности и ни один мужчина ее даже не видит. Что она полностью довольна и счастлива, живет прекрасно, что другая версия — это просто сплетни, которыми слуги заполняют свой дурацкий досуг.

Дьюк поверил бы этому, потому что очень хотел поверить.

Почему все так случилось?.. Вероятно, Дьюк отправился на встречу с Их Милостью. Возможно, Мемток устроил ему аудиенцию, или, может быть, Дьюк решил прорваться силой и шум драки достиг ушей Понса. Теперь Хью стало ясно, что сын, последовавший его совету повидаться с верховным владыкой, вполне мог устроить подобную сцену, после которой Понс также запросто приказал оскопить смутьяна, как он обычно приказывал подать машину. Все это очень походило на правду...

Хью пытался убедить себя, что никто не ответствен за поступки другого человека. Он всегда так считал и не сомневался

в этом. Но сейчас он чувствовал, что его сердце глухо к доводам рассудка.

Чтобы как-то отвлечься от тягостных мыслей, он взял письменные принадлежности и сел писать письмо Барбаре. До сих пор ему еще не представлялось возможности рассказать ей о своем плане побега и не было времени разработать код. Он обязательно должен предупредить ее, что следует быть начеку.

Барбара знала немецкий язык. Хью же помнил из него только какие-то отрывки, поскольку изучал его всего один год в школе. Он владел русским в достаточной мере, чтобы вести незатейливый разговор. Барбара, пока они жили дикарями, успела подхватить от него несколько русских слов, это было игрой, которой они могли забавляться, не вызывая ревности Грейс.

Хью составил послание, затем с превеликим трудом перевел письмо на мешанину из немецких, русских, разговорных английских слов, жаргона битников, примитивной латыни, литературных аллюзий и специальных идиоматических выражений. В конце концов у него получился текст, который наверняка сможет разгадать Барбара, но не переведет на Речь ни один специалист по древним языкам, даже в том маловероятном случае, если он одновременно будет знать немецкий, английский и русский.

Если послание увидит Грейс, для нее оно будет выглядеть белибердой, поскольку она не знала ни русского, ни немецкого. Дьюк пребывал в наркотическом забытьи. Джо может догадаться, что все это значит, но Хью доверял бывшему слуге. Тем не менее он попытался, нарушив синтаксис и намеренно исказив написание некоторых слов, завуалировать смысл таким образом, чтобы его не понял даже Джо.

Первоначальный набросок послания гласил:

«Дорогая!

Уже некоторое время я планирую наш побег. Не знаю пока, как его устроить, но хочу, чтобы ты была готова днем и ночью схватить детей и следовать за мной... Если сможешь, запаси немного провизии, прочную обувь и попробуй раздобыть нож. Мы пойдем в горы. Сначала я собирался дождаться следующего лета,

чтобы малыши успели немного подрасти. Но случилось кое-что, что изменило мои планы: Дьюк оскоплен. Я не знаю почему и слишком огорчен, чтобы обсуждать случившееся. Следующим могу оказаться я. Даже хуже того... Помнишь, Понс говорил, что представляет наших сыновей прислуживающих на банкете? Дорогая, жеребцы никогда этим не занимаются. Так что судьба жеребцов их не ожидает — они обещают вымахать слишком высокими. Мы не имеем права допустить, чтобы над нашими детьми надругались!

Промедление смерти подобно... Столичная резиденция Протектора находится где-то недалеко от того места, на котором раньше располагался Сент-Луис. Мы просто НЕ СМОЖЕМ оттуда пройти весь путь до Скалистых Гор с мальчиками на руках. К тому же я совсем не уверен в том, что нас всех четверых пошлют в Летний Дворец на будущий год.

Так что мужайся. С этого времени не прикасайся к Счастью. Единственная наша надежда на то, что в решающий момент мы будем готовы действовать.

Я люблю тебя. Хью».

В окончательном же варианте получилось:

«Luba!

Ya bin клепал komplott seit у Гектора отняли титьку. Графомонтекристовская хрень, въезжаешь? Kinder слишком klein machs nix — ya hawchoo! Златовласкины заморочки machs nix — как говорил один мужик, если не ты, то кто. Хорошие герл-скауты всегда помнят девиз бой-скаутов. Speise, schuhen, messer — как там мистер Фиджин учил Оливера — nicht? Da! Schnell это die herz von duh apparat; Берлин слишком далеко от большого леденца, и Элиза не попадет в последний акт.

Ein ander jahr, nyet. Без пары не получится танго, а без четверых — бридж, все в ein kammer, иначе дорога dreck. И если дом разделится сам в себя, то для vogelen полный конец. Mehr, ya haben schrecken. Mein Kronprinz правит теперь герцогством абелярским. Но, как говорится, снявши голову, волосами горю не поможешь, так что не плачь, моя родная, однако фальцет —

неподходящий тембр для detski, а под созвездием Близнецов — тем более. Borjetoi! Старый дедушка Коль был веселый король, но вот zwilling kellneren он от тебя не получит. Хороший помет. Пусть уж лучше он будоражит baren у begegn Карен — утверждено единогласно? Сечешь масть?

Verb. Sap.: Я теперь не пью, не курю, не жую и дел не имею с телками, которые этим балуют. В темных делах от торга — сплошной крутой облом. Жду ответа, как соловей лета, но лапши на уши вешай побольше, в хате клопы и Брат всегда на стреме.

Твой навеки — Х.»

Во время работы над письмом вошла Киска. Он велел ей смотреть телевизор и не отвлекать его. Девочка повиновалась.

Она уже спала, когда Хью поставил последнюю точку в своем послании. Он порвал черновики, спустил клочки в водоворот и только тогда отправился спать. Но уснуть ему не удалось: он вспомнил глупое хихиканье Дьюка, его бессмысленное лицо, лицо человека, одурманенного наркотиками. Пришлось встать и, в нарушение указаний, данных им самим Барбаре, утопить свои печали и страхи в бутылке со Счастьем.

Глава семнадцатая

На следующий день Хью уже читал ответную записку Барбары:

«Дорогой!

Когда ты заказываешь три при бескозырке, мой ответ — семь без козырей, и рука не дрогнет. Или разыграем большой шлем — или влетим... Но никто не посмеет сказать, что мы были наказаны за нерешительность.

Любовь навеки... Б.»

Больше этот день ничем примечательным не был. И следующий тоже... Хью привычно диктовал перевод, хотя мыслями был

далеко. Он стал очень осторожен в еде и питье, поскольку знал теперь, каким «гуманным» способом хирург овладевает жертвой. Он ел только те блюда, которые до него пробовал Мемток, и старался не брать фрукты и пирожные, сервированные близко от него, особенно если их предлагал слуга. За столом он ничего не пил, утоляя потом жажду водой. Завтракал Хью у себя, отдавая предпочтение неочищенным фруктам и вареным яйцам.

Хью сознавал, что все эти предосторожности не спасут. Чтобы перехитрить его, не нужно было быть специалистом класса Борджиа. Даже в том случае, если не удастся трюк с усыплением, его просто обработают хлыстом. Но тогда у него будет хоть призрачная надежда опротестовать приказ, потребовать, чтобы его отвели к Лорду-Протектору.

Что же касается хлыстов... Он начал вспоминать уроки каратэ, упражняясь в своей комнате. Удар каратэ, нанесенный достаточно быстро, заставил бы заскучать любого обладателя хлыста. Впрочем, надежды у Хью не было никакой. Просто ему не хотелось сдаваться без боя. Дьюк был прав: лучше погибнуть сражаясь, как и подобает мужчине.

Хью продолжал запасать пищу, припрятывая часть своих завтраков (сахар, соль, хлеб). Он предполагал, что эти продукты не отравлены, поскольку они не действовали на Киску (сам он их не ел).

Обычно Хью ходил босиком, а когда выходил на улицу, надевал фетровые шлепанцы. Однажды он пожаловался Мемтоку, что гравий причиняет ему боль сквозь тонкий войлок. Тогда ему была выдана пара кожаных сандалий.

Он приручил Главного Инженера имения, поведав ему, что в молодости отвечал за проектирование у своего прежнего хозяина. Инженер был весьма польщен проявленным к его персоне вниманием... Будучи самым младшим из ответственных слуг, он привык больше выслушивать жалобы и нарекания, чем видеть дружеское участие. Хью не раз сидел с ним после обеда и пытался выказывать свою осведомленность в специальных вопросах просто тем, что внимал собеседнику и поддакивал ему.

Однажды Хью получил приглашение инженера осмотреть его хозяйство и провел довольно утомительное утро, пробираясь

между трубами и рассматривая чертежи. Инженер с трудом писал и читал, зато прекрасно разбирался в чертежах. Само по себе такое времяпрепровождение было бы интересным, если бы Хью не обуревали заботы. Ведь он действительно имел кое-какое отношение к технике в прошлом. Стараясь запомнить расположение изображенных на чертежах объектов, он мысленно сопоставлял их с теми, которые были ему известны. Цели и намерения Хью были более чем серьезны: несмотря на то что он почти все лето прожил во дворце, знакомы ему были только небольшие участки внутри и маленький садик для слуг снаружи. Ему же необходимо было изучить весь дворец. Он должен был знать выходы из любого помещения, знать, что находится за охраняемой дверью, ведущей в покои женской прислуги, и в особенности то, где размещаются Барбара и малыши.

Когда Хью добрался до двери, которая вела в женскую половину, инженер, увидев насторожившегося часового, заколебался:

— Кузен Хью, я уверен, что со мной вы вполне имеете право войти сюда, но, нам все-таки лучше сходить сейчас к Главному Управляющему и попросить его выписать вам пропуск.

— Мне все равно, кузен.

— В принципе, ничего по-настоящему интересного там нет. Обычные коммуникационные системы для бараков: водопровод, электричество, вентиляция, канализация, бани и все такое прочее. Все самое интересное — энергостанции, кремационные печи, управление вентиляцией и так далее — можно посмотреть и здесь. Вы ведь знаете нашего начальника: он страшно не любит, когда допускается хоть малейшее отступление от заведенного порядка. Так что, если вы не возражаете, осмотр там я произведу позже.

— Ваше дело, вы и решайте,— ответил Хью с явным выражением оскорбленного достоинства.

— Понимаете... любой знает, что вы не какой-нибудь там примитивный жеребец,— инженер казался расстроенным.— Я вот что вам предлагаю: вы прямо скажите мне, что хотите осмотреть все до конца... Я имею в виду то, что входит в мое ведомство. И я тут же отправлюсь к Мемтоку и сообщу ему, что вы изъявили такое желание. Он знает... Дядя! Да все мы знаем, что вы пользуетесь

особым расположением Их Милости. Вы понимаете меня? Я не хочу сказать ничего обидного. Мемток напишет пропуск, и тогда я останусь чист, равно как и часовой, и начальник стражи. Вы только подождите здесь. Располагайтесь поудобнее. Я мигом!

— Не стоит беспокоиться! Там нет ничего такого, что я хотел бы посмотреть,— солгал Хью.— Я всегда говаривал так: «Ха-ха! Видел одну баню, значит, видел их все». Но мы еще не были в столярной и слесарной мастерских.

Они рука об руку отправились в мастерские. Хью не подавал вида, но внутри у него все кипело. Он был так близок к заветной цели! И все же никак нельзя было наводить Мемтока на мысль, что его интересуют женские помещения.

Тем не менее время, проведенное в обществе инженера, не пропало даром. Хью не только, подобно взломщику, определил слабые места здания (например, дверь, через которую выгружали привозимые товары,— ее запирали не так уж крепко, и замок легко можно было выломать), но и сделал два ценных приобретения.

Первым была стальная пружина длиной около восьми дюймов. Хью заметил ее в куче какого-то хлама в слесарной мастерской, незаметно подобрал и тут же, извинившись, прошел в туалет, где надежно привязал ее к руке.

Второе приобретение было еще более ценным: отпечатанный план самого нижнего уровня, на котором были обозначены как все инженерные объекты, так и все проходы и двери, в том числе и в женскую половину.

Хью стал восхищаться планом:

— Дядя! Какой великолепный чертеж! Собственного изготовления?

Инженер смущенно подтвердил его предположение. Мол, сами понимаете, в основе лежит, конечно, исходный архитектурный план, но пришлось внести много изменений и дополнений.

— Великолепно! — повторил Хью.— И как обидно, что он в единственном экземпляре!

— О нет! Экземпляров сколько угодно, ведь чертежи быстро изнашиваются. Не угодно ли один?

— С величайшим удовольствием! Особенно если на нем будет дарственная надпись автора,— видя, что инженер колеблется, он добавил: — Позвольте мне предложить текст? Я набросаю его, а вы перепишите.

Распрощавшись с Главным Инженером, Хью унес с собой план, на котором было написано: *«Моему дорогому кузену Хью, собрату по ремеслу, который умеет ценить искусную работу»*.

Вечером он показал его Киске. Девушка была поражена. Она и понятия не имела о том, что такое чертеж, и никак не могла представить себе, что на маленьком листе бумаги можно изобразить длинные коридоры и запутанные переходы огромного дворца. Тогда Хью продемонстрировал ей путь из его апартаментов в столовую для старших слуг, указав местоположение центральной столовой для простых слуг и путь в сад. Она медленно подтвердила, что он правильно объясняет дорогу, морщась от непривычных умственных усилий.

— А ты, скорее всего, живешь где-нибудь здесь, Киска. Вот это помещения прислуги.

— Неужели?

— Да. Теперь давай посмотрим, сможешь ли ты сама определить, где ты живешь. Давай без подсказки, ты сама должна разобраться. Я буду просто сидеть и смотреть.

— О, помоги мне, Дядя! Давайте поглядим. Во-первых, я должна пройти по спуску...— она запнулась, обдумывая что-то, явно не относящееся к схеме, в то время как Хью продолжал сидеть с совершенно бесстрастным видом. Его подозрения, было угасшие, вспыхнули с новой силой: малютка была заслана к нему, чтобы шпионить.

— Затем... вот в эту дверь, да?

— Правильно.

— Затем я иду мимо кабинета начальницы до самого конца, поворачиваю, и... кажется, я живу вот тут! — она в восторге захлопала в ладоши и засмеялась.

— Твоя комната расположена напротив столовой, да?

— Да.

— Тогда все правильно. Молодец! Просто удивительно! Давай посмотрим, на что ты еще способна.

На протяжении следующей четверти часа Киска показывала ему подробно, где и что находится на женской половине: комнаты младших и старших, столовые, спальни девственниц, спальни согревательниц постелей, ясли, палата для лежачих больных, детская комната, служебные помещения, баня, игровая площадка, двери в сад, кабинеты, апартаменты Старшей Надзирательницы — в общем, все-все. Хью, кстати, узнал, что Барбара больше не находится в палате для лежачих. Киска сама сказала об этом.

— Барба, знаете, та дикарка, которой вы все время пишете,— раньше она лежала здесь, а теперь она вот тут.

— Откуда ты знаешь, ведь эти комнаты выглядят совершенно одинаково?

— Уж я-то знаю! Это вторая из комнат для матерей с грудными детьми по правой стороне коридора, если идти из бани.

Хью отметил, что подсобный туннель, служащий для ремонта бани, проходит как раз под комнатой Барбары и даже имеет люк, и затем со все более возрастающим интересом и то, что этот туннель пересекается с другим, который проходит под всем зданием. Неужели существует широкий, никем не охраняемый путь, соединяющий все помещения для слуг? Невероятно, так как из чертежа следовало, что любой мало-мальский ушлый жеребец мог, преодолев ползком всего сотню футов, преспокойно оказаться в помещениях прислуги.

Однако откуда жеребцу знать, куда ведет этот туннель? И чего ради жеребец станет рисковать? Ведь он, подобно быку в коровьем стаде, совершенно не ограничен в возможностях утолять свое сладострастие.

Да и отсутствие больших пальцев на руках помешало бы ему справиться с запорами.

Интересно, можно ли открыть люки из туннеля?

— Ты быстро усваиваешь карту, Киска. Теперь давай посмотрим помещения, которые тебе не так хорошо знакомы. Попробуй по чертежу узнать, как пройти из этой комнаты в мой кабинет. А если ты справишься с этой задачей, то я задам тебе еще более трудную: куда тебе следует отправиться, если я тебя пошлю с запиской к Главному Управляющему?

Над первым заданием ей пришлось помучиться, зато второе она выполнила без малейшего колебания. Все стало ясно.

На следующее утро, за ленчем, сидя бок о бок с Мемтоком, Хью через весь стол обратился к инженеру:

— Пайпс, старина! Я насчет того замечательного чертежа, который вы подарили мне вчера. Как вы думаете, не смог бы один из ваших работников изготовить для него раму? Мне хотелось бы повесить его над моим рабочим столом, чтобы им могли восхищаться и другие люди.

Инженер вспыхнул и широко улыбнулся.

— Конечно, кузен Хью! Красное дерево вас устроит?

— Замечательно! — Хью повернулся к Мемтоку и сказал: — Кузен Мемток, наш кузен просто хоронит свой талант среди канализационных труб. Ведь он настоящий художник. Непременно приходите ко мне полюбоваться на его работу.

— Буду рад, кузен. Как только выберу время.

Прошло уже более недели, а ни о Джо, ни о Их Милости не было ни слуху ни духу. Целая неделя без бриджа. Без Барбары.

Наконец как-то за завтраком Мемток сказал ему:

— Кстати, все собираюсь тебе сообщить. Вернулся молодой Избранный. Ты все еще хочешь увидеться с ним?

— Конечно! А Их Милость тоже вернулся?

— Нет. Их Милосерднейшая сестра полагают, что он вообще может не вернуться до самого переезда. Ах, если бы ты видел, какие хоромы у нас в Столице, кузен! Какой дворец! Не то что эта хибара. День и ночь суета...— И ваш покорный слуга будет рад, если за целую зиму ему хоть раза три дадут спокойно поесть. Все беготня, беспокойство, суета, суета, суета...— сказал он с затаенной гордостью.— Радуйся, что ты ученый.

Через пару часов Хью известили, что Джо ожидает его. Хью знал дорогу наверх, так как не раз поднимался туда учить Избранных играть в бридж. Поэтому он отправился один.

Джо радостно приветствовал его:

— Входи, Хью! Присаживайся. Никакого протокола, потому что здесь, кроме нас, старых приятелей, никого нет. Ты только послушай, что мне удалось сделать! Если бы ты знал, как я был

занят! Одна мастерская уже готова к действию в качестве опытного предприятия и начнет выдавать пробную продукцию еще до того, как Их Милость заручится покровительством. Все организовано на высоком уровне, и притом так, чтобы мы смогли начать массовый выпуск в тот день, когда выхлопочем лицензию. Условия сносные: Их Превосходительство получает половину, Их Милость — вторую половину, но полностью финансирует предприятие, я получаю десять процентов от доли Их Милости и управляю делами. Конечно, когда дело начнет развиваться по другим линиям — кстати, все предприятие названо «Игры, ниспосланные свыше», а лицензия составлена так, что охватывает почти все развлечения, кроме разве что постельных утех,— так вот, когда дело начнет развиваться по другим направлениям, мне понадобиться помощь. Для меня это настоящая проблема. Боюсь, что Понс решит взять в долю кого-нибудь из своих придурочных родственников. Надеюсь, правда, что он этого не сделает, потому что родственные чувства неуместны, когда рискуешь сбить цены. Как ты считаешь, Хью? А как ты насчет того, чтобы управиться с фабрикой? Дело очень большое: у меня работает уже сто семь человек.

— Почему бы и нет? Раньше под моим началом бывало и в три раза больше народу, а в Сибизе я руководил двумя тысячами человек. Но, видишь ли, Джо, я пришел сюда совсем по другому поводу.

— Ну конечно, конечно! Выкладывай. А потом я покажу тебе чертежи.

— Джо, ты знаешь насчет Дьюка?

— А что с ним такое?

— Он оскоплен. Разве ты не знал?

— Ах да! Знал. Это случилось как раз перед моим отъездом. Надеюсь, с ним все в порядке? Осложнений не было?

— В порядке? Джо, ты, наверное, не понял меня... Его оскопили! А ты ведешь себя так, словно ему вырвали зуб. Так ты, значит, знал? И не пытался помешать операции?

— Нет.

— Но, ради бога, почему?

— Позволь мне договорить, ладно? Я ведь тоже что-то не припомню, чтобы ты со своей стороны пытался воспрепятствовать этому.

— Я просто не имел возможности. Я ничего не знал.

— И я тоже. Именно это я пытаюсь втолковать тебе, а ты все норовишь вцепиться мне в глотку. Я узнал об этом только постфактум.

— О, тогда прости. Мне показалось, ты хотел сказать, что хотя и знал, но не пошевелил пальцем, чтобы помешать оскоплению.

— Нет, это не так. Если бы даже я и знал, то не представляю, чем бы я мог быть полезен. Разве что попросил бы Понса сначала потолковать с тобой. Но еще неизвестно, как закончился бы такой разговор. Так что, может быть, и к лучшему, что мы остались в стороне. Ну, а теперь насчет чертежей... Взгляни вот на эту схему.

— Джо!

— Что?

— Разве ты не видишь, что я не в состоянии думать сейчас о фабриках игральных карт? Ведь Дьюк — мой сын!

Джо свернул чертежи.

— Прости, Хью. Давай тогда поболтаем, если это облегчит твое горе. Я ведь представляю, как тебе тяжело сейчас. Выговорись и постарайся забыть свои печали.

Джо слушал, Хью говорил. Наконец Джо покачал головой.

— Хью, в одном пункте ты можешь быть совершенно спокоен. Дьюк никогда не встречался с Лордом-Протектором. Так что твой совет Дьюку — хороший, на мой взгляд, совет — не имеет никакой связи с тем, что его выхолостили.

— Надеюсь, ты прав. Если бы я был уверен, что это моя вина, я бы, наверное, перерезал себе глотку.

— Но поскольку ты не виноват, то и нечего травить себя.

— Постараюсь. Джо, но что могло вынудить Понса принять такое решение? Ведь с тех пор как нас по недоразумению чуть не кастрировали, он отлично знает, как мы к этому относимся. Так зачем ему понадобилось уродовать моего сына? А я считал его своим другом...

Джо выглядел расстроенным.

— Ты в самом деле хочешь знать правду?

— Я ее должен знать.

—Ну что же... ты ведь все равно в конце концов узнаешь. Это дело рук Грейс.

— *Что?!* Джо, ты, наверное, ошибаешься. Конечно, не спорю, у Грейс есть недостатки. Но она никогда бы не пожелала *такого*... да еще своему собственному сыну!

— Нет, конечно, нет. Я сомневаюсь, что она добивалась именно этого. Но все равно она явилась инициатором. Почти с самого дня нашего прибытия сюда она не переставая ныла Понсу, как она хочет, чтобы ее Дьюки был с ней, как она одинока без него: «Понс, я так одинока! Понси, ты совсем не любишь свою Грейси! Понси, я не отстану от тебя до тех пор, пока ты не скажешь "да". Понси, почему ты не хочешь?» — и все таким, знаешь, детским, плачущим голоском. Ты, Хью, наверное, не был свидетелем этих сцен...

— Ни разу не присутствовал.

— Мне хотелось свернуть ей шею. Понс почти не обращал на нее внимания, если только она не начинала щипать его. Тогда он разражался хохотом, валил ее на ковер, и они возились на полу. Потом он обычно приказывал ей замолчать, и некоторое время она сидела тихо. В общем, он обращался с нею как с одним из своих котов. Честно говоря, я не думаю, что он хоть раз... Я хочу сказать, из того, что я видел, трудно заключить, что он хоть в малейшей степени интересовался ею как...

— Я тоже не интересуюсь. А кто-нибудь предупреждал ее, что повлечет за собой воссоединение с сыном?

— Не думаю. Понсу и в голову никогда бы не пришло, что такие элементарные вещи нужно объяснять... а я уж, само собой, никогда бы не стал обсуждать с ней подобные проблемы. Да она и не любит меня, ведь я слишком часто отнимаю у нее ее милого Понси.— Джо сморщил нос.— Так что я сомневаюсь в том, что ей было это известно. Конечно, она и сама могла бы догадаться... любой другой на ее месте догадался бы; но извини — ведь Грейс все-таки твоя жена,— мне кажется, что она глуповата.

— Да еще упивается Счастьем — по крайней мере, я ни разу не видел ее трезвой. Конечно, она недалекого ума. Да и не жена она мне. Моя жена — Барбара.

— Вообще-то ни Грейс, ни Барбара, с формальной точки зрения, не могут считаться твоими женами: слугам этого не положено.

— А я не с формальной. Я говорю о том, что есть на самом деле. Но хотя Грейс мне больше не жена, я все же в какой-то степени рад, что она, возможно, не знала, чего будет стоить Дьюку воссоединение с ней.

Джо задумался.

— Хью, она, конечно, не знала... но боюсь, что оскопление сына ее мало заботит... К тому же вряд ли правильно говорить, что возвращение к матери чего-то стоило Дьюку.

— Не понимаю. Объясни, может, я малость поглупел.

— Ну, если Грейс и огорчена тем, что Дьюка оскопили, то она ничем этого не проявила. Она довольна донельзя. Он тоже, кажется, ничего не имеет против.

— А ты видел их? После всего случившегося?

— О да! Я завтракал вместе с Их Милостью, и они оба тоже присутствовали. Это было не далее как вчера.

— А я думал, что Понса нет.

— Он ненадолго вернулся и снова уехал. Теперь уже на Западное побережье. Дела. Мы буквально вгрызлись в этот бизнес. Понс пробыл здесь всего пару дней. Но успел преподнести Грейс подарок на день рождения. Я имею в виду Дьюка. Да, конечно, у нее не было никакого дня рождения, к тому же здесь дни рождений не отмечают — справляются именины. Но она заявила Понсу, что собирается устроить день рождения, и приставала к нему все время — а ведь ты знаешь Понса: он снисходителен к животным и детям. Поэтому он решил сделать ей сюрприз. И тотчас же, как вернулся, подарил ей Дьюка. Черт возьми, они даже отхватили комнату в личных покоях Понса! Теперь эта парочка совсем не спускается вниз, даже ночует наверху.

— Ладно, мне безразлично, где они ночуют. Ты начал рассказывать мне, как к оскоплению отнеслась Грейс. И сам Дьюк.

— Ах да! Не могу точно сказать, когда именно она узнала о том, что с ним сделали. Однако факт то, что она сердечно поговорила даже со мной — настолько она была рада. Рассказывала мне, как Понс все прекрасно устроил, и убеждала, что Дьюк выглядит просто великолепно в своих новых одеждах. И все такое.

Она разодела его в ливрею, вроде тех, которые носят слуги наверху. Ведь в таком рубище, как у тебя, здесь не ходят. Она даже нацепила на него украшения. Понс на все согласен. Формально Дьюк — слуга Понса, но не думаю, чтобы он хоть палец о палец ударил. Он просто любимая игрушка Грейс. И ей это очень нравится.

— А самому Дьюку?

— Вот это-то самое интересное, Хью! Дьюк ничуть не огорчен тем, что с ним произошло. Он теперь как сыр в масле катается. И чуть ли не покровительствует мне. Можно подумать, что это не он, а я ношу лакейскую ливрею. Имея такую защиту, как Грейс, которая, по его мнению, крутит боссом, как хочет, Дьюк решил, что устроен капитально. Но я ничего не имею против. Я понимаю, что он уже привык к этому транквилизатору, который принимают слуги, и ему все видится в радужном свете.

— Так ты, значит, считаешь, что это очень хороший способ капитально устроиться?.. Когда тебя хватают, спаивают, кастрируют, а потом держат в постоянном опьянении так, что тебя больше ничего не волнует? Джо, ты удивляешь меня!

— Хью, постарайся отбросить свои предрассудки и взгляни на вещи трезво. Дьюк счастлив. Если не веришь, я проведу тебя и ты сможешь поговорить с ним. Или с обоими. Как хочешь.

— Нет! Боюсь, для меня это будет слишком тяжелым зрелищем. Я согласен, что Дьюк счастлив. Но ведь если напоить человека этим чертовым Счастьем, он будет счастлив и тогда, когда ему отрежут руки-ноги и начнут перепиливать горло. Того же эффекта можно добиться и с помощью морфия. Или героина. Или опиума. В таком «счастье» нет ничего хорошего. Это настоящая трагедия.

— О, не надо устраивать мелодраму, Хью! Все относительно. Сам рассуди: Дьюка все равно рано или поздно кастрировали бы. Держать слугу такого роста в качестве жеребца противозаконно. Следовательно, мужские способности Дьюку просто-напросто не нужны. Поэтому с практической точки зрения нет никакой разницы, случится ли оскопление через год, после смерти Понса или уже случилось. Так что единственно значимым для Дьюка является то, что он счастлив и живет в обстановке роскоши, а не надрывается где-нибудь в шахте или на рисовых полях.

— Джо, знаешь, как ты стал разговаривать? Как какой-нибудь белый апологет рабства, рассуждающий о том, как здорово жилось раньше неграм: сиди себе на завалинке, пощипывай струны банджо да песенки напевай.

Джо заморгал.

— Неправда...

Хью почувствовал, что его распирает злоба. Слова его стали безжалостны:

— Давай, давай! Утверждай, что это неправда! Ведь я не могу перечить тебе. Ты теперь Избранный. А я ничтожный слуга. Масса Джо, позвольте я поправлю ваш балахон? А в котором часу сегодня собирается Клан?

— Молчать!

Джо продолжал уже спокойно:

— Я не собираюсь пикироваться с тобой. Возможно, тебе действительно все представляется в таком свете. Пусть так. Но неужели ты ждешь, что я буду соболезновать? Просто все радикально переменилось — и как раз вовремя. Раньше я был слугой — теперь я уважаемый бизнесмен, причем у меня есть все шансы стать благодаря браку племянником в какой-нибудь благородной семье. Неужели ты думаешь, что я теперь брошу все это? Я не смог бы пойти на попятную, даже если бы захотел. Да еще ради Дьюка! Я бы ни для кого не стал рисковать своим положением — не буду лицемерить. Когда-то я был слугой, теперь слуга — ты. Так что тебя возмущает?

— Джо, но ведь ты был просто наемным работником, с которым всегда хорошо обращались. Ты же не был рабом!

Глаза молодого человека вдруг заблестели, а лицо напряглось и приняло выражение такой непреклонности и суровости, которого Хью раньше никогда не видел.

— Хью,— вкрадчиво процедил Джо,— тебе никогда не приходилось проезжать на автобусе через Алабаму? В качестве «ниггера»?

— Нет.

— Тогда лучше помолчи. Ты просто не знаешь того, о чем говоришь,— он нахмурился.— Ну ладно, хватит. Давай поговорим о деле. Я хочу, чтобы ты узнал, что я сделал и чем собираюсь заняться.

Эта идея насчет игр — самая лучшая из когда-либо приходивших мне в голову.

Хью с интересом взглянул на Джо, однако оспаривать авторство идеи не стал. Он продолжал слушать, в то время как молодой человек говорил, все больше распаляясь. Наконец Джо отложил перо и откинулся назад.

— Ну, как тебе перспективы? Есть какие-нибудь соображения? Помню, когда я предложил это дело Понсу, ты внес кое-какие важные дополнения. Так что, если ты сможешь оставаться полезным, для тебя в моем предприятии всегда найдется теплое местечко.

Хью колебался. Ему казалось, что планы Джо слишком обширны для рынка, который был всего лишь потенциальным и спрос на котором еще нужно было создавать. Но он сказал только:

— Может быть, стоило бы с каждой колодой, не повышая цены, продавать книжку с правилами?

— О нет! Их мы будем выпускать отдельно и дополнительно заработаем на их продаже.

— Я не говорю о полном Хойле. Просто брошюрку с некоторыми играми, из самых простых. Криббедж. Парочку пасьянсов. Еще одна или две игры. Если сделать так, то покупатели сразу же смогут начать играть. И продажа карт соответственно увеличится.

— Хм... Надо подумать,— Джо сложил бумаги и отодвинул их в сторону.— Хью, ты так вывел меня из себя, что я забыл поделиться с тобой еще кое-какими соображениями.

— Слушаю.

— Понс, конечно, крепкий старик, но не может же он жить вечно. Поэтому я намерен к тому времени, когда он прикажет долго жить, заиметь свое собственное дело. Чтобы быть финансово независимым. Попробую вкладывать куда-нибудь доходы или что-нибудь в этом роде. Я думаю, тебе не нужно говорить, что я не очень-то горю желанием видеть своим боссом Мрику (сам понимаешь, эта информация должна остаться между нами). И я что-нибудь обязательно придумаю, чтобы самому стать со временем первым номером.— Он усмехнулся.— Когда Мрика займет место Лорда-Протектора, меня здесь уже не будет. Я удалюсь

в собственное имение, скромное, конечно, и мне понадобятся слуги. Догадываешься, кого я собираюсь взять туда с собой?

— Нет, не догадываюсь.

— Не тебя... хотя ты вполне мог бы стать моим слугой, ведающим бизнесом. Если, конечно, окажется, что ты действительно справляешься с делом. Нет, я имею в виду Дьюка и Грейс.

— Что?!

— Ты удивлен? Мрике они не понадобятся, это ясно. Он ненавидит Грейс из-за того влияния, которое она имеет на его дядю, и, ясное дело, Дьюка он жалует не больше. Они оба ничему не обучены, поэтому и стоить будут совсем недорого, если только я не покажу, что заинтересован в них. Но они будут очень полезны. Они говорят по-английски, и я смогу разговаривать с ними на языке, которого больше никто не понимает. А это очень пригодится, когда кругом окажутся другие слуги. Самое же главное... В общем, пища здесь неплохая, но иногда хочется отведать какое-нибудь простое американское блюдо, а ведь Грейс, когда захочет, отлично готовит. Вот я и сделаю ее поварихой. Дьюк готовить не умеет, но он может научиться прислуживать за столом, открывать дверь и все такое прочее. Лакей, одним словом. Как тебе моя идея?

Хью с расстановкой сказал:

— Джо, а ведь они нужны тебе не потому, что Грейс умеет готовить.

Джо нагло улыбнулся.

— Да, не только поэтому. Мне кажется, что Грейс будет отлично выглядеть в качестве моей кухарки, а Дьюк — моего лакея. О, я буду гуманно обращаться с ними, Хью, можешь не беспокоиться! Если они будут с усердием работать и хорошо вести себя, никто их не накажет. Хотя мне кажется, что пару раз наказать их все-таки придется — чтобы они знали свое место.

Он многозначительно покрутил жезл.

— Должен признаться, мне будет довольно приятно немного поучить их уму-разуму. Я им кое-что должен. Три года, Хью. Три года бесконечных придирок Грейс, которая никогда ничем не была довольна... И три года этакого покровительственно-презрительного отношения со стороны Дьюка, когда он бывал дома.

Хью молчал. Джо полюбопытствовал:

— Ну? Так что, тебе нравится моя идея?

— Я был о тебе лучшего мнения, Джо. Я всегда считал тебя джентльменом. Но, похоже, я ошибался.

— Вот как? — негр сжал свой жезл.— Ладно, бой, мы отпускаем тебя. Все.

Глава восемнадцатая

Хью уходил из покоев Джо раздосадованным. Он понимал, что вел себя по-дурацки... Нет, просто-таки преступно неосмотрительно. Как он мог допустить, чтобы разговор принял столь нежелательный оборот? Джо был необходим. До тех пор пока Барбара и близнецы не будут надежно укрыты в горах, Хью требовалась большая посторонняя поддержка, на которую можно было хоть в малейшей степени рассчитывать. Джо, Мемток, Пайпс, кто угодно... Но на Джо Хью имел самые большие виды. Джо был Избранным, что давало Хью возможность узнавать из первых рук полезную информацию об этом мире; через Джо можно было попытаться раздобыть необходимые для побега вещи. В крайнем случае Хью даже предполагал попросить Джо помочь им бежать.

Но после того, что между ними произошло... Идиот! Совершеннейший дурак! Рисковать судьбами Барбары и мальчиков только потому, что он не в состоянии обуздать свой характер!..

Положение дел стало хуже некуда, и во многом Хью винил себя самого.

Тем не менее опускать рук не следовало. Он отправился к Мемтоку. Теперь, как никогда раньше, необходимо было найти какой-нибудь способ связаться с Барбарой тайно, поговорить с ней. А это означало, что нужна партия в бридж. Пусть даже в присутствии Лорда-Протектора, но он поговорит с ней, хотя бы по-английски. Ход событий требуется подстегнуть.

Когда Хью подошел к кабинету Главного Управляющего, тот как раз выходил из него.

— Кузен Мемток, можно вас на пару слов?

Всегда нахмуренное лицо управляющего прояснилось.

— Конечно, кузен. Но только нам придется немного пройтись, ничего? Неприятности, неприятности, неприятности... Казалось бы, ответственным слугой должен быть человек, которому не нужно утирать сопли. Ничего подобного! Рабочий при холодильнике жалуется Главному Мяснику, тот жалуется Шеф-повару, а ведь вопрос чисто технический, и, по идее, Гну следовало бы связаться с технарями и все уладить самому, верно? Как бы не так! О нет! Все идут со своими несчастьями ко мне. Ты, кажется, немного сведущ в инженерном деле?..

— Да,— согласился Хью,— но теперь я немного отстал. Прошло слишком много лет. (Около двух тысяч, друг мой!)

— Техника есть техника. Пойдем со мной, и позволь мне воспользоваться твоей просвещенной консультацией.

(Чтобы выяснить, не лгу ли я. Ну уж нет! Постараюсь затуманить тебе мозги как следует.)

— Конечно, пошли. Если только мнение ничтожного слуги может иметь какое-нибудь значение.

— Все проклятый холодильник!.. С ним каждое лето что-нибудь не так. Скорей бы вернуться во Дворец!

— Да позволено будет спросить, назначена ли дата переезда?

— Позволено, позволено. Через неделю. Так что у тебя есть время подумать о том, как лучше упаковать имущество Департамента и подготовиться к отъезду.

— Так скоро?

— Тебя-то что тревожит? Ведь вам и паковать-то нечего. Архив да немного мебели. А ты знаешь, сколько тысяч предметов предстоит перевезти мне? Сколько всего раскрадывают, теряют или просто портят эти идиоты! Дядя милостивый!

— Да, должно быть, это просто ужасно,— поддакнул Хью.— Но осмелюсь напомнить, понимая вашу сверхзагруженность хлопотами: я просил вас известить меня в случае приезда Их Милости. А молодой Избранный сообщил мне, что Их Милость дня два назад приехал и уехал снова.

— Ты недоволен?

— Упаси Дядя! Я просто спрашиваю.

— Их Милость действительно физически присутствовал здесь некоторое время. Но официально он не возвращался. Мне показалось, что он неважно себя чувствует, помоги ему Дядя!

— Да сохранит его Дядя! — искренне подхватил Хью.— Понятно, что при подобных обстоятельствах вы не решились испрашивать мне аудиенцию. Но осмелюсь выразить надежду на ваше участие в моей просьбе в следующий приезд Их Милости.

— Поговорим об этом позже. Нужно посмотреть, что там случилось у этих беспомощных...

Шеф-повар и Главный Инженер встретили их у входа во владения Гну, и вся группа направилась в холодильное помещение. Они прошли через кухню и попали в разделочную, где им пришлось задержаться, пока не принесли теплые одеяния, напоминающие парки. Суетливо кипучий Мемток отказался облачаться. Подпрыгивая от нетерпения, он ворчливо заметил, что одежда слишком замызгана.

Разделочная кишела слугами — рубщиками, поварами, подсобными рабочими. На столах громоздились туши скота, груды рыбы, дичи и домашней птицы. Хью отметил про себя, что тридцать восемь Избранных и четыреста пятьдесят слуг потребляют уйму мяса. Помещение показалось ему угнетающим, хотя сам он в своей жизни забил и разделал немало животных.

Не выдать внешне своего потрясения от того, что он вдруг увидел на полу, ему помогло только природное чувство самообладания. Это был кусок, отрубленный от человеческого тела,— изящная, пухлая, очень женственная рука.

Хью стало нехорошо; у него заложило уши и поплыло в глазах. Он моргнул несколько раз, но рука не исчезла. Рука, очень похожая на маленькую ручку Киски...

Он осторожно вздохнул, стараясь подавить поднимающуюся в нем тошноту, и стоял отвернувшись до тех пор, пока не удалось восстановить полный контроль над собой. Ему внезапно открылась правда, до сих пор скрывавшаяся за странными несоответствиями и идиомами, казавшимися ему бессмысленными шутками.

Гну тем временем горячо спорил с подручным, а Мемток стоял рядом и ждал. Наконец инженер, последним из всех, справился с теплой одеждой, и они направились в морозильный отсек. По пути Шеф-повар машинально пнул обрубленную руку, которая отлетела к куче отбросов, и шутливо заметил:

— Вот это мясо вам не придется пробовать, Управляющий,— если, конечно, не вернется старик.

— Я всегда все пробую,— холодно заметил Мемток.— Их Милость требует, чтобы стол был отменным независимо от того, здесь он или нет.

— О да, конечно,— согласился Гну.— Именно это я всегда и твержу своим поварам. Но... Да вот хотя бы этот кусок прекрасно иллюстрирует беспокоящую меня проблему. Слишком много жира. Видите, он слишком жирен, и после приготовления останется таким же. А все из-за того, что это мясо прислуги. Хотя, на мой взгляд, самым лакомым — нежным, но упругим — было бы жаркое из мальчишки-выхолостка, забитого в возрасте от шести до двенадцати лет.

— Никто твоего мнения не спрашивает,— осадил его Мемток.— Значение имеют только вкусы Их Милости. А он считает, что прислуга более нежна.

— О, *конечно, конечно, я согласен! Я ничего такого особенного* и не хотел сказать!

— Ладно, успокойся, Гну. В принципе, я согласен с тобой. Я просто должен был заметить, что в данном вопросе твое мнение — и мое тоже — не имеет никакого значения.

Процессия ответственных слуг прошествовала в холодильный отсек. Инженер, кивнувший и улыбнувшийся Хью при встрече, до сих пор не проронил ни слова. Теперь же он принялся пространно объяснять, в чем заключается «проклятая проблема замораживания». Хью отчаянно пытался сконцентрировать все свое внимание на словах Пайпса, чтобы хоть как-то отвлечься от ужасающего зрелища содержимого холодильного помещения.

Большинство хранившихся здесь туш были говяжьими. Но в середине комнаты на крюках висели, как он уже ожидал, человеческие трупы — выпотрошенные, вычищенные и замороженные. Они были нацеплены вверх ногами. Молодые самки и самцы, но были ли эти последние кастрированными или нет, понять теперь было невозможно.

Хью сглотнул и поблагодарил судьбу за то, что трагическая маленькая ручка дала ему возможность приготовиться и не потерять сознания.

— Ну, кузен Хью, что скажешь? — вернул его из забытья голос Мемтока.

— Что ж, я согласен с Пайпсом.

— То есть своими силами нам сейчас не справиться?..

— Я согласен не с этим выводом.— Хбю, по правде говоря, мало что понял.—Инженер, несомненно, рассуждает здраво. Как он утверждает, проблему можно решить, и радикально. Нужно отказаться от намерения чинить оборудование сейчас и, подождав с неделю, приступить к его демонтажу и полной замене.

Лицо Мемтока приобрело кислое выражение.

— Слишком дорого.

— Это со временем окупится. За несколько бычков хорошего оборудования не купишь. Экономить тут нечего. Верно, Пайпс?

Инженер радостно закивал.

— Именно это я всегда и говорил, кузен Хью! Вы абсолютно правы.

Мемток все еще хмурился.

— Ладно, подготовь расчеты. И, перед тем как представить их мне, покажи кузену Хью.

— Есть, сэр!

Мемток приостановился и похлопал филейную часть подростковой тушки.

— Прекрасные бычки! Вот что, на мой взгляд, настоящее мясцо. А, Хью?

— Замечательное,— согласился Хью, пытаясь придать своему лицу нормальное выражение.— Возможно, ваш племянник? Или только один из сыновей?

Наступило ледяное молчание. Никто не шевелился, только Мемток, казалось, стал выше ростом. Он чуть приподнял свой хлыст, сжав его так сильно, что побелели костяшки пальцев.

Затем он выдавил из себя что-то вроде кривой улыбки и издал неприятный смешок.

— Кузен Хью, ты когда-нибудь развеселишь меня до смерти своими хохмами. Ну у тебя и шутки! Эта особенно хороша. Гну, напомни мне, чтобы я не забыл рассказать ее вечером остальным.

Шеф-повар обещал обязательно напомнить и хихикнул. Инженер разразился хохотом. Мемток еще раз усмехнулся, довольно прохладно.

— Боюсь, что не вправе претендовать на столь высокую честь, Хью. Все эти тушки — выкормыши с ранчо, поэтому среди них нет ни одного моего кузена. Конечно, я знаю, что в некоторых имениях принято... но Их Милость считает, что подавать к столу домашних слуг вульгарно, даже если смерть наступила в результате несчастного случая. Кроме того, слуги, не будучи уверены в своем будущем, становятся беспокойными.

— Логично.

— Да и гораздо приятнее закусывать теми, от кого все равно нет никакого толку. Ну ладно, хватит об этом. Мы теряем время. Хью, обратно пойдем вместе.

Когда они отдалились от остальных, Мемток спросил:

— Так что ты там хотел сказать?

— Прошу прощения...

— Будет, будет, ты сегодня что-то очень рассеян. Ты говорил вроде насчет возвращения Их Милости...

— Ах да! Мемток, не могли бы вы в качестве огромного личного одолжения сообщить мне о прибытии Их Милости сразу же? Независимо от того, официально он вернется или нет. Не просить за меня об аудиенции, а всего лишь сообщить.

— Нет,— ответил Мемток.— Не думаю, что смогу.

(Черт возьми, похоже, единственное, что остается делать,— это ползти на брюхе к Джо с унизительными извинениями и таким образом добиваться, чтобы тот вмешался в ход событий.)

— Прошу прощения... Возможно, ничтожный слуга невольно нанес оскорбление?

— Ты имеешь в виду ту остроту? О небо, конечно, нет! Может быть, кому-то она и показалась бы вульгарной, и держу пари, что кое-кому из слуг станет от нее дурно. Но я, Хью, если чем и горжусь,

так это тем, что у меня есть чувство юмора,— и в тот день, когда я не смогу оценить шутку только потому, что она относится ко мне, я тут же подам прошение об отставке. Нет, просто теперь настала моя очередь разыграть тебя.

— Я сказал: «Не думаю, что смогу». В этой фразе заключен двойной смысл. Двусмысленная, я бы даже сказал, шутка, ты понимаешь? Я не думаю, что смогу сообщить тебе, когда вернется Их Милость, поскольку он известил меня, что вообще больше сюда не вернется. Так что увидеть его ты сможешь только в Столице... а там уж я обещаю, что скажу тебе, когда он будет на месте,— и Главный Управляющий игриво ткнул Хью под ребра.— Жаль, что ты не видел выражения своего лица. Моя шутка далеко не так остроумна, как твоя. Тем не менее челюсть у тебя прямо-таки отвалилась. Вот умора!

Хью извинился и ушел к себе. Вымывшись очень тщательно (гораздо тщательнее, чем обычно), он до самого обеда просидел на диване в тупом оцепенении. Перед уходом в столовую он слегка подбодрил себя порцией Счастья, небольшой, но достаточной, чтобы благополучно пережить обед теперь, когда он знал, почему «свинина» так часто подается к столу Избранных. Правда, у Хью были основания предполагать, что мясо, идущее в пищу слугам,— настоящая свинина. Тем не менее он больше не намерен был есть грудинку. Равно как и ветчину, отбивные, колбасы... Придется стать вегетарианцем — до тех пор, по крайней мере, пока они с Барбарой не окажутся в горах, на свободе.

Принятая доза Счастья вполне позволила ему даже осведомиться у Мемтока, занятого дегустацией жаркого:

— Ну как? Жирновато?

— Хуже обычного. Гну совсем распустил своих лодырей. Попробуй.

— Нет, спасибо. Я и так представляю. Я сам, пожалуй, смог бы готовить лучше. А уж в качестве Шеф-повара наверняка держал бы себя строго и взыскательно. Хотя поварам со временем, возможно, и удалось бы смягчить меня изысканным жарким из кузена Гну.

Мемток так расхохотался, что даже подавился.

— Ой, Хью, не смей меня больше смешить за едой. А то ты когда-нибудь уморишь меня до смерти.

— Ваш покорный слуга нижайше надеется, что этого никогда не произойдет.— Хью поковырял кусочек мяса в тарелке, отодвинул его в сторону и съел несколько орехов.

Вечером он засиделся в кабинете допоздна. Киска уже заснула, а он все еще составлял письмо. Ситуация требовала немедленного извещения Барбары, а сейчас это было возможно только через Киску. Задача заключалась в том, чтобы Барбара без предупреждения догадалась, что послание закодировано, смогла расшифровать его и была бы единственной, способной сделать это. Та причудливая смесь, которой он воспользовался в прошлый раз, на сей раз не годилась — он должен был передать Барбаре инструкции, в которых бы она не пропустила ни одного слова и однозначно истолковала малейшие оттенки смысла изложенного.

В итоге письмо приобрело следующий вид:

«Милая!

Если бы ты была рядом, то я с удовольствием поболтал бы с тобой немного о литературе. Ты, конечно, помнишь, что я люблю творчество Эдгара По. Можешь вспомнить и то, как я называл его единственно достойным автором таинственных историй. Прочитать, а затем перечитывать его — сущее удовольствие, поскольку с одного раза По не раскусишь. Ответь-ка попробуй сразу на все вопросы, возникающие по ходу дела в его "Золотом жуке", " Убийстве на улице Морг" или в "Пропавшем письме", да и в любом другом его произведении! Таким же образом — то есть по нескольку раз — стоит перечесть почти всего По. Способом, который один только и может раскрыть читателю окончательно все потаенные мысли писателя, является внимательное чтение каждой фразы с самого первого слова, а не вскользь. Конец нашего разговора об этом действительно великом и многогранном человеке мог бы наступить еще не скоро, но, увы, уже поздно, поэтому приходится завершать послание; в следующий раз предлагаю обменяться мнениями о творчестве Марка Твена.

С любовью...»

Поскольку Хью никогда раньше не обсуждал с Барбарой творчество Эдгара Аллана По, он был совершенно уверен, что она начнет искать в письме скрытое сообщение. Вопрос был в том, сможет ли она его обнаружить. Тайное послание должно было читаться так:

«ЕСЛИ ТЫ МОЖЕШЬ ПРОЧИТАТЬ ОТВЕТЬ ТАКИМ ЖЕ СПОСОБОМ КОНЕЦ».

Хью уничтожил черновики письма и задумался. Дело было сделано. Следующая проблема решалась сложнее. Требовался портативный автономный источник освещения. Хью был готов променять вечное блаженство за обыкновенный фонарик.

Апартаменты Хью освещались полупрозрачными сферами, расположенными по углам потолка. Принцип работы этих устройств был Хью совершенно непонятен. Они не нагревались, не нуждались, похоже, в проводке и вообще во внешнем источнике питания. А яркость регулировалась небольшими рычажками.

Подобный светильник, только размером с мячик для гольфа, был вмонтирован в ридер. Для того чтобы извлечь его из читающего устройства, Хью пришлось сломать верхнюю панель. В конце концов светящийся шар оказался у него в руках, однако яркость перестала поддаваться регулировке. Это было почти так же плохо, как и отсутствие освещения.

Хью недолго думая спрятал импровизированный фонарь под мышкой. Свет пробивался наружу, но уже не с такой силой.

Он удостоверился, что Киска спит, погасил сферы в комнатах, приоткрыл дверь и выглянул в коридор. Коридор освещался только одним светильником на столбике, находившемся на пересечении проходов, ярдах в пятидесяти. К сожалению, идти нужно было именно в том направлении. Хью не ожидал, что в это время еще работает освещение.

Он дотронулся до накрепко привязанного к левой руке «оружия» — некоего подобия ножа, который он заострил с помощью камня, подобранного возле садовой дорожки. Чтобы довести его до ума, над ним надо было еще работать и работать. Однако возможности Хью были ограничены: трудиться приходилось украдкой — по ночам, когда Киска уже засыпала, или выкраивать время днем, пренебрегая переводами. Но все-таки иметь хоть какое-то оружие было необходимо, тем более что оно было для него всем: и ножом, и стамеской, и отверткой, и фомкой.

Нужный Хью люк, ведущий в туннель обслуживания, находился в проходе, отходящем от освещенного перекрестка вправо. В принципе, годился любой люк, но этот был расположен на пути к комнате ветеринара. Так что, если его застигнут, у него будет наготове оправдание, что он идет к врачу.

Крышка люка легко откидывалась на шарнире. Запиралась она защелкой, которую всего-навсего нужно было отодвинуть, чтобы открыть крышку. Хью осветил шахту люка сияющей сферой: дно туннеля находилось на глубине около четырех футов. Он полез вниз и столкнулся с первой неприятностью.

Эти люки и туннели предназначались для людей, которые были на фут ниже и фунтов на пятьдесят легче Хью Фарнхэма. Поэтому диаметр лаза был рассчитан на соответствующую ширину плеч и бедер.

Но он должен одолеть этот чертов туннель!

Хью попытался представить себе, как он будет протискиваться по нему, имея на руках по крайней мере одного грудного ребенка. Но и с этим он обязан справиться. И он справится обязательно.

Он чуть не устроил себе западню. Буквально в самый последний миг, почти скрывшись в шахте люка, он обнаружил, что на внутренней стороне крышки, абсолютно гладкой, нет никакой ручки, а запор защелкивается снаружи автоматически.

Теперь Хью понял, почему никто не беспокоился по поводу возможного внезапного появления жеребца в женских помещениях. Но это было и значительным преимуществом. Хью сразу оценил его. Если все будет спокойно на другом конце туннеля, то он заберет Барбару, они вчетвером спустятся в туннель, выберутся по нему наружу в любом доступном месте и направятся в горы пешком. Нужно будет отыскать какой-нибудь ручей и часть пути пройти по воде, чтобы сбить со следа собак.

Итак, вперед, и только вперед! Без пищи, практически с голыми руками, если не считать самодельного ножа, без какого-либо

снаряжения, кроме еды и «ночной рубашки», и без всякой надежды на лучшее... Вперед! Или спасти семью, или погибнуть вместе с ней. Но погибнуть свободным!

Кто знает, может быть, в один прекрасный день его сыновья-близнецы, которые, закалившись в борьбе за существование, наверняка будут в чем-то мудрее его, возглавят восстание против царящих здесь ужасов. Но все, что было в его силах сделать, все, на что он мог надеяться,— это освободить детей, не дать им умереть с голоду и постараться вырастить их сильными, гордыми, полноценными мужчинами.

Или погибнуть.

Таковы были его планы. Он не стал терять ни минуты на сетования по поводу пружинного запора. Это просто значило, что он обязательно должен связаться с Барбарой и назначить время, потому что ей самой придется возиться с люком на своем участке туннеля. А сегодня он должен только провести рекогносцировку.

Лента, которой его нож был привязан к руке, как выяснилось, прекрасно удерживала запор в открытом положении. Он попробовал: защелка не выдвигалась. Теперь крышку можно было открыть изнутри.

Но ставший почти звериным инстинкт самосохранения подсказал ему: лента не выдержит до тех пор, пока он вернется, и тогда он окажется в ловушке.

Следующие полчаса он в поте лица ковырял защелку ножом и пальцами, держа светящийся шарик в зубах. В конце концов ему удалось сломать пружину. Тогда он полностью вынул защелку. Люк внешне выглядел абсолютно нормально, но теперь его можно было открыть изнутри простым толчком.

Закрыв над головой люк, он спустился вниз и попробовал ползти по туннелю на четвереньках, держа светильник в зубах, но почти сразу остановился. Проклятый балахон мешал ему продвигаться. Он подоткнул его до талии, но балахон упорно сползал обратно.

Тогда он вернулся к шахте люка, снял с себя упрямое одеяние, оставил его здесь и, обнаженный, с привязанным к руке ножом и светильником во рту, снова устремился к цели. Теперь продвигаться было легче, но полностью встать на четвереньки ему так и не удалось. Руки в локтях приходилось сгибать и ползти на

карачках, с неудобно задранным задом. «Приятным сюрпризом» оказались места пересечения трубопроводов, которые Хью преодолевал буквально на брюхе.

Было трудно определить осиленное расстояние. Однако, как выяснилось, через каждые тридцать или около того футов в стенах туннеля имелись стыки. Он стал считать их и попытался в уме сопоставить пройденное расстояние со схемой.

Вот уже позади два люка... Поворот налево и перекрестный туннель под следующим люком... Проползти еще около ста пятидесяти футов и повернуть направо...

Приблизительно через час он оказался под люком, который, по его мнению, был ближайшим к Барбаре.

Если только он не заблудился в недрах Дворца... Если он правильно помнил сложную схему... Если схема была точной (может быть, за последние две тысячи лет все-таки научились своевременно вносить поправки в чертежи?)... Если только Киска не ошиблась в определении местонахождения Барбары... Если Барбара еще находилась там же...

Скрючившись в немыслимой позе, он приложил ухо к крышке люка и уловил детский плач. Потом он услышал над головой баюканье, кто-то прошел мимо, затем вернулся и встал на крышку.

Хью напрягся и приготовился к отступлению. Места было так мало, что самым разумным казалось ползти задом наперед, каковым способом он и попытался продвигаться.

Но это было настолько неудобно, что он вернулся к шахте и там, ценой невероятных усилий и ободранной кожи на боках, сумел развернуться...

Обратный путь показался ему вечностью. Он даже решил, что потерялся, и начал раздумывать, от чего умрет скорее — от голода или от жажды? Или, может быть, какой-нибудь ремонтник утром испытает нервное потрясение, обнаружив его здесь?

Тем не менее он упорно продолжал ползти.

Руки его наткнулись на балахон раньше, чем он разглядел его.

Пятью минутами позже он был одет, а через семь минут уже стоял в коридоре. Он буквально заставил себя не пуститься бегом в свои апартаменты.

Киска не спала.

Он и не подозревал об этом до тех пор, пока она не вошла вслед за ним в ванную. Широко раскрыв глаза, Киска с ужасом произнесла:

— О, дорогой мой! Бедные колени! Бедные локти!

— Я споткнулся и упал.

Она не стала спорить, а только настояла на том, что сама вымоет его и смажет ссадины. Когда затем она было направилась к его грязной одежде, он резко приказал ей отправляться в постель. Он ничего не имел против того, чтобы она занялась его балахоном, но в нем лежал его нож; ему и так пришлось долго маневрировать, заслоняя собой замызганное рубище, прежде чем удалось прикрыть нож складками одежды.

Киска молча удалилась. Хью спрятал нож, вернулся в комнату и обнаружил, что малютка плачет. Он стал гладить ее и виноватым тоном сказал, что не хотел быть с ней грубым, потом налил ей в утешение дополнительную порцию Счастья. Затем он посидел с ней до тех пор, пока она не забылась в безмятежном сне.

После выпавших на его долю испытаний он даже и не стал пытаться заснуть без наркотика. Киска дремала, выпростав одну руку из-под одеяла. Ее ручка зримо напоминала Хью о той, которую он видел полдня назад в разделочной.

Он совершенно выбился из сил, и напиток сразу же усыпил его. Но покоя не было и во сне. Ему приснилось, что он на званом обеде, при черном галстуке и одетый соответствующим образом. Но вот только меню ему что-то не нравилось. Венгерский гуляш... французское жаркое... мясо по-китайски... сэндвичи с мясом... фазанья грудинка...— но все это было «жирной свининой». Хозяин дома настаивал, чтобы он попробовал каждое блюдо. «Ну же, ну! — подбадривал он с леденящей улыбкой на устах.— Откуда вы знаете, что вам это не понравится? Один бычок трех сбережет. Вы должны полюбить такую пищу».

Хью стонал во сне, но никак не мог проснуться.

Утром Киска ни о чем не спрашивала, за что совершенно разбитый Хью был ей весьма признателен. Двух часов кошмарного сна было явно недостаточно, но он должен был идти в свой кабинет и делать вид, что работает. Там он просто сидел, уставившись на схему над рабочим столом, и даже не пытался смотреть на экран включенного ридера. После ленча он ускользнул к себе и попытался вздремнуть. Но в дверь осторожно постучал инженер и, рассыпавшись в извинениях, попросил взглянуть на смету холодильной установки. Хью налил гостю дозу Счастья и сделал вид, что внимательно изучает ничего не говорящие ему цифры. Когда прошло достаточное количество времени, он похвалил молодого человека и написал Мемтоку записку, в которой рекомендовал смету к утверждению.

В письме Барбары, которое он получил вечером, всячески приветствовалась идея организации литературно-дискуссионного клуба по переписке и содержались весьма интересные мысли о творчестве Марка Твена. Но Хью интересовали только первые слова предложений:

«Я ПРАВИЛЬНО ПОНЯЛА ТЕБЯ МИЛЫЙ ВОПРОС».

Глава девятнадцатая

«ДОРОГАЯ МЫ ДОЛЖНЫ БЕЖАТЬ НА ТОЙ НЕДЕЛЕ ИЛИ ДАЖЕ РАНЬШЕ БУДЬ ГОТОВА В НОЧЬ ПОСЛЕ ПИСЬМА СОДЕРЖАЩЕГО СЛОВА СВОБОДА ПРЕЖДЕ ВСЕГО ОДИНОЧЕСТВО».

В течение следующих трех дней письма Хью к Барбаре были длинными, и в них обсуждалось все, что угодно, начиная с того, как Марк Твен пользуется лексическими идиомами, и кончая влиянием прогрессивных методов обучения на расшатывание грамматических норм. Ее ответы, продолжавшие литературную тему, также были пространными. В них подтверждалось, что она все поняла и в назначенное время будет готова открыть люк, сообщалось, что у нее нет ни запасов продовольствия, ни обуви, но последнее не беда, так как подошвы ее ног сильно огрубели, и что единственное, о чем она беспокоится,— чтобы не расплакались близнецы или не проснулись соседки по комнате, особенно две из них, которые еще кормят своих детей по ночам грудью. Но

пусть Хью ни о чем не беспокоится — она постарается все устроить.

Хью решил спрятать бутылку Счастья в люке, ближайшем к комнате Барбары. В письме он велел ей сказать товаркам, что она украла ее, и напоить их так, чтобы они не просыпались, а также дать и близнецам немного, чтобы те не плакали, в какие бы передряги ни попали.

Лишний раз рисковать, относя бутылку, Хью смертельно не хотелось. Но он ухитрился извлечь из этой вылазки пользу. Он не только засек время и запомнил все изгибы лабиринта до мельчайших подробностей, но и взял с собой набитый свитками куль, который наверняка был значительно тяжелее ребенка. Куль он привязал к груди полоской материи, оторванной от чехла, закрывавшего ридер. Две такие подвязки, одну для себя, другую для Барбары, он изготовил с учетом того, чтобы привязанного ребенка можно было нести и за плечами.

Эксперимент показал, что транспортировать детей таким образом довольно трудно, но возможно. Хью отметил для себя места, где нужно быть особенно осторожным и продвигаться потихоньку, чтобы не придавить «драгоценную ношу» и не зацепиться за что-нибудь.

Отрепетировав бегство и убедившись, что принципиальных трудностей нет, он вернулся к себе. Киска на сей раз не проснулась — он предусмотрительно угостил ее увеличенной дозой Счастья.

Хью вернул на место свитки, спрятал нож и светильник, промыл колени и локти и смазал их, затем сел и написал длинное дополнение к предыдущему письму Барбаре, в котором объяснил, как найти бутылку. В послании высказывались некоторые соображения по поводу философских воззрений Хемингуэя и отмечалось, что, как ни странно, в одном из своих произведений писатель говорит, что «свобода — это прежде всего одиночество», а в другом утверждает прямо противоположное...

На следующий вечер он вновь дал Киске усиленную дозу Счастья, сказав, что в бутылке осталось совсем немного и ее нужно допить, а затем он принесет новую.

— Но тогда я совсем поглупею,— пробормотала Киска.— И перестану нравиться вам.

— Пей, пей! И не говори чепуху. Для чего же и жить, как не для удовольствия?

Через полчаса Киска уже не могла без посторонней помощи добраться до постели. Хью побыл с нею до тех пор, пока она не начала всхрапывать. Потом встал, бережно прикрыл ее одеялом, поцеловал на прощанье и некоторое время постоял, с жалостью глядя на малютку.

Через несколько минут он уже спускался в люк.

Там он снял балахон, сложил в него все, что ему удалось достать,— пищу, обувь, парик, две баночки с кремом, в который был добавлен коричневый пигмент. Хью не очень-то рассчитывал на грим и особо не верил в него, но в случае, если рассвет их застигнет до того, как они дойдут до гор, он собирался загримировать всех, сделать из балахонов какое-то подобие штанов и накидки, которые, как ему известно, были обычной одеждой свободных крестьян-Избранных — «нищего черного отребья», как называл их Джо,— и попытаться продержаться таким образом до темноты.

Одну из подвязок он нацепил на себя, другую положил в тючок и пополз. Он торопился, так как время теперь решало все. Если даже Барбаре удастся подпоить товарок, если повезет без осложнений спуститься в туннель, если передвижение по нему займет не более часа (что проблематично при наличии детей) — все равно им не выбраться за пределы имения раньше полуночи.

В распоряжении у них будет всего пять часов до рассвета, за которые они должны добраться до гор. Интересно, смогут ли они продвигаться со скоростью три мили в час? Вряд ли, поскольку обуви у Барбары нет, на руках у них будут близнецы, местность им незнакома, а ведь идти придется в темноте.

Горы — их было видно из окон — начинались милях в пятнадцати от имения. Им предстоит очень тяжелое путешествие, даже если события будут разворачиваться по плану.

Хью протискивался по туннелю, не жалея локтей и коленей...

Добравшись до места, где была припрятана бутылка, он с удовлетворением отметил, что она исчезла. Тогда он расположился поудобнее и, стараясь унять бешено бьющееся сердце, попытался замедлить дыхание, расслабиться и ни о чем не думать.

Это помогло. Он начал даже впадать в легкую дремоту, но мгновенно пришел в себя, увидев, как поднимается крышка люка.

Барбара действовала совершенно бесшумно. Она передала ему одного из сыновей, которого он сразу же положил подальше в туннель, затем второго — он разместил его рядом с первым. Потом протянула трогательный маленький узелок с пожитками и прикрыла крышку люка.

Как только Барбара оказалась внизу, он поцеловал ее.

Она, всхлипывая, прильнула к нему. Хью сурово прошептал ей на ухо, чтобы она не шумела, и объяснил, что делать. Она тут же затихла: им предстояла нелегкая работа.

В тесной шахте подготовиться к продвижению было мучительно трудно. Здесь негде было развернуться и одному, не говоря уже о двоих. Только безвыходность положения позволила им сделать все, что нужно. Сначала Хью помог Барбаре снять короткое одеяние, которое носили прислуги, затем она легла ногами в туннель, и он привязал ей одного из близнецов, основательно затянув узлы. Укрепив другого ребенка на себе, он соорудил из одежды Барбары узелок и привязал его рукавами к своей левой лодыжке, чтобы при движении тот волочился за ним.

Когда все это было закончено (ему показалось, что прошли часы), Барбара отползла еще дальше назад, и он, с неимоверными усилиями развернувшись в узкой шахте люка, ухитрился оказаться в нужном положении в туннеле, не ушибив при этом маленького Хьюги. Или, может быть, это был Карл Джозеф? Он забыл спросить. Во всяком случае, почувствовав тельце ребенка, прижатое к его собственному телу, услышав мирное посапывание мальчика, Хью ощутил прилив свежих сил и отваги. Видит бог, они справятся! Всякий, кто встанет у них на пути, погибнет.

Он пополз вперед, держа светильник в зубах и стараясь передвигаться как можно быстрее. Он не задерживался, чтобы подождать Барбару, так как заранее предупредил ее, что не остановится, если она не позовет его.

Она так ни разу и не окликнула его. Однажды с его ноги соскользнул узелок. Они приостановились, и Барбара снова привязала его. Это и стало их единственной передышкой. Скорость перемещения была неплохой, но Хью снова показалось, что прошла целая вечность, прежде чем они наткнулись на торбу с припасами, которую он оставил возле своего люка.

Отвязав детишек, измученные беглецы перевели дух.

Хью помог Барбаре приспособить перевязь так, чтобы ребенка теперь можно было нести на спине, и объединил их припасы в один общий узел, оставив при себе нож, балахон и светильник. Он показал, как нужно держать светящийся шарик во рту, и передал его Барбаре.

— Ты похожа на привидение,— прошептал он.— А теперь слушай внимательно. Я сейчас вылезу. Будь готова передать мне одежду. Я должен произвести разведку.

— Я могу помочь тебе одеться прямо здесь.

— Нет. Если меня застукают выбирающимся из люка, будет драка, и балахон замедлит мои движения. Да он, в принципе, и не понадобится до тех пор, пока мы не дойдем до кладовой, где у меня намечена следующая остановка. Если наверху все тихо, то ты должна будешь осторожно передать мне наши пожитки и ребенка. Учти, потом тебе придется нести и его, и наши вещи — мне нельзя занимать руки. Понимаешь, милая, я не хотел бы никого убивать, но если кто-нибудь встанет нам поперек дороги, ему несдобровать. Ты понимаешь меня?

Она кивнула.

— Значит, я понесу все? Хорошо, мой повелитель, я вполне справлюсь.

— До кладовой недалеко, и скорее всего, по пути мы никого не встретим. Как только мы окажемся снаружи, я возьму у тебя часть вещей и посмотрим, не подойдут ли тебе мои сандалии.

— За мои ноги не беспокойся, с ними все будет в прядке.

— В таком случае будем надевать сандалии по очереди. У кладовой мне придется заняться замком на двери — с неделю назад я

приметил там арматурину. Она должна быть на месте. Короче говоря, я сломаю замок, а потом мы быстро-быстро двинемся в путь. Наше исчезновение обнаружится только за завтраком, потом потребуется некоторое время, чтобы удостовериться в нашем побеге, и еще больше времени, чтобы организовать погоню. Так что если не случится ничего непредвиденного, фора у нас солидная.

— Конечно, мы успеем.

— И еще одно... Когда я возьму у тебя одежду и закрою крышку, оставайся на месте. Сиди тихо и не выглядывай из люка.

— Хорошо.

— Меня может не быть примерно час. Не исключено, что придется симулировать боль в животе и заходить к ветеринару. Тогда я вернусь, как только смогу.

— Ладно.

— Барбара, в крайнем случае тебе придется ждать двадцать четыре часа. Не дай бог, конечно. Ты сможешь столько пробыть здесь и все это время не давать малышам плакать? Если потребуется?

— Я готова на все, Хью.

Он поцеловал ее.

— А теперь спрячь светильник. Я хочу выглянуть наружу.

Хью чуть приподнял крышку и снова опустил ее.

— Очень удачно,— прошептал он.— Даже фонарь погасили. Ну, я пошел. Будь готова передать мне вещи. Но прежде всего Джо. И смотри не выдай себя ничем.

Он поднял крышку, беззвучно откинул ее, подтянулся и выбрался в коридор.

Яркий луч света ударил ему прямо в глаза.

— Довольно,— сухо сказал кто-то.— Ни с места.

Хью настолько молниеносно ударил ногой по руке, державшей хлыст, что обладатель не успел им воспользоваться. Хлыст отлетел в сторону. Хью рванулся и нанес подстерегавшему два сокрушительных удара ребром ладони — именно так, как описывалось в учебнике. Этого оказалось достаточно, чтобы сразить противника наповал.

Хью наклонился над люком.

— Давай! Быстро!

Барбара подала ему ребенка, затем багаж. После этого он протянул ей руку и помог выбраться наверх.

— Посвети,— прошептал он.— А то его фонарь погас, а мне нужно избавиться от тела.

Она посветила ему.

Мемток...

Хью с горестным изумлением покачал головой, опустил тело в люк и закрыл крышку. Барбара была уже наготове: один ребенок прочно привязан за спиной, другой — в левой руке, в правой — вещи.

— Пошли! Иди за мной, не отставай! Меняем планы!

Он дошел до перекрестка, нащупывая рукой дорогу вдоль стены.

В кромешной тьме Хью так и не понял, откуда его достали разрядом хлыста. Нестерпимая жгучая боль пронзила все его тело, и он провалился в беспамятство.

Глава двадцатая

Долгое время мистер Фарнхэм не чувствовал ничего, кроме боли. Когда она немного отпустила его, он обнаружил, что находится в камере, наподобие той, в которой он провел первые дни в имении Лорда-Протектора.

Он пробыл в ней три дня. По крайней мере, так ему показалось, потому что кормили его за это время шесть раз. Перед раздачей пищи его обволакивала невидимая «паутина», кто-то входил, оставлял пищу, менял парашу и уходил. Слуга, который делал все это, не отвечал ни на какие вопросы.

На четвертый день, утром, невидимая паутина схватила его совершенно неожиданно (только что была кормежка), и в камеру вошел его старый знакомый и «кузен» Главный Ветеринар. У Хью были более чем веские основания подозревать о причине его визита, и он стал требовать, чтобы его отвели к Лорду-Протектору, перейдя в конце концов на крик.

Врач никак не отреагировал на его бурное возмущение. Он вколол что-то Хью в бедро и вышел.

Хью с облегчением отметил, что сознания он не потерял, но когда поле исчезло, он почувствовал, что все равно не может шевельнуться и впадает в тяжелое оцепенение. Через некоторое время вошли двое слуг, подняли его и положили в какой-то ящик, похожий на гроб.

Хью смутно ощущал, что его куда-то несут. Тряски он не испытывал и только дважды почувствовал, как ящик куда-то поднимали. Затем ящик поставили и через несколько минут (часов? дней?) подхватили и снова понесли. В конце концов он оказался в другой камере, которая отличалась от первой только тем, что стены в ней были светло-зелеными, а не белыми. Вскоре состояние оцепенения покинуло его, но когда слуга принес пищу, Хью снова был опутан паутиной невидимого поля.

Однообразное, аморфное существование длилось сто двадцать два кормления. Хью отметил их число ногтем на стене. Это занимало у него меньше пяти минут каждый день; он бесплодно проводил остальную часть своего времени, беспокоился, иногда спал. Сон был гораздо хуже бодрствования, потому что во сне он снова и снова совершал побег, и каждый раз его ловили — правда, всегда в разных местах. Вновь и вновь ему приходилось убивать своего друга Главного Управляющего. Дважды во сне им удавалось добраться до самых гор, прежде чем их настигала погоня. Но рано или поздно их все равно ловили. В этот момент Хью обычно с криком просыпался, зовя Барбару.

Больше всего он беспокоился о ней и о близнецах, хотя малыши были для него какими-то не совсем реальными. Ему ни разу не приходилось слышать, чтобы прислугу за что-нибудь серьезно наказывали. Но ему также никогда не приходилось слышать о прислуге, совершившей побег, который к тому же еще и отягощен убийством. Так что Хью пребывал в полном неведении о судьбе близких. Он знал только одно — Лорд-Протектор предпочитает к столу мясо прислуги.

Он старался убедить себя, что старик Понс ничего не сделает с женщиной, которая кормит грудью,— а кормить ей предстояло еще долго. Прислуга обычно растит детей до двух лет, как ему было известно со слов Киски.

Он беспокоился и насчет Киски. Не накажут ли малышку за то, к чему она практически не имела никакого отношения? И опять он ни в чем не мог быть уверен. В этом мире существовало свое понимание справедливости, подчас странное и абсурдное для цивилизованного человека того далекого прошлого, в котором когда-то жил Хью. Отправление же правосудия вообще оставалось для него тайной за семью печатями.

Большую часть времени он проводил в «конструктивном» самобичевании, то есть размышлял о том, что ему следовало бы сделать, а не о том, что он сделал в действительности.

Теперь он видел, что его планы были просто смехотворными. Ему не стоило так быстро поддаваться панике и торопиться с побегом. Куда лучше было бы упрочить связь с Джо, ни в чем не противоречить ему, играть на его тщеславии, работать на него, а тем временем добиваться, чтобы он согласился откупить Барбару и ее детишек. Джо был располагающим к себе человеком, а старый Понс — весьма щедрым, поэтому он мог бы даже не продавать Джо трех бесполезных слуг, а просто подарить их. Тогда мальчикам на протяжении многих лет ничего не угрожало бы, а со временем Хью вполне мог бы рассчитывать стать доверенным слугой, занимающимся деловыми операциями и имеющим право свободного доступа куда угодно по делам своего повелителя. В таком случае он изучил бы все пружины, приводящие в действие механизмы этого мира, как никакой другой домашний слуга, и уж тогда наверняка смог бы спланировать побег, который оказался бы удачным.

Какое бы общество ни создал человек, напомнил он себе, в нем всегда можно добиться успеха. Слуга, имеющий дело с деньгами, всегда найдет способ немного украсть. Возможно, здесь тоже существовало что-то вроде «подпольной железной дороги», по которой беглецов переправляют в горы. Как все-таки глупо, что он поторопился!

Обдумывал он и другие перспективы, более широкие,— восстание рабов, например. Он представлял себе туннели, использующиеся не для побега, а как место, где тайно обучают грамоте; слышал произносимые шепотом клятвы, делающие давших их

кровно связанными с определенным Избранным, против имени которого вытягивался длинный перечень преданных общему делу убийц. Он так и видел слуг, торопливо превращающих куски металла в ножи.

Эта «конструктивная» мечта нравилась ему больше всего. Но почему-то слабо верилось в то, что она может воплотиться. Неужели эти покорные овцы когда-нибудь созреют для восстания? Правда, его отнесли к тому же виду, но исключительно из-за цвета кожи. На самом же деле он и слуги были совершенно разной породы. Столетия направленной селекции сделали свое дело: Хью отличался от любого представителя этой безликой массы так же, как лесной волк от комнатной собачки.

И все же... И все же, откуда ему знать? Ведь он общался только с оскопленными слугами да с Киской. Неизвестно еще, как влияло на боевой дух мужчин то, что они лишались больших пальцев в самом раннем возрасте и что их постоянно подгоняли хлыстами.

Часто Хью размышлял над вопросами расового неравенства, или, вернее, об абсурдной идее «расового неравенства». Никто ведь не подходил раньше к этой проблеме с научной точки зрения. Слишком много эмоций обуревало и ту и другую сторону. Никому не нужны были объективные данные.

Хью вспомнил район Пернамбуко, который он посетил, отбывая службу на флоте. Владельцами богатых плантаций там были преисполненные собственного достоинства, выхоленные, получившие образование во Франции черные, в то время как слугами и рабочими на их полях — плутоватые, задиристые, «явно» не способные ни на что другое, кроме как батрачить,— были белые. Хью редко решался рассказывать этот анекдот в Штатах: ему не верили даже те из белых, которые кичились тем, что являются сторонниками «движения за оказание помощи американским неграм в самосовершенствовании». У Хью создалось впечатление, что почти все эти «гуманные» сердца желали, чтобы жизнь негров улучшилась почти до уровня их собственной жизни, чтобы можно было с легкой совестью забыть о них, но они совершенно не могли принять мысль, что их отношения с неграми могут поменяться на обратные.

Хью знал, что положение вещей может быть совершенно иным. В Пернамбуко он это видел, а теперь испытывал на своей шкуре.

Знал Хью и то, что даже в проблеме расовой принадлежности все было не так просто. Многие граждане Рима были черны как смоль, а многие рабы могли бы быть приведены Гитлером в качестве эталона арийской расы. Поэтому в крови любого белого наверняка была капелька негритянской. А зачастую — и гораздо больше. Как же звали того сенатора с юга, который сделал себе карьеру на пропаганде доктрины о превосходстве белого человека?.. Хью узнал забавный факт: этот человек умирал от рака и перенес такое множество переливаний крови, что можно было говорить уже не о малой толике негритянской, а о целой бочке ее. Флотский хирург как-то с восторгом рассказал об этом Хью и подтвердил свой рассказ медицинской литературой.

Хью решил, что вся эта сложная проблема расовых различий вряд ли будет когда-нибудь проанализирована объективно, потому что почти никому не нужна правда.

Взять хотя бы простой пример. Хью, как и большинство его современников, считал, что негры в общем-то были лучшими певцами, чем белые. И те же самые люди, которые громче других кричали о «равенстве рас», будь то негры или белые, казалось, были просто счастливы признать, что чернокожие в этом обладают превосходством. Поэтому все заверения в стремлении к равенству, с какой бы стороны они не звучали, были столь же лицемерными, как заповедь из «Скотного Двора» Оруэлла, гласившая: «Все животные равны, но некоторые из них равны более, чем остальные».

Что ж, он-то знал, кто сейчас считается представителем «низшей расы», несмотря на то что статистически тоже имеет свою примесь черной крови. Этого парию зовут Хью Фарнхэм. Теперь он был полностью согласен с Джо: если уж возможности неравны, то лучше оказаться наверху!

На шестьдесят первый день (если он действительно был таковым), проведенный им в новой камере, за ним пришли, вымыли его, остригли ногти, умастили тело ароматическим кремом и представили пред очи Лорда-Протектора.

Хью испытывал унижение от своей вынужденной наготы, но справедливо заключил, что это оправданная мера: следовало предупредить малейшее угрожающее движение пленника, который столь опасен, что может убивать даже голыми руками. Сопровождали его два молодых Избранных, которые, как счел Хью, были военными. Их хлысты, отличные от «погонялок» слуг, явно не были бутафорскими.

Путь в апартаменты Их Милости оказался неблизким: здание, похоже, было огромным. Комната, куда они в конце концов пришли, весьма походила на покои Понса в Летнем Дворце, где Хью когда-то играл в бридж. Из большого окна открывался вид на широкую реку.

В комнате находился сам Лорд-Протектор, тут же были близнецы, которые ползали по полу, и Барбара, скованная невидимыми путами, в которые, войдя, попал сразу и Хью.

Она улыбнулась ему, но ничего не сказала. Он внимательно оглядел ее. Барбара казалась целой и невредимой, только немного похудела, да под глазами у нее были темные круги.

Он хотел заговорить, но она движением головы предостерегла его. Тогда Хью взглянул на Лорда-Протектора и обнаружил, что рядом с ним расположился Джо, а Грейс с Дьюком, демонстративно на обращая внимания на происходящее, жуют Счастье и увлеченно играют в карты в углу комнаты. Он перевел взгляд на Их Милость.

Судя по всему, тот перенес тяжелую болезнь. В помещении было тепло — Хью не испытывал холода и нагишом,— однако Понс был тщательно укутан, плечи его покрывала шаль. Выглядел он глубоким стариком.

Но когда он заговорил, оказалось, что голос его ничуть не потерял звучности и силы.

— Можешь идти, капитан. Мы отпускаем тебя.

Эскорт удалился. Их Милость окинул Хью печальным взглядом. Наконец он сказал:

— Ну что, парень, наделал ты дел, а? — Он опустил глаза, поиграл с чем-то у себя на коленях. Хью увидел, что это белая мышь. Внезапно он почувствовал к ней симпатию. Похоже было, что

мышке не нравилось сидеть на коленях у Понса, но и бежать было некуда, так как на полу ее подстерегали коты, и Красотка наблюдала за ней с нескрываемым интересом.

Хью не ответил. Вопрос показался ему чисто риторическим. Тем не менее он был удивлен. Понс накрыл мышку ладонью и взглянул на Хью.

— Что же ты молчишь? Скажи что-нибудь.

— Вы говорите по-английски?..

— Не нужно глупо таращить глаза. Я ведь ученый, Хью. Неужели ты думаешь, что я могу окружить себя людьми, говорящими на языке, которого я не знаю? Да, я говорю на нем и читаю, хотя правописание в нем глупейшее. Я каждый день занимался с опытнейшими преподавателями плюс разговорная практика с ходячим словарем,— он кивнул в сторону Грейс.— Или ты полагаешь, что мне не хочется самому прочитать все свои книги, не завися при этом от сделанных тобой тяп-ляп переводов? Я дважды прочел «Сказки просто так» — они очаровательны. И сейчас читаю «Одиссею».

Он снова перешел на Язык.

— Но мы здесь не для того, чтобы беседовать о литературе,— поданный Понсом знак был почти незаметен, но в комнату тут же вошли четверо слуг. Они поставили перед Их Милостью стол, разложив на нем какие-то вещи. Хью узнал их: самодельный нож, парик, две баночки с кремом, пустая бутылка из-под Счастья, маленькая сфера, уже погасшая, пара сандалий, два балахона — один длинный, другой короткий, оба измятые и грязные,— и на удивление высокая стопка бумаг, тоже изрядно потрепанных.

Понс посадил мышку на стол, переложил несколько вещей с места на место и задумчиво сказал:

— Я не так глуп, Хью. Имея дело со слугами всю жизнь, я раскусил тебя раньше, чем ты сам утвердился в своем решении. Такого человека, как ты, нельзя помещать вместе с преданными слугами — это приводит к их разложению. У них тут же начинают появляться разные ненужные мысли. Я сам собирался дать тебе возможность бежать, как только ты перестанешь быть мне нужен. Так что тебе не следовало торопиться с побегом.

— Неужели вы думаете, что я поверю в это?

— Какая разница, поверишь ты или нет? Я просто не мог бы держать тебя слишком долго: одно гнилое яблоко портит остальные, как любил говорить мой дядя. Не мог я и продать тебя, потому что какой-нибудь ни о чем не подозревающий человек заплатил бы немалые деньги за слугу, способного подорвать устои всего его хозяйства. Нет, мне определенно пришлось бы дать тебе возможность бежать.

— Даже если и так, я бы никогда не убежал без Барбары и сыновей.

— Я же говорю тебе: я не дурак. Будь добр, запомни это. Я как раз и собирался использовать Барбару и ваших очаровательных малышей как средство вынудить тебя бежать, но только когда я счел бы это необходимым. А ты все испортил. Теперь я должен наказать тебя в назидание другим слугам. Это пойдет им на пользу.— Он нахмурился, взял в руки грубый нож.— Плохо сбалансирован. Хью, неужели ты всерьез рассчитывал добыть свободу с таким жалким оружием в руках? Ты даже не разжился обувью для своей несчастной подруги. А если бы ты немного подождал, тебе была бы предоставлена возможность украсть все, что необходимо.

— Понс, вы играете со мной, как с этой мышкой. Ведь на самом деле вы вовсе не собирались способствовать моему бегству, по крайней мере настоящему бегству. Я в конце концов оказался бы на вашем столе.

— Перестань! — На лице старика появилась гримаса неудовольствия.— Хью, я нездоров: кто-то опять пытался отравить меня — скорее всего племянник — и на сей раз это ему почти удалось. Поэтому не нужно противоречить мне — у меня начинаются спазмы в животе.— Он окинул Хью оценивающим взглядом.— Жесткий, старый, дикий жеребец — это дрянь. Слишком воняет. Кроме того, джентльмен никогда не станет есть члена своей семьи, какой бы поступок тот ни совершил. Так что давай оставим этот дурной тон. У тебя нет никаких оснований держаться вызывающе. Ведь я не сержусь на тебя, просто ты сорвал мои планы.— Он взглянул на близнецов и сказал: — Хьюги, перестань дергать Красотку за хвост.— Голос его не был ни громок, ни строг, но ребенок

тут же повиновался.— Вот эти двое наверняка были бы хороши на вкус, однако они принадлежат к моей семье. Но даже будь они чужими, все равно я нашел бы им другое применение. Они так милы и так похожи друг на друга... Да, раньше в моих планах им была уготована иная, лучшая судьба. Пока не стало ясно, что они необходимы для того, чтобы вынудить тебя бежать.

Понс вздохнул.

— Я вижу, что ты по-прежнему не веришь ни единому моему слову, Хью. Ты просто не понимаешь системы. Впрочем, слугам этого не дано. Тебе не приходилось выращивать яблоки?

— Нет.

— Так вот, хорошее, вкусное яблоко, твердое и сладкое, никогда не вырастет само по себе. Такой плод может появиться только в результате кропотливой селекционной работы над дичком, подчас таким мелким и кислым, что он не годится даже на корм скоту. Кроме того, требуется еще особый уход и защита. С другой стороны, слишком ухоженные растения могут потерять упругость, стать рыхлыми, мягкими — выродиться, одним словом... Это палка о двух концах. И подобная проблема постоянно возникает со слугами. Нужно неустанно удалять возмутителей спокойствия, не давать им возможности плодиться. Однако эти же самые возмутители спокойствия, особенно наиболее ретивые из них, являются бесценным генетическим фондом, который нельзя разбазаривать. Поэтому тех бунтарей, которые становятся смутьянами неосознанно, мы безжалостно выкорчевываем — чаще всего просто кастрируем. Самых же закоренелых — таких, как ты,— мы вынуждаем бежать. Если им удается выжить — а некоторым это удается,— мы в конце концов захватываем беглецов и их потомство немного позже и сознательно обновляем дикой кровью вырождающуюся генетическую линию. Наш несчастный друг Мемток появился на свет как раз в результате такого скрещивания. Он был на четверть дикарем — само собой разумеется, он и не подозревал об этом — и прекрасным жеребцом, который отлично помог улучшить линию. Но слишком долго держать такого слугу в жеребцах опасно. Тогда его ознакомили с преимуществами, даваемыми оскоплением. Большинство моих старших

слуг имеют примесь дикой крови. Некоторые из них — сыновья Мемтока. Например, инженер. Нет, Хью, ты никогда не оказался бы ни на чьем столе. И тебя не стали бы кастрировать. Я бы с удовольствием держал тебя при себе как ручного: ты забавен и к тому же отличный партнер по бриджу. Но я не мог позволить тебе долго находиться в контакте с верными слугами, даже изолировав тебя нелепым титулом. Вскоре ты, видимо, установил бы связь с подпольем.

От изумления Хью даже открыл рот.

— Что, удивлен, а? Но ведь там, где существуют классы угнетателей и угнетенных, всегда есть подполье. Именно всегда, потому что, когда оно отсутствует, умные правители создают его искусственно. Однако поскольку оно имеется, мы следим за ним, субсидируем его — и используем. Среди старших слуг связником является ветеринар, которому абсолютно все доверяют и который совершенно бесстыдно лишен сентиментальности. Мне лично он несимпатичен. Если бы ты доверял ему, то получил бы указания, советы и помощь. А я бы с радостью использовал тебя на покрытие хотя бы сотни самок, а потом отпустил бы на все четыре стороны. Чего ты удивляешься? Даже Их Превосходительство, чтобы предотвратить вырождение, держит жеребцов, которым приходится нагибаться, входя в помещение для случки,— а ведь всегда существовала опасность, что ты и эти два очаровательных младенца погибнут и в результате ваш замечательный генетический потенциал будет безвозвратно утрачен.

Их Милость поднял стопку доставленных Киской записок.

— Вот это... От моего Главного Управляющего требовалось только удерживать тебя от опрометчивых поступков. Ведь он не знал о тайных функциях ветеринара. Мне даже пришлось немного нажать на Мемтока, чтобы получить эти копии,— и это в то время, когда любой догадался бы уже, что жеребец с таким нравом, как у тебя, всегда найдет возможность связаться со своей подругой. Мои подозрения по поводу твоей пронырливости переросли в уверенность, когда ты предложил ее партнером. Это была наша с ней первая игра в бридж, помнишь? Может быть, и нет. Но после я послал за Мемтоком, и точно, ты уже, оказывается, давно начал переписку. Хотя сначала он не хотел в этом признаваться, потому что вовремя не доложил.

Хью почти не слушал. Он не мог отогнать от себя мысль о том, что подобные вещи рассказывают только жертве. Никто из них четверых из этой комнаты живым не выйдет. Впрочем, скорее всего, это не касается близнецов. Ведь Понсу нужна свежая кровь. Но он и Барбара...— у них наверняка даже не будет возможности перемолвиться словечком перед смертью.

А Понс тем временем говорил:

— Но у тебя есть еще шанс исправить ошибки. А ты их наделал немало. Одна из написанных тобой записок, по словам моих ученых, была слишком бессмысленной. И тогда я понял, что ты занялся тайнописью и что-то замышляешь. После этого все письма подвергались тщательному исследованию. И, конечно же, мы нашли ключ к твоему коду — впрочем, его и кодом-то трудно назвать, настолько он наивен. Но если бы ты знал, Хью, чего мне это стоило! Мемток всегда недооценивал дикарей, он даже представить себе не мог, на что они способны, когда их загоняют в угол.

Понс нахмурился.

— Черт бы тебя побрал, Хью, твоя безжалостность мне дорого обходится. Я не продал бы Мемтока и за десять тысяч бычков, да и за двадцать, пожалуй, тоже. А теперь и твоя жизнь висит на волоске. Ну, обвинение к попытке к бегству — это еще полбеды. Обойдемся легким наказанием на глазах других слуг. Этого будет вполне достаточно. Уничтожение собственности хозяина можно скрыть, если никто ничего не пронюхал. Кстати, тебе известно, что согревательница твоей постели была в курсе большинства твоих планов? Знала обо всем? Самки ведь падки на всякие тайны.

— И она вам все рассказывала?

— Нет, будь она проклята, она не рассказала и половины того, что знала. Остальное пришлось потом извлекать из нее хлыстом. И тогда оказалось, что она знает столько, что мы не могли позволить ей встречаться с остальными слугами. Ей пришлось исчезнуть.

— Вы убили ее.— Хью почувствовал прилив отвращения. Он сказал это, зная, что все его слова и вопросы, в сущности, уже бессмысленны. Хотя еще не понял, куда гнет Понс.

— А тебе-то что? Она недостойна жить дальше, изменив хозяину. Но я все же не так расточителен, как ты думаешь. У этой дурочки просто не было никакого понятия о морали, и она не отдавала себе отчета в своих действиях. Должно быть, ты загипнотизировал ее. Хью, повторяю, я не человек порыва. Я никогда не швыряюсь своей собственностью направо и налево. Я продал ее так далеко, что она с трудом будет понимать тамошний акцент. Уж там-то вряд ли кто-нибудь поверит ее басням.

Хью перевел дух.

— Я очень рад.

— Что, понравилась тебе эта самка? Она что, была настолько хороша?

— Она была просто невинным младенцем. И я не хотел причинять ей вреда.

— Все может быть. А теперь, Хью, предлагаю тебе способ возместить убытки, понесенные мною по твоей вине, и в то же время извлечь выгоду для себя.

— То есть как это?

— А очень просто. Твоя эпопея стоила мне самого толкового слуги. В моем имении нет больше человека его калибра. Поэтому ты займешь его место. Никакого скандала, никакого шума, никакого волнения внизу, под лестницей,— все слуги, ставшие невольными свидетелями происшедшего, уже проданы в далекие края. А тому, что случилось с Мемтоком, можешь придумать любое объяснение. Или даже утверждать, что ничего не знаешь. Барба, ты в состоянии удержаться от сплетен?

— Конечно, если от этого зависит благополучие Хью!

— Вот и умница. А то мне очень не хотелось бы делать тебя немой. Игры стали бы не такими захватывающими. Впрочем, Хью, наверное, будет слишком занят, чтобы играть в бридж. Хью, вот тебе тот самый мед, из-за которого медведь попал в капкан: ты начинаешь исполнять обязанности Главного Управляющего — с ними ты наверняка сможешь справиться, как только вникнешь в детали,— а Барба с близнецами перебираются к тебе, чего ты все время добивался. Или ты становишься моим старший слугой, или вы все лишаетесь жизней. Таков выбор. Что скажешь?

Хью Фарнхэм был так изумлен, что никак не мог справиться с голосом, чтобы изъявить согласие. Между тем Их Милость добавил:

— Еще одна вещь. Я не могу позволить тебе начать жить с ними прямо сейчас.

— Нет?

— Нет. Я все еще хочу получить твое потомство от нескольких самок, пока тебя не оскопили. Но это ненадолго, если ты так крепок, как кажешься.

— Нет! — сказала Барбара.

Хью Фарнхэму предстояло принять ужасное решение.

— Барбара, подожди. Понс! А как насчет близнецов? Их тоже оскопят?

— О-о-о...— утомленно протянул Понс.— Ну и силен же ты торговаться, Хью. Предположим, что их не выхолостят. Скажем так: я некоторое время буду использовать их в качестве жеребцов и не буду отрезать им большие пальцы рук. А лет в четырнадцать или пятнадцать я дам им возможность бежать. Тебя это устраивает?

Старик замолчал, зашедшись в кашле. Он весь содрогался.

— Проклятие, ты утомляешь меня!

Хью упорно гнул свое:

— Понс, но ведь вас может и не оказаться в живых через четырнадцать или пятнадцать лет.

— Верно. Не очень вежливо напоминать об этом.

— А нельзя ли заручиться гарантией вашего наследника Мрики, что наша договоренность останется в силе при любых обстоятельствах?

Понс пригладил волосы и улыбнулся:

— Ушлый ты малый, Хью! Из тебя получится отменный Главный Управляющий! Так вот, конечно же, договориться с ним об этом я не могу. Именно поэтому я и хочу кое-что получить с тебя, а не дожидаться, покуда повзрослеют мальчишки. Но выбор у тебя есть и сейчас. Я могу позаботиться о том, чтобы вы сопровождали меня в последний путь,— все вы, и мальчики тоже. Или оставайтесь в живых и попытайтесь сами заключить новую сделку, если только это удастся. «Le Roi est mort, vive le Roi!»* — так в древности

* «Король умер, да здравствует король!» — *фр.*

выражалась мысль о том, что если умирает один Протектор, ему на смену приходит другой. Так что как знаешь. Я готов и на то, и на другое.

Хью все еще обдумывал невеселые предложения, когда снова заговорила Барбара:

— Их Милость...

— Да, детка?

— Лучше бы вы мне вырезали язык. Прямо сейчас, здесь, в этой комнате. Потому что мне вовсе не нравится весь этот замысел. И я не буду держать язык за зубами. Нет!

— Барба, Барба, хорошие девочки так себя не ведут.

— А я и не девочка. Я женщина, жена, мать! Я не буду больше называть вас «дядюшка» — вы злой человек! И я никогда не стану играть с вами в бридж, с языком или без языка. Мы беспомощны... но от меня вы ничего не добьетесь. Посмотрите, что вы нам предлагаете. Вы хотите, чтобы мой муж согласился на оскопление в обмен на то, что он сможет провести несколько жалких лет со мной и нашими детьми — ровно столько, сколько ваше тело милостью небес будет ходить и дышать. А что потом? Вы и тут обманываете нас. Мы умираем или оказываемся отданы на милость вашему племяннику, который еще хуже, чем вы. Уж я-то знаю! Все согревательницы ненавидят его лютой ненавистью: они рыдают, когда их посылают прислуживать ему, и рыдают еще горше, когда возвращаются от него. Но я бы не позволила Хью согласиться на ваши предложения даже в том случае, если бы вы обещали ему долгую жизнь. Нет! Никогда, никогда! Только посмейте принудить меня к такому жалкому, рабскому счастью, и я убью своих детей! Потом себя! А после этого и Хью покончит с собой, я уверена! — Она плюнула изо всех сил в направлении Понса и разрыдалась.

Их Милость сказал.

— Хьюги, я ведь говорил тебе, чтобы ты не дергал кошку за хвост. Она может поцарапать тебя,— он с трудом встал и произнес: — Теперь ты уговаривай их, Джо,— и вышел из комнаты.

Джо вздохнул и приблизился к ним.

— Барбара,— мягко сказал он,— возьми себя в руки. Ведь то, что ты говоришь, не пойдет ни в коей мере на пользу Хью, даже

если тебе так и кажется. Тем более что человеку в возрасте Хью такая потеря не должна казаться слишком большой.

Барбара взглянула на Джо так, словно увидела впервые в жизни, и плюнула ему прямо в лицо.

Он отшатнулся и поднял руку. Хью резко предупредил:

— Джо, если ты хоть пальцем тронешь ее, а меня когда-нибудь освободят, я сломаю тебе руку.

— У меня и в мыслях не было трогать ее,— медленно ответил Джо.— Я просто хотел вытереть лицо. Я не ударю Барбару, Хью. Я восхищаюсь ею. Просто мне кажется, что она рассуждает не совсем здраво.— Он поднес к лицу платок.— Видимо, нет смысла спорить.

— Нет, Джо. Прости, я сожалею, что сделала это.

— Ничего, Барбара. Ты просто расстроена и... ведь ты никогда не обращалась со мной как с ниггером. Так что, Хью?

— Барбара уже все решила. А у нее слова никогда не расходятся с делом. Впрочем, я думаю, она права. Оставаться в живых здесь просто не имеет смысла никому из нас.

— Жаль, что ты так думаешь, Хью. Как бы то ни было, а мы с тобой всегда хорошо ладили. Ну что ж, если это твое последнее слово, я, пожалуй, пойду и извещу Их Милость. Хорошо?

— Иди.

— Иди, Джо.

— Прощай, Барбара. Прощай, Хью.— Он вышел.

Обратно вернулся один Лорд-Протектор, двигаясь с осторожностью старого и больного человека.

— Так, значит, вы вон что решили,— сказал он, садясь и запахивая шаль. Он потянулся за мышкой, по-прежнему сидевшей на столе. Появились слуги и убрали разложенные на нем вещи беглецов. Понс продолжал:

— Не могу сказать, что я очень удивился... ведь я играл в бридж с вами обоими. Что ж, тогда есть еще одна возможность. При сложившихся обстоятельствах я не могу позволить вам жить здесь иначе, чем на предложенных условиях. Поэтому мы используем вас — пошлем назад.

— Куда назад, Понс?

— Как куда? Конечно же, в ваше собственное время. Если получится, естественно. Возможно, и получится.— Он погладил мышку.— Вот это мышка уже проделала подобное путешествие. Правда, ее посылали всего на две недели. И это ей ничуть не повредило. Хотя, конечно, трудно судить, как подействует на человека скачок через два тысячелетия.

Снова появились слуги и стали раскладывать на столе мужские часы, десятицентовую канадскую монету, пару поношенных горных ботинок, охотничий нож, грубо выделанные мокасины, пару джинсов, потрепанные хлопчатобумажные шорты большого размера, автоматический пистолет 45-го калибра с портупеей, две выцветшие рубашки, одна их которых была перешита, полкоробка спичек, небольшую записную книжку и карандаш.

Понс взглянул на вещи.

— Было у вас что-нибудь еще? — Он вытащил из пистолета обойму и взвесил ее на ладони.— Если нет — одевайтесь.

Невидимые путы разжали свои объятия.

Глава двадцать первая

— Не понимаю, чему вы удивляетесь,— сказал им Понс.— Хью, ведь ты должен помнить, что я велел своим ученым выяснить, каким образом вы попали сюда. Никаких чудес. Я говорил вполне серьезно. И они почувствовали, что я буду очень огорчен, если не удастся разрешить проблему при таком изобилии данных. Похоже, ученые добились успеха. Во всяком случае им удалось отправить вот эту малышку. Она вернулась сегодня, почему я и послал за вами. Теперь мы выясним, работает ли аппарат так же хорошо, как настоящая модель. Мне кажется, что для перемещения в прошлое требуется не такое уж большое количество энергии — не нужно никаких атомных бомб,— если ее приложить точно в нужном направлении. Но все это мы скоро узнаем.

— Но как же вы узнаете? — спросил Хью.— Мы-то узнаем, сработает установка или нет, но вы-то?

— А, вон что! Мои ученые не так уж глупы, когда знают, за что взяться. Один из них вам все объяснит.

Позвали ученых — двух Избранных и пятерых слуг. Никаких предисловий не последовало. Хью почувствовал, что с ним обращаются так же безразлично, как с мышкой, которая хотела и не решалась спуститься на пол, где ее поджидала гибель. Хью было предложено снять рубашку, и двое ученых-слуг прикрепили к его правому плечу небольшой предмет.

— Что это? — предмет казался необычайно тяжелым для своих размеров.

Слуги не ответили, а старший Избранный сказал:

— Тебе все объяснят. Подойди сюда. Взгляни.

Взглянуть, как выяснилось, следовало на бывшую собственность Хью —геодезическую карту графства Джеймс.

— Ты знаешь, что это такое? Или нужно объяснять?

— Знаю.— Хью прибег к речи равных, но Избранный игнорировал это, продолжая обращаться к нему как к нижестоящему.

— Тогда ты должен знать, что вас нашли... здесь.

Хью согласился, когда палец ученого указал на место, где когда-то стоял его дом. Избранный задумчиво кивнул и добавил:

— Ты понимаешь значение этих отметок? — Он указал на маленький крестик и цифры возле него.

— Конечно. У нас это называлось «репер», или эталонная отметка. Точно указанное месторасположение и высота над уровнем моря. Это базисная точка для всей карты.

— Превосходно! — Избранный указал на аналогичную точку у вершины Маунтин-Джеймс.— А теперь скажи нам, если знаешь,— но только не лги, это не пойдет тебе на пользу,— как велика погрешность отклонения этих точек по вертикали и горизонтали.

Хью немного подумал, поднял руку, развел указательный и большой пальцы примерно на дюйм. Избранный прищурился:

— В те варварские времена не могло быть такой точности. Мы считаем, что ты лжешь. Попытайся еще раз. Или признайся, что понятия не имеешь.

— А я утверждаю, что вы сами не знаете, о чем говорите. Ошибка может быть даже меньше.— Хью хотел рассказать им, что он сам проводил подобные измерения, когда занялся подрядами, и что хотя он и не знал в точности методики геодезических съемок,

он знал, что для привязки реперов используются методы, значительно более точные, чем при обычных съемках.

Однако он решил, что вдаваться в такие объяснения не имеет смысла.

Избранный взглянул сначала на него, потом на Их Милость. Старик внимательно слушал, но лицо его оставалось бесстрастным.

— Ладно. Допустим, что отметки нанесены точно и соотносятся друг с другом. Что является для тебя исключительным везением, поскольку одной из них нет,— он указал на первую, около того места, где был их дом,— а другая,— он указал на вершину Маунтин-Джеймс,— по-прежнему на месте, в прочнейшей скальной породе. А теперь покопайся в памяти и не пытайся снова солгать, так как это прежде всего касается тебя самого... и имеет значение для Их Милости. поскольку твоя ложь может свести на нет усилия множества людей, чем Их Милость наверняка будет недоволен. Так вот: где поблизости от исчезнувшей точки и на той же высоте — во всяком случае не выше — находится... находилось, я хочу сказать, в те первобытные времена ровное, гладкое место?

Хью задумался. Он-то точно знал, где располагался этот репер: в основании Саутпортского Банка. Представлял он собой медную пластинку, заглубленную в камень позади мемориальной таблички, примерно на высоте восемнадцати дюймов от тротуара, на северо-восточном углу здания. Табличку укрепили там вскоре после открытия Саутпортского торгового центра. Хью, проходя мимо, часто смотрел на нее. Сам факт существования эталонной отметки был для него успокоительным — он был для души символическим гарантом стабильности.

Одной стороной здание выходило на стоянку автомобилей, принадлежавшую банку, супермаркету «Сейфвей» и еще паре магазинов.

— Ровное и гладкое место тянется отсюда и досюда на расстоянии...— Хью прикинул ширину стоянки в футах и перевел в современные единицы.— Или немного больше. Это на глаз. Размеры неточные.

— Это место действительно ровное? И не выше отметки?

— Оно даже ниже, и с небольшим уклоном, чтобы вода там не задерживалась.

— Отлично. А теперь взгляни сюда.— Это снова была собственность Хью, на сей раз карта штата.

— Предмет, который на тебе, можно считать часами. Не стоит объяснять тебе принцип их действия — ты все равно не поймешь. Достаточно сказать, что они измеряют время (по периоду радиоактивного распада). Поэтому они так тяжелы. Корпус изготовлен из свинца, чтобы погасить радиацию.— Избранный указал на город на карте. Хью отметил про себя, что здесь находился университет штата.

Избранный сделал движение рукой, и ему передали клочок бумаги. Он спросил у Хью:

— Ты можешь прочесть, что здесь написано? Или нужно объяснять?

— Здесь написано: «Государственный университетский банк»,— ответил Хью.— И мне действительно помнится, что в этом городке в свое время было подобное заведение. Хотя с уверенностью сказать не могу. Я с ним никогда не имел дела.

— Было, было,— уверил его Избранный,— совсем недавно обнаружены развалины банка. Ты должен добраться до него. Там была и сохранилась до сих пор подвальная комната, в самой нижней части фундамента. Эти часы нужно поместить туда. Ты понимаешь?

— Понимаю.

— По велению Их Милости эта комната до сих пор не вскрыта. После того как вас пошлют в прошлое, ее вскроют. Часы будут там, и мы измерим их показания. Теперь тебе ясно, почему это жизненно важно для эксперимента? Мы не только узнаем, что вы благополучно перенесли путешествие, но и точно определим промежуток времени, разделяющий наши эпохи. На основании полученных данных мы сможем гораздо точнее настраивать приборы.— Избранный теперь говорил в приказном тоне.— И указания, смотри, выполняй с точностью. Или тебя строго накажут.

При этих словах Хью встретился взглядом с Понсом. Старик не смеялся, но в его глазах прыгали веселые огоньки.

— Сделай это, Хью,— попросил он.— Будь молодцом.

Хью заверил ученого:

— *Я все сделаю. Я понимаю.*

Избранный сказал:

— С благосоизволения Их Милости, покорный слуга готов взвесить дикарей и отправить к месту запуска.

— Мы передумали,— сообщил Понс.— Мы будем наблюдать за отправлением.— И добавил: — Как нервы, Хью? В порядке?

— Вполне.

— Всем, испытавшим первое перемещение, было предложено вернуться; не помню, говорил я тебе об этом или нет. Джо сразу же отказался,— старик взглянул через плечо.— Грейс, ты не передумала, малышка?

Грейс подняла глаза.

— Понси! — укоризненно сказала она.— Ведь ты же знаешь, что я никогда не покину тебя.

— Дьюк?..

Оскопленный слуга даже не поднял глаз. Он просто отрицательно покачал головой.

Понс поторопил ученого:

— Нужно поспешить взвесить их. Сегодня мы намерены ночевать дома.

Взвешивание было произведено где-то в недрах здания (Хью догадался, что это столичная резиденция Понса). Перед тем как их поместили на платформу весов, Лорд-Протектор достал обойму, которую ранее извлек из пистолета Хью.

— Хью! Ты обещаешь не делать глупостей?

— Обещаю.

— При определенной сноровке ты вполне можешь прикончить меня. Но подумай, что потом будет с Барбарой и твоими малышами.

(Я уже думал об этом, старый ты негодяй.)

— Понс, а почему бы вам не отдать обойму Барбаре? Пусть она положит ее к себе в карман. В таком случае, даже если мне и взбредет в голову что-нибудь, я не успею зарядить пистолет достаточно быстро.

— Толково придумано. Держи, Барба.

Старший ученый был недоволен общим весом отправляемого в прошлое груза.

— С разрешения Их Милости, ничтожный слуга осмеливается доложить, что собственный вес обоих взрослых, должно быть, сильно уменьшился с тех пор, как делались расчеты.

— И чего же ты хочешь от нас?

— О, ничего, ничего, с благосоизволения Их Милости. Просто предстоит небольшая задержка. Масса должно быть точной.— Избранный начал торопливо накладывать на платформу металлические диски.

Это навело Хью на мысль.

— Понс, вы действительно думаете, что ваша штука сработает?

— Если бы я знал наверняка, не было бы надобности испытывать ее. Надеюсь, что она функционирует.

— Если перенос удастся, нам с самого начала понадобятся деньги. Особенно если мне придется пересечь почти половину штата, чтобы захоронить ваши часы.

— Логично. Ведь вы, кажется, там пользовались золотом? Или серебром? Я понял тебя.— Он сделал жест рукой.— Прекратите взвешивание.

— У нас в ходу было и то и другое, но обязательно должно было стоять клеймо нашего протектората. Понс, в моем доме было много американских серебряных долларов, которые вы забрали. Нельзя ли получить их обратно?

Получить деньги оказалось можно — они были во Дворце, и старик не имел ничего против того, чтобы их использовали для восполнения недостающего веса. Старший ученый был весьма обеспокоен задержкой: он объяснил своему Повелителю, что расчеты были сделаны на определенное время и на определенную массу, чтобы доставить подопытных в прошлое за несколько дней до начала войны, плюс-минус погрешность на ошибку. Но запас времени подходил к концу, и если не произвести запуск в самое ближайшее время, то придется снова пересчитывать параметры и перенастраивать приборы. Хью не понимал большинства подробностей и перестал слушать.

Понсу, похоже, доводы ученого тоже наскучили, и он резко оборвал его:

— Если понадобится, сделаешь расчеты заново. Все.

Чтобы разыскать слугу, который знал, где находятся изъятые у дикаря предметы, найти их и доставить, потребовалось больше часа. Понс молчаливо играл с мышью. Барбара возилась с близнецами, потом молча перепеленала их с помощью служанок. Хью попросил, чтобы перед запуском им дали возможность сходить в туалет. Им разрешили выйти, правда, под охраной. После этой процедуры вес снова изменился и все пришлось начинать заново.

Серебряные доллары по-прежнему были закручены в колбаски по сто монет в каждой. Весили они довольно много, и Хью был рад, что за время одиночного заключения он сбросил лишний вес, накопленный в бытность его Главным Исследователем. Но для покрытия разницы потребовалось всего около трехсот долларов да еще пуля и несколько клочков фольги.

— С позволения Их Милости, покорный слуга считает, что подопытных следует незамедлительно поместить в контейнер.

— Исполняй! Не трать попусту наше время!

В помещение вплыл контейнер. Он представлял собой металлический ящик, гладкий, пустой внутри, без каких-либо выступающих частей. Высота его было такой, что Хью головой упирался в потолок, а площадь едва позволяла разместиться всем четверым. Хью забрался первым и помог расположиться Барбаре. Потом им передали детей. Хьюги тут же начал плакать, брат последовал его примеру.

Понс выглядел расстроенным.

— Прислуга избаловала сопляков. Хью, я решил не присутствовать при отправлении — я очень устал. Прощайте оба, и счастливо добраться. Из вас никогда бы не получились верные слуги. Но мне будет очень не хватать наших партий в бридж. Барбара, нужно серьезно заняться воспитанием малышей. Смотри не избалуй их вконец. Они хорошие мальчишки.— Он повернулся и быстро вышел.

Крышку закрыли и заперли. Теперь они были одни. Хью тут же воспользовался возможностью поцеловать жену. Поцелуй

вышел несколько неуклюжим, потому что они оба держали на руках по ребенку.

— Теперь мне все равно, что с нами будет,— выдохнула Барбара, оторвавшись от супруга.— Именно твоей ласки мне больше всего и не хватало. Ой, милый, Джо опять мокрый. А как там Хьюги?

— Не отстает от брата ни в чем: тоже мокрый. Но ты ведь, кажется, сказала, что тебе теперь все равно.

— Мне-то да, но попробуй объясни это детям. Сейчас я с радостью отдала бы сотню долларов за десяток чистых пеленок.

— Дорогая, а тебе никогда не приходило в голову, что человечество, по крайней мере миллион лет, прекрасно существовало без пеленок? А нам, возможно, предстоит обходиться без них не больше часа. Так что давай не будем о них думать.

— Да нет, я только хотела сказать... Послушай! Кажется, они передвигают нас.

— Сядь на пол и упрись ногами в стенку, пока дети еще целы. Что ты говоришь?

— Я просто хотела сказать, дорогой, что меня вовсе не волнуют пеленки. Меня вообще ничто не беспокоит теперь, когда ты со мной. Но если нам все же не суждено погибнуть — если эта штука сработает,— то я бы хотела бы быть практичной. А что может быть практичней пеленок?

— Поцелуй, например. Любовь.

— Да, конечно. Но они все равно приводят к пеленкам. Милый, а ты не мог бы переложить Хьюги в другую руку, а этой обнять меня? Ой, они снова нас куда-то двигают. Хью, как по-твоему, этот аппарат сработает? Или мы просто внезапно умрем? Ладно, путешествие в будущее я еще как-то могу себе представить — во всяком случае, мы совершили его. Но никак не могу вообразить себе путешествие в прошлое. Я имею в виду, что прошлое ведь уже было. Правильно? Разве не так?

— В принципе да. Но ты, по-моему, неправильно ставишь вопрос. Я понимаю так, что парадоксов времени не существует — их просто не может быть. Если нам удастся совершить этот прыжок во времени, значит, мы его уже совершали. Все это произошло. А если аппарат не сработает, то потому, что он уже не сработал в прошлом.

— Но ведь ничего этого не случилось еще. Я то же самое и говорила.

— Нет-нет. Мы ведь не знаем, случилось это уже или нет. Если случилось, то все будет в порядке. А если нет, то нет.

— Дорогой, я совсем запуталась.

— Не беспокойся. «Персты, перо держащие, выводят букву и, только выведя ее, свой продолжают труд...» О том, как обстоит дело, мы узнаем лишь постфактум... Мне кажется, нас выводят на финишную прямую: мы больше не покачиваемся, чувствуется только легчайшая вибрация. Я предполагаю, что нас запустят с территории бывшего графства Джеймс. Если так, то пока мы туда долетим, пройдет около часа.— Он обнял ее покрепче.— Поэтому час счастья в нашем распоряжении есть.

Она прижалась к нему.

— Так ведь я о том и толкую. Любимый, мы с тобой столько перенесли, что сейчас я уже ни о чем не беспокоюсь. Если нам отведен всего лишь час, я буду наслаждаться каждой его секундой. Если нам отведено сорок лет, я буду наслаждаться каждой секундой этих лет. А если нас разлучат, то мне не нужно никаких отсрочек. Как бы то ни было, пока мы, слава богу, вместе. И будем вместе до самого конца.

— Да, до самого конца.

Она счастливо вздохнула, перепеленала мокрого спящего младенца, уткнулась в плечо мужа и прошептала:

— У меня такое чувство, что это снова наш самый первый день. Помнишь? Я имею в виду убежище. Там было так же тесно, но еще жарче, и никогда я не была так счастлива. Мы тогда тоже не знали, доживем ли до следующего дня или нет. В ту ночь.

— По крайней мере, не надеялись. Иначе сейчас у нас не было бы близнецов.

— В таком случае я рада, что мы собирались погибнуть. Хью, а ведь здесь в нашем распоряжении места не меньше, чем было тогда, как ты считаешь?

— Женщина, ты просто ненасытна. Мы можем шокировать мальчиков.

— Мне, во всяком случае, не кажется, что один раз больше чем за год — это ненасытность. А мальчикам еще слишком мало

лет, чтобы их можно было чем-то шокировать. Да брось ты! Ты же сам сказал, что, возможно, через час нас не станет.

— Твое предложение очень заманчиво. Теоретически я полностью «за». Но ребятишки здорово мешают, да к тому же здесь на самом деле не так много места, и даже если бы рядом не толпилась мокрая малышня, я совершенно не представляю, как это технически возможно.

— Что ж... Наверное, ты прав. Действительно, расположиться негде. Мы можем раздавить малышей. Но если нам все-таки предстоит погибнуть, то оставить дело просто так будет очень стыдно.

— Я отказываюсь допускать вероятность гибели. И больше никогда, даже на словах, не сделаю такого допущения. Все мои планы строятся на том, что мы останемся в живых. Жизнь продолжается. Что бы там ни было — жизнь продолжается.

— Согласна! Семь без козырей!

— Так-то лучше.

— Удваиваю. И еще раз удваиваю. Хью, как только мальчики подрастут настолько, что смогут удержать в руке тринадцать карт, мы начнем учить их играть в бридж. Тогда у нас будет своя семейная четверка.

— Согласен. А если они не смогут научиться, мы оскопим их и попробуем сделать новых детишек.

— Не произноси при мне больше слова «оскопить».

— Прошу прощения.

— И вообще давай прекратим говорить на этом языке, дорогой. Мальчики должны расти, слыша только английскую речь.

— Еще раз прошу прощения. Ты права. Но я могу сорваться иногда. Я столько переводил, что иногда начинаю думать на этом чертовом Языке. Так что не сердись, если у меня иногда и вырвется словечко.

— Словечко-другое — это не страшно. Кстати, насчет сорваться — у тебя было это? С Киской?

— Нет.

— А почему? Я бы ничего не имела против. Вернее, почти ничего. Она была очень мила. Она готова была возиться с детьми в любое время, когда ей только разрешали. Она очень любила наших мальчиков.

— Барбара, я не хочу думать о Киске. Мне больно вспоминать о ней. Я надеюсь только на одно — что ее новый владелец добр к ней. Ведь она совершенно беззащитна — как котенок с едва прорезавшимися глазками. Беспомощна. Киска напоминает мне обо всем самом чертовски проклятом, что только есть в рабстве.

Она сжала его руку.

— Надеюсь, что с ней обращаются хорошо. Но, милый, зачем себя мучить, ведь все равно ей ничем не поможешь.

— Я понимаю и именно поэтому не хочу говорить о ней. Но мне ее не хватает. Как дочери. Да, пожалуй, она была мне дочерью. И никогда «согревательницей постели».

— Я ни секунды не сомневалась в этом, дорогой. Здесь, конечно, может быть, и тесновато... Однако мне не хотелось бы, чтобы ты обращался со мной, как с дочерью. Лично я намерена содержать твою постель раскаленной докрасна!

— Хм... Ты хочешь напомнить мне о моих преклонных годах?

— О, мои натруженные ноги! Он еще говорит «преклонные годы»! С практической точки зрения мы станем ровесниками — нам обоим будет примерно по четыре тысячи лет, считая туда и обратно. А я преследую сугубо практические цели. Ты понял?

— Понял, понял. Но ведь тысячелетний возраст вряд ли способствует достижению «практических целей».

— Тебе так легко не отделаться,— грозно сказала она.— Со мной шутки не пройдут.

— Слушай, у тебя мысли работают только в одном направлении. Ладно, сделаю все, что в моих силах. Придется мне все время отдыхать, а работать будешь ты. Ха, да мы, кажется, приехали!

Ящик несколько раз передвинули, и некоторое время он пребывал в неподвижности, затем так неожиданно взлетел вверх, что у путешественников заныло под ложечкой, столь же внезапно остановился, вздрогнул и наконец застыл окончательно.

— Вы находитесь в экспериментальной установке,— прогремел голос ниоткуда.— Имейте в виду, что вас, возможно, ожидает падение с небольшой высоты. Советуем обоим встать, взять в руки по одному ребенку и быть готовыми к падению. Понятно?

— Да! — крикнул Хью, помогая Барбаре встать.— С какой высоты?

Ответа не последовало. Тогда Хью сказал:

— Дорогая, я не понял, что они имели в виду. «С небольшой высоты» может означать и один фут, и пятьдесят... Обхвати Джо руками, чтобы он не ушибся, и согни немного ноги в коленях. Если толчок будет сильным, то не напрягай ноги, а мягко опустись на пол. Будь готова к сильному удару, ведь этим шутникам мало дела до сохранности наших костей.

— Понятно. Держи крепче Хьюги.

И они упали.

Глава двадцать вторая

Хью так и не понял точно, с какой высоты им пришлось падать, но в конце концов решил, что она была не более четырех футов. Все произошло моментально: они стояли в ярко освещенной камере, в тесноте, а в следующее мгновение уже оказались под открытым небом, в ночной тьме.

Падая, он ушиб правое бедро, и в тело ему впились два твердых свертка с долларами, которые лежали у него в заднем кармане брюк. Он тут же перекатился на бок, оберегая ребенка.

Затем он сел. Барбара лежала подле него. Она не шевелилась.

— Барбара! Что с тобой?

— Ничего,— тихо ответила она.— Кажется, цела. Просто перепугалась.

— А с маленьким Джо все в порядке? Хьюги-то цел и невредим, но сказать, что его пеленки просто мокры,— значит не сказать ничего.

— С Джо тоже все в порядке.

Как бы в подтверждение этих слов Джо тут же громко расплакался. Брат тотчас присоединился к нему.

— Думаю, он тоже перепугался до смерти. Помолчи, Джо. Видишь, мама занята. Хью, где мы?

Он огляделся.

— Мы,— возвестил он,— на автомобильной стоянке торгового центра, примерно в четырех кварталах от моего дома. Похоже, мы вернулись в собственные времена. Во всяком случае, вон тот «форд», справа, на которой мы чуть не свалились,— шестьдесят первого года выпуска.

Стоянка была пуста, если не считать этой единственной машины. Хью вдруг пришло в голову, что их прибытие могло ознаменоваться не просто хлопком, а взрывом, если бы они приземлились футах в шести правее. Он отметил эту вероятность с безразличием: они уже столько вынесли, что еще одна миновавшая их опасность казалась чем-то заурядным.

Он встал и помог подняться Барбаре. Она поморщилась, вставая, и в тусклом свете, падавшем на стоянку из окна банка, Хью сразу заметил это:

— Что-нибудь не в порядке?

— При падении я, кажется, подвернула ногу.

— Идти можешь?

— Могу.

— Я понесу обоих ребятишек. Здесь недалеко.

— Хью, куда мы направляемся?

— Домой, конечно. Куда же еще?

Он заглянул в окно банка, стараясь взглядом отыскать календарь. Он увидел его наконец, но не смог разобрать цифры.

— Интересно, какое сегодня число. Милая, ты знаешь, мне кажется, что путешествие во времени связано с некоторыми парадоксами. Я думаю, для кого-то мы можем стать сильным потрясением.

— Для кого?

— Например, для меня. В моем более раннем воплощении. Может быть, мне следует сначала позвонить, чтобы не заставать себя врасплох? Хотя нет, он... то есть я... просто не поверит такому. Ты действительно можешь идти?

— Конечно.

— Прекрасно. Возьми на секундочку наших маленьких чудовищ — я хочу взглянуть на часы.— Он снова заглянул через окно в банк, где на стене висели часы.— Отлично. Давай детей обратно. И скажи, если тебе потребуется отдых.

Они отправились в путь. Барбара хоть и прихрамывала, но не отставала. Они молчали, так как Хью все еще не мог осмыслить случившееся. Вновь увидеть город, который он считал уничтоженным, такой тихий и мирный теплой летней ночью, было для него неожиданно сильным потрясением. Он старательно избегал думать о том, что может обнаружить у себя дома. Однако одна мысль упорно свербила его: если окажется, что убежище еще не построено, то оно не должно быть построено никогда.

Постепенно он свыкся с этой мыслью и сосредоточился на радостном сознании того, что Барбара была женщиной, которая никогда не откроет рта, если чувствует, что мужчина хочет, чтобы она помолчала.

Наконец они свернули на дорожку, ведущую к его дому. Барбара прихрамывала, а Хью почувствовал, что у него затекли руки: для своего возраста малыши отнюдь не были хилыми. У дома стояли две машины. Он остановился у первой, дал подержать детей Барбаре, чтобы открыть дверцу, и сказал:

— Залезай внутрь, усаживайся и дай ноге отдохнуть. Мальчишек я оставлю с тобой и проведу рекогносцировку.

Дом был ярко освещен.

— Хью! Не нужно!

— Почему?

— Это моя машина. Это та самая ночь!

Он смотрел на нее. Потом тихо сказал:

— Все равно необходимо осмотреться. Оставайся здесь.

Вернулся назад он минуты через две, распахнул дверцу и повалился на сиденье, с шумом выдохнув воздух.

Барбара позвала его:

— Милый! Милый!

— О боже мой! — Он закашлялся и некоторое время ничего не мог вымолвить.— Она там! Грейс! И я тоже...— Он опустил голову на руль и всхлипнул.

— Хью!

— Что? О боже мой!

— Успокойся, Хью. Пока ты ходил, я завела машину. Ключ был здесь. Я оставляла его, чтобы Джо ее отогнал. Так что мы можем ехать. Ты в состоянии вести машину?

Он постепенно успокаивался.

— В состоянии,— секунд десять ему понадобилось на осмотр панели управления. Он немного отодвинул сиденье назад, включил задний ход и выехал на улицу. Через четыре минуты он свернул на шоссе, ведущее в горы, внимательно следя за знаками. Он сообразил, что в эту ночь, находясь за рулем без водительских прав, не стоит нарываться на полицию.

Где-то в отдалении пробили часы. Он взглянул на наручные и заметил, что они отстают на одну минуту.

— Включи радио, дорогая.

— Хью, прости, пожалуйста, оно у меня как-то вышло из строя, и я все никак не могла собраться отдать его в ремонт.

— Ох!.. Ну ладно. Я имею в виду, что новости сейчас не имеют значения. Я все пытаюсь прикинуть, как далеко мы успеем отъехать за час. За час с минутами. Ты не помнишь, когда первая ракета поразила нас?

— Кажется, ты сказал, что было одиннадцать сорок семь.

— И мне тоже так кажется. Я даже уверен в этом, просто хотел, чтобы ты подтвердила. Тогда все совпадает. Ты готовила крепсюзе, потом вы с Карен подали его, как раз тогда, когда начались десятичасовые новости. Я ел очень быстро — он был просто изумителен,— когда старый лысый чудак позвонил в дверь. То есть я сам позвонил. Я вышел к нему. Допустим, это было в десять двадцать или чуть позже. Так что сейчас мы слышали, как пробило половину одиннадцатого, и то же самое показывают мои часы. У нас в распоряжении около семидесяти пяти минут, чтобы убраться от эпицентра как можно дальше.

Барбара ничего не ответила. Они выехали за пределы города. Хью нажал на газ, и скорость сразу подскочила с осторожных сорока пяти миль в час до верных шестидесяти пяти.

Минут через десять она сказала:

— Милый! Мне очень жаль. Жаль, что Карен погибнет, я хочу сказать. Больше мне сожалеть не о чем.

— А я вообще ни о чем не жалею. Даже о Карен. Да, меня действительно потряс недавно ее веселый смех, но только теперь я могу осмыслить его. Барбара, сегодня впервые в жизни я почувствовал, что верю в бессмертие. Ведь Карен сейчас жива — там,

позади,— а мы уже видели, как она умирала. Поэтому в каком-то труднопередаваемом смысле Карен живет вечно — где-то в неизвестном нам средоточии времен и миров. Не проси меня объяснить это, но я чувствую, что прав.

— Я думала так же, Хью. Только не решалась сказать.

— Можешь всегда говорить мне все, что хочешь, черт возьми! Нет, не так. Ты *должна* говорить мне все, что хочешь... Так что теперь я больше не испытываю печали по Карен. И, честно говоря, ничуть не жалею Грейс. Некоторым людям удается добиться успеха именно тем, что они всегда следуют намеченным курсом. Она как раз из таких. А что касается Дьюка, то мне и думать-то о нем противно. Я возлагал на сына столько надежд! Ведь он был моим первенцем. Но я никогда не принимал участия в его воспитании и поэтому не смог сделать сына таким, каким хотел его видеть. К тому же, как заметил Джо, Дьюку не так уж и плохо. Сытость, безопасность и Счастье — похоже, единственное, к чему он стремился и чего достиг.— Хью пожал плечами, не отрывая рук от руля.— Поэтому мне лучше забыть о нем. С этого момента постараюсь больше никогда о нем не думать.

Через некоторое время он заговорил снова:

— Дорогая, ты не могла бы, хоть у тебя на руках и детишки, как-нибудь снять с моего плеча эту штуковину?

— Конечно, могу.

— Тогда сдерни ее, пожалуйста, и выброси в кювет. Я предпочел бы, чтобы она оказалась в эпицентре взрыва, если мы еще не выбрались из него,— он нахмурился.— Мне не хочется способствовать попыткам этих людей путешествовать во времени. Особенно мне противна мысль о содействии Понсу.

Барбаре пришлось изрядно повозиться, прежде чем удалось отвязать часы. Действовать ей пришлось в неудобном положении, к тому же одной рукой. Выбросив их в темноту за окном автомобиля, она сказала:

— Хью, я не думаю, чтобы Понс ожидал, что мы примем его предложение. Мне кажется, он сознательно поставил такое условие, на которое я никогда бы не согласилась, даже если бы ты и решил принести себя в жертву.

— Конечно! Он воспользовался нами как морскими свинками — или как своей белой мышью — и вынудил нас «согласиться». Барбара, ты знаешь, я, в принципе, могу выносить и даже в чем-то понимать откровенных сукиных сынов. Но, на мой взгляд, Понс гораздо хуже, чем все они, вместе взятые. Ведь у него всякий раз были как будто самые добрые намерения. Он всегда мог доказать как дважды два, что пинок, который он тебе дает, служит тебе на пользу. Я презираю его.

Барбара возразила:

— Хью, а сколько белых людей нашего времени, если бы они обладали такой же властью и могуществом, как Понс, пользовались бы ими с такой же мягкостью, как он?

— Что? Да нисколько. Даже твой покорный слуга не был бы способен на это. Кстати, насчет «белых людей» — это мимо цели. Цвет кожи тут ни при чем.

— Согласна. Я забираю назад слово «белых». Но я уверена, что ты единственный, кого власть не смогла бы заставить утратить человечность.

— Даже я не устоял бы. Да и никто вообще. Я однажды уже получил возможность применить власть, и воспользовался ею так же отвратительно, как Понс. Я имею в виду тот случай, когда я приказал, чтобы Дьюку пригрозили ружьем. Мне следовало просто сбить его с ног приемом каратэ, может, даже убить его. Но не унижать. Так что никто, Барбара. Никто. И все же Понс был особенно отвратителен. Возьми, к примеру, Мемтока. Мне по-настоящему жаль, что я убил его. Он был человеком, который вел себя лучше, чем диктовало ему его естество. В Мемтоке было очень много злобы, даже садизма. Но он держал эти стороны натуры под очень жестким контролем, чтобы как можно лучше исполнять свои обязанности. Но Понс... Барбара, милая, наверное, это вопрос, в котором мы никогда не придем к согласию. Ты чувствуешь к нему симпатию, потому что он хорошо относился к тебе и всегда был мил с нашими малышами. Но именно из-за этого я и презираю его: он любил показать свою «королевскую милость», будучи менее жестоким, чем мог бы быть, но никогда не забывал напомнить своей жертве о том, как он мог бы быть жесток, если

бы на самом деле не был таким славным, добрым старичком и таким милостивым владыкой. И я презираю его за это. Я начал испытывать к нему презрение еще задолго до того, как узнал, что ему к столу подают убитых молоденьких девушек.

— ЧТО???

— А ты разве не знала? Ведь мы с Понсом говорили об этом в последний раз. Ты разве не слушала?

— Я думала, твои слова просто оскорбительная шутка в его адрес.

— Ничего подобного. Понс — людоед. Он-то себя, конечно, людоедом не считает — мы для него не люди. Но он ест только девушек. Примерно по одной в день подается ежедневно к их семейному столу. Девушки в среднем в возрасте Киски и ее телосложения.

— Но... но... но... Хью, я ведь ела то же, что и он, много раз. Значит, я... Значит...

— Конечно. И я тоже. Но только до того, как узнал, что у меня в тарелке.

— Милый... останови, пожалуйста, машину. Меня сейчас стошнит.

— В таком случае ты просто испачкаешь близнецов. А остановить машину сейчас меня не заставит ничто.

Она с трудом открыла окно и высунулась наружу. Через некоторое время Хью спросил:

— Ну как, дорогая, тебе лучше?

— Немного.

— Милая, пойми, факт каннибализма ни в малейшей степени не говорит против него. Ведь он действительно не видел в этом ничего плохого, и нет никакого сомнения в том, что коровы тоже считали бы нас извергами, если бы умели думать. Но все остальное... вот тут-то он прекрасно знал, что делает. Потому что всегда стремился к тому, чтобы жертва в конце концов согласилась с ним... Палач добивался, чтобы она добровольно взошла на плаху и еще дала ему на чай.

— Я больше не хочу говорить о нем, дорогой. У меня в голове все перемешалось.

— Прости. Я полупьян, хотя не выпил ни капли, и болтаю сам не знаю что. Больше не буду. Посмотри, не едет ли кто-нибудь за нами — я собираюсь поворачивать налево.

Она оглянулась, и когда они свернули на проселочную дорогу, находившуюся в ведении штата, узкую и не слишком ровную, он сказал:

— Я, кажется, придумал, куда мы поедем. Сначала я хотел просто убраться подальше. Теперь у нас есть цель. И возможно, там мы будем в безопасности.

— Что это за место, Хью?

— Заброшенная шахта. Она называется Ховли Лоуд. Когда-то я вложил в нее деньги и потерял их. Может быть, теперь она окупит себя. Там отличные просторные штольни, и к ней легко добраться по этой дороге. Если только я смогу отыскать вход в темноте, то мы успеем схорониться в ней до ракетного удара.

Он сосредоточился на дороге, переключая передачи на подъемах и спусках, резко тормозя перед рытвинами, а затем заставляя машину с натужным гудением переползать через них.

После очередного резкого поворота Барбара, чуть не вывалившись из машины, заметила:

— Дорогой, я понимаю, что ты горишь желанием спасти нас всех. Но я не вижу особой разницы, погибнем мы от водородной бомбы или в автокатастрофе.

Он улыбнулся, но скорости не сбавил.

— Барби, мне приходилось водить джип даже в полной темноте. Уверяю тебя, мы не разобьемся. Мало кто представляет себе все возможности машины, в которой толковый водитель и ручное переключение передач. В горах оно просто необходимо. Я бы не решился заехать сюда на другой машине.

Они добрались до небольшой площадки почти на вершине горы. Дальше дорога раздваивалась. На развилке виднелся свет. Заметив его, Хью сказал:

— Посмотри, сколько на часах.

— Одиннадцать двадцать пять.

— Отлично. Мы теперь отдалены от нулевой отметки на пятьдесят с лишним миль. Я имею в виду мой дом. А отсюда до Ховли Лоуд не больше пяти минут езды. Кажется, бензин у нас как раз

кончается, а у Шмидта открыто. Прихватим немного бензина и кое-какой провизии тоже — да, я помню, что у тебя в машине есть и то и другое. Но запас нам не повредит. Мы все равно успеем до того, как опустится занавес.

Он притормозил у бензоколонки и выскочил из машины.

— Беги внутрь и начинай набирать провизию. Положи близнецов на пол и закрой дверцу. Ничего с ними не случится.— Он тем временем сунул наконечник шланга в бак машины и начал качать топливо старомодным насосом.

Барбара, заскочив внутрь станции, тут же выглянула и крикнула:

— Там никого нет!

— Тогда посигналь. Голландец, скорее всего, в своем домике, позади станции.

Барбара несколько раз нажала кнопку клаксона. Заплакали ребятишки. Хью повесил шланг на место.

— Теперь мы должны ему за четырнадцать галлонов. Давай войдем. У нас в распоряжении есть еще минут десять.

Уголок Шмидта был бензозаправочной станцией, небольшой закусочной и маленьким универмагом одновременно. Тут было все, что могло понадобиться людям, живущим поблизости,— рыбакам, туристам и охотникам, которые любят забираться в глушь. Хью не стал терять времени на поиски хозяина. Обстановка говорила сама за себя. Свет был полностью включен, ставни на дверях подняты, на плите шипел кипящий кофе, радио было настроено на частоту сигнала тревоги. Внезапно оно заговорило:

«Воздушная тревога! Третья воздушная тревога! Кроме шуток! Немедленно в убежища, в любые убежища, черт бы вас всех побрал! Через несколько минут на ваши пустые головы посыпятся атомные бомбы. Лично я, черт побери, собираюсь сейчас забросить к дьяволу этот дурацкий микрофон и кубарем скатиться в подвал. Ведь до начала бомбежки осталось всего пять минут! Так что, раздолбаи чертовы, скорее прячьтесь в свои норы, не высовывайтесь и перестаньте слушать чушь, которую я тут порю. Все в убежища!!!»

— Скорее бери пустые коробки и начинай наполнять их. Не нужно ничего укладывать, просто бросай в них все. А я буду выносить их наружу. Мы завалим ими заднее сиденье.— Хью тут же последовал собственному совету и загрузил одну из коробок, сделав это гораздо быстрее, чем Барбара. С коробкой в руках он бросился наружу, потом бегом вернулся. У Барбары уже была готова другая коробка, а третья заполнена наполовину.

— Хью, подожди. Одну секунду. Ты только посмотри.

Последняя коробка не была пустой. Там лежала кошка, которая ничуть не испугалась незнакомых людей. Она спокойно взирала на них, а четверо пищащих малышей в это время сосали ее. Хью заглянул ей в глаза. Потом он вдруг закрыл коробку.

— Ладно,— сказал он.— Положи что-нибудь не очень тяжелое в другую коробку — придавим ею котов, чтобы их логово не опрокинулось во время езды. Скорее! — Он кинулся бегом к машине, держа в руках коробку с кошачьим семейством, которое писком выражало свое недовольство.

Барбара вскоре последовала за ним с наполовину наполненной коробкой и поставила ее в машине на коробку с кошками. Затем они оба ринулись обратно.

— Забери все сгущенное молоко, которое найдешь.— Хью на мгновение приостановился, чтобы швырнуть на прилавок колбаску с долларами.— И еще прихвати всю туалетную бумагу. Нам осталось не более трех минут.

Они покинули станцию только через пять минут, но зато заднее сиденье автомобиля теперь полностью было загружено.

— Я разжилась дюжиной чайных полотенец и шестью большими пачками «Чакс».

— Чего-чего?

— Пеленками, дорогой, пеленками. Надеюсь, что их хватит надолго. И еще я прихватила две колоды карт. Может быть, не следовало делать этого?

— К чему лицемерить, любимая? Придерживай малышей и убедись, что дверца закрыта как следует.— Он отъехал на несколько сот ярдов, все время выглядывая.— Вот она! Дорога к шахте!

Ехать было сложно. Хью вел машину очень медленно и осторожно.

Преодолев один из поворотов, они увидели темное отверстие, зияющее в горе.

— Отлично, мы успели! И можем прямо заехать внутрь.— Он прибавил скорость, но тут же резко нажал на тормоз.— Боже милостивый! Корова!

— И теленок,— добавила Барбара.

— Придется оставить их.

— Хью, но ведь это же *корова*... с теленком!

— Э-э-э... но как мы будем кормить их?

— Хью, может быть, здесь ничего и не сгорит. А ведь это настоящая живая корова.

— Ладно, ладно, хорошо. Если придется, забьем их, в конце концов, и съедим.

Шахту в тридцати футах от входа перегораживала деревянная стенка с крепкой дверью. Понуждая корову двигаться, Хью подал вперед машину, прижав ее к каменной стене, чтобы не загораживать дверь.

Корова тут же сделала попытку прорваться на свободу. Барбара открыла дверцу со своей стороны и этим задержала ее. Теленок мычал. Ему вторили близнецы.

Хью выбрался наружу, для чего ему пришлось перелезть через Барбару и близнецов, подошел к деревянной двери и открыл ее. Она была заперта только на засов.

— Включи фары. А то ничего не видно.

Барбара включила освещение, настаивая на том, чтобы корову с теленком тоже загнали внутрь. Хью пробормотал себе под нос что-то вроде «чертов Ноев ковчег», но согласился, в основном потому, что корова загораживала дорогу. Дверной проем, хотя и широкий, был на дюйм уже, чем буренка, и та упорно не желала протискиваться сквозь него. Тогда Хью поставил ее головой вперед и отвесил здоровенного пинка. Теленок без понуканий сам последовал за матерью.

Только сейчас Хью понял, почему корова и теленок оказались здесь. Кто-то, видимо, из местных жителей, приспособил, предверие шахты под коровник. Внутри хранилось двадцать или около того копен сена. Как только корова увидела такое изобилие, все мысли о свободе тут же покинули ее.

Коробки были занесены внутрь. Их двух вытряхнули содержимое и в каждую посадили по близнецу. Рядом с ними поставили убежище котят, закрепив все три коробки так, чтобы их нельзя было опрокинуть или выбраться из них.

Когда они разгружали предметы первой необходимости из машины, все вокруг вдруг осветилось, как днем. Барбара ахнула:

— О господи! Мы не успеем!

— Продолжай разгружать. До того как нас застанет звуковая волна, пройдет еще несколько минут. А вот насчет взрывной волны не знаю.

Они уже выгружали из машины канистры с бензином и с водой, когда земля задрожала и им стало казаться, что где-то под ними несутся поезда гигантского метрополитена. Хью быстро отнес канистры внутрь, но затем вернулся.

— Хью, иди сюда!

— Сейчас.— Прямо за машиной лежало сено, которое он притащил сюда. Он собрал его, просунул в дверь, вернулся и подобрал остатки — не ради спасения сена, а чтобы уменьшить угрозу пожара в случае воспламенения бензина в баке автомашины. Он сначала даже хотел вывести машину наружу и спустить под откос, но потом решил не рисковать. Если жар будет так силен, что горючее в баке воспламенится, можно уйти в глубину и схорониться в боковых туннелях.

— Барбара! Ты нашла фонарик?

— Да! Прошу тебя, иди сюда, пожалуйста!

Он вошел внутрь и закрыл за собой дверь.

— Теперь нужно отодвинуть все это сено подальше от входа. Ты будешь светить, а я понесу охапки. Только смотри под ноги. Дальше начинаются сырые места. Именно поэтому мы и закрыли в свое время шахту. Слишком дорого обходилась откачка.

Они перенесли провизию и предметы первой необходимости в боковой туннель, футов на сто в глубь горы. По пути им попалось место, где вода доходила до щиколоток, но боковой туннель оказался совершенно сухим. Полные воды мокасины Барбары при ходьбе хлюпали.

— Извини,— сказал Хью.— Эта гора — настоящая губка. Буквально из каждой проделанной дырки начинает бить фонтан воды.

— Я,— заявила Барбара,— женщина, которая высоко ценит воду. И на то у меня есть веские причины.

Хью ничего не ответил, так как в это время все кругом осветила вспышка от взрыва второй бомбы. Она была, видимо, очень мощной, если сияние сквозь щели в деревянной стенке распространилось на такую глубину. Он взглянул на часы.

— Как раз вовремя. Теперь нам придется вторично смотреть то же самое кино, Барб. На этот раз, я надеюсь, будет не так душно в зале.

— Не знаю, не знаю.

— Будет ли не так душно? Полагаю, будет значительно прохладнее. Даже если снаружи все будет гореть. Кажется, я знаю место, где мы можем укрыться и остаться в живых. Мы и кошки продержимся там, даже если внутрь пойдет дым от пожаров. Вот корове с теленком, возможно, придется туго — их туда не затащить.

— Хью, я не то имею в виду.

— А что же?

— Хью, я не сразу сказала тебе... Я так испугалась и расстроилась и не хотела расстраивать тебя. У меня никогда не было машины с ручным переключением передач.

— Что? Тогда чья же это машина?

— Моя. Я хочу сказать, что в ней действительно торчали мои ключи — и в багажнике припасенные мною вещи. Но у меня было автоматическое переключение.

— Милая,— медленно произнес он,— наверное, ты слегка переволновалась.

— Я так и знала, что ты примешь меня за сумасшедшую, именно поэтому я и не говорила тебе ничего до тех пор, пока мы не окажемся в безопасности. Но, Хью, выслушай меня, дорогой: я действительно никогда в жизни не имела автомобиля с ручным переключением. Я не сумела бы вести такую машину. Я просто не знаю, как переключать передачи.

Он задумался.

— Тогда я ничего не понимаю.

— И я тоже Милый, когда ты вернулся от своего дома к машине, ты сказал: «Она там. Грейс». Ты имел в виду, что видел ее?

— Конечно, видел Она клевала носом перед телевизором, наполовину отключившись

— Миленький, Грейс действительно сначала клевала носом перед телевизором Но ведь ты уложил ее в постель, пока я готовила крем-сюзе Разве ты не помнишь? Когда объявили тревогу, ты пошел за ней и на руках принес ее вниз — она так и была в ночной рубашке

Несколько мгновений Хью Фарнхэм стоял неподвижно

— Так оно и было Я ведь так и сделал,— согласился он наконец — Ладно, давай занесем сюда остатки вещей Самый большой взрыв будет примерно через полтора часа

— А ты думаешь, он будет?

— Что ты хочешь этим сказать?

— Хью, я не знаю, что произошло Может быть, это совсем другой мир Или, может быть, мир тот же самый, только самую чуточку изменившийся под влиянием нашего возвращения хотя бы

— Не знаю, не знаю Так или иначе, но мы должны перенести сюда остатки вещей

Самый сильный взрыв произошел вовремя Их тряхнуло, но все обошлось без повреждений Когда их настигла ударная волна, тряхнуло опять Но никаких неприятностей не случилось и на сей раз, разве что сдали нервы у некоторых слишком впечатлительных животных Близнецам же, похоже, суровая жизнь начала нравиться

Хью засек время, потом задумчиво произнес

— Если это и другой мир, то он от нашего отличается совсем незначительно И все же

— Что, милый?

— И все же он отличается Например, ты не забыла, что машина у тебя была другая А я помню, что уложил Грейс в постель очень рано После этого мы еще поговорили с Дьюком Так что он отличается от нашего,— тут он вдруг улыбнулся — И он может быть отличен от нашего в очень важных вещах Если будущее может изменять прошлое, то, вероятно, и прошлое воздействует на будущее Может быть, Соединенные Штаты и не будут полностью уничтожены Может быть, ни та, ни другая сторона не пойдут на такой самоубийственный шаг, как использование биологического оружия Может быть Черт возьми, может быть, гнусному Понсу никогда не удастся сделать молоденьких девушек объектом своих гастрономических пристрастий! — и добавил — И можете быть уверены, я сделаю для этого все, что в моих силах

— Мы попытаемся! И наши мальчики попытаются!

— Да, но все это завтра Мне кажется, что сегодняшний фейерверк окончен Мадам, смею ли я надеяться, что вы не побрезгуете уснуть на куче сена?

— Вот так просто взять и уснуть?

— До чего же ты похотлива! У меня был долгий и трудный день

— Но у тебя и в тот раз позади был долгий и трудный день

— Посмотрим

Глава двадцать третья

Они пережили ракеты, они пережили бомбы, они пережили пожары, они пережили эпидемии, которые вовсе не оказались такими опустошительными и, вполне возможно, не были вызваны применением бактериологического оружия Во всяком случае, обе воюющие стороны горячо отрицали это Они пережили длительный период беспорядков, когда гражданское правительство корчилось в агонии, как змея с перебитым позвоночником Они продолжали жить Жизнь продолжалась

Вывеска над их жилищем гласила

СВОБОДНОЕ ВЛАДЕНИЕ ФАРНХЭМА

ФАКТОРИЯ · РЕСТОРАН · БАР

американская водка · кукурузный ликер
яблочное бренди · настоящая родниковая вода
парное молоко · солонина с картошкой
масло и иногда хлеб · копченая медвежатина
вяленая дичь
креп-сюзе по заказам
!!! Любые КНИГИ принимаются в качестве платы!!!

РОБЕРТ ХАЙНЛАЙН

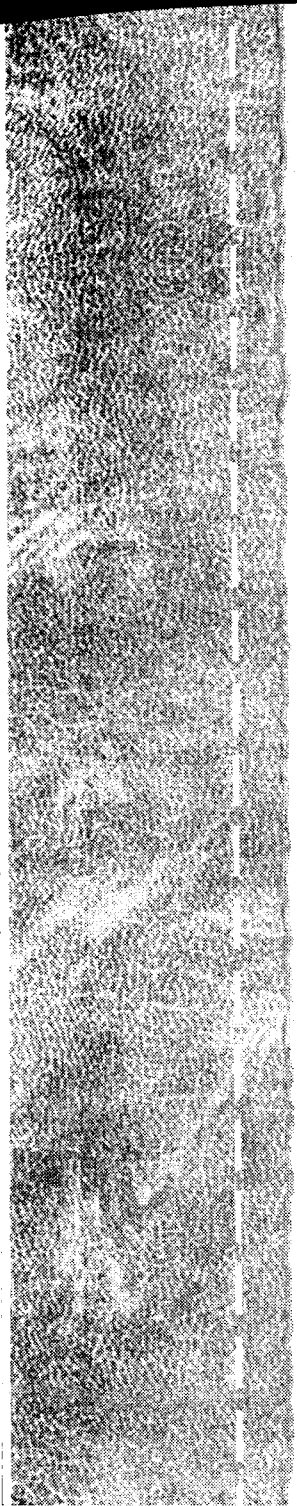
Торговля налогом не облагается
Дневной присмотр за детьми
!!БЕСПЛАТНЫЕ КОТЯТА!!
Кузнечные работы, ремонт механизмов, работа по листовому металлу — металл предоставляет заказчик

ФАРНХЭМСКАЯ ШКОЛА БРИДЖ-КОНТРАКТА
Уроки по договоренности.
Каждую среду вечером — встречи.

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ!!!
Позвоните в колокольчик. Дождитесь ответа. Приближайтесь к дверям с поднятыми руками. Не сходите с тропинки — участок заминирован. За прошедшую неделю мы потеряли трех покупателей. Мы не можем позволить себе потерять еще и **ВАС**!

Хью и Барбара ФАРНХЭМ и Сыновья
СВОБОДНЫЕ ВЛАДЕТЕЛИ

А высоко в небе, над вывеской, развевался самодельный звездно-полосатый флаг — и жизнь их продолжалась по-прежнему.

ТАМ, ЗА ГРАНЬЮ

Кэлу, Микки и обоим их отпрыскам посвящаю.

Автор

Глава I
«Все они должны были быть очень счастливы...»

Все проблемы были решены: у них более не существовало бедных; болезни, увечья, хромота и слепота стали достоянием истории; древние поводы для войн исчезли; люди обладали свободой — куда большей, чем когда-либо имел Человек. Все они должны были быть счастливы...

Гамильтон Феликс вышел из лифта на тринадцатом уровне министерства финансов, ступил на движущуюся дорожку, которая уходила влево, и покинул ее возле двери с табличкой:

Бюро экономической статистики
Аналитическо-прогностическая служба
Директор

Посторонним вход воспрещен

Набрав кодовую комбинацию, Гамильтон подождал визуальной проверки. Она произошла мгновенно; дверь распахнулась, и изнутри послышался голос:

— Заходите, Феликс.

Шагнув внутрь, он взглянул на хозяина и заметил:

— Вы — девяносто восьмой.

— Девяносто восьмой — кто?

— Девяносто восьмая кислая рожа за последние двадцать минут. Это такая игра — я ее только что придумал.

Монро-Альфа Клиффорд был явно озадачен. Впрочем, при встречах с Феликсом это случалось с ним достаточно часто.

© А. Сергеев, перевод

— Что вы имеете в виду? Ведь вы же наверняка подсчитали и нечто противоположное?

— Разумеется. На девяносто восемь рож, выражающих скорбь от потери последнего друга, пришлось семь счастливых лиц. Однако,— добавил Феликс,— чтобы их стало семь, мне пришлось сосчитать и одного пса.

Монро-Альфа бросил на Гамильтона быстрый взгляд, силясь понять, шутит он или нет. Как обычно, разобраться в этом ему не удалось. Высказывания Гамильтона нередко казались несерьезными, а зачастую — попросту бессмысленными. В них не было и намека на шесть правил юмора — собственным образцовым чувством юмора Монро-Альфа гордился и неукоснительно требовал, чтобы подчиненные развивали в себе это ценное качество. Но разум Гамильтона, казалось, следовал какой-то странной, лишь ему присущей нелогичности — возможно, самодостаточной, однако на первый взгляд никоим образом не связанной с окружающим миром.

— И какова цель вашего обследования? — поинтересовался Монро-Альфа.

— А нуждается ли оно в цели? Говорю же, я его только что придумал.

— К тому же ваша статистика слишком скудна, чтобы на нее можно было опереться. Основываясь на столь мизерном количестве данных, вам не удастся построить кривую. Кроме того, сами условия не поддаются проверке. А следовательно, и ваши результаты не означают ровным счетом ничего.

Гамильтон закатил глаза.

— Услышь меня, Старший Брат,— тихо проговорил он.— Живой Дух Разума, посети твоего слугу! В этом величайшем и процветающем городе я обнаруживаю, что соотношение уксусно-кислых физиономий к улыбающимся равно четырнадцати к одному, а он утверждает, будто это ничего не значит!

Монро-Альфа был явно раздосадован.

— Оставьте при себе свои шуточки,— сказал он.— И вообще, подлинное соотношение составит шестнадцать с третью к одному — собака в счет не идет.

— А, забудьте! — отмахнулся его приятель.— Чем вы тут развлекаетесь?

Гамильтон принялся бродить по кабинету, временами бесцельно брал что-то в руки, рассматривал и, сопровождаемый бдительным взором Монро-Альфы, ставил на место; наконец он остановился перед огромным интегратором-накопителем.

— По-моему, наступает время вашего квартального прогноза, не так ли?

— Наступает? Уже наступило. Перед самым вашим приходом я как раз закончил первую прогонку. Хотите взглянуть? — подойдя к аппарату, Монро-Альфа нажал кнопку.

Когда выскочил фотостат, он, не взглянув на него, протянул бумагу Гамильтону. Смотреть ему и не надо было — данные в компьютер вводились проверенные, и Клиффорд был убежден в правильности полученного прогноза. Завтра он вернется к этой проблеме, но использует при решении иную методику. Если несовпадение результатов превысит пределы машинной погрешности, придется перепроверять исходные данные. Впрочем, этого, конечно же, не случится. Сам по себе конечный результат Монро-Альфу не интересовал — этим пусть занимается начальство; волновал Клиффорда исключительно сам процесс.

Гамильтон рассматривал фотостат. Даже непрофессионал мог — хотя бы отчасти — понять, какое великое множество деталей пришлось учесть, чтобы получить этот простой ответ. На двух континентах человеческие существа занимались своими законными делами — покупали и продавали, производили и потребляли, тратили и сберегали, отдавали и получали. В Альтуне, штат Пенсильвания, для субсидирования разработки нового метода получения железа из бедных руд группа людей выпустила пакет акций, не обеспеченных капиталом. Они были хорошо приняты в Нью-Боливаре, где образовался переизбыток доходов из-за процветания тропических городов-садов, разбросанных по берегам Ориноко («Купи ломоть рая!»). Возможно, этот успех объяснялся здоровым голландским влиянием, ощутимым в смешанной культуре региона; но мог объясняться и латинским влиянием, которое обеспечило в это же время беспрецедентный поток туристов с Ориноко в Патагонию, на озеро Луизы и в Ситку — не суть важно.

Так или иначе, а все сложное переплетение сделок нашло отражение на фотостате, который держал в руках Гамильтон. Где-то

в Уалла-Уалла ребенок — тайком, косясь на дверь,— сломал копилку, собрал монеты, которые так долго и тщательно откладывались, и купил вожделенную игрушку, способную не только совершать некие действия, но и произносить при этом соответствующие звуки. Где-то глубоко во внутренностях автоклерка, регистрирующего продажу игрушек в магазине, в бумажной ленте были тут же пробиты четыре дырочки. Эта пометка, появившаяся в счетах владельца, была отражена в бесконечной цепи посредников — складов, транспортников, обработчиков, первичных производителей, сервисных компаний, врачей, адвокатов, торговцев, управленческого аппарата,— мир без конца.

Ребенок — маленькое, злобное, белобрысое отродье, предназначенное разочаровывать всех, кто его задумывал и воспитывал,— увидев, что у него осталось еще несколько монеток, обменял их на диетические конфеты («Псевдосласти "Дед-Мороз" — во всей банке ни единой рези в животике»). Продажа была просуммирована со многими ей подобными и нашла отражение в отчетности Корпорации торговых автоматов в Сиэтле.

В цифрах на фотостате, который держал в руках Гамильтон, сломанная копилка и все ее взаимосвязи проступали крохотным фрагментом сверхмикроскопических данных, неразличимых даже в пятом знаке после запятой. Составляя прогноз, Монро-Альфа слыхом не слыхал об этой копилке (да и никогда не услышит!), но подобных копилок было десятки тысяч, а за ними стояло неисчислимое количество предпринимателей — везучих и невезучих, проницательных и тупых; миллионы производителей, миллионы потребителей — и каждый со своей чековой книжкой, каждый с печатными символами в бумажнике (мощными символами — как их ни называй: деньги, бабки, груши, вампум, наличные, шекели, капуста)...

Все эти символы — и те, что звенят, и те, что складываются, и особенно те, что являют собой лишь абстракцию, подписанное честным человеком обещание,— все эти символы или их скрупулезно отраженные тени проскользнули сквозь бутылочное горлышко компьютера Монро-Альфы и обрели там вид угловых скоростей, кружения трехмерных эксцентриков, электронных потоков, отклонений напряжения и всяческих прочих сложностей. И все это многообразие составляло динамическую абстрактную структурную картину экономической жизни полушария.

Гамильтон рассматривал фотостат. При повторном вложении накопившегося капитала требовалось увеличить субсидирование розничных продаж на три и одну десятую процента и увеличить месячный доход граждан на двенадцать кредитов — если только Совет экономической политики не рещит распределять прирост общественного дохода иным способом.

— С каждым днем я становлюсь богаче,— подытожил Гамильтон.— Знаете, Клифф, эта ваша денежная машина — чудесное приспособленьице. Поистине курочка, несущая золотые яйца!

— Понимаю вашу классическую аллюзию,— согласился Монро-Альфа,— однако интегратор ни в каком смысле не является производящей машиной. Это всего лишь компьютер, совмещенный с интегрирующим предиктором.

— Знаю,— рассеянно отмахнулся Гамильтон.— Скажите-ка, Клифф, а что будет, если я возьму топор и вдребезги разнесу эту вашу игрушку?

— Вас станут допрашивать, чтобы выяснить побудительные причины.

— Не пытайтесь казаться глупее, чем вы есть. Что случится с системой экономики?

— Полагаю,— проговорил Монро-Альфа,— вы хотите, чтобы я ответил, будто заменить машину невозможно? Любой из интеграторов региона мог бы...

— Разумеется. К черту их все.

— Тогда мы окажемся вынуждены прибегнуть к утомительным статистическим расчетам. Произойдет задержка на несколько недель — пока накопившиеся ошибки не будут исправлены в следующем прогнозе. Но ничего особо существенного не случится.

— Все это ерунда. Я хочу понять вот что: если никто не станет подсчитывать количество кредитов, которые необходимо выпустить, чтобы сбалансировать производство и потребление,— что произойдет в этом случае?

— Ваше гипотетическое допущение так далеко от реальности, что теряет всякий смысл,— заявил Монро-Альфа.— Но если

принять его, несомненно случится серия кризисов и бумов — наподобие тех, что имели место в начале двадцатого века. В предельном случае они могли бы даже привести к войне. Но ничего подобного, разумеется, не произойдет — структурная природа финансов слишком глубоко вросла в нашу культуру, чтобы псевдокапитализм смог вернуться. Всякий ребенок понимает основы расчетов и производственного баланса — для этого даже начальной школы кончать не надо.

— Я не понимал.

Монро-Альфа снисходительно улыбнулся.

— Трудно поверить. Вы же знаете закон стабильных денег.

— В стабильной экономике эмиссия денег, свободных от долгов, должна равняться сумме добавочных капиталовложений,— процитировал Гамильтон.

— Именно. Но это формулировка Рейзера. В целом мышление у Рейзера здравое, но он обладает удивительным талантом туманно излагать самые простые вещи. Можно объяснить это гораздо проще. Экономические процессы столь разнообразны в деталях и влекут за собой так много отложенных действий, что человек не в состоянии осмыслить их, не прибегая к системе символов. Эту систему мы называем финансами, а символы — деньгами. Символическая структура должна абсолютно точно соответствовать физической связи между потреблением и производством. Мое дело — следить за действительным развитием процессов и давать Совету экономической политики рекомендации, на основании которых производятся изменения в структуре символов, приводящие ее в соответствие с физической структурой.

— Будь я проклят, если вы изложили это хоть чуточку проще,— ответил Гамильтон.— Ну да ничего — я ведь не говорил, будто не понимаю этого сейчас; я лишь сказал, что не понимал, будучи ребенком. Но если по чести — не проще ли было бы установить коллективную систему и покончить с этим?

— Структура финансов является универсальной теорией и приложима к любому типу государственного устройства,— покачал головой Монро-Альфа.— Завершенный социализм будет так же нуждаться в структурной точности расчета цен, как и свободное предпринимательство. Соотношение уровня общественной собственности с уровнем частного предпринимательства — вопрос культуры. Пища, например, конечно, бесплатна, однако...

— Остановитесь, дружище. Вы только что напомнили мне об одной из двух причин, по которым я к вам заглянул. Как насчет обеда? Вечер у вас не занят?

— Частично. В девять у меня свидание с ортосупругой, но до этого я свободен.

— Вот и хорошо. Я нашел новый платный ресторан в Меридиэн-Тауэр. Это будет сюрприз вашему пищеварительному тракту — гарантирую либо расстройство желудка, либо сражение с шеф-поваром.

Монро-Альфа заколебался — ему уже случалось участвовать в гастрономических авантюрах Гамильтона.

— Может, сходим в нашу столовую? Зачем платить наличными за плохой обед, если хороший включен в вашу основную прибыль?

— Потому что еще один сбалансированный обед окончательно меня разбалансирует. Пошли.

— Не хочу бороться с толпами,— покачал головой Монро-Альфа.— Честное слово, не хочу.

— Признайтесь, люди вам не нравятся?

— Неприязни они мне не внушают. По крайней мере каждый в отдельности.

— Но они вам не нравятся. А мне они по душе. Люди забавнее, чем кто бы то ни был. Сохрани, Боже, их маленькие глупые сердца — они способны порой на самые безумные вещи.

— А вы, разумеется, единственный нормальный среди сумасшедших?

— Я? Вот уж нет. Я — затянувшаяся шутка над самим собой. Напомните, чтобы я как-нибудь рассказал об этом. Но вот второй повод, по которому я к вам пришел. Обратили вы внимание на мое новое оружие?

Монро-Альфа бросил взгляд на кобуру Гамильтона. На самом деле он не заметил, что у его друга появилось новое оружие. Приди Феликс безоружным, Монро-Альфа, естественно, обратил

бы на это внимание, но особой наблюдательностью в этом отношении он не отличался и вполне мог провести с человеком два часа, даже не задумавшись над тем, что у того в кобуре — коагулятор Стокса или обычный игольчатый излучатель. Но теперь, приглядевшись специально, он сразу же понял, что Гамильтон вооружен чем-то новым... чертовски странным и неуклюжим.

— Что это?

— Это? — Гамильтон вытащил оружие из кобуры и протянул собеседнику.— Хотя да! Вы же не знаете, как с ним обращаться, и оторвете себе голову,— он нажал кнопку на рукоятке, и длинный плоский контейнер упал ему на ладонь.— Вот, я вырвал ему зубы. Видели когда-нибудь хоть что-то подобное?

Монро-Альфа осмотрел механизм.

— Ну... думаю, да. Это ведь музейная реликвия, не правда ли? Ручное стрелковое оружие взрывного действия.

— И да, и нет. Это новинка, но представляет собой точную копию экспоната из коллекции Смитсонианского института. Называется «автоматический пистолет Кольта калибра ноль сорок пять».

— Ноль сорок пять — чего?

— Дюйма.

— Дюйма?.. Постойте-ка, сколько ж это будет в сантиметрах?

— Минутку... Три дюйма составляют ярд, а ярд — это около метра. Нет, не может быть. Одним словом, так обозначается диаметр пули, которую пистолет выбрасывает. Вот, посмотрите,— Гамильтон извлек из обоймы патрон.— Чертовски близок к толщине моего большого пальца.

— И при ударе, полагаю, взрывается?

— Нет, просто прокладывает себе путь.

— Звучит не слишком впечатляюще.

— Вы будете удивлены, старина,— эта штука пробивает в человеке такую дырищу, что собака сквозь нее пробежит.

Монро-Альфа протянул пистолет обратно.

— А тем временем противник прикончит вас лучом, который мчится в тысячу раз быстрее. Химические процессы очень медленны, Феликс.

— Не так уж и медленны. По-настоящему теряет время оператор. Половина слоняющихся вокруг нас ганфайтеров поражают цель уже горячим лучом. Им недостает умения быстро прицелиться. Так что если кисть у вас хорошо развита, этой штукой вполне возможно их остановить. Давайте я вам покажу — во что бы мы здесь могли пострелять?

— М-м... Вряд ли кабинет подходит для стрельбы в цель.

— Расслабьтесь. Нам нужен какой-то предмет, который я мог бы сбить пулей, пока вы будете пытаться его сжечь. Как насчет этого? — Гамильтон взял со стола большое декоративное пластмассовое пресс-папье.

— Ну... пожалуй.

— Прекрасно,— Гамильтон снял с жардиньерки в дальнем конце комнаты вазу с цветами и водрузил на ее место импровизированную мишень.— Мы оба встанем к ней лицом примерно на равном расстоянии. Я буду наблюдать за вами — до того момента, когда вы начнете вытаскивать излучатель, словно мы и в самом деле собираемся стреляться. И тогда попробую сбить его с подставки прежде, чем вы успеете сжечь.

Заинтересовавшись, Монро-Альфа занял предложенное место. Он считал себя неплохим стрелком, хотя и понимал, что у Феликса реакция быстрее. «Как раз на ту долю секунды, которой мне может не хватить»,— подумал Клиффорд.

— Я готов.

— О'кей.

Монро-Альфа потянулся к излучателю.

Последовало единственное «бах!» — такое неистовое, что он не просто услышал звук, но буквально ощутил его всей кожей. Поверх наложилось пронзительное «с-с-ринг-оу-оу!» от рикошетов запрыгавшей по кабинету пули. Потом наступила звенящая тишина.

— Черт возьми! — воскликнул Гамильтон.— Я еще ни разу не стрелял из него в помещении...— он шагнул вперед, туда, где находилась мишень.— Ну-ка, посмотрим, что у нас получилось?

Осколки пластмассы разлетелись по всей комнате; при всем желании невозможно было отыскать достаточно большого, чтобы на нем сохранились следы полировки.

— Трудно сказать, сожгли вы его или нет.

— Не сжег.

— Почему?

— Этот грохот меня так напугал, что я не успел выстрелить.

— Правда? Вот здорово! Вижу, что и наполовину не понимал преимуществ этой штучки. Это психологическое оружие, Клифф.

— Оно слишком грохочет.

— Конечно — это оружие устрашения. Не стремитесь поражать цель первым же выстрелом. Противник будет так испуган, что у вас появится время для второго выстрела. И это еще не все. Подумайте: городские смельчаки привыкли укладывать человека спать ударом молнии, даже не растрепав ему волос. А это — кровавая штука. Вы видели, что произошло с витролитовой вещицей. Представьте себе, во что превратится человеческое лицо, оказавшись на пути одной из таких пуль. Похоронных дел мастеру придется прибегнуть к помощи стереоскульптуры, чтобы воссоздать хоть какое-то сходство с покойным, чтобы друзья узнали его, когда придут проводить в последний путь. Кто отважится противостоять такому огню?

— Может быть, вы и правы. Но все же оно слишком шумное. И вообще, пошли лучше обедать.

— Прекрасная идея. Но подождите-ка... У вас новый лак для ногтей. Он мне нравится.

Монро-Альфа растопырил пальцы.

— Шикарный, правда? Это «лиловый радужный». Хотите попробовать?

— Нет, спасибо. Боюсь, я для него слишком темен. Но при вашей коже он очень хорош.

Когда они вошли в платный ресторан, облюбованный Гамильтоном, Монро-Альфа автоматически попросил отдельный кабинет, а Феликс одновременно с ним потребовал столик в общем зале. Сошлись на ложе балкона — она была полуизолированной и позволяла Гамильтону развлекаться, разглядывая собравшихся внизу.

Обед был заказан Гамильтоном заранее — что, собственно, и убедило его друга согласиться на эту вылазку. Подали все на удивление быстро.

— Что это такое? — с подозрением поинтересовался Монро-Альфа.

— Буйабесс. Нечто среднее между ухой и рыбной тушенкой. Больше дюжины сортов разной рыбы, белое вино и Бог весть сколько всяческих трав и приправ. Все, заметьте, натуральное.

— Должно быть, ужасно дорого.

— Это произведение искусства — и платить за него одно удовольствие. Но не беспокойтесь: вы же знаете, не делать деньги я не могу.

— Да, знаю. Никогда не мог понять, почему вас так интересуют игры. Правда, за них хорошо платят.

— Вы ошибаетесь. Игры меня совершенно не интересуют. Разве вам случалось видеть, чтобы я истратил доллар или кредит на любую из моих игр? Я с детства ни во что не играл. Мне совершенно ясно, что одна лошадь может бежать быстрее другой, что шарик останавливается на красном или черном, а тройка бьет две двойки. И видя эти примитивные игрушки, которыми взрослые люди забавляются, я невольно представляю себе нечто более сложное и увлекательное. Когда мне надоедает сидеть без дела, я делаю эскиз такой игрушки и отсылаю своему агенту. В итоге появляются новые деньги,— Гамильтон пожал плечами.

— А что же вас интересует по-настоящему?

— Люди. Ешьте суп.

Монро-Альфа осторожно попробовал похлебку — на лице его отразилось удивление, и он принялся за дело всерьез. Гамильтон, улыбнувшись про себя, пустился его догонять.

— Феликс...

— Да, Клифф?

— А почему вы причислили меня к девяноста восьми?

— К девяноста восьми? Вы имеете в виду обзор кислых рож? Ну, дружище, вы это заслужили. Если за этой смертной маской прячутся довольство и веселье — значит, вы умеете их прекрасно скрывать.

— Но мне не от чего быть несчастным!

— Насколько я знаю, нет. Но и счастливым вы тоже не выглядите.

Еще несколько минут они ели молча. Потом Монро-Альфа возобновил разговор:

— А знаете, это правда. Нет.

— Что «нет»?

— Я не счастлив.

— Да? М-м-м... Почему же?

— Не знаю. Если бы знал, то что-нибудь бы предпринял. Мой семейный психиатр не может определить причины.

— Вы не на той волне. Психиатр — последний, к кому следует с этим обращаться. Они знают о человеке все — за исключением того, что он такое и что заставляет его тикать. И кроме того, случалось ли вам видеть здорового психиатра? Да на всю страну не сыщется и двух, которые смогли бы пересчитать собственные пальцы и дважды подряд получить одинаковый результат.

— Он и вправду был не в состоянии мне хоть чем-нибудь помочь.

— Разумеется, нет. И знаете, почему? Потому что он исходил из предположения, будто с вами что-то не в порядке. Естественно, он не смог ничего найти и зашел в тупик. Ему и в голову не пришло, что с вами все в порядке, но это-то непорядок и есть.

Монро-Альфа казался утомленным.

— Не понимаю. К тому же он сказал, что нашел ключ.

— Какого рода?

— Но... я ведь представляю собой девиант, вы же знаете.

— Знаю,— кивнул Гамильтон. Генетическая родословная друга была ему достаточно хорошо известна, однако он не любил, когда тот вспоминал об этом. Что-то в Гамильтоне противилось мысли, будто человек непременно и неотвратимо следует схеме, навязанной ему генетическими программистами. Больше того — он вовсе не был убежден, что Монро-Альфу следует считать девиантом.

Девиант — термин, вызывающий вопросы. Когда человеческие зиготы, образующиеся в результате слияния двух половых клеток-гамет, отличаются от тех, что были предсказаны генетиками, но не настолько, чтобы уверенно классифицировать их как мутацию, на сцене появляется слово «девиант». Вопреки расхо-

жему мнению, это не термин, применимый для характеристики конкретного феномена, а просто обобщающий ярлык, прикрывающий недостаточность знания.

Монро-Альфа (именно этот Монро-Альфа — Клиффорд, 32-847-106 Б62) — явился на свет вследствие попытки воссоединить две первичные линии Монро-Альфа и тем самым возобновить и укрепить математический гений его знаменитого предка. Однако математический гений заключен не в одном гене или даже группе генов. Предполагается, что это скорее всего комплекс генов, *организованных в определенном порядке.*

К несчастью, оказалось, что в линии Монро-Альфа этот комплекс генов тесно связан с невротической характеристикой, снижающей способность к выживанию. Природу этой характеристики не удалось определить и привязать к какой-либо группе генов. Вроде бы было установлено, что такая взаимосвязь не является непременной, и потому инженеры-генетики, выбиравшие конкретные гаметы, которые должны были вызвать к жизни Монро-Альфу Клиффорда, полагали, будто исключили нежелательную черту характера.

Сам Монро-Альфа Клиффорд так не думал.

— Знаете, в чем ваша беда, дружище? — Гамильтон наставительно ткнул в его сторону пальцем.— По глупости вы ломаете голову над тем, чего не знаете. Ведь ваши конструкторы уверяют, что сделали все возможное, чтобы исключить из вашего «я» те черты, которые заставили вашего милого прадедушку Уиффенпуффа разводить ужей-полосатиков в собственной шляпе. Существует, конечно, вероятность, что им это удалось не в полной мере. Но кто заставляет вас в это верить?

— Мой прадед ничего подобного не делал. Некоторая склонность к агедонизму, тенденция к...

— Так зачем же вести себя так, словно его надо было выгуливать в намордник? Вы меня утомляете. Родословная у вас чище, чем у девяноста девяти человек из ста, а карта хромосом четче и правильней шахматной доски. А вы все скулите по этому поводу. Как понравилось бы вам оказаться дикорожденным? Носить перед глазами линзы? Страдать от дюжин отвратительнейших

болезней? Или оказаться без зубов и жевать искусственными челюстями?

— Разумеется, никто не хочет быть дикорожденным,— задумчиво отозвался Монро-Альфа,— впрочем, те из них, с кем я сталкивался, выглядели достаточно счастливыми...

— Тем больше у вас оснований покончить со своими страхами. Что вы знаете о болях и болезнях? Вы не можете судить о себе сегодняшнем — как рыба не в силах оценить воду. Доход у вас втрое больше, чем вы способны истратить; высокое положение и любимая работа — чего еще желать?

— Не знаю, Феликс, не знаю... Но что-то, сам не понимаю, чего мне не хватает. И не давите на меня больше.

— Ну хорошо, простите меня. Займемся лучше обедом.

В буйабессе было несколько крупных крабьих ног, и Гамильтон положил одну из них на тарелку Клиффорда. Монро-Альфа с сомнением посмотрел на деликатес.

— Не будьте таким подозрительным,— посоветовал Гамильтон.— Смелее, попробуйте.

— Как?

— Возьмите ее в руки и раздавите скорлупу.

Монро-Альфа попытался последовать его совету, однако отсутствие опыта не замедлило сказаться — жирная, скользкая крабья нога выскользнула у него из пальцев; он попытался было ее поймать, но она улетела за перила балкона. Монро-Альфа стал подниматься из-за стола, но Гамильтон его удержал.

— Моя ошибка — мне и исправлять,— сказал он и посмотрел вниз, на столик, оказавшийся прямо под их ложей.

Сам злосчастный дар моря Гамильтон заметил не сразу, хотя в том, куда именно он упал, сомневаться не приходилось. За столом сидели восемь человек, в том числе двое пожилых мужчин с нарукавными повязками, говорившими о том, что они безоружны, и четыре женщины. Одна, молоденькая и хорошенькая, промокала платком забрызганное платье; в стоявшем перед ней бокале, наполненном какой-то пурпурной жидкостью, плавала злополучная крабья нога. Увязать причину со следствием было нетрудно.

Двое вооруженных участников застолья вскочили и впились взглядами в балкон. Юноша в ярко-алом прогулочном костюме уже

положил ладонь на рукоятку излучателя и уже собрался было заговорить, однако второй, постарше, переведя холодные, опасные глаза с Гамильтона на своего юного компаньона, остановил его.

— С вашего позволения, Сирил,— проговорил он,— это мое право.

Молодой задира был явно раздосадован; тем не менее он напряженно поклонился и опустился на стул. Старший чопорно вернул ему поклон и вновь повернулся к Гамильтону. Кружева его манжет касались кобуры, но до оружия он не дотронулся — пока.

Гамильтон встал и наклонился, положив обе руки на перила так, чтобы их было хорошо видно.

— Сэр, моя неуклюжесть испортила вам удовольствие от трапезы и нарушила ваше уединение. Я перед вами глубоко виноват.

— Должен ли я понимать, что это произошло случайно, сэр? — взгляд мужчины оставался по-прежнему холоден, однако к оружию он не потянулся. Но и не сел.

— Уверяю вас, сэр, и покорно прошу меня извинить. Не окажете ли вы мне любезность, позволив возместить причиненный ущерб?

Человек опустил взгляд — не на юношу в алом, а на девушку в забрызганном платье. Та пожала плечами.

— Вашего предложения уже достаточно, сэр.

— Сэр, вы оставляете меня в долгу.

— Нисколько, сэр.

Они обменялись поклонами и уже были готовы занять свои места, когда из противоположной ложи балкона раздался выкрик:

— Где ваша повязка?

Оба посмотрели в ту сторону; один из собравшейся там компании — по-видимому, вооруженной, поскольку повязок ни у кого не было видно,— перегнулся через перила и уставился на них с откровенной наглостью.

— Мое право, сэр, не так ли? — обратился Гамильтон к человеку внизу.

— Ваше право. Желаю удачи,— тот сел и повернулся к сидящим за столом.

— Вы ко мне обращались? — поинтересовался Гамильтон у крикуна с балкона.

— К вам. Вы слишком легко отделались. С вашими манерами надо обедать дома — если у вас есть дом,— а не в обществе воспитанных людей.

— Он пьян,— коснувшись руки Гамильтона, шепнул Монро-Альфа.— Не связывайтесь с ним.

— Знаю,— чуть слышно отозвался Феликс.— Но он не оставляет мне выбора.

— Может быть, его друзья вмешаются?

— Посмотрим.

Приятели буяна и в самом деле попытались его утихомирить. Один из них успокаивающим жестом прикрыл кобуру задиры, но тот резко стряхнул с нее его руку. Он явно играл на публику — весь ресторан притих, посетители демонстративно не обращали внимания на происходящее, хотя это было не более чем позой, маскировавшей всеобщий интерес.

— Отвечайте! — потребовал буян.

— Отвечу,— спокойно произнес Гамильтон.— Вы перебрали и потому не в состоянии контролировать собственных слов. Друзья должны вас обезоружить и надеть на вас повязку. А не то какой-нибудь вспыльчивый джентльмен может не заметить, что ваши манеры нацежены из бутылки.

Позади буяна возникло какое-то движение и перешептывание, там явно совещались, не послушаться ли совета Гамильтона. Один из спутников снова попытался урезонить задиру, но тщетно.

— Это вы что, о моих манерах? Вы, ошибка планировщиков!

— Ваши манеры,— спокойно возразил Гамильтон,— так же отвратительны, как и ваш язык.

Буян выхватил излучатель, рука его взметнулась, намереваясь, очевидно, полоснуть лучом вниз.

Ужасающий грохот кольта сорок пятого калибра заставил всех вооруженных граждан вскочить в полной боевой готовности — излучатели в руках, глаза насторожены. Но готовиться было уже не к чему. Коротко и пронзительно засмеялась женщина. Смех ее разрядил общее напряжение; пожимая плечами, мужчины садились на свои места. Подчеркивая свое безразличие к тому, что делается вокруг, все вернулись к прерванной трапезе.

Противника Гамильтона поддерживали под руки двое приятелей. Выглядел он совершенно трезвым и крайне удивленным. Возле правого плеча в рубашке его зияла дыра, вокруг которой расплывалось красное пятно. Один из поддерживающих его людей помахал Гамильтону свободной рукой с открытой ладонью. Феликс тем же жестом принял капитуляцию. Потом кто-то задернул занавески противоположной ложи.

Со вздохом облегчения Гамильтон опустился на подушки.

— Вот так мы и теряем крабов,— заметил он.— Хотите еще, Клифф?

— Нет, спасибо,— сказал Монро-Альфа.— Я предпочитаю пищу, которую едят ложками. Ненавижу перерывы во время обеда. Он мог убить вас.

— И оставить вас расплачиваться за обед. Такое крохоборство вам не к лицу, Клифф.

— Вы же знаете, что это не так,— раздосадованно возразил Монро-Альфа.— У меня слишком мало друзей, чтобы я мог позволить себе легко терять их в случайных ссорах. Надо было занять отдельный кабинет — я же предлагал.

Он дотронулся до кнопки под перилами, и шторы закрыли арку, отгородив их от общего зала. Гамильтон рассмеялся.

— Немного возбуждающего полезно для аппетита.

В противоположной ложе человек, жестом признавший капитуляцию, яростно выговаривал раненому:

— Ты дурак! Неуклюжий идиот! Ты все испортил!

— Я ничего не мог поделать,— протестовал раненый.— После того как он уступил право, мне оставалось только изображать пьяного и делать вид, будто я имел в виду другого,— он осторожно пощупал кровоточащее плечо.— Ради всего святого, чем это он меня прожег?

— Какая разница?

— Для вас — может, и нет разницы, а для меня есть. Я его разыщу.

— Уймись. Хватит и одной ошибки.

— Я же думал, что он из наших. Думал, это входит в спектакль.

— Хм! Тебя бы предупредили.

* * *

Когда Монро-Альфа отправился на свидание, Гамильтону решительно нечего было делать. Столичная ночная жизнь предлагала человеку уйму способов избавиться от лишних кредиток, но все это ему давно опостылело. Он безуспешно попытался найти какое-нибудь оригинальное развлечение, но потом сдался и предоставил городу развлекать его по собственному усмотрению. Коридоры были, как всегда, переполнены, лифты битком набиты, Большая площадь под портом кишела народом. Куда это они все несутся? Что за спешка? И что они ожидают найти там, куда так стремятся?

Впрочем, присутствие некоторых людей в объяснениях не нуждалось. Редкие пешеходы с повязками оказались здесь просто по делу. Так же объяснялось и присутствие здесь немногочисленных вооруженных граждан, носивших в то же время повязки, утверждавшие их уникальный статус полицейских блюстителей,— они имели оружие, но при этом были неприкосновенны.

Но остальные — вооруженные и разодетые мужчины со своими столь же кричаще разукрашенными женщинами — они-то почему так суетились? Почему бы им со своими девицами не посидеть дома? Гамильтон сознавал, что, забавляясь наблюдениями над толпой, он и сам является ее частицей. И, без всяких сомнений, он не один занимал здесь такую позицию: более того, могло статься, что все остальные, устав от самих себя, собрались здесь, чтобы позабавиться, наблюдая безумства друг друга.

Некоторое время спустя он оказался последним посетителем маленького бара. Коллекция пустых рюмок возле его локтя выглядела впечатляюще.

— Герберт,— обратился он наконец к бармену,— почему вы держите эту забегаловку?

Владелец заведения перестал протирать стойку.

— Чтобы делать деньги.

— Хороший ответ, Герберт. Деньги и дети — какие еще могут быть цели в жизни? У меня слишком много одних и совсем нет других. Наливайте, Герберт. И давайте выпьем за ваших детей.

Герберт поставил на стойку две рюмки, но покачал головой.

— Лучше за что-нибудь другое. Детей у меня нет.

— Простите за бестактность. Тогда выпьем за детей, которых нет у меня.

Герберт наполнил рюмки — из двух разных бутылок.

— Что это вы там пьете? Дайте попробовать!

— Вам не понравится.

— Почему?

— Это просто подкрашенная вода.

— Вы пьете это под тост? Почему, Герберт?

— Вам не понять. Мои почки...

Гамильтон с удивлением уставился на бармена. Тот выглядел вполне здоровым.

— Вы и не догадались бы, верно? Да, я дикорожденный. Но у меня собственные волосы. И собственные зубы — в основном. Держу себя в форме. Не хуже любого,— он выплеснул жидкость из своей рюмки и вновь наполнил ее — из той бутылки, откуда наливал Гамильтону.— Ладно! Один раз не повредит,— он поднял рюмку.— Долгой жизни!

— И детей,— механически добавил Гамильтон.

Они выпили. Герберт снова наполнил рюмки.

— Взять вот детей,— начал он,— каждый хочет, чтобы у его детей жизнь складывалась лучше, чем у него самого. Я женат уже четверть века. Мы с женой принадлежим к Первой правде и не одобряем этих нынешних порядков. Но дети... Это мы решили уже давно. «Марта,— сказал я ей,— не важно, что подумают братья. Главное — чтобы у наших детей было все, что есть у других». Она подумала, подумала — и согласилась. И тогда мы пошли в Совет по евгенике...

Гамильтон тщетно пытался остановить его излияния.

— Надо сказать, они были очень вежливы и любезны. Сначала они предложили нам хорошенько подумать. «Если вы прибегнете к генетическому отбору,— сказали они,— ваши дети не получат пособия дикорожденных». Как будто мы сами этого не знали. Да разве в деньгах дело? Нам хотелось, чтобы дети выросли красивыми, здоровыми и были умнее, чем мы. Мы стали настаивать, и тогда они составили на каждого из нас карту хромосом. Прошло

недели две или три, пока они нас снова пригласили. «Ну, док,— спросил я, едва мы вошли,— что скажете? Что нам лучше выбрать?» «А вы уверены, что хотите это сделать? — говорит он.— Оба вы — хорошие и здоровые люди, и государство нуждается в таких, как вы. Если вы откажетесь от своей затеи, я готов дать рекомендацию, чтобы вам увеличили пособие». «Нет,— сказал я,— я свои права знаю. Любой гражданин, даже дикорожденный, если хочет, может прибегнуть к генетическому отбору». Тогда он мне все и высказал — напрямую.

— Что?

— А то, что там и выбирать нечего. Ни в ком из нас...

— Как это нечего?

— Правда... Хотя, может, и не вся. Можно было исключить сенную лихорадку Марты — но это, пожалуй, и все. А о том, чтобы создать ребенка, способного на равных соревноваться со всеми генетически запланированными детьми, и речи быть не могло. Не было материала. Они составили идеальную карту всего лучшего, что могло быть скомбинировано из наших с Мартой генов,— и все же ничего хорошего у них не получилось. По общей шкале оценки сумма получилась лишь на четыре с хвостиком процента выше, чем у нас с женой. «Больше того,— сказал он нам,— вам и на это не приходится рассчитывать. Мы можем перебирать ваши зародышевые клетки на протяжении всего периода вашей половой зрелости — и ни разу не наткнуться на те две гаметы, которые могут быть увязаны в этой комбинации». «А как насчет мутаций?» — спросил я его. Он только плечами пожал. «Прежде всего,— говорит,— чертовски трудно зафиксировать мутацию в генетической структуре самой гаметы. Обычно приходится выжидать, пока новая характеристика не проявит себя в зрелой зиготе, и уже потом устанавливать изменения в структуре гена. А вам нужно не меньше тридцати мутаций сразу, чтобы получить ребенка, какого вы хотите. Это математически невозможно».

— И в результате вы отказались от мысли иметь запланированных детей?

— Мы вообще отказались от мысли иметь детей. Точка. Марта, правда, предложила стать приемной матерью любому ребенку, которого я смогу добыть, но я сказал — нет. Если это не для нас — значит, не для нас.

— Хм-м... Боюсь, что так. Если вы с женой оба дикорожденные, зачем вам держать этот бар? Дивиденды граждан плюс два пособия дикорожденных — вполне приличный доход. А вы не похожи на человека с экстравагантными вкусами.

— У меня их и нет. Сказать по правде, после того разочарования мы попробовали так жить. Но не вышло. Тоска одолела. Раздражительность. Однажды Марта пришла ко мне и говорит: «Как хочешь, Герберт, а я собираюсь опять открыть свою парикмахерскую». И я с ней согласился. Вот так все и вышло.

— Вот оно, значит, как все вышло,— кивнул Гамильтон.— В странном мире мы живем... Давайте-ка еще по одной.

Герберт продолжал протирать стойку.

— Мистер,— наконец сказал он,— я не могу налить вам еще, пока вы не сдадите мне под расписку оружие и не позволите одолжить вам повязку.

— Вот как? Ну ладно, если так — значит, мне хватит. Спокойной ночи.

— Пока.

Глава II
«Богач, бедняк, нищий, вор...»

Телефон начал жалобно всхлипывать, едва Гамильтон вошел в дом.

— Фиг тебе,— сказал Феликс,— лично я собираюсь поспать.

Первые два слова были кодом, заложенным в аппарат, и тот горестно смолк на середине зова.

В качестве превентивной меры Гамильтон проглотил восемьсот единиц тиамина, поставил кровать на пять часов непрерывного сна, швырнул одежду куда-то в сторону робота-лакея и вытянулся на простынях. Под оболочкой матраса стала медленно подниматься вода, пока Феликс не всплыл — сухой, в тепле и уюте. Когда дыхание его успокоилось, колыбельная мало-помалу стихла. А как только

работа сердца и легких с уверенностью засвидетельствовала глубокий сон, музыка умолкла совсем, выключившись без малейшего щелчка.

«Тут вот что,— говорил ему Монро-Альфа,— у нас избыток генов. В следующем квартале каждый гражданин получит по девяносто шесть хромосом...» «Но мне это не нравится»,— запротестовал Гамильтон. Монро-Альфа радостно улыбнулся. «Должно понравиться,— заявил он.— Цифры не лгут. Все получится сбалансированно. Я вам покажу». Он шагнул к своему главному интегратору и включил. Зазвучала и стала нарастать музыка. «Слышите? — спросил Монро-Альфа.— Это доказывает». Музыка стала еще громче. И еще.

Гамильтон почувствовал, что вода ушла, не оставив между ним и губчатой подстилкой ничего, кроме простыни да водонепроницаемой оболочки. Протянув руку, он убавил звук будильника, и тогда до него дошел настойчивый голос телефона:

— Лучше обратите внимание, босс! У меня неприятности. Лучше обратите внимание, босс! У меня неприятности. Лучше обратите внимание, босс! У меня неприятности...

— У меня тоже. Полчаса!

Аппарат послушно затих. Нажав кнопку завтрака, Гамильтон прошел в душ и, бросив по дороге взгляд на циферблат, решил воздержаться от длительной процедуры. К тому же он проголодался. Так что четырех минут хватит.

Теплая мыльная эмульсия покрыла его тело, потом была сдута потоком воздуха, который на исходе первой минуты сменился игольчатым душем той же температуры. Потом колючие струйки стали прохладнее, а затем хлынул сплошной мягкий поток, оставивший после себя ощущение свежести и прохлады. Комбинация эта была собственным изобретением Гамильтона, и ему было все равно, как посмотрели бы физиотерапевты.

Поток воздуха быстро высушил кожу, оставив минуту для массажа. Гамильтон поворачивался и потягивался под настойчивым нажимом тысячи механических пальцев, пока не решил, что вставать все-таки стоило. На секунду он прижал лицо к капиллотому, после чего душевая обрызгала его духами и на прощанье

легонько припудрила. Гамильтон вновь почувствовал себя человеком.

Он выпил большой стакан сока сладкого лимона и, прежде чем включить обзор новостей, всерьез потрудился над кофе.

В обозрении не было ничего, на что стоило бы обратить внимание. «Отсутствие новостей,— подумал он,— делает страну счастливой, но завтрак — скучным». Дюжина сжатых видеосюжетов промелькнула перед Гамильтоном, прежде чем он переключил один из них на подробную версию. Не то чтобы там содержалось что-то важное — просто это касалось его лично.

— Игровая площадка Дианы открыта для публики! — провозгласил диктор, и вид ущербной Луны на экране сменился контрастным пейзажем лунных гор; глубоко под ними взгляду открылось сияющее зрелище рукотворного рая. Гамильтон нажал на клавишу «расскажи больше».

— Лейбург, Луна. Игровая площадка Дианы, давно уже рекламируемая ее агентами, как высшее достижение индустрии развлечений, не имеющее равных ни на Земле, ни за ее пределами, ровно в двенадцать тридцать две по земному основному была оккупирована первой партией туристов. Мои старые глаза повидали немало городов удовольствий, но и я был поражен! Биографы рассказывают, что и сам Лей не чурался веселых мест — оказавшись здесь, одним глазком смотрю на его могилу: а вдруг он появится?

Гамильтон вполуха слушал болтовню диктора, вполглаза поглядывал на экран, сосредоточив основное внимание на полукилограммовом кровавом бифштексе.

—...Ошеломляюще прекрасные, сверхъестественно чувственные танцы при малой силе тяжести. Залы для игр переполнены — вероятно, придется администрации открывать дополнительные помещения. Особенно популярны игровые автоматы, предложенные «Леди Лак, Инкорпорейтед»,— они называются «Азарт Гамильтона». В действительности...

Видеооператору все-таки не удалось создать ощущения ликующих толп — Гамильтон почти физически ощущал старания, с которыми тот искал точки, откуда можно было снимать нужные кадры.

—...Билеты на круговую экскурсию, позволяющую посетить каждый из аттракционов, и трое суток в отеле — при нормальной земной силе тяжести, поскольку каждая комната центрифугируется.

Гамильтон выключил новости и повернулся к телефону:

— Связь один-один-один-ноль.

— Специальная служба,— ответило ему сухое контральто.

— Луну, пожалуйста.

— Конечно. С кем вы желаете говорить, мистер... э... Гамильтон?

— Да, Гамильтон. Я хотел бы поговорить с Блюменталем Питером. Попробуйте вызвать кабинет управляющего игровыми площадками Дианы.

Через несколько секунд на экране возникло изображение.

— Блюменталь слушает. Это вы, Феликс? На этом конце изображение паршивое. Сплошные полосы от помех.

— Да, это я. Я звоню, чтобы спросить об играх, Пит... В чем дело? Вы меня слышите?

Долгих три секунды изображение на экране оставалось неподвижным, потом неожиданно заговорило:

— Конечно, слышу. Не забывайте о запаздывании.

Гамильтон почувствовал, что выглядит по-дурацки. Он умудрился забыть о запаздывании — впрочем, он всякий раз забывал. Ему всегда казалось затруднительным помнить, глядя в лицо собеседнику, что должно пройти полторы секунды, прежде чем этот человек — если он на Луне — его услышит, и еще полторы, пока его голос придет на Землю. В целом запаздывание составляло три секунды. На первый взгляд — сущий пустяк, однако за это время можно пройти шесть шагов или упасть на сорок один метр.

Гамильтон от души радовался, что до сих пор не установлена телефонная связь с малыми планетами — это ж с ума можно сойти, по десять минут вибрируя между репликами; легче отправить письмо...

— Виноват,— сказал он,— забылся. Как представление? Толпы выглядят не слишком внушительно.

— Ну, сказать, что было слишком тесно, конечно, трудно. Но ведь и единственный корабль — не Ноев ковчег. Однако с играми

все о'кей. Деньжат у них было предостаточно, и они спешили их истратить. Вашему агенту мы сообщили.

— Естественно. Извещение я получу, но пока хотел бы узнать, какие игры пользовались бульшим успехом.

— Хорошо шла «Заблудившаяся комета». Да и «Затмения» тоже.

— А как насчет «Скачек» или «Найди свое дитя»?

— Неплохо, но не в такой степени. Гвоздь этой забегаловки — астрономия. Я вам об этом говорил.

— Да, и мне стоило прислушаться. Что ж, я внесу поправки. Изменить название «Скачек» можно прямо сейчас. Назовите их «Высокой орбитой», а лошадкам дайте имена астероидов. Пойдет?

— Хорошо. А цвет декораций изменим на полуночную синеву и серебро.

— Годится. В подтверждение вышлю вам стат. Все, наверное? Я заканчиваю.

— Одну минутку. Я сам попробовал разок рискнуть в «Заблудившейся комете», Феликс. Это замечательная игра.

— Сколько вы спустили?

Блюменталь взглянул на него с подозрением.

— Около восьмисот пятидесяти, если хотите знать. А с чего вы взяли, что я проиграл? Игра честная?

— Разумеется, честная. Но я сам создавал эту игру, Пит. Не забывайте этого. Она исключительно для лопухов. Держитесь от нее подальше.

— Но подождите-ка, я придумал способ, как с ней управиться. Думаю, вам следует об этом знать.

— Это *вы* так думаете, Пит. А я — знаю. Беспроигрышной стратегии в этой игре нет.

— Ну... хорошо.

— Ладно. Долгой жизни!

— И детей.

Едва линия освободилась, телефон возобновил свой настырный призыв:

— Полчаса прошло. Лучше обратите внимание, босс. У меня неприятности! Лучше...

Аппарат смолк лишь после того, как Гамильтон извлек стат из щели приемника. Там значилось: «Гражданину Гамильтону Феликсу 65-305-243 Б47. Привет! Окружной арбитр по генетике свидетельствует свое уважение и просит гражданина Гамильтона посетить его в его офисе завтра, в десять утра». Стат был датирован вчерашним вечером и завершался постскриптумом с просьбой известить службу арбитра, если указанное время будет сочтено неудобным, сославшись при этом на такой-то исходящий номер.

До десяти оставалось еще полчаса, и Гамильтон решил пойти.

Служба арбитра поразила его уровнем автоматизации — либо ее было куда меньше, чем в подавляющем большинстве офисов, либо ее хорошо спрятали. Традиционные места роботов — например, секретарские — занимали люди, в большинстве своем — женщины, одни серьезные, другие веселые, но все как на подбор красивые и явно смышленые.

— Арбитр ждет вас.

Гамильтон встал, погасил сигарету в ближайшей пепельнице и взглянул на секретаршу.

— Должен ли я оставить вам пистолет?

— Только если сами хотите. Пойдемте со мной, пожалуйста.

Она проводила Гамильтона до дверей кабинета, открыла их и удалилась, пока он переступал порог.

— Доброе утро, сэр,— услышал он приятный голос.

— Доброе утро,— механически отозвался Гамильтон и замер, уставившись на арбитра.— Будь я!..

Его правая рука рефлекторно потянулась к оружию, но остановилась на полпути. Арбитр оказался тем джентльменом, чей обед был нарушен вчера своенравной крабьей ногой. Гамильтон постарался восстановить внутреннее равновесие.

— Это не соответствует протоколу, сэр,— холодно проговорил он.— Если вы не были удовлетворены, следовало послать ко мне одного из ваших друзей.

Арбитр взглянул на него — и расхохотался. У кого-нибудь другого такой смех можно было бы счесть грубым, но у арбитра он звучал воистину гомерически.

— Поверьте, сэр, для меня это такой же сюрприз, как и для вас. Мне и в голову не приходило, что джентльмен, вчера вечером обменявшийся со мной любезностями, окажется тем самым человеком, которого я хотел видеть сегодня утром. Что же до маленького осложнения в ресторане, то, по чести сказать, я вообще не придал бы ему значения, если бы вы сами меня к тому не вынудили. Я уже много лет не прибегал к оружию. Однако я забываю о приличиях — садитесь, сэр. Устраивайтесь поудобнее. Вы курите? Могу ли я предложить вам выпить?

— Вы очень любезны, арбитр,— Гамильтон уселся.

— Меня зовут Мордан...

Это Гамильтон знал.

—...А друзья называют меня Клодом. И я хотел бы, чтобы наш разговор проходил в дружественном тоне.

— Благодарю вас... Клод.

— Не за что, Феликс. Возможно, у меня есть на то свои причины. Но скажите, что за дьявольскую игрушку вы применили вчера к этому нахальному типу? Она меня поразила.

С довольным видом Гамильтон продемонстрировал свое новое оружие.

— Да,— проговорил арбитр, рассматривая его.— Простой тепловой двигатель на нитратном топливе. Кажется, я видел его схему — по-моему, на выставке в институте.

Слегка разочарованный тем, что Мордан нимало не удивился, Феликс признал, что он прав. Но Мордан не замедлил искупить грех, с живым интересом обсуждая конструкцию и характеристики пистолета.

— Если бы мне приходилось драться, я бы от такого не отказался,— заключил он.

— Могу заказать для вас.

— Нет-нет. Вы очень любезны, но вряд ли он мне пригодится.

— Я хотел спросить...— Гамильтон закусил губу.— Извините, Клод... Но разве благоразумно человеку, который не дерется, показываться на людях при оружии?

— Вы меня не так поняли,— Мордан улыбнулся и указал на дальнюю стену кабинета, покрытую геометрическим узором из

расположенных почти впритык друг к другу крохотных кружков, в центре каждого из которых темнела точка.

Молниеносным и свободным движением арбитр выхватил из кобуры излучатель, находя цель прямо в восходящем движении. Казалось, оружие лишь на миг замерло на вершине взмаха — и вернулось на место.

По стене пополз вверх маленький клуб дыма. А под ним распустился трилистник из новых соприкасающихся кружков; в центре каждого чернела маленькая точка. Гамильтон не проронил ни слова.

— Ну и как? — поинтересовался Мордан.

— Я подумал,— медленно проговорил Гамильтон,— что вчера вечером крупно выиграл, решив вести себя с вами как можно вежливее.

Мордан усмехнулся.

— Хоть мы с вами прежде и не встречались, однако вы и ваша генетическая карта были мне, естественно, интересны.

— Полагаю, что так: ведь я подпадаю под юрисдикцию вашей службы.

— И снова вы не так меня поняли. Я физически не в состоянии испытывать персональный интерес к каждой из мириад зигот в округе. Однако сохранять лучшие линии — моя прямая обязанность. Последние десять лет я надеялся, что вы появитесь в клинике с просьбой о помощи в планировании детей.

Лицо Гамильтона утратило всякое выражение. Не обращая на это внимания, Мордан продолжал:

— Поскольку вы так и не пришли за советом добровольно, я был вынужден пригласить вас. И хочу задать вопрос: намереваетесь ли вы в ближайшее время обзавестись потомством?

Гамильтон встал.

— Эта тема мне крайне неприятна. Могу ли я считать себя свободным, сэр?

Мордан подошел и положил руку ему на плечо.

— Пожалуйста, Феликс. Вы ничего не потеряете, выслушав меня. Поверьте, я не имею ни малейшего желания вторгаться в вашу личную жизнь. Но ведь я не случайный любитель совать

нос в чужие дела — я арбитр, представляющий интересы всех, вам подобных. И ваши в том числе.

Гамильтон снова сел, однако оставался по-прежнему напряженным.

— Я вас слушаю.

— Спасибо, Феликс. Ответственность за улучшение расы в соответствии с принятой в нашей республике доктриной — дело нелегкое. Мы вправе советовать, но не можем принуждать. Частная жизнь и свобода действий каждого человека уважаемы и неприкосновенны. У нас нет иного оружия, кроме спокойных рассуждений, взывающих к разуму всякого, кто хочет видеть следующее поколение лучшим, чем предыдущее. Но даже при самом тесном сотрудничестве мы можем не так уж много — по большей части дело ограничивается ликвидацией одной-двух негативных характеристик и сохранением позитивных. Однако ваш случай отличается от прочих.

— Чем?

— Вы сами знаете, чем. Вы являете собой результат старательного сплетения благоприятных линий на протяжении четырех поколений. Десятки тысяч гамет были исследованы и отвергнуты, прежде чем удалось отобрать те тридцать, что составили цепь зигот ваших предков. Позор, если вся эта тщательная работа окажется выброшенной на ветер.

— Но почему вы остановили выбор на мне? Я — не единственный результат этой селекции. У моих прапрадедушек должна быть минимум сотня потомков. Я вам не нужен. Я — брак. Я — неосуществившийся план. Я — сплошное разочарование.

— Нет,— мягко сказал Мордан.— Нет, Феликс, вы не брак. Вы — элитная линия.

— Что?

— Я сказал: элитная линия. Вообще-то обсуждение подобных вещей противоречит общепринятым правилам, но правила на то и существуют, чтобы было что нарушать. С самого начала эксперимента ваша линия шаг за шагом получала самые высокие оценки. Вы представляете собой единственную в линии зиготу, сконцентрировавшую в себе все положительные мутации, которых

удалось добиться моим предшественникам. Помимо заложенных изначально, еще три выявились впоследствии. И все это в вас проявилось.

— Значит, я разочарую вас еще больше,— криво улыбнулся Гамильтон.— Не слишком-то многого я добился со всеми талантами, которые вы мне приписываете.

— У меня нет претензий к вашему послужному списку,— покачал головой Мордан.

— Но вы о нем не очень-то высокого мнения? Я растратил жизнь на мелочи, не создал ничего более существенного, чем дурацкие игры для бездельников. Может быть, вы, генетики, неверно оцениваете то, что считаете положительными характеристиками?

— Возможно. Однако я уверен в обратном.

— Так что же вы считаете положительными характеристиками?

— Фактор выживаемости — в самом широком смысле. Способность изобретать, которую вы в себе совсем не цените,— очень яркое проявление фактора выживаемости. У вас он пока остается латентным — или прилагается к малосущественным вещам. Да вы в этом и не нуждаетесь, поскольку в социальной матрице заняли такое место, где не надо предпринимать ни малейших усилий, чтобы выжить. Но эта изобретательность может приобрести решающее значение для ваших потомков. Именно она может послужить границей между жизнью и смертью.

— Но...

— Именно так. Легкие для индивидуумов времена плохи для расы в целом. Бедствия — это фильтр, не пропускающий плохо приспособленных. Сегодня бедствий у нас нет. И поэтому, чтобы сохранять расу сильной и даже сделать еще сильней, необходимо тщательное генетическое планирование. В своих лабораториях инженеры-генетики исключают те линии, которые прежде устранялись естественным отбором.

— Но откуда вы знаете, что отобранные вами признаки действительно способствуют выживанию? У меня, например, многие из них вызывают большие сомнения...

— А! В том-то и загвоздка. Вы хорошо знаете историю Первой генетической войны?

— В общих чертах.

— Тогда не помешает повторить. Проблема, с которой столкнулись ранние генетики, типична... Проблемы экспериментов начального этапа оказались характерными и для всего генетического планирования. Естественный отбор попросту уничтожает линии, неспособные к выживанию. Однако естественный отбор медлителен, это статистический процесс. При благоприятных обстоятельствах слабые линии способны просуществовать довольно долго. Позитивные же мутации в исключительно неблагоприятных условиях способны на какое-то — и порой весьма длительное — время исчезнуть. Могут они и вовсе затеряться из-за слепой расточительности стихии размножения — ведь каждая отдельная особь представляет собой ровно половину потенциальных характеристик своих родителей; и отброшенная половина может содержать куда более ценные признаки, чем оставшаяся. Естественному отбору потребовалось восемьсот поколений, чтобы появился новый ген лошади. Зато искусственный отбор быстр — *если знать, что отбирать*. Однако мы этим знанием не обладаем. Нужно быть гением, чтобы создать сверхчеловека. Раса обзавелась техникой искусственного отбора, но не приобрела знания, *что* именно отбирать. Возможно, человечеству не повезло в том, что основы техники генетического планирования были разработаны, когда последняя из неонационалистических войн уже закончилась. Можно, разумеется, задаваться академическим вопросом: не будь генетических экспериментов — обеспечило бы мир на планете введение современной экономической системы после краха системы Мадагаскарской? Или же этого все равно оказалось бы недостаточно? Но так или иначе, а пацифистское движение было в тот момент на взлете, и разработка техники параэктогенеза представлялась тогда Богом данной возможностью навсегда избавиться от войн, изгнав их из человеческой души. Те, кто выжили после атомной войны 1970 года, установили жесткие генетические законы, преследовавшие единственную цель — сохранить рецессив «острова Пармали-Хичкока» в девятой хромосоме, исключив маскирующую его, как правило, доминанту — то есть воспитывать овец, а не волков. Любопытно, что «волки»

того периода — ведь «остров Пармали-Хичкока» рецессивен, и потому природных «овец» на свете мало — были захвачены всеобщей истерией и активно способствовали попытке устранить самих себя. Но некоторые заартачились. В итоге возникла Северо-Западная Колония. То, что Северо-Западный Союз в конечном итоге стал сражаться с остальным миром,— проявление биологической целесообразности. И привело это к неизбежному результату: «волки» (детали сейчас несущественны) съели «овец». Не физически, разумеется, ни о каком реальном уничтожении и речи идти не могло, однако генетически современное общество происходит от «волков», а не от «овец».

— Они пытались вытравить из человека бойцовский дух,— заключил Мордан,— не осмыслив его биологической пользы. Они лишь выразили в рациональных терминах идею первородного греха: насилие — «плохо», а ненасилие — «хорошо».

— Но почему,— запротестовал Гамильтон,— вы решили, будто воинственность необходима для выживания? Конечно, она есть — во мне, в вас, в каждом из нас. Но что толку противопоставлять ее атомной бомбе? Какая от нее может быть польза в этом противостоянии?

Мордан улыбнулся.

— Бойцы выжили. Это неопровержимое доказательство. Естественный отбор продолжается все время — несмотря на сознательную селекцию.

— Подождите минутку,— попросил Гамильтон.— Здесь концы с концами не сходятся. Если так, то мы должны были бы проиграть Вторую генетическую. Их «мулы» воевали с азартом.

— Действительно,— согласился Мордан.— Но я ведь не утверждал, будто воинственность является единственной характеристикой, необходимой для выживания. Будь это так — миром правили бы пекинесы. Бойцовскими инстинктами должно управлять разумное стремление к самосохранению. Почему вы не затеяли перестрелку со мной вчера вечером?

— Не видел достаточных оснований.

— Совершенно верно. Генетики Великого Хана, по существу, повторили ошибку, сделанную тремя веками ранее: они сочли,

что вправе валять дурака с балансом человеческих характеристик, который образовался в результате миллиарда лет естественного отбора. Они воспылали желанием вывести расу сверхчеловеков, основываясь на идее «эффективной специализации». Однако они упустили из виду самую главную человеческую характеристику. Человек — животное неспециализированное. Тело его — если исключить громадное вместилище для мозга — достаточно примитивно. Он не может вгрызаться в землю, не способен быстро бегать, не умеет летать. Но зато он всеяден и выживает там, где козел сдохнет с голоду, ящерица изжарится, а птица замерзнет на лету. Узкой приспособленности человек противопоставил универсальную приспособляемость. Империя Великого Хана возродила устарелую общественную систему — тоталитаризм. Лишь при абсолютной власти можно было осуществить генетические эксперименты, приведшие к созданию *Homo Proteus*, потому что в основе их лежало полнейшее безразличие к благополучию отдельного человека. Имперские генетики видели в искусственном отборе лишь вспомогательный инструмент. В основном они использовали мутации, вызываемые воздействием радиации и применением геноселективных красок; кроме того, они практиковали эндокринную терапию, а также хирургические операции на эмбрионах. Ханские ученые кроили человеческие существа — если их можно так называть — столь же легко и непринужденно, как мы строим дома. В период расцвета Империи, как раз перед Второй генетической войной, они вырастили более трех тысяч разновидностей, в том числе тринадцать типов гипермозга. Вырастили почти безмозглых матрон; сообразительных и до отвращения красивых шлюх, лишенных способности рожать; бесполых «мулов». Обычно мы отождествляем термин «мул» с бойцом, ибо лучше всего знали их именно как солдат, но в действительности существовало множество разновидностей «мулов», приспособленных для выполнения тех или иных простых работ. Воевали те из них, кто изначально был создан исключительно как воин. Но какие это были солдаты! Они не нуждались в сне; были втрое сильнее обычных людей; выносливость же их и вовсе не поддается описанию, ибо они продолжали наступать до

тех пор, пока увечья полностью не выводили их из строя. Каждый из них имел при себе двухнедельный запас горючего — слово «горючее» подходит здесь куда больше, чем «пища»,— но и после того, как продовольствие кончалось, каждый «мул» мог исполнять обязанности еще не меньше недели. Не были они и тупицами — специализация солдат подразумевала и остроту ума — «мулами» были даже имперские офицеры, и их искусство стратегии и тактики, а также умение использовать современнейшие виды вооружений были мастерскими. В чем они были слабы — так это в области военной психологии: они совершенно не понимали своих противников. Однако и противники их тоже не понимали — это было вполне взаимно. Психологическая мотивация их поведения основывалась на «субституции сублимации секса»; впрочем, наукообразное это словосочетание так и осталось ничего не объясняющим ярлыком. Лучше всего она описывается негативно: пленные мулы сходили с ума и кончали жизнь самоубийством не позднее чем через десять дней — даже если их кормили исключительно трофейными рационами. Прежде чем окончательно рехнуться, они просили чего-то, именуемого на их языке «вепратогой» — наши семантики так и не сумели раскопать ничего, способного объяснить этот термин. «Мулы» нуждались в каком-то допинге, который их хозяева могли им дать, а мы нет; лишенные его, они умирали. «Мулы» воевали прекрасно — но победили все-таки настоящие люди. Победили потому, что сражались как отдельные личности, способные вести не только регулярные военные действия, но и партизанскую войну. Самым уязвимым местом Империи оказались ее координаторы — сам Хан, его сатрапы и администраторы. Биологически Империя по существу являлась единым организмом — ее можно было уничтожить, как пчелиную колонию, погубив матку. В итоге несколько десятков убийств решили судьбу войны, которую не могли выиграть армии. Нет смысла вспоминать о терроре, который последовал за коллапсом, после того как Империя была обезглавлена. Довольно сказать, что в живых не осталось ни одного представителя *Homo Proteus*. Этот вид разделил судьбу гигантских динозавров и саблезубых тигров. Ему не хватило приспособляемости.

Мордан немного помолчал и продолжил:

— Генетические войны послужили жестокими уроками, однако они научили нас очень осторожно вмешиваться в человеческие характеристики. Если какая-то характеристика отсутствует в зародышевой плазме, мы не пытаемся ее туда вложить. Когда проявляются естественные мутации, мы долго проверяем их, прежде чем начать распространять на всю расу: большинство мутаций оказываются или бесполезны, или определенно вредны. Мы исключаем явные недостатки, сохраняем явные преимущества — и это, пожалуй, все. Я заметил, что у вас тыльные стороны рук волосатые, а у меня — нет. Это говорит вам о чем-нибудь?

— Нет.

— Мне тоже. В вариациях волосатости человеческой расы ни с какой точки зрения невозможно усмотреть преимуществ. Поэтому мы оставляем эти характеристики в покое. А вот другой вопрос: у вас когда-нибудь болели зубы?

— Конечно, нет.

— Конечно, нет... А известно ли вам, почему? — Мордан выдержал продолжительную паузу, показывая тем самым, что вопрос не является риторическим.

— Ну...— протянул в конце концов Гамильтон.— Наверное, это вопрос селекции. У моих предков были здоровые зубы.

— Не обязательно у всех. Теоретически достаточно было одному из ваших предков иметь здоровые от природы зубы — при условии, что его доминантные характеристики присутствовали в каждом поколении. Однако любая из гамет этого предка содержит лишь половину его хромосом; если он сам унаследовал здоровые зубы лишь от одного из родителей, то доминанта будет присутствовать лишь в половине его гамет. Мы — я имею в виду наших предшественников — произвели отбор по показателю здоровых зубов. В результате сегодня трудно найти гражданина, который не унаследовал бы этой характеристики от обоих родителей. Больше нет необходимости производить отбор по этому показателю. То же самое с дальтонизмом, раком, гемофилией и многими другими наследственными болезнями и дефектами — мы исключили их путем отбора, ни в чем не нарушая нормальной,

биологически похвальной тенденции человеческих существ влюбляться в себе подобных и производить на свет детей. Мы просто даем каждой паре возможность обзавестись лучшими из потенциально возможных для них отпрысков — для этого нужно лишь не полагаться на слепой случай, а прибегнуть к селективному комбинированию.

— В моем случае вы поступили иначе,— с горечью заметил Гамильтон.— Я — результат эксперимента по выведению породы.

— Это правда. Но ваш случай, Феликс, особый. *Ваша линия — элитная.* Каждый из тридцати ваших предков добровольно принял участие в создании этой линии — не потому, что пренебрегал купидоном с его луком и стрелами, а потому что был соблазнен возможностью улучшить расу. Каждая клетка вашего тела содержит в своих хромосомах программу расы более сильной, более здоровой, более приспособляемой, более стойкой. И я обращаюсь к вам с просьбой не пустить это наследие по ветру.

Гамильтон поежился.

— Чего же вы от меня ждете? Чтобы я сыграл роль Адама для целой новой расы?

— Отнюдь нет. Я лишь хочу, чтобы вы продолжили свою линию.

— Понимаю,— подавшись вперед, проговорил Гамильтон.— Вы пытаетесь осуществить то, что не удалось Великому Хану: *выделить одну линию и сделать ее отличной от всех остальных* — настолько же, насколько мы отличаемся от дикорожденных. Не выйдет. Я на это не согласен.

— Вы дважды неправы,— медленно покачал головой Мордан.— Мы намереваемся и впредь двигаться тем же путем, каким добились здоровых зубов. Вам не приходилось слышать о графстве Деф-Смит?

— Нет.

— Графство Деф-Смит в Техасе было административной единицей старых Соединенных Штатов. У его обитателей были здоровые зубы, но не из-за наследственности, а из-за того, что почва поставляла им диету, богатую фосфатами и фторидами. Вы и представить себе не можете, каким проклятием являлся в те дни

для человечества кариес. В то время зубы гнили во рту, становясь причиной многих заболеваний. Только в Северной Америке было около ста тысяч техников, занимавшихся исключительно лечением, удалением и протезированием зубов. Но даже при этом четыре пятых населения не имели возможности получить такую помощь. Они страдали, пока гнилые зубы не отравляли их организм. И умирали.

— Что общего это имеет со мной?

— Увидите. Сведения о графстве Деф-Смит дошли до тогдашних техников — их называли медицинскими работниками,— и они увидели здесь решение проблемы. Повторите диету графства — и кариесу конец. Биологически они были совершенно неправы, поскольку для расы ровно ничего не значит преимущество, которое не может быть унаследовано. Найдя ключ, они не сумели его правильно использовать. Мы же искали мужчин и женщин, зубы которых были безупречны, несмотря на неправильную диету и недостаток ухода. Со временем было доказано, что это свойство возникает, если присутствуют группы из трех ранее неизвестных генов. Называйте это благоприятной мутацией, или, наоборот, называйте подверженность зубным болезням мутацией неблагоприятной, лишь по случайности не распространившейся на весь род людской,— все равно. Так или иначе наши предшественники сумели выделить и сохранить эту группу генов. Вам известны законы наследственности — *вернитесь в прошлое на достаточное количество поколений*, и окажется, что мы все произошли от всего человечества. Но вот наши зубы генетически восходят к одной маленькой группе, ибо мы производили искусственный отбор ради сохранения этой доминанты. А с вашей помощью, Феликс, мы хотим сохранить все реализовавшиеся в вас благоприятные вариации — сберечь до тех пор, пока они не распространятся на все человечество. Вы не станете единственным предком грядущих поколений, нет! Но с точки зрения генетики окажетесь всеобщим предком в тех характеристиках, в которых превосходите сейчас большинство.

— Вы не того человека выбрали. Я неудачник.

— Не говорите мне этого, Феликс. Я знаю вашу карту. А значит, знаю вас лучше, чем вы знаете себя. Вы — тип с ярко выраженной

доминантой выживания. Если поместить вас на остров, населенный хищниками и каннибалами, то две недели спустя вы окажетесь его хозяином.

— Может, и так,— не удержался от улыбки Гамильтон.— Хорошо бы попробовать...

— В этом нет нужды. *Я знаю!* Для этого у вас есть все необходимые физические и умственные способности. И подходящий темперамент. Сколько вы спите?

— Часа четыре.

— Индекс утомляемости?

— Около ста двадцати пяти часов. Или немного побольше.

— Рефлекторная реакция?

Гамильтон пожал плечами. Неожиданно Мордан выхватил излучатель, но прежде чем Феликс оказался на линии огня, его «кольт» успел прицелиться в арбитра и скользнуть обратно в кобуру. Мордан рассмеялся и также убрал оружие.

— Заметьте, *я вовсе не играл с огнем,— сказал он,— я ведь* прекрасно знал, что вы успеете выхватить оружие, оценить ситуацию и принять решение не стрелять куда раньше, чем средний человек сообразил бы, что вообще происходит.

— Вы очень рисковали,— с жалобной ноткой в голосе возразил Гамильтон.

— Ничуть. *Я знаю вашу карту.* Я рассчитывал не только на ваши моторные реакции, но и на ваш разум. Разум же ваш, Феликс, даже в наше время нельзя не признать гениальным.

Воцарилось долгое молчание. Первым нарушил его Мордан:

— Итак?

— Вы все сказали?

— На данный момент.

— Ладно, тогда скажу я. Вы ни в чем меня не убедили. Я понятия не имел, что вы, планировщики, проявляете такой интерес к моей зародышевой плазме. Однако в остальном вы не сообщили ничего нового. И я говорю вам: «Нет!»

— Но...

— Сейчас моя очередь... Клод. Я объясню вам, почему. Готов допустить, что обладаю сверхвыживаемостью — не стану спорить,

это действительно так. Я находчив, способен на многое — и знаю об этом. Однако мне не известно ни единого аргумента в пользу того, что человечество *должно* выжить... кроме того, что его природа дает ему такую возможность. Во всем этом мерзком спектакле нет ничего стоящего. Жить вообще бессмысленно. И будь я проклят, если стану содействовать продолжению комедии.

Он умолк. Немного помолчав, Мордан медленно произнес:

— Разве вы не наслаждаетесь жизнью, Феликс?

— Безусловно, да,— с ударением ответил Гамильтон.— У меня извращенное чувство юмора, и все меня забавляет.

— Так не стоит ли жизнь того, чтобы жить ради нее самой?

— Для меня — да. Я намереваюсь жить столько, сколько смогу, и надеюсь получить от этого удовольствие. Однако наслаждается ли жизнью большинство? Сомневаюсь. Судя по внешним признакам, в пропорции четырнадцать к одному.

— Внешность бывает обманчива. Я склонен полагать, что в большинстве своем люди счастливы.

— Докажите!

— Тут вы меня поймали,— улыбнулся Мордан.— Мы способны измерить большую часть составляющих человеческой натуры, но уровня счастья не могли измерить никогда. Но в любом случае — разве вы не думаете, что ваши потомки унаследуют от вас и вкус к жизни?

— Это передается по наследству? — с подозрением поинтересовался Гамильтон.

— Точно мы, признаться, не знаем. Я не в силах ткнуть пальцем в определенный участок хромосомы и заявить: «Счастье здесь». Это куда тоньше, чем разница между голубыми и карими глазами. Но давайте заглянем немного глубже. Феликс, когда именно вы начали подозревать, что жизнь лишена смысла?

Гамильтон встал и принялся нервно расхаживать по кабинету, испытывая волнение, какого не знал с подростковых лет. Ответ был ему известен. Даже слишком хорошо. Но стоило ли говорить об этом с посторонним?

Насколько Гамильтон мог припомнить, в первом центре детского развития он ничем не отличался от остальных малышей.

Никто не говорил с ним о картах хромосом. Разумно и сердечно воспитываемый, он представлял безусловную ценность лишь для себя самого. Сознание того, что во многом он превосходит сверстников, приходило к нему постепенно. В детстве тупицы нередко господствуют над умниками — просто потому, что они на год-другой старше, сильнее, информированнее, наконец. И кроме того, поблизости всегда есть эти недосягаемые, всеведущие существа — взрослые.

Феликсу было лет десять — или одиннадцать? — когда он впервые заметил, что в любых состязаниях выделяется среди своих сверстников. С тех пор он начал стремиться к этому сознательно — ему хотелось превосходить ровесников, главенствовать над ними во всем. Он ощутил сильнейшую из социальных мотиваций — желание, чтобы его ценили. Теперь он уже понимал, чего хочет добиться, когда «станет взрослым».

Другие рассуждали о том, кем хотят быть («Когда *я* вырасту, то стану летчиком-реактивщиком!» — «И *я* тоже!» — «А *я* — нет. Отец говорит, что хороший бизнесмен может нанять любого пилота, какой ему понадобится».— «Меня он нанять *не сможет*!» — «А вот и *сможет*!»). Пусть их болтают! Юный Феликс знал, кем хочет стать: энциклопедическим синтетистом. Синтетистами были все подлинно великие люди. Им принадлежал весь мир. Кто как не синтетист имел наибольшие шансы быть избранным в Совет политики? Существовал ли в любой области такой специалист, который рано или поздно не получал указаний от синтетиста? Они были абсолютными лидерами, эти всеведущие люди, цари-философы, о которых грезили древние.

Гамильтон таил мечту про себя. Казалось, он благополучно миновал стадию отроческого нарциссизма и без особых осложнений входил в сообщество подростков. Воспитателям его было невдомек, что питомец их прямехонько направляется к непреодолимому препятствию: ведь юность не умеет реально оценивать свои таланты — чтобы различить романтику в формировании политики, нужно обладать воображением куда более изощренным, чем обычно свойственно этому возрасту.

Гамильтон посмотрел на Мордана: лицо арбитра располагало к откровенности.

— Ведь вы синтетист, а не генетик?

— Естественно. Я не смог бы специализироваться в конкретных методиках — это требует всей жизни.

— И даже лучший из генетиков вашей службы не может надеяться занять ваше место?

— Разумеется, нет. Да они и не хотели бы.

— А я мог бы стать вашим преемником? Отвечайте — вы ведь знаете мою карту!

— Нет, не могли бы.

— Почему?

— Вы сами знаете, почему. Память ваша превосходна и более чем достаточна для любой другой цели. Но это — не эйдетическая память, которой должен обладать всякий синтетист.

— А без нее,— добавил Гамильтон,— стать синтетистом невозможно, как нельзя стать инженером, не умея решать в уме уравнений четвертой степени. Когда-то я хотел стать синтетистом — но выяснилось, что я создан не для того. Когда же до меня наконец дошло, что первого приза мне не получить, второй меня не увлек.

— Синтетистом может стать ваш сын.

— Теперь это не имеет значения,— Гамильтон покачал головой.— Я сохранил энциклопедический взгляд на вещи, а отнюдь не жажду оказаться на вашем месте. Вы спросили, когда и почему я впервые усомнился в ценности человеческого существования. Я рассказал. Но главное — сомнения эти не рассеялись у меня по сей день.

— Подождите,— отмахнулся Мордан,— вы ведь не дослушали меня до конца. По плану эйдетическую память надлежало заложить в вашу линию либо в предыдущем поколении, либо в этом. И если вы станете с нами сотрудничать, ваши дети ее обретут. Недостающее должно быть добавлено — и будет. Я уже говорил о вашей доминанте выживаемости. Ей недостает одного — стремления обзавестись потомством. С биологической точки зрения это противоречит выживанию не меньше, чем склонность к самоубийству. Вы унаследовали это от одного из прадедов. Тенденцию пришлось сохранить, поскольку к моменту применения зародышевой плазмы он уже умер и у нас не оказалось достаточного запаса для выбора. Но в нынешнем поколении мы это откорректируем. Могу вам с уверенностью обещать — ваши дети будут чадолюбивы.

— Что мне до того? — спросил Гамильтон.— О, я не сомневаюсь, вы можете это сделать. Вы в состоянии завести эти часы и заставить их ходить. Возможно, вы сумеете убрать все мои недостатки и вывести линию, которая будет счастливо плодиться и размножаться ближайшие десять миллионов лет. Но это не придает жизни смысла. Выживание! Чего ради? И пока вы не представите мне убедительных доводов в пользу того, что человеческая раса должна продолжать существование, мой ответ останется тем же. Нет!

Он встал.

— Уходите? — спросил Мордан.

— С вашего позволения.

— Разве вы не хотите узнать что-нибудь о женщине, которая, по нашему мнению, подходит для вашей линии?

— Не особенно.

— Я истолковываю это как позволение,— любезным тоном продолжил Мордан.— Взгляните.

Он дотронулся до клавиши на столе — секция стены растаяла, уступив место стереоэкрану. Казалось, перед Гамильтоном и арбитром распахнулось окно, за которым раскинулся плавательный бассейн. По поверхности воды расходились круги — очевидно, от ныряльщика, которого нигде не было видно. Потом показалась голова. В три легких взмаха женщина подплыла к краю, грациозно, без усилий выбралась на бортик и, перекатившись на колени, встала — обнаженная и прелестная. Она потянулась, засмеялась — очевидно, от ощущения чисто физической радости, которую испытывала от жизни,— и выскользнула из кадра.

— Ну? — поинтересовался Мордан.

— Мила. Но я видывал и не хуже.

— Вам нет необходимости с ней встречаться,— поспешно пояснил арбитр.— Она, кстати, ваша пятиюродная кузина, так что комбинировать ваши карты будет несложно.

Он сделал переключение, и бассейн на экране сменился двумя схемами.

— Ваша карта справа, ее слева,— Мордан сделал еще движение, и под картами на экране возникли две диаграммы.— Это оптимальные гаплоидные карты ваших гамет. Комбинируются они

так...— он опять нажал клавишу, и в центре квадрата, образованного четырьмя схемами, возникла пятая.

Схемы не являлись картинками хромосом, а были составлены стенографическими знаками — инженеры-генетики обозначают ими исчезающе малые частицы живой материи, от которых зависит строение человеческого организма. Каждая хромосома здесь больше всего напоминала спектрограмму. Это был язык специалистов — для непрофессионала карты были лишены всякого смысла. Их не мог читать даже Мордан — он полностью зависел от техников, которые при необходимости давали ему разъяснения. После этого безошибочная эйдетическая память позволяла ему различать важные детали.

Однако даже для постороннего взгляда было очевидно: хромосомные карты Гамильтона и девушки содержали вдвое больше схем — по сорок восемь, если быть точным,— чем гаплоидные карты гамет под ними. Но пятая карта — предполагаемого отпрыска — снова содержала сорок восемь хромосом, по двадцать четыре от каждого из родителей.

Старательно скрывая проснувшийся в нем интерес, Гамильтон прошелся взглядом по картам.

— Выглядит интригующе,— безразличным тоном заметил он.— Только я, конечно, ничего в этом не смыслю.

— Буду рад вам объяснить.

— Не беспокойтесь — вряд ли стоит.

— Наверно, нет,— Мордан выключил экран.— Что ж, извините за беспокойство, Феликс. Возможно, мы еще поговорим в другой раз.

— Конечно, если вам будет угодно,— Гамильтон не без некоторого замешательства посмотрел на хозяина кабинета, но Мордан был все так же дружелюбен и столь же любезно улыбался. Несколько секунд спустя Феликс уже был в приемной. На прощанье они с арбитром обменялись рукопожатием — с той теплой формальностью, какая приличествует людям, обращающимся друг к другу по имени. И тем не менее Гамильтон ощущал смутную неудовлетворенность, словно их беседа закончилась преждевременно. Он отказался — но не объяснил причин своего отказа достаточно подробно...

Вернувшись к столу, Мордан снова включил экран. Он изучал карты, припоминая все, что ему о них говорили эксперты. Особенно привлекала его центральная.

Колокольчики сыграли музыкальную фразу, сообщая о приходе руководителя технического персонала.

— Входите, Марта,— не оборачиваясь, пригласил арбитр.

— Уже, шеф,— отозвалась та.

— А... да,— Мордан наконец оторвался от карт и повернулся.

— Сигарета найдется, шеф?

— Угощайтесь.

Марта взяла сигарету из стоявшей на столе украшенной драгоценностями шкатулки, закурила и устроилась поудобнее. Она была старше Мордана, в волосах ее отливала сталью седина, а темный лабораторный халат контрастировал с подчеркнутой элегантностью костюма, хотя характеру ее равно было присуще и то и другое. Внешний облик Марты вполне соответствовал ее компетентности и уму.

— «Гамильтон двести сорок три» только что ушел?

— Да.

— Когда мы приступим?

— М-м-м... После дождичка в четверг.

— Так плохо? — брови ее взметнулись.

— Боюсь, что да. По крайней мере, так он сказал. Я выдворил его — как мог, вежливо,— прежде чем он успел наговорить вещи, от которых ему со временем неудобно было бы пятиться назад.

— Почему он отказался? Он влюблен?

— Нет.

— Тогда в чем же дело? — Марта встала, подошла к экрану и уставилась на карту Гамильтона, словно надеясь найти там ответ.

— М-м-м... Он задал вопрос, на который я должен правильно ответить, в противном случае он действительно не станет сотрудничать.

— Да? И что это за вопрос?

— Я задам его вам, Марта. В чем смысл жизни?

— Что?! Дурацкий вопрос!

— В его устах он не звучал по-дурацки.

— Это вопрос психопата — лишенный и смысла, и ответа.

— Я в этом не так уж уверен, Марта.

— Но... Ладно, не стану спорить по вопросам, в которых я мало что понимаю. Но мне кажется, что «смысл» в данном случае — понятие чисто антропоморфное. Жизнь самодостаточна; она просто *есть*.

— Да, его подход антропоморфен. Что такое жизнь для людей вообще и почему он, Гамильтон, должен способствовать ее продолжению? Конечно, мне нечего было ему сказать. Он поймал меня. Решил разыграть из себя Сфинкса. Вот нам и пришлось прерваться — до тех пор, пока я не разгадаю его загадку.

— Чушь! — Марта свирепо ткнула сигаретой в пепельницу.— Он что, думает, будто клиника — арена для словесных игр? Мы не можем позволить человеку встать на пути улучшения расы. Он — не единственный собственник жизни, заключенной в его теле. Она принадлежит нам всем — расе. Да он же просто дурак!

— Вы сами знаете, что это не так, Марта,— умиротворяюще произнес Мордан, показывая на карту.

— Да,— вынужденно согласилась она.— Гамильтон не дурак. И тем не менее надо заставить его сотрудничать с нами. Ведь это ему не только не повредит, но даже ни в чем не помешает.

— Ну-ну, Марта... Не забывайте о крошечном препятствии в виде конституционного закона.

— Да знаю я, знаю. И всегда его придерживаюсь, но вовсе не обязана быть его рабой. Закон мудр, но этот случай — особый.

— Все случаи — особые.

Ничего не ответив, Марта вновь повернулась к экрану.

— Вот это да! — скорее про себя, чем обращаясь к собеседнику, проговорила она.— Какая карта! Какая *прекрасная* карта, шеф!

Глава III
«В этом мы присягаем во имя Жизни Бессмертной...»

«Мы ручаемся собственной жизнью и священной честью:
— не уничтожать плодоносной жизни;

— хранить в величайшей тайне все, касающееся частной жизни наших клиентов и их зигот, что может быть доверено нам прямо или косвенно благодаря технике нашего искусства;

— практиковать свое искусство лишь при полном согласии наших клиентов;

— более того, считать себя облеченными полным доверием опекунами зигот и детей наших клиентов и делать исключительно то, что, по здравом размышлении, сочтем соответствующим их интересам и грядущему благополучию;

— уважать законы и обычаи социальных групп, среди которых мы практикуем.

В этом мы присягаем во имя Жизни Бессмертной».

Извлечение из Клятвы Менделя,
ок. 2075 г. от Р.Х. (по старому стилю).

Душистый горошек, вечерний первоцвет, крошечные безобразные плодовые мушки-дрозофилы — вот скромные инструменты, при помощи которых в XIX и XX веках монах Грегор Мендель и доктор древнего Колумбийского университета Морган открывали основополагающие законы генетики. Законы простые, но тонкие.

В ядре всякой клетки — человека или дрозофилы, горошины или скаковой лошади, не важно,— есть группа нитевидных тел, именуемых хромосомами. Вдоль этих нитей расположено нечто уже совсем крохотное — оно всего-навсего раз в десять больше крупных белковых молекул. Это гены, каждый из которых управляет каким-либо элементом структуры всего организма человека или животного, в котором эта клетка находится. И каждая клетка содержит в себе структуру всего организма.

Клетки человеческого тела содержат сорок восемь хромосом — двадцать четыре пары. Половина их ведет свое происхождение от матери, другая — от отца. В каждой паре хромосом находятся гены — тысячи генов, идентичных тем, что присутствуют в родительских хромосомах. Таким образом, каждый из родителей обладает «правом голоса» по любой характеристике отпрыска. Однако некоторые из «голосов» весомее других. Они называются доминантными, тогда как менее слышимые — рецессивными. Если один из родителей, например, поставляет ген, отвечающий за карий цвет глаз, а другой — за цвет голубой, то ребенок окажется кареглазым; ген карих глаз доминантен. Если оба родителя передают отпрыску гены карих глаз, то голосование единодушно и приводит к тому же результату в этом поколении. А вот чтобы получить голубые глаза, всегда требуется «единогласие».

Тем не менее гены голубых глаз способны переходить из поколения в поколение — незаметными, но *неизменными.*

Потенциальные возможности вида родители всегда передают детям неизменными — если оставить в стороне мутации, разумеется. Они могут быть перетасованы, сданы и снова перетасованы, производя невообразимое количество уникальных индивидуальностей, но сами гены остаются неизменными. Так шахматные фигуры могут быть расставлены на доске в различных комбинациях, хотя сами фигуры при этом не меняются. Пятьдесят две игральные карты могут дать невообразимое число раскладов, но карты при этом остаются теми же самыми.

Но предположим, что вам разрешено составить любую комбинацию из пяти карт, используя первые десять сданных. Шансы получить самую лучшую комбинацию возрастают у вас в двести пятьдесят два раза (проверьте)!

Именно таков метод улучшения расы посредством генетического отбора.

Клетка, производящая жизнь, готова разделиться в гонадах самца, чтобы образовать гаметы. Сорок восемь хромосом неистово переплетаются — каждая со своей напарницей. Это соединение столь тесно, что гены или группы генов могут даже меняться местами с противоположными им генами других хромосом. Потом танец прекращается, каждая пара хромосом «разъезжается» — до такой степени, пока в разных концах клетки не образуется скопления из двадцати четырех хромосом. Затем клетка делится, образуя две новые клетки, каждая — со всего лишь двадцатью четырьмя хромосомами; и каждая содержит ровно половину характеристик родительской клетки, а значит — и будущей зиготы.

Одна из получившихся в результате этого деления клеток содержит так называемую Х-хромосому; любая образованная с ее помощью зигота окажется женского пола.

Две клетки делятся вновь. Однако теперь уже разделяются сами хромосомы — вдоль, сохраняя таким образом каждый ген и каждую из двадцати четырех хромосом. Конечным результатом являются четыре живчика — мужских гаметы, сперматозоида, половина из которых может производить женщин, половина — мужчин. Производящие мужчин идентичны в своем наборе генов и представляют собой *точное дополнение к тем, что производят женщин*. Это — ключевой момент в технике генетического отбора.

Головки сперматозоидов, производящие мужчин, достигают в длину примерно четырех микрон, производящие женщин — приблизительно пяти микрон. Это — второй ключевой момент.

В женских гонадах происходит такая же эволюция гаметы или яйцеклетки — за двумя исключениями. После деления, при котором число хромосом в клетке сокращается с сорока восьми до двадцати четырех, появляются не две гаметы, а яйцеклетка и «полярное тело». Это «полярное тело» представляет собою псевдояйцеклетку. Оно содержит хромосомную структуру, дополняющую структуру настоящей яйцеклетки, однако оно стерильно. Это «никто», которое никогда не станет кем-то.

Яйцеклетка делится вновь, отбрасывая другое «полярное тело», с той же структурой, что и у нее самой. Первичное «полярное тело» тоже делится, производя еще два «полярных тела» с дополнительными структурами. Таким образом, «полярные тела» с дополнительными по отношению к яйцеклетке структурами количественно всегда превосходят те, что имеют структуры, идентичные яйцеклетке. Это — ключевой факт. Все яйцеклетки могут развиться в мужские или женские — пол ребенка определяется отцовской гаметой, мать в этом не участвует.

Вышеприведенная картина очень приблизительна. По необходимости пришлось сократить, преувеличить, опустить детали, воспользоваться переупрощенными аналогиями. Так, например, термины «доминантный» и «рецессивный» весьма относительны, а характеристики организма крайне редко управляются единственным геном. Кроме того, мутации — случайные изменения в самих генах — встречаются чаще, чем явствует из этого описания. Однако в общих чертах картина достаточно верна.

Но как использовать все эти факты, чтобы произвести на свет именно таких мужчину и женщину, каких хотелось бы? На первый взгляд ответ кажется простым и очевидным. Взрослый мужчина производит сотни миллиардов гамет. Яйцеклеток производится не так много, но тоже вполне достаточно. Казалось бы, чего проще: надо лишь определить, какую комбинацию вы хотите получить, а затем дождаться, пока она образуется... Или, в крайнем случае, дождаться комбинации настолько близкой к идеалу, чтобы ее можно было признать удовлетворительной.

Но нужную комбинацию необходимо еще распознать — а это возможно лишь после исследования структуры генов в хромосоме.

Ну так что же? Гаметы мы можем сохранять живыми вне тела, а гены, хоть они и бесконечно малы, все же достигают достаточных размеров, чтобы рассматривать их при помощи современных ультрамикроскопов. Пошли дальше. Смотрим: та ли это гамета, которая нам нужна, или всего лишь один из ее младших братцев? Если последний — отбросим его и продолжим поиск.

Но подождите минутку! Гены столь малы, что сам процесс исследования нарушает их структуру. Излучения, с помощью которых детально исследуют гамету — а ведь о ее хромосомах надо получить исчерпывающее представление! — породят целый шквал мутаций. Словом, того, что вы изучали, больше не существует. Вы изменили его — а может быть, и убили.

Значит, приходится вернуться к наиболее тонкому и вместе с тем самому мощному инструменту исследователя — к выводам. Вы помните, что единственная клетка производит в мужских гонадах две группы гамет, хромосомные структуры которых дополняют друг друга. Женские производители крупнее, мужские — подвижнее. По этому признаку их можно разделить.

Если в небольшой группе мужских гамет исследовано достаточное количество, чтобы определить, что все они восходят к одной родительской клетке, мы можем детально исследовать ту группу, которая производит ненужный нам пол потомка. По хромосомно-генной структуре этой группы можно достаточно обоснованно судить о структуре дополняющей группы, освобождая ее тем самым от опасностей исследования.

С женскими гаметами проблема аналогична. Яйцеклетка может оставаться в своей природной среде, в теле женщины. Исследуются лишь «полярные тела». Сами по себе они никчемны и нежизнеспособны, но их структуры идентичны или дополнительны по отношению к сестринской клетке, причем дополнительные многочисленнее идентичных. Таким образом, структура яйцеклетки может быть точно определена.

Теперь половина карт лежит лицом вверх. И следовательно, мы уже знаем, какие карты лежат к нам рубашкой, и можем начинать делать ставки — или дожидаться следующей сдачи.

Писатели-романтики первых дней генетической эры мечтали о многих фантастических возможностях создания живого существа — о «рожденных в колбе» и чудовищах, сформированных направленными мутациями, о детях, рожденных без участия отца или собранных по кусочкам от сотни разных родителей. Все эти ужасы действительно возможны — что доказали генетики Великого Хана,— но мы, граждане этой республики, отвергли подобное вмешательство в поток нашей жизни. Дети, рожденные при помощи генетического отбора по усовершенствованной методике Ортеги-Мартина, происходят от нормальной зародышевой плазмы, рождаются нормальными женщинами и появляются на свет обычным путем.

Лишь в одном они отличаются от своих предшественников — это самые лучшие дети, каких могли бы произвести на свет их родители!

Глава IV
Встречи

На следующий вечер Монро-Альфа снова посетил свою ортосупругу. Она встретила его улыбаясь.

— Две ночи подряд! Можно подумать, ты ухаживаешь за мной, Клиффорд!

— Мне казалось, тебе хочется пойти на этот прием,— деревянным голосом ответил ей Монро-Альфа.

— Дорогой, ну конечно хочу. И очень рада, что ты меня берешь с собой. Полминуты, я только оденусь,— она встала и с легкостью и изяществом выскользнула из комнаты. В свое время Ларсен Хэйзел была популярной звездой танца — как в записи, так и в прямом эфире. Но у нее хватило ума вовремя бросить сцену и не бороться за место под солнцем с более молодыми. Ей сейчас было тридцать — на два года меньше, чем мужу.

— Я готова,— сказала Хэйзел, едва ли не в точности уложившись в обещанные полминуты.

Монро-Альфе следовало, разумеется, отметить ее костюм, который и в самом деле того заслуживал,— он не только подчеркивал восхитительную фигуру, но своим ярко-зеленым русалочьим цветом замечательно сочетался со всем остальным: волосами, сандалиями, заколками для волос и пряжкой цвета тусклого золота. Во всяком случае, Монро-Альфа должен был оценить, что Хэйзел, подбирая украшения и костюм, учла металлический цвет его собственного облегающего наряда. Но вместо этого он лишь сказал:

— Прекрасно. Мы как раз успеваем.

— Это новое платье, Клиффорд.

— Очень милое. Мы идем?

— Да-да.

По дороге он говорил мало, внимательно следя за движением, как будто их маленькая машина без его помощи не могла отыскать путь в столпотворении транспорта. Когда они наконец опустились на крышу стоявшего на отшибе жилого «крольчатника» и Монро-Альфа начал приподнимать откидной колпак, Хэйзел положила руку ему на плечо.

— Клиффорд, подожди. Можем мы немножко поговорить, пока не потерялись в толпе?

— Ну разумеется. Что-нибудь случилось?

— Ничего. Или — все. Клиффорд, дорогой, нам совершенно незачем тянуть со всем этим дальше.

— То есть? Что ты имеешь в виду?

— Ты поймешь, если хоть на минуту задумаешься. Я больше не нужна тебе — разве не так?

— Но... Как ты можешь такое говорить? Ты замечательная женщина, Хэйзел. О лучшей трудно даже мечтать.

— Да?.. Может быть. У меня нет тайных пороков, и, по-моему, я ни разу тебе не сделала ничего плохого. Только я не про это. Тебе больше нет со мной никакой радости, я тебя больше не вдохновляю.

— Но... Это же все не так! Я не мог бы пожелать себе лучшего товарища, чем ты. У нас никогда не было ссо...

Хэйзел его оборвала:

— Ты все еще не понимаешь. Может, было бы даже лучше, если бы мы иногда хоть немного ссорились. Тогда бы я, может, наконец поняла, что происходит там, внутри, за этими твоими большими серьезными глазами. Да, пожалуй, я тебе нравлюсь — насколько тебе вообще может кто-нибудь нравиться. Иногда тебе даже со мной хорошо — когда ты устал или просто под настроение. Но этого мало. И я слишком люблю тебя, дорогой, чтобы меня это не тревожило. Тебе необходимо что-то большее, чем могу дать я.

— Не представляю себе, каким образом женщина могла бы мне дать большее.

— А я знаю, потому что когда-то сама могла это делать. Помнишь то время, когда мы только что зарегистрировали наш брак? Вот тогда ты испытывал душевный подъем. Ты был счастлив. И делал счастливой меня. Ты так трогательно радовался мне и всему, что со мною связано, что порой мне хотелось заплакать просто оттого, что ты рядом.

— Но я и не перестаю тебе радоваться.

— Сознательно — нет. Но мне кажется, я понимаю, как это произошло.

— Как?

— Тогда я все еще была танцовщицей. Великой Хэйзел. Всем, чем ты никогда не был. Блеск, музыка и яркий свет. Ты заходил ко мне после представления — и, чуть завидев меня, становился таким гордым, таким счастливым! А я — я была так увлечена твоим интеллектом (он и сейчас увлекает меня, дорогой) и так польщена твоим вниманием...

— Ведь ты могла выбрать любого красавца в стране!

— Никто из них не смотрел на меня, как ты. Но дело не в этом. Блеск меня не волнует — и никогда не волновал. Я была лишь трудолюбивой девушкой, делавшей то, что она лучше всего умеет. А теперь огни погасли, музыка смолкла — и я тебе больше не нужна.

— Не говори так, девочка.

Хэйзел снова положила руку ему на плечо.

— Не обманывай себя, Клифф. Чувства мои не оскорблены. Они всегда были скорее материнскими, чем романтическими. Ты — мой ребенок. И ты несчастлив. А я хочу видеть тебя счастливым.

— Что же делать? — беспомощно пожал плечами Монро-Альфа.— Даже если все обстоит именно так, как ты говоришь,— что же с этим поделаешь?

— Попробую угадать. Где-то есть девушка, и вправду такая, какой ты себе меня когда-то представлял. Девушка, которая сможет дать тебе все, что когда-то давала я, просто оставаясь при том сама собой.

— Хм-м! Не представляю себе, где ее найти. Такой не существует в природе. Нет, девочка, корень зла во мне, а не в тебе. Это я скелет на празднике. Я угрюм от природы — вот в чем дело.

— Сам ты «хм-м!» Ты не нашел ее только потому, что не искал. Ты катишь по колее, Клифф. По вторникам и пятницам — обеды у Хэйзел. По понедельникам и четвергам — занятия в спортзале. По уик-эндам — выезд за город и поглощение природного витамина D. Тебя надо вышибить из колеи. Завтра я иду и регистрирую «по взаимному согласию».

— Ты не сделаешь этого!

— Обязательно сделаю. Тогда, если встретишь женщину, которая тебе по-настоящему понравится, ты сможешь без всяких препятствий соединиться с ней.

— Но, Хэйзел, я не хочу, чтобы ты от меня отдалилась.

— А я и не собираюсь отдаляться. Я лишь хочу встряхнуть тебя, чтобы ты повнимательнее посмотрел по сторонам. Можешь приходить ко мне — даже если женишься снова. Но этим мероприятиям по пятницам и вторникам — конец. Попробуй поймать меня по телефону глубокой ночью или смойся из своего священного офиса в рабочее время.

— Но ведь на самом-то деле ты же не хочешь, чтобы я начал бегать за другими женщинами, правда?

Хэйзел взяла его за подбородок.

— Клиффорд, ты большой очаровательный дурак. В арифметике ты Господь Бог, но в женщинах не разбираешься абсолютно.

Она поцеловала Монро-Альфу.

— *Расслабься. Мамочке лучше знать.*

— Но...

— Нас ждут.

Монро-Альфа откинул дверцу, и они вышли.

Городской дом Джонсон-Смит Эстер занимал всю крышу огромного высотного «муравейника». Это был выдающийся пример выдающегося расточительства. Жилые помещения (ибо груду странным образом смонтированных строительных материалов язык не поворачивался назвать домом) занимали около трети пространства, остальное было отведено садам — крытым и открытым. Своим происхождением до смешного большой доход мужа Эстер был обязан автоматической мебели, и потому хозяйке взбрело в голову, что дома автоматики должно быть как можно меньше. Именно по этой причине накидки — у Монро-Альфы и Хэйзел их не было — предложили им живые слуги. Затем слуги проводили гостей к подножию широкой лестницы, на верхней площадке которой их встречала хозяйка. Приветствуя Клиффорда и Хэйзел, она протянула им обе руки.

— Дорогая моя! — защебетала она Хэйзел.— Как мило с вашей стороны прийти! И ваш блестящий супруг! — Эстер повернулась к почетному гостю, стоявшему возле нее.— Доктор Торгсен, эти двое — из числа *самых дорогих* моих друзей! Ларсен Хэйзел — это такая талантливая малышка! Правда-правда. И мистер Монро-Альфа Клиффорд. Он чем-то там занимается по части денег, в Министерстве финансов. Уверена, что вы поймете, но для меня это слишком сложно.

Торгсен ухитрился нахмуриться и улыбнуться одновременно.

— Ларсен Хэйзел? Конечно же, я вас узнал. Вы будете сегодня для нас танцевать?

— Я больше не танцую.

— Какая жалость! Это первая неудачная перемена, которую я обнаружил на Земле. Меня здесь не было десять лет.

— Да, вы были на Плутоне. Как там живется, доктор?

— Прохладно,— на лице его вновь возникло немного пугающее двойственное выражение.

Клиффорд поймал его взгляд и отдал глубокий поклон.

— Я польщен, высокоученый сэр.

— Пусть это... я хочу сказать, как раз наоборот. Или что-то в этом роде. Черт возьми, сэр, я совсем отвык от этой вычурной вежливости. Забыл, как это делается. У нас там общинная колония, знаете ли. Без оружия.

Только теперь Монро-Альфа с удивлением заметил, что Торгсен безоружен и носит повязку, хотя ведет себя с беззаботной надменностью уверенного в себе вооруженного гражданина.

— Должно быть, у вас там совсем другая жизнь? — предположил он.

— Да, знаете ли, совсем не такая. Работаешь, потом чуть-чуть поболтаешь — и на боковую, а там — снова за работу. А вы, значит, погрузились в финансы? Чем занимаетесь?

— Рассчитываю проблемы повторных капиталовложений.

— Вот оно что! Тогда я знаю, кто вы. О ваших уточнениях общих решений наслышаны даже мы на Плутоне. Высший класс! Они превращают наши маленькие головоломки со стереопараллаксами в сущую безделицу.

— Я бы так не сказал.

— Зато я говорю. Возможно, нам выдастся еще случай потолковать. Вы могли бы мне кое-что посоветовать.

— Вы окажете мне честь.

Несколько опоздавших гостей уже топтались позади них, и Хэйзел видела, что хозяйка начинает проявлять нетерпение. Хэйзел тронула Монро-Альфу за руку, и они двинулись дальше.

— Развлекайтесь, дорогие мои,— напутствовала их Эстер.— Там есть — ну, кое-что...— и она неопределенно взмахнула рукой.

«Кое-что» в самом деле было. В одном из двух зрительных залов демонстрировали все новейшие и наимоднейшие стереокассеты, во втором, для тех, кто был не способен расслабиться, не

будучи в курсе всего, что происходит за пределами прямой видимости,— шли выпуски текущих новостей. Разумеется, были здесь и комнаты для игр, а также дюжины уютных гнездышек, где небольшие компании или пары могли бы без помех насладиться обществом друг друга *tête-a-tête*. В толпе гостей бродил популярный иллюзионист, демонстрировавший всем, кому это было интересно, свои шутки, надувательства, невероятную ловкость рук. И повсюду были в изобилии представлены изысканные напитки и яства.

В огромном бальном зале с разноцветным мозаичным полом народу было мало — танцы еще не начались. Громадное помещение зала смыкалось с одним из крытых садов — там было совершенно темно, лишь цветные лучи декоративной подсветки пробивались со дна маленьких прудов, выложенных камнем. Другая стена бального зала была прозрачна, и за ней находился плавательный бассейн, поверхность которого располагалась этажом выше. Лучи цветных прожекторов, пронизывая толщу воды и фигуры грациозно двигавшихся пловцов, вносили жизнь и гармонию в открывающуюся за хрустальной стеной картину.

Клиффорд и Хэйзел уселись возле этой стены, вглядываясь в глубину бассейна.

— Потанцуем? — спросил Монро-Альфа.

— Нет. Может быть, позже...

Сверху, с поверхности, скользнула девушка, замерла, разглядывая их, и выпустила цепочку пузырьков, взмывших вдоль стекла. Хэйзел обвела пальцем по стеклу нос пловчихи. Женщины улыбнулись друг другу.

— Я бы тоже не прочь нырнуть, если не возражаешь.

— Нисколько.

— Компанию составишь?

— Нет, спасибо.

Когда Хэйзел ушла, Монро-Альфа несколько минут бесцельно слонялся по соседним залам, нерешительно подыскивая убежище, где бы мог в одиночестве понянчить свою меланхолию — развлечения оставляли его равнодушным; в лучшем случае он готов был немножко выпить. Но парочки — и отнюдь не меланхоличные! — были охвачены тем же стремлением, так что все уют-

ные уголки оказались заселены. В конце концов Клиффорд сдался и вошел в средних размеров комнату, где уже расположилась холостяцкая компания в полдюжины человек и предавалась древнему спорту — решала мировые проблемы, утопляя оные в словах.

На пороге Монро-Альфа заколебался было, вопросительно поднял брови, получил в ответ небрежно-любезное согласие одного из присутствующих, с которым встретился взглядом, и лишь тогда вошел и опустился на стул. Сессия пустозвонов тем временем продолжала работу.

— Допустим, они вскроют поле,— говорил один.— И что это даст? Что в нем обнаружится? Скорее всего несколько каких-то изделий, возможно — записи того периода, когда поле было поставлено. Но больше — ничего. Предположение, будто там, в стасисе, может веками сохраняться в неизменном виде жизнь,— полная нелепость!

— Откуда вы знаете? — возразил другой.— Без сомнения, они полагали, будто нашли способ приостанавливать, так сказать, замораживать процесс накопления энтропии. Инструкции совершенно ясны...

Монро-Альфа начал понимать, о чем идет речь. Так называемое Адирондакское стасис-поле поколением раньше было обнаружено в глубине гор, от которых и получило название. В то время оно на несколько дней стало сенсацией. Не то чтобы это было эффектное зрелище — просто непроницаемая область полного отражения, этакое кубическое зеркало. Впрочем, о непроницаемости в полном смысле слова говорить было, пожалуй, нельзя — настоящих попыток проникнуть внутрь стасис-поля предпринято не было из-за плиты с инструкцией, которая лежала рядом. В ней утверждалось, что поле установлено в 1926 году (по старому стилю) и содержит живые образцы, которые могут быть высвобождены нижеследующим способом... Но ниже ничего не было.

Поскольку поле не было передано в ведение какого-либо института, многие готовы были считать всю эту историю чьей-то мистификацией. Однако попытки раскрыть загадку отсутствующей на плите инструкции предпринимались постоянно. До Монро-Альфы дошел слух, будто бы надпись была наконец прочитана,

хотя он не обратил на это особого внимания — программы новостей вечно сообщают о чудесах, которые на поверку оказываются чем-то вполне тривиальным. Сейчас Клиффорд не мог даже припомнить, как именно надпись была прочтена — в отраженном образе, в поляризованном свете.

— Интереснее всего другое,— вмешался в разговор третий, худощавый человек лет тридцати на вид, одетый в бирюзовый шелковый костюм, подчеркивающий бледность его лица.— Давайте попытаемся рассмотреть проблему гипотетического человека, перенесенного к нам таким образом из Смутных времен, в чисто интеллектуальном аспекте. Что подумает он о мире, в котором неожиданно оказался? И что можем мы предложить ему взамен оставленного в прошлом?

— Что мы сможем ему предложить?! Да все! Оглянитесь вокруг.

— Да,— подтвердил молодой человек с надменной улыбкой,— оглянитесь вокруг. Машины — но зачем ему машины? Он является к нам из раннего, более отважного мира. Мира достоинства и независимости. Каждый возделывал тогда свой участок земли — и жена его была рядом с ним. Он воспитывал своих собственных детей прямыми и сильными и учил их отвоевывать свой хлеб у матери-земли. В его доме не было искусственного освещения — но он в этом и не нуждался. Он вставал с зарей и занимался серьезными, основательными делами. На закате, утомившись от трудов праведных, он приветствовал ночной отдых. Трудовой пот он смывал, окунаясь в собственный ручей, и не нуждался в затейливых плавательных бассейнах. Твердо, как скала, стоял он на земле.

— И вы действительно полагаете, будто нынешний комфорт понравился бы ему меньше, чем его жизнь?

— Именно так. Эти люди были счастливы. Они вели естественную жизнь — как и было предначертано Богом.

Мысленно Монро-Альфа всесторонне рассмотрел предложенную концепцию. В ней было что-то чертовски привлекательное. Внезапно он ясно ощутил, что не питает ни малейшей любви к современной технике. Даже к своему главному интегратору. В конце концов, его всегда интересовали не машины, а сложные

математические принципы. А с каких это пор математику нужны еще инструменты — помимо собственной головы? Пифагор отлично обходился палочкой да полосой песка. Что же до всего остального, то будь они с Хэйзел партнерами по вековечной борьбе с матерью-землей за хлеб насущный — разве они расстались бы?

Закрыв глаза, он представил себя в простом и естественном 1926 году. На нем была домотканая одежда — творение умелых рук его жены; или даже звериные шкуры, ею же выделанные после того, как он собственноручно распялил их на двери хижины. «И еще — где-то поблизости должны быть дети, штуки три»,— подумал Клиффорд. Окончив дневной труд, он поднимался бы со старшим сыном на вершину холма, чтобы научить его любоваться красотой заката. А когда на небе проступят звезды — он станет приобщать мальчика к чудесам астрономии. Мудрость будет передаваться от отца к сыну, как это было всегда.

Будут и соседи — сильные, молчаливые люди, чей короткий поклон и твердое рукопожатие означают куда больше, чем случайные знакомства в современном «цивилизованном обществе».

Впрочем, отнюдь не все восприняли этот тезис с той же готовностью, что и Монро-Альфа. Аргументы взлетали, перебивая друг друга, постепенно становясь все более язвительными. Молодой человек (кажется, его звали Джеральд), с легкой руки которого и возник спор, встал и, учтиво извинившись, удалился: похоже, он был недоволен тем, как были восприняты его идеи.

Монро-Альфа быстро поднялся и последовал за ним.

— Прошу прощения, благородный сэр...

Джеральд остановился.

— Да?

— Меня заинтересовали ваши идеи. Может быть, мы где-нибудь присядем?

— С удовольствием.

Гамильтон Феликс появился на приеме довольно поздно. Репутация и финансовое положение обеспечивали ему приглашение на любой прием Джонсон-Смит Эстер, хотя она и не любила его, догадываясь о снисходительном презрении, с которым он к ней относился. Альтернативные варианты, которые в другом случае

могли бы заставить его увильнуть от приглашения, не искушали Гамильтона — приемы Эстер прямо-таки кишели любопытными людьми в забавных комбинациях. Не обладая сама никакими талантами, она умела собирать у себя в доме блестящих, интересных людей, и Гамильтону это нравилось. Во всяком случае, на ее приемах всегда собиралось множество народу, а народ был всегда забавен, и чем многолюднее оказывалось сборище, тем веселее там было Гамильтону.

Почти сразу он встретил Монро-Альфу — в компании молодого человека, одетого в синее, что явно не гармонировало с цветом его лица. Гамильтон тронул друга за плечо.

— Привет, Клифф.

— О, привет, Феликс.

— Заняты?

— В данный момент — да. Может, позже?..

— Уделите мне секунду. Видите того нахала, что прислонился к колонне? Вот — он смотрит в нашу сторону.

— И что же?

— Мне почему-то кажется, будто его лицо мне знакомо, но никак не могу вспомнить, откуда.

— Зато я могу. Он из компании того задиры, которого вы подстрелили позавчера вечером. Если только это не его близнец, разумеется.

— Та-ак! Это становится интересным...

— Только постарайтесь не впутываться в неприятности, Феликс.

— Не беспокойтесь. Спасибо, Клифф.

— Не за что.

Монро-Альфа с Джеральдом двинулись дальше, оставив Гамильтона наблюдать за человеком, вызвавшим его любопытство. Тот, видимо, почувствовал, что привлек к себе интерес Феликса, поскольку оставил свое место возле колонны и прямиком направился к нему. Остановившись, как того требовал церемониал, в трех шагах, он произнес:

— Я пришел с миром, благородный сэр.

— В доме гостеприимства нет места вражде,— столь же церемонно процитировал Феликс.

— Вы очень любезны, сэр. Меня зовут Мак-Фи Норберт.

— Благодарю вас. А меня — Гамильтон Феликс.

— Да, я знаю.

Неожиданно Гамильтон резко сменил тон:

— Ага! А знал ли это ваш приятель, пытаясь полоснуть меня лучом?

Мак-Фи быстро оглянулся по сторонам, словно желая убедиться, что этих слов никто не услышал. Ему явно не по душе был оборот, который начал принимать разговор.

— Тише, тише, сэр,— запротестовал он,— я же сказал, что пришел сюда с миром. Это было ошибкой — прискорбной ошибкой. Ссору мой знакомый затевал не с вами.

— Вот как? Тогда почему же он вызвал *меня*?

— Повторяю: это была ошибка. Я глубоко сожалею.

— Послушайте,— возмутился Гамильтон,— разве это по протоколу? Если ваш приятель искренне ошибся, то почему бы ему не прийти ко мне, как подобает мужчине? Я приму его миролюбиво.

— Он не в состоянии.

— Почему? Ведь я ранил его всего лишь в руку.

— И тем не менее он не в состоянии. Уверяю вас. Он был... наказан.

Гамильтон внимательно посмотрел на собеседника.

— Вы говорите: «наказан». Так, что не в состоянии встретиться со мной. Может быть, он «наказан» настолько, что должен встретиться с гробовщиком?

Какое-то мгновение Мак-Фи колебался.

— Можем мы поговорить наедине? Конфиденциально?

— Похоже, здесь скрыто куда больше, чем видно над водой. Я не люблю секретов, друг Норберт.

— Жаль,— пожал плечами Мак-Фи.

Гамильтон обдумал ситуацию. В конце концов, почему бы и нет? Положение казалось забавным. Он взял собеседника под руку.

— Раз так — давайте посекретничаем. Где?

Мак-Фи вновь наполнил стакан.

— Нам известно, друг Феликс, что вы не слишком симпатизируете смехотворной генетической политике нашей так называемой культуры.

— Откуда?

— Разве это существенно? У нас свои способы доискиваться до истины. Я знаю, что вы человек смелый и талантливый, вдобавок готовый к неожиданностям. Хотели бы вы приложить силы и дарования к работе над действительно стоящим проектом?

— Прежде всего я должен знать, в чем он заключается.

— Естественно. Позвольте сказать... Впрочем, нет, может быть, лучше ничего не говорить. К чему отягощать вас секретами?

Гамильтон отказался делать встречный шаг. Мак-Фи держал паузу, сколько мог, но в конце концов вынужден был продолжить:

— Могу ли я доверять вам, друг мой?

— Если не можете — чего будут стоить мои заверения?

В первый раз напряженный взгляд глубоко посаженных глаз Мак-Фи немного смягчился, а по губам скользнул легкий намек на улыбку.

— Тут вы меня поймали. Ну... Я считаю себя неплохим знатоком человеческой натуры. И потому намерен довериться вам. И все же не забывайте: это — секрет. Можете ли вы представить себе научную программу, составленную так, чтобы дать нам максимум того, что позволяют наши научные знания, и не стесненную при этом дурацкими правилами, которыми руководствуются наши официозные генетики?

— Вполне.

— Программу, которую осуществляют и поддерживают люди с жестким мышлением, способные думать самостоятельно?

Гамильтон кивнул. Он по-прежнему гадал, куда клонит этот деятель, однако решил играть до конца.

— Я не вправе сказать вам больше — здесь,— заключил Мак-Фи.— Вы знаете, где находится Дом Волчицы?

— Разумеется.

— Вы член братства?

Гамильтон кивнул. К древнему Благотворительному Братству Волчицы принадлежал едва ли не всякий — орден обладал избирательностью проливного дождя. Сам Феликс не заглядывал в Дом Волчицы и раз в полгода, однако располагать местом для встреч в любом чужом городе было удобно.

— Прекрасно. Можем мы встретиться там попозже, ночью?

— Конечно.

— Там есть комната, где собираются порой некоторые из моих друзей. Не трудитесь спрашивать у портье — она в холле Ромула и Рема, прямо напротив эскалатора. Скажем, в два часа?

— Лучше в половине третьего.

— Как вам угодно.

Впервые Монро-Альфа Клиффорд заметил ее во время большого бала. Трудно объяснить, чем именно она привлекла его взгляд. Разумеется, она была красива — однако сама по себе красота не является для девушек знаком отличия. Они просто не могут не быть красивыми — как персидские кошки, бабочки «сатурния луна» или чистокровные скакуны. Нет, объяснить исходящее от девушки обаяние было куда труднее.

Вероятно, достаточно просто сказать, что стоило Монро-Альфе увидеть ее, как он моментально забыл и о том восхитительно увлекательном разговоре, который еще недавно вел с Джеральдом, и о том, что, мягко выражаясь, не любил танцев и в бальном зале оказался по чистой случайности. Забыл он и о снедавшей его меланхолии.

Впрочем, во всем этом Клиффорд не отдавал себе отчета. Он только взглянул на девушку во второй раз — и потом уже до конца танца старался не упустить ее из виду, из-за чего танцевал еще хуже обычного. Вместе с фигурами танца сменялись и партнеры, так что Монро-Альфе не единожды пришлось извиняться перед временными дамами за свою неуклюжесть.

Впрочем, от этого он не стал двигаться ни на йоту более ловко и грациознее, поскольку все мысли его были заняты решением проблемы: сведут ли их с девушкой фигуры танца, сделав на какое-то время партнерами? Будь этот вопрос поставлен перед ним в качестве абстрактной задачи: «Дано: хореографическая партитура танца; требуется установить: вступят ли в контакт единицы А и Б», Клиффорд нашел бы ответ почти интуитивно, если бы, разумеется, счел сие занятие достойным.

Но совсем другое дело — пытаться отыскать решение в динамичной ситуации, когда сам он являлся одной из переменных величин. Находился ли он во второй паре? Или — в девятой?

Монро-Альфа уже пришел было к выводу, что танец *не сведет* их, и начал подумывать, как под видом ошибки обменяться местами с кем-то из танцоров,— и тут они встретились.

Он ощутил кончики пальцев девушки на одной руке, а талию — под другой и закружил партнершу, танцуя в экстазе легко и прекрасно; он чувствовал, что превзошел самого себя...

...К счастью, она приземлилась сверху.

По этой причине Монро-Альфа даже не смог помочь ей встать. Девушка поднялась и протянула ему руку. Клиффорд начал старательно, в самых жалких и церемонных выражениях составлять витиеватое извинение — и вдруг заметил, что девушка смеется.

— Забудьте,— махнула она рукой.— Это было забавно. Как-нибудь мы с вами порепетируем это па — в более спокойной обстановке. Это будет великолепно!

— Ваше милосердие...— завел он опять.

— Танец! — перебив его, воскликнула девушка.— Мы потеряемся!

И, скользнув сквозь толпу, она отыскала свое место. Но Монро-Альфа был слишком деморализован происшедшим, чтобы пытаться найти свое. Он стал лихорадочно выбираться прочь, слишком взъерошенный и выбитый из колеи, чтобы беспокоиться о том, что совершал,— оставлять свое место в танце до окончания фигуры — бестактно.

Некоторое время спустя Клиффорд снова нашел девушку, однако ее окружали несколько незнакомых молодых людей. Человек более светский тут же сымпровизировал бы дюжину уловок, чтобы приблизиться к ней. Однако у Монро-Альфы таких талантов не было. Всей душой он жаждал одного — появления своего друга Феликса.

Уж Гамильтон придумал бы, что делать, он всегда отличался находчивостью в подобных делах. Люди никогда его не пугали.

Девушка чему-то смеялась, улыбались и окружавшие ее молодые люди. Один из них бросил взгляд в сторону Монро-Альфы. Черт возьми, может быть, они смеялись *над ним*?

Затем в его сторону взглянула и *она*. Взгляд ее был теплым и дружелюбным. Нет, конечно же, она смеялась не над ним. На

мгновение Клиффорду показалось, что он знает ее, знает уже давным-давно и что взглядом своим девушка так же ясно, как словами, приглашает его присоединиться к обществу. Во взгляде ее не было ни малейшего кокетства. Но не был он и мальчишеским — мягкий, честный и воистину женственный взгляд.

В этот момент он мог бы набраться храбрости и подойти к девушке, если бы чья-то рука не легла ему на плечо.

— Я всюду разыскивал вас, молодой человек.

Это был доктор Торгсен.

— Э-э-э... Как поживаете, сэр? — только и сумел выдавить из себя Монро-Альфа.

— Нормально. Вы не слишком заняты? Можем мы немного поболтать?

Монро-Альфа оглянулся на девушку: она уже не смотрела в его сторону, теперь внимание ее было полностью поглощено рассказом одного из компаньонов. «Что ж,— подумал Клиффорд,— нельзя же рассчитывать на то, что девушка, которую ты умудрился уронить на пол, приняла это нетрадиционное па за официальное знакомство». Он решил немного погодя найти хозяйку дома и попросить представить его юной гостье.

— Я свободен,— согласился он.— Куда мы направимся?

— Давайте отыщем какое-нибудь местечко, где тяжесть можно распределить равномерно на все части тела,— прогудел Торгсен.— А я прихвачу графин с выпивкой. Между прочим, в сегодняшних новостях сообщили, что ваше министерство объявило еще одно повышение дивидендов...

— Да,— несколько озадаченно подтвердил Монро-Альфа: в том, что повысилась производительность цивилизации, не было ничего удивительного — обычный рутинный процесс, странным явилось бы обратное.

— Полагаю, существует и нераспределенный избыток?

— Конечно. Он есть всегда.

Основная повседневная деятельность Совета экономической политики в том и заключалась, чтобы изыскивать способы распределения все новых и новых денежных сумм, обязанных своим происхождением непрерывно возрастающей продуктивности

капиталовложений. Проще всего было прямо выплачивать свободные от задолженности деньги гражданам или же косвенно — в виде дотаций и субсидированного снижения розничных цен. Второй из этих способов облегчал непринудительный контроль над инфляцией, тогда как первый увеличивал заработную плату, уменьшая при этом стимул к труду. Оба метода помогали обеспечивать приобретение и потребление произведенных товаров, способствуя тем самым сбалансированности счетов каждого бизнесмена полушария.

Однако человек — животное трудящееся и трудолюбивое, причем работа его адски продуктивна. Даже если всучить ему жирные ежемесячные дивиденды, чтобы с помощью такого подкупа заставить держаться подальше от рынка рабочей силы, весьма вероятно, что в свободное время он соорудит какую-нибудь штуковину, способную заменить человека и в очередной раз увеличить производительность труда.

Мало кто обладает достаточно развитым воображением и подходящим темпераментом для того, чтобы проводить жизнь в праздности. Людьми овладевает трудовой зуд. Поэтому плановикам было необходимо все время отыскивать новые и новые пути распределения покупательной способности через заработную плату таким образом, чтобы оплаченный труд не увеличивал потока потребительских товаров. И даже непроизводительным общественным работам поставлен если не теоретический, то практический предел. Разумеется, одним из самых очевидных путей расходования средств — субсидирование научных исследований, однако это лишь отдаляет кризис, поскольку все эти изыскания, какими бы отвлеченными и бесполезными ни казались, обладают досадной привычкой рано или поздно многократно окупаться, вновь резко увеличивая производительные силы общества.

—...избыток,— продолжал тем временем Торгсен.— Решено уже, как его распределять?

— Насколько мне известно, не до конца,— ответил Монро-Альфа.— Видите ли, я ведь только вычислитель, а не планировщик...

— Да, я знаю. Но вы к ним гораздо ближе меня. А мне хотелось бы, чтобы Совет экономической политики субсидировал

небольшой проект, который у меня на уме. Если вы готовы меня выслушать, я расскажу о нем поподробнее — и надеюсь, заручусь вашей поддержкой.

— А почему бы вам не обратиться непосредственно в Совет? — поинтересовался Монро-Альфа.— При решении подобных вопросов у меня нет права голоса.

— Пусть так. Зато вы знаете в Совете все ходы и выходы, а я нет. К тому же, я полагаю, вы сможете по достоинству оценить красоту проекта, хотя он, к сожалению, довольно дорог и совершенно бесполезен.

— Это как раз не помеха.

— Да? А я думал, что всякий проект должен быть полезен...

— Отнюдь нет. Он должен быть осмысленным и в конечном счете служить благу всего населения. Но в экономическом плане ему совершенно не обязательно быть целесообразным.

— Хм-м... Боюсь, мой проект трудно будет счесть «идущим на благо»...

— И это не обязательно послужит препятствием. «Благо» — понятие растяжимое. Но в чем суть проекта?

Прежде чем ответить, Торгсен какое-то мгновение колебался.

— Вы видели баллистический планетарий в Буэнос-Айресе?

— Нет, хотя, конечно, знаю о нем.

— Он великолепен! Подумайте только: машина, способная вычислить положение любого тела в Солнечной системе на любой момент прошлого, настоящего или будущего — и выдать результат с точностью до седьмого знака.

— Действительно, прекрасно,— согласился Монро-Альфа,— хотя, в сущности, это элементарная задача.

Так оно и было — для него. Для человека, постоянно имеющего дело со сводящими с ума блуждающими переменными социально-экономических проблем, где непредсказуемая прихоть моды способна сокрушить любой, даже самым тщательным образом составленный прогноз, эта задача, в которую вовлечены центральная звезда, девять планет, две дюжины их спутников да несколько сот главных астероидов, движущихся в соответствии с едиными, неизменными законами, не могла не являться элементарной.

Возможно, с чисто технической точки зрения организовать все это было и не просто, но особых затрат интеллекта не требовало.

— Элементарно! — Торгсен казался чуть ли не обиженным.— Ну хорошо, пусть будет по-вашему. Но что вы скажете о машине, способной делать то же самое для всей физической Вселенной?

— Что? Я назвал бы эту идею фантастической.

— Сегодня так оно и есть. Но предположим, мы решим ограничиться нашей Галактикой?

— Все еще фантастично. Переменных здесь будет порядка десяти в тридцатой, не так ли?

— Верно, однако почему бы и нет? Было бы только достаточно времени — и денег, разумеется. Я предлагаю следующее,— голос Торгсена зазвучал очень серьезно.— Можно начать с нескольких тысяч масс, для которых нам известны точные значения векторов скоростей. На первом этапе мы ограничимся прямолинейным движением. Располагая станциями на Нептуне, Плутоне и Титане, мы сможем немедленно заняться проверкой. Впоследствии, когда работа машины будет выверена, мы сможем добавить к этому своего рода эмпирическую обработку краевого эффекта — я имею в виду пределы нашего поля, форма которого будет приближаться к сплюснутому эллипсоиду.

— Двойная сплюснутость, не так ли — включая параллакс, обусловленный нашим собственным звездным дрейфом?

— Да-да, это очень важно.

— И, полагаю, вы учтете солнечный регресс?

— А?

— По-моему, это самоочевидно. Ведь вы будете описывать звезды? А скорость преобразования водорода в гелий в каждом теле, безусловно, является ключевой характеристикой.

— Ну, дорогой, вы меня здорово обогнали. Я думал лишь об основных баллистических характеристиках.

— Зачем же ограничиваться этим? Почему бы, строя структурные аналоги, не приблизить их к действительности, насколько возможно?

— Конечно, конечно. Вы правы. Просто я не был столь самоуверен. Я соглашался на меньшее. Но скажите, как, по-вашему, пойдет на это Совет?

— Почему бы и нет? Это, безусловно, будет стоить очень дорого, осуществление растянется на многие годы — и к тому же вряд ли принесет когда-нибудь экономические выгоды. Я бы сказал, это идеально скроено для получения субсидий.

— Рад это слышать.

Они договорились о встрече на следующий день.

Как только позволили правила приличия, Монро-Альфа извинился перед Торгсеном и вернулся туда, где видел девушку в последний раз. Но, увы, ее там уже не было. Клиффорд больше часа потратил на поиски и пришел к выводу, что девушка либо покинула прием, либо очень искусно скрывается от него. Ее не было в плавательном бассейне — если она не обладает способностью оставаться под водой больше десяти минут. Ее не было ни в одной из доступных комнат — Монро-Альфа совершенно бессознательно рисковал жизнью, с недопустимой тщательностью обыскивая все углы.

По пути домой он совсем уже было собрался рассказать о случившемся Хэйзел, однако не смог подобрать слов. В самом деле, о чем было рассказывать? Ну, встретил привлекательную девушку и по обычной своей неуклюжести умудрился подставить ей подножку. Что с того? Он даже не узнал, как ее зовут. Да и вообще, ему не казалось, что сейчас самое подходящее время говорить с Хэйзел о других женщинах. Добрая, славная Хэйзел... Она обратила внимание на задумчивость Монро-Альфы, явно не похожую на обычную мрачность.

— Доволен, Клиффорд?

— Кажется, да. Точно — да.

— Встретил интересных девушек?

— Что? А, да. Нескольких.

— Вот и хорошо.

— Послушай, Хэйзел, ты ведь не собираешься всерьез заниматься всей этой дуростью с разводом?

— Собираюсь.

Естественно было бы предположить, что этой ночью Монро-Альфа лежал без сна, предаваясь романтическим мечтаниям о прекрасной незнакомке. Ничуть не бывало! Он и впрямь подумал о ней — но лишь на короткое время, необходимое для того,

чтобы вернуть себе душевное равновесие. Для этого он мысленно сотворил ситуацию, в которой отпускал по поводу собственной неуклюжести убийственно-остроумные реплики, а девушка их с готовностью воспринимала. И даже окружавшим ее поклонникам не было нужды угрожать — они сами аплодировали его остроумию.

Не слишком занимала мысли Монро-Альфы и Хэйзел. Если она считала нужным разорвать брачный контракт — ее дело. К тому же этот шаг вряд ли мог иметь серьезные последствия — Клиффорду и в голову не приходило, что их отношения могут почему-либо серьезно измениться. Однако он на время откажется от обязательных — дважды в неделю — визитов и совместных обедов. И, надо полагать, женщина оценит несколько сюрпризов...

Впрочем, все эти размышления лишь освобождали пространство для тех серьезных мыслей, после которых человек может спокойно заснуть. Предложение Торгсена — действительно интересная проблема. Очень изящная...

Ночь Гамильтона Феликса была куда насыщеннее событиями. Настолько насыщенной, что на следующее утро, за завтраком, ему было над чем призадуматься. Надо было осмыслить ситуацию и принять решение. Он даже не смотрел новости, и когда аннунциатор известил, что за дверью ожидает посетитель, Гамильтон рассеянно ткнул клавишу «Входите, пожалуйста», даже не подумав, хочет ли кого-нибудь видеть. Какая-то женщина — заметил он на экране, однако дальше его мысли не пошли.

Она вошла и уселась на ручку кресла, болтая одной ногой.

— Ну,— заявила она,— с добрым утром, Гамильтон Феликс!

Он озадаченно взглянул на посетительницу.

— Разве мы знакомы?

— Нет,— спокойно отозвалась она,— но будем. Полагаю, мне пришла пора посмотреть на вас.

— Понял! — он пронзил воздух указательным пальцем.— Вы та самая женщина, которую подобрал для меня Мордан!

— Совершенно верно.

— Будь проклята ваша наглость! Какого черта вам нужно? И как вы смеете врываться в мой дом?

— Ну-ну-ну! А то мамочка отшлепает! На что это похоже — разговаривать так с матерью ваших будущих детей?

— Матерью... Что за вздор! Если мне чего-то и не хватало, чтобы окончательно понять, до какой степени я не хочу иметь ничего общего со всеми этими дурацкими планами,— так это знакомства с вами. И если у меня и появятся когда-нибудь дети, то уж точно не от вас.

При этих его словах женщина встала, положив руки на бедра. На ней были шорты и мальчишеская куртка, а на боку, с полным пренебрежением к традициям своего пола, она носила на ремне небольшой, но достаточно смертоносный излучатель.

— Что же у меня не в порядке? — медленно цедя слова, поинтересовалась она.

— Ха! Что не в порядке? Да что у вас в порядке? Я прекрасно знаю ваш тип. Вы одна из этих «независимых» женщин, которые претендуют на все мужские привилегии, отказываясь в то же время от какой бы то ни было ответственности. Я так и вижу, как вы с важным видом разгуливаете по городу с этой проклятой трещоткой на боку, требуя всех прав вооруженного гражданина. Вы вызываете на дуэли в спокойной уверенности, что ни один мужчина вызова не примет. Бр-р-р! Меня тошнит от вас!

Женщина не шелохнулась, только лицо ее закаменело.

— Вы проницательный знаток человеческой натуры, да? Теперь послушайте меня. Я годами не притрагивалась к оружию, кроме как на тренировке. Я не расхаживаю по городу с требованием привилегий и столь же щепетильно вежлива, как любой мужчина.

— Тогда зачем же вы носите оружие?

— А что плохого, если женщина претендует на достоинство вооруженного гражданина? Я не хочу, чтобы меня баловали и опекали, как ребенка. Я отказываюсь от неприкосновенности и пользуюсь своим правом носить оружие. Что, повторяю, в том плохого?

— Ничего — будь это и впрямь так. Но дело обстоит совсем иначе. Вы противоречите себе — хотя бы той манерой, с которой ворвались в мой дом. Мужчине такое не сошло бы.

— Ах так?! Осмелюсь напомнить вам, мужлан, что вы сами впустили меня, включив сигнал «входите, пожалуйста». Могли бы этого и не делать! А едва я вошла, вы принялись рычать на меня, не дав даже вставить «да», «нет» или «может быть».

— Но...

— Ну ладно! Вы утверждаете, что оскорблены. Я сказала, что годами не бралась за оружие, но это не значит, будто я не готова. Вот вам шанс рассчитаться за оскорбление, хвастун паршивый,— оружие в руки!

— Не болтайте глупостей.

— Оружие в руки! Или я отберу его у вас и вывешу на площади.

Вместо ответа Гамильтон двинулся на нее. Гостья схватилась за рукоятку излучателя и наполовину извлекла его из кобуры.

— Назад! Назад или я сожгу вас!

— Боже! — в голосе Гамильтона зазвучало неподдельное восхищение; он замер.— Верю. Честное слово, верю, что вы на это способны.

— Разумеется.

— И это,— признал он,— меняет дело, не так ли?

Гамильтон отступил на шаг, как бы занимая подходящую позицию для переговоров. Слегка успокоившись, женщина сняла руку с излучателя.

В тот же момент Феликс прыгнул — низко, стелясь над полом — и обхватил колени гостьи, рванув на себя. В короткой, но бурной схватке оба покатились по паркету. Наконец Гамильтону удалось ухватить гостью за запястье правой руки и стиснуть его с той же силой, с какой противница вцепилась в оружие. Резкое движение — и костяшки ее пальцев сухо ударились об пол. Схватив излучатель за ствол, Гамильтон вырвал его и отбросил в сторону. Потом поднялся на колени и, волоча гостью за собой, стал медленно передвигаться, игнорируя сыпавшиеся на него удары. Добравшись до ящика для бумаг, он бросил туда оружие и только тогда обратил все все свое внимание на гостью.

Не реагируя на ее бурное сопротивление, Гамильтон поднял женщину с пола, подхватил на руки и донес до большого, глубокого кресла, в которое и опустился, усадив гостью себе на колено.

Зажав ее ноги между своих, Гамильтон завел ей руки за спину — стиснув в конце концов обе ее кисти одной рукой. Пока он занимался этими манипуляциями, женщина успела его укусить.

Окончательно лишив гостью возможности двигаться, Феликс откинулся назад, держа женщину подальше от себя, и заглянул ей в лицо.

— Вот теперь мы можем побеседовать,— бодро сказал он и, примерившись, влепил ей пощечину — не слишком сильную, но достаточно чувствительную.— Это за укус. Никогда больше не делайте этого.

— Отпустите меня!

— Будьте благоразумны. Приглядитесь повнимательней и увидите, что я тяжелее вас килограммов на двадцать и значительно выше. У вас достаточно силы и твердости, этого нельзя не признать, да только я куда тверже и сильнее. Так что ваши желания сейчас значения не имеют.

— Что вы собираетесь со мной делать?

— Поговорить. И еще, пожалуй, поцеловать.

В ответ она выдала нечто вроде рева тропического циклона, обогащенного обертонами воя и рычания дикой кошки. Когда концерт закончился, Гамильтон приказал:

— Поднимите лицо.

Она не подчинилась. Тогда он свободной рукой забрал в горсть ее волосы и отогнул голову назад.

— Не кусаться,— предупредил Феликс,— или я выбью из вас всю эту дурь.

Укусить она его не укусила, но и не ответила на поцелуй.

— Пустая трата времени,— светским тоном резюмировал Гамильтон,— вы, «независимые» дамы, ничего в этом искусстве не смыслите.

— Я что, плохо целуюсь? — мрачно осведомилась она.

— С тем же успехом я мог поцеловать малолетку.

— Я прекрасно умею целоваться — когда хочу.

— Сомневаюсь. И сомневаюсь, что вы вообще когда-нибудь целовались. Мужчины редко делают авансы вооруженным девушкам.

— Неправда!

— Что, за живое задело? Но это правда, и вы сами это знаете. Даю вам шанс доказать, что не прав, а потом мы обсудим, стоит ли вас отпускать.

— Мне больно рукам.

— Ну...

На этот раз поцелуй длился раз в восемь дольше. Наконец Гамильтон отпустил ее, перевел дыхание, но ничего не сказал.

— Так что же?

— Юная леди,— проговорил он медленно,— я недооценил вас. Я недооценил вас дважды.

— Теперь вы меня отпустите?

— Отпустить вас? Ни в коем случае! Это заслуживает повторения.

— Нечестно!

— Леди,— совершенно серьезно проговорил Гамильтон,— честность — понятие совершенно отвлеченное. Кстати, как вас зовут?

— Лонгкот Филлис. Но не уклоняйтесь от темы.

— Так как насчет повторения?

— Ох, ладно...

Гамильтон совсем отпустил свою пленницу, и тем не менее повторение оказалось столь же продолжительным и захватывающим дух. Отстранившись, Филлис запустила пальцы ему в волосы и растрепала их.

— Вы негодяй! Грязный негодяй!

— В ваших устах это звучит как комплимент, Филлис. Выпьем?

— Не откажусь.

Гамильтон предложил гостье выбрать напиток, торжественно извлек и наполнил бокалы, превратив будничные действия в пышную церемонию, в конце которой встал и торжественно предложил:

— Выпьем за мир?

— Сейчас? Сдается мне, время еще не пришло. Я хочу поймать вас вооруженным.

— Лучше не надо. Вы доблестно сражались и были побиты с честью. Правда, я шлепнул вас — но и вы меня укусили. Так что мы квиты.

— А как насчет поцелуев?

Гамильтон улыбнулся.

— Это тоже был равный и достойный обмен. Не будьте столь обидчивы. Я не хочу, чтобы вы за мной охотились. Давайте! Мир — и пусть прошлое останется в прошлом!

Он поднял бокал, перехватил ее взгляд — и Филлис невольно улыбнулась.

— Ладно, да будет мир.

— Повторим?

— Нет, спасибо. Мне пора идти.

— Что за спешка?

— Мне и в самом деле пора. Могу я теперь получить свой бластер?

Гамильтон потянулся было за излучателем, но захлопнул ящик, проведя по нему рукой.

— Он мой — и вы это знаете. Я его выиграл.

— Но вы же не оставите его себе!

— Именно это я имел в виду, утверждая, что вы, вооруженные дамы, лишь претендуете на мужские роли. Мужчина никогда не попросил бы оружия обратно. Он скорее надел бы повязку.

— Вы оставите бластер себе?

— Нет. Но хотел бы, чтоб вы его больше не носили.

— Почему?

— Потому что хочу пригласить вас пообедать сегодня со мной. И я буду чувствовать себя дураком, сопровождая вооруженную женщину.

Филлис внимательно посмотрела на него.

— Странный вы человек, Гамильтон Феликс. Побить девушку — и потом пригласить ее пообедать...

— Так вы согласны?

— Да,— она отстегнула пояс с кобурой и бросила его Гамильтону.— Потом отошлете его мне. Адрес — на рукоятке.

— В двадцать ноль-ноль?

— Или на несколько минут позже.

— Знаете ли, Филлис,— проговорил он, распахивая перед девушкой дверь,— у меня предчувствие, что у нас с вами впереди великое множество развлечений!

Девушка одарила его долгим взглядом.

— Поживем — увидим.

Глава V
«Просто я более или менее честен...»

Закрыв дверь, Гамильтон вернулся в комнату. Предстояло немало дел — и срочных. Он подошел к телефону и вызвал Монро-Альфу.

— Клифф? Я вижу, вы уже на службе? Будьте у себя,— и он повесил трубку, не снизойдя до каких-либо объяснений.

Когда вскоре Феликс появился в кабинете Монро-Альфы, тот встретил его с обычной церемонностью.

— Доброе утро, Феликс. Мне кажется или вы действительно чем-то обеспокоены? Что-нибудь не в порядке?

— Не совсем. Я хочу попросить вас об одолжении. Но скажите — с вами-то что случилось?

— Со мной? Что вы имеете в виду?

— Вчера вы напоминали труп недельной свежести, а сегодня прямо-таки искритесь и светитесь. И сплошные птичьи трели на устах... Что за метаморфоза?

— Не думал, что это так бросается в глаза. Но я действительно в приподнятом настроении.

— Почему? Ваша денежная машина объявила о новых дивидендах?

— Разве вы не смотрели утренние новости?

— Признаться, нет. А что случилось?

— Они вскрыли Адирондакский стасис.

— Ну и?..

— Там оказался человек. Живой человек.

Брови Гамильтона поползли вверх.

— Это, конечно, интересно — если только правда. Но не хотите ли вы сказать, будто появление этого ожившего питекантропа является подлинной причиной вашей детской радости?

— Неужели вы не понимаете, Феликс? Неужели *не ощущаете* значения свершившегося? Ведь он явился к нам из золотого века, он — сын тех простых и прекрасных дней, когда род людской еще не успел испортить себе жизнь кучей бессмысленных усложнений. Только подумайте, о чем он может нам рассказать!

— Может быть... Из какого он года?

— М-м-м... Из тысяча девятьсот двадцать шестого — по старому стилю.

— Тысяча девятьсот двадцать шестой... Погодите-ка... Конечно, я не историк, но что-то не припоминаю, чтобы то время было такой уж сияющей утопией. По-моему, довольно примитивный век.

— Об этом я и говорю — он был прост и прекрасен. Я тоже не историк, но встретил вчера человека, который немало порассказал мне об этом периоде. Он специально изучал ту эпоху,— и Монро-Альфа пустился в восторженное изложение концепции Фрисби Джеральда о жизни в начале XX века.

Гамильтон выждал, пока Клиффорд смолкнет на мгновение, чтобы перевести дыхание, и тогда вклинился в монолог:

— Не знаю, не знаю, но сдается мне, что у вас концы с концами не вяжутся.

— Почему?

— Видите ли, я вовсе не считаю, будто нашему времени незачем желать ничего лучшего, но уж в прошлом лучшего точно не сыскать. Нет, Клифф, клич: «Вернемся к добрым старым временам!» — это чушь. При минимальных усилиях мы научились получать гораздо больше, чем это было возможно когда-либо — на всем протяжении истории.

— Ну конечно,— едко заметил Монро-Альфа,— если вам не уснуть, пока кроватка не укачает да не споет колыбельную...

— Бросьте. При необходимости я мог бы спать хоть на камнях, но сворачивать с шоссе, просто чтобы потрястись на ухабах — увольте.

Монро-Альфа промолчал. Гамильтон почувствовал, что приятель уязвлен его словами, и добавил:

— Разумеется, это всего лишь мое субъективное мнение. Может быть, вы и правы. Забудем об этом.

— О каком одолжении вы говорили?

— Ах да. Вы знаете Мордана, Клифф?

— Окружного арбитра?

— Его самого. Мне нужно, чтобы вы позвонили ему и договорились о встрече со мной — то есть с вами, я имею в виду.

— Зачем он мне?

— Вам он и не нужен. На встречу явлюсь я.

— К чему такие сложности?

— Не задавайте вопросов, Клифф. Просто сделайте это для меня.

— Вы играете со мной втемную...— Монро-Альфа откровенно колебался.— Это... чистое дело?

— Клифф!

— Простите, Феликс,— Монро-Альфа покраснел.— Я знаю, что если о чем-то просите вы, в этом не может быть ничего неблаговидного. Но как я добьюсь его согласия?

— Проявите настойчивость — и он придет.

— Куда, кстати?

— Ко мне... нет, так не пойдет. Давайте — к вам домой.

— Хорошо. Когда?

— В полдень.

Мордан явился на встречу, хотя и выглядел весьма озадаченным. Однако при виде Гамильтона лицо его вытянулось еще больше.

— Феликс? Что вас сюда привело?

— Желание повидаться с вами, Клод.

— А где же наш хозяин?

— Его не будет, Клод. Все это устроил я. Мне нужно было поговорить с вами, но сделать этого открыто я не мог.

— В самом деле? Почему же?

— Потому что у вас в офисе завелся шпион.

Мордан хранил выжидательное молчание.

— Но прежде чем говорить об этом,— продолжал Гамильтон после короткой паузы,— я хотел бы задать вопрос: это вы напустили на меня Лонгкот Филлис?

Теперь Мордан откровенно встревожился.

— Разумеется, нет. Вы с ней встречались?

— А как же! Вы подобрали для меня очаровательную ведьмочку.

— Не судите опрометчиво, Феликс. Может быть, она и экстравагантна, но во всем остальном в полном порядке. Ее карта восхитительна.

— О'кей, о'кей. Признаться, от этой встречи я получил удовольствие. А сейчас просто хотел удостовериться, что вы не пытались со мной хитрить.

— Ни в коем случае, Феликс.

— Прекрасно. Но я пригласил вас сюда не для того, чтобы задать этот вопрос. Я утверждаю, что в вашем офисе есть шпион, поскольку наш с вами приватный разговор стал известен и там, где знать об этом совсем не обязательно,— и тут Гамильтон коротко рассказал о своем знакомстве с Мак-Фи Норбертом и последующем визите в Дом Волчицы.— Они именуют себя «Клубом выживших». На первый взгляд — просто объединение любителей выпивки в составе ложи. Но на деле он служит «крышей» для шайки революционеров.

— Продолжайте.

— Они пришли к выводу, что я им подхожу,— и я решил подыграть, поначалу больше из любопытства. А затем обнаружил вдруг, что зашел слишком далеко и обратной дороги нет,— Гамильтон сделал паузу.

— Да?

— Я примкнул к ним. Мне показалось, что это будет полезнее для здоровья. Не уверен, но подозреваю, что прожил бы не слишком долго, если бы не присягнул на верность идее. Они играют всерьез, Клод,— Феликс вновь сделал паузу, потом продолжил: — Помните ту заварушку, которая нас познакомила?

— В ресторане? Разумеется.

— Доказательств у меня нет, но объяснить ее можно, только допустив, что охотились не за мной, а за вами. Вы — один из тех, кого им надо убрать, чтобы осуществить свои планы.

— И что же это за планы?

— Детали мне не известны... пока. Но суть в том, что они против существующей генетической политики. И против демократических

свобод. Они хотят создать то, что именуют «научным» государством, руководить которым должны «прирожденные» лидеры. Сами они считают этими «прирожденными лидерами» себя. И питают глубокое отвращение к синтетистам вашего типа, поддерживающим современное «отсталое» государство. Придя к власти, они намерены удариться в широкие биологические эксперименты. Общество, по их словам, должно стать единым организмом, отдельные части которого будут специализироваться на выполнении различных специальных функций. Настоящие люди, супермены — то есть они сами — будут находиться наверху, а все остальное население — конструироваться их генетиками по мере необходимости.

— Все это выглядит на удивление знакомым,— невесело усмехнулся Мордан.

— Понимаю, что вы имеете в виду. Империя Великих Ханов. Но на это у них готов ответ: Ханы были дураки и не знали, что и как делать. А эти мальчики знают. Их идеи на сто процентов отечественного производства, и любые аллюзии, связывающие их намерения и политику Ханов,— всего лишь результат вашего недомыслия.

— Так...

Наступило долгое молчание. Наконец Гамильтон потерял терпение:

— Ну?

— Зачем вы мне все это рассказали, Феликс?

— Как зачем? Чтобы вы могли что-то предпринять.

— Но почему вы хотите, чтобы мы приняли какие-то меры? Подумайте... пожалуйста. В тот раз вы заявили мне, что жизнь — такая, как она есть,— ценности в ваших глазах не представляет. Пойдя с этими людьми, вы сможете изменить ее так, как вам заблагорассудится. Можете полностью пересотворить по собственному разумению.

— Хм! Мне придется столкнуться с оппозицией — у них есть на этот счет свои планы.

— Вы можете их изменить. Я знаю вас, Феликс. Можно заранее утверждать, что стоит вам только захотеть — и вы займете лидирующее положение в любой группе. Пусть не в первые же десять минут, но — по прошествии времени. Вы и сами наверняка это понимаете. Так почему же вы не ухватились за представившуюся возможность?

— С чего вы взяли, что я на такое способен?

— Ну, Феликс!..

— Ладно, ладно. Предположим, я и впрямь смог бы. Но я этого не сделал. И не сделаю. Назовите это патриотизмом, если хотите. Или как угодно иначе.

— В сущности, все дело в том, что в глубине души вы одобряете современную культуру. Разве не так?

— Может быть. До некоторой степени. Я никогда не утверждал, что осуждаю способ управления нашим обществом. Я только сказал, что не вижу смысла вообще ни в каком образе жизни — в конечных и абсолютных терминах.

Гамильтон ощутил некоторое замешательство. На эту встречу он явился, чувствуя себя этаким романтическим героем и ожидая, что за разоблачение шайки злодеев его благодарно похлопают по плечу. Мордана же его новости ни в коей мере не волновали — он настаивал на обсуждении чисто философских материй. Феликса это сбивало с толку.

— В любом случае я не хочу видеть этих самодовольных молодых подонков у кормила власти. Я не желаю видеть, как они примутся строить Утопию.

— Я понял. Вы хотите сказать мне что-нибудь еще?.. Ну что ж, в таком случае...— Мордан привстал, как бы собираясь уходить.

— Подождите же!

— Да?

— Послушайте, я... Дело в том, что раз уж я оказался в их шайке... Словом, я могу провести небольшое любительское расследование. Мы могли бы договориться о способе, с помощью которого я докладывал бы вам или кому-нибудь другому.

— Так вот в чем дело! Нет, Феликс, этого я одобрить не могу.

— Почему?

— Слишком опасно для вас.

— Мне это безразлично.

— А мне — нет. С моей точки зрения, ваша жизнь представляет собой слишком большую ценность.

— *Ах это?!* Черт возьми, мне казалось, я четко объяснил: нет никаких, ровным счетом никаких шансов, что я соглашусь участвовать в генетической программе.

— Вы действительно объяснили. Но пока вы живы и здоровы, я по долгу службы обязан надеяться, что вы передумаете. И потому я не имею права позволить вам рисковать жизнью.

— Хорошо. Но как вы можете меня остановить? Принудить меня вы не можете — законы я знаю.

— Нет... Я в самом деле не могу запретить вам рисковать своей драгоценной жизнью. Но ликвидировать опасность — могу. И ликвидирую. Члены «Клуба выживших» будут арестованы — и немедленно.

— Но... Но послушайте, Клод! Если вы предпримете это сейчас, у вас не будет в руках необходимых улик. Гораздо правильнее было бы подождать до тех пор, пока нам не станет известно о них все. Сегодняшний арест одной этой группы может означать, что сотни или тысячи других просто-напросто укроются более тщательно.

— Знаю. Это риск, на который правительству придется пойти. Но мы не можем рисковать вашей зародышевой плазмой.

— Черт побери, Клод! — Гамильтон всплеснул руками.— Это же шантаж. Чистой воды принуждение.

— Вовсе нет. Я не собираюсь ничего предпринимать... в отношении вас.

— И тем не менее это так.

— Ну а если мы пойдем на компромисс?

— Какой?

— Ваша жизнь является вашей собственностью. Вы имеете полное право расстаться с ней, играя в Бесстрашного Фрэнка. Я заинтересован лишь в ваших потенциальных возможностях в качестве предка грядущих поколений. Я имею в виду сейчас только свои профессиональные интересы. По-человечески вы мне симпатичны, и я предпочел бы, чтобы вы прожили долгую и счастливую жизнь. Но к делу это не относится. Если вы заложите в банк плазмы несколько миллионов своих гамет, я не буду вмешиваться в ваши дела.

— Вот об этом я и говорил! Вы шантажом пытаетесь склонить меня к сотрудничеству.

— Не торопитесь. Живые клетки, оставленные вами, не будут пробуждены к развитию без вашего на то согласия. Они будут находиться в банке и по вашей воле могут быть даже уничтожены — если только вы не погибнете в этой авантюре. Только в случае вашей смерти я воспользуюсь ими для продолжения генетической программы.

Гамильтон сел.

— Давайте уточним. Вы не используете их, если только меня не укокошат. И все без обмана?

— И все без обмана.

— Когда все кончится, я могу их ликвидировать. И все без обмана?

— И все без обмана.

— И вы не поставите меня намеренно в такое положение, чтобы я оказался убит наверняка? Нет, ничего подобного вы не сделаете. Хорошо, я согласен. Я готов поставить на свою способность к выживанию — против ваших шансов воспользоваться моими гаметами.

Вернувшись в офис, Мордан послал за руководителем технического персонала. Не говоря ни слова, он вывел Марту из здания и продолжал хранить молчание до тех пор, пока они не оказались в таком месте, где их заведомо никто не мог подслушать,— на уединенной скамейке в пустынном уголке Северного (крытого) парка. Здесь он рассказал ей о своем разговоре с Гамильтоном.

— Полагаю, вы сообщили ему, что о «Клубе выживших» мы давно знаем?

— Нет,— хладнокровно ответил Мордан.— Я ничего ему не сказал. Да он меня и не спрашивал.

— М-м-м... Знаете, шеф, вы извилисты, как кривая случайных совпадений. Этакий софист.

— Ну-ну, Марта! — проворчал арбитр, однако в глазах его появилась улыбка.

— О, я не критикую. Вы поставили его в положение, при котором наши шансы осуществить эту работу заметно возросли. И тем не менее вы сделали это, заставив его думать, будто мы и не подозревали об этом жалком заговоре.

— Но мы не знаем об этом заговоре всего, Марта. И Гамильтон будет полезен. Он уже раскопал один существенный факт: в нашей конторе есть утечка.

— Так вот почему вы уволокли меня из клиники! Что ж, значит, предстоят некоторые перемены.

— Не слишком поспешные. Будем исходить из предположения, что женщинам мы можем безоговорочно доверять — вся эта затея по своей природе чисто мужская: женщины в ней не участвуют и интересы их во внимание не принимались. Но с мужчинами будьте осторожны. Думаю, лучше вам самой заняться помещением в банк плазмы Гамильтона — и сегодня же. Впрочем... На всякий случай присматривайте и за женщинами.

— Хорошо. Но если говорить честно, шеф, не думаете ли вы, что следовало объяснить Гамильтону, во что он ввязывается?

— Вы забываете, что это не мой секрет.

— Я помню. И все-таки — *он слишком драгоценной породы*, чтобы рисковать им в подобных играх. Как вы полагаете, почему они его завербовали?

— *Он считает*, что из-за богатства и умения владеть оружием. Но я думаю, что вы сами уже ответили на свой вопрос. Он — из элитной линии. Прекрасный материал для разведения. «Выжившие» не так уж глупы.

— Ого! Об этом я как-то не подумала. И все равно — чертовски стыдно рисковать им в таком деле.

— Стражи общества не должны позволять себе роскоши личных симпатий. Им необходимо иметь более широкие взгляды.

— Может быть... Но должна признаться, в человеке с широкими взглядами есть нечто пугающее.

Глава VI
«Мы говорим на разных языках...»

Не без удивления Гамильтон Феликс обнаружил, что конспиратор — до крайности занятой человек, особенно если он при

этом занимается тайным сыском. Перед Мак-Фи Норбертом и другими членами «Клуба выживших» он разыгрывал роль этакого энтузиаста-неофита, готового всеми силами и способами содействовать общему делу. Как и следовало ожидать, курс индоктринации, весьма скучный, но необходимый для продвижения вверх внутри организации, занял немало времени. Гамильтон все это терпеливо сносил, стараясь поддерживать в себе романтически-приподнятое мироощущение, чтобы его поведение и ответы не возбудили подозрения у инструкторов.

Помимо изучения основ Нового Порядка в обязанности недавно принятых в организацию членов входило также выполнение отдельных поручений. Поскольку здесь царила жесткая вертикальная иерархия, смысл этих поручений никогда не разъяснялся, и задавать вопросы было не принято. Задание с равным успехом могло действительно иметь значение для успеха заговора или же попросту служить очередным испытанием — новобранец этого знать не мог.

Гамильтон видел, что произошло с одним из новичков, который пренебрег серьезностью инструкций.

Судили его на общем собрании, где присутствие младших членов клуба являлось обязательным. Мак-Фи Норберт выступал в роли главного обвинителя и судьи одновременно. Адвоката у обвиняемого не было, однако объяснить свои действия ему все-таки было разрешено.

Подсудимому было поручено передать некое послание определенному человеку — причем непременно из рук в руки. Он так и поступил, но узнав в адресате человека, знакомого по заседаниям клуба, он не счел нужным скрыть от него свою принадлежность к «выжившим».

— Вам говорили, что этот человек заслуживает доверия?

— Нет, но...

— Отвечайте однозначно.

— Нет, мне этого не говорили.

Мак-Фи повернулся к собравшимся и бледно улыбнулся.

— Вы, несомненно, заметили, что обвиняемый не имел возможности точно определить статус человека, с которым вступил

в контакт. Тот мог быть и попавшим под подозрение братом, которого мы хотели испытать, и правительственным агентом, которого мы разоблачили; наконец, обвиняемый мог быть введен в заблуждение внешним сходством. К счастью, поступок его не повлек за собой отрицательных последствий — человек, к которому он был послан, является лояльным братом высшего ранга,— Мак-Фи вновь повернулся к подсудимому.— Брат Хорнби Виллем, встаньте.

Обвиняемый встал. Он был безоружен.

— Каков первый принцип нашей доктрины?

— Целое больше любой из его частей.

— Правильно. Теперь вы понимаете, почему я считаю необходимым избавиться от вас.

— Но я не...

Продолжить он не успел — Мак-Фи сжег его на месте.

Гамильтон оказался в числе тех, кому было поручено вынести тело и положить его в одном из дальних коридоров таким образом, чтобы создавалось впечатление, будто человек погиб на обычной дуэли,— для полиции это имело только статистический интерес. Командовал этой группой сам Мак-Фи, и Гамильтон невольно восхитился искусством, с каким тот управился со щекотливой ситуацией. В свою очередь, и Феликс заслужил одобрение брата Норберта понятливостью и рвением, которые он проявил, выполняя эту миссию.

— Вы быстро растете, Гамильтон,— заметил он, когда все вернулись в клубную гостиную.— Вскоре вы уже достигнете моего ранга. Кстати, что вы думаете об этом инциденте?

— Не представляю себе, что бы вы еще могли сделать. Нельзя же приготовить яичницы, не разбив яиц.

— Не разбив яиц! Вот здорово! — рассмеявшись, Мак-Фи игриво ткнул Феликса пальцем под ребра.— Вы сами это придумали или где-нибудь слышали?

Гамильтон молча пожал плечами, решив про себя, что за этот тычок со временем отрежет Мак-Фи уши — пусть только вся эта история сперва завершится.

Окольными путями он сообщил Мордану все подробности случившегося, не скрывая и своего участия. Поиски этих самых

окольных путей вообще занимали изрядную долю времени и мыслей Гамильтона, поскольку нельзя было допустить, чтобы хоть одна из его тайных жизней на мгновение выступила бы над поверхностью. Внешне поведение Гамильтона должно было оставаться привычным и неизменным — ему нужно было по мере необходимости встречаться со своим агентом, бывать на людях и вообще вести прежнюю светскую жизнь. Нет нужды перечислять все уловки, с помощью которых он находил в этом коловращении безопасные каналы для связи с Морданом — методы ведения интриги за тысячелетия изменились мало. Достаточно одного примера: Мордан снабдил Феликса адресом пневмопочты, на который — по утверждению арбитра — можно было безопасно направлять донесения; посылать их с собственного телефона было заведомо рискованно, и даже выбранный наугад городской телефон-автомат вполне мог оказаться подсоединенным к записывающей аппаратуре, так что кассеты с рапортами казалось предпочтительнее всего доверять анонимности почтовой системы.

Немало времени отбирала у Феликса и Лонгкот Филлис. Гамильтон готов был признать, что эта женщина заинтриговала его, но даже самому себе ни за что бы не сознался, что она представляет для него нечто большее, чем просто развлечение. А между тем легко можно было обнаружить его встречающим Филлис после работы. Дело в том, что, в отличие от многих, она работала по четыре часа в день, семь дней в неделю, сорок недель в год — психопедиатром в Уоллигфордском детском воспитательном центре.

Профессия ее до некоторой степени беспокоила Гамильтона: он не понимал, как может кто-нибудь добровольно возиться изо дня в день с оравой вопящих, прилипчивых маленьких чудовищ. Впрочем, во всех остальных отношениях она казалась вполне нормальной — нормальной и возбуждающей.

Все эти дни Гамильтон был слишком занят, чтобы интересоваться новостями, и потому не особенно внимательно следил за карьерой Дж. Дарлингтона Смита — «человека из прошлого». Он только знал, что Смит оставался сенсацией несколько дней — пока его не потеснили лунные собачьи бега и открытие (как выяснилось впоследствии, несостоявшееся) разумной жизни на Ганимеде.

В общественном мнении Смит вскоре оказался на одной полке с утконосом и мумией Рамзеса II — разумеется, все это интересные реликвии прошлого, но какой в этом повод для волнений? Конечно, явись Дж. Д. Смит в наши дни в результате столь часто обсуждаемого, но теоретически невозможного путешествия во времени, все могло бы обернуться совсем иначе, а так — что ж, просто странный случай приостановленной жизни... Для тех, кто вообще уделял внимание подобным вопросам, ауди-видеозапись того времени могла представлять ничуть не меньший интерес.

Как-то раз Гамильтон видел Смита — несколько минут в выпуске новостей. Говорил пришелец из прошлого с варварским акцентом и был облачен в свой древний костюм — мешковатые панталоны, названные его собеседником «брюками-гольф», и бесформенное вязаное одеяние, покрывавшее торс и руки.

Но все это ни в малейшей степени не подготовило Гамильтона к получению письма, имевшего к Дж. Дарлингтону Смиту непосредственное отношение. Суть послания, начинавшегося традиционным «Приветствую», сводилась к тому, что отправитель его, назначенный Институтом исполнять обязанности временного опекуна Дж. Д. Смита, просил Гамильтона оказать любезность и уделить час своего драгоценнейшего времени его подопечному. Никаких объяснений не приводилось.

В нынешнем своем смятенном состоянии Феликс вначале решил это послание проигнорировать. Но затем он сообразил, что такой поступок не будет соответствовать его прежнему поведению. Что ж, он посмотрит на этого варвара — из чистого любопытства.

В тот момент Гамильтон не был ничем занят и потому, позвонив в Институт и разыскав автора послания, договорился о немедленном визите Смита. Вспомнив о романтическом интересе своего друга к человеку из прошлого, он позвонил также и Монро-Альфе.

— Мне показалось, что вы захотите встретиться со своим примитивным героем.

— Моим героем?

— По-моему, именно вы живописали мне, из какого буколического рая он прибыл.

— Ах, вы об этом! Произошла небольшая путаница в датах. Смит из тысяча девятьсот двадцать шестого. Автоматика, похоже, уже начала тогда отравлять культуру.

— Значит, вам неинтересно повидать его?

— Нет, пожалуй, взглянуть все-таки стоит. Это был переходный период. Возможно, Смит еще успел увидеть собственными глазами что-нибудь из старой культуры. Я приеду — только могу немного опоздать.

— Вот и хорошо. Долгой жизни,— и Гамильтон отключился, не дожидаясь ответа.

Смит явился точно в назначенное время — и один. Одежда на нем была уже современная, но хорошим вкусом не отличалась. Вооружен он не был. При виде его повязки Гамильтон на мгновение заколебался, но затем решил обращаться с гостем как с равным: он почувствовал, что в подобных обстоятельствах дискриминация могла обернуться жестокостью.

— Меня зовут Джон Дарлингтон Смит,— представился визитер.

— Польщен вашим посещением, сэр.

— Ну что вы! Так любезно с вашей стороны...

— Я ожидал, что с вами кто-нибудь будет.

— А, вы имеете в виду мою няньку,— Смит мальчишески улыбнулся. Гамильтон подумал, что гость моложе его лет на десять — если не считать веков, проведенных в стасисе.— Я начинаю осваивать ваш язык и для самостоятельных поездок мне этого вроде хватает.

— Похоже на то,— согласился Гамильтон.— Тем более что в основе и там и тут — английский.

— Это не так уж трудно. Хотел бы я, чтобы язык оказался моей единственной трудностью.

Гамильтон пребывал в легком недоумении: как обращаться с гостем? Проявлять интерес к личным делам незнакомца было бы неэтично и даже небезопасно — если имеешь дело с вооруженным гражданином. Но этот парень, казалось, нуждался в дружеской откровенности.

— Что вас беспокоит, сэр?

— Многое. Но все это трудно объяснить. Здесь все по-другому.

— Разве вы не ожидали, что все здесь будет иначе?

— Я ничего не ожидал. Я не ожидал попасть... *в теперь*.

— Да? А я считал, что... Неважно. Вы хотите сказать, будто не знали, что входите в стасис?

— И знал, и не знал.

— Что вы этим хотите сказать?

— Ну... Вы могли бы выслушать пространную историю? Я рассказывал ее тысячу раз и знаю, что если попытаться сокращать, ничего хорошего не выйдет. Ее просто не понимают.

— Говорите.

— Мне придется начать издалека. Я окончил Восточный универ весной двадцать шестого и...

— Вы о чем?

— Ну вот! В те времена...

— Виноват. Лучше рассказывайте по-своему. Обо всем, чего я не пойму, спрошу потом.

— Может, так оно и впрямь лучше. Так вот, мне предложили хорошую работу: торговать облигациями — один из лучших домов на Стрит. Я был довольно хорошо известен — целые два сезона защитник в американской сборной.

Гамильтон сдержался, но сделал в уме по крайней мере четыре зарубки.

— Это большая честь для спортсмена,— торопливо пояснил Смит,— вы поймете. Но я не хочу, чтобы вы подумали, будто я был бездельником — футболистом. Конечно, братство мне помогало немного, но каждый полученный мною цент был заработан. И в летние каникулы работал. И я учился. Специализировался я на рентабельности производства. Образование получил неплохое — организация производства, финансы, экономика, торговля... Работу я и вправду получил потому, что меня выдвинул Грантленд Райс (я имею в виду, что футбол помог мне обрести известность), но я надеялся стать находкой для любой фирмы, которая меня наймет. Пока понятно?

— Конечно, конечно.

— Это важно, поскольку имеет прямое отношение к тому, что случилось потом. Не скажу, что я уже зарабатывал свой второй

миллион, но все было вполне прилично. Гладко продвигалось. В ночь, когда это произошло, я отмечал приятное событие: сбагрил пакет Южно-Американских республик...

— А?

— Облигаций. Хороший повод задать пирушку. Дело было субботним вечером, и все начинали с обеда и танцев в загородном клубе. Так уж повелось. Поприглядывался к девочкам, подходящей не нашел, а потому танцевать не стал — отправился вместо этого в гардероб раздобыть выпивки. Швейцар там приторговывал понемногу — надежным людям.

— Это напомнило мне...— Гамильтон вышел и секундой позже возвратился со стаканами и закуской.

— Спасибо. Тамошний джин был — чистый самогон, но обычно довольно безопасный. Только, похоже, не той ночью. Или, может, мне следовало все же пообедать. Как бы то ни было, вскоре я обнаружил, что прислушиваюсь к спору, который завязался в углу. Разглагольствовал один из этих салонных большевиков — может, у вас еще сохранился этот тип? Накидывайся на что угодно — лишь бы респектабельно и прилично.

Гамильтон улыбнулся.

— Знаете, да? Вот он из них и был. Не читал ничего, кроме «Американ Меркьюри» и «Юргена», но все знал и обо всем судил. Я человек без предрассудков и тоже это читал, да только верить не обязан. Я еще и «Литерари Дайджест» читал, и «Таймс» — куда они отродясь не заглядывали. Так вот, он поносил администрацию и предсказывал, что страна вот-вот полетит к чертям... развалится на кусочки. Ему не нравился золотой стандарт, была противна Уолл-стрит, и он считал, что мы должны списать военные долги. Я заметил, что кое-кому из наших членов клуба, кто посолиднее, вся эта болтовня надоела. И я ввязался. «Они,— говорю,— брали ведь кредиты, не так ли?» Он усмехнулся — скорее даже оскалился: «Вы, полагаю, голосовали за *него*?» «Разумеется,— ответил я, хотя это было и не совсем точно, потому что на самом деле я не успел зарегистрироваться (дело-то было в самый разгар футбольного сезона). Но не давать же ему безнаказанно скалиться на мистера Кулиджа! — А вы, полагаю, голосовали за

Девиса?» «Не угадали,— отвечает он.— За Нормана Томаса». Ну, тут я завелся. «Послушайте,— говорю,— таким, как вы, место только в Красной России. Может, вы еще и атеист? Вам посчастливилось жить в самое великое время и в самой великой стране. В Вашингтоне у нас администрация по-настоящему знает свое дело. Мы вернулись в первоначальное состояние и собираемся его сохранить. И нам не нужно, чтобы вы раскачивали лодку. Мы вышли на уровень непрерывного и неограниченного процветания. Поверьте, не стоит продавать Америку задешево!» Я заработал настоящий взрыв аплодисментов. «Похоже, вы верите в то, что говорите»,— замечает большевик. «А как же,— отвечаю,— я ведь работаю на Уолл-стрит». «Тогда с вами бессмысленно спорить»,— он махнул рукой и гордо удалился. Кто-то налил мне еще, и у нас завязался разговор. Это был приятный представительный человек — похоже, банкир или брокер. Я его не знал, но ведь всегда полезно завести новое знакомство. «Разрешите представиться,— говорит,— меня зовут Тадеуш Джонсон». Я представился в ответ. «Что ж, мистер Смит,— сказал он,— кажется, вы уверены в будущем страны». Я ответил, что безусловно. «Достаточно, чтобы побиться об заклад?» — «На любых условиях и на что угодно — хоть на деньги, хоть на мраморные шарики».— «Тогда у меня есть предложение, которое могло бы вас заинтересовать». Я навострил уши: «Какое?» «Не хотите ли немного прокатиться со мной? А то среди этих саксофонов и ошалевших от чарльстона детишек собственных мыслей не услышишь». Я не возражал: раньше трех ночи эти танцы все равно не заканчиваются, а глоток свежего воздуха мне не помешает. У Джонсона была длинная, низкая, шикарная «испано-сюиза». Класс! Должно быть, я задремал — и проснулся только, когда мы остановились возле подъезда. Он провел меня к себе, предложил выпить и рассказал о «стасисе» — только называл его «полем равной энтропии». И даже показал: проделал кучу всяких фокусов, сунул туда кошку — и оставил там, пока мы выпивали. Все было в порядке. «Это еще не все,— сказал он.— Даже не половина. Смотрите!» Он снова взял кошку и бросил ее туда, где было бы поле, будь оно включено. И когда кошка находилась как раз посреди этого пространства, Джонсон нажал кнопку. На этот раз мы подождали немного дольше. Затем он вырубил ток. *Кошка вылетела наружу, продолжая то же самое движение, что и до включения поля.* Она упала на пол, шипя и ругаясь. «Я просто хотел убедить вас, что внутри поля времени не существует. Энтропия там не накапливается. Кошка даже не знала, что включено поле». Потом он сменил тему. «Джек,— говорит,— какой будет страна через двадцать пять лет?» Я подумал и решил, что такой же. «Только,— говорю,— еще более такой».— «А как вы думаете, акции АТТ все еще будут надежным капиталовложением?» — «Конечно!» «Джек,— сказал он тихо,— вошли бы вы в это поле за десять акций АТТ?» — «На сколько?» — «На двадцать пять лет, Джек». Само собой, мне понадобилось время, чтобы решиться на такое дело. Десять АТТ меня не соблазнили; тогда он добавил десяток «Юнайтед Стейтс Стил». И положил все на стол. В том, что через четверть века эти акции будут стоить куда дороже, я был уверен — как в том, что сейчас сижу здесь; а ведь мальчику с еще тепленьким дипломом не часто достаются для игры синие фишки. Однако — четверть века! Это почти как смерть... Тогда он для пущего соблазна добавил еще десяток «Нейшнл Сити» — и на всех тридцати бумагах сделал передаточную надпись на мое имя. Тут я решился: «Ладно, мистер Джонсон, я попробую — только чур, на пять минут. Раз кошку это не убило — уж на столько и я задержу дыхание». «Конечно, Джек»,— отвечает он. Ну я и шагнул к тому месту на полу — пока еще смелость не испарилась. И по дороге заметил, как он потянулся к выключателю. Вот и все, что я знаю.

— Как? — Гамильтон Феликс резко выпрямился.— Как так?

— Это все, что мне известно,— подтвердил Смит.— Я только-только собрался сказать ему, чтобы он продолжал, как вдруг понял, что нахожусь уже не там. Комната была полна незнакомых людей — и это была другая комната. Я оказался *теперь*.

— По этому поводу стоит еще выпить,— заметил Гамильтон.

Они молча пропустили по стаканчику.

— Вся беда в том,— снова заговорил Смит,— что я совсем не понимаю этого мира. Я бизнесмен. Я и здесь хотел бы заняться бизнесом. Заметьте, я ничего против этого мира не имею; в этом времени вроде бы все о'кей, только я его не понимаю. И потому

заняться бизнесом не могу. Черт возьми, все тут работает как-то не так. Все, чему меня учили в школе, все, чему я выучился на Уолл-стрит,— совсем не похоже на то, как делается бизнес теперь.

— По-моему, нынешний бизнес не отличается от того, каким он был во все века — производство, продажа, покупка...

— И да, и нет. Я финансист — но, черт возьми, финансы сегодня окоселые.

— Я готов допустить, что детали несколько усложнились,— возразил Гамильтон,— однако основные принципы достаточно очевидны. Вот что: скоро сюда придет мой друг, он — главный математик Министерства финансов. Вот он-то вам все и объяснит.

— Меня и так уже до смерти замучили консультациями,— решительно затряс головой Смит.— Нынешние специалисты на такой тарабарщине изъясняются...

— Ну ладно,— вздохнул Гамильтон.— Попробую взяться за эту проблему сам.

— Правда? Пожалуйста!

Гамильтон задумался. Одно дело было поддразнивать чересчур серьезного Монро-Альфу, проезжаясь по адресу его «денежной машины»,— и совсем другое растолковывать роль финансов в экономике пришельцу с Арктура.

— Попробуем начать вот с чего,— проговорил он.— В основе всего лежат себестоимость и цена. Бизнесмен что-то производит. Это стоит денег — материалы, зарплата, строительство и так далее. Чтобы не прогореть, он должен эти затраты вернуть — за счет цены. Понимаете меня?

— Это очевидно.

— Прекрасно. Значит, наш с вами бизнесмен пустил в обращение некоторое количество денег — точно эквивалентное его затратам.

— Повторите еще раз.

— Э-э? Здесь же простое тождество. Деньги, которые он истратил, пустив в обращение, и *составляют его затраты.*

— А... а как насчет прибыли?

— Прибыль является частью его затрат. Не хотите же вы, чтобы он работал за так?

— Но прибыль — не затраты. Она... она *прибыль.*

— Будь по-вашему,— Гамильтон был несколько озадачен.— Затраты (это все, что вы называете затратами, плюс прибыль) должны равняться цене произведенного товара. Затраты и прибыль создают покупательную способность, чтобы приобрести продукт по эквивалентной им цене.

— Но... он же не покупает сам у себя!

— Одновременно он и потребитель. А значит, использует свою прибыль, чтобы заплатить за товар — как собственный, так и других производителей.

— Но ведь его продукт — его *собственность.*

— Теперь вы *и меня* запутали. Забудьте о том, что он может покупать и собственный товар. Предположим, он приобретает все необходимое у других бизнесменов. В конце концов, это то же самое. Давайте двигаться дальше. Производство автоматически запускает в обращение деньги — в количестве, необходимом, чтобы купить произведенный товар, *не больше и не меньше.* Но какая-то часть денег должна быть вложена в развитие производства. Существует также и надбавка к стоимости, с той же самой целью. Все это сокращает покупательную способность. И это сокращение компенсирует государство, выпуская новые деньги.

— Вот это меня и беспокоит,— заметил Смит.— Выпускать новые деньги — обязанность государства, но оно должно их чем-нибудь *обеспечивать,* например золотом или государственными облигациями.

— Но что же, бог мой, должен представлять собой символ — кроме своего номинального участия в процессе?

— Вы говорите так, словно деньги — простая абстракция.

— А что же еще?

Смит ответил не сразу. Две несхожих, по-разному ориентированных концепции столкнулись — и завели собеседников в тупик. Наконец «человек из прошлого» заговорил вновь, зайдя с другой стороны:

— Получается, что правительство попросту *отдает* эти новые деньги. Но это же чистая благотворительность! Это деморализует. Человек должен *зарабатывать* то, что получает. Но даже

если оставить этот аспект в стороне, все равно вы не можете таким образом управлять экономикой. Правительство не может только отдавать и не получать никакого дохода, ведь правительство — это то же самое, что и фирма.

— Почему? Между государственным управлением и бизнесом нет ничего общего. Они существуют для совершенно разных целей.

— Но это же нелогично! Это ведет к банкротству. Почитайте Адама Смита...

— А кто это? Ваш родственник?

— Нет, он... О боже!..

— Прошу прощения?..

— Бесполезно,— обреченно проговорил Смит.— Мы говорим на разных языках.

— Боюсь, трудность действительно в этом. Полагаю, вам стоит обратиться к консультанту по семантике.

— Как бы то ни было,— заметил Смит стаканчиком позже,— я пришел к вам не для консультации по проблеме финансов. Меня привело другое.

— Что же?

— Видите ли, я уже понял, что финансистом здесь стать не смогу. Но я хочу работать — каким-нибудь способом делать деньги. Здесь все богаты — кроме меня.

— Богаты?

— По крайней мере выглядят богатыми. Дорого одеты. Хорошо питаются. Черт возьми, здесь раздают пищу — это абсурдно!

— Но почему бы вам не жить на дивиденды? К чему беспокоиться о деньгах?

— Можно, конечно, но я хочу работать. Кругом полно возможностей для хорошего бизнесмена: меня с ума сводит, что я не могу за них ухватиться; как подступиться, не знаю. Но есть одна область, которую я хорошо знаю помимо финансов. И я надеюсь, что вы могли бы мне подсказать, как на этом заработать.

— Что же это?

— Футбол.

— Футбол?

— Именно. Мне сказали, что вы большой спец по играм. «Игорный магнат» — так они вас окрестили.— Гамильтон не прореагировал на такую оценку, и Смит продолжал: — А футбол — это игра. И если правильно за нее взяться, она должна принести деньги.

— Расскажите поподробнее.

Смит пустился в пространное описание, чертя по ходу дела диаграммы, объясняя, что такое нападение, защита, блок, передача. Он рассказывал о толпах болельщиков, о продаже билетов, о тотализаторе.

— Звучит все это красиво,— согласился Гамильтон.— Сколько убитых за один матч?

— Убитых? Но никого же не убивают — травмы, конечно, случаются: сломанная ключица или еще что-нибудь, но не страшнее.

— Это можно изменить. И не лучше ли облачить защитников в доспехи? Иначе их придется заменять после каждой комбинации...

— Да нет же, вы не понимаете... Это... ну...

— Полагаю, вы правы,— согласился Гамильтон.— Я никогда не видел этой игры. Она не совсем по моей части. Обычно я занимаюсь механическими играми — машинами, на которые делают ставки.

— Значит, футбол вас не интересует?

Гамильтона это не заинтересовало. Но, взглянув на разочарованное лицо юноши, он решил быть с ним помягче.

— Это интересно, но не по моей части. Я сведу вас с моим агентом. Думаю, он что-нибудь сообразит. Предварительно я с ним поговорю...

— Я вам очень благодарен.

— Договорились? Мне это не составит труда.

Когда аннунциатор сообщил о приходе посетителя, Гамильтон впустил Монро-Альфу и *sotto voce** попросил общаться со Смитом как с равным себе вооруженным гражданином. После довольно длительного церемониального обмена любезностями Клиффорд с энтузиазмом начал:

— Насколько я понимаю, вы из промышленного города?

— В основном я действительно городской, если вы это имеете в виду.

*«вполголоса» — *итал.*

— Да, я подразумевал именно это. Жаль. Я надеялся, что вы сможете рассказать что-нибудь о той простой и прекрасной жизни, которая вымирала как раз в это время.

— О чем вы говорите? Жизнь в деревне?

Монро-Альфа коротко набросал ослепительный образ сельского рая, каким он его видел. Смит выглядел крайне озадаченным.

— Мистер Монро, или я здорово ошибаюсь, или кто-то нагородил вам кучу вздора. В этой вашей картине нет ничего похожего на то, что я видел.

На лице Клиффорда появилась чуть покровительственная улыбка.

— Так ведь вы же обитали в городе. Естественно, что эта жизнь вам незнакома.

— То, что рисуется вам, мне действительно незнакомо, но о сельской жизни я кое-что знаю. Два лета я работал на уборке урожая, а все детство и все летние, и рождественские каникулы проводил на ферме, на природе. Так вот имейте в виду; если вы воображаете, что жизнь *per se**, напрочь лишенная цивилизации, романтична и привлекательна, вы глубоко ошибаетесь. Имейте в виду, что вам пришлось бы морозным утром мчаться на двор в уборную — двухдырковую! А попробовали бы вы приготовить обед на дровяной плите!

— Но все это должно было стимулировать развитие в человеке жизненных сил! Это же основы естественной борьбы с природой...

— А вам мул никогда не наступал на ногу?

— Нет, но...

— Попробуйте как-нибудь. Честное слово, я не хочу показаться нахалом, но у вас где-то проводки перепутались. Простая жизнь хороша на несколько дней, на каникулах, но изо дня в день — это просто тяжкая, ломовая работа. Романтика? Да черт побери, нет там времени ни для какой романтики. И стимулирующего тоже чертовски мало.

Улыбка Монро-Альфы сделалась несколько принужденной.

— Возможно, мы говорим о разных вещах. Вы все-таки явились из эпохи, когда преувеличенные представления о роли машин уже извратили естественную жизнь. Ваши критерии уже были искажены.

*«само по себе, без примеси» — *лат.*

— Не хотел вам этого говорить,— начал понемногу распалятся Смит,— но вы понятия не имеете, о чем идет речь. Убогая деревенская жизнь в мое время становилась понемногу более сносной, по мере того как ее обеспечивала цивилизация. Да, у фермера еще не было водопровода и электричества, но в его распоряжении находился «Сирс Робак» и все, что с этим связано.

— У них было — что? — переспросил Гамильтон.

Смиту потребовалось некоторое время, чтобы объяснить механизм торговли по почте.

— А то, о чем вы ведете речь, мистер Монро,— это отказ от всего. Вы представляете себе этакого благородного дикаря, простого и самодостаточного. Но когда ему надо срубить дерево — *кто продал ему топор*? А когда он собрался застрелить оленя — *кто сделал ружье*? Нет, мистер Монро, я знаю, о чем говорю,— я изучал экономику...

«И *это* он говорит Монро-Альфе»,— с трудом сдерживая улыбку, подумал Гамильтон.

— Никогда не было, да и быть не могло,— продолжал тем временем Смит,— того благородного и благообразного типа, которого вы тут описывали. Это был бы невежественный дикарь, грязный и завшивленный. Только для того, чтобы попросту выжить, ему пришлось бы вкалывать по шестнадцать часов в день. Спал бы он в убогой хижине на земляном полу. Интеллект его разве что на пару шагов опережал бы животное...

Когда дискуссия была прервана новым звонком аннунциатора, возвестившим появление еще одного гостя, Гамильтон почувствовал облегчение. Это было как раз вовремя — у Клиффа даже губы побледнели. Он был не в состоянии принять того, что говорил Смит. И, черт возьми, этого следовало ожидать. Феликс не уставал удивляться, как может столь одаренный математик, каким, без сомнения, являлся Монро-Альфа, одновременно быть таким остолопом в человеческих делах.

Экран показал Мак-Фи Норберта. Гамильтон был бы рад не принять его, но это было бы неразумно. Этот подонок обладал

отвратительной привычкой навещать своих подчиненных, и хотя Гамильтона такое поведение возмущало, поделать он с этим ничего не мог — пока.

Мак-Фи повел себя достаточно пристойно — для Мак-Фи. Было видно, что Монро-Альфа, чье имя и положение были ему прекрасно известны, произвел на брата Норберта некоторое впечатление, хотя он и старался не выказывать этого. К Смиту же он отнесся высокомерно и покровительственно.

— Итак, вы человек из прошлого? Ну-ну, это забавно. Однако вы не слишком хорошо рассчитали.

— Что вы хотите этим сказать?

— А, это был бы уже целый рассказ. Но лет через десять времена, возможно, изменятся к лучшему — не правда ли, Гамильтон? — Норберт рассмеялся.

— Может быть, — ответил Гамильтон, пытаясь отвлечь внимание Мак-Фи от Смита.— Вам лучше обсудить это с Монро-Альфой. Он полагает, что мы можем улучшить жизнь.

Гамильтон тут же пожалел о своих словах, потому что Мак-Фи со внезапно вспыхнувшим интересом повернулся к Монро-Альфе.

— Интересуетесь социальными проблемами, сэр?

— Да, некоторым образом.

— Я тоже. Может, встретимся и поговорим?

— С удовольствием. Но теперь, Феликс, я должен вас покинуть.

— И я тоже,— быстро сказал Мак-Фи.— Может быть, я вас подвезу?

— Не беспокойтесь.

— Вы хотели меня видеть? — поспешил вмешаться Гамильтон.

— Ничего существенного. Надеюсь увидеть вас вечером в клубе.

Гамильтон понял смысл, вложенный в эту фразу: это был прямой приказ явиться в удобное для Мак-Фи время. Норберт вновь повернулся к Монро-Альфе.

— Мне это ничего не стоит. Нам по пути.

Гамильтон наблюдал за их совместным уходом со смутным беспокойством.

Глава VII
«Сожгите его на месте!»

Заглянув в приемную воспитательного центра, Лонгкот Филлис кивнула Гамильтону:

— Хелло, Филти!

— Привет, Фил.

— Подождите минутку — я только переоденусь.

Она была облачена в глухой комбинезон со шлемом; респиратор свободно болтался на груди.

— О'кей.

Вскоре она вернулась — в более общепринятом и чисто женском одеянии, причем без оружия. Гамильтон посмотрел на нее с одобрением.

— Так-то лучше. Что это был за маскарад?

— Маскарад? А, вы имеете в виду асептическую форму? У меня теперь новая работа — с дикорожденными. С ними надо обращаться ужасно осторожно. Бедные малыши!

— Бедные?

— Вы знаете, почему. Они подвержены инфекциям. Мы не можем позволить им кувыркаться в грязи вместе с остальными. Маленькая царапина — и может случиться все, что угодно. Приходится даже стерилизовать их пищу.

— К чему столько хлопот? Почему бы не дать слабым вымереть?

Филлис казалась раздосадованной.

— Я могла бы ответить формально — что не прошедшие генетического отбора дети являются бесценным справочным материалом для науки. Но я скажу иначе: все они — человеческие существа. Они так же дороги своим родителям, как вы были дороги своим, Филти.

— Простите. Я не знал своих родителей.

Филлис посмотрела на Гамильтона с неожиданным раскаянием.

— О, Феликс, я забыла!

— Неважно. И вообще,— продолжал он,— я никогда не мог понять, почему вы хотите похоронить себя в этом обезьяннике. Это же — смертельное дело!

— Ну-ну. Дети забавны. И доставляют не слишком много хлопот. Корми их — временами, помогай — когда нужно, а главное, люби — все время, не переставая. Вот и все.

— Лично я всегда был сторонником теории дырки с затычкой.

— Чего-чего?

— Вы берете младенца и кладете в бочку. Через дырку вы его кормите, а когда ему стукнет семнадцать — вставляете в нее затычку.

— Знаете, Феликс,— улыбнулась девушка,— для славного малого у вас слишком гадкое чувство юмора. А если серьезно, то ваш метод упускает самую существенную часть детского воспитания — ласку, которую он получает от своих нянек.

— Что-то я не могу припомнить ничего подобного. Я всегда полагал, что в основе воспитания детей лежит забота об их физических нуждах, во всем же остальном их следует предоставить самим себе.

— Вы здорово отстали. Такое мнение бытовало, но было глупым — антибиологичным.

Филлис пришло в голову, что ошибочные взгляды у Гамильтона могли возникнуть из-за того, что он испытал на себе применение этой вышедшей из моды и совершенно безосновательной теории. Обычно от нее уберегал детей естественный материнский инстинкт, однако случай Гамильтона был особенным. Филлис с болью ощущала в нем самое трагическое явление — ребенка, так и не покинувшего воспитательный центр. Когда среди ее собственных питомцев встречались подобные исключения, она окружала их особой, может быть, даже чрезмерной любовью. Однако Гамильтону она об этом ничего не сказала.

— Как вы думаете,— продолжала она вслух,— почему животные вылизывают своих малышей?

— Наверное, чтобы почистить их.

— Ерунда! Вы не можете требовать от животного, чтобы оно оценивало степень чистоты. Это просто ласка, инстинктивное выражение любви. Так называемые инстинкты весьма поучительны, Филти. Они указывают на ценности, способствующие выживанию.

Гамильтон лишь пожал плечами.

— Мы пришли.

Они вошли в ресторан — платный, разумеется, и направились в зарезервированный для них отдельный кабинет. К трапезе оба приступили молча. Свойственный Гамильтону сардонический юмор на этот раз был подточен копошившимися в глубине сознания мыслями. Он по легкомыслию ввязался в эту историю с «Клубом выживших», а теперь она стала приобретать оттенок, немало его тревоживший. Феликсу не пришлось по душе, чтобы Мордан — или, вернее, правительство — поскорее приступили бы к *действиям*.

Ему не удалось выдвинуться внутри организации так быстро, как он рассчитывал. Заговорщики стремились использовать его, были готовы просить у него денег и принять их, но ясной картины всей сети заговора он пока так и не получил. Он не знал даже, кому подчиняется Мак-Фи Норберт, понятия не имел о численности организации в целом.

А между тем ходить по канату становилось все труднее.

Не так давно он получил возможность убедиться, что организация гораздо старше и намного разветвленнее, чем он предполагал.

Одним из последних актов приобщения к Новому Порядку стала поездка, в которой Гамильтона сопровождал лично Мак-Фи Норберт.

В месте, расположение которого было тщательно скрыто от Феликса, ему позволили ознакомиться с результатами тайных генетических экспериментов.

Ужасные маленькие чудовища!

Сквозь зеркальное стекло он увидел детей, которых с трудом можно было назвать человеческими — их зародышевые жабры искусственно сохранили и развили. Жуткие амфибии в равной

степени чувствовали себя дома и в воде, и на воздухе — только им всегда была нужна влажная атмосфера.

— Пригодятся на Венере, как вы думаете? — прокомментировал Мак-Фи и продолжил: — Мы слишком поторопились с выводом, будто остальные планеты Солнечной системы для нас бесполезны. Разумеется, лидеры в большинстве своем будут жить на Земле, однако вспомогательные группы после соответствующей адаптации смогут постоянно находиться на любой из планет. Напомните, чтобы мы показали вам типы, выведенные для радиоактивной среды и для небесных тел с малым тяготением.

— Любопытно взглянуть,— правдиво, но не слишком уверенно откликнулся Гамильтон.— Кстати, а где вы получаете исходный материал?

— Неуместный и не относящийся к делу вопрос, однако я вам отвечу. По типу вы относитесь к лидерам, и рано или поздно вам придется узнать все. Мужскую сперму мы поставляем сами, а женщин, как правило, отлавливаем среди дикарей.

— Но не означает ли это, что материал плох?

— Да, конечно. Но ведь это лишь первые эксперименты. Ни один из этих опытных образцов не будет сохранен. Вот когда мы придем к власти — другое дело. В нашем распоряжении окажется самый лучший материал — для начала ваш, например.

— Разумеется,— Гамильтон не стал развивать этой темы.— Однако мне ничего не известно о ваших планах относительно дикарей.

— А их и незачем обсуждать с младшими членами. Кое-кого мы оставим для экспериментов, остальные же с течением времени будут ликвидированы.

«Четкий и радикальный план,— подумал Гамильтон.— Разрозненные племена Евразии и Африки, с трудом пробивающиеся обратно к цивилизации после бедствий Второй войны и приговоренные — их согласия никто не спрашивал — к лабораторным опытам или к смерти...» Он решил отрезать уши Мак-Фи по кусочкам.

—...Возможно, и не самый впечатляющий экземпляр,— продолжал тем временем Мак-Фи, двигаясь дальше. Экспонат представлял собой идиота-гидроцефала, но такого уродства Гамильтон не видывал отродясь: перед ним был явно больной ребенок с огромным черепом-переростком.— Тетраплоидный тип,— продолжал пояснять Мак-Фи,— у него девяносто шесть хромосом. Мы полагали, будто в этом кроется секрет супермозга, однако ошиблись. Теперь наши генетики на правильном пути.

— Почему же вы его не убьете?

— Со временем. А пока он дает возможность узнать кое-что новое.

Было там и многое другое — такое, о чем впоследствии Гамильтон предпочитал не вспоминать. Он понимал, что если ухитрится пройти через это испытание, не выдав ничем своих истинных чувств,— это будет большой удачей.

Предполагаемое истребление дикарей навело его на мысль о другом. Чрезвычайно любопытно, что странное появление Джона Дарлингтона Смита оказало косвенное влияние на намерения «Клуба выживших». Железная логика планов Нового Порядка автоматически подразумевала уничтожение неработоспособных и бесполезных дикорожденных детей — да и взрослых тоже; они должны были составить компанию синтетистам, непокорным генетикам и вообще всякой «контре».

По отношению к этим последним планы лидеров заговора не пробуждали сколько-нибудь значительной оппозиции, однако многие из членов клуба питали сентиментальную нежность к дикорожденным. На них смотрели с той смесью родительской любви и пренебрежения, с какой представители правящего класса нередко взирают на «низшие расы». Неразрешимость этой проблемы отдаляла наступление часа «ноль» Перемены.

Адирондакский стасис послужил ключом.

Об изменениях в тактике Мак-Фи объявил на заседании клуба вечером того самого дня, когда Гамильтона посетил Дарлингтон Смит. Дикорожденным — и детям, и взрослым — предстояло быть помещенными в стасис на неопределенный срок. Это была гуманная акция — пленникам не причинят никакого вреда, а в отдаленном будущем они даже будут освобождены. После собрания Мак-Фи поинтересовался у Гамильтона, что он думает об этом плане.

— Вероятно, он окажется популярным,— согласился Гамильтон.— Но что с ними делать после освобождения?

Сначала Мак-Фи удивился, а потом рассмеялся.

— Но мы же с вами практичные люди,— негромко проговорил он.

— Вы имеете в виду...

— Конечно. Только держите рот на замке.

Филлис решила, что пришла пора прервать мрачные размышления Гамильтона.

— Что вас грызет, Филти? — спросила она.— Вы и двух слов не проронили с тех пор, как мы здесь.

Вздрогнув, он вернулся к действительности.

— Пустяки,— солгал он, подавив желание рассказать ей обо всем.— Вы и сами были не слишком разговорчивы. Что у вас на уме?

— Я только что выбрала имя для нашего сына,— призналась она.

— Боже милостивый! А не находите ли вы, что это несколько преждевременно? По-моему, вы прекрасно знаете, что у нас никогда не будет детей.

— Это еще вопрос.

— Хм-м-м! — протянул Гамильтон.— И какое же имя выбрали вы для этого гипотетического отпрыска?

— Теобальд — «Смелый ради народа»,— мечтательно произнесла она.

— «Смелый ради...» Лучше пусть будет Джабез.

— Джабез? Что это значит?

— «Он принесет горе».

— «Он принесет горе»! Филти, вы невыносимы!

— Знаю. Почему бы вам не махнуть на все рукой, бросить шумный детский питомник и не соединиться со мной?

— Повторите помедленнее.

— Я предлагаю вам составить со мной пару.

Она казалась озадаченной.

— Что именно вы имеете в виду?

— Решайте сами. *Ортожена*, партнерша, любовница, зарегистрированный компаньон, законная жена — любой контакт по вашему усмотрению.

— И чему же,— проговорила она, растягивая слова,— я должна приписать эту неожиданную перемену в ходе ваших мыслей?

— Не так уж она неожиданна. Я думал об этом с тех самых пор... с того момента, когда вы попытались меня застрелить.

— Тут что-то не так. Две минуты назад вы заявили, что Теобальд не только гипотетичен, но и невозможен.

— Минуточку,— поспешно возразил Гамильтон,— я ни слова не говорил о детях. Это — вопрос отдельный. Я говорил о нас.

— Ах так? Тогда поймите, мастер Гамильтон, что я никогда не выйду замуж за человека, который рассматривает брак просто как сверхразвлечение,— с этими словами Филлис с деловым видом вернулась к прерванной разговором трапезе.

На несколько минут воцарилось глубокое молчание. Нарушил его Гамильтон.

— Вы обиделись?

— Нет. На крыс не обижаются.

— Это я тоже знаю.

— Вот и хорошо. Проводите меня?

— Хотел бы, но сегодня не могу.

Расставшись с Филлис, он прямиком направился в Дом Волчицы. На этот вечер было назначено общее собрание — причины указаны не были, но отказы ни по каким причинам во внимание не принимались. Вдобавок это было первое собрание, на котором Гамильтону предстояло присутствовать в новом, недавно обретенном качестве командира отделения.

Двери клубной гостиной были распахнуты. Несколько собравшихся членов в полном соответствии с инструкцией вели себя в меру весело и шумно. Возможно, среди них затесались даже несколько непосвященных. Пока ничего важного не происходило, их присутствие являлось даже желательным, а потом их ненавязчиво спровадят.

Войдя и обменявшись кое с кем приветствиями, Гамильтон нацедил себе кружку пива и уселся наблюдать, как стрелки метают в цель дарты в одном из углов гостиной.

Глава VIII
«Ты со мной в первозданном краю...»

— Феликс! В чем дело? Что с вами?

На лице Монро-Альфы было написано столь искреннее, неподдельное изумление, такая святая невинность, что на мгновение Гамильтон пришел в замешательство. Возможно ли, чтобы Монро-Альфа был таким же правительственным агентом, как и он? И мог ли Клиффорд знать, что Гамильтон является агентом?

— Минутку,— сказал он мрачно.— Какую роль вы играете во всей этой истории? Вы лояльный член «Клуба выживших»? Или проникли в него как шпион?

— Шпион? Вы думали, я шпион? И поэтому отобрали у меня оружие?

— Нет,— яростно возразил Гамильтон.— Я боялся, что вы *не шпион*.

— Но...

— Послушайте *Я — шпион*. Я участвую в этом деле, чтобы развалить его. И, черт возьми, будь я настоящим шпионом, я мимоходом оторвал бы вам голову и продолжал бы свое дело. Вы мне все испортили, идиот несчастный!

— Но... но, Феликс... Я знал, что и вы в этом участвуете. Это послужило одним из доводов, убедивших меня. Я ведь знал, что вы не...

— Ну что ж, я и «не»! И в какое положение это ставит теперь вас? Где вы теперь? Со мной или против меня?

Монро-Альфа перевел взгляд с лица Гамильтона на бластер в его руке, потом снова посмотрел Феликсу в глаза.

— Вперед! Стреляйте!

— Не валяйте дурака!

— Стреляйте! Может, я и дурак, но не предатель.

— Не предатель? Вы? Вы уже предали — нас всех.

— Я рожден в этом обществе,— Монро-Альфа покачал головой,— но я его не выбирал и не обязан быть лояльным по отношению к нему. Здесь же я увидел образ достойного общества. И не пожертвую им ради спасения собственной шкуры.

В сердцах Гамильтон выругался.

— Упаси нас боже от идеалистов! И вы предоставите этой банде крыс возможность управлять страной?

Телефон мягко, но настойчиво проговорил:

— Кто-то вызывает. Кто-то вызывает. Кто-то...

Ни один из собеседников не обратил внимания на этот призыв.

— Они не крысы. Они предлагают построить воистину научное общество — и я за него. Возможно, перемена и будет слишком жесткой, но тут уж ничего не поделаешь. Ведь это — перемена к лучшему...

— Хватит. Мне некогда дискутировать с вами об идеологиях.

Гамильтон сделал шаг по направлению к наблюдавшему за каждым его движением Монро-Альфе и неожиданно, не отрывая взгляда от лица Клиффорда, резким движением ударил его ногой в пах.

— Кто-то вызывает. Кто-то вызывает...

Спрятав бластер, Феликс склонился над беспомощным Монро-Альфой и жестко ударил его прямыми пальцами в солнечное сплетение, парализуя диафрагму. Потом он подтащил Клиффорда к самому телефону — так, чтобы тот не попадал в поле зрения, коленом уперся ему в поясницу, а левой рукой схватил за горло.

— Не шевелиться! — предостерег он, правой рукой нажимая на клавишу. Лицо его было придвинуто к самому объективу, чтобы неизвестный собеседник не мог ничего больше разглядеть. На экране возникло лицо Мак-Фи Норберта.

— Гамильтон? Какого черта вы там делаете?

— Я проводил Монро-Альфу домой.

— Это прямое неповиновение. И вы за него ответите — позже. Где Монро-Альфа?

Гамильтон выдал краткое, насквозь ложное, но более или менее правдоподобное объяснение.

— Самое подходящее время для всего этого,— прокомментировал Мак-Фи.— Передайте ему: он освобожден от обязанностей.

Прикажите ему убраться как можно дальше и оставаться там ближайшие сорок восемь часов. Я решил не рисковать.

— Правильно,— поддержал Гамильтон.

— А вы — вы понимаете, что едва не пропустили адресованный вам приказ? Вы должны начать действовать на десять минут раньше, чем остальной отряд. Приступайте.

— Немедленно?

— Немедленно.

Гамильтон выключил телефон. На всем протяжении разговора Монро-Альфа безостановочно пытался освободиться, так что под конец Феликс оказался вынужден посильнее надавить коленом ему на спину, одновременно еще крепче стиснув горло. Однако такое положение вещей не могло продолжаться до бесконечности. В конце концов он несколько ослабил хватку.

— Слышали приказ?

— Да,— с трудом прохрипел Монро-Альфа.

— Вам придется его выполнить. Где ваша машина?

Ответа не последовало. Гамильтон злобно надавил коленом.

— Отвечайте! На крыше?

— Да.

Не говоря ни слова больше, Гамильтон извлек из кобуры свой тяжелый револьвер и рукояткой ударил Монро-Альфу чуть позади правого уха. Голова дернулась, а затем мягко обвисла. Гамильтон повернулся к телефону и набрал личный номер Мордана. С тревогой он ожидал, пока электроника вела охоту, боясь получить ответ: «Нигде не найти». И облегченно вздохнул, когда вместо этого аппарат доложил: «Вызываю».

Прошла вечность — по меньшей мере секунды три или четыре, пока на экране появилось, наконец, лицо арбитра.

— О, хелло, Феликс!

— Клод, время настало! Началось.

— Да, знаю. Потому я и здесь,— только теперь Гамильтон обратил внимание, что позади лица Мордана на экране виден его служебный кабинет.

— Вы — *знали*?

— Да, Феликс.

— Но... Ладно. Я отправляюсь к вам.

— Да, конечно,— и Мордан отключился.

Гамильтон мрачно подумал, что еще один такой сюрприз — и он начнет отдирать тени от стен. Однако времени беспокоиться о подобной перспективе не было. Он бросился в спальню Клиффорда и сразу же нашел то, что искал,— маленькие розовые капсулы, при помощи которых Монро-Альфа спасался от бессонницы. Вернувшись в кабинет, Феликс быстро осмотрел друга. Тот по-прежнему пребывал в глубоком обмороке.

Подхватив Клиффа на руки, Гамильтон вышел в коридор и направился к лифту. Встретившийся по пути сосед Монро-Альфы изумленно воззрился на него.

— Ш-ш-ш, вы его разбудите,— негромко проговорил Гамильтон.— Будьте любезны, откройте лифт.

Во взгляде гражданина промелькнуло сомнение, однако он пожал плечами и выполнил просьбу.

Гамильтон без труда разыскал маленькую авиетку Монро-Альфы, извлек из кармана Клиффорда ключ и открыл машину. Свалив свою ношу на сиденье, он ввел в автопилот адрес клиники и нажал клавишу пуска ротора. На данный момент он сделал все что мог — полет над городом на автопилоте был быстрее, чем на ручном управлении. Правда, пройдет не меньше пяти минут, прежде чем он доберется до Мордана, но даже в этом случае ему удастся сэкономить добрых десять — по сравнению с наземным транспортом. Это до некоторой степени компенсировало потерю времени на возню с Монро-Альфой.

Тем временем тот понемногу начал шевелиться. Гамильтон достал из шкафчика чашку, а из холодильника — флягу с водой. Растворив три капсулы, он протянул чашку Монро-Альфе. Клиффорд никак не реагировал, и Гамильтону пришлось похлопать его по щеке. Наконец Монро-Альфа выпрямился на сиденье.

— В-вшеммдело? — проговорил он.— Перестаньте. Что случилось?

— Выпейте,— Гамильтон поднес ему чашку к губам.

— Что стряслось? У меня болит голова.

— И должна — вы здорово стукнулись. Выпейте это. Полегчает.

Монро-Альфа послушно уступил. Гамильтон некоторое время наблюдал за ним, гадая, не придется ли снова оглушить Клиффорда, если память вернется к нему прежде, чем начнет действовать снотворное. Однако Монро-Альфа не проронил больше ни слова; он по-прежнему выглядел оглушенным, а вскоре крепко заснул.

Авиетка мягко приземлилась.

Гамильтон поднял панель коммуникатора, засунул ногу внутрь и надавил. Раздался аппетитный звук хрустящего стекла и рвущихся проводов. Потом Феликс запрограммировал автопилот на полет в южном направлении, не оговорив никакого пункта назначения, и вышел наружу. Обернувшись, он протянул руку к клавише ротора, но заколебался и не нажал ее. Снова войдя в машину, он вытащил из автопилота ключ, вышел опять, включил ротор и пригнулся. Стоило ему захлопнуть дверцу, как маленькая машина взмыла вверх, занимая свой крейсерский горизонт.

Гамильтон не стал ждать, пока она скроется из глаз, повернулся и зашагал вниз по лестнице.

Монро-Альфа проснулся с пересохшим ртом, мучительной пульсацией в голове, рвотным спазмом в желудке и предчувствием надвигающейся беды — все это он ощутил именно в такой последовательности.

Он знал, что находится в воздухе, в собственной авиетке, один, но никак не мог сообразить, как и почему здесь очутился. Во сне его мучили какие-то кошмары — кажется, они имели к этому некоторое отношение. Он должен был что-то сделать.

Это был День — День перемены! Вот это что такое!

Но почему он здесь? Он должен быть со своим отделением. Нет. Нет. Мак-Фи сказал...

Но что же он такое сказал? И где Гамильтон? *Гамильтон — шпион!* Гамильтон собирается их всех предать! Надо было немедленно известить об этом Мак-Фи. Где он? Неважно — главное его вызвать.

Тогда-то Монро-Альфа и обнаружил, что коммуникатор сломан. А яркий солнечный свет снаружи подсказал ему, что уже поздно — слишком поздно. К чему бы ни привело предательство Гамильтона — оно уже свершилось. Слишком поздно.

Разрозненные кусочки воспоминаний понемногу начали вставать на места. Монро-Альфа вспомнил неприятную встречу с Гамильтоном, поручение Мак-Фи, драку... Очевидно, от удара он потерял сознание. Теперь ему не оставалось ничего другого, как вернуться, обратиться к своему командиру и признаться в собственной неудаче.

Нет. Мак-Фи приказал ему убраться подальше и двое суток не показываться. Он обязан повиноваться. Целое больше любой из своих частей.

Но ведь этот приказ недействителен — Мак-Фи не знал о Гамильтоне.

Теперь он уже знает — в этом можно не сомневаться. А значит, приказ действителен. Как это сказал Мак-Фи: *«Я решил не рисковать»*?

Они ему не доверяли. Даже Мак-Фи принимал его за того, кем он и является — неуклюжий идиот, который (будьте уверены!) все на свете умудрится сделать не так и не тогда.

Он вообще никогда ни на что не годился. Все, на что он пригоден,— это проделывать разные немудрящие фокусы с цифрами. Он и сам прекрасно понимал это. Понимал это и каждый встречный. Это понимала Хэйзел. Встретив девушку, которая ему по-настоящему понравилась, он не придумал ничего лучше, чем сбить ее с ног. Понимал это и Гамильтон. Гамильтон даже не снизошел до того, чтобы убить его,— даже смерти он не удостоился.

По-настоящему в нем не нуждались и в «Клубе выживших» — даже в трудный момент. Они лишь хотели, чтобы он оказался в их распоряжении, когда настанет пора организовать учет при Новом Порядке. Именно об этом говорил с ним Мак-Фи, интересуясь,

справится ли он с такой задачей. Разумеется, справится. Вот и все, что он представлял собой,— просто-напросто клерк.

Ну что ж, раз им нужно от него именно это — он возмется за это. Он не гордый. Все, о чем он просит, это право служить. Правильно поставить систему учета в государстве коллективистского типа — задача не из сложных. Она не потребует много времени. А тогда он станет уже совсем бесполезен, и это послужит ему оправданием, если он захочет надолго уснуть.

Несколько утешившись сеансом полного самоуничижения, Монро-Альфа встал, прополоскал рот, выпил добрый литр воды и почувствовал себя немного лучше. Пошарив в холодильнике, он обнаружил там банку томатного соку, выпил и ее тоже, после чего ощутил себя почти человеком, хотя и пребывающим в глубокой меланхолии.

Затем он попытался определить свое местонахождение. Машина парила, пролетев на автопилоте максимально допустимое расстояние. Земля внизу была скрыта тучами, хотя там, где находилась авиетка Клиффорда, сияло яркое солнце. Автопилот выдал Монро-Альфе широту и долготу этого места, а по карте он определил, что находится над горами Сьерра-Невады, почти точно над парком гигантских секвой.

Это вызвало мимолетный интерес Монро-Альфы. «Клуб выживших» — в своем публичном, для всех открытом качестве — провозгласил своим почетным президентом дерево «Генерал Шерман». «Отменная шутка,— подумал Клиффорд,— живое существо, идеально приспособленное к своей среде, старейшее на Земле и едва ли не бессмертное...»

Поврежденный автопилот заставил его призадуматься. Конечно, лететь можно и на ручном управлении, но в потоки движения над столицей при всем желании не впишешься, пока не заработает автоматика. Значит, надо найти какой-нибудь маленький городок...

Хотя нет — Мак-Фи приказал ему убраться подальше и двое суток не появляться на глаза, а брат Норберт всегда знал, что говорил. Стоит Монро-Альфе появиться в каком-нибудь городишке, и он даже против воли может оказаться вовлеченным в военные действия.

Даже самому себе Монро-Альфа не признался бы, что дело не только в приказе, что боевой пыл в нем как-то иссяк, а слова Гамильтона посеяли сомнения в душе.

И все-таки с автопилотом надо было что-то делать. Собственно, ремонтная станция может оказаться и в Парке — если учесть непрерывный поток туристов. Здесь Перемена не может вызвать никаких сражений.

Монро-Альфа включил «туманное» зрение и устремился вниз.

Едва авиетка приземлилась, к ней направилась одинокая фигура.

— Парк закрыт,— объявил человек, приблизившись настолько, чтобы не надо было напрягать голос.— Здесь нельзя оставаться.

— У меня авария,— отозвался Монро-Альфа.— А почему закрыт Парк?

— Понятия не имею. Какая-то заваруха там, внизу. Уже несколько часов назад всех егерей мобилизовали и направили на спецзадание, а нам пришлось выпроводить туристов. Кроме меня, тут не осталось никого.

— Вы можете починить авиетку?

— Могу... может быть. А что случилось?

Монро-Альфа показал.

— Это вам по силам?

— Только не переговорник. Для автопилота еще кое-что наскребу. А что случилось? Похоже, вы сами его разбили...

— Нет,— Монро-Альфа достал из шкафчика излучатель и сунул в кобуру; смотритель носил повязку, и потому сразу же смолк.— Я немного прогуляюсь, пока вы будете с этим возиться.

— Да, сэр. Это не займет много времени.

Монро-Альфа извлек из бумажника двадцатикредитовый банкнот и протянул смотрителю.

— Возьмите. А машину поставьте потом в ангар.

Ему хотелось остаться одному, ни с кем не разговаривать — и уж меньше всего с этим любопытным смотрителем. К тому же ему до сих пор не случалось бывать в Парке. Разумеется, он видел эти места на экране — а кто же не видел? — но ведь картинки все-таки не деревья... Клиффорд отправился в путь, хотя собственное

душевное смятение поглощало его куда сильнее, чем окружающие гигантские секвойи.

Однако постепенно очарование места покорило его.

Не было ни солнца, ни неба. Стволы деревьев тянулись ввысь и там, над головой, терялись в туманной дымке. Стояла ничем не нарушаемая тишина. Даже звук шагов полностью поглощался толстым многолетним ковром палой хвои. Ни о каком горизонте здесь не было и речи — только бесконечные, уходящие насколько хватало глаз колонны: статные, стройные, не больше метра в диаметре, колонны сахарных сосен и массивные красно-коричневые колонны самих великанов. Они уходили во все стороны, и не было видно ничего, кроме деревьев — деревьев, дымки над головой да ковра из опавшей хвои и кусочков коры под ногами, кое-где покрытого упрямыми пятнами несошедшего снега.

Время от времени припускал своеобразный здешний дождик — капало с ветвей далеких крон.

Не было тут и времени. Этот мир был, есть и будет, и он не нуждается во времени — казалось, деревья равнодушно отрицали само это понятие. Они могли признавать разве что времена года — так человек мимоходом замечает и сразу же забывает проходящее мгновение. Монро-Альфа ощущал себя рядом с ними слишком маленьким и суетным, чтобы быть ими замеченным.

Он остановился, а потом приблизился к одному из старейшин — почтительно, как и подобает младшему при обращении к старцам. Клиффорд коснулся его одеяния — сперва осторожно и робко, а потом, постепенно обретя уверенность, нажал всей ладонью. Несмотря на осевшую влагу, поверхность коры была на ощупь не прохладной, как у других деревьев, а теплой и живой. И сквозь эту теплую косматую шкуру в него стало перетекать ощущение спокойной силы. На том нижнем уровне сознания, где мысли еще не облечены в слова, Монро-Альфа ощущал уверенность, что дерево исполнено покоя и какого-то медлительного и смутного счастья.

Мало-помалу Клиффорда перестали волновать проблемы его собственного муравейника, ставшего на удивление далеким. Масштабы изменились, и яростные схватки этого мира утратили резкость очертаний, настолько размывшись как во времени, так и в пространстве, что Монро-Альфа перестал различать их детали.

К Патриарху он вышел неожиданно. Он просто брел лесом, воспринимая окружающее скорее чувствами, чем мыслями. Если и существовали какие-то знаки, способные предупредить о том, что ждет его впереди, Монро-Альфа их не заметил. Но открывшаяся его взгляду картина и не нуждалась ни в каких пояснениях. Другие гиганты были велики и стары, но этот господствовал над ними, как они господствовали над сахарными соснами.

Четыре тысячелетия стоял он здесь — все выдерживая, все преодолевая, создавая свои гигантские мышцы из живой древесной плоти. В дни его юности были молоды Египет и Вавилон. Пел и умер Давид. Великий Цезарь окрасил мозаичный пол Сената своей честолюбивой кровью. Мухаммед бежал. Христофор Колумб вконец надоел королеве... И белые люди обнаружили дерево, которое все так же вздымалось ввысь и по-прежнему зеленело. Они назвали его в честь человека, только этим и известного,— дерево «Генерал Шерман».

Но оно не нуждалось в имени. Оно было собой — старейшим гражданином этого мира, живущим вне тревог.

Монро-Альфа пробыл возле него недолго. Дерево помогло ему, но само его присутствие действовало на Клиффорда подавляюще — как и на всякого человека, когда-либо стоявшего у его подножия. Монро-Альфа повернулся и пошел назад, теперь по контрасту ощущая общество младших бессмертных почти с радостью. Не желая пока никого видеть, он сделал крюк и стороной обошел подземный ангар, возле которого оставил свою авиетку.

Вскоре дорогу ему преградила сплошная стена серого гранита, уходившая в обе стороны и вверх, в туман. Туда же, наверх, вели ступеньки, искусно вырубленные в теле скалы, почти не нарушая ее естественности. У подножия этой узенькой лестницы Монро-Альфа заметил указатель: «Скала Моро». Но он и сам уже узнал ее — узнал, потому что не раз видел ее изображения и потому что она открылась ему на мгновение сквозь разрыв в тумане во время приземления. Это был громадный массив серого камня, высотой с горный пик и с добрую гору шириной,— самое подходящее место для шабаша.

Клиффорд стал подниматься. Вскоре деревья исчезли. Не осталось ничего, кроме него самого, серого тумана и серой скалы.

Чувство верха и низа стало зыбким, и Монро-Альфе пришлось сосредоточить все внимание на собственных ногах и на ступеньках, чтобы удержаться на них.

Он попробовал крикнуть: звук потерялся в пространстве, не породив эха.

Путь лежал по лезвию ножа — слева отвесная плоская поверхность скалы, справа бездонное, пустое, серое ничто, откуда доносился лишь холодный ветер. Потом под ногами снова появилась тропа.

Клиффорд заторопился — он пришел к решению. Не ему соперничать в извечном спокойствии и уверенности со старым деревом — для этого он не создан. Как не создан — теперь он понимал это — и для жизни, которую вел до сих пор. Нет нужды возвращаться к ней, нет нужды выяснять отношения с Гамильтоном или Мак-Фи, кто бы из них ни вышел победителем из смертельной игры. Здесь было хорошее место — самое подходящее, чтобы умереть с достоинством.

Скала возвышалась на полных триста метров.

Наконец, слегка задохнувшись от последнего усилия, Клиффорд достиг вершины. Он был готов — и сцена тоже была подготовлена. И тогда он заметил, что находится здесь не один. Неподалеку лежал человек и, опершись на локти, смотрел в пустоту.

Монро-Альфа повернулся и собрался было уйти. Решимость его была поколеблена присутствием постороннего. Он чувствовал себя смущенным и беззащитным.

Фигура на земле шевельнулась, и, повернув голову, на Клиффорда посмотрела девушка. Во взгляде ее читалось спокойное дружелюбие. Монро-Альфа сразу же узнал ее — безо всякого удивления, и именно это удивило его. Он видел, что и девушка узнала его тоже.

— Хелло,— тупо сказал он.

— Подходите и садитесь рядом,— отозвалась она.

Он молча принял приглашение, подошел и опустился на корточки. Больше девушка не произнесла ни слова — лишь рассматривала его, опершись на локоть; взгляд ее был не пристальным, а

легким и спокойным. Клиффорду это понравилось. Она излучала теплоту, как секвойи.

— Я собиралась поговорить с вами после танца,— сказала она наконец.— Вы были несчастны.

— Да. Да, это правда.

— Вы и сейчас несчастны.

— Нет,— услышал он собственный ответ и поразился, поняв, что это правда.— Нет, сейчас я счастлив.

Они снова замолчали. Девушка, казалось, не испытывала потребности ни в светской беседе, ни в нетерпеливом движении. Ее поведение действовало на Монро-Альфу умиротворяюще, однако собственное его спокойствие было отнюдь не столь глубоким.

— Что вы здесь делаете? — спросил он.

— Ничего. Может быть, ждала вас,— ответ был неожиданным, однако он понравился Клиффорду.

Ветер постепенно становился все холоднее, а туман сгущался. Они начали спускаться. На этот раз путь показался Монро-Альфе короче. Он подчеркнуто помогал девушке, и та принимала его помощь, хотя держалась на ногах куда тверже Клиффорда, и оба это знали. Затем они оказались внизу, и у него уже не было больше оснований касаться ее руки.

Им встретилась группа длинноухих оленей — самец с пятью отростками на рогах, который посмотрел на них со спокойным достоинством и вернулся к серьезному делу — еде; две оленихи, воспринявшие встречу с людьми с безмятежной уверенностью давно оберегаемой невинности, и три олененка. Оленихи были добродушны, им нравилось, когда их почесывали — особенно за ушами. Оленята были пугливы и любопытны. Они толпились вокруг, наступая людям на ноги и обнюхивая их одежду, и вдруг, стоило сделать неожиданное движение, с внезапной тревогой отпрыгивали прочь; их большие, мягкие уши забавно хлопали.

Девушка сорвала для них листья с ближайших кустов и засмеялась, когда оленята принялись покусывать ей пальцы. Монро-Альфа последовал ее примеру и широко улыбнулся — покусывание щекотало. Ему хотелось вытереть пальцы, однако он заметил, что девушка не сделала этого, и удержался тоже.

По дороге у Клиффорда возникло острое желание рассказать ей обо всем — и, запинаясь, он попробовал. Смолк он задолго до того, как рассказ его смог стать достаточно вразумительным, и посмотрел на девушку, ожидая и опасаясь увидеть в ее глазах неодобрение, а то и отвращение. Однако ничего этого не было.

— Не знаю, что вы натворили, но только вы не плохой человек. Может быть, глупый, но не плохой,— она остановилась и добавила озадаченно и задумчиво: — Я никогда не встречала плохих людей...

Монро-Альфа попытался рассказать ей о некоторых идеях «Клуба выживших». Он начал с того, как предполагается поступить с дикорожденными, поскольку это было легче всего объяснить: никакой бесчеловечности, лишь необходимый минимум принуждения и свободный выбор между легкой и безболезненной процедурой стерилизации и путешествием в будущее — и все это исключительно в интересах расы. Он говорил обо всем этом, как о вещах вполне осуществимых, если только народ окажется достаточно благоразумным, чтобы такую программу принять.

Девушка покачала головой.

— Не могу сказать, чтобы мне это нравилось,— ответила она мягко, но решительно, и Монро-Альфа поспешил сменить тему.

Он был удивлен, заметив, что уже темнеет.

— Думаю, нам стоит поторопиться в охотничий домик,— сказал он.

— Он закрыт.

Клиффорд вспомнил, что так оно и есть. Парк был закрыт, их присутствия здесь не предполагалось. Он начал было расспрашивать девушку, есть ли у нее тут авиетка или же она прибыла туннелем, но сразу прервал себя: любым из этих способов она могла его покинуть. Монро-Альфа не хотел этого, к тому же сам он не торопился — его сорок восемь часов истекали только завтра.

— По дороге сюда я заметил несколько коттеджей,— проговорил он.

Вскоре они нашли эти хижины, укрывшиеся в ложбине. Коттеджи не были меблированы и ими явно давно никто не пользовался, однако это было вполне приемлемое укрытие от непогоды. Пошарив в стенных шкафах, Клиффорд обнаружил маленький обогреватель с более чем достаточным зарядом, о чем свидетельствовали цифры в окошечке счетчика. Никакой провизии ему найти не удалось, однако водопровод действовал. Впрочем, особого голода Клиффорд и не испытывал. Не было здесь не только постельного белья, но и самих кроватей, однако пол оказался теплым и чистым. Девушка легла, уютно свернувшись клубком, словно зверек, сказала: «Спокойной ночи!» и закрыла глаза. Монро-Альфе показалось, что уснула она в тот же миг.

Сам он ожидал, что заснуть окажется трудно, но погрузился в сон прежде, чем начал всерьез беспокоиться об этом.

И проснулся с ощущением умиротворения, какого не испытывал уже много дней, если не месяцев. Клиффорд даже не пытался ничего анализировать, а просто смаковал это чувство, купаясь в нем и блаженно потягиваясь, пока душа его, словно кот, умащиваясь в привычном месте.

Потом он увидел рядом спящую девушку и понял, почему чувствует себя так радостно. Голова ее покоилась на сгибе руки, а яркое солнце, врываясь сквозь окно, освещало лицо. Монро-Альфа пришел к выводу, что называть его красивым было бы неправильно, хотя он и не нашел никаких изъянов в ее чертах. Очарование этому лицу придавала в первую очередь какая-то детскость, выражение постоянного живого интереса — как если бы девушка приветствовала каждое новое ощущение, всякий раз от души восхищаясь прелестью новизны. В нем не было и следа той желчной меланхолии, которой Монро-Альфа вечно *страдал*.

Именно — *страдал*. И сейчас ему вдруг открылось, что энтузиазм девушки заразителен, подхватил его самого — и теперешним своим душевным подъемом он обязан присутствию незнакомки.

Клиффорд решил не будить ее. Как бы то ни было, ему следовало о многом подумать — прежде чем он будет готов говорить с другими. Теперь он понимал, что вчерашнее его смятение духа было порождено просто-напросто страхом. Мак-Фи был толковым командиром, и если он счел нужным убрать Монро-Альфу с линии огня — не следовало ни жаловаться, ни задавать вопросов.

Целое больше, чем любая из его частей. Возможно, решение Мак-Фи было инспирировано Феликсом — из самых лучших побуждений.

Добрый старый Феликс! Как бы то ни было, он прекрасный парень — хотя и впавший в заблуждение. Надо будет постараться замолвить за него словечко при реконструкции. Они не должны позволить себе хранить друг на друга обиды — при Новом Порядке не будет места мелочным личным эмоциям. Только логика. И только наука.

Сделать предстоит еще очень и очень многое, и Гамильтон может пригодиться. Сегодня пришло время начать новую фазу — собрать дикорожденных и предложить им гуманный выбор — любую из двух возможностей. Кроме того, необходимо собрать правительственных чиновников всех рангов, допросить их и принять решение — годятся ли они по своему темпераменту для продолжения службы при Новом Порядке. Да, сделать предстоит еще очень и очень многое — Клиффорд сам удивился, с чего это вчера ему взбрело в голову, будто для него во всем этом нет места.

Будь он столь же искушен в психологии, как в математике, возможно, он распознал бы сущность своего образа мыслей — религиозный энтузиазм, стремление ощутить себя частицей всеобъемлющего целого, вверить собственные маленькие заботы попечению сверхсущества. Само собой, ему еще в школе объясняли, что революционные политические движения и воинствующие религии являют собой аналогичные процессы — их различают лишь словесные ярлыки и символика,— однако он никогда не испытывал ни того ни другого *на собственном опыте* и потому не в состоянии был понять, что с ним на самом деле происходит. Что за чушь! Он искренне считал себя трезвомыслящим агностиком.

Девушка открыла глаза и при виде Клиффорда улыбнулась.

— Доброе утро,— не двигаясь, проговорила она.

— С добрым утром,— откликнулся он,— с добрым утром! Вчера я забыл поинтересоваться, как вас зовут...

— Марион. А вас?

— Монро-Альфа Клиффорд.

— Монро-Альфа,— повторила она,— это хорошая линия, Клиффорд. Полагаю, вы...— она не смогла продолжить; на лице ее внезапно отразилось удивление, она сделала два судорожных вдоха, спрятала лицо в ладони и конвульсивно чихнула.

Монро-Альфа резко сел, мгновенно насторожившись; ощущение безмерного счастья разом покинуло его. Она? Невозможно!

Однако он, не дрогнув, встретил первое испытание своей вновь обретенной решимости. Он понимал, что сделать это будет чертовски неприятно, однако долг превыше всего. Целое больше части.

Он даже испытал неосознанное горькое удовлетворение оттого, что способен исполнить долг, как бы это ни было больно.

— Вы чихнули,— обвиняюще сказал он.

— Это ничего не значит,— торопливо проговорила Марион.— Просто пыль — пыль и солнце.

— И вы охрипли. У вас заложен нос. Признайтесь, вы дикорожденная, не так ли?

— Вы не понимаете...— запротестовала она,— я... ох!..

Девушка дважды быстро чихнула и молча склонила голову.

Монро-Альфа прикусил губу.

— Мне это так же больно, как и вам,— проговорил он,— однако я должен считать вас дикорожденной, пока вы не докажете, что это неправда.

— Почему?

— Вчера я пытался вам объяснить. Я обязан доставить вас во Временный комитет — то, о чем я вчера рассказывал, сегодня стало свершившимся фактом.

Марион не отвечала. Она только смотрела на Монро-Альфу, и от этого он чувствовал себя все неуютнее.

— Пойдемте,— сказал он.— И не надо делать из этого трагедии. Вам вовсе не обязательно уходить в стасис. Легкая, безболезненная операция, которая вас ни в чем не изменит,— совершенно не затронет вашего эндокринного баланса. А может, она и вообще не понадобится. Позвольте взглянуть на вашу татуировку.

Марион по-прежнему хранила молчание. Монро-Альфа вытащил из кобуры излучатель и направил на нее.

— Не шутите со мной. Это серьезно,— и он полоснул лучом по полу у самых ступней девушки, инстинктивно отдернувшей ноги от опаленного, дымящегося дерева.— Не вынуждайте меня сжечь вас. Это не шутки. Покажите татуировку!

Поколебавшись, Марион пожала плечами.

— Хорошо... Но вы пожалеете.

Она подняла левую руку. Когда Клиффорд наклонил голову, чтобы прочесть вытатуированные под мышкой цифры, она резко ударила рукой его по правому запястью. И в тот же момент ее правый кулак нанес Монро-Альфе болезненный удар в низ живота.

Он уронил излучатель.

Клиффорд подхватил оружие еще в полете и, вскочив, бросился за девушкой, но та уже исчезла. В распахнутой двери коттеджа словно в раме виднелись сахарные сосны и секвойи, но человеческой фигуры нигде не было. Вообще не было заметно никакого движения — лишь мелькнула синевой да выругалась голубая сойка.

Монро-Альфа рванулся к дверям и посмотрел в обе стороны, обводя ту же дугу стволом излучателя, но Лес Гигантов поглотил Марион. Конечно, она была где-то поблизости — именно ее бегство встревожило сойку. Но где? За которым из полусотни ближайших деревьев? Будь земля покрыта снегом, ее выдали бы следы, но снег сохранился лишь в глубоких впадинах, а на хвойном ковре не оставалось следов, заметных нетренированному глазу. Не было здесь и подлеска, который бы затруднял и выдавал движения беглянки.

Клиффорд растерянно бросался из стороны в сторону, словно сбившаяся со следа собака. Внезапно краем глаза он уловил какое-то движение, резко повернулся, за деревом мелькнуло что-то белое — и он мгновенно выстрелил.

Клиффорд был уверен, что не промахнулся. Его жертва упала за небольшой сосной, почти спрятавшей ее от глаз Монро-Альфы, дернулась — и осталась лежать без движения. Клиффорд вяло побрел к дереву, чтобы милосердно прикончить девушку, если первый выстрел ее только покалечил.

Но это была не Марион, а всего лишь длинноухий олененок. Выстрел Монро-Альфы прожег ему крестец, глубоко проникнув во внутренности. Замеченное им движение было предсмертной судорогой. Глаза животного были широко раскрыты — по-оленьи доверчивые и, как показалось Клиффорду, полные кроткого упрека. Монро-Альфа быстро отвернулся, почувствовав легкую тошноту. Это было первое живое существо, не принадлежавшее к человеческому роду, которое он убил.

Он поискал девушку еще несколько минут, но уже без особого рвения. Чувство долга его не мучило: он убедил себя, что у беглянки нет шансов выбраться из горного леса — тем более что она простужена. Так или иначе ей придется выйти и сдаться.

В коттедж Монро-Альфа возвращаться не стал. Он ничего там не оставил, а портативный нагреватель, обеспечивший им тепло этой ночью, наверняка снабжен автоматическим выключателем. Но если даже нет — не велика беда: Клиффорду и в голову не приходило сравнить собственное неудобство с возможным ущербом. Монро-Альфа направился прямиком к подземному ангару, нашел свою авиетку, забрался в нее и включил ротор. Автоматическая система управления движением в воздушном пространстве Парка отреагировала немедленно — на экране автопилота вспыхнула надпись: «Движение над Лесом Гигантов запрещено — поднимайтесь на три тысячи». Клиффорд выполнил предписание машинально — его занимало сейчас отнюдь не управление авиеткой.

Впрочем, его мысли вообще не были сосредоточены ни на чем конкретном. Душевная летаргия, горькая меланхолия, которые обессиливали его до начала Перемены, с новой силой завладели Монро-Альфой. Во имя чего велась эта слепая, бессмысленная борьба? Лишь затем, чтобы остаться в живых, размножаться и сражаться? Клиффорд гнал машину с максимальнй скоростью, направляясь прямо в обрывы Маунт Уитни, в безрассудном, полуосознанном стремлении тут и решить навеки все свои проблемы.

Но эта машина была создана не для аварий. По мере увеличения скорости автопилот расширял диапазон лоцирования пространства, клистроны сообщили о встречной преграде трекеру, коротко протрещали соленоиды, и авиетка перевалила через пик.

Глава IX
«Умираем ли мы полностью, умирая?»

Отвернувшись от авиетки, в которой он отправил Монро-Альфу, Гамильтон выбросил из головы все мысли о друге — слишком многое предстояло сделать и слишком мало времени оставалось в его распоряжении. Скорее!

Его встревожило, что дверь, ведущая с крыши в здание, распахнулась, едва он набрал повседневно употребляемый штатом клиники код — цифровую комбинацию, которую дал ему когда-то Мордан. Охранников в холле тоже не оказалось — с таким же успехом можно было держать все двери открытыми настежь.

С этим Гамильтон и ворвался в кабинет арбитра.

— Это место защищено не лучше церкви! — взорвался он.— Из каких соображений?

Только теперь он заметил, что кроме Мордана в кабинете находятся Бэйнбридж Марта, глава технического персонала арбитра, и Лонгкот Филлис. Присутствием девушки Гамильтон был не только удивлен, но и раздосадован — Филлис опять была вооружена.

— Добрый вечер, Феликс,— коротко приветствовал его арбитр.— Почему вы думаете, что клиника должна быть защищена?

— Боже милостивый! Разве вы не собираетесь сопротивляться атаке?

— Но почему мы должны ждать нападения? — удивился Мордан.— Это же не стратегический пункт. Позже они, несомненно, намерены захватить клинику, но стрельба будет в других местах.

— Это вы так считаете. А я знаю лучше.

— Да?

— Мне предписано явиться сюда и убить вас. За мной следует отделение, чтобы захватить клинику.

Мордан не ответил — он сидел, молчаливый и погруженный в себя. Гамильтон начал было говорить еще что-то, но арбитр жестом прервал его.

— Кроме нас в здании только три человека. Никто из них не вооружен. Сколько у нас времени?

— Десять минут — или меньше.

— Я поставлю в известность Центральную станцию охраны порядка. Может быть, они смогут выделить из резерва несколько блюстителей порядка. Марта, отошлите служащих по домам,— и он повернулся к телефону.

Неожиданно резко замигал свет. На мгновение плафоны погасли, но тут же вспыхнули вновь, хотя и вполнакала — включилось аварийное освещение. Объяснений не требовалось — выключилась Центральная силовая станция. Мордан отошел от телефона — аппарат молчал.

— Здания двоим не удержать,— размышляя вслух, проговорил арбитр.— Да этого и не нужно. Но есть место, защитить которое необходимо,— банк плазмы. Наши друзья отнюдь не дураки, но все равно стратегия у них никудышная. Они забывают, что попавший в капкан зверь может отгрызть себе лапу. Пойдемте, Феликс. Попытаемся это сделать.

Гамильтон не переставал размышлять о цели захвата клиники. Банк плазмы. Банк этой, столичной, клиники являлся хранилищем плазмы всех гениев двух последних столетий. Даже если мятежники потерпят поражение, но захватят банк, у них в руках окажется уникальный и незаменимый залог. В худшем случае они смогут обменять его на собственные жизни.

— Почему вы сказали «двое»? — спросила Лонгкот Филлис.— А как насчет этого? — и она похлопала рукой по кобуре.

— Я не смею рисковать вами,— ответил Мордан.— И вы знаете, почему.

На мгновение их взгляды встретились. Девушка ответила всего двумя словами:

— Флеминг Марджори.

— Хм-м... Я понял вас. Хорошо.

— А что она здесь делает? — поинтересовался Гамильтон.— И кто такая Флеминг Марджори?

— Филлис приходила ко мне — поговорить о вас. Флеминг Марджори — другая ваша пятиюродная кузина. Вполне подходящая карта. Пошли! — и он быстро вышел из кабинета.

Гамильтон последовал за ним, торопливо соображая. Смысл последних слов арбитра дошел до него не сразу. Когда же он понял, то был изрядно раздосадован, однако времени для разговоров сейчас не было. На Филлис Гамильтон старался не смотреть.

В коридоре к ним присоединилась Бэйнбридж Марта.

— Одна из девушек извещает остальных,— сообщила она Мордану.

— Хорошо,— отозвался на ходу арбитр.

Банк плазмы возвышался в середине огромного зала в три этажа высотой и соответствующих пропорций. Сам банк представлял собой ряд многоярусных стеллажей, стоявших вдоль стен, как в библиотеке. На половине высоты он был опоясан платформой, с которой техники могли дотянуться до ячеек верхнего яруса.

Мордан прямиком направился к металлической лестнице, ведущей наверх, и взобрался по ней на платформу.

— Мы с Филлис возьмем на себя две передние двери,— скомандовал он.— Вы, Феликс,— заднюю.

— А мне что делать? — спросила Марта.

— Вам? Вы не стрелок.

— Но у нас есть же еще один излучатель,— заметила глава технического персонала, кивнув на пояс Гамильтона.

Тот озадаченно взглянул на свой пояс. Женщина была права — Феликс совсем забыл про заткнутое за ремень оружие Монро-Альфы,— и протянул бластер Марте.

— Вы хоть знаете, как им пользоваться? — поинтересовался Мордан.

— Он ведь сожжет там, куда я направлю? Правда?

— Да.

— Это все, что я хотела знать.

— Очень хорошо. Филлис, вы вместе с Мартой возьмите на себя заднюю дверь. Мы с Феликсом займемся передними.

Платформа была окружена невысоким, по пояс, ограждением. Оно не было сплошным — в нем виднелись отверстия (составные элементы орнамента). План Мордана был прост — залечь за этим ограждением и вести наблюдение сквозь отверстия, при необходимости используя их в качестве бойниц.

Они ждали.

Гамильтон достал сигарету и затянулся — зажглась она при этом сама. Не спуская глаз с левой двери, Феликс протянул портсигар Мордану, однако арбитр отвел его руку.

— Одного я не могу понять, Клод...

— А именно?

— Почему правительство не арестовало их всех прежде, чем дело зашло так далеко? Полагаю, я был не единственным осведомителем. Так почему же заговор не подавили в зародыше?

— Я не представляю правительство,— осторожно ответил Мордан,— я не член Совета политики. Однако если хотите, рискну высказать свои соображения.

— Давайте.

— Единственно надежный способ выявить всех заговорщиков — подождать, пока они проявят себя. Теперь их уже не нужно будет даже судить — такой процесс был бы излишним. Теперь их попросту уничтожат — всех до единого.

Гамильтон обдумал его слова.

— Вряд ли наши политики правы, рискуя при таком промедлении судьбой государства.

— У политиков широкий взгляд на вещи. С биологической точки зрения лучше быть уверенным, что проведена полная чистка. Конечный же результат не ставился под сомнение никогда.

— Откуда такая уверенность? Вот мы с вами, например, из-за этого промедления оказались в хорошеньком положении.

— Мы в опасности, это верно. Но не общество. Блюстителям может понадобиться некоторое время, чтобы мобилизовать достаточный контингент ополчения, чтобы подавить сопротивление заговорщиков во всех ключевых точках, которые они успели захватить. Но чем это кончится — сомневаться не приходится.

— Проклятье,— жалобно сказал Гамильтон,— неужели было так необходимо дожидаться, пока потребуется набирать добровольцев? У государства должна быть достаточно сильная полиция!

— Нет,— возразил Мордан,— я так не думаю. Государственная полиция ни в коем случае не должна быть слишком многочисленной и вооруженной лучше, чем население. Готовые к самозащите

вооруженные граждане — вот первооснова гражданских свобод. Впрочем, это, разумеется, всего лишь мое личное мнение.

— А если граждане не станут или не сумеют защищаться? Если эти крысы победят? Это будет на совести Совета политики.

Мордан пожал плечами.

— Если восстание окажется успешным, невзирая на сопротивление вооруженных граждан,— значит, оно себя оправдало. Биологически оправдало. Кстати, не спешите стрелять, если первый из них войдет через вашу дверь.

— Почему?

— У вас слишком громкое оружие. Если он будет один — мы получим небольшую отсрочку.

Они ждали. Гамильтон уже начал подумывать, не остановились ли его часы, но заметил, что сигарета все еще продолжает тлеть. Он бросил быстрый взгляд на дверь, вверенную его попечению, сказал Мордану: «Тс-с-с!» и переключил внимание на другую.

Человек вошел осторожно, высоко подняв излучатель. Мордан держал его на прицеле до тех пор, пока тот не вышел из зоны видимости возможных спутников, оставшихся за дверью. И лишь тогда аккуратно прошил ему голову лучом. Взглянув на убитого, Феликс узнал в нем человека, с которым выпивал этим вечером.

Двое следующих появились парой. Мордан жестом приказал Феликсу не стрелять. Но на этот раз арбитр не смог выжидать так долго: едва оказавшись в дверях, мятежники увидели тело товарища. Гамильтон не без восхищения отметил, что не взялся бы доказывать, который из них был застрелен первым — казалось, оба рухнули одновременно.

— В следующий раз вам не надо отдавать мне право первого выстрела,— заметил Мордан.— Элемент внезапности утрачен,— и добавил, полуобернувшись: — Первая кровь, леди. А что у вас?

— Пока ничего.

— Идут!

«Ба-банг! Банг!» Трижды выстрелив, Гамильтон ранил троих; один из них шевельнулся, пытаясь подняться и ответить на огонь. Феликс выстрелил еще раз, и тот успокоился.

— Спасибо,— бросил Мордан.

— За что?

— Это был мой секретарь. Но лучше бы я прикончил его сам.

— Помнится,— приподнял бровь Гамильтон,— однажды вы сказали, что государственный служащий должен избегать проявления личных чувств на работе?

— Все верно... Но не существует правила, запрещающего получать от работы удовольствие. Я предпочел бы, чтоб он вошел через мою дверь. Он мне нравился.

Гамильтон заметил, что за время, пока он с таким грохотом останавливал натиск противника на свою дверь, арбитр беззвучно прикончил четверых. Теперь возле его двери лежали пятеро, еще четверо — у двери Мордана, и один — посередине.

— Если дальше так пойдет, скоро тут появится баррикада из живого мяса,— заметил он.

— Бывшего живым,— поправил Мордан.— Но не слишком ли вы задерживаетесь у одной бойницы?

— Обе поправки принимаются,— Гамильтон сменил позицию, потом позвал: — Как там дела, девушки?

— Марта одного достала,— пропела Филлис.

— С почином ее! А у вас как?

— У меня все в порядке.

— Прекрасно. Жгите их так, чтоб не дергались.

— Они и не дергаются,— отрезала Филлис.

Больше нападающие не появлялись. Лишь время от времени кто-то осторожно высовывался в дверной проем, стрелял наобум, не целясь, и молниеносно нырял обратно. Осажденные вели ответный огонь, не питая, впрочем, особой надежды попасть в кого-нибудь: мятежники ни разу не показывались дважды в одном и том же месте, появляясь лишь на доли секунды. Феликс с Морданом меняли позиции, стараясь сквозь двери простреливать возможно большее пространство комнат, однако противники стали очень осторожны.

— Клод... Мне пришло на ум нечто забавное.

— И что же?

— Предположим, меня здесь убьют. Значит, вы выиграете наш спор?

— Да. Но в чем же юмор?

— Но если погибну я, то и вы, вероятно, тоже. Вы говорили, что мой депозит зарегистрирован лишь у вас в памяти. Вы выигрываете — и теряете все.

— Не совсем. Я сказал, что он не будет зарегистрирован в картотеке. Но в моем завещании он указан, и мой душеприказчик доведет дело до конца.

— Ого! Значит, я в любом случае папа,— Гамильтон выстрелил по силуэту, на мгновение мелькнувшему в дверях; послышался визг, и силуэт исчез.— Паршиво,— пожаловался Феликс,— должно быть, теряю зрение,— он выстрелил в пол перед дверью, заставив пулю рикошетировать дальше, в комнату; затем повторил то же с дверью Мордана.— Это научит их держать головы пониже. Но послушайте, Клод, будь у вас выбор, что бы вы предпочли: чтобы ваши планы относительно моего гипотетического отпрыска были с гарантией осуществлены ценой нашей общей смерти или чтобы мы выжили и начали все сызнова?

Мордан задумался.

— Пожалуй, я предпочел бы доказать вам свою правоту. Боюсь, что роль мученика мне не подходит.

— Так я и думал.

— Феликс,— крикнул Мордан некоторое время спустя,— похоже, они стали намеренно провоцировать наш огонь. То, во что я стрелял последний раз, определенно не было лицом.

— Полагаю, вы правы. Последние раза два я не мог промахнуться.

— Сколько зарядов у вас осталось?

Гамильтону не надо было считать — он знал, и это его беспокоило. Когда он отправился в Дом Волчицы, у него было четыре обоймы — три в гнездах пояса и одна в пистолете. Сейчас в пистолете была последняя, и он уже успел сделать два выстрела. Феликс поднял руку с растопыренными пальцами.

— А у вас?

— Примерно столько же. А ведь *мог* я за время этого спарринга использовать не больше половины заряда...— какое-то мгновение арбитр размышлял.— Прикройте обе двери, Феликс.

Он быстро пополз по платформе туда, где женщины охраняли заднюю дверь. Марта услышала его и обернулась.

— Взгляните, шеф,— она протянула Мордану левую руку — две первых фаланги указательного пальца и кончик большого были срезаны и прижжены.— Вот беда,— пожаловалась она,— я никогда уже не смогу оперировать...

— Оперировать могут и ассистенты. Важна голова.

— Много вы в этом понимаете. Все они неуклюжие. Чудо еще, что одеваться сами умеют.

— Виноват. Сколько зарядов у вас осталось?

Картина и здесь была не лучше. Прежде всего, дамский бластер Филлис был всего на двадцать разрядов. Излучатели Мордана и Монро-Альфы были на пятьдесят, но отобранное у Клиффорда оружие израсходовало уже почти весь заряд. После того как Марта была ранена, Филлис отобрала у нее излучатель, чтобы воспользоваться им, когда боезапас ее собственного окончательно иссякнет. Мордан посоветовал ей стрелять поэкономнее и вернулся на свой пост.

— Что-нибудь произошло? — поинтересовался он у Феликса.

— Нет. А там?

Арбитр рассказал ему. Гамильтон присвистнул, не сводя глаз с дверей.

— Клод?

— Да, Феликс?

— Как вы думаете, выберемся мы отсюда?

— Нет, Феликс.

— Хм-м-м... Ну что ж, это была отличная вечеринка,— он помолчал и добавил: — Черт возьми, я не хочу умирать. По крайней мере — сейчас... Клод, мне тут пришла на ум еще одна шутка.

— Слушаю вас.

— Клод, в чем вы видите то единственное, что придает нашей жизни смысл... *подлинный* смысл?

— Это вопрос,— отозвался Мордан,— на который я все время пытался вам ответить.

— Нет, нет. Я имею в виду сам вопрос.

— Тогда сформулируйте это почетче,— осторожно парировал арбитр.

— Сейчас. Единственной подлинной основой нашего существования могло бы быть знание, *точное* знание того, что происходит с нами после смерти. Умираем ли мы полностью, умирая? Или нет?

— Хм-м-м... Даже если принять вашу точку зрения, то в чем же шутка?

— Шутка разыгрывается за мой счет. Или, скорее, за счет моего ребенка. Через несколько минут я, возможно, узнаю ответ. Но *он* не узнает. Он лежит там, позади нас, спит в одном из морозильников. И у меня не будет ни малейшей возможности рассказать ему этот ответ. А ведь как раз ему-то и необходимо это знать. Разве это не забавно?

— Если в вашем понимании это шутка, то лучше уж занимайтесь салонными фокусами, Феликс.

Гамильтон не без самодовольства пожал плечами.

— В некоторых кругах меня почитают заправским остряком,— похвалился он.— Иногда я сам поражаюсь... Идут!

На этот раз атака была организованной, нападающие веером развернулись от обеих дверей. Несколько секунд и Феликс, и Мордан были очень заняты; потом все кончилось.

— Кто-нибудь прорвался? — осведомился Гамильтон.

— Похоже, двое,— отозвался Мордан.— Прикройте лестницу, Феликс. Я буду отсюда следить за дверьми.

Арбитр не заботился о своей безопасности — такое решение было продиктовано тактикой. Глаз и рука Мордана были точны и быстры, но Гамильтон был моложе и сильнее. Лежа на животе, он наблюдал за лестницей — большая часть его тела была защищена при этом металлом платформы и стеллажей. С первым выстрелом Феликсу повезло — противник высунул голову, глядя в другую сторону. Феликс уложил его с дырой в затылке и оторванным лбом. Затем он поспешно сменил позицию. Однако пистолет его был пуст.

Второй противник быстро вскарабкался по лестнице. Феликс ударил его рукояткой пистолета и схватился врукопашную, стараясь вырвать бластер. Нападающий чуть было не стащил Гамильтона вниз, но тот изо всех сил рванул его голову назад; послышался хруст ломающейся кости, и мятежник обмяк.

Гамильтон вернулся к Мордану.

— Хорошо. Где оружие?

Феликс пожал плечами и развел руками.

— Два излучателя должны быть у подножия лестницы.

— За ними вы спуститься все равно не успеете. Лучше оставайтесь здесь и возьмите бластер Марты.

— Да, сэр.

Гамильтон отполз назад, объяснил, что ему нужен бластер и посоветовал Марте укрыться между стеллажей. Та запротестовала.

— Приказ шефа,— не моргнув глазом, соврал Гамильтон и повернулся к Филлис: — Как дела, малышка?

— В порядке.

— Держи нос повыше, а голову пониже.

Гамильтон взглянул на счетчики обоих излучателей — в них оставался одинаковый заряд. Опустив в кобуру оружие Монро-Альфы и быстро взглянув на дверь, которую охраняла Филлис, он взял ее за подбородок, повернул к себе лицом и торопливо поцеловал.

— На память,— сказал он и сразу же отвернулся.

За это время Мордан не заметил никакой активности со стороны противника.

— Но она непременно проявится,— добавил арбитр.— Мы вынуждены экономить заряды, и скоро они это поймут.

Ожидание казалось бесконечным. Оба угрюмо воздерживались от стрельбы по целям, которые им услужливо предлагались.

— Думаю,— заметил наконец Мордан,— стоит израсходовать в следующий раз один заряд — это может дать нам еще некоторую отсрочку.

— Уж не посетила ли вас бредовая мысль, будто мы все-таки *сможем* выкарабкаться? Я начинаю подозревать, что блюстители и не догадываются о нападении на клинику.

— Может, вы и правы. Но мы все равно будем держаться.

— Разумеется.

Скоро перед ними появилась цель — и достаточно четкая, чтобы понять, что это человек, а не муляж. Мордан достал его лучом. Человек упал на видном месте, однако, экономя заряды, осажденные позволили ему беспрепятственно уползти.

— Послушайте, Клод,— Гамильтон коротко взглянул на арбитра,— а ведь *стоило бы* постараться выяснить наконец, что же происходит, когда гаснет свет. Почему никто не взялся за это всерьез?

— Религия занимается. И философия.

— Я не это имею в виду. Этим следует заняться, как и любой...— он остановился.— Вам не кажется, что чем-то пахнет?

— Не уверен...— Мордан потянул воздух носом.— На что похож запах?

— Сладковатый... Он...— неожиданно Феликс ощутил головокружение — ничего подобного прежде он никогда не испытывал. Он увидел двух Морданов разом.— Газ,— догадался он,— они до нас добрались. Пока, дружище.

Он попытался добраться до прохода, в котором дежурила Филлис, но сумел сделать лишь несколько неуверенных движений и, растянувшись, остался лежать ничком.

Глава X
«...единственная игра в городе»

Быть мертвым оказалось приятно. Приятно и спокойно — без скуки. Но немножко одиноко. Гамильтону недоставало остальных — безмятежного Мордана, отважной Филлис, Клиффа с его застывшим лицом. И еще того забавного маленького человечка, трогательного владельца бара «Млечный путь». Как же его звали? Херби? Герберт? Что-то вроде этого... Гамильтон отчетливо представлял себе его лицо, однако имена без слов приобретали совсем иной вкус.

Почему он назвал того человека Гербертом?

Неважно. В следующий раз он не изберет своим делом математику. Математика — материя скучная и безвкусная. Теория игр... Любую игру всегда можно прервать. Какой в ней интерес, если результат заранее известен? Однажды он изобрел подобную игру, назвав ее «Тщетность» — играя как угодно, вы были изначально обречены на выигрыш. Нет, это был вовсе не он, а игрок по имени Гамильтон. Сам он не Гамильтон — по крайней мере, в этой игре.

Он генетик — вот здорово: игра в игре! Меняйте правила по ходу игры. Двигайте игроков по кругу. Обманывайте сами себя.

«Закройте глаза и не подглядывайте, а я вам что-то дам — и это будет сюрприз!»

Сюрприз — вот суть игры. Вы запираете собственную память на ключ и обещаете не подглядывать, а потом разыгрываете вами избранную часть, подчиняясь правилам, определенным для данного игрока. Временами, правда, сюрпризы могут оказаться страшненькими — очень неприятно, например, когда тебе отжигают пальцы.

Нет! Эту позицию проиграл вовсе не он. Это был автомат — некоторые роли должны быть отведены автоматам. Именно автомату он отжег пальцы, хотя в свое время это и показалось ему реальностью.

При пробуждении так бывало всегда. Всякий раз трудновато было вспомнить, какую из ролей ты играл,— забывая, что играл все. Ну что ж, это была игра — единственная игра в городе, и больше заняться было нечем. Что он мог поделать, если игра была жульничеством? Но в следующий раз он придумает другую игру. В следующий раз...

Глаза его не действовали. Они были открыты — но увидеть он ничего не мог. Чертовски странно — явно какая-то ошибка...

— Эй! Что тут происходит?

Это был его собственный голос. Он сел — и с лица упала повязка. Все вокруг было таким ярким, что стало больно глазам.

— В чем дело, Феликс?

Повернувшись на голос, Гамильтон попытался сфокусировать слезящиеся от рези глаза. В нескольких футах от него лежал Мордан. О чем это он хотел у Мордана спросить? Как-то вылетело из головы...

— Не могу сказать, чтобы я хорошо себя чувствовал, Клод. Как долго мы были мертвы?

— Вы не мертвы. Просто немного больны. Это скоро пройдет.

— Болен? Это так называется?

— Да. Однажды и я болел — лет тридцать назад. Это было очень похоже.

— А...— он все еще никак не мог вспомнить, о чем же хотел спросить Мордана. Между тем это было нечто важное — такое, чего Клод не мог не знать. Клод вообще знал все — ведь правила составлял он.

— Хотите узнать, что произошло? — поинтересовался Мордан.

Может, он и хотел.

— Они пустили газ, да? Потом я просто ничего не помню.

А между тем там было нечто, о чем обязательно надо было вспомнить.

— Газ действительно был пущен, только — блюстителями. Через систему кондиционирования воздуха. Нам повезло: никто не знал, что мы находимся внутри, в осаде, но к счастью, они не были уверены, что весь персонал успел покинуть здание,— иначе применили бы смертоносный газ.

В голове у Гамильтона мало-помалу прояснялось. Он уже вспомнил сражение во всех деталях.

— Вот, значит, как? И сколько же их осталось? Скольких мы не смогли достать?

— Точно не знаю, а выяснять, вероятно, уже поздно. Думаю, они все уже мертвы.

— Мертвы? Но почему? Не сожгли же их, пока они лежали без сознания?

— Нет... Но без немедленного введения противоядия этот газ тоже смертелен, а я опасаюсь, что врачи были слегка переутомлены. Во всяком случае, наших людей спасали первыми.

— Старый лицемер,— ухмыльнулся Гамильтон и вдруг спохватился: — Эй! А что с Филлис?

— С ней все в порядке — и с Мартой тоже. Я проверил, когда очнулся. Кстати, вы знаете, что храпите во сне?

— Правда?

— Неистово. Я слушал эту музыку больше часа. Должно быть, вы глотнули больше газа, чем я. Возможно, вы боролись...

— Может быть. Не знаю. Кстати, где мы?

Гамильтон скинул ноги с кровати и попытался встать — предприятие, оказавшееся не слишком благоразумным; он едва не упал навзничь.

— Ложитесь,— посоветовал Мордан,— вам нельзя подниматься еще несколько часов.

— Пожалуй, вы правы,— согласился Гамильтон, снова откидываясь на подушки.— Забавное ощущение: я думал, что вот-вот полечу.

— Мы рядом с больницей Карстерса, во временной пристройке,— продолжал Мордан.— Естественно, сегодня здесь тесновато.

— Все кончилось? Мы победили?

— Разумеется, победили. Я же говорил, что конечный результат не вызывал сомнений.

— Помню, но мне никогда не была понятна ваша уверенность.

Прежде чем ответить, Мордан помолчал, размышляя.

— Вероятно, проще всего было бы сказать, что у них изначально отсутствовало главное слагаемое успеха. Их лидеры в большинстве своем — генетически убогие типы, у которых самомнение намного превосходит способности. Сомневаюсь, чтобы у кого-либо из них хватило воображения представить себе всю сложность управления обществом — даже таким мертворожденным, какое они мечтали создать.

— Говорили они так, словно во всем этом разбирались.

— Без сомнения,— кивнул Мордан.— Это всеобщий недостаток, присущий расе с тех пор, как возникла социальная организация. Мелкий предприниматель считает свой крохотный бизнес делом столь же сложным и трудным, как управление всей страной. А значит, он воображает, что способен быть компетентным государственным деятелем, таким же, как глава исполнительной власти. Забираясь в дебри истории, можно без колебаний утверждать, что многие крестьяне считали королевские обязанности пустячным делом, с которым они сами справились бы ничуть не хуже, выпади им такой шанс. Корни всего этого в недостатке воображения и великом самомнении.

— Никогда бы не подумал, что им не хватает воображения.

— Между созидательным воображением и дикой, неуправляемой фантазией — огромная разница. Один — шизофреник, мегаломаньяк, неспособный отличить факта от фантазии, другой же — тупой и упрямый практик. Но как бы то ни было, факт

остается фактом: среди заговорщиков не было ни одного компетентного ученого, ни единого синтетиста. Осмелюсь предсказать: разобрав их архивы, мы обнаружим, что почти никто — а может быть, и вообще никто — из мятежников никогда и ни в чем не достиг бы заметного успеха. Они могли добиться превосходства *лишь над себе подобными.*

Гамильтон пришел к выводу, что и сам замечал нечто похожее. Заговорщики производили впечатление людей, которым всегда что-то мешало. Среди них ему не встретилось никого, кто представлял бы собой заметную фигуру вне «Клуба выживших». Зато уж в клубе они раздувались от самомнения, планировали то, решали это, рассуждали о великих делах, которые свершат, когда «возьмут власть». Мелочь они все — вот кто.

Но, что бы ни говорил Мордан, мелочь опасная. Полудурок может сжечь вас с таким же успехом, как и любой другой.

— Еще не спите, Феликс?

— Нет.

— Помните наш разговор во время осады?

— М-м-м... да... полагаю, да.

— Вы собирались что-то еще сказать, когда дали газ.

Гамильтон медлил с ответом. Он помнил, что было у него на уме, однако облечь эти мысли в подходящие слова было трудно.

— Понимаете, Клод, мне кажется, что ученые берутся за любые проблемы, кроме по-настоящему существенных. Человек хочет знать, «зачем?», а наука объясняет ему, «что».

— «Зачем?» — не дело науки. Ученые наблюдают, описывают, анализируют и предсказывают. Их проблемы — это «что?», «как?» и «почему?». «Зачем?» — это уже вне поля их деятельности.

— Но почему бы «зачем?» не входить в сферу внимания науки? Мне не важно, как далеко отсюда до Солнца. Я хочу знать, зачем Солнце там, а я смотрю на него отсюда. Я спрашиваю, зачем существует жизнь, а они объясняют мне, как получше испечь хлеб.

— А вы попробуйте обойтись без пищи.

— Обойдетесь — когда решите эту проблему.

— Вы когда-нибудь были по-настоящему голодны?

— Однажды — когда изучал основы социоэкономики. Но это было учебным голоданием. Не думаю, чтобы мне еще когда-нибудь пришлось голодать — да и никому другому это тоже не предстоит. Это — решенная проблема, но она не помогает решить остальные. Я хочу знать: что дальше? куда? зачем?

— Я думал об этом,— медленно проговорил Мордан,— думал, пока вы спали. Философские проблемы беспредельны, а на безграничных вопросах нервным клеткам не слишком полезно задерживаться. Но прошлой ночью вы, казалось. ощущали, что ключевой проблемой является для вас старый-престарый вопрос: представляет ли человек нечто большее, чем его земное существование? Вас по-прежнему это волнует?

— Да... Пожалуй, да. Если бы после всей этой сумасшедшей круговерти, которую мы называем жизнью, существовало еще хоть что-то, я мог бы увидеть в безумии бытия некоторый смысл — даже не зная до самой смерти окончательного ответа.

— Но предположим, за пределами жизни нет ничего. Предположим, что едва тело успеет полностью разложиться, от человека не останется и следа. Я обязан сказать вам, что считаю эту гипотезу вероятной.

— Ну что ж... Радости такое знание не прибавит, но это все же лучше неведения. По крайней мере, вы можете рационально спланировать собственную жизнь. Человек может даже ощутить удовлетворение, экстраполируя какие-то улучшения в будущем,— в то время, когда его самого уже не станет. Предвкушая чью-то радость, испытывая удовлетворение оттого, что кто-то будет счастливее.

— Уверяю вас, так оно и есть,— подтвердил Мордан, прекрасно знавший это по собственному опыту.— Но, признайтесь, в обоих случаях на вопрос, поставленный вами при нашей первой беседе, вы получили удовлетворительный ответ.

— М-м-м... Да.

— Следовательно, вы дадите согласие участвовать в касающейся вас генетической программе?

— Да... *Если.*

— Я не жду от вас окончательного ответа сейчас и здесь,— спокойно проговорил Мордан.— Но вы согласитесь сотрудничать,

если будете знать, что предпринята серьезная попытка найти ответ на ваш вопрос?

— Полегче, дружище! Не торопитесь. Так уж сразу — вы выиграли, я — проиграл. Сначала я должен получить право взглянуть на ответ. Предположим, вы поручите кому-то этим заняться, и он заявится к вам с отрицательным ответом, когда я уже выполнил свою часть сделки?

— Вы должны мне довериться. Такие исследования могут длиться годами — или вообще не завершиться на протяжении вашей жизни. Но предположим, я заявляю вам, что к исследованиям приступят — серьезно, трезво, не жалея ни сил, ни затрат,— в этом случае согласитесь ли вы сотрудничать?

Гамильтон закрыл лицо руками. Его мозг перебирал миллиард факторов — некоторые из них он не вполне понимал и ни об одном не хотел разговаривать.

— Если бы вы... *если* вы... я думаю, возможно...

— Ну-ка, ну-ка,— зарокотал в комнате незнакомый голос,— что здесь происходит? Возбуждение вам пока противопоказано.

— Хелло, Джозеф,— приветствовал вошедшего Мордан.

— Доброе утро, Клод. Как самочувствие — лучше?

— Несколько.

— Вы все еще нуждаетесь в сне. Попытайтесь заснуть.

— Хорошо,— Мордан откинулся на подушку и закрыл глаза.

Человек, которого арбитр назвал Джозефом, подошел к Феликсу, пощупал пульс, приподнял веко и посмотрел зрачок.

— С вами все в порядке.

— Я хочу встать.

— Еще рано. Сначала вам надо несколько часов поспать. Посмотрите на меня. Вы чувствуете себя сонным. Вы...

Гамильтон отвел взгляд в сторону и окликнул:

— Клод!

— Он спит. Вы не в состоянии его разбудить.

— Вот оно что! Послушайте, вы гипнотизер?

— Конечно.

— Существует ли способ излечить храп?

Врач усмехнулся.

— Все, что я могу вам порекомендовать,— это хорошенько выспаться. И хочу, чтобы вы немедленно занялись этим. Вас клонит в сон. Вы засыпаете... Вы спите...

Как только его выпустили из больницы, Гамильтон попытался разыскать Филлис. Занятие оказалось не из легких — более чем скромные площади больниц города были переполнены, и она лежала, как и он прежде, во временном помещении. Но и тогда, когда он наконец разыскал это помещение, его не пустили к ней, заявив, что пациентка спит. И даже не удостоили его никакой информацией о состоянии девушки, поскольку он ничем не мог удостоверить своего права на это знание, если оно относилось к священной сфере личной жизни.

Однако он проявил столько настырности и занудства, что в конце концов ему сказали, что Филлис вполне здорова, если не считать легкого недомогания, вызванного газовым отравлением. Этим ему и пришлось удовлетвориться.

Гамильтон мог бы встрять в серьезные осложнения, имей он дело с мужчиной, однако бороться ему пришлось с мрачной, несгибаемой матроной, которая была, пожалуй, вдвое жестче его самого.

У Феликса было завидное свойство — он способен был выбросить из головы ситуацию, в которой был бессилен помочь. И потому едва он вышел из больницы, Филлис напрочь исчезла из его мыслей. Машинально он направился было домой, но потом — впервые за много часов — вспомнил о Монро-Альфе.

Идиот несчастный! Что с ним могло произойти? Предпринимать какие-либо официальные шаги, чтобы это выяснить, Гамильтону не хотелось, ибо так можно было невольно выдать связь Монро-Альфы с заговорщиками. Впрочем, скорее всего, тот успел уже это сделать сам.

Ни тогда, ни в другое время Феликсу не приходило в голову «поступить достойно» и выдать Клиффорда. Мораль Гамильтона была строго прагматична, почти совпадая с общепринятой, но в то же время в ней доминировал живой и эмоциональный эгоизм.

Феликс вызвал служебный кабинет Монро-Альфы — нет, Клиффорда там не было. Вызвал квартиру. Телефон не отвечал.

Пораскинув мозгами, Гамильтон решил отправиться к другу домой, допуская при этом, что может оказаться там первым.

На звонок в дверь никто не отозвался. Феликс знал код, хотя в обычных обстоятельствах ему бы и в голову не пришло им воспользоваться. Однако сейчас обстоятельства были исключительными.

Монро-Альфу он нашел в комнате отдыха. При виде Гамильтона Клиффорд поднял глаза, но не поднялся навстречу и не проронил ни слова. Гамильтон подошел и уселся перед ним.

— Итак, вы вернулись.

— Да.

— Давно?

— Не знаю. Несколько часов.

— Так ли? Я вам звонил.

— Так это были вы?

— Конечно я. Почему вы не отвечали?

Монро-Альфа тупо и безмолвно посмотрел на Гамильтона и отвел взгляд.

— А ну-ка встряхнитесь! — рявкнул выведенный из себя Феликс.— Возвращайтесь к жизни! Путч провалился. Знаете?

— Да,— безжизненно кивнул Монро-Альфа и добавил: — Я готов.

— Готов — к чему?

— Разве вы пришли не арестовать меня?

— Я? Боже упаси! Я же не блюститель.

— Это не важно. Мне все равно.

— Послушайте, Клифф,— серьезно заговорил Гамильтон,— что с вами случилось? Вы все еще переполнены болтовней МакФи? Или решили стать мучеником? Вы были дураком — но ведь нет смысла становиться полным идиотом! Я доложил, что вы были моим агентом.

Только сейчас его осенила эта идея — и позже, если понадобится, он ее осуществит.

— Вы совершенно чисты перед законом. Ну же, говорите! Ведь вы не участвовали в боях?

— Нет.

— Так я и думал — особенно после снотворного, которым я вас начинил. Еще немножко — и вы бы слушали сейчас райских птичек. Тогда в чем же дело? Неужто вы все еще остаетесь фанатичным приверженцем всей этой чепухи проклятого «Клуба выживших»?

— Нет. Это было ошибкой. Я был не в своем уме.

— Что правда, то правда. Но поймите: хоть вы и не в состоянии сейчас этого оценить, но вы легко отделались. Вам не о чем беспокоиться. Просто въезжайте в старую колею — и никто ничего не заподозрит.

— Это не поможет, Феликс. Ничто не поможет. Но все равно — спасибо,— Монро-Альфа улыбнулся кроткой, слабой улыбкой.

—Но тогда, ради всего... у меня страстное желание врезать вам прямо по физиономии, чтобы как-то расшевелить.

Монро-Альфа не отвечал. Он сидел безучастно, закрыв лицо руками. Гамильтон потряс его за плечо.

— В чем дело? Да что же, в конце концов, случилось? Что-нибудь, о чем я не знаю?

— Да,— это было сказано почти шепотом.

— Может, расскажете?

— Это неважно,— отмахнулся Монро-Альфа, однако тут же начал рассказывать — и уже не мог остановиться; размеренно, тихим голосом, не поднимая головы, он повествовал обо всем, что с ним приключилось. Казалось, он разговаривает сам с собой, что-то повторяя, чтобы заучить наизусть.

Гамильтон слушал — с ощущением неловкости, то и дело порываясь остановить друга. Никогда еще он не видел, чтобы человек так выворачивал душу. Это казалось непристойным.

Но Клиффорд все продолжал и продолжал, пока жалкая и расплывчатая картина не обрела беспощадной четкости.

— И вот я вернулся сюда,— он смолк, так и не подняв глаз.

— И это все? — спросил пораженный Гамильтон.

— Да.

— Вы уверены, что ничего не пропустили?

— Нет, конечно нет.

— Тогда что же вы здесь делаете?

— Ничего. Мне просто некуда больше идти.

— Нет, Клифф, все-таки вы доведете меня до смерти! Действуйте! Начинайте! Поднимайте свою жирную задницу — и двигайте.

— Что? Куда?

— За ней, безмозглый идиот! Идите — и найдите ее.

Монро-Альфа устало покачал головой.

— Видимо, вы не слушали. Говорю вам: я пытался ее сжечь.

Гамильтон глубоко вздохнул, задержал дыхание, выдохнул и только после этого заговорил:

— Послушайте меня. Кое-что о женщинах я знаю, хотя порой мне и кажется, будто на самом деле не понимаю в них ничего. Но вот в чем я совершенно уверен: женщина никогда не позволит такой мелочи, как попытка разок выстрелить в нее, стать между вами — если, конечно, вы вообще имели у нее хоть какой-то шанс. Она вас простит.

— Вы ведь не всерьез так считаете? — лицо Монро-Альфы все еще хранило трагическое выражение, но он уже уцепился за надежду.

— Разумеется, всерьез. Женщина простит все что угодно,— и в проблеске внезапного озарения Гамильтон добавил: — В противном случае человечество давно бы уже вымерло.

Глава XI
«...Тогда человек — нечто большее, чем его гены!»

— Не могу сказать,— заметил достопочтенный член Совета от района Великих Озер,— чтобы меня убедила аргументация брата Мордана в пользу проекта, предложенного ради того, чтобы обеспечить согласие молодого Гамильтона на передачу по наследству его врожденных качеств. Правда, я не очень хорошо знаком с деталями вовлеченной генетической линии...

— А должны бы,— довольно едким тоном перебил Мордан.— Я представил полную расшифровку два дня назад.

— Прошу прощения, брат. Последние сорок восемь часов мне почти непрерывно пришлось вести слушания. Вы же знаете, история с Миссисипской долиной — довольно срочное дело...

— Виноват,— в свою очередь склонил голову Мордан.— Непосвященному простительно забыть о занятости планировщика.

— Пустяки. Не будем впадать в излишнюю вежливость. Я просмотрел резюме и первые шестьдесят страниц. Вкупе с моими общими знаниями это позволило составить приблизительное представление о сути проблемы. Но скажите, прав ли я, полагая, будто в карте Гамильтона нет ничего такого, чего нет в других? Можете вы предложить иные варианты?

— Да.

— Вы рассчитывали завершить программу на его потомках. В случае использования других источников — сколько понадобится дополнительных поколений?

— Три.

— Так я и думал — и в этом причина моего несогласия с вашими аргументами. Генетическая цель последовательности, разумеется, представляет для расы величайшую важность, но отсрочка на каких-то сто лет вряд ли настолько существенна, чтобы ради этого предпринять развернутое исследование вопроса о жизни после смерти.

— Правильно ли я понимаю,— вмешался спикер дня,— что вы официально подаете голос против предложения брата Мордана?

— Нет, Хьюберт, нет. Вы поспешили — и ошиблись. Я поддерживаю его предложение, невзирая на тот факт, что считаю его аргументацию хотя и справедливой, но недостаточно обоснованной. Я расцениваю эту идею как достойную — вне зависимости от причин, на основании которых она выдвинута. Я считаю, что мы должны безоговорочно поддержать брата Мордана.

Член от Антильских островов оторвал глаза от книги, которую читал (все присутствующие знали, что это не свидетельство неуважения к коллегам — у него были параллельные мыслительные процессы, и никому даже в голову не приходило, что из вежливости он станет терять половину времени).

— Полагаю,— сказал он,— Джордж должен обосновать свою позицию более подробно.

— С удовольствием. Мы, политики, подобны лоцману, который пытается осторожно вести корабль, не имея представления о пункте назначения. Гамильтон нащупал самое слабое место в нашей культуре — ему самому следовало бы быть планировщиком. Хотя в основе каждого принимаемого нами решения и лежит объективная информация, все же оно сформировано прежде всего нашими личными воззрениями. Именно в их свете мы рассматриваем любые факты. У кого из вас есть собственное мнение о жизни после смерти? Прошу поднять руки. Ну же — будьте честными перед собой.

Нерешительно поднялось несколько рук.

— А теперь,— продолжал член Совета от Великих Озер,— я прошу поднять руки тех, кто убежден в правильности собственного мнения.

Поднятой осталась лишь рука члена Совета от Патагонии.

— Браво! — воскликнул Ремберт от Озер,— я должен был догадаться, что вы уверены.

Вынув изо рта сигару, представитель от Патагонии рявкнула:

— Каждый дурак это знает!

И вернулась к своему вышиванию.

Ей уже перевалило за сто, и она была единственной дикорожденной во всем Совете. И вот уже более полувека избиратели неукоснительно подтверждали ее полномочия. Хотя зрение у нее мало-помалу слабело, однако зубы по-прежнему оставались своими, только с каждым годом все больше желтели. Морщинистое лицо цвета красного дерева свидетельствовало больше об индейской, чем о кавказской крови. Многие из членов Совета потихоньку признавались, что побаиваются ее.

— Карвала,— обратился к ней Ремберт,— может быть, вы сэкономите наши усилия, предложив готовый ответ?

— Ответа я вам предложить не могу — да если бы и предложила, вы бы мне не поверили,— секунду помолчав, она добавила: — Пусть мальчик поступает, как ему нравится. Он все равно так и сделает.

— Вы поддерживаете предложение брата Мордана или возражаете против него?

— Поддерживаю. Хотя не думаю, что вы сумеете подступиться к делу с правильной стороны.

Наступила короткая пауза. Каждый из присутствующих торопливо пытался припомнить, когда — если такое вообще хоть раз было — Карвала оказывалась в конечном счете не права.

— Мне совершенно очевидно,— заговорил Ремберт,— что единственно разумная личная философия, основанная на представлении о нашей *полной и окончательной* смертности,— это философия гедонизма. Гедонист может получать от жизни наслаждения самыми тонкими, непрямыми, сублимационными методами — однако наслаждение должно быть его единственной разумной целью, сколь возвышенным ни казалось бы его поведение. С другой стороны, если жизнь представляет собой *нечто большее*, нежели видимый нам короткий промежуток,— это открывает безграничные возможности для развития негедонистических воззрений. Объект исследования, таким образом, представляется мне заслуживающим внимания.

— Даже если ваша точка зрения справедлива,— заметила женщина, представлявшая Северо-Западный Союз,— в нашей ли компетенции заниматься этим? Наши функции и полномочия ограничены, конституция запрещает нам вмешиваться в сферу духовной жизни. Что вы думаете по этому поводу, Иоганн?

Член Совета, к которому она обратилась с этим вопросом, был среди них единственным религиозным деятелем, Преподобнейшим посредником для нескольких миллионов своих единоверцев к югу от Рио-Гранде. Его политическая карьера была тем более удивительной, что большинство его избирателей не принадлежало к этой конфессии.

— На мой взгляд, конституционные ограничения в данном случае неприменимы, Джеральдина,— отозвался он.— То, что предлагает брат Мордан, является чисто научным исследованием. Результаты его могут приобрести значение для духовной жизни в случае, если работа приведет к положительным результатам.

Однако беспристрастное изучение проблемы в любом случае не является нарушением свободы вероисповедания.

— Иоганн прав,— заметил Ремберт.— Объектов, неуместных для научного исследования, не бывает. Мы слишком долго считали обращение к этой области монопольным правом вам подобных, Иоганн. Самый серьезный в мире вопрос был оставлен на усмотрение догадок или веры. Пришло время ученым либо заняться им, либо признать, что наука — не больше чем пересчитывание камешков.

— Действуйте,— поощрил его Иоганн.— Мне интересно, чего вы добьетесь в лабораториях.

Хоскинс Джеральдина посмотрела на него.

— Интересно, Иоганн, в каком положении вы окажетесь, если исследования выявят факты, противоречащие положениям вашей веры?

— Это вопрос,— невозмутимо отозвался тот,— который я должен буду разрешить наедине с собой. Данного Совета он не касается.

— Полагаю,— заметил спикер,— можно перейти к предварительному голосованию. Мы знаем, что некоторые поддерживают предложение брата Мордана. Высказывается ли кто-нибудь против?

Ни одна рука не поднялась.

— Воздерживается ли кто-нибудь от выражения мнения?

И снова не поднялась ни одна рука — лишь один из членов Совета нерешительно шевельнулся.

— Вы хотели что-то сказать, Ричард?

— Пока нет. Я поддерживаю предложение, но хотел бы позже о нем поговорить.

— Очень хорошо... Решение принято единогласно. Кандидатуру организатора проекта я представлю собранию позже. Теперь вы готовы, Ричард?

Чрезвычайный член Совета, представитель Странствующих и Путешествующих, полномочия которого не ограничивались каким-либо избирательным округом, кивнул.

— Намеченные исследования слишком локальны.

— Да?

— В качестве средства убедить Гамильтона Феликса сотрудничать с государственными генетиками они вполне достаточны. Но ведь теперь мы принимаем программу ради нее самой. Это так?

Спикер обвел взглядом зал — кивнули все, кроме престарелой Карвалы, казалось, совершенно не заинтересованной ходом обсуждения.

— Да, это так.

— Тогда мы должны исследовать не эту единственную философскую проблему, но весь комплекс. И по тем же причинам.

— Однако же мы совсем не обязаны быть последовательными и всеобъемлющими.

— Да, знаю. Но я исхожу не из формальной логики — перспектива представляется мне увлекательной. И потому я предлагаю расширить сферу исследований.

— Прекрасно. Я тоже заинтересован. И полагаю, что мы вполне можем посвятить обсуждению этого вопроса несколько ближайших заседаний. Выдвижение кандидатуры организатора проекта я задержу до тех пор, пока мы не решим, как далеко собираемся в этих исследованиях зайти.

Поскольку миссия его была практически завершена, Мордан уже некоторое время порывался испросить разрешения удалиться, однако при том повороте, который приняла дискуссия, почувствовал, что его не заставили бы покинуть зал ни пожар, ни землетрясение — его не выманил бы отсюда даже целый сонм очаровательных девиц. К тому же, как всякий полноправный гражданин, он имел право присутствовать на любом заседании Совета, а поскольку являлся еще и заслуженным синтетистом, вряд ли кому-либо пришло бы в голову протестовать против его участия в обсуждении.

Член Совета от Странствующих и Путешествующих продолжал:

— Нам следует перечислить и исследовать все философские проблемы — особенно вопросы метафизики и гносеологии.

— Я полагал,— мягко вмешался спикер дня,— что гносеология достаточно разработана.

— Конечно, конечно — в ограниченных пределах, как соглашение о семантической природе символического общения. Для того, чтобы общение было возможным. Речь и все другие символы

общения неизбежно соотносятся с согласованными, *четко определенными* физическими фактами, как бы ни был высок уровень абстрагирования. Без этого мы не можем общаться. Вот почему мы с братом Иоганном не можем спорить о религии: свою он несет в себе, будучи не в состоянии объяснить ее,— так же, как я ношу в себе свою. Мы даже не можем быть совершенно убеждены, что в чем-то друг с другом не согласны. Наши религиозные убеждения могут быть идентичными, однако мы не можем их *выразить* — и в результате помалкиваем.

Иоганн улыбнулся со своим обычным неизменным добродушием, но ничего не сказал. Карвала, подняв глаза от вышивки, язвительно поинтересовалась:

— Это что, лекция для детского сада?

— Виноват, Карвала. Мы пришли к соглашению относительно метода символического общения — символ *не есть* обозначаемый им факт, карта *не есть* территория, звук речи *не есть* физический процесс. Мы идем дальше — и признаем, что символ никогда не включает в себя всех деталей явления, которое обозначает. И еще мы допускаем, что символы могут использоваться для манипуляции символами... Это опасно, но полезно. Мы согласились также, что для облегчения общения символы, насколько возможно, должны быть структурно уподоблены фактам, которые ими обозначаются. До этого предела гносеология разработана. Однако ее ключевую проблему — *как* мы знаем то, *что* знаем, и что это знание означает — мы договорились игнорировать, как игнорируем мы с Иоганном теологические вопросы.

— И вы всерьез предлагаете это исследовать?

— Да. Это ключевой вопрос в общей проблеме личности. Между ним и поднятой братом Морданом проблемой существует взаимосвязь. Подумайте: если человек «живет» после того, как тело его умерло, или же до того, как оно было зачато, значит, *человек представляет собой нечто большее, чем его гены и влияние окружающей среды.* Доктрина внеличностной ответственности за персональные поступки стала популярной на основе прямо противоположных представлений. Не стану углубляться в этические, политические и иные следствия, вытекающие из этого тезиса,— они достаточно очевидны. Отметьте, однако, аналогию между географической картой и территорией — с одной стороны, и генетической картой и человеком — с другой. Все эти основополагающие проблемы взаимосвязаны, и решение одной из них может послужить ключом к решению другой — или даже всех остальных.

— Вы не упомянули о возможности прямого общения, минуя системы символов.

— Это подразумевалось. Такое общение служит прекрасным примером того класса явлений, о котором мы договорились забыть, принимая негативные семантические утверждения в качестве последнего слова гносеологии. Однако такую точку зрения необходимо пересмотреть. В телепатии есть *нечто* — даже если мы не в состоянии ни измерить его, ни управлять им. Это прекрасно известно всем, кто счастлив в браке — даже если они не рискуют признаваться в этом вслух. *В какой-то мере* телепатией пользовались первобытные люди, а сейчас — животные и дети. В свое время избыток самоуверенности заставил нас поторопиться с выводами, но теперь вопрос пора снова открыть.

— Если говорить обо всем комплексе философских проблем,— вставил член Совета от Нью-Боливара,— то исследование одной из них мы уже согласились финансировать — я имею в виду баллистический стеллариум доктора Торгсена. Происхождение и будущее Вселенной несомненно являются классической проблемой метафизики.

— Вы правы,— заметил спикер,— и если мы согласимся с предложением Ричарда, то проект доктора Торгсена будет рассматриваться в качестве составной части программы.

— Полагаю, мы недостаточно субсидировали работу доктора Торгсена.

— Пока что он не так много истратил, хотя субсидии, разумеется, могут быть увеличены в любой момент. Похоже, он лишен таланта тратить деньги.

— Возможно, ему недостает толковых ассистентов. Я порекомендовал бы Харгрейва Калеба и, конечно, Монро-Альфу Клиффорда. В департаменте финансов Монро-Альфа только зря тратит время.

— Торгсен знаком с Монро-Альфой. Возможно, Монро-Альфа сам не хочет работать над этой проблемой.

— Ерунда! Всякому человеку нравится та работа, которая заставляет его напрягать мускулы.

— Тогда, может быть, Торгсен не решается пригласить его в свой проект? Торгсен так же скромен, как и Монро-Альфа.

— Это больше похоже на правду.

— В любом случае,— подытожил спикер дня,— эти детали решать организатору проекта, а не всему Совету. Готовы ли вы приступить к голосованию? Ставится вопрос о предложении брата Ричарда в самом широком его смысле. Я предлагаю отложить конкретное рассмотрение подробностей проектов и методик на завтра и последующие дни. А сейчас — имеет ли кто-нибудь из членов Совета возражения?

Возражений не было — в Совете царило полное единодушие.

— Быть по сему,— заключил спикер и улыбнулся.— Кажется, мы пытаемся пройти там, где споткнулся Сократ.

— Проползти, а не пройти,— поправил Иоганн.— Мы ограничили себя методами экспериментальной науки.

— Что правда, то правда. Однако — «ползущий не может споткнуться». А теперь перейдем к другим делам: у нас все еще есть государство, которым необходимо управлять.

Глава XII
«Камо грядеши...»

— Хотели бы вы иметь половинную долю в гладиаторе? — спросил Гамильтон.

— О чем вы говорите? — не поняла Филлис.

— О предприятии Смита Дарлингтона — футболе. Мы собираемся зарегистрировать контракты всех игроков и продавать их. Наш агент считает это хорошим капиталовложением — и я, признаться, думаю, что он прав.

— Футбол,— задумчиво повторила Филлис,— вы как-то говорили о нем, только я ничего не поняла.

— Занятие это в лучшем случае глупое. Двадцать два человека выходят на поле и сражаются голыми руками.

— Зачем?

— Предлог для борьбы — маленький пластиковый сфероид, который мечется из одного конца игрового пространства в другой.

— А какая разница, в каком конце он находится?

— На самом деле — никакой, но в этом нисколько не меньше смысла, чем в любой другой игре.

— Не понимаю,— заявила Филлис.— С какой стати кто-то сражается, если он не собирается убить другого?

— Это надо увидеть, чтобы понять. Возбуждающее зрелище. Я даже поймал себя на том, что как-то закричал.

— Вы?

— Да. Я — старый, спокойный, как кот, Феликс. Говорю вам — эта игра будет жить. Она станет популярной. Мы начнем продавать лицензии на личный просмотр, а потом и на все виды менее значительных прав — прямую трансляцию, запись и так далее. У Смита куча идей. Он хочет, чтобы различные группы игроков представляли города и организации, о присвоении им цветных символов, песен и еще всякой всячины. Для варвара Смит — прямо-таки удивительный молодой человек.

— Должно быть.

— Так разрешаете купить вам долю? Это чистейшей воды спекуляция — сейчас ее можно приобрести довольно дешево, а потом она принесет вам богатство.

— А зачем мне деньги?

— Не знаю... Можете истратить их на меня.

— Звучит очень глупо — вы и так распухли от денег.

— Это, кстати, напомнило мне совсем о другом. Когда мы поженимся, вам придется серьезно подумать над тем, каким образом нам их тратить.

— Опять вы об этом?

— Почему бы и нет? Времена изменились. Препятствий больше нет. А Мордан обратил меня в свою веру.

— Он мне так и сказал.

— Он сказал? Боже всемогущий, все происходит у меня за спиной! Ну да ладно. Так когда мы заключим контракт?

— А что позволяет вам думать, что мы это сделаем?

— Ну, мне казалось, что нас разделяло лишь мнение относительно детей?

— Вы ничего не поняли. Я сказала, что никогда не выйду за человека, который не хочет иметь детей.

— Но я думал, что вы...— он встал и принялся нервно расхаживать по комнате.— Скажите, Фил, я вам *ни капельки* не нравлюсь?

— Вы довольно милы — на совершенно неповторимый, прямо скажем, ужасный манер.

— Тогда в чем же дело?

Она молчала. Наконец Гамильтон не выдержал:

— Не знаю, стоит ли мне это делать, раз вы так настроены, но все равно я хочу сказать — я люблю вас. Вы ведь и сами это знаете?

— Иди-ка сюда.

Гамильтон послушно выполнил приказ; Филлис взяла его за уши и потянула вниз.

— Филти, дубина,— с этого и надо было начинать!

Завершив затяжной поцелуй, она проговорила мечтательно:

— Филти...

— Да, дорогая?

— После Теобальда у нас будет маленькая девочка, потом другой мальчик, а потом, может быть, еще девочка.

— Хм-м-м...

— В чем дело? — выпрямилась она.— Такая перспектива тебя не радует?

Филлис вперила в Гамильтона испытующий взгляд.

— Разумеется, радует...

— Откуда же тогда такая мрачность?

— Я подумал о Клиффе. Бедный болван!..

— Он до сих пор не напал на ее след?

— Ни намека.

— Бедняга! — вздохнула Филлис и снова обняла его.

Вернувшись на то же место в Лесу Гигантов, Монро-Альфа попытался разыскать девушку — но тщетно. В списке посетителей Парка не значилось ни одной Марион; не отмечено было и появление зарегистрированной на это имя авиетки. Никто из сотрудников заповедника не узнал ее по сбивчивому описанию Клиффорда. Владельцы побывавших здесь в последнее время транспортных средств — как воздушных, так и наземных — тоже не знали ее. То есть знали они даже нескольких женщин с таким именем, однако ни одна из них не была *Марион*; впрочем, трижды их словесные портреты почти совпадали с образом, запечатлевшимся в памяти Монро-Альфы, и это заставляло Клиффорда с отчаянной надеждой метаться по стране — и каждый раз испытывать в конце концов жестокое разочарование.

Оставалась еще Джонсон-Смит Эстер, в чьем городском доме Клиффорд впервые встретил Марион. Монро-Альфа обратился к ней сразу же после первой неудачной попытки найти девушку в Парке. Однако та не могла сказать ничего вразумительного.

— В конце концов, дорогой мой мистер Монро-Альфа, здесь была такая *тьма* народу...

Сохранился ли у нее список приглашенных? Да, конечно — какой же хозяйкой он ее считает? Нельзя ли взглянуть на него?

Джонсон-Смит Эстер послала за секретарем, ведающим встречами и приемами.

В списке имени Марион не значилось.

После долгих поисков Монро-Альфа вновь обратился к ней. Не могла ли она ошибиться? Нет, никакой ошибки не было. Однако на такие званые вечера приглашенные гости порой прихватывают с собой друзей или знакомых. Имен этих последних в списке, разумеется, нет. Думал ли он о таком варианте? Нет, но не может ли она попробовать вспомнить такую ситуацию? Не только не может, но не стала бы и стараться — он хочет от нее слишком многого. А не сочтет ли она чрезмерной просьбу снять копию со списка приглашенных? Ни в коем случае — пожалуйста.

Только сначала ему пришлось выслушать ее. «Нынче стало просто *невозможно* подыскать прислугу за сколько-нибудь *разумную* плату...» Не может ли он чем-нибудь помочь? «*Дорогой* мистер Монро-Альфа...» Каким образом? Но ведь он же занимается начислением дивидендов, не так ли? «В том-то и все зло: при столь

высоких дивидендах они попросту *не желают* работать, если только вы их не *подкупите*, мой дорогой!»

Монро-Альфа попытался втолковать ей, что не имеет ни малейшего отношения к распределению дивидендов, будучи всего лишь математическим промежуточным звеном между фактами экономики и Советом политики. Однако она ему явно не верила.

Поскольку Клиффорд нуждался в некотором одолжении со стороны Джонсон-Смит Эстер, он не стал объяснять ей, что и сам не согласился бы прислуживать кому-то другому — разве что умирал бы с голоду. Клиффорд попытался убедить ее воспользоваться услугами сервисных компаний и — главное — помощью превосходных автоматов, выпускаемых заводами ее мужа. Однако ей хотелось совсем другого.

— Это так вульгарно, мой дорогой! Уверяю вас, хорошо вышколенную прислугу ничто не заменит! По-моему, люди этого класса должны были бы *гордиться* своей профессией. Уверена, *я* бы гордилась — окажись волею судеб на их месте.

Сжигаемый нетерпением, но тем не менее со скрупулезной тщательностью корпел Монро-Альфа над списком. Некоторые из приглашенных жили вне столицы, другие — совсем далеко, вплоть до Южной Америки: приемы Джонсон-Смит Эстер были в моде. Этих он не мог расспросить сам — во всяком случае недостаточно быстро для того, чтобы успокоить мятущуюся и страдающую душу. Чтобы разыскать их всех, следовало нанять агентов. Клиффорд так и поступил; это поглотило все его накопления — личные услуги стоят дорого! — и пришлось даже влезть в долги в счет будущего жалованья. Двое из присутствовавших тогда на приеме за это время уже умерли. Монро-Альфа привлек дополнительных агентов, тактично исследуя окружение покойных и даже их более далеких знакомых в надежде отыскать среди них девушку по имени Марион. Он даже не осмеливался оставить этих двоих под конец, опасаясь, что след может остыть.

Столичных жителей он расспрашивал сам. Нет, на этот прием мы никого с собой не брали — никакой Марион. Прием Эстер? Минутку, минутку — она дает их так много... Ах, этот — нет, мне очень жаль... Подождите, дайте подумать — вы имеете в виду Селби Марион? Нет, Селби Марион миниатюрная женщина с

огненно-рыжими волосами. Очень жаль, дорогой мой.— Хотите выпить? Нет? Что за спешка?

Да, конечно. Мою кузину, Фэйркот Марион. Вот ее стерео — там, на органе. Вы не ее разыскиваете? Ну что ж, позвоните как-нибудь, расскажите, что у вас получается. Всегда рада оказать услугу другу Эстер — у нее каждый раз так весело...

Кого-то мы на этот прием прихватили — кто это был, дорогой? Ах, да — Рейнольдс Ганс. И с ним какая-то незнакомая девушка. Нет, имени ее мне не припомнить. А ты не помнишь, дорогой? Если им нет еще тридцати, я их всех ласково называю конфетками. Но вот адрес Рейнольдса — можете спросить у него...

Мистер Рейнольдс ни в коем случае не считал эти расспросы бестактными. Да, он помнит тот вечер — восхитительный скандальчик. Да, с ним была кузина из Фриско. Да, ее *звали* Марион — Хартнетт Марион. А откуда вы знаете? Скажите, как интересно! Однажды он и сам проделал нечто подобное. Думал, что совсем потерял след девушки, но на следующей неделе она появилась на другой вечеринке. Правда, к сожалению, она замужем и влюблена в своего мужа — причем взаимно. Нет, нет, он не имел в виду, что Марион замужем — речь шла о другой девушке, по имени Фрэнсин. Есть ли у него фотография кузины? Подождите, дайте вспомнить... Кажется, нет. Впрочем, минутку — есть вроде в альбоме любительский снимок, они тогда были еще детьми. Где? В один прекрасный день он приберет эту квартиру и вышвырнет кучу всякого хлама — как только что-то понадобится, вечно ничего не найдешь! Вот. Вот Марион — в переднем ряду, вторая слева. Это она?

Это была она! *Она*!

Как можно заставить быстрее лететь авиетку? Сколько углов можно срезать, не попавшись патрулю? Вперед... вперед... вперед!

Прежде чем позвонить у ее дверей, Монро-Альфа на мгновение остановился, стараясь унять сердцебиение. Сканер осмотрел его, и дверь открылась.

Он застал Марион одну.

При виде девушки Клиффорд замер — побледнев, не в силах ни двинуться, ни заговорить.

— Здравствуйте! Входите,— сказала она.

— Вы... вы меня примете?

— Конечно. Я вас ждала.

Монро-Альфа посмотрел ей в глаза — они были по-прежнему теплыми и нежными, хотя глубоко внутри в них таилось и беспокойство.

— Я... не понимаю. Ведь я пытался вас сжечь.

— Вам только кажется. На самом деле вы этого не хотели.

— Я... Но... О Марион, Марион!

Клиффорд двинулся к ней, споткнулся и чуть не упал. Голова его ткнулась в колени девушки. Его сотрясали мучительные рыдания человека, за свою жизнь так и не научившегося плакать.

Марион погладила его по плечу.

— Дорогой мой, дорогой...

Подняв наконец глаза, он увидел, что лицо у девушки тоже мокрое от слез, хотя и не слышал, чтобы она плакала.

— Я люблю вас,— сказал Клиффорд так трагически, словно это было непоправимым несчастьем.

— Знаю. И я вас люблю.

Много позже она попросила его:

— Пойдем со мной.

Монро-Альфа последовал за ней в другую комнату, где Марион забралась в недра платяного шкафа.

— Что ты делаешь?

— Мне нужно сначала кое о чем позаботиться.

— Сначала?

— Да. На этот раз я выполню твою просьбу.

Разговаривая с ней на обратном пути, Клиффорд употребил оборот: «После того, как мы поженимся».

— Ты собираешься жениться на мне?

— Конечно! Если ты согласна.

— Ты готов жениться на дикорожденной?

— Почему бы и нет? — он сказал это храбро, даже небрежно.

Почему бы и нет? Гордившиеся своей патрицианской латинской кровью римские граждане легко могли бы объяснить, почему. Белые аристократы Старого Юга могли бы детально растолковать ему, почему нет. Апологеты «арийского» расового мифа могли бы дать научное определение этим причинам. Без сомнения,

в каждом из этих случаев лица, взявшиеся раскрыть ему глаза на весь ужас и всю непристойность его намерения, имели бы в виду разные «расы», но аргументы их были бы одними и теми же. Даже Джонсон-Смит Эстер могла бы объяснить ему, «почему нет» — и будьте уверены, за подобный унизительный союз навсегда вычеркнула бы его из списка. Наконец, короли и императоры теряли троны из-за куда менее неравных браков.

— Это все, что я хотела знать,— проговорила Марион.— Иди сюда, Клиффорд.

Он приблизился, несколько озадаченный. Девушка подняла левую руку, и он прочел крошечные вытатуированные под мышкой цифры. Регистрационный номер был... неважно. Однако классификационная буква была не «В», означавшая основной тип, и не «С», свидетельствовавшая о принадлежности к дикорожденным,— это была литера «Х», обозначавшая экспериментальную группу.

Обо всем этом Марион рассказала ему чуть-чуть позже. Ее прадед и прабабушка по мужской линии были дикорожденными.

— Конечно, это немного сказывается,— говорила Марион,— и я простужаюсь, если забываю принимать пилюли. А иногда забываю — я вообще рассеянная, Клиффорд.

Ребенок этих двоих, ее дед по отцу, уже взрослым был определен как вероятная благоприятная мутация — почти наверняка благоприятная. Мутация эта относилась к числу исключительно тонких и трудновыявляемых и зависела от сферы эмоциональной стабильности. Наверное, проще всего было бы сказать, что дед Марион был цивилизованнее всех остальных. Естественно, была предпринята попытка сохранить эту мутацию — и Марион являлась одной из ее носительниц.

Глава XIII
«Не больше уединения, чем у гуппи в аквариуме»

Едва войдя в дом, Гамильтон услышал восторженный визг Филлис:

— Феликс!

Отшвырнув в сторону портфель, он поцеловал ее.

— Что стряслось, Филл?

— Вот это. Смотри. Читай.

«Это» оказалось фотостатом рукописного послания. Гамильтон прочел вслух:

— «Эспартеро Карвала приветствует мадам Лонгкот Филлис и просит разрешения навестить ее завтра в половине пятого». Хм-м-м... Высоко метишь, дорогая.

— Но что я *должна делать*?

— Делать? Ты протягиваешь руку, говоришь: «Как поживаете?», а затем угощаешь чем-нибудь, вероятно, чаем, хотя я слышал, что она пьет, как рыба.

— Филти!

— В чем дело?

— Не шути со мной. Что мне делать? Не развлекать же ее пустой болтовней! Она вершит Политику. Я не знаю, *о чем* с ней говорить.

— Допустим, она член Совета политики. Но она же человек, не так ли? И дом у нас — в полном порядке, верно? Пойди, купи себе новое платье — и будешь чувствовать себя во всеоружии.

Вместо того чтобы просиять, Филлис ударилась в слезы. Гамильтон обнял ее, приговаривая:

— Ну-ну... Что случилось? Я сказал что-нибудь не так?

Наконец Филлис перестала плакать и вытерла глаза.

— Нет. Наверное, просто нервы. Все в порядке.

— Ты меня удивляешь. Раньше за тобой ничего подобного не водилось.

— Нет. Но и ребенка у меня раньше не было.

— Да, верно. Ну что ж, поплачь — если от этого почувствуешь себя лучше. Только не позволяй этому замшелому ископаемому досаждать тебе, малыш. И вообще — ты не обязана ее принимать. Хочешь, я позвоню ей и скажу, что ты не можешь?..

Но Филлис, казалось, уже совершенно оправилась от своего смятения.

— Нет, не надо. Мне в самом деле интересно ее увидеть. В конце концов, я польщена.

Потом они обсудили вопрос: намеревалась ли мадам Эспартеро Карвала нанести визит им обоим или только Филлис? Феликсу не хотелось ни навязывать своего присутствия, ни оказать своим отсутствием неуважения высокой гостье. Дом был в равной мере и его, и Филлис... В конце концов он позвонил Мордану, зная, что Клод гораздо ближе его к высоким и могущественным особам. Но арбитр ничем не мог помочь.

— Она сама себе закон, Феликс. И если захочет, вполне способна нарушить любые правила вежливости.

— Вы не догадываетесь, почему она собирается нас посетить?

— Увы! — Мордан пытался было строить предположения, однако ему хватило честности признать свою полную несостоятельность; какая бы то ни было информация отсутствовала, а эту старую леди он никогда не понимал — и знал это.

Однако мадам Эспартеро Карвала разрешила все сомнения сама. Она вошла, тяжело ступая и опираясь на толстую трость. В левой руке она держала горящую сигару. Гамильтон с поклоном приблизился к ней.

— Мадам...— начал было он.

Она окинула Феликса взглядом.

— Вы Гамильтон Феликс. А где ваша жена?

— Если мадам пройдет со мной...— он попытался предложить ей руку.

— Я и сама еще не разучилась ходить,— весьма нелюбезно отрезала Карвала, но тем не менее зажала сигару в зубах и оперлась на его руку. Хотя пальцы у нее оказались сильными и твердыми, Гамильтон с изумлением почувствовал, как мало она, похоже, весила.

Войдя в гостиную, где ожидала их Филлис, мадам Эспартеро первым делом произнесла:

— Подойди ко мне, дитя. Дай мне на тебя посмотреть.

Гамильтон чувствовал себя дурак дураком, не зная, сесть ему или удалиться. Заметив, что он все еще здесь, старая леди повернулась и сказала:

— Вы были очень любезны, проводив меня к своей супруге. Примите мою благодарность.

Церемонная вежливость этих слов странно отличалась от ее первых коротких реплик, однако никакого тепла за этой формальной благодарностью Феликс не ощутил. Он понял, что ему недвусмысленно предлагали удалиться. Что он и сделал.

Вернувшись в свой кабинет, он выбрал фильмокнигу и вставил ее в книгоскоп, собираясь таким образом убить время до ухода Карвалы. Однако вскоре Гамильтон обнаружил, что не в состоянии сосредоточиться на чтении. Он поймал себя на том, что уже трижды нажимал клавишу обратной перемотки, но все еще не понял, с чего, собственно, начинается повествование.

Проклятье! Он подумал, что с тем же успехом мог бы отправиться в свой офис.

Да, теперь у него был собственный офис. Эта мысль заставила его слегка улыбнуться. Он — человек, всегда стремившийся быть независимым, отдававший львиную долю доходов посредникам, лишь бы не заниматься самому деловыми хлопотами,— и вот нате! — перед вами добропорядочный супруг, будущий отец, разделивший кров с законной женой, и вдобавок ко всему — обладатель собственного офиса! Правда, офис этот не имел ничего общего с его бизнесом.

Помимо своей воли Гамильтон оказался вовлеченным в Великое Исследование, добиться которого ему обещал в свое время Мордан. Каррузерс Альфред, бывший член Совета политики, вышедший в отставку, чтобы получить возможность заниматься своими исследованиями, был утвержден в должности организатора расширенного проекта. Он и привлек к работе Гамильтона, хотя тот изо всех сил отказывался, объясняя, что не является ни ученым вообще, ни синтетистом в частности. Тем не менее Каррузерс настаивал.

— У вас непредсказуемое и парадоксальное воображение,— говорил он.— А эта работа требует именно воображения — и чем более неортодоксального, тем лучше. Вам совершенно не обязательно заниматься рутинными исследованиями — для этого есть множество трудолюбивых техников.

Феликс подозревал, что за этой настойчивостью кроется тайное вмешательство Мордана, но допытываться у арбитра не стал. Гамильтон знал, что Клод переоценивает его способности. Он

считал себя человеком достаточно компетентным и высокоработоспособным, однако второразрядным. Карта же, на которую все время ссылался Мордан (его «пунктик»), не может судить о нем точнее. Нельзя превратить живого человека в диаграмму и повесить на стену. Карта — не человек. И разве, оценивая себя изнутри, он не знал о себе много больше, чем способен узреть любой генетик, уставившийся в свой двуствольный мелкоскоп?

Однако в душе Гамильтон радовался, что участвует в работах — проект его увлек. С самого начала он понял, что исследования по расширенной программе предприняты не только для того, чтобы переломить его упорство, да и стенограмма заседания Совета убедила его в этом. Однако обманутым он себя не чувствовал — все свои обещания Мордан выполнил, а теперь Феликс заинтересовался собственно проектом, а точнее, обоими проектами. Двумя масштабными, общеизвестными проектами Великого Исследования — и частным вопросом, касающимся только его самого, Филлис и их будущего ребенка.

На что он будет похож, этот маленький егоза?

Мордан был уверен, что знает. Он продемонстрировал им диплоидную хромосомную схему, происходящую от их заботливо отобранных гамет, и старался растолковать, каким образом будут сочетаться в ребенке характеристики обоих родителей. Феликс в это не особенно верил; неплохо разбираясь в теоретической и прикладной генетике, он тем не менее не был убежден, что вся многогранная сложность человеческого существа может уместиться в крохотном комочке протоплазмы — меньше игольного острия. Это было как-то *неразумно*. Что-то в человеке должно было быть больше этого.

Мордан, похоже, считал крайне благоприятным то обстоятельство, что они с Филлис обладали множеством общих менделианских характеристик. По его словам, это не только упростило процесс отбора гамет, но и гарантировало генетическое укрепление самих характеристик. Парные гены окажутся подобными и не вступят в противодействие.

С другой стороны, Гамильтон видел, что арбитр поощряет союз Монро-Альфы и Хартнетт Марион, хотя они были несхожи друг с другом до такой степени, насколько это теоретически

возможно. Гамильтон обратил внимание Клода на это резкое различие. Однако Мордан не реагировал на его сигнал.

— В генетике не существует неизменных правил. Каждый случай — это дискретный индивидуум. И потому правила применяются избирательно. Они отлично дополняют друг друга.

Было совершенно очевидно, что Марион сделала Клиффа счастливым — счастливее, чем Феликс когда-либо его видел.

Дубина стоеросовая!

Гамильтон давно уже проникся убеждением, что если Клифф в чем-то и нуждался — так это в хозяине, который выгуливал бы его на поводке, в дождь уводил бы под крышу и ублажал щекоткой, когда он дуется. Впрочем, это мнение ничуть не умаляло его подлинной привязанности к другу.

Похоже, Марион удовлетворяла всем этим требованиям. Она почти не выпускала Клиффорда из виду, занимая при нем должность, эвфемистически именуемую «специальный секретарь».

— Специальный секретарь? — переспросил Гамильтон, когда Монро-Альфа рассказал ему об этом.— А чем она занимается? Она математик?

— Ни в коей мере. В математике она ничего не смыслит, однако считает, что я удивителен! — Клифф по-мальчишечьи улыбнулся, и Гамильтон поразился, как изменилось при этом его лицо.— А кто я такой, чтобы ей противоречить?

— Если так и дальше пойдет, Клифф, у вас еще прорежется чувство юмора.

— *Она* думает, что я и сейчас им обладаю.

— Может быть, и так. Я знавал человека, разводившего бородавочников. Он утверждал, что цветы при этом делаются красивее.

— Почему? — спросил озадаченный и заинтригованный Монро-Альфа.

— Не берите в голову. Так все-таки, чем же занимается Марион?

— О, дел ей хватает! Следит за всем, о чем я забываю, под вечер приносит мне чай, а главное — она рядом всегда, когда нужна мне. Когда что-то не получается или я чувствую себя усталым, я поднимаю глаза — и вижу Молли, она сидит и смотрит на меня.

Может, она перед тем читала или еще чем-нибудь занималась, но стоит мне поднять глаза — и не нужно никаких слов: она сидит и глядит на меня. Уверяю вас, это очень помогает — я теперь совсем не устаю,— и Монро-Альфа опять улыбнулся.

Неожиданно Гамильтон ощутил, будто заглянул в душу Клиффорду — и понял: все беды Монро-Альфы происходили из-за того, что он никогда не был счастлив. Бедному простаку нечем было защититься от окружающего мира. Марион же хватало сил на двоих.

Ему хотелось понять, как приняла свое новое положение Хэйзел, однако, невзирая на всю близость с Клиффом, он заколебался. Впрочем, Монро-Альфа заговорил об этом сам:

— Знаете, Феликс, меня немного беспокоит Хэйзел.

— Вот как?

— Да. Она давно говорила, что хочет оформить развод, но я как-то не придавал этому значения.

— Почему же? — напрямик спросил Феликс.

Монро-Альфа покраснел.

— Ну, Феликс, вы все время меня сбиваете... Во всяком случае, она была очень приветлива и доброжелательна, когда я рассказал ей о Марион. Она хочет снова вернуться на сцену.

Не без сожаления Гамильтон подумал, что для отставного артиста подобная попытка почти всегда оказывается неудачей. Однако следующие слова Клиффа показали ему, что он поспешил с выводами.

— Это была идея Торгсена...

— Торгсена? Вашего босса?

— Да. Он рассказывал Хэйзел о внешних базах — особенно, конечно, о Плутоне, но, полагаю, и о Марсе тоже, да и обо всех остальных. У них там совсем нет развлечений — если не считать видеозаписей и чтения.

Хотя специально над этой проблемой Гамильтон никогда не задумывался, однако прекрасно представлял себе ситуацию. За исключением туристских городов на Луне, ничто не привлекало людей на другие планеты — только работа, исследования и изыскания. Немногие, посвятившие себя этому, мирились с тяготами

внеземной жизни и по необходимости влачили монашеское существование. Само собой, Луна являлась исключением из правила; находясь у самого порога Земли, на расстоянии простого прыжка, она была столь же популярна в качестве места для романтических вояжей, как некогда Южный полюс.

— Не знаю, Торгсен ли подсказал или Хэйзел сама додумалась, только она решила собрать труппу и отправиться на гастроли по всем внешним базам.

— Вряд ли это коммерчески осмысленно.

— А этого и не требуется. Торгсен добивается правительственных субсидий. Раз уж космические исследования признаны необходимыми, доказывает он, значит, и моральное состояние персонала является заботой правительства — вопреки традиции, требующей невмешательства государства в дела искусств и развлечений.

— Хорошенькое дело! — присвистнул Гамильтон.— Да ведь этот принцип почти столь же незыблем, как гражданские права!

— Да, но это вопрос конституции. А планировщики — не дураки. Им совсем не обязательно ждать прецедента. Возьмите хоть то, чем мы с вами *сейчас занимаемся*.

— Да, конечно. Как раз по этому поводу я к вам и заглянул — посмотреть, как далеко вы продвинулись.

В то время когда происходил этот разговор, Гамильтон потихоньку, на ощупь разбирался в цельной картине Великого Исследования. Каррузерс не дал ему никаких конкретных рекомендаций и предложил первые несколько недель потратить на то, чтобы составить общее мнение о проекте.

То направление, которым занимался Монро-Альфа — Большой Стеллариум,— продвинулось заметно дальше прочих. Это и понятно: оно было задумано как самостоятельное предприятие намного раньше, чем кому-либо пришла в голову сама мысль о Великом Исследовании, впоследствии включившем его в себя в качестве составной части. Сам Монро-Альфа присоединился к этой работе значительно позднее, однако Гамильтон не сомневался, что со временем его друг выдвинется на одно из ведущих мест. Впрочем, сам Клиффорд придерживался противоположного мнения.

— Харгрейв справляется с этим делом гораздо лучше, чем смог бы я. Я получаю от него указания — я и еще человек шестьдесят.

— Неужели? А я считал, что вы один из руководителей всей затеи.

— Я специалист, и Харгрейв знает, как использовать меня наилучшим образом. Очевидно, вы понятия не имеете, насколько разветвлена и специализирована математика, Феликс. Я вспоминаю конгресс, на котором присутствовал в прошлом году,— там было больше тысячи человек, но на одном языке я мог говорить самое большее с дюжиной.

— Хм-м-м... А Торгсен чем занимается?

— Ну, непосредственно в конструкторских разработках, естественно, от него проку мало — ведь он астрофизик, или, точнее, специалист по метрике пространства. Однако он во все вникает, а предложения его всегда толковы.

— Понимаю. Значит, у вас есть все необходимое?

— Да,— кивнул Монро-Альфа,— если только у вас в рукаве не спрятаны гиперсфера, гиперповерхность и немного четырехмерной жидкости для тонкой смазки.

— Ну *вот и сквитались*. Вижу, что *я снова ошибся* — у вас *уже* появилось чувство юмора.

— Тем не менее я говорю серьезно,— без тени улыбки отозвался Монро-Альфа.— Хотя представления не имею, как все это отыскать и каким образом использовать, если удастся найти.

— А подробнее можно?

— Мне хотелось бы создать четырехмерный интегратор, чтобы интегрировать с поверхности четырехмерного эксцентрика. А такая поверхность является трехмерным объемом. Если бы это удалось, наша работа заметно упростилась бы. Самое смешное, что, не имея возможности построить такую машину, я легко могу описать ее при помощи математических символов. Вся работа, которую мы сейчас производим на обычных интеграторах с трехмерными эксцентриками, свелась бы к единственной операции, тогда как теперь мы вынуждены выполнять бесчисленное их количество. Это сводит меня с ума: теория так изящна, а результаты столь неудовлетворительны...

— Могу лишь посочувствовать,— отозвался Гамильтон.— Однако обсудить все это вам лучше с Харгрейвом.

Вскоре он ушел. Было ясно, что этой живой вычислительной машине никакая помощь не требуется, а дела проекта идут полным ходом. Проект был важен — чертовски важен! — исследование того, какой была и какой станет Вселенная. Однако до получения окончательных результатов Гамильтону, конечно, не дожить. Клифф совершенно определенно заявил, что только проверка их предварительных расчетов потребует двух-трех, а может быть, трех с половиной столетий. И лишь после этого можно надеяться построить действительно стоящую машину, которая поможет им постичь доселе неведомое.

Гамильтон напрочь выбросил это из головы: он мог восхищаться интеллектуальной отрешенностью, позволявшей людям работать с таким размахом, однако это был не его путь.

В начальной стадии Великое Исследование как будто бы распадалось на полдюжины основных проектов, причем некоторые из них интересовали Гамильтона больше прочих, поскольку обещали результаты еще при его жизни. Другие же, однако, по масштабам не уступали масштабностью Большому Стеллариуму. Чего стоило, например, исследование распределения жизни в материальной Вселенной и возможности существования где-либо другого, нечеловеческого разума. Если таковой существовал, то можно было с очень высокой степенью вероятности допустить, что по крайней мере некоторые из этих разумных рас по своему развитию опередили род людской. А если так, то контакты с ними могли всерьез продвинуть человечество в изучении философских проблем. Кто знает, может быть, они уже нашли ответы на проклятые вопросы «как?» и «зачем?»

Конечно, встреча человека с таким превосходящим его разумом психологически может оказаться очень опасной, это уже давно доказано. Подтверждение тому — трагическая история австралийских аборигенов, в исторически сравнительно недавние времена деморализованных и в конце концов уничтоженных собственным чувством неполноценности перед английскими колонизаторами.

Впрочем, эту опасность исследователи воспринимали безмятежно — да иначе и не могли, ибо так уж были устроены от природы.

Однако Гамильтон не был убежден, что подобная опасность существовала. То есть кого-то она могла, разумеется, подстерегать, но таких людей, как Мордан, Феликс не мог представить себе деморализованными. Да и в любом случае это тоже был проект дальнего прицела. Прежде всего необходимо было достигнуть звезд, а для этого сконструировать и построить звездолет. Большие корабли, бороздившие пустынное межпланетное пространство, пока не обладали достаточной для этого скоростью. Для того чтобы рейс в каждый конец не растягивался на многие поколения, следовало разработать какой-то новый двигатель.

В том, что где-нибудь во Вселенной люди найдут разумную жизнь, Гамильтон был совершенно уверен, хотя поиски эти и могли растянуться на тысячелетия. «В конце концов,— размышлял он,— Вселенная столь необъятна! Европейцам понадобилось четыре столетия, чтобы заселить два континента Нового Света — так что же говорить обо всей Галактике!»

Тем не менее жизнь обнаружится! Это было не только его внутреннее убеждение, а почти четко установленный научный факт — точнее, очень естественный, прямой вывод из четко установленного факта. Еще в начале двадцатого века великий Аррениус выдвинул блестящую теорию, согласно которой жизненосные споры давлением света могут переноситься от планеты к планете, от звезды к звезде. Оптимальный размер пылинок, которые могли бы преодолевать космические пространства под давлением света, приблизительно соответствовал размеру бактерий. А споры бактерий практически неистребимы; им не страшны ни холод, ни жара, ни радиация, ни время — они просто спят, не обращая на все это никакого внимания, спят до тех пор, пока не окажутся в благоприятных условиях. Аррениус подсчитал, что расстояние между Солнцем и Альфой Центавра споры могут преодолеть примерно за десять тысяч лет — для космоса это один миг.

Если Аррениус был прав, то населенной должна оказаться не одна Земля, но и вся Вселенная. Неважно, зародилась ли жизнь

первоначально на Земле, в каком-либо другом месте или сразу во многих уголках Вселенной,— появившись на свет, она должна была начать распространяться. Причем за миллионы лет до того, как ее начали бы разносить космические корабли,— если Аррениус был прав, разумеется. Ведь эти споры, укоренившись на планете, должны были, размножаясь, заразить ее всю формами жизни, наиболее подходящими для данных условий. Протоплазма многообразна и изменчива: вследствие мутаций и селекции естественного отбора она может стать любой, сколь угодно сложной формой жизни.

На заре космических исследований утверждения Аррениуса частично, но очень эффектно подтвердились. Жизнь была обнаружена на всех планетах, кроме Меркурия и Плутона; впрочем, судя по некоторым признакам, в прошлом и на Плутоне существовала какая-то примитивная жизнь. Более того, протоплазма, где бы ее ни находили, при всем внешнем невероятном различии, казалась родственной. Разумеется, отсутствие в Солнечной системе разумной жизни явилось разочарованием — как приятно было бы иметь соседей! Несчастные дегенеративные заморыши — потомки некогда могущественных строителей Марса — вряд ли могли быть названы мыслящими, разве что из сострадания; полоумная собака — и та обставила бы их в покер.

Но самое потрясающее и неопровержимое доказательство правоты Аррениуса заключалось в том, что споры были обнаружены в открытом космосе — в вакууме пространства, который представлялся стерильным!

Гамильтон не ожидал, что поиски инопланетного разума принесут плоды еще при его жизни — разве что люди превзойдут самих себя и все-таки решат проблему межзвездных путешествий, с первой или второй попытки сорвав банк. Но в любом случае в этом деле он вряд ли мог с пользой приложить свои силы; то есть он был вполне способен, разумеется, придумать несколько мелких фокусов, делающих жизнь на звездолете более приемлемой для человека, однако для того чтобы сказать свое слово в главном — в создании принципиально нового двигателя,— ему нужно было обратиться к этой области лет на двадцать раньше. Все, на

что он был способен теперь,— это стремиться быть в курсе дела, временами подкидывать идею-другую, да регулярно делиться своими соображениями с Каррузерсом.

Между тем было начато и еще несколько исследований, имевших дело с человеком — в самых эзотерических и неизученных аспектах. Это были области, где никто ничего ни о чем еще не знал, и потому Гамильтон мог принять в этих программах участие наравне с другими; здесь действовал один закон: хватай, отвоевывай свою нишу — и никаких ограничений. Куда попадает человек после смерти? И наоборот, откуда он приходит в жизнь? Второй из этих вопросов Гамильтон отметил для себя особо, заметив, что до сих пор основное внимание уделялось главным образом первому. Что такое телепатия — и как заставить ее работать? Как получается, что во сне человек может проживать иные жизни? Существовали и дюжины других вопросов — тех, от которых наука пятилась до сих пор, точно рассерженный кот, отказываясь рассматривать их потому, что считала слишком интимными. И все они были связаны с загадкой человеческой личности — что бы под этим ни понималось,— причем любой из них мог привести к ответу на вопрос о *цели и смысле.*

По отношению к подобным вопросам Гамильтон занимал свободную и удобную позицию человека, которого как-то спросили, может ли он управлять ракетой. «Не знаю — ни разу не пробовал». Что ж, вот сейчас он и попробует. И поможет Каррузерсу проследить, чтобы попробовали многие другие — настойчиво, не щадя сил, исследуя всякий мыслимый подход, скрупулезно документируя каждый свой шаг. Совместными усилиями они выследят человеческое «Я» — поймают и окольцуют его.

Что такое «Я»? Будучи им, Гамильтон тем не менее не мог ответить на этот вопрос. Он только знал, что это не тело и, черт возьми, не гены. Он мог локализовать местонахождение собственного «Я» — в средней плоскости черепа, впереди от ушей, позади глаз и сантиметра на четыре ниже макушки; нет, пожалуй, ближе к шести. Именно там находилось место, где обитало — находясь дома — его «Я»; Гамильтон готов был поручиться за это — с точностью до сантиметра. Вернее, знал он даже несколько точнее,

но, к сожалению, не мог влезть внутрь себя и измерить. И вдобавок «Я» не всегда пребывало дома.

Гамильтон не мог понять, почему Каррузерс так настаивал на его участии в проекте,— оттого что не присутствовал при одном из разговоров Каррузерса с Морданом.

— Как там успехи у моего трудного ребенка? — поинтересовался Мордан.

— Прекрасно, Клод. В самом деле прекрасно.

— А как вы его используете?

— Ну...— Каррузерс поджал губы.— Он является моим философом, хотя и не подозревает об этом.

— Лучше пусть не подозревает,— улыбнулся Мордан.— Думаю, он может обидеться, если его назовут философом.

— А я и не собираюсь. Но он мне действительно очень нужен. Вы же знаете, сколь узки и запрограммированны специалисты и как педантичен в большинстве своем наш брат синтетист.

— Ай-яй-яй! Как можно говорить такую ересь!

— А что, разве не так? Однако Феликс мне и впрямь полезен. У него активный, ничем не стесненный ум. *Ум, заглядывающий во все углы.*

— Я же говорил вам, он принадлежит к элитной линии.

— Говорили. Время от времени и вы, генетики, получаете правильные ответы.

— Чтоб ваша кровать протекла,— возмутился Мордан.— Не можем же мы всегда ошибаться! Великий Бог должен любить людей — он сотворил их так много...

— К устрицам ваш аргумент относится в еще большей степени.

— Тут есть существенная разница,— заметил арбитр.— *Это я* — тот, кто любит устриц. Кстати, вы обедали?

Феликс вздрогнул — возле его локтя заверещал внутренний телефон. Нажав клавишу, он услышал голос Филлис:

— Ты не зайдешь попрощаться с мадам Эспартеро, дорогой?

— Иду, милая.

В гостиную он вернулся, ощущая смутное беспокойство. Он умудрился совсем забыть о присутствии престарелой планировщицы.

— Прошу вашего милостивого разрешения, мадам...

— Подойдите, юноша,— резко проговорила Карвала.— Я хочу рассмотреть вас на свету.

Гамильтон приблизился и встал подле нее, чувствуя себя почти так же, как в детстве, когда врач в воспитательном центре проверял его рост и физическое развитие. «Проклятье,— подумал он,— старуха смотрит на меня так, словно покупает лошадь!»

Внезапно Карвала поднялась и взяла трость.

— Сойдете,— констатировала она, однако с такой странной интонацией, будто это обстоятельство чем-то ее раздражало. Откуда-то из недр своего одеяния мадам Эспартеро извлекла очередную сигару, закурила и, повернувшись к Филлис, произнесла: — До свидания, дитя. И — спасибо.

После этих слов она так резво направилась к выходу, что Феликсу пришлось поторопиться, чтобы обогнать ее и предупредительно распахнуть дверь. Вернувшись к Филлис, он яростно сказал:

— Будь это мужчина, он уже получил бы вызов!

— Почему, Феликс?!

— Ненавижу этих проклятых старух, делающих все так, как им заблагорассудится!— рявкнул Гамильтон.— Никогда не мог понять, почему вежливость является обязанностью молодых, а грубость — привилегией старых.

— Но, Феликс, она совсем не такая. По-моему, она просто душка.

— Ведет она себя отнюдь не так.

— Но ничего дурного при этом не думает. Полагаю, она просто всегда спешит.

— С чего бы это?

— Не станешь ли и ты таким — в ее возрасте?

Взглянуть с такой точки зрения ему как-то не приходило в голову.

— Может, ты и права. Песочные часы, и все такое прочее. О чем вы тут секретничали вдвоем?

— Обо всякой всячине. Когда я жду ребенка, как мы его назовем, какие у нас на него планы — и вообще...

— Могу поспорить, говорила в основном она!

— А вот и нет, я. Время от времени она вставляла вопрос.

— Знаешь, Филлис,— серьезно проговорил Гамильтон,— что мне меньше всего нравится, так это трепетный интерес, который *посторонние проявляют ко всему, касающемуся тебя, меня и его.* Уединения у нас не больше, чем у гуппи в аквариуме.

— Я понимаю, что ты имеешь в виду, но с ней я ничего подобного не чувствовала. У нас был чисто женский разговор — и очень милый.

— Хм-м-м!..

— Во всяком случае, она почти не говорила о Теобальде. Я сказала, что мы собираемся подарить Теобальду сестренку. Это ее очень заинтересовало. Она хотела знать, когда. И какие у нас планы в отношении девочки. И как мы собираемся ее назвать. Я об этом еще не думала. А ты, Феликс? Как по-твоему, какое имя ей больше подойдет?

— Бог его знает. По-моему, заранее подбирать имя — значит проявлять излишнюю поспешность. Надеюсь, ты сказала ей, что это будет еще очень, очень нескоро?

— Сказала, хоть она и выглядела несколько разочарованной. Однако после появления на свет Теобальда я некоторое время хочу побыть *собой.* А как тебе нравится имя Жюстина?

— Вроде ничего,— отозвался Гамильтон.— А что?

— Она его *предложила.*

— Она? А чей это, по ее мнению, будет ребенок?

Глава XIV
«...И чесать, где чешется»

— Ну-ну, Феликс, спокойнее...

— Черт возьми, Клод,— она там уже так долго!

— Не так уж долго. Первый ребенок очень часто не спешит появляться на свет.

— Но, Клод, вы, биологи, должны бы придумать что-нибудь получше. Женщины не должны через это проходить!

— Что, например?

— Почем я знаю? Может быть, эктогенез...

— Мы могли бы практиковать эктогенез,— невозмутимо заметил Мордан.— Опыт есть, так что достаточно захотеть. Но это было бы *ошибкой.*

— Почему?

— По своей природе это противно выживанию. Раса окажется поставленной в зависимость от технически сложной помощи. А может наступить такое время, когда эта помощь окажется недоступной. Выживают те, кто выживает как в легкие, так и в трудные времена. Общество, практикующее эктогенез, не сможет бороться с жестокими, подлинно примитивными условиями. Хотя эктогенез и не нов — им пользуются уже миллионы лет.

— Нет, я полагаю, это... А? Как давно, вы говорите?

— Миллионы лет. Что такое откладывание яиц, как не эктогенез?

Он неэффективен, потому что подвергает зиготы слишком большому риску. Дронт и большая гагарка могли бы существовать и сегодня, если бы при размножении не пользовались эктогенезом. Нет, Феликс, у нас, млекопитающих, способ надежнее.

— Хорошо вам рассуждать,— мрачно отозвался Гамильтон.— Речь ведь идет не о вашей жене.

Не обратив внимания на этот выпад, Мордан продолжал:

— То же самое *справедливо и по отношению к любой* облегчающей нашу жизнь технике. Вы когда-нибудь слышали о детях, выкормленных из соски, Феликс? Впрочем, нет, не могли — это устаревший термин. Однако это — одна из причин почти полного вымирания варваров после Второй генетической войны. Конечно, погибли не все — как бы ни была яростна война, уцелевшие всегда есть. Но в большинстве своем они были детьми, прикованными к соске,— и численность следующего поколения упала едва ли не до нуля. Не хватило сосок, и слишком мало было коров. А матери выкармливать детей уже не могли.

Гамильтон раздраженно махнул рукой: безмятежное философствование Мордана — или то, что принимал за него Феликс,— казалось ему кощунственным.

— Хватит об этом. К черту! Лучше дайте закурить.

— Сигарета у вас в руке,— заметил Мордан.

— Да? Верно...— Гамильтон бессознательно тут же погасил ее и достал из портсигара другую. Мордан улыбнулся, но промолчал.— Который час?

— Пятнадцать сорок.

— Всего? Мне кажется, больше.

— Может быть, вы нервничали бы меньше, находясь там?

— Филлис мне не позволит — вы же знаете ее, Клод. А как она решила, так и будет,— Гамильтон невесело усмехнулся.

— Ничего, вы оба — достаточно гибкие люди, всегда готовые пойти навстречу.

— О, мы прекрасно ладим друг с другом. Она предоставляет мне возможность делать все, что заблагорассудится, а впоследствии я обнаруживаю, что сделал как раз то, чего хотела она.

На этот раз Мордану без труда удалось подавить улыбку — он и сам уже начал удивляться задержке. Он говорил себе, что испытывает лишь абстрактный, беспристрастный, научный интерес, однако повторять это приходилось довольно часто.

Дверь открылась, и на пороге появилась сиделка.

— Теперь можете войти,— радостно объявила она.

Мордан, стоявший ближе к двери, вознамерился было войти первым, однако Феликс протянул руку и ухватил его за плечо.

— Эй! Что тут происходит? Кто здесь отец? — он отодвинул арбитра в сторону.— Подождите своей очереди!

Филлис выглядела осунувшейся и бледной.

— Хелло, Феликс!

— Привет, Фил! — Гамильтон склонился над ней.— С тобой все в порядке?

— Конечно, в порядке — ведь для этого я и есть,— она подняла на Феликса глаза.— И убери с лица эту глупую ухмылку. В конце концов, не ты же *изобрел* отцовство!

— Ты уверена, что с тобой все хорошо?

— Я прекрасно себя чувствую. Только выгляжу, должно быть, ужасно.

— Ты выглядишь красавицей.

Голос у него над ухом произнес:

— Вы не хотите взглянуть на своего сына?

— А? О, конечно!

Гамильтон обернулся. Мордан выпрямился и отступил в сторону. Сиделка подняла ребенка, как бы предлагая Феликсу взять его на руки, но тот лишь робко разглядывал сына. «Вроде бы рук и ног сколько полагается,— подумал он,— но этот ярко-оранжевый цвет — не знаю, не знаю... Может быть, это нормально?»

— Тебе не нравится? — резко спросила Филлис.

— А? Что ты, что ты — прекрасный ребенок. Очень похож на тебя.

— Младенцы,— заметила Филлис,— ни на кого не похожи, только на других младенцев.

— Ой, мистер Гамильтон,— вмешалась сиделка.— Что с вами? Вы так вспотели? Вам нехорошо? — с привычной ловкостью переложив ребенка на левую руку, правой она достала салфетку и вытерла Феликсу лоб.— Успокойтесь. Я занимаюсь своим делом уже семьдесят лет, и мы еще ни разу не потеряли отца.

Гамильтон хотел было заметить, что шутка была ископаемой уже тогда, когда этого заведения еще не было и в помине, однако сдержался. Он чувствовал себя как-то стесненно, а это случалось с ним исключительно редко.

— Сейчас мы унесем отсюда ребенка,— продолжала тем временем сиделка,— а вы слишком долго не задерживайтесь.

Мордан бодро произнес ободряющие слова, извинился и вышел.

— Феликс,— глубокомысленно проговорила Филлис,— я тут кое о чем подумала...

— О чем?

— Нам надо переехать.

— Почему? Я думал, тебе нравится наш дом.

— Нравится. Но я хочу загородный.

Лицо Гамильтона мгновенно приобрело встревоженное выражение.

— Дорогая моя... ты же знаешь, я вовсе не склонен к буколике...

— Ты можешь и не переезжать, если не хочешь. Но мы с Теобальдом переедем. Я хочу, чтобы он мог играть на земле, завести собаку, и вообще...

— Но зачем так круто? Воспитательные центры обеспечивают свежий воздух, солнце и всякие игры с песочком.

— А я не хочу, чтобы Теобальд все время проводил в воспитательном центре.

— Лично я был воспитан именно так.

— Вот и посмотри на себя в зеркало.

Поначалу Теобальд никаких сюрпризов не преподносил. В положенном возрасте он ползал, пробовал вставать на ноги, несколько раз обжигался и пытался проглотить среднестатистическое количество не предназначенных для этого предметов.

Мордан, казалось, был им доволен, Филлис — тоже. У Феликса не было критериев.

В девять месяцев Теобальд попробовал выговорить несколько слов, после чего надолго замолчал. А в четырнадцать начал произносить целые фразы — короткие, скроенные на собственный лад, но цельные, законченные. Все эти его тирады, точнее — утверждения, были исключительно эгоцентричны. Казалось бы — ничего необычного, никто и не ждет от ребенка пышных монологов о достоинствах альтруизма.

— И вот это,— Гамильтон ткнул пальцем туда, где Теобальд, сидя голышом в траве, пытался оторвать уши щенку, яростно сопротивлявшемуся этой затее,— это и есть ваш сверхребенок?

— М-м-м-да.

— И когда же он начнет творить чудеса?

— А он их не должен творить. Он будет уникален в каком-то одном отношении — он лишь являет собой самое лучшее из того, чего мы смогли достигнуть во всех отношениях. Он равномерно *нормален* в лучшем смысле слова — точнее сказать, оптимален.

— Хм-м-м. Ну что ж, я рад, что у него не растут щупальца из ушей, голова не больше тела и вообще нет никаких этих фокусов. Иди сюда, сын!

Теобальд проигнорировал приглашение. При желании он умел быть глухим; особенно трудно ему было расслышать слово

«нет». Гамильтон встал, подошел к сыну и взял его на руки. Никакой осмысленной цели он при этом не преследовал — ему просто захотелось приласкать ребенка для собственного удовольствия. Поначалу Теобальд бурно реагировал на то, что его унесли от щенка, но потом покорился перемене участи. Он был способен воспринимать изрядные дозы ласки — когда это было ему по душе. Но когда он был не в настроении, он мог оказаться крайне строптивым. И даже кусаться.

Это случалось, когда Теобальду только-только исполнился год и два месяца,— ему и отцу пришлось пережить трудные и поучительные полчаса, когда они после этого выясняли отношения. В тот раз Филлис предоставила их самим себе, предварительно надавав, правда, Феликсу наставлений, чтобы он чем-нибудь не навредил чаду. После того случая Теобальд больше не кусался, но у Гамильтона навсегда остался маленький рваный шрам на большом пальце левой руки.

Феликс любил сына безмерно, хотя и обращался с ребенком подчеркнуто бесцеремонно. Ему было досадно, что Теобальд не проявляет к нему никаких нежных чувств и в то же время с удовольствием реагирует на ласку и объятия «дяди Клода» или даже любого незнакомца.

По совету Мордана и решению Филлис (у Феликса в таких вопросах права голоса не было — ему запросто могли напомнить, что именно *она* является профессиональным психопедиатром, а вовсе не он) Теобальда не начинали учить читать до общепринятого тридцатимесячного возраста, хотя тесты и показывали, что он был вполне способен воспринять идею абстрактных символов несколько раньше. Филлис воспользовалась традиционной стандартной техникой, когда ребенка учат группировать объекты по каким-либо абстрактным характеристикам, подчеркивая в то же время индивидуальные особенности каждого объекта. Теобальд откровенно скучал на занятиях и первые три недели не демонстрировал ни малейшего прогресса. Затем — казалось бы, внезапно — им овладела идея, что все эти нудные материи могут иметь отношение к нему лично — возможно, виной тому был случай, когда малыш узнал собственное имя на

стате, который Феликс отправил из офиса. Во всяком случае, вскоре после этого он сделал явный рывок, сконцентрировав все внимание, на какое был способен.

Через девять недель после начала обучения курс был завершен. Чтение было освоено, и дальнейшие занятия только испортили бы дело. Филлис оставила сына в покое и только следила за тем, чтобы в пределах досягаемости Теобальда находилась лишь такая литература, какую она хотела бы ему порекомендовать. Иначе он читал бы все подряд — ей и так приходилось с силой отбирать у него книгофильмы, когда ему надо было заниматься физическими упражнениями или обедать.

Феликса такое увлечение ребенка печатным словом беспокоило, но Филлис поспешила рассеять его опасения.

— Это пройдет. Мы неожиданно расширили пространство его восприятия, и теперь он некоторое время должен осваиваться с этим.

— Со мной вышло иначе — я до сих пор читаю, когда стоило бы заняться чем-то другим. Это порок.

Теобальд читал, запинаясь и часто бормоча про себя; разумеется, ему нередко приходилось обращаться за помощью к взрослым, если встречались новые и недостаточно ясные из контекста символы.

Дома, конечно, не было такого технического оснащения, как в воспитательном центре, где ни единое слово не появляется в букваре, если его нельзя проиллюстрировать наглядными примерами, а если слово символизирует действие — это действие незамедлительно и столь же наглядно воспроизводится.

Однако Теобальд покончил с букварем раньше, чем полагалось, и дом их, хотя и достаточно просторный, должен был бы превратиться в настоящий музей, чтобы в нем разместились все пособия, необходимые для ответов на его бесчисленные вопросы. Филлис напрягала всю свою находчивость и актерские способности, стремясь не уклоняться от главного принципа семантической педагогики: никогда не описывать новый символ с помощью уже известного, если вместо этого можно привести конкретный пример.

Впервые эйдетическая память ребенка обнаружилась именно в связи с чтением. Теобальд буквально проглатывал тексты и если даже не до конца понимал их, то запоминал безукоризненно точно. Детская привычка хранить и перечитывать любимые книги была не для него — единожды прочтенный книгофильм сразу превращался в пустую оболочку; теперь мальчику нужен был следующий.

— Что значит «влюбленный до безумия», мама? — этот вопрос он задал в присутствии Мордана и своего отца.

— Ну...— осторожно начала Филлис,— прежде всего, скажи, рядом с какими словами стояло это выражение?

— «Я не просто в вас до безумия влюблен, как, по-видимому, полагает этот старый козел Мордан...» Этого я тоже не понимаю. Разве дядя Клод — козел? Он совсем не похож...

— Что читает этот ребенок? — удивленно спросил Феликс.

Мордан в ответ промолчал и только выразительно выгнул бровь.

— Кажется, я узнаю слог,— обращаясь к Феликсу, негромко произнесла Филлис и, вновь повернувшись к Теобальду, поинтересовалась: — Где ты это нашел? Признайся.

Ответа не последовало.

— В моем столе? — она знала, что дело обстояло именно так; в ящике стола она хранила связку писем — воспоминание о тех днях, когда они с Феликсом еще не выяснили всех своих разногласий; у нее вошло в привычку перечитывать их — в одиночестве и втайне.— Скажи честно.

— Да.

— Это ведь запрещено, ты же знаешь.

— Но ты же меня не видела,— торжествующе произнес отпрыск.

— Это правда.

Филлис лихорадочно обдумывала создавшееся положение. Ей хотелось поощрить сына за то, что он сказал правду, но вместе с тем — закрыть дорогу непослушанию. Конечно, непослушание чаще оборачивается достоинством, нежели грехом, однако... Ну да ладно. Она отложила выяснение вопроса.

— У этого ребенка, похоже, нет ни намека на нравственность,— пробормотал Феликс.

— А у тебя есть? — немедленно ввернула Филлис и вновь сосредоточила внимание на сыне.

— Там было гораздо больше, мама. Хочешь послушать?

— Не сейчас. Давай сперва ответим на два твоих вопроса.

— Но, Филлис...— прервал ее Гамильтон.

— Погоди, Феликс,— отмахнулась она,— сперва я должна ответить на его вопросы.

— А не выйти ли нам в сад покурить? — предложил Мордан.— Некоторое время Филлис будет занята.

И даже очень. Уже «влюбленный до безумия» являлось труднопреодолимым препятствием, но как объяснить ребенку на сорок втором месяце жизни аллегорическое употребление символов? Нельзя сказать, чтобы Филлис в этом слишком преуспела. И некоторое время Теобальд, не чувствуя различия, поочередно именовал Мордана то «дядей Клодом», то «старым козлом».

Эйдетическая память является рецессивной. И Гамильтон, и Филлис получили ответственную за нее группу генов от одного из родителей. Теобальд — в результате селекции — унаследовал ее от обоих. Скрытая потенция, рецессивная в каждом из его родителей, полностью проявилась в нем. Конечно, и «рецессив», и «доминанта» — термины относительные; доминанта не подавляет рецессив полностью, это — не символы в математическом уравнении. И Филлис, и Гамильтон обладали превосходной, выходящей за рамки обычного, памятью. У Теобальда она стала практически совершенной.

Рецессивные характеристики, как правило, нежелательны. Причина проста: доминантные характеристики в каждом поколении закрепляются естественным отбором. Этот процесс — вымирание плохо приспособленных — идет изо дня в день, неумолимо и автоматически. Он столь же неутомим и неумолим, как энтропия. Нежелательная доминанта изживет себя в расе за несколько поколений. Самые плохие доминанты появляются лишь в результате мутаций, потому что они или убивают своих носителей, или исключают размножение. Примером первого может

служить зародышевый рак, второго — полная стерильность. Однако рецессив способен передаваться от поколения к поколению — затаившийся и не подверженный естественному отбору. Но в какой-то момент ребенок получит его от обоих родителей — и вот тогда-то он развернется вовсю. Именно поэтому для первых генетиков столь трудной проблемой было исключение таких рецессивов, как гемофилия или глухонемота; до тех пор пока соответствующие этим болезням гены не были нанесены — крайне сложными, косвенными методами — на схему, было невозможно определить, действительно ли является абсолютно здоровый индивид действительно «чистым». Не передаст ли он нечто скверное своим детям? Этого никто не знал.

Феликс заинтересовался, почему же в таком случае эйдетическая память оказалась не доминантой, а пользующимся столь дурной славой рецессивом.

— Есть два ответа,— отозвался Мордан.— Во-первых, специалисты все еще спорят, почему некоторые характеристики являются доминантными, а другие — рецессивными. Во-вторых, почему вы считаете эйдетическую память желательным свойством?

— Но... Господи! Вы же *выбрали* ее для Бальди!

— Да, мы выбрали ее — для Теобальда. Но желательность — понятие относительное. Желательный — *для кого*? Совершенная память является преимуществом лишь при наличии разума, способного управлять ею, в противном случае она превращается в проклятие. Такое нередко встречается: бедные, бесхитростные души, увязшие в сложностях собственного опыта, знающие каждое дерево, но неспособные увидеть лес. К тому же способность забывать — это благословение, болеутоляющее средство, необходимое большинству из нас. Большинство не нуждается в том, чтобы помнить,— и не помнит. Иное дело — Теобальд.

Разговор этот происходил в служебном кабинете Мордана. Арбитр взял со стола картотечный ящик, в котором были расставлены по порядку не меньше тысячи маленьких перфокарт.

— Видите? Я их еще не просматривал — это информация, которой снабжают меня техники. Расположение этих перфокарт значит столько же, сколько и содержание, а может быть, даже

больше,— Мордан поднял ящик и вывернул его содержимое на пол.— Информация все еще там, но какой от нее теперь толк?

Он нажал клавишу на столе, и вошел его новый секретарь.

— Альберт, отправьте их, пожалуйста, на повторную сортировку. Боюсь, они слегка перепутались.

Альберт был явно удивлен, однако сказал лишь:

— Конечно, шеф.

И, подобрав с полу, унес разноцветные карточки.

— В первом приближении можно сказать, что у Теобальда достаточно ума для отыскания, систематизации и использования информации. Он будет способен охватить целое, извлечь из общей массы сведений значимо связанные детали и соотнести их. *Для него* эйдетическая память действительно является желательной характеристикой.

Да, конечно, это так... Но временами Гамильтона посещали сомнения. По мере того как ребенок подрастал, в нем все заметнее проявлялась раздражающая привычка поправлять старших, когда они ошибались в мелочах. Сам он в мелочах был изводяще педантичен.

— Нет, мама, это было не в прошлую среду, а в четверг. Я помню, потому что в тот день папа взял меня на прогулку, а когда мы шли мимо бассейна, то встретили красивую леди в зеленом костюме и папа улыбнулся ей, а она остановилась и спросила, как меня зовут, и я сказал, что меня зовут Теобальдом, а папу — Феликсом и мне четыре года и один месяц. А папа засмеялся, и она засмеялась тоже, и папа сказал...

— Ну, хватит,— оборвал Феликс,— ты свое доказал. Это был четверг. Но нет смысла обращать внимание людей на такие мелочи.

— Но должен же я их поправить, когда они ошибаются!

Феликс ушел от этой темы, однако подумал, что Теобальду, когда он станет постарше, может понадобиться умение в совершенстве владеть оружием.

Сельскую жизнь Гамильтон полюбил, хотя поначалу она его и не привлекала. Если бы не Великое Исследование, в котором он продолжал принимать участие, Феликс мог бы всерьез увлечься садоводством. Он пришел к выводу, что вырастить сад таким,

каким хочешь его видеть,— дело, способное удовлетворить потребности души.

Согласись на это Филлис — он и все праздники проводил бы здесь, возясь со своими растениями. Однако у нее выходных было куда меньше: едва Теобальд подрос достаточно, чтобы у него появилась потребность общаться со сверстниками, Филлис вернулась к своей работе, устроившись в ближайший воспитательный центр. Поэтому, когда выпадал свободный день, ей хотелось сменить обстановку — чаще всего устроить пикник где-нибудь на берегу.

Из-за работы Феликса они должны были жить неподалеку от столицы, однако Тихий океан лежал чуть дальше чем в пятистах километрах к западу. Это было восхитительно — упаковав ленч, добраться до побережья с таким расчетом, чтобы хватило времени вволю поплавать, долго, лениво, с наслаждением поваляться, а затем перекусить.

Феликсу хотелось понаблюдать за реакцией мальчика, когда тот впервые окажется на морском берегу.

— Ну вот, сын, это и есть океан. Как он тебе нравится?

Теобальд хмуро уставился на прибой.

— Хорошо,— неохотно согласился он.

— А что не так?

— Вода. Она как будто больная. И солнце должно быть *там*, а не с этой стороны. И где большие деревья?

— Какие большие деревья?

— Высокие, тонкие, с такими кустами наверху.

— Хм-м-м... А чем тебе не нравится вода?

— Она не *синяя*.

Гамильтон вернулся к Филлис, которая растянулась на песке.

— Ты не можешь вспомнить,— медленно проговорил он,— видел ли когда-нибудь Бальди стерео королевских пальм — на берегу, на тропическом берегу?

— Насколько я знаю, нет. А что?

— Постарайся вспомнить. Не показывала ли ты ему такую картинку, объясняя что-нибудь?

— Уверена — нет.

— А что он читает? Нет ли там каких-либо плоских иллюстраций?

Она порылась в своей превосходной и хорошо организованной памяти.

— Нет, я бы это помнила. И никогда не показала бы ему такой картинки, не объяснив ее.

Произошло это еще до того, как Теобальд пошел в воспитательный центр, а значит, все, что он видел, он мог видеть только дома. Нельзя было, разумеется, гарантировать, что ему не попался на глаза отрывок из новостей или какой-либо другой программы, однако самостоятельно включать приемник он не умел, а ни Гамильтон, ни Филлис ничего подобного не помнили. Все это было чертовски занятно.

— Что ты хотел сказать, дорогой?

Гамильтон вздрогнул.

— А? Нет, ничего. Совсем ничего.

— Какого рода «ничего»?

Он покачал головой.

— Слишком фантастично. Я просто задумался.

Вернувшись к мальчику, Феликс попытался вытянуть из него побольше подробностей, силясь докопаться до истины. Но Теобальд не разговаривал. Он даже не слушал отца — о чем и заявил без обиняков.

Много позже произошло событие, при сходных обстоятельствах так же насторожившее Гамильтона, но — на этот раз он смог несколько приблизиться к разгадке. Они с сыном плескались в прибое — до тех пор, пока совсем не выбились из сил. Вернее, устал Феликс, что составляло большинство — при одном голосе против. Потом они валялись на песке, предоставляя солнцу высушить кожу, а вскоре ощутили легкий зуд от налета соли — как это всегда бывает после морского купания.

Феликс почесал Теобальда между лопатками — в самом недоступном месте,— отметив про себя, сколько сходства у ребенка с котенком, даже в той сибаритской повадке, с какой он воспринимает маленькое чувственное удовольствие. Сейчас Теобальду нравилось, что его ласкали, однако секундой позже он может стать

столь же высокомерным и холодным, как персидский кот. Или наоборот — может решить свернуться калачиком.

Гамильтон перевернулся на живот. Теобальд оседлал его, и они поменялись ролями. Феликс и в себе ощутил некоторое сходство с котом — это было так приятно! И вдруг он заметил, что происходит нечто весьма любопытное и почти необъяснимое.

Когда представитель рода людского по реликтовой обезьяньей привычке оказывает любезность ближнему, почесывая его,— сколь бы восхитительным ни было ощущение, этот человек никогда не попадает *именно туда*, где чешется. С приводящей в бешенство бестолковостью тебя чешут то выше, то ниже, но — никогда, никогда, никогда!— не там, где надо. И это продолжается до тех пор, пока ты сам в безысходном отчаянии, чуть не вывихнув руку, не дотянешься наконец до нужного места.

Феликс не делал Теобальду никаких замечаний; он вообще уже почти засыпал, разморившись на солнце и млея от ласки сына. Но внезапно очнулся — он был потрясен тем, что Бальди умудрялся чесать именно там, где чесалось.

Точнехонько там. Стоило зуду проявиться в каком-то определенном месте, как мальчик накидывался на него и почесывал до тех пор, пока неприятное ощущение не исчезало.

Это следовало обсудить с Филлис. Гамильтон встал, подошел к жене и рассказал ей о своих наблюдениях, предварительно предложив сыну побегать по берегу («Но в воду — только по щиколотки!»).

— Попробуй сама,— закончил он свой рассказ.— Он может это делать. В самом деле может.

— И хотела бы, да не могу. Прости, но я все еще первозданно свежа и чиста, и потому столь вульгарных потребностей не испытываю.

— Филлис...

— Да?

— Кто может чесать именно там, где у другого чешется?

— Ангел.

— А если серьезно?

— Сам скажи.

— Ты знаешь это не хуже меня. Этот ребенок — телепат!

Они оба посмотрели вдоль берега — на маленькую, угловатую, чем-то занятую фигурку.

— Теперь я знаю, как чувствует себя курица, высидевшая утенка,— тихо сказала Филлис; она быстро поднялась.— Я отправляюсь в воду за солью и дам ей на мне высохнуть. Я должна во всем этом разобраться.

Глава XV
«Возможно, это тупик...»

На следующий день Гамильтон Феликс взял сына с собой в город. Кое-кто из связанных с Великим Исследованием разбирался в подобных вещах куда лучше, чем он или Филлис, и Гамильтон собирался попросить их обследовать Теобальда. В офисе он снабдил ребенка чтением — уловка, способная удержать Бальди на месте так же надежно, как если бы он был прикован цепью,— и позвонил Джейкобстейну Рэю. Тот возглавлял группу, занимавшуюся телепатией и родственными ей явлениями.

Он объяснил Джейку, что в данный момент ему нельзя покидать кабинет. Не может ли Джейк зайти, если не слишком занят? Джейк мог — и появился через несколько минут. Мужчины уединились в соседней комнате, прикрыв дверь, чтобы мальчик их не слышал. Феликс рассказал о происшедшем на берегу и предложил Джейку заняться этим. Тот сразу заинтересовался.

— Только не ожидайте слишком многого,— предостерег он.— Нам приходилось сталкиваться с проявлениями телепатии у детей, причем во всех случаях существовала статистическая уверенность, что они не могли получить этой информации ни одним из известных способов. Однако всерьез этим никто не занимался: дети никогда не могли толком объяснить, что с ними происходит, а по мере того как ребенок подрастал и становился более разговорчивым, способности его бледнели и мало-помалу исчезали. Можно сказать, отмирали — как вилочковая железа.

— Вилочковая железа? Тут есть какая-нибудь связь?

— Ни малейшей. Это просто метафора.

— А вдруг?

— Крайне маловероятно.

— В этом деле все маловероятно. Может, стоит подключить группу? Хорошего биостатистика и кого-нибудь из ваших операторов?

— Можно, если хотите.

— Прекрасно. Я пошлю вам официальный стат. Возможно, это тупик, но — кто знает!

Следует добавить, что это и впрямь оказалось тупиком. Затея обернулась лишь крохотным привеском к огромной массе отрицательной информации, на которой вырастает научное знание.

Феликс с Джейком вернулись в кабинет, где сидел погруженный в чтение Теобальд. Прежде всего они опустились в кресла, чтобы оказаться на одном уровне с ребенком, а потом Гамильтон, стараясь ничем не ранить болезненно самолюбивого мальчика, познакомил его с Джейком.

— Послушай, малыш,— сказал он, когда с процедурой официального представления было покончено,— папа хочет, чтобы ты на часок-другой сходил с Джейком и кое в чем ему помог. Согласен?

— Зачем?

Это был трудный вопрос. Давно установлено, что незрелым умам лучше всего не сообщать, зачем все делается.

— Джейк хочет разобраться, как у тебя работает голова. Ну... Поможешь ему?

Теобальд задумался.

— Это будет бо. шой услугой папе,— сказал Гамильтон.

Филлис могла бы предостеречь его от такого подхода: Теобальд еще не достиг степени социального развития, при которой человек ощущает радость оттого, что он сделал одолжение.

— А *ты* мне сделаешь одолжение? — парировал он.

— Чего же ты хочешь?

— Вислоухого кролика.

При некоторой помощи взрослых Бальди разводил кроликов, и если бы его грандиозные планы не контролировались, весь дом давно уже заполнился бы толстыми пушистыми грызунами. Тем

не менее Гамильтон испытал некоторое облегчение оттого, что просьба оказалась достаточно скромной.

— Конечно, малыш. Ты и так мог бы его получить.

Теобальд ничего не ответил, однако встал, демонстрируя согласие.

После их ухода Гамильтон задумался. Еще один кролик — куда ни шло, было бы хуже, потребуй сын крольчиху. Однако все равно вскоре надо будет что-то предпринимать, в противном случае ему придется расстаться со своим садом.

При деловитом и активном сотрудничестве с кроликами Теобальд, похоже, был занят выработкой любопытных, хотя и совершенно ошибочных неоменделианских представлений о наследуемых признаках. Он хотел выяснить, почему у белых крольчих появляются порой бурые детеныши. Феликс пытался обратить его внимание на тот факт, что в деле фигурировал и бурый кролик, но вскоре увяз окончательно и, смирившись с неизбежной потерей лица, вынужден был воззвать к помощи Мордана. А теперь Теобальд вполне способен заинтересоваться потомством вислоухого кролика.

Мальчик разработал интересную, но крайне специализированную арифметику, предназначенную для наблюдений за кроликами; она основывалась на положении, что один плюс один равняется как минимум пяти. Гамильтон обнаружил это, найдя в блокноте сына символы, с которыми был незнаком.

В первый же раз, как Монро-Альфа и Марион навестили их, Гамильтон показал эти записи Клиффу. Сам он рассматривал их как милый пустячок, однако Монро-Альфа отнесся к Теобальдовой системе со своей обычной серьезностью.

— Не пора ли обучать его арифметике?

— Не уверен... Маловат он еще. Только-только взялся за математический анализ.

С математической символикой Теобальда знакомили по традиционному пути — обобщенная геометрия, дифференциальное, интегральное, вариационное исчисления. Браться же за скучную, специализированную мнемонику практической арифметики ему явно было рано — все-таки он еще был совсем ребенком.

— А по-моему, в самый раз,— возразил Монро-Альфа.— Я додумался до замены позиционной нотации примерно в его возрасте. Полагаю, он вполне сможет с этим справиться, если вы не заставите его заучивать наизусть таблицы действий.

Об эйдетической памяти Теобальда Монро-Альфа не знал, а Гамильтон не стал вдаваться в объяснения. Ему не хотелось рассказывать Клиффу обо всей генетической подноготной сына: обычай не запрещал обсуждать этого, но противился внутренний такт. Оставьте мальчика в покое — пусть его личная жизнь будет личной. Знали они с Филлис, знали привлеченные генетики, знали планировщики — не могли не знать, ибо речь шла об элитной линии. И даже об этом Гамильтон сожалел, поскольку такое положение вещей влекло за собой вторжения, подобные визиту этой старой ведьмы Карвалы.

Сам Теобальд не будет знать о своем происхождении либо совсем ничего, либо очень мало — до тех пор, пока не станет взрослым. Возможно, он вообще не проявит особого интереса и ничто специально не привлечет его внимания к проблеме собственного происхождения, пока Бальди не достигнет приблизительно того возраста, в котором Мордан заставил Феликса проникнуться значением генетических вопросов.

Это было бы лучше всего. Схема унаследованных человеком характеристик важна для последующих поколений, и не понимать этого нельзя, однако избыточные познания в этой области влекли за собой слишком много раздумий, которые могли стать для человека проклятием. Взять хоть Клиффа — он едва совсем было не рехнулся от чрезмерных размышлений о собственных прадедах. Ну, от *этого* Марион его вылечила.

Нет, в самом деле, нехорошо это — слишком много рассуждать о подобных вещах. Еще не так давно Гамильтон и сам говорил слишком много — и до сих пор не переставал об этом жалеть. Он советовался с Морданом о том, следует ли Филлис иметь еще детей — после появления девочки, разумеется. Они с Филлис не пришли на этот счет к согласию. К неудовольствию Феликса, арбитр поддержал его жену.

— С моей точки зрения, вам необходимо иметь по крайней мере четверых детей, а еще лучше — шестерых. Можно и больше, но у нас не хватит времени, чтобы должным образом провести селекцию для такого количества.

Гамильтон чуть было не взорвался.

— Не слишком ли легко вы строите планы — для других? А как насчет *собственного* вклада? Вы и сами в достаточной степени принадлежите к элитной линии — так что же? Откуда этот односторонний подход?

— Я не воздерживался от вклада,— с неизменной благожелательностью возразил Мордан.— Моя плазма депонирована и при необходимости доступна. А моя карта известна каждому арбитру в стране.

— Однако вы лично отнюдь не переусердствовали в обзаведении детьми.

— Нет — ваша правда. У нас с Мартой так много детей в округе и еще столько же на подходе, что вряд ли нам хватило бы времени заниматься одним.

За этими витиеватыми словами Гамильтон что-то почуял.

— Скажите, вы с Мартой женаты — *или нет*?

— Да. Двадцать три года.

— Но тогда... но почему...

— *Мы не можем*,— ровным голосом, лишь чуть-чуть отличавшимся от обычного спокойного тона, проговорил Мордан.— Марта — мутант... Она стерильна.

При мысли о том, что его длинный язык заставил друга так глубоко раскрыться, у Гамильтона вспыхнули уши. До сих пор он и помыслить не мог, что Клода с Мартой связывают супружеские отношения; она обращалась к мужу, называя его не иначе как шефом, в их разговорах не проскальзывало ни единого ласкового слова, взаимная близость вообще никак не проявлялась в их поведении. И все же многое теперь становилось понятным: и тесное сотрудничество между техником и синтетистом, и обращение Мордана к генетике после того, как он блестяще начал карьеру в общественной администрации, и его напряженный, отеческий интерес к подопечным.

До Гамильтона лишь сейчас дошло, что Клод и Марта почти в такой же степени являются родителями Теобальда, как и они с Филлис,— приемные родители, крестные родители... Родители-посредники, может быть. Они были родителями-посредниками сотен тысяч — Феликс представления не имел о точном числе. Мысль эта его потрясла.

Впрочем, все эти размышления и воспоминания ничуть не продвигали работу, а сегодня Гамильтону нужно было вернуться домой пораньше — из-за Теобальда. Он повернулся к столу. На глаза ему попалась записка — от себя к себе. Хм-м-м... придется этим заняться. Лучше всего — поговорить с Каррузерсом. Феликс потянулся к телефону.

— Шеф?

— Да, Феликс.

— Недавно я разговаривал с доктором Торгсеном, и у меня мелькнула идея... может быть, не столь уж существенная...

— Выкладывайте.

Погода на далеком Плутоне холодная. Даже на солнечной стороне температура редко поднимается выше восемнадцати градусов от *абсолютного ноля* — по шкале Кельвина. И это — в полдень, на месте, открытом солнцу. Воздействию столь сильного холода в тамошних обсерваториях подвергается немало механизмов. Машины, работающие на Земле, не смогут действовать на Плутоне — и наоборот. Законы физики неизменны, но характеристики материалов с температурой меняются; самый простой пример — вода и лед.

Смазочное масло при столь низких температурах превращается в сухой порошок. Сталь перестает быть сталью. Прежде чем был покорен Плутон, ученым пришлось изобрести новые технологии.

И не только для движущихся частей, но и для неподвижных тоже — таких, как электрическое оборудование, которое, в числе прочих факторов, зависит от сопротивления проводников. Так вот, крайний холод существенно снижает электрическое сопротивление материалов. При тринадцати градусах выше абсолютного ноля по шкале Кельвина свинец становится сверхпроводником,

лишенным вообще какого бы то ни было сопротивления. Электрический ток, возбужденный в таком свинце, будет, по всей видимости, циркулировать вечно, не затухая.

Можно было бы упомянуть и о многих других особенностях, однако в эти подробности Гамильтон вникать не стал, уверенный, что такой блестящий синтетист, как его шеф, знает все основные факты. Главный факт был следующий: Плутон, отличная природная лаборатория для низкотемпературных исследований, не только непосредственно для нужд самих обсерваторий, но и в любых других целях.

Одна из классических трудностей в науке состоит в том, что исследователь размышляет об объектах, инструменты для изучения которых еще не изобретены. Чуть ли не век генетика топталась на месте, пока успехи ультрамикроскопии не позволили рассмотреть ген. И вот теперь необычные свойства сверхпроводников — или почти сверхпроводников — открыли перед физиками возможность создания приборов, чувствительность которых превзошла все доселе известное.

Доктор Торгсен и его коллеги пользовались новейшими звездными болометрами — и по сравнению с плодами их трудов все ранее выполненные исследования казались не более чем приблизительными, грубыми догадками. Уверяли, будто при помощи подобной аппаратуры можно даже измерить тепло покрасневшей щеки на расстоянии в десяток парсеков. А в распоряжении колонии на Плутоне появился теперь даже такой приемник электромагнитных излучений, который — временами — позволял принимать послания с Земли, если Великое Яйцо улыбалось, а все остальные держали пальцы скрещенными.

А ведь и телепатия, если она имеет физическую природу — что бы там ни означало слово «физический»,— должна обнаруживаться при помощи какого-либо прибора. То, что такой прибор должен быть крайне чувствителен, казалось очевидным заранее; следовательно, Плутон — идеальное место для подобных исследований. Существовал и намек на то, что идея была не совсем призрачной. Некий прибор — Гамильтон не мог вспомнить, как именно он назывался,— был усовершенствован на Плутоне,

работал вполне удовлетворительно, а потом вдруг стал давать сбои, когда разработчики решили продемонстрировать свое детище группе коллег. Оказалось, он был слишком чувствителен к присутствию живых людей.

Именно *живых* — эквивалентные массы с такой же температурой и сходными свойствами поверхности его работе ни капельки не мешали. В итоге эту штуковину прозвали «детектором жизни», а директор колонии полностью поддержал дальнейшие исследования, считая их перспективными.

Идея Гамильтона, которой он поделился с Каррузерсом, заключалась в следующем: не может ли так называемый «детектор жизни» оказаться восприимчивым к телепатии? Каррузерс не исключал такую возможность. А если так, то не стоит ли начать подобные исследования и на Земле? Или лучше направить группу на Плутон, где вести низкотемпературные исследования куда удобнее? По обоим направлениям, разумеется. Однако до ближайшего регулярного рейса на Плутон еще полтора года...

— Пустяки,— отрезал Каррузерс.— Планируйте спецрейс. Совет поддержит.

Закончив разговор, Гамильтон переключил телефон на запись и несколько минут диктовал инструкции для двух своих расторопных молодых ассистентов. Затем перешел к следующему пункту повестки дня.

Занимаясь раскопками в литературе, Феликс обнаружил, что пограничным явлениям человеческого духа, которые его теперь увлекли, общество в свое время уделяло гораздо больше внимания. Спиритизм, призраки, вещие сны — словом, всякие «привиденьица, вампирчики и что-то, что плюхает в ночи» — являлись буквально навязчивой идеей многих авторов. Основная масса этой псевдоинформации казалась бредом психопатов. Однако не все. Вот, например, Фламмарион, профессиональный астроном — или астролог? Гамильтон знал, что до начала эры космических полетов существовала такая профессия...— словом, человек с правильно привинченной головой, даже в те темные времена владевший основными принципами научного мышления, Фламмарион собрал огромное количество сведений, которые — даже если они

были достоверными всего на один процент — безусловно доказывали выживание человеческого «Я» после его физической смерти.

Читая об этом, Гамильтон воспрянул духом.

Он понимал, что эти недостоверные свидетельства многовековой давности нельзя считать прямыми доказательствами, однако некоторые из них после рассмотрения психиатрами-семантиками вполне могут быть использованы как косвенные. В любом случае, опыт прошлого способен во многом помочь и сегодня. Самой трудной задачей этого аспекта Великого Исследования было определение исходной точки.

Была, например, пара старых книг, написанных не то Дуном, не то Данном,— изменения в символах речи не дают возможности точно назвать; на протяжении четверти века он настойчиво собирал записи вещих снов. Однако после его смерти работу никто не продолжил, и она была забыта. Ну да ничего, теперь старания Данна будут оправданы: больше десяти тысяч человек взялись записывать каждый свой сон — скрупулезно, во всех деталях, прежде чем встать с постели и перемолвиться с кем-либо хоть словом. Если сны вообще способны распахивать двери в будущее, это обязательно будет установлено.

Гамильтон и сам попытался вести подобные записи. Но, к несчастью, он редко видел сны. Зато видели другие, а он поддерживал с ними контакт.

Старинные книги, которые Гамильтону хотелось бы изучить внимательно, в большинстве своем были малопонятны; переводы можно было перечесть по пальцам, о значении же многих древних идиом оставалось только гадать. Разумеется, существовали специалисты по сравнительному языковедению, но и для них эта задача была непростой. К счастью, непосредственно под рукой оказался человек, способный читать английский образца 1926 года и как минимум за предшествовавшее этой дате столетие. Между тем именно этот век был особенно богат подобного рода исследованиями, поскольку к научным методам тогда уже начали относиться с пониманием, а интерес к пограничным явлениям человеческого духа оставался высоким. Это был Смит Джон

Дарлингтон, или Джей Дарлингтон Смит, как он предпочитал называть себя сам. Гамильтон кооптировал бывшего финансиста буквально против его воли: Смит был слишком поглощен своей футбольной индустрией — он организовал три ассоциации, по десять боевых групп в каждой, и уже почти сформировал четвертую. Дело его процветало, Смит вот-вот должен был достичь желанного богатства, и ему совсем не хотелось растрачивать времени по пустякам.

Однако Феликс настаивал — и Смит вынужден был уступить человеку, положившему начало его предприятию.

Гамильтон позвонил Джею Дарлингтону.

— Хелло, Джек.

— Как поживаете, Феликс?

— Есть что-нибудь для меня?

— Кассет скопилось чуть не до потолка.

— Отлично. Перешлите их мне.

— Конечно. Послушайте, Феликс, но ведь по большей части все это — ужасная чепуха.

— Не сомневаюсь. Но подумайте, сколько руды приходится перелопатить, чтобы получить грамм природного радия. Ну что ж, позвольте откланяться.

— Минутку, Феликс. Вчера я попал в неловкое положение. Может, вы посоветуете мне...

— Конечно. Рассказывайте.

Выяснилось, что Смит, который, невзирая на все свои финансовые успехи, носил повязку и с точки зрения закона считался дикорожденным, непреднамеренно оскорбил вооруженного гражданина, прилюдно отказавшись уступить тому дорогу. Гражданин прочел Смиту лекцию о правилах поведения. Все еще не до конца приспособившийся к обычаям другой культуры, Смит ответил ему насколько мог вежливо — то есть сбил с ног ударом кулака, попутно расквасив нос. Теперь предстояло расплачиваться — щедро и по очень крупному счету.

Наутро секундант оскорбленного позвонил Смиту и передал ему формальный вызов. Смиту надлежало или принять вызов и стреляться, или принести извинения, которые будут сочтены

достаточными; в противном случае гражданин и его друзья изгонят его из города — под надзором блюстителей, следящих за соблюдением обычаев.

— Что же мне теперь делать?

— Я посоветовал бы вам принести извинения.

Другого выхода Гамильтон не видел; принять вызов — было бы для Смита самоубийством, и хотя подобный акт не казался Феликсу предосудительным, однако он здраво рассудил, что Джей Дарлингтон предпочитает жить.

— Но я не могу этого сделать — что я, ниггер?

— Не понимаю, что вы хотите этим сказать. Какое отношение к происходящему может иметь цвет вашей кожи?

— Ох, не обращайте внимания. Но я не могу извиняться, Феликс. Я был впереди него — честно, впереди.

— Но ведь на вас была повязка.

— Ну... Послушайте, Феликс, я хочу стреляться. Вы согласны быть моим секундантом?

— Буду, если вы попросите. Только имейте в виду, он вас убьет.

— Может, и нет. Я могу выхватить оружие раньше него.

— На дуэли в этом нет смысла. Оружие перекрестно связано — ваш излучатель не сработает до сигнала рефери.

— Но я довольно быстрый.

— Не в том классе. Вы же не играете сами в ваш футбол — и знаете, почему.

Смит знал. Когда предприятие только начиналось, он собирался играть и тренировать, а не только администрировать. Однако несколько встреч с нанятыми им людьми быстро доказали, что спортсмен образца 1926 года заметно уступал современному человеку среднего уровня развития. В частности, его рефлексы были более медленными. Смит прикусил губу и ничего не ответил.

— Сидите тихо и не высовывайтесь,— сказал Феликс,— а я попробую сделать несколько звонков и посмотрю, что можно предпринять.

Секундант оскорбленного был вежлив, но исполнен сожалений. Ему ужасно жаль, что он не в силах оказать услугу мистеру Гамильтону, но он действует согласно полученным указаниям.

Не может ли мистер Гамильтон переговорить непосредственно с главным действующим лицом? Верно, это вряд ли соответствует протоколу. Однако обстоятельства довольно необычны; дайте ему несколько минут — и он позвонит сам.

По прошествии указанного времени Гамильтон получил разрешение поговорить с самим оскорбленным и позвонил ему. Нет, о том, чтобы отказаться от вызова, не может быть и речи; и вообще весь этот разговор строго конфиденциален — протокол, знаете ли. Он вовсе не стремится убивать обидчика и готов принять извинения.

Гамильтон объяснил, что Смит не может смириться с подобным унижением из-за особенностей психологии. Он — варвар, «человек из прошлого», и просто не в состоянии смотреть на вещи с точки зрения джентльмена.

Главное действующее лицо кивнуло.

— Теперь я это знаю. Знал бы раньше — попросту проигнорировал бы его грубость, вел бы себя с ним, как с ребенком. Но я не знал. А теперь, если учесть, что он сделал,— ну, мой дорогой сэр, вряд ли я могу это игнорировать, не правда ли?

Гамильтон признал, что собеседник имеет полное право на сатисфакцию, однако заметил, что, убив Смита, тот станет весьма непопулярной в обществе фигурой.

— Он, знаете ли, любимец публики. И, боюсь, многие станут рассматривать принуждение его к дуэли как обычное убийство.

Гражданин тоже думал об этом. Забавная дилемма, не так ли?

— А не хотели бы вы сразиться с ним физически — наказать обидчика тем же способом, каким было нанесено оскорбление, только сильнее?

— Право же, дорогой сэр!..

— Это всего-навсего идея,— заметил Гамильтон.— Но вы могли бы подумать об этом. Можем мы получить три дня отсрочки?

— Даже больше, если хотите. Я ведь сказал, что не рвусь довести дело до дуэли. Я лишь хочу обуздать его манеры. Ведь любой может повстречаться с ним где угодно.

Гамильтон пропустил этот выпад мимо ушей и позвонил Мордану — как поступал всегда, когда бывал озадачен.

— Что мне делать, Клод? Как вы думаете?

— Не вижу, почему бы вам не предоставить ему действовать по собственному разумению — и быть убитым. Индивидуально — это его жизнь, социально — не велика потеря.

— Вы забываете, что он нужен мне как переводчик. Вдобавок он мне просто нравится. Он патетически храбр перед лицом мира, которого не понимает.

— М-м-м... В таком случае давайте попробуем поискать решение.

— Знаете, Клод,— серьезно проговорил Феликс,— я начинаю сомневаться в разумности этого обычая. Может, я просто старею, но если холостяку вышагивать по городу с важным видом представляется забавным, то теперь с моей точки зрения это начинает выглядеть совсем иначе. Я даже подумываю, не нацепить ли повязку.

— О нет, Феликс! Этого вы не должны делать.

— Почему? Многие так поступают.

— Это не для вас. Повязка — признак поражения, признание собственной неполноценности.

— Что с того? Все равно я останусь собой. И какая разница, что обо мне подумают?

— Ошибаешься, сынок. Очень легко впасть в заблуждение, будто ты независим от своей культурной матрицы, но это способно повлечь за собой самые тяжкие последствия. Ты — часть своей группы и — хочешь или нет — связан ее обычаями.

— Но ведь это всего лишь обычаи!

— Не преуменьшай силы обычаев. Менделианские характеристики и то легче изменить, чем обычаи. Попробуй изменить их — и окажешься связанным в тот момент, когда меньше всего ожидаешь.

— Но, черт возьми! Ведь никакой прогресс невозможен без ломки обычаев!

— Их надо не ломать, а обходить. Учитывай их, проверяй, как они работают, и заставляй служить себе. Разве тебе нужно разоружаться, чтобы не ввязываться в драки? Но стоит сделать это — и тебя неминуемо втянут, как Смита. Вооруженному человеку сражаться не обязательно. Я уже и вспомнить не могу, когда в последний раз брался за излучатель.

— Если уж об этом речь, то я не брался за оружие года четыре, а то и больше.

— Об этом-то я и говорю. И не думай, будто обычай ходить вооруженным бесполезен. За любым обычаем стоит первопричина — порой хорошая, порой — дурная. В данном случае — хорошая.

— Почему вы уверены в этом? Раньше я сам так думал, но теперь начал сомневаться.

— Ну, во-первых, *вооруженное общество — это вежливое общество*. Манеры неизбежно станут хорошими, если человек будет вынужден отстаивать свой стиль поведения даже ценой собственной жизни. А вежливость, на мой взгляд, является *sine qua non** цивилизации. Правда, подчеркиваю, что это только моя личная оценка. Однако перестрелки приносят и большую пользу с точки зрения биологии. В наше время почти нет способов избавлять расу от слабых и тупых. А вооруженному гражданину, чтобы остаться в живых, надо иметь или быстрый ум, или быстрые руки; лучше всего и то и другое. Конечно,— продолжал Мордан,— воинственность досталась нам в наследство от предков, однако мы сохранили это наследие намеренно. Даже будь это в их силах, Планировщики не воспрепятствовали бы ношению оружия.

Гамильтон кивнул, понимая, что арбитр ссылается на опыт Второй генетической войны.

— Может быть, и так,— рассудительно ответил он,— но мне все-таки кажется, что к этой цели должен сыскаться другой путь. Этот слишком неразборчив. Временами страдают непричастные.

— Бдительные не страдают,— возразил Мордан.— И не ждите от человеческих институтов излишней эффективности. Они никогда такими не были, и ошибочно полагать, будто их можно сделать такими в этом тысячелетии, либо в следующем.

— Почему же?

— Потому что *мы сами* неразборчивы индивидуально — а отсюда и коллективная неразборчивость. Загляните при случае в обезьяний питомник. Понаблюдайте за приматами и послушайте

* «Непременное условие» — *лат.*

их трескотню. Чрезвычайно поучительно — вы станете гораздо лучше понимать род людской.

— Кажется, понимаю,— усмехнулся Феликс.— Но что же мне делать со Смитом?

— Если он выкарабкается из этой истории, то, полагаю, ему следует начать носить оружие. Возможно, в этом случае вы сумеете внушить ему, что его собственная жизнь зависит от его же вежливости. А сейчас... Я знаю человека, который его вызвал. Предположим, вы предложите мою кандидатуру в качестве рефери.

— Вы хотите позволить им *сразиться*?

— Но на моих условиях. Думаю, что смогу устроить все так, чтобы они сошлись врукопашную.

Порывшись в своей энциклопедической памяти, Мордан извлек факт, которого Гамильтон поначалу не смог по достоинству оценить. Смит явился из периода упадка, когда рукопашная схватка уже выродилась в стилизованный кулачный бой, в искусстве которого Джей Дарлингтон был, без сомнения, достаточно сведущ. Следовательно, одному из дуэлянтов нельзя было позволить применить излучатель, с которым он виртуозно обращался, от другого же справедливость требовала не пользоваться кулаками, которыми он мастерски орудовал. Исходя из этих соображений, Мордан и собирался на правах рефери установить правила дуэли.

Однако уделять слишком много внимания этому незначительному, бесцветному человечку по имени Смит Джон Дарлингтон не имело смысла. Гамильтон даже вынужден был взять назад свое обещание быть его секундантом, ибо как раз в это время он понадобился Каррузерсу. По той же причине он не присутствовал и на дуэли, состоявшейся несколько дней спустя после разговора с Морданом. Феликс узнал, что в результате поединка Смит лежит в госпитале, страдая от нескольких ран, которые трудно было назвать обычными. Впрочем, левый глаз потерял зрение не полностью, остальные же травмы зажили за пару недель.

Гамильтон продолжал заниматься своей работой; в ней было множество всяких мелочей, они раздражали, но тем не менее им необходимо было уделять внимание. А одна из исследовательских групп занималась теперь лично им — одним.

Еще в детстве он заметил, что если ему ко лбу над переносицей подносили любой, особенно металлический предмет, то это вызывало у него в голове реакцию, к известным физиологии чувствам никакого отношения не имеющую. Много лет он и не вспоминал об этом — до тех пор пока Великое Исследование не заставило призадуматься о подобных явлениях. Стояло ли за его детскими воспоминаниями что-то реальное, или это была всего лишь игра воображения? Он сам воспринимал это как некое нервное напряжение, вызывавшее ощущение физического дискомфорта — ощущение характерное и отличное от любых других. Приходилось ли кому-либо еще испытывать что-то подобное? И чем это объяснялось? И означало ли что-нибудь? Когда Гамильтон поделился своими мыслями с Каррузерсом, тот отозвался лаконично:

— Не топчитесь на месте, рассуждая об этом. Организуйте группу и займитесь изучением.

Гамильтон организовал. И они уже выяснили, что в этом чувстве не было ничего необычного, хотя до сих пор о нем никто всерьез не думал и не говорил. Разве стоит внимания подобная мелочь? Им удалось найти субъектов, у которых это чувство было развито в большей степени,— с того времени сам Гамильтон перестал быть подопытным кроликом.

Теперь он позвонил руководителю группы:

— Есть что-нибудь новое?

— И да, и нет. Мы отыскали парня, который с восьмидесятипроцентной вероятностью может различать металлы и со стопроцентной — отличать металл от дерева. Однако к пониманию природы явления ни на шаг не приблизились.

— Вам что-нибудь нужно?

— Нет.

— Если понадоблюсь — звоните. Полезный Феликс, бодрый херувим...

— О'кей.

Не следует думать, будто для Великого Исследования Гамильтон Феликс был так уж важен. Он являлся далеко не единственным генератором идей — в распоряжении Каррузерса таких было несколько. Наверно, Великое Исследование ничего не потеряло

бы, даже не участвуй в нем Гамильтон. Однако в этом случае оно проводилось бы чуть-чуть иначе.

Кто может оценить относительную важность того или иного индивидуума? Кто был более важен — Первый тиран Мадагаскара или безымянный крестьянин, который его убил? Работа Феликса имела *некоторое* значение. Но то же самое можно было сказать и о каждом из восьми тысяч участников Великого Исследования.

Прежде чем Гамильтон успел перейти к очередным делам, раздался звонок. Это был Джейкобстейн Рэй.

— Феликс? Если хотите, можете зайти и забрать своего многообещающего молодца.

— Прекрасно. Каковы результаты?

— Впору с ума сойти. Он начал с семи правильных ответов кряду, а потом вдруг сорвался. Результаты не лучше случайных — пока вовсе не перестал отвечать...

— Вот оно что...— протянул Гамильтон, размышляя попутно о некоем вислоухом кролике.

— Да, вот так. Он совсем обмяк. Работать с ним — что змею в дырку заталкивать.

— Ладно, попробуем в другой раз. Тем временем я займусь *им*.

— Буду рад помочь,— задумчиво проговорил Джейк.

Похоже, мальчишка прилично потрепал ему нервы.

Когда Феликс вошел, Теобальд просто сидел, делая меньше, чем ничего.

— Хелло, малыш. Готов ехать домой?

— Да.

Прежде чем взяться за сына всерьез, Феликс дождался, пока они уселись в машину и задали автопилоту курс на возвращение домой.

— Рэй сказал мне, что ты не очень-то помог ему.

Теобальд сосредоточенно крутил вокруг пальца веревочку.

— Так как? Помог ты или нет?

— Он хотел, чтобы я играл в какие-то глупые игры,— заявил ребенок.— В них нет никакого смысла.

— И ты бросил?

— Да.

— А мне казалось, ты обещал помочь...

— Я *не обещал*.

Феликс постарался припомнить. Возможно, сын был и прав — таких слов произнесено не было. Однако оставалось еще чувство контракта, «встречи умов».

— Мне кажется, мы упоминали о каком-то вислоухом кролике...

— Но,— заметил Теобальд,— ты же сам сказал, что я и так смогу его получить. Ты сам сказал!

Остаток пути они провели в основном в молчании.

Глава XVI
Живые или мертвые

Мадам Эспартеро Карвала снова посетила их — неожиданно и без церемоний. Она просто позвонила по телефону и объявила, что направляется их повидать. В прошлый раз она пообещала Филлис заглянуть и посмотреть на ребенка. Однако за прошедшие с тех пор четыре года она никак не дала о себе знать, и Филлис уже перестала ждать ее. Не станет же она навязываться космически далекому члену Совета политики!

В новостях им встречались упоминания о ней: мадам Эспартеро избрана на очередной срок, будучи единственным кандидатом; мадам Эспартеро подала в отставку; здоровье Великой Старой Леди Совета пошатнулось; преемник мадам Эспартеро избран на досрочных выборах; Карвала мужественно борется за свою жизнь; планировщики благодарят старейшего члена Совета за шестнадцатилетнюю службу. Она стала непременным атрибутом стереофильмов и сюжетов в новостях.

В прошлый раз Гамильтон, встретившись с Карвалой, подумал, что она выглядит куда старше, чем это вообще возможно для человеческого существа. Увидев ее на этот раз, он понял, что ошибался. Она казалась невероятно сморщенной и хрупкой, и по тому, как с каждым движением мадам Эспартеро непроизвольно сжимала губы, было видно, каких усилий они стоили Карвале.

Однако глаза ее по-прежнему блестели, а голос все еще оставался твердым. Мадам Эспартеро и теперь доминировала над всем окружающим.

Филлис вышла ей навстречу.

— Мы так рады вашему приезду! Я не ожидала увидеть вас снова...

— Я же говорила тебе, что вернусь посмотреть на мальчика.

— Да, я помню, но прошло уже так много времени, а вы не появлялись...

— Бессмысленно смотреть на ребенка, пока он не оформился и не в состоянии говорить за себя. Где он? Приведите его.

— Ты найдешь его, Феликс?

— Конечно, дорогая.

По дороге Феликс удивлялся, как это он, взрослый человек, в полном расцвете сил, позволяет себе раздражаться на ссохшуюся старушонку, одной ногой уже стоящую за чертой. Уж слишком это по-детски!

Теобальд не желал расставаться со своими кроликами.

— Я занят.

Феликс представил себе, как это будет выглядеть, если он вернется в гостиную и объявит, что Теобальд примет мадам Эспартеро — если только вообще примет — в крольчатнике. Не может же он сыграть такой шутки с Филлис.

— Послушай, сынок, у нас в гостях леди, которая хочет тебя видеть.

Ответа не последовало.

— Решай,— бодро заявил Феликс,— сам ты пойдешь или предпочитаешь, чтобы тебя тащили? Мне все равно.

Теобальд медленно окинул взглядом все два метра своего отца и без дальнейших прений двинулся к дому.

— Мадам Эспартеро, это Теобальд.

— Вижу. Подойди ко мне, Теобальд.

Теобальд не шелохнулся.

— Подойди к мадам, Теобальд,— коротко сказала Филлис, и мальчик сразу повиновался.

Феликс не понимал, почему сын слушался матери куда охотнее, чем отца. Черт возьми, ведь он всегда был добр и справедлив к нему! Тысячи раз он сдерживался, не позволяя себе вспылить.

Мадам Карвала разговаривала с мальчиком тихо — так тихо, что ни Гамильтон, ни Филлис не могли разобрать ни слова. Теобальд глядел на нее исподлобья и норовил отвернуться, однако она настаивала и, поймав взгляд ребенка, не отпускала его. Наконец он ответил — таким же тихим и серьезным голосом. Их диалог длился несколько минут, потом Карвала выпрямилась на стуле и проговорила несколько громче:

— Спасибо, Теобальд. Теперь можешь идти.

Мальчик стремглав вылетел из дома. Феликс с тоской проводил его взглядом — ему-то надо было остаться... Выбрав самый удаленный — насколько позволяли приличия — стул, он принялся ждать.

Карвала выбрала новую сигару, раскурила ее и окуталась облаком синего дыма. Когда облако превратилось в тучу, она переключила внимание с сигары на Филлис.

— Он крепкий ребенок. С ним будет все хорошо.

— Счастлива, что вы так думаете.

— Я *не думаю*, я *знаю*.

Они еще немного поговорили о мальчике — обычная светская болтовня. У Феликса создалось впечатление, что старуха просто импровизирует — до тех пор пока не подведет к тому действительно важному, что у нее на уме.

— Когда ты ожидаешь его сестру?

— Я готова в любой момент,— ответила Филлис.— Они подбирают схему для нее — уже несколько месяцев.

— Что же они хотят получить? Какие-нибудь отличия от Теобальда?

— Несущественные — за исключением одного. Мелких, разумеется, окажется много — ведь когда подбирали для Бальди, по ряду характеристик осуществить отбор даже не пытались.

— А о каком же существенном отличии ты упомянула?

Филлис рассказала. Поскольку планировалась девочка, ее хромосомная схема должна была содержать *две* Х-хромосомы — по одной от каждого из родителей. Чадолюбие, конечно, характеристика, связанная с сексом. Нельзя забывать, что Гамильтону в свое время в значительной степени недоставало именно любви к

детям. Теобальд унаследовал свою единственную Х-хромосому от матери. Мордан был убежден, что, достаточно повзрослев, мальчик проявит нормальное стремление к обзаведению потомством.

Однако его планируемая сестренка должна стать наследницей обоих родителей, а следовательно — может в будущем отнестись к этому вопросу прохладно. Впрочем, если она все-таки обзаведется собственными детьми, то ее отпрыски уже не будут испытывать недостатка в этом свойстве, столь желательном для выживания вида: ведь потомкам она передаст лишь одну из двух своих Х-хромосом, а благодаря помощи генетиков ею станет хромосома Филлис. Таким образом, нежелательное качество Гамильтона будет исключено навсегда.

Карвала внимательно выслушала это объяснение — или, вернее, ту небольшую его часть, которую сочла нужным изложить Филлис. Потом старая леди ободряюще кивнула.

— Успокойся, детка. Все это не будет иметь никакого значения.

Однако она ни намеком не пояснила, что имеет в виду. Она еще немного поговорила о том о сем и вдруг неожиданно спросила:

— Значит, теперь — в любое время, я правильно поняла?

— Да,— подтвердила Филлис.

Карвала поднялась и удалилась так же внезапно, как и пришла.

— Надеюсь, мы еще удостоимся чести вашего посещения, мадам?— осторожно осведомился Феликс.

Карвала остановилась на пороге и, обернувшись, посмотрела на него. Вынув изо рта сигару, она усмехнулась.

— О, я вернусь! Можете на это рассчитывать.

Феликс стоял, хмуро уставясь на дверь, захлопнувшуюся за Карвалой.

— При ней я так хорошо себя чувствую,— счастливо вздохнула Филлис.

— А я — нет. Она похожа на труп.

— Филти!

Феликс вышел и разыскал сына.

— Хелло, малыш!

— Привет.

— Что она тебе говорила?

Теобальд пробормотал нечто нечленораздельное — Феликс смог уловить только заключительное: «...това баба!»

— Полегче, сынок! Чего она хотела?

— Чтобы я ей кое-что пообещал.

— И ты обещал?

— Нет.

— А что ты должен был пообещать?

Но Теобальд уже не слушал.

После позднего, приятного ужина в прохладном саду Феликс лениво включил новости. Некоторое время он рассеянно, вполуха прислушивался и вдруг позвал:

— Филлис!

— Что?

— Иди сюда! Скорее!

Когда она вбежала, Гамильтон указал на мерцающий и разглагольствующий ящик.

—...дам Эспартеро Карвала. Кажется, она умерла мгновенно. Предполагают, что она споткнулась, входя на эскалатор, поскольку, упав, она прокатилась по всему маршу. Ее будут долго вспоминать — не только благодаря многолетней деятельности в Совете политики, но и...

Филлис выключила приемник. Заметив на глазах жены слезы, Гамильтон удержался от реплики, которая у него едва не вырвалась,— насчет той самонадеянности, с какой Карвала пообещала, что обязательно вернется.

Гамильтон не видел смысла в том, чтобы снова вести Теобальда к Джейкобстейну Рэю; он чувствовал, что там уже возникла стойкая антипатия. Однако исследованием телепатии занимались и другие — Феликс выбрал группу и представил Теобальда ее членам. Он был убежден, что первоначальная ошибка заключалась в том, что исследователи пользовались примитивными методами, рассчитанными на детей этого возраста. На этот раз Теобальду постарались объяснить, что именно собираются предпринять

исследователи, и начали работу прямо с тестов, предназначенных для взрослых.

Он действительно способен был делать то, что от него ждали, вне всяких сомнений. Однако исследователям встречались и другие, не менее ярко выраженные случаи, и руководитель группы предостерег Феликса от избыточных ожиданий — поскольку телепатические способности детей имеют тенденцию с возрастом слабеть. Феликс и сам знал это. Но Теобальд мог — мог! — читать мысли, по крайней мере, в пределах условий, заданных экспериментами.

Феликс связался с Морданом и поделился своими сомнениями. Не считает ли арбитр, что Теобальд — мутант?

— Мутант? Нет, я не располагаю данными, чтобы так думать.

— То есть?

— Мутация — термин чисто технический. Он применим только к *новым* характеристикам, которые, согласно менделианским правилам, могут быть унаследованы. В данном случае я не вижу ничего подобного. Сначала определите, *что такое* телепатия, и тогда я вам скажу, может она являться наследуемым признаком или нет. Правда, скажу лет этак через тридцать.

Что ж, можно и подождать. Достаточно и того, что Теобальд является телепатом — по крайней мере на сегодня.

Тем временем задуманный регистратор телепатических явлений — потомок созданного на Плутоне «детектора жизни» — начал давать первые обнадеживающие результаты. Устройство было сдублировано в лаборатории холода, расположенной на окраинах Буэнос-Айреса, и работало ничуть не хуже, чем на Плутоне. Как только исследователи поняли направление работ, прибор был значительно усовершенствован — и это привело к новым серьезным трудностям.

Одну из этих трудностей устранили довольно необычным путем. Реагируя на присутствие чувствующих существ (растения и низшие формы животной жизни для него не существовали), прибор еще отнюдь не стал подлинным телепатом; он пока мало что мог. При опытах присутствовала кошка неизвестного происхождения, самопровозгласившая себя талисманом лаборатории:

каким-то образом она здесь появилась и вступила во владение. Как-то раз оператор, отступив на шаг назад, случайно наступил кошке на хвост. Ей это не понравилось, и она высказалась.

Аппарат в это время работал в режиме приема, и сидевшему за ним технику случившееся понравилось ничуть не больше. Он с криком сорвал наушники, объясняя, что «оно завопило».

Дальнейшие эксперименты показали, что прибор особенно чувствителен к возмущениям таламуса, вызванным внезапными и сильными эмоциями. Спокойная жизнедеятельность мозга оказывала на него заметно меньшее воздействие. Ударять человека по пальцу не имело смысла — он ждал этого удара и затормаживал реакцию, пропуская ее через «охладитель» лобных долей. А нужны были сильные и подлинные эмоции.

Немало кошачьих хвостов пострадало с тех пор — их обладателям поневоле пришлось пожертвовать душевным спокойствием во имя науки.

С самого начала беременности Филлис у Теобальда возникла странная антипатия к обществу матери. Это расстраивало ее. Феликс пробовал уговорить сына.

— Послушай, малыш,— убеждал он,— разве мама не добра к тебе?

— Да. Конечно.

— Так в чем же дело? Чем она тебе не нравится?

— Она мне нравится, правда... но мне не нравится *она*,— Бальди показал, и смысл жеста не оставлял сомнений.

Шепотом Феликс спешно проконсультировался с женой:

— Что скажешь, Фил? Я думал, мы еще не сообщали ему этой новости.

— Я — нет.

— А я и подавно. Может быть, Клод?.. Хотя нет, Клод не проговорился бы. Хм-м-м... Остается лишь один способ, которым он мог узнать... Самостоятельно.

Нахмурившись, Гамильтон смотрел на сына. «Не очень-то это удобно,— думал он,— иметь в собственной семье телепата... Может быть, это пройдет... частенько проходит».

— Надо бы разобраться нам с тобой, Теобальд.

— В чем?

— Скажи, это сестренка тебе не нравится?

Сердито посмотрев, мальчик кивнул.

«Возможно, это просто естественная ревность. Ведь до сих пор он всю жизнь чувствовал себя пупом земли»,— подумал Гамильтон и продолжал:

— Послушай, малыш, не думай, будто появление сестренки изменит отношение папы с мамой *к тебе*.

— Я и не думаю.

— Тебе будет очень занятно с сестренкой. Ты будешь старший, будешь знать обо всем больше и всегда сможешь показывать ей все и объяснять. Ты будешь главным.

Ответа не последовало.

— Разве ты *не хочешь* иметь сестренку?

— Не *эту*.

— Почему?

Теобальд отвернулся; можно было расслышать, как он бормочет под нос: «Чертова старая баба!» и потом, громче: «И сигары ее воняют!»

Тройственное совещание было прервано.

Дождавшись, пока мальчик заснул — во сне его телепатические способности, похоже, бездействовали,— Гамильтон сказал жене:

— Он явно отождествил в уме Жюстину с Карвалой.

Филлис была с ним согласна.

— По крайней мере, мне стало легче, когда я знаю, что он держит зуб не на меня. Но все равно, это очень серьезно. Наверное, стоит пригласить психиатра.

Спорить Гамильтон не стал.

— Но и с Клодом я посоветуюсь тоже.

Мордана случившееся отнюдь не расстроило.

— В конце концов,— заявил он,— кровные родственники и должны питать друг к другу неприязнь. Это естественно. Азы психологии. Если вам не удастся уговорить его смириться с появлением сестры — значит, придется воспитывать их порознь. Некоторое неудобство — не более того.

— А как насчет его странной идеи?

— Я не психиатр. Но не стал бы придавать этому излишнего значения. У детей часто возникают странные представления. Если не обращать особого внимания, со временем это проходит.

Психиатр придерживался той же точки зрения. Однако пошатнуть убежденности Теобальда ему не удалось. Мальчик составил себе мнение, придерживался его и отказывался его обсуждать.

Если отвлечься от фантастического заблуждения Теобальда, то фактом первостатейной важности оказались способности телепата устанавливать местонахождение личности, которой он никогда не видел и о самом существовании которой не имел оснований подозревать. Это был весьма увесистый кирпич для здания Великого Исследования. Считая это своим долгом, Гамильтон рассказал обо всем Каррузерсу.

Того история заинтересовала. Он задал кучу вопросов, потом ушел домой и всю ночь обдумывал ситуацию. Наутро он позвонил Феликсу.

— Заметьте, я не настаиваю, чтобы вы так поступили. Даже не прошу. Это ваша жена, дочь и сын. Однако, на мой взгляд, нам предоставляется уникальная возможность...

Гамильтон подумал.

— Я отвечу вам завтра.

— Как ты на это смотришь,— спросил он у Филлис, когда ночью они остались вдвоем,— не отправиться ли тебе в Буэнос-Айрес, чтобы родить Жюстину там?

— В Буэнос-Айрес? Но почему именно туда?

— Потому что там находится единственная на Земле машина-телепат. И переместить ее из лаборатории холода невозможно.

Глава XVII
Da capo*

— Опять принимаю,— мрачно объявил оператор.

Как это нередко случается с экспериментальными образцами, устройство барахлило: часть времени оно работало идеально —

* Музыкальный термин, означающий повторение, буквально «с начала» — *итал.*

порой целых двадцать минут! — а потом объявляло забастовку на целый день. Казалось, аппарат впитал в себя часть противоречивых свойств той жизненной силы, которую пытался уловить.

— Что на этот раз?

— Похоже на сон. Вода — обширное водное пространство. На заднем плане — береговая линия, а еще дальше — горные пики.

Установленный возле локтя оператора магнитофон записывал каждое его слово, отмечая точное время.

— Вы уверены, что это именно *ребенок*?

— Как и вчера. В этом ведь все отличаются. Я бы сказал, разные *на вкус* — не знаю, как еще объяснить. Стойте! Что-то еще... Город, чертовски большой город — больше Буэнос-Айреса.

— Теобальд,— тихонько спросил Мордан Клод,— ты все еще ее слышишь?

Мордан оказался здесь потому, что общий язык с мальчиком умел находить лучше Гамильтона, сам Феликс был вынужден признать это. Со своего места Теобальд не мог слышать оператора, работавшего на приеме, тогда как в наушниках Клода слова его звучали отчетливо. Филлис в это время находилась, разумеется, в соседней комнате, занимаясь своим главным делом... Ни для аппарата, ни для Теобальда это обстоятельство значения не имело. У Феликса определенного места не было — он обладал привилегией бродить повсюду и надоедать всем и каждому.

Мальчик откинулся на скамеечке, прислонившись спиной к ноге Мордана.

— Она уже не над океаном,— сказал он.— Она в столице.

— Ты уверен, что это столица?

— Конечно,— с оттенком презрения в голосе отозвался Теобальд,— я же там бывал, разве нет? И там есть башня.

За перегородкой кто-то спросил:

— Современный город?

— Да. Возможно, столица — там есть похожий пилон.

— Еще какие-нибудь детали?

— Не задавайте мне так много вопросов... Картинка опять переходит в смутные грезы... А теперь она снова перемещается... Мы в комнате... Куча народу, все взрослые. Разговаривают.

— Что теперь, сынок? — поинтересовался Мордан.

— А, опять она отправилась на эту вечеринку!

Два наблюдателя перешептывались в сторонке.

— Мне это не нравится,— проговорил тот, что пониже ростом.— Это страшно.

— Но это происходит.

— Неужели вы не понимаете, что это значит, Малькольм? Откуда у нерожденного ребенка могут взяться такие представления?

— Может, от матери? Брат-то определенно телепат.

— Нет, нет и нет! Нет — если только мы не ошибаемся абсолютно во всем, что касается мозговой деятельности. Человеческие представления ограничены личным опытом или чем-то, близким к нему. Нерожденный ребенок не может испытывать никаких ощущений — кроме тепла и темноты. Просто *не может*!

— Хм-м-м...

— Что вы можете на это возразить? Ну!

— Пока ничего — вы меня озадачили.

Кто-то поинтересовался у оператора на приеме:

— Узнаете вы кого-либо из присутствующих?

Тот чуть сдвинул наушники.

— Хватит мне надоедать! Вы сбиваете меня — я теряю сигнал! Нет, не узнаю. Это словно образы во сне... Наверное, это и есть сон. Я не могу ничего почувствовать, если она об этом не думает.

Немного погодя он снова начал диктовать:

— Что-то происходит... сны кончились. Неудобство... Это очень неприятно. Она сопротивляется этому... это... это... О Боже, это ужасно!.. Больно!.. *Я не могу этого вынести!*

Он сорвал наушники и вскочил — побледневший и трясущийся. И в этот же момент зашелся в крике Теобальд.

Несколько минут спустя в дверях комнаты Филлис показалась женщина и жестом поманила Гамильтона.

— Теперь можете войти,— радостно объявила она.

Стоявший на коленях подле Теобальда Феликс поднялся.

— Оставайся с дядей Клодом, малыш,— сказал он и пошел к жене.

Глава XVIII
«Там, за гранью...»

Как хорошо было снова приехать на этот берег! Как здорово, что Филлис благожелательно отнеслась к идее этого пикника! Как приятно было валяться на солнышке, блаженствуя в кругу семьи...

Все в жизни происходило совсем не так, как он планировал,— но ведь это в порядке вещей. Конечно, несколько лет назад Гамильтон ни за что бы не поверил, что все так сложится... Филлис и Бальди, а теперь еще и Жюстина. Когда-то он требовал у Клода ответа на вопрос, в чем смысл жизни,— сейчас его это совершенно не заботило. Жизнь была хороша сама по себе — что бы она собой ни представляла. А на главный вопрос он получил ответ. Пусть психологи спорят до посинения, выясняя, есть ли какая-то жизнь за гранью земного существования — жизнь, в которой человек сможет получить ответы на все вопросы.

На главный вопрос: «*Получаем ли мы второй шанс?*» ответ отныне известен, хотя и был получен через заднюю дверь. «Я» новорожденного содержало в себе нечто большее, чем генетическая структура. Жюстина сообщила им об этом — и не важно, сознавала она сама это или нет. Она принесла с собой осколки памяти о прежнем своем существовании. В этом Гамильтон был убежден. А значит, можно не сомневаться: после распада бренной оболочки человеческое «я» уходит куда-то дальше. Куда? Что ж, об этом он начнет беспокоиться, когда придет время.

Жюстина, скорее всего, понятия не имела о том, что доказала,— спросить же ее не было ни малейшей возможности. После

рождения ее телепатические импульсы стали бессмысленными и хаотичными — как и следовало ожидать от младенца. Психологи решили назвать это шоковой амнезией. С их точки зрения, рождение можно уподобить резкому пробуждению — если бы на сладко спящего человека выплеснули ведро ледяной воды. Тут кто угодно придет в шок!

Гамильтон еще окончательно не решил, хочет ли по-прежнему принимать активное участие в Великом Исследовании. А может, обленииться и заняться выращиванием луковиц георгин и детей? Он не знал. По большей части Исследование занималось очень далекими от него вопросами, а лично он был уже полностью удовлетворен. Взять хоть то, над чем корпит сейчас Клифф: до результата — века, а потом и еще немного. Монро-Альфа сравнил свою задачу с попыткой разгадать весь сюжет стереофильма по мгновенному проблеску на экране.

Но люди разгадают и это — когда-нибудь. Теобальд не увидит этого, хотя и увидит много больше, чем Феликс; а сыну Теобальда предстоит узреть еще больше. Сыновья же этого сына смогут бродить по звездам, не ведая границ.

К счастью, Теобальд, казалось, разделался со своим смешным отождествлением Жюстины с Карвалой. Правда, он, похоже, не больно-то жаловал младенца, но ожидать обратного было бы уже слишком. Мальчик казался скорее озадаченным и заинтересованным сестренкой. Вот он наклонился над ее колыбелью. Но, кажется, он...

— Теобальд!

Мальчик быстро выпрямился.

— Что ты там делаешь?

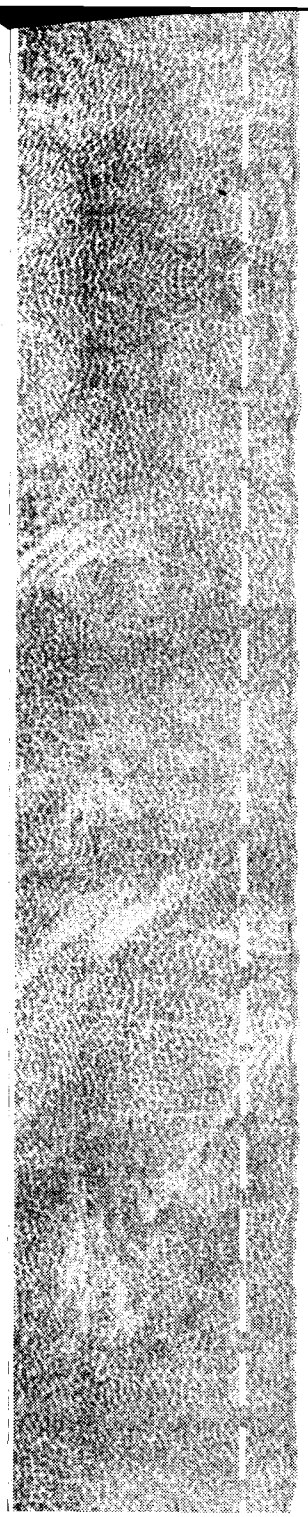
— Ничего.

Может быть... Однако выглядело это так, будто он ее ущипнул.

— Ладно, только лучше бы ты поискал другое место, чтобы заниматься этим. Ребенку сейчас нужно спать.

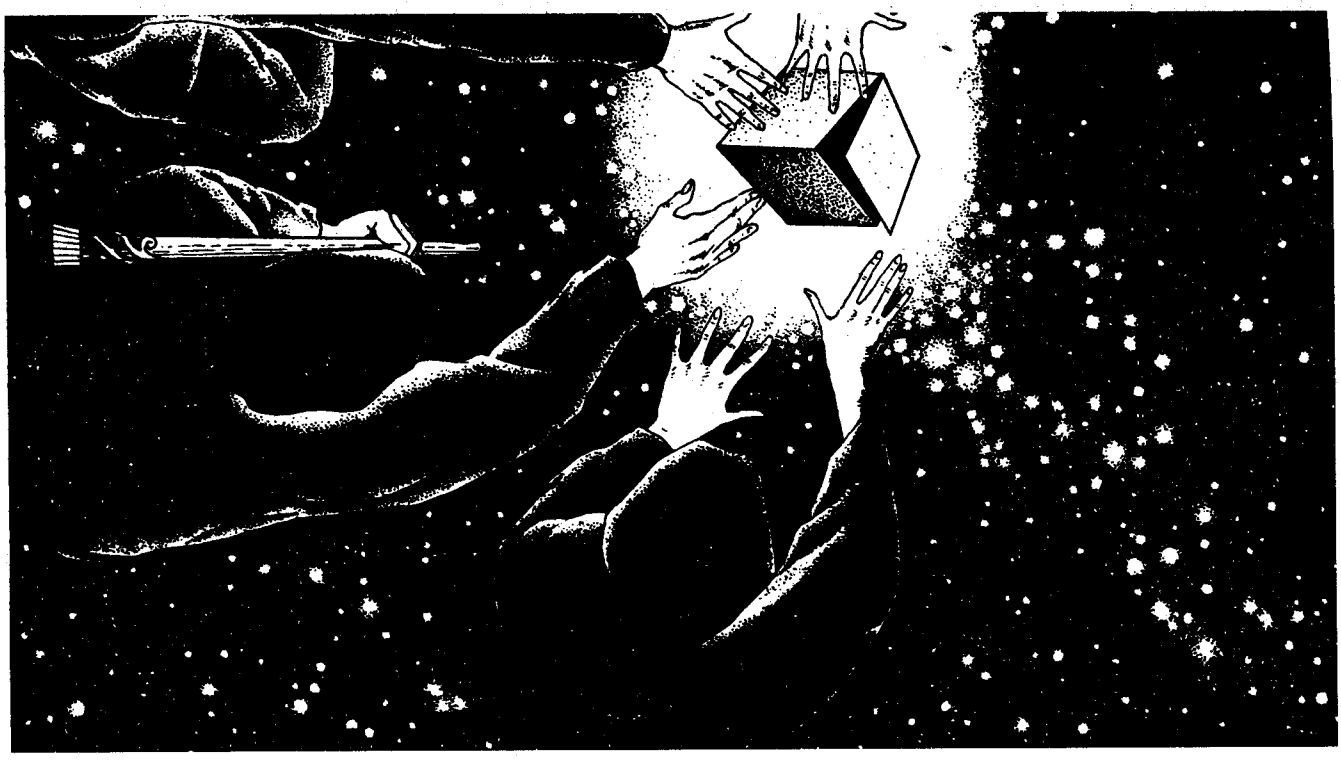
Бальди бросил на сестру быстрый взгляд и отвернулся. А потом медленно пошел вниз, к воде.

Посмотрев на жену, Гамильтон снова улегся. Филлис все еще спала. А вокруг простирался прекрасный мир, наполненный множеством всего интересного. И самым интересным были дети. Феликс посмотрел на Теобальда. Мальчик и сейчас был очень забавен, но станет еще интереснее, когда вырастет,— если только Гамильтон сумеет удержаться и не свернет ему до тех пор упрямую тонкую шею!

ШЕСТАЯ КОЛОННА

© А. Иорданский, перевод

Посвящается Джону С. Арвайну

Глава 1

— Что тут у вас за чертовщина? — громко спросил Уайти Ардмор.

Никто не обратил внимания ни на его слова, ни на само его появление.

— Заткнитесь, мы слушаем,— сказал человек, сидевший у телеприемника, и увеличил громкость.

По комнате разнесся голос диктора: «Вашингтон полностью уничтожен еще до того, как его успело покинуть правительство. Манхэттен лежит в руинах и теперь».

Раздался щелчок — человек выключил приемник и сказал:

— Вот и все. Соединенным Штатам крышка.— И добавил: — Сигарета у кого-нибудь найдется?

Не получив ответа, он протолкался через кучку людей, столпившихся вокруг приемника, подошел к столу, вокруг которого лежало с десяток неподвижных тел, и принялся шарить у них по карманам. Это было не просто — трупное окоченение уже началось, но в конце концов он нашел полупустую пачку, достал сигарету и закурил.

— Скажет мне кто-нибудь, что тут у вас за чертовщина, или нет? — повторил Ардмор.— Что случилось?

Человек с сигаретой оглядел его с головы до ног.

— Кто вы такой?

— Майор Ардмор из разведки. А вы кто такой?

— Полковник Кэлхун, из исследовательского отдела.

— Очень хорошо, полковник. У меня срочный приказ для вашего командира. Распорядитесь, пожалуйста, чтобы кто-нибудь доложил ему, что я здесь, и проводил меня.

В голосе его звучало скрытое раздражение.

Кэлхун покачал головой.

— Не могу. Он мертв.

Казалось, это сообщение доставило ему какое-то извращенное удовольствие.

— Что?

— Ну да, мертв. И другие тоже. Перед вами, майор, все, что осталось от личного состава Цитадели. Точнее говоря — раз уж это что-то вроде официального рапорта,— от Лаборатории специальных исследований Министерства обороны.

Он криво улыбнулся, окинув взглядом горстку людей, стоящих в комнате. Ардмору понадобилось несколько секунд, чтобы освоиться с неожиданным поворотом событий. Потом он спросил:

— Паназиаты?

— Нет. Не паназиаты. Насколько мне известно, противник о существовании Цитадели не подозревает. Нет, это мы сами устроили. Один эксперимент прошел слишком удачно. Доктор Ледбеттер занимался поисками средства...

— Это неважно, полковник. К кому теперь перешло командование? Я должен передать приказ.

— Командование? Помилуйте, мы еще не успели с этим разобраться. Минутку.— Он обвел глазами комнату.— Хм-м-м. Из тех, кто здесь, старший по званию я, а больше никого не осталось. Похоже, теперь я командир.

— А строевых офицеров у вас нет?

— Нет. Только специалисты. Значит, я и есть командир. Можете докладывать.

Ардмор оглядел полдюжину людей, стоявших в комнате. Они с вялым интересом следили за разговором. Как сказать им то, что он должен передать? Положение изменилось — может быть, теперь приказ не стоит передавать вообще?

— Мне было приказано,— произнес он, тщательно подбирая слова,— сообщить вашему генералу, что он выведен из подчине-

ния вышестоящему командованию. Ему предписано принимать решения самостоятельно и продолжать боевые действия против сил вторжения по собственному усмотрению. Видите ли,— продолжал он,— когда я двенадцать часов назад покидал Вашингтон, мы уже знали, что разбиты. Кроме интеллектуальных ресурсов, собранных в Цитадели, у нас не осталось почти никаких резервов.

— Понятно,— кивнул Кэлхун.— Несуществующее правительство послало приказ несуществующей лаборатории. Нуль плюс нуль равняется нулю. Смешно — если бы только знать, когда смеяться.

— Полковник!

— Да?

— Вы получили приказ. Как вы намерены его выполнять?

— Выполнять? А что тут можно сделать, черт возьми? Шесть человек против четырехсот миллионов! — И он добавил: — Чтобы все было по форме, как полагается у военных, мне, наверное, надо бы отдать приказ об увольнении из армии Соединенных Штатов всех, кто еще остался, и проводить их в отставку. А самому, должно быть, совершить харакири. Да вы что, не понимаете? Здесь все, что осталось от Соединенных Штатов. Да и это осталось только потому, что паназиаты нас не нашли

Ардмор облизнул губы.

— Я, очевидно, недостаточно ясно передал приказ. Вам приказано принять командование и продолжать боевые действия!

— Чем?

Ардмор смерил Кэлхуна взглядом.

— Пожалуй, это решать не вам. Ввиду изменившейся обстановки, согласно уставу, я как старший по званию строевой офицер принимаю командование над этим подразделением армии Соединенных Штатов.

Пауза продолжалась около двадцати ударов сердца. Потом Кэлхун поднялся и сделал вид, что расправляет сутулые плечи.

— Вы совершенно правы, сэр. Ждем ваших распоряжений.

«Они ждут распоряжений,— подумал Ардмор.— Быстрее шевели мозгами, Ардмор, болван ты этакий. Сам впутался в историю — что теперь будешь делать? Конечно, Кэлхун был прав, когда спросил: "Чем?". Но нельзя же спокойно стоять и смотреть, как у

тебя на глазах разваливаются остатки армии! Надо им что-то сказать — чтобы держались, пока мне не придет в голову что-нибудь получше. Надо выиграть время, приятель!»

— Мне кажется, нужно сначала выяснить ситуацию. Полковник, будьте добры, соберите оставшийся личный состав — ну, скажем, за этим большим столом. Так будет удобнее всего.

— Будет сделано, сэр.

Услышав приказ, все подошли к столу.

— Грэхем! И вы — как ваша фамилия? Томас, кажется? Вы двое перенесите куда-нибудь тело капитана Мак-Алистера. Положите его пока в коридоре.

Все пришло в движение. Пока убирали труп, а оставшиеся в живых размещались за столом, впечатление нереальности происходящего понемногу рассеивалось и люди начали приходить в себя. Ардмор уже более уверенно обернулся к Кэлхуну:

— Познакомьте меня, пожалуйста, с присутствующими. Я хочу знать, кто они и чем занимаются. Ну и, конечно, имена и фамилии.

Горстка людей численностью с небольшой патруль. Жалкие остатки армии. Он ожидал найти здесь, в надежном, никому не известном подземном укрытии в Скалистых горах, самое блестящее созвездие научных талантов, какое только удавалось кому-нибудь собрать для решения определенной задачи. Даже после разгрома регулярной армии Соединенных Штатов были все основания надеяться, что двести с лишним выдающихся ученых, спрятанные в тайном убежище, о самом существовании которого противник не догадывается, и обеспеченные всем современным научным оборудованием, сумеют изобрести и привести в действие какое-нибудь новое оружие, которое со временем позволит изгнать из страны паназиатов. Поэтому его и послали передать генералу, который командовал этой группой, приказ действовать самостоятельно, никому не подчиняясь. Но что могут сделать полдюжины людей?

Да и какие полдюжины! Доктор Лоуэлл Кэлхун, например — математик, призванный из университета и произведенный в полковники. Доктор Рэндол Брукс — биолог и биохимик, получивший звание майора. Правда, на Ардмора он произвел хорошее

впечатление — спокойный, сдержанный, по-видимому, с сильным и уравновешенным характером. От него будет толк, к его советам надо прислушиваться.

Роберта Уилки Ардмор окрестил про себя юнцом. Он был молод, а из-за своей щенячьей неуклюжести и растрепанной шевелюры выглядел еще моложе. Занимался он, как выяснилось, радиацией и смежными областями физики, слишком мудреными для неспециалиста, и судить о том, насколько хорошо он разбирается в своей науке, Ардмор не мог. Возможно, он и гений, хотя по виду этого не скажешь.

Вот и все ученые. Оставалось еще трое. Герман Шир, техник-сержант, до войны — механик и слесарь-инструментальщик, взятый в армию из исследовательского отдела компании «Эдисон Траст», где собирал точные приборы. О его специальности и квалификации свидетельствовали загорелые, сильные руки с тонкими пальцами, а глядя на его решительное лицо в глубоких морщинах и тяжелую челюсть, Ардмор решил, что такого человека хорошо иметь рядом в трудную минуту. Этот будет полезен.

Эдвард Грэхэм, рядовой первого разряда, повар офицерской столовой. Тотальная война заставила его оставить профессию художника-оформителя и проявить другой свой талант — кулинарный. Ардмор не мог себе представить, для чего он может пригодиться; впрочем, готовить все равно кому-то придется.

И наконец, помощник Грэхэма рядовой Джефф Томас. Никто не знал, кем он был раньше.

— Он как-то забрел к нам,— объяснил Кэлхун,— вот и пришлось считать его призванным и оставить здесь, чтобы не раскрыл нашего расположения.

Знакомясь со своими новыми подчиненными, Ардмор все время напряженно думал о том, что же им сказать. Он знал, что сейчас требуется — какой-нибудь старый трюк, несколько слов, которые взбодрили бы людей, как укол сильнодействующего лекарства, и подняли их угасший боевой дух. Он верил в такие вещи, потому что сам до войны занимался рекламой, пока его не призвали. Вспомнив об этом, он подумал: «Стоит ли говорить, что он такой же непрофессионал, как и все остальные, и только случайно

попал в строевые офицеры? Нет, это не разумно: сейчас нужно, чтобы они полагались на него, как полагаются новобранцы на ветеранов».

Томас был последним в списке, и Кэлхун умолк.

«Твоя очередь, приятель, и смотри не оплошай!»

— Мы должны будем продолжать выполнение нашего боевого задания в течение неопределенного времени. Я хочу напомнить вам, что мы несем ответственность за это не перед высшим командованием, которое погибло в Вашингтоне, а перед народом Соединенных Штатов согласно Конституции. Конституцию никто не может взять в плен или уничтожить — это не просто клочок бумаги, а обязательство, которое взял на себя весь американский народ. И только американский народ может освободить нас от этого обязательства.

Так ли это на самом деле? Он не знал, потому что не был юристом; но он знал, что именно в это им сейчас нужно поверить. Он повернулся к Кэлхуну.

— Полковник Кэлхун, теперь прошу вас привести меня к присяге в качестве командира этого подразделения армии Соединенных Штатов. Я думаю, всем нам следует подтвердить свою присягу,— добавил он.

В полупустой комнате глухо зазвучал хор голосов: «Я торжественно клянусь... выполнять свой долг... соблюдать и защищать Конституцию Соединенных Штатов... от всех ее врагов, внутренних и внешних!»

— И да поможет мне Бог!

— И да поможет нам Бог!

Ардмор с удивлением обнаружил, что к концу этого представления, которое он сам же и устроил, у него по щекам потекли слезы. Он видел, что слезы показались и на глазах у Кэлхуна. Может быть, это все-таки было не просто представление?

— Полковник Кэлхун, за вами, конечно, остается научное руководство. Вы после меня старший, но все административные обязанности я возьму на себя, чтобы они не мешали вашей исследовательской работе. Майор Брукс и капитан Уилки будут подчиняться вам. Шир!

— Есть, сэр!

— Будете находиться в распоряжении полковника Кэлхуна. Если он не сможет полностью вас загрузить, я дам вам дополнительные поручения позже. Грэхем!

— Есть, сэр!

— Будете продолжать выполнять свои обязанности. Кроме того, вы назначаетесь ответственным за питание, снабжение и вообще за всю интендантскую часть. Доложите мне сегодня, немного позже, о наличии продуктов и их состоянии. Томас будет подчиняться вам, но в случае надобности любой из исследователей может вызвать его себе в помощь. Возможно, из-за этого иногда придется обедать немного позже обычного, но тут ничего не поделаешь.

— Есть, сэр.

— Мы с вами и Томасом будем заниматься всем, что не имеет прямого отношения к исследовательской работе, а кроме этого помогать ученым, чем можем, когда нужно. Я подчеркиваю, полковник, что это относится и ко мне,— сказал он, обращаясь к Кэлхуну.— Если в любой момент вам понадобится лишняя пара рук, хоть и неквалифицированных, прошу сообщить мне.

— Хорошо, майор.

— Грэхем, вам с Томасом придется убрать трупы во всем здании, пока они еще не тронулись,— скажем, завтра к вечеру. Поместите их в какую-нибудь ненужную комнату и загерметизируйте ее. Шир покажет вам как.— Он взглянул на часы.— Два часа. Когда у вас был обед?

— Сегодня... сегодня обеда не было.

— Очень хорошо. Грэхем, приготовьте кофе и бутерброды и подайте сюда через двадцать минут.

— Хорошо, сэр. Пошли, Джефф.

— Иду.

Когда они вышли, Ардмор снова повернулся к Кэлхуну.

— А пока, полковник, давайте пойдем в лабораторию, где началась катастрофа. Я все-таки хочу знать, что тут у вас случилось.

Двое других ученых и Шир стояли в нерешительности, пока он кивком не пригласил их следовать за собой.

— Вы говорите, что ничего особенного не произошло — ни взрыва, ни выброса газа — и все же они умерли?

Они стояли около последней установки доктора Ледбеттера. Тело погибшего ученого все еще лежало там, где он упал. Ардмор отвел глаза и попытался понять устройство установки. Выглядела она не такой уж сложной, но ничего знакомого ему не напоминала.

— Нет, ничего не было. Только маленькое голубое пламя — оно показалось на мгновение сразу после того, как Ледбеттер включил вон тот рубильник.

Кэлхун осторожно показал на рубильник, стараясь до него не дотронуться. Обычный пружинный самовыключающийся рубильник. Сейчас он был выключен.

— Я внезапно почувствовал головокружение. Когда оно прошло, я увидел, что Ледбеттер упал, и подошел к нему, но уже ничего не мог сделать. Он был мертв, хотя никаких повреждений на теле не было.

— А я потерял сознание,— вмешался Уилки.— Может быть, и я бы не остался в живых, если бы Шир не сделал мне искусственное дыхание.

— Вы были здесь? — спросил Ардмор.

— Нет, в радиационной лаборатории, в другом конце здания. Мой руководитель погиб.

Ардмор нахмурился и подвинул к себе стул, стоявший у стены. Не успел он сесть, как какая-то маленькая серая тень стремительно пробежала по полу и скрылась за открытой дверью. «Крыса»,— подумал он и хотел продолжать расспросы. Но доктор Брукс в изумлении посмотрел ей вслед и выбежал за дверь со словами:

— Подождите минуту, я сейчас!

— Не понимаю, что это с ним такое,— сказал Ардмор, ни к кому не обращаясь. Может быть, напряжение, вызванное последними событиями, оказалось чрезмерным даже для сдержанного биолога?

Меньше чем через минуту Брукс вернулся так же неожиданно, как и выскочил из комнаты. Задыхаясь от быстрого бега, он с трудом выговорил:

— Майор Ардмор! Доктор Кэлхун! Джентльмены! — Он остановился и перевел дыхание.— Мои белые мыши живы!

— Да? Ну и что?

— Неужели вы не понимаете? Это крайне важный факт, может быть, даже решающий. Ни одно животное в биологической лаборатории не пострадало! Неужели вы не понимаете?

— Да, но... Ах, вот что, кажется, я... Значит, крыса осталась жива, и ваши мыши не пострадали, а люди, которые были рядом, погибли?

— Конечно! Конечно! — радостно подтвердил Брукс.

— Хм-м-м... Нечто такое, что запросто убивает две сотни людей сквозь скалу и металл, но не трогает мышей и им подобных? Никогда не слышал о силе, которая могла бы убить человека и оставить в живых мышь.— Ардмор кивнул в сторону установки.— Похоже, эта штука может оказаться нам полезной, Кэлхун.

— Может,— согласился Кэлхун.— Если только мы научимся ею управлять.

— А у вас есть на этот счет сомнения?

— Ну, мы ведь не знаем, как она убивает, не имеем представления, почему она оставила в живых нас шестерых, и не понимаем, по какой причине не пострадали животные.

— Так. Что ж, по-видимому, дело именно в этом.— Ардмор еще раз взглянул на нехитрую, но такую загадочную установку.— Доктор, я не хотел бы с самого начала вмешиваться в ваши дела, но прошу вас не включать этот рубильник, не поставив предварительно в известность меня.

Он покосился на неподвижное тело Ледбеттера на полу и поспешно отвел глаза.

За кофе с бутербродами они продолжали обсуждать положение.

— Значит, никто толком не знает, чего добивался Ледбеттер?

— В общем, да,— подтвердил Кэлхун.— Я помогал ему по части математики, но он же был гений, и наши ограниченные умы только приводили его в раздражение. Будь жив Эйнштейн, они еще могли бы поговорить на равных, но со всеми нами он разговаривал только о том, в чем ему была нужна помощь, или о частных задачах, которые собирался кому-то поручить.

— Значит, вы не знаете, чего именно он хотел добиться?

— Пожалуй, можно сказать — и да и нет. Вы знакомы с общей теорией поля?

— Боже упаси, конечно, нет!

— Ну, тогда нам будет трудновато с вами объясняться, майор Ардмор. Доктор Ледбеттер изучал теоретически возможные дополнительные спектры...

— Дополнительные спектры?

— Ну да. Видите ли, за последние полтора столетия главные успехи физики были достигнуты в изучении всего спектра электромагнитных излучений: свет, радиоволны, рентгеновские лучи...

— Да, да, это я знаю, но что за дополнительные спектры?

— Это я и пытаюсь вам объяснить,— сказал Кэлхун с оттенком раздражения в голосе.— Из общей теории поля следует, что могут существовать по меньшей мере еще три типа спектров. Видите ли, мы знаем, что в пространстве существуют три типа энергетических полей: электрическое, магнитное и поле тяготения, или гравитационное. Свет, рентгеновские лучи и им подобные излучения — часть электромагнитного спектра. Но из теории следует, что возможны и другие аналогичные спектры: магнитогравитационные, электрогравитационные и, наконец, трехфазный спектр, объединяющий электрическое, магнитное и гравитационное поля. Каждый из них должен представлять собой совершенно новый тип спектра, а изучение его — новую область науки. Если они действительно существуют, то, вероятно, обладают столь же характерными свойствами, что и электромагнитный спектр, но совершенно иными. Однако мы не располагаем приборами, которые могли бы регистрировать такие излучения, и даже не можем сказать, существуют ли они вообще.

— Знаете, я в этих делах, конечно, мало что понимаю,— заметил Ардмор, слегка нахмурившись,— и не могу с вами спорить, но мне кажется, что это похоже на поиски чего-то такого, чего вовсе не существует. Я считал, что эта лаборатория занимается одним — разработкой оружия, которое могло бы противостоять вихревым лучам и атомным ракетам паназиатов. Меня немного удивляет, что человек, которого вы, видимо, считали самым вы-

дающимся здесь ученым, пытался обнаружить нечто такое, в существовании чего он вообще не был уверен и свойства чего совершенно неизвестны. По-моему, это странно.

Кэлхун ничего не ответил, а только бросил на него высокомерный взгляд и ехидно усмехнулся. Ардмор понял, что сказал что-то не то, и почувствовал, как краснеет.

— Ну да,— поспешно сказал он,— я вижу, что не прав: что бы там ни обнаружил Ледбеттер, оно прикончило две сотни человек. Значит, это потенциальное оружие,— но ведь он не просто шел на ощупь в темноте?

— Не совсем,— ответил Кэлхун и продолжал, явно стараясь выбирать слова попроще: — Те самые теоретические соображения, из которых следует возможность существования дополнительных спектров, позволяют с достаточной вероятностью представить себе в общем виде их свойства. Я знаю, что сначала Ледбеттер занимался тем, что искал способы генерировать лучи, способные притягивать или отталкивать,— это из области магнитогравитационного спектра. Но в последние две недели он выглядел очень возбужденным и круто изменил направление работы. Он был не слишком разговорчив, и я могу судить только по тем расчетам, которые для него делал. Тем не менее,— Кэлхун достал из внутреннего кармана толстый растрепанный блокнот,— он вел подробный журнал своих экспериментов. Вероятно, мы сможем проследить за ходом его работ и догадаться, в чем состояла гипотеза, из которой он исходил.

Уилки, сидевший рядом с Кэлхуном, возбужденно спросил, подавшись к нему:

— Где вы это нашли, доктор?

— На столе у него в лаборатории. Если бы вы там посмотрели, могли бы найти это и сами.

Не обратив на колкость внимания, Уилки впился глазами в записи, сделанные в блокноте.

— Так это же формула излучения...

— Ну конечно. Или я, по-вашему, настолько глуп, что этого не вижу?

— Но она неправильная!

— По-вашему, может быть, и неправильная, но будьте уверены, что доктор Ледбеттер не ошибался.

Они пустились в спор, в котором Ардмор ничего не мог понять; через некоторое время, воспользовавшись паузой, он вмешался:

— Минутку, джентльмены! Я вижу, вы уже готовы приступить к работе. Что касается меня, то я теперь знаю достаточно на первое время. Насколько я понимаю, ваша ближайшая задача — проследить ход мысли доктора Ледбеттера и выяснить, для чего служит его установка,— так, чтобы при этом уцелеть самим. Правильно?

— В общем, да,— осторожно согласился Кэлхун.

— Что ж, в таком случае приступайте. И держите меня в курсе дела, когда сочтете это удобным.— Он встал, остальные последовали его примеру.— Да, еще одно. Я вот о чем подумал. Не знаю, насколько это важно, но мне это пришло в голову потому, что доктор Брукс придает такое большое значение истории с мышами и крысами.— Он начал загибать пальцы.— Множество людей погибли на месте. Доктор Уилки потерял сознание и чуть не умер. Доктор Кэлхун почувствовал только легкое головокружение. А все прочие, кто остался в живых, видимо, вообще ничего не ощутили, в то время как их товарищей постигла загадочная смерть. Не кажется ли вам, что это тоже полезные данные?

Он с нетерпением ждал ответа, опасаясь, что ученые сочтут его слова нелепыми или тривиальными.

Кэлхун собрался ответить, но его опередил доктор Брукс:

— Ну конечно! Как же я об этом не подумал? Должно быть, у меня в голове все перепуталось. Получается градиент — закономерное различие в действии этого неизвестного фактора.— Он на мгновение умолк.— Я прошу у вас разрешения, майор, обследовать трупы наших покойных коллег и попытаться выяснить, чем они отличались от тех, кто остался в живых. Особенно от тех, на кого неизвестный фактор подействовал сильнее всего.

И он задумчиво уставился на Уилки.

— Ну уж нет! — возразил тот.— Я вам не морская свинка. Ничего не выйдет!

Ардмор не знал, всерьез он это сказал или в шутку, но решил положить конец спору:

— Детали я предоставляю вам, джентльмены. Но помните — ни в коем случае не рискуйте, не предупредив меня.

— Вы слышали, Брукс? — откликнулся Уилки.

В тот вечер Ардмор заставил себя улечься в постель исключительно из чувства долга — спать ему совершенно не хотелось. Его непосредственная задача была выполнена он собрал осколки группы, которая называлась «Цитадель», и соорудил из них некое подобие действующей организации. Он слишком устал, чтобы размышлять о том, будет ли толк от ее действий, но во всяком случае она действовала. Он внес новый смысл в их жизнь и, взяв на себя груз руководства и ответственности, дал им возможность перекладывать на его плечи свои заботы. Может быть, это позволит им сохранить рассудок в обезумевшем мире?

Каким будет этот обезумевший новый мир? Мир, где превосходство западной культуры перестало быть само собой разумеющимся, где звездно-полосатый флаг уже больше не развивался над каждым общественным зданием?

Тут ему в голову пришла еще одна мысль. Чтобы их деятельность хотя бы внешне была похожа на ведение войны, нужно будет завести какую-то разведывательную службу. До сих пор он был озабочен одним — чтобы они снова взялись за работу, но завтра придется об этом подумать. «Завтра и подумаю»,— сказал он себе, но начал думать об этом сразу же.

Служба разведки им необходима не меньше, чем новое секретное оружие. Даже больше: какое бы фантастически мощное оружие ни удалось создать, продолжая исследования доктора Ледбеттера, оно не принесет пользы, если не знать, где и когда его применить, чтобы поразить противника в самое уязвимое место. До нелепости слабая военная разведка всегда была отличительной чертой Соединенных Штатов. Самая могучая нация планеты неизменно начинала свои войны вслепую, как великан с завязанными глазами. Взять хотя бы то, что произошло сейчас: атомные бомбы Паназии были ничуть не мощнее, но американцев захватили врасплох, и ни одной своей они даже сбросить не успели. Сколько их было? Где-то Ардмор слышал, что тысяча. Точной цифры он не знал, но паназиаты ее, безусловно, знали. Они

знали, сколько в Соединенных Штатах бомб, где они хранятся. И войну они выиграли не с помощью своего секретного оружия, а благодаря своей разведке. Впрочем, секретное оружие Паназии тоже оказалось вполне эффективным — особенно из-за того, что оно было действительно секретным. Так называемая разведка армии Соединенных Штатов потерпела очередную неудачу.

«Ну что же, Уайти Ардмор, теперь все в твоих руках! Можешь организовать любую разведывательную службу, какую только твоей душе угодно,— для этого у тебя есть трое близоруких кабинетных ученых, пожилой техник-сержант, двое рядовых из кухонного наряда и ты сам. Критиковать легко,— но если ты такой умный, почему тогда ты не богатый?»

Он встал, подумав, что надо принять снотворное, но вместо этого выпил стакан теплой воды и снова лег.

«Предположим, что мы создадим действительно новое мощное оружие. Эта штука, которую придумал Ледбеттер, выглядит многообещающей, если только мы научимся с ней обращаться. Ну и что? Один человек не может управлять летающим крейсером — он даже не сумеет поднять его в воздух. А шесть человек не смогут одержать вверх над целой империей, даже если обуть их в семимильные сапоги и вооружить каждого лучом смерти. Как там говорил Архимед? Дайте мне рычаг достаточной длины и точку опоры, и я переверну землю. Ну и где у нас точка опоры? Оружие — не оружие, если нет армии, которая может привести его в действие».

Он погрузился в беспокойный сон, и ему приснилось, будто он болтается на конце длиннейшего рычага и не может ничего сделать, потому что опорой для рычага служит пустота. То он сам был Архимедом, то Архимед оказывался рядом и принимался издеваться над ним, скривив в злобной гримасе раскосое азиатское лицо.

Глава 2

В следующие две недели на долю Ардмора выпало множество разнообразных хлопот, и времени у него хватало только на самые необходимые дела. Было решено исходить из того, что их группа — фактически военная организация, а значит, не исключено, что в

один прекрасный день им предстоит дать отчет в своих действиях гражданским властям. Из этого следовало, что Ардмор должен был выполнять — или, по крайней мере, создавать видимость, что выполняет,— все законы и положения, касающиеся документации, денежной отчетности, материального учета и прочего в том же духе. Про себя он считал все это пустой и бессмысленной тратой времени; однако, занимаясь рекламой, он стал психологом-самоучкой и интуитивно понимал, что человек живет символами. В этот момент эти символы существования властей имели решающее значение.

Поэтому он, изучив должностные инструкции покойного начальника финансового отдела, тщательно подсчитал, сколько жалования причиталось каждому из погибших на момент смерти и сколько следует выплатить его наследникам «дензнаками, имеющими хождение на территории Соединенных Штатов», хотя и подумал при этом не без грусти: «Интересно, что эта формула может означать теперь?» Вся эта бумажная канитель была не под силу ему одному. Ардмор выяснил, что Джефф Томас, которого он назначил помощником повара, хорошо печатает на машинке и обладает некоторыми способностями к арифметике, и приспособил его к этой работе. В результате Грэхем обнаружил, что ему приходится трудиться за двоих, и попытался выразить недовольство, но Ардмор решил, что это ему только полезно: без блох собака скучает. Необходимо было добиться, чтобы каждый из его подчиненных к вечеру валился с ног от усталости.

Томас пригодился и для другой цели. Ардмор, с его легко возбудимым характером, постоянно нуждался в собеседнике. Томас оказался человеком неглупым и многое понимающим, и их беседы понемногу становились все откровеннее. Конечно, командиру не полагается откровенничать с рядовым, однако Ардмор инстинктивно чувствовал, что Томас не обманет его доверия, а психологическая разрядка была ему необходима.

Но вскоре Кэлхун заставил Ардмора отвлечься от мелких повседневных дел и заняться более серьезной проблемой. Он явился, чтобы попросить разрешения включить установку Ледбеттера, немного переделанную с учетом их последних предположений, но при этом задал еще один нелегкий вопрос:

— Майор Ардмор, не можете ли вы мне объяснить, как вы намерены использовать «эффект Ледбеттера»?

Этого Ардмор не знал и вместо ответа спросил:

— А разве вы уже настолько продвинулись, что такой вопрос возник? Тогда не объясните ли вы мне, что у вас получается?

— Это будет несколько затруднительно,— ответил Кэлхун слегка покровительственным тоном,— поскольку я не смогу пользоваться языком математики, на котором, вообще говоря, только и можно выразить...

— Ну что вы, полковник! — перебил его Ардмор, стараясь скрыть свое раздражение в присутствии рядового Томаса.— Скажите мне просто, в состоянии вы убить этой штукой человека или нет и можете ли заранее решить, кого именно.

— Это слишком упрощенная постановка вопроса,— возразил Кэлхун.— Тем не менее мы полагаем, что новая установка будет действовать направленно. Результаты, полученные доктором Бруксом, позволили ему предположить, что существует асимметрическое соотношение между действием установки и живым объектом, на который оно направлено, что некое свойство, присущее данной жизненной форме, определяет как степень воздействия на нее, так и сам характер такого воздействия. Другими словами, воздействие есть функция всех факторов, включая особенности данной жизненной формы, а также параметров самого воздействия, так что...

— Полегче, полегче, полковник. Что все это означает применительно к оружию?

— Это означает, что можно направить установку на двух человек и решить, кого из них она убьет,— при условии, что мы научимся ею управлять,— раздраженно ответил Кэлхун.— Во всяком случае, мы так полагаем. Уилки вызвался выступить в качестве контроля, а объектом будут мыши.

Ардмор дал разрешение на эксперимент, поставив условие, что все предосторожности будут соблюдены. Кэлхун ушел, и он снова принялся размышлять над тем, что же делать с этим оружием, если оно все-таки будет создано. Для этого нужна информация, которой он не располагал. Черт возьми, разведка просто необходима — нужно же знать, что происходит снаружи!

Об ученых, конечно, речи быть не может. Шир тоже отпадает: без его помощи ученым не обойтись. Грэхем? Нет. Готовит он хорошо, но характер у него слишком нервный, взбалмошный, неуравновешенный — кто-кто, а он в шпионы не годится. Остается только сам Ардмор. Его этому обучали — ему и идти в разведку.

— Да нет, нельзя вам это делать,— услышал он голос Томаса.

— Что-что?

Он понял, что, сам того не заметив, начал разговаривать сам с собой — это случалось, когда он оказывался в одиночестве или в обществе Томаса, молчаливое присутствие которого ничуть не мешало его размышлениям.

— Вы не можете бросить свою часть, сэр. Я уже не говорю, что это не положено по уставу. Но разрешите мне сказать, сэр,— тогда все, что вы до сих пор сделали, тут же развалится.

— Почему? Меня не будет всего несколько дней.

— Видите ли, сэр, может быть, несколько дней оно и продержится, хотя я не уверен. Кто останется за командира, пока вас не будет?

— Полковник Кэлхун, конечно.

— Ах вот что... Ну еще бы!

Поднятые брови и ироничная интонация Томаса свидетельствовали о том, что только субординация не позволяет высказать свое истинное мнение.

Ардмор понимал, что Томас прав. Он убедился, что во всем помимо своей науки Кэлхун — не кто иной, как самовлюбленный, надутый, склочный старый осел. Ему уже приходилось улаживать недоразумения, вызванные высокомерием профессора. Шир согласился работать с Кэлхуном только после того, как Ардмор долго беседовал, успокаивая его и взывая к его чувству долга. Ему вспомнилось, как он когда-то работал пресс-секретарем у одной известной и весьма популярной проповедницы. Должность называлась «распорядитель по связям с общественностью», но две трети времени уходило у него на то, чтобы разбираться в скандалах, вызванных сварливым характером святоши.

— И потом вы же не можете гарантировать, что вернетесь через несколько дней,— настаивал Томас.— Это дело очень опасное. Если вас убьют, заменить вас здесь будет некому.

— Да нет, вы преувеличиваете, Томас. Незаменимых людей не бывает.

— Не время сейчас вам скромничать, сэр. Может быть, вообще оно и верно, только не в этом случае, вы же понимаете. Выбирать особо не из кого, а вы единственный, между прочим, кому согласен подчиняться доктор Кэлхун. Потому что вы умеете с ним ладить, а он не умеет ладить ни с кем.

— Ну, знаете, Томас...

Томас промолчал, и через некоторое время Ардмор продолжал:

— Хорошо, допустим, что вы правы. Но мне нужны разведданные. А откуда они у меня возьмутся, если я сам за ними не отправлюсь?

Томас немного помедлил, потом тихо сказал:

— Я мог бы попробовать.

— Вы?

Ардмор взглянул на Томаса. «А почему, в самом деле, я о нем не подумал? Может быть, потому, что на вид он не из тех, кому поручают такие дела? И еще потому, что он рядовой: если задание рискованное и требует самостоятельных действий, его не положено поручать рядовому. И все-таки...»

— А вам когда-нибудь приходилось заниматься чем-то в этом роде?

— Нет, не приходилось. Но у меня всякое бывало в жизни, и очень может быть, что у меня неплохо получится.

— Ах да, Шир мне кое-что о вас говорил. До того как попасть в армию, вы же, кажется, были бродягой?

— Нет, не бродягой,— мягко поправил его Томас.— Я был хобо.

— Простите, а разве есть разница?

— Бродяга — это попрошайка, паразит, человек, который не желает работать. Хобо — это странствующий поденщик, которому свобода дороже, чем обеспеченность. Он зарабатывает себе на жизнь, но не хочет быть привязанным к одному месту.

— А, понимаю. Хм-м-м... Да, очень может быть, что вы годитесь в разведчики. Чтобы вести такую жизнь, наверное, нужна изрядная смекалка и большая изворотливость. Но погодите, Томас. До сих пор я о вас всерьез не задумывался, а ведь мне необходимо побольше о вас знать, чтобы доверить вам такое задание. Ведь по вашему поведению не скажешь, что вы были хобо.

— А как должен вести себя хобо?

— Что-что? Ну ладно, неважно. Но вы должны рассказать кое-что о себе. Как получилось, что вы стали хобо?

Ардмор видел, что ему впервые удалось вызвать на откровенность этого обычно замкнутого человека. Томас долго колебался, потом ответил:

— Должно быть, все дело в том, что мне не нравилось быть адвокатом.

— Что?

— Ну да. Вот как это получилось. Из адвокатов я перешел в социальное страхование. Когда я там работал, мне пришла в голову мысль написать статью о рабочих-мигрантах, и я решил, чтобы получше изучить предмет, испытать на себе условия, в которых живут эти люди.

— А, понимаю. И в тот момент, когда вы занимались сбором материала, вас загребли в армию.

— Нет, нет,— возразил Томас.— К этому времени я жил так уже лет десять, даже больше. Я не стал возвращаться. Видите ли, мне такая жизнь понравилась.

Вскоре все было готово. Никакого снаряжения Томас брать не стал — только попросил выдать ему одежду, в которой он был, когда забрел в Цитадель. Ардмор предложил взять спальный мешок, но Томас об этом и слышать не хотел.

— Это совсем другой тип,— объяснил он.— Я не из тех, кто таскается с котомкой: они грязнули, ни один уважающий себя хобо с ними дела иметь не станет. Меня нужно только как следует накормить и дать с собой немного денег.

Задание, которое он получил, было не слишком определенным.

— Для меня важно все, что вы сможете увидеть или услышать,— сказал Ардмор.— Как можно больше передвигайтесь. Постарайтесь вернуться не позже, чем через неделю,— если вас не будет дольше, я буду считать, что вас убили или взяли в плен, и придется придумывать что-нибудь еще. Используйте любую возможность, чтобы

наладить постоянное поступление к нам информации. Я не могу посоветовать вам ничего конкретного, но прошу вас постоянно об этом помнить. Теперь о том, что нас интересует. Все и вся про паназиатов: как они вооружены, как работает их полиция на оккупированной территории, где находятся штабы и особенно главное командование. Может быть, вам удастся хотя бы приблизительно прикинуть, сколько их и как они размещаются. Работы хватит на год, не меньше, но все равно возвращайтесь через неделю.

Ардмор показал Томасу, как открывается снаружи один из входов в Цитадель: два такта из «Янки Дудль» — и в скале, которая на первый взгляд казалась сплошной, появляется дверь. Ничего особо хитрого, но азиаты вряд ли до этого додумаются.

В конце концов Ардмор попрощался с Томасом и пожелал ему удачи. При этом он обнаружил, что Томас припас для него еще один сюрприз: пожимая ему руку, он сделал это особенным образом — так, как положено члену студенческой организации, к которой принадлежал и Ардмор! Массивная дверь за ним давно уже закрылась, а Ардмор еще долго стоял, погруженный в размышления.

Обернувшись, он увидел позади себя Кэлхуна. У него почему-то появилось такое ощущение, будто его поймали на краже варенья.

— Здравствуйте, доктор,— быстро сказал он.

— Здравствуйте, майор,— медленно произнес Кэлхун.— Могу ли я спросить, что тут происходит?

— Конечно. Я только что послал лейтенанта Томаса в разведку.

— Лейтенанта?

— Исполняющего обязанности лейтенанта. Мне пришлось поручить ему задание, которое не соответствует его прежнему званию, и я счел нужным его повысить.

Кэлхуна, по-видимому, не удовлетворило это объяснение, и он тем же слегка ироническим тоном спросил:

— Я полагаю, вы отдаете себе отчет в том, насколько рискованно посылать кого бы то ни было за пределы Цитадели? Это подвергает опасности нас всех. Я несколько удивлен, что вы приняли такое решение, не посоветовавшись с остальными.

— Если вы так считаете, мне очень жаль, полковник,— ответил Ардмор примирительно.— Но мне так или иначе приходится постоянно принимать решения, а в нашем положении важнее всего, чтобы ничто не отвлекало вас от вашей ответственнейшей работы. Эксперимент уже закончен? — поспешно продолжал он.

— Да.

— Ну и как?

— Результат положительный. Мыши сдохли.

— А Уилки?

— О, он, разумеется, невредим. Как я и предполагал.

Джефферсон Томас, обладатель диплома с отличием Калифорнийского университета и диплома Гарвардского института права, по роду занятий — хобо, затем рядовой и помощник повара, а ныне исполняющий обязанности лейтенанта разведки армии Соединенных Штатов, провел первую ночь вне Цитадели, дрожа от холода на груде сосновых веток там, где его застала темнота. Ранним утром он заметил поблизости какую-то ферму. Там его накормили, но постарались как можно скорее выпроводить.

— Того и гляди сюда явится кто-нибудь из этих язычников и начнет совать нос куда не надо,— извиняющимся тоном сказал хозяин.— Я не хочу, чтобы меня арестовали за укрывательство беженцев — на мне жена и дети.

Тем не менее он проводил Томаса до большой дороги, не умолкая ни на минуту: природная общительность превозмогла даже осторожность.

— Один Бог знает, что ждет моих ребятишек, когда они вырастут. Иногда по ночам мне приходит в голову, не лучше ли одним махом положить конец всем их горестям. Джесси — это моя хозяйка — говорит, что грех об этом даже думать, что надо положиться на волю Господа, рано или поздно он о нас вспомнит. Может быть, и так,— только я знаю одно: не улыбается мне растить ребенка для того, чтобы потом им помыкали эти обезьяны.— Он сплюнул.— Не по-американски это.

— А что полагается за укрывательство беженцев?

Фермер удивленно посмотрел на него:

— Да где ты был все это время, приятель?

— В горах. Я еще ни одного сукина сына и в глаза не видел.

— Увидишь. Погоди, значит, у тебя нет номера, верно? Так ты лучше получи номер. Хотя нет, ничего у тебя не выйдет — как только объявишься, тут же загремишь в трудовой лагерь.

— Номер?

— Регистрационный номер. Вот такой.— Он достал из кармана запечатанную в прозрачный пластик карточку и показал Томасу. На карточке была приклеена не очень четкая, но в общем похожая фотография фермера, помещены его отпечатки пальцев и напечатаны адрес, профессия, семейное положение и прочие данные, а вверху стоял многозначный номер, разделенный черточками на несколько частей. Фермер ткнул в него корявым пальцем.

— Вот эта первая часть — мой номер. Он означает, что ихний император разрешает мне оставаться в живых, дышать воздухом и ходить по земле,— с горечью сказал он.— Вторая часть — это серия, она означает, где я живу и чем занимаюсь. Если вздумаю уехать из нашего округа, я буду обязан ее поменять. А если захочу поехать в какой-нибудь другой город, не в тот, куда мне предписано ездить за покупками, я обязан получить специальный разовый пропуск. Как по-твоему, можно так жить?

— Я бы не смог,— согласился Томас.— Ну что ж, пожалуй, мне пора отправляться, пока вы из-за меня не попали в беду. Спасибо за завтрак.

— Не за что. Сейчас помочь другому американцу — одно удовольствие.

Томас быстро зашагал по дороге, чтобы добрый фермер не заметил, как сильно на него подействовало то, что он услышал. Знать, что Соединенные Штаты потерпели поражение,— это одно, а увидеть воочию регистрационную карточку — совсем другое. Рассказ фермера глубоко потряс его свободолюбивую душу. Первые два-три дня он передвигался осторожно, держась подальше от городов, пока не освоился с новыми порядками и не научился вести себя так, чтобы не вызывать подозрений. По крайней мере в один большой город он должен был проникнуть — нужно было почитать объявления на стенах, найти случай поболтать с людьми, профессия которых позволяла им разъезжать по стране. Если

бы речь шла только о его личной безопасности, он был готов пойти на это даже без всякой регистрационной карточки, но он отчетливо помнил, как Ардмор снова и снова говорил: «Самая важная ваша задача — вернуться назад! Не стройте из себя героя. Не рискуйте без особой надобности, и самое главное — возвращайтесь!» Так что с этим придется подождать.

По ночам Томас бродил по окрестностям городов, избегая встреч с патрулями, как раньше — с железнодорожными полицейскими. На вторую ночь он обнаружил то, что искал,— пристанище бродяг. Оно находилось там, где он и рассчитывал его найти по своему прежнему опыту. Тем не менее он чуть было его не проглядел: костра там не оказалось, а вместо него была убогая печурка, кое-как сооруженная из железной бочки, и снаружи огня почти не было видно.

Вокруг печурки сидели люди. Томас уселся, не говоря ни слова, как требовал обычай, и дал себя как следует разглядеть.

Скоро какой-то унылый голос произнес:

— Да это же Джентльмен Джефф! Ну ты даешь, Джефф,— напугал меня до смерти. Я думал, это какой-нибудь плоскомордый. Что поделываешь, Джефф?

— Да так, ничего особенного. Прячусь.

— Все мы нынче прячемся,— сказал голос.— Куда ни плюнь, везде эти косоглазые...— И он разразился длинной цепочкой проклятий, затрагивающих родителей паназиатов и такие их личные качества, с которыми он вряд ли имел случай сталкиваться.

— Кончай, Моу,— повелительно сказал другой голос.— Какие новости, Джефф?

— К сожалению, не знаю,— вежливо ответил Джефф.— Я был в горах — уклонялся от призыва и ловил себе рыбу.

— Надо было тебе там и оставаться. Сейчас везде стало совсем плохо. Никто не решается взять человека на работу, если он не зарегистрирован. Все время только и смотришь, как бы не угодить в трудовой лагерь. По сравнению с этим та облава, когда повсюду гонялись за красными,— просто пикник.

— Расскажите мне про трудовые лагеря,— попросил Джефф.— Может быть, я рискну туда попроситься, если совсем оголодаю.

— Ты себе не представляешь, что это такое. Меня туда никакой голод не загонит.— Голос ненадолго умолк, как будто его обладатель погрузился в невеселые размышления.— Ты знал Кида из Сиэтла?

— Кажется, знал. Такой маленький, с косым глазом, на все руки мастер?

— Он самый. Так вот, он пробыл в лагере с неделю, а потом вышел оттуда. Как вышел, он и сам не знал: ему все мозги отшибли. Я видел его в ту ночь, когда он помер. Весь был в язвах — должно быть, заражение крови.— Он помолчал и задумчиво добавил: — А уж воняло от него...

Томас был бы рад перевести разговор на другую тему, но нужно было разузнать как можно больше.

— А кого посылают в эти лагеря?

— Всякого, кто не работает там, где ему велено. Мальчишек, начиная с четырнадцати лет. Всех, кто уцелел из военных, после того как мы накрылись. Каждого, кого поймают без регистрационной карточки.

— *Это еще не все,— добавил Моу.— Ты бы видел, что они делают* с женщинами, которые остались без работы. Тут мне только вчера одна кое-что рассказала — отличная тетка, между прочим, поесть мне дала. У нее была племянница, учительница в школе, а плоскомордые все американские школы прикрыли, и никакие учителя им не нужны. Так они ее зарегистрировали, а потом...

— Кончай, Моу. Слишком много болтаешь.

Сведения, которые удавалось раздобыть Томасу, были отрывочными и бессвязными, тем более что ему редко представлялся случай задать прямые вопросы о том, что его действительно интересовало. Тем не менее у него понемногу складывалась картина систематического и планомерного порабощения нации, беспомощной, парализованной, неспособной защищаться, со средствами общения, целиком попавшими в руки завоевателей.

Повсюду он видел растущее возмущение, яростную решимость *восстать против тирании, но все такие попытки были* разрозненными, несогласованными, а люди, в сущности, безоружными. Вспыхивавшие время от времени мятежи оказывались столь же

безрезультатными, как суета муравьев в разрушенном муравейнике. Да, паназиата тоже можно убить, и находились люди, готовые стрелять в каждого из них, кто попадался навстречу, невзирая на неизбежность собственной гибели. Но им связывала руки еще большая неизбежность жестокого возмездия, направленного против их соотечественников. В таком же положении оказались евреи в Германии, перед тем как разразилась война: дело было не в личном мужестве, а в том, что за каждое выступление против угнетателей приходилось немыслимо дорогой ценой расплачиваться другим — мужчинам, женщинам, детям.

Но страдания, которые он видел и о которых слышал, были ничто по сравнению со слухами о предполагавшемся истреблении самой американской культуры. Школы был закрыты. Печатать на английском языке не разрешалось ни единого слова. Можно было предвидеть, что всего поколение спустя письменность будет утрачена и английский язык останется лишь устным говором бесправных рабов, которые никогда не смогут восстать уже только потому, что будут лишены единого средства общения.

Даже приблизительно оценить численность азиатов, находившихся на территории Соединенных Штатов, было невозможно. Говорили, что на западное побережье каждый день прибывают транспорты с тысячами чиновников, по большей части ветеранов присоединения Индии. Трудно было сказать, будут ли они включены в состав оккупационной армии, которая захватила страну и теперь поддерживала в ней порядок, но было очевидно, что они заменят тех мелких служащих из числа белых, которые еще помогали оккупационной администрации под дулом пистолета. Когда эти белые служащие будут устранены, организовать сопротивление станет еще труднее.

В одном из пристанищ, где собирались бродяги, Томасу удалось найти человека, который помог ему проникнуть в город.

Этот человек по прозвищу Петух, строго говоря, не принадлежал к числу бродяг, он только скрывался среди них, оплачивая *приют мастерством своих рук. Старый анархист, он претворял в жизнь* собственные убеждения, изготовляя без ведома государственного казначейства очень похожие банкноты. Кое-кто утверждал, что он

получил свое прозвище от имени — Питер, другие были убеждены, что дело в пристрастии, которое он питал к бумажным пятеркам: «Делать мельче — не стоит того, а крупнее — опасно».

По просьбе бродяг он сделал для Томаса регистрационную карточку.

— Самое главное тут, сынок,— это номер,— говорил он Томасу, наблюдавшему, как он работает.— Из тех азиатов, с кем тебе придется иметь дело, английского практически никто не знает, так что мы можем написать что угодно. Даже «Вот дом, который построил Джек» — и то сойдет. То же самое и с фотографией: для них все белые на одно лицо.

Он достал из своего чемоданчика пачку фотографий и начал их перебирать, близоруко щурясь сквозь толстые очки.

— Вот, выбери сам, какая больше на тебя похожа, ее мы и приклеим. А теперь номер.

Обычно руки у него тряслись, как у паралитика, но когда он брался за дело, движения его становились точными и уверенными. Цифры, которые он выводил тушью на карточке, почти не отличались от печатных. Это было тем более удивительно, что работал он в самых первобытных условиях, без всяких точных инструментов и приспособлений. Томас понял, почему шедевры старика доставляли столько хлопот банковским кассирам.

— Готово! — объявил он наконец.— Я написал тебе такой номер серии, как будто ты зарегистрировался сразу после вторжения, а личный номер дает тебе право разъезжать по всей стране. Там еще написано, что ты негоден для тяжелой работы и тебе разрешено заниматься мелочной торговлей или побираться. Для них это одно и то же.

— Большое спасибо,— сказал Томас.— М-м-м... Сколько я вам за это должен?

Петух посмотрел на него так, как будто он сказал что-то неприличное.

— Нечего об этом говорить, сынок. Деньги — зло, из-за них люди становятся рабами.

— Прошу прощения, сэр,— от всей души извинился Томас.— Тем не менее я бы хотел как-нибудь вас отблагодарить.

— Вот это другое дело. Помогай своим братьям, когда сможешь, и тебе помогут в случае нужды.

Рассуждения старого анархиста казались Томасу путаными, бестолковыми и негодными для практического применения, но он подолгу с ним беседовал: старик знал о паназиатах больше, чем все, с кем приходилось ему встречаться до сих пор. По-видимому, Петух ничуть их не боялся и был уверен, что всегда перехитрит кого угодно. Вторжение произвело на него, казалось, меньшее впечатление, чем на остальных. В сущности, оно не произвело на него вообще никакого впечатления — не похоже было, чтобы он испытывал горечь или ненависть к поработителям. Сначала Томасу не верилось, что этот добрый человек может проявлять такое равнодушие, но понемногу он понял, что старый анархист считал незаконными любые власти, что для него все люди действительно братья, а различия между ними — всего лишь количественные. В глазах Петуха паназиатов не за что было ненавидеть: они просто заблуждались больше других и заслуживали всего лишь жалости.

Такого олимпийского безразличия Томас не разделял. Для него паназиаты были людьми, которые угнетают и истребляют его когда-то свободный народ. «Хороший паназиат — мертвый паназиат,— говорил он себе,— и так будет до тех пор, пока последний из них не окажется по ту сторону Тихого океана. А если в Азии их слишком много, пусть позаботятся о сокращении рождаемости». И все-таки спокойное беспристрастие Петуха во многом помогло Томасу разобраться в положении.

— Ты ошибаешься, если думаешь, что паназиаты плохие,— говорил Петух.— Они не плохие, они просто другие. Все их высокомерие — от комплекса расовой неполноценности. Это такая коллективная паранойя, из-за которой они постоянно убеждают самих себя, что желтый ничуть не хуже белого, а куда лучше, и стараются доказать это на нашем примере. Запомни, сынок, больше всего на свете они хотят, чтобы к ним проявляли уважение.

— Но откуда у них этот комплекс неполноценности? Мы же не имели с ними дела на протяжении двух поколений — со времени Закона о необщении.

— Неужели, по-твоему, это достаточный срок, чтобы все изгладилось из расовой памяти? Ведь корни-то уходят в девятнадцатый век. Помнишь, как двум японским начальникам пришлось совершить почетное самоубийство, чтобы стереть с себя позор, когда коммодор Перри заставил японцев открыть страну для иностранцев? Сейчас за эти две смерти мы расплачиваемся жизнями тысяч американских чиновников.

— Но паназиаты — это же не японцы.

— Да, но и не китайцы тоже. Это смешанная раса, сильная, гордая и плодовитая. Американцы считают, что у них сочетаются недостатки обеих рас и нет их достоинств. А по-моему, они просто люди, которые впали в ту же самую ошибку,— решили, что государство выше личности. Как только ты поймешь, что...— Тут он пустился в бесконечные рассуждения, представлявшие собой причудливую смесь взглядов Руссо, Рокера, Торо и многих других в том же роде и показавшиеся Томасу любопытными, но неубедительными.

Тем не менее споры с Петухом помогли Томасу лучше понять, что представляет собой противник, о котором американский народ из-за Закона о необщении почти ничего не знал. Томас лишь с трудом припоминал самые главные исторические вехи.

В то время, когда был принят Закон о необщении, он всего-навсего юридически закрепил фактическое положение дел. Советизация Азии уже давно куда успешнее, чем любое решение Конгресса США, положила конец присутствию в Азии иностранцев, и американцев — в первую очередь. Томас никак не мог понять, какие туманные соображения заставили членов Конгресса счесть, будто принятие закона, всего лишь подтверждающего то, что уже сделали комиссары, способно поднять авторитет и достоинство Соединенных Штатов — это была какая-то страусинная политика. Должно быть, они решили, что закрыть глаза на существование Красной Азии будет дешевле, чем вести с ней войну.

Более полувека такая политика, казалось, оправдывала себя: войны не было. Сторонники этой меры доказывали, что даже Советской России не так просто будет проглотить Китай и что, пока она будет его переваривать, Соединенным Штатам война не

грозит. В этом они были правы,— но в результате принятия Закона о не общении мы повернулись к ним спиной и не заметили, как Китай переварил Россию. Америка оказалась лицом к лицу с системой, еще более чуждой западному образу мыслей, чем даже советская, на смену которой она пришла.

Пользуясь поддельной регистрационной карточкой и советами Петуха насчет того, как должен вести себя раб, Томас наконец осмелился проникнуть в один городок поменьше. Там искусство Петуха почти сразу же подверглось испытанию.

На углу Томас остановился прочитать наклеенное на стену объявление. Это оказался приказ всем американцам ежедневно в восемь вечера находиться у телевизионных приемников, чтобы не пропустить распоряжений властей, которые могут их касаться. Ничего нового тут не было: приказ был издан несколько дней назад, и о нем Томас уже слышал. Он собирался уже идти дальше, когда почувствовал режущую боль от сильного удара по спине. Он круто повернулся и увидел перед собой паназиата в зеленой форме гражданской администрации с гибкой тростью в руках.

— С дороги! — он говорил по-английски, но как-то нараспев, с интонациями, совершенно не похожими на привычное американское произношение.

Томас сразу же сошел с тротуара на мостовую («Они любят, когда ты смотришь на них снизу вверх, а они на тебя сверху вниз»,— говорил Петух.) и сложил руки вместе, как положено. Склонив голову, он сказал:

— Господин приказывает, его слуга подчиняется.

— Так-то лучше,— удовлетворенно сказал азиат.— Покажи карточку.

Хотя он говорил довольно отчетливо, Томас не сразу его понял — может быть, потому, что впервые оказался в роли раба и никак не ожидал, что это так на него подействует. Он с трудом сдерживал ярость.

Трость с размаху опустилось не его лицо.

— Покажи карточку!

Томас достал свою регистрационную карточку. Пока азиат ее разглядывал, Томас успел до некоторой степени взять себя в руки.

В этот момент ему было все равно, признают ли карточку подлинной или нет: в случае чего он просто разорвал бы этого типа на кусочки голыми руками. Однако все обошлось. Азиат нехотя протянул ему карточку и зашагал прочь, не зная, что был на волоске от смерти.

В городе Томас не узнал почти ничего такого, чего не слышал бы от бродяг раньше. Он смог только прикинуть, какую часть населения составляют завоеватели, и своими глазами убедиться, что школы закрыты, а газеты исчезли. Он с интересом отметил, что службы в церквях все еще продолжаются, хотя все прочие собрания белых людей в сколько-нибудь значительном количестве запрещены.

Но больше всего его потрясли мертвые, ничего не выражающие лица людей и молчаливые дети. Он решил, что с этих пор будет ночевать только в пристанищах бродяг, за пределами городов.

В одном из пристанищ Томас встретил старого приятеля. Фрэнк Рузвельт Митсуи был настоящий американец, гораздо даже больше американец, чем английский аристократ Джордж Вашингтон. Его дед привез жену, наполовину китаянку, наполовину полинезийку, из Гонолулу в Лос-Анджелес, где завел питомник и растил там цветы, кустарники и желтокожих детишек, которые не говорили ни по-китайски, ни по-полинезийски и ничуть об этом не горевали. Отец Фрэнка встретился с его матерью Телмой Вонг — белой, но с примесью китайской крови,— в Интернациональном клубе Университета Южной Калифорнии. Он увез ее в Империэл-Вэлли и купил ей уютное ранчо. Джефф Томас на протяжении трех сезонов нанимался к Фрэнку Митсуи убирать салат и дыни и знал его как хорошего хозяина. Он почти подружился со своим работодателем — уж очень ему нравилась орава смуглых ребятишек, которые для Фрэнка были важнее любого урожая. Тем не менее, увидев в пристанище плоское желтое лицо, Томас весь ощетинился и даже не сразу узнал старого приятеля.

Оба чувствовали себя неловко. Хотя Томас прекрасно знал Фрэнка, он сначала не мог заставить себя довериться человеку восточного происхождения. Только глаза Фрэнка в конце концов его убедили: в них он прочел страдание, еще более жестокое, чем в глазах белых людей,— страдание, которое не покинуло их и тогда, когда Фрэнк, улыбнувшись, пожал ему руку.

— Вот не ожидал, Фрэнк,— брякнул Джефф, не подумав.— Оказывается и ты здесь? Я думал, уж тебе-то поладить с новым режимом будет легко.

Фрэнк Митсуи грустно посмотрел на него и, казалось, не знал, что ответить.

— Что ты несешь, Джефф? — вмешался кто-то из бродяг.— Не знаешь, что ли, что они делают с такими вроде Фрэнка?

— Нет, не знаю.

— Так вот, слушай. Ты скрываешься. Если тебя сцапают — попадешь в лагерь. Фрэнк тоже скрывается. Но, если сцапают его, ему крышка — без всяких разговоров. Пристрелят на месте.

— Да? А что ты сделал, Фрэнк?

Митсуи печально покачал головой.

— Ничего он не сделал,— продолжал бродяга.— Американо-азиаты ихней империи не нужны. Они таких ликвидируют.

Все оказалось очень просто. Жившие на тихоокеанском побережье японцы, китайцы и им подобные не подходили под схему, в которой было место только для господ и рабов. Особенно это относилось к людям смешанной расы. Они угрожали стабильности системы. Следуя своей холодной логике, завоеватели вылавливали их и уничтожали.

— Когда я добрался до дома,— рассказывал Фрэнк Томасу,— все были мертвы. Все. Моя маленькая Шерли, малыш, Джимми, крошка — и Алиса тоже.

Он закрыл лицо руками. Алиса была его жена. Томас помнил эту смуглую, крепкую женщину в комбинезоне и соломенной шляпе, которая очень мало говорила, но много улыбалась.

— Сначала я хотел покончить с собой,— продолжал Митсуи, немного успокоившись.— Потом передумал. Два дня прятался в канаве, потом ушел в горы. Там какие-то белые чуть не убили меня, прежде чем я убедил их, что я на их стороне.

Томас мог представить себе, как это было, и не знал, что сказать. Фрэнку не повезло вдвойне, надеяться ему не на что.

— А что ты думаешь делать теперь, Фрэнк?

Томас увидел, как лицо его осветила вновь обретенная воля к жизни.

— Потому-то я и не позволил себе умереть! По десять за каждого,— он один за другим загнул четыре пальца.— По десять за каждого из ребятишек и двадцать за Алису. Потом еще, может быть, десять за себя, а там можно и умирать.

— Хм... Ну и как, получается?

— Пока тринадцать. Дело идет медленно — приходится действовать только наверняка, чтобы меня не убили раньше, чем я с ними не рассчитаюсь.

Томас долго размышлял, как воспользоваться тем, что он узнал, для достижения собственных целей. Такая непоколебимая решимость могла оказаться полезной, если направить ее в нужную сторону. Но только несколько часов спустя он снова подошел к Митсуи и тихо сказал:

— А не хотел бы ты увеличить свою норму? Не по десять, а по тысячи за каждого — и две тысячи за Алису.

Глава 3

Охранная сигнализация у входа в Цитадель предупредила Ардмора о появлении там постороннего задолго до того, как Томас просвистел перед дверью мелодию-пароль. Ардмор сидел у телевизора, не сводя глаз с экрана и не снимая пальца с кнопки, готовый мгновенно уничтожить любого непрошеного гостя. У него отлегло от сердца, когда он увидел, что в Цитадель входит Томас, но он снова насторожился, обнаружив, что тот не один. Паназиат! Повинуясь невольному импульсу, Ардмор чуть не уничтожил обоих, но в последний момент удержался: а вдруг Томас взял противника в плен и ведет на допрос?

— Майор! Майор Ардмор! Это я, Томас.

— Стойте и не двигайтесь! Оба!

— Все в порядке, майор. Он американец. Я за него ручаюсь.

— Допустим,— донесся до Томаса угрюмо-подозрительный голос из динамика.— Но все равно — разденьтесь догола. Оба.

Они разделись. Томас в досаде кусал губы, Митсуи весь дрожал от волнения. Он ничего не понимал и решил, что попал в западню.

— Теперь медленно повернитесь кругом, я вас осмотрю,— приказал голос.

Убедившись, что оружия при них нет, Ардмор велел обоим стоять неподвижно, а сам по внутреннему телефону вызвал Грэхема.

— Грэхем!

— Да, сэр.

— Явитесь ко мне немедленно. Я в комнате дежурного.

— Но, майор, я сейчас не могу. Обед должен быть готов через...

— Черт с ним, с обедом! Быстро сюда!

Когда Грэхем явился, Ардмор показал ему на экран и объяснил, что происходит.

— Идите к ним. Обоим — руки за спину и сразу наденьте наручники. Сначала азиату. Пусть сам приблизится к вам — и смотрите в оба. Если попытается на вас броситься, мне, возможно, придется прикончить и вас заодно.

— Не нравится мне это, майор,— возразил Грэхем.— Ведь Томас свой, он не подведет.

— Ну конечно, я прекрасно знаю, что он свой. А что если его чем-нибудь опоили и заставили слушаться? Может быть, это что-то вроде троянского коня. Идите и делайте, что приказано.

Пока Грэхем осторожно выполнял не слишком приятное поручение — вполне заслужив тем самым награду, потому что, наделенный живым воображением художника, ярко и наглядно представлял себе возможную опасность и вынужден был собрать все свое мужество,— Ардмор позвонил Бруксу.

— Доктор, вы не можете сейчас прервать свою работу?

— Пожалуй, могу. Да, вполне. Что от меня требуется?

— Зайдите ко мне. Томас вернулся. Я хочу знать, не находится ли он под действием наркотиков.

— Но я ведь не врач...

— Знаю, только никого более подходящего у нас нет.

— Хорошо, сэр.

Доктор Брукс заглянул Томасу в зрачки, проверил его коленный рефлекс, посчитал пульс.

— Я бы сказал, что он совершенно нормален, только очень устал и волнуется. Разумеется, это не полный диагноз. Если бы у меня было время...

— Спасибо, этого достаточно. Томас, я надеюсь, вы не обидитесь на меня за то, что мы подержим вас взаперти, пока будем беседовать с вашим приятелем-азиатом?

— Конечно, не обижусь, майор,— ответил Томас, криво улыбнувшись.— Вы все равно это сделаете.

Когда Брукс ввел шприц Фрэнку Митсуи, тот вздрогнул и весь покрылся потом, но руку не отдернул. Вскоре средство подействовало: действия Фрэнка уже не подчинялись его сознанию, а речевые центры мозга освободились от контроля коры. Лицо его расслабилось, на нем появилось умиротворенная выражение.

Но оно исчезло несколько минут спустя, когда начался допрос. Не могли сохранить спокойствие и те, кто его допрашивал. Неприкрашенная, жесткая правда, звучавшая в его словах, никого не оставила бы равнодушным. Глубокие морщины пролегли на лице Ардмора. О чем бы не спрашивали этого несчастного маленького человека, он постоянно возвращался к рассказу об убитых детях и разоренном доме. В конце концов Ардмор не выдержал.

— Дайте ему противоядие, доктор. Я больше не могу. Мы уже выяснили все, что нужно.

Когда Фрэнк окончательно пришел в себя, Ардмор торжественно пожал ему руку.

— Мы рады, что вы с нами, мистер Митсуи. Мы найдем для вас дело, которое поможет вам свести с ними счеты. Сейчас я попрошу доктора Брукса дать вам снотворное, чтобы вы поспали часов шестнадцать, а потом мы приведем вас к присяге и подумаем, каким образом вы могли бы принести нам побольше пользы.

— Я не хочу спать, мистер... майор.

— Тем не менее вы поспите. И Томас тоже, как только обо всем доложит. Больше того...— он на секунду умолк и вгляделся в бесстрастное на вид лицо Митсуи,— вы будете принимать по таблетке снотворного каждый вечер. Это приказ. Я сам буду вы-

давать вам таблетку, и вы будете принимать ее у меня на глазах, перед тем как лечь спать.

У военной дисциплины есть и положительные стороны. Ардмор не мог бы вынести мысли о том, как этот маленький желтокожий человек каждую ночь лежит с открытыми глазами, глядя в потолок.

Брукс и Грэхем явно хотели бы остаться и послушать рапорт Томаса, но Ардмор сделал вид, что не замечает этого, и отпустил их. Он хотел сначала вникнуть в добытую информацию сам.

— Так вот, лейтенант, я чертовски рад, что вы вернулись.

— Я тоже рад, что вернулся. Вы, кажется, сказали «лейтенант»? А я думал, теперь мне возвращается прежнее звание.

— Это почему же? Больше того, я собираюсь изобрести какой-нибудь повод и произвести в офицеры Грэхема с Широм. Нам здесь будет куда проще жить, когда все будут в одинаковом ранге. Но это между прочим. Давайте послушаем, чего вам удалось добиться. Я полагаю, теперь вам все уже ясно, и сейчас вы выложите передо мной на стол исчерпывающее решение наших проблем, перевязанное ленточкой?

— Ну, навряд ли,— улыбнулся Томас.

— Я на это и не надеялся. Но если говорить серьезно и строго между нами, мне надо предпринять что-нибудь эффектное, и как можно скорее. Научный персонал уже начинает на меня наседать, особенно полковник Кэлхун. Какой, к дьяволу, смысл в том, что они могут делать всякие чудеса в лаборатории, если я не сумею придумать никакого способа перевести эти чудеса на язык стратегии и тактики?

— А они в самом деде так продвинулись?

— Вот увидите. Они вцепились в так называемый эффект Ледбеттера и носятся с ним, как терьер с крысой в зубах. Сейчас они могут с его помощью делать все, что угодно, кроме разве одного — картошку чистить.

— В самом деле?

— В самом деле.

— А что, например, они могут сделать?

— Ну, скажем...— Ардмор перевел дух.— Честно говоря, не знаю с чего начать. Уилки пытался объяснить мне все проще, но я, признаться, понял только половину. Можно сказать так — они открыли способ управлять атомами. Нет, речь идет не о расщеплении атома, не об искусственной радиоактивности. Смотрите. Мы говорим, что существуют пространство, время и вещество, так?

— Да. Но есть еще эта идея Эйнштейна о единстве пространства и времени.

— Разумеется, о ней написано во всех школьных учебниках. Но у них это получилось на самом деле. У них выходит, что и пространство, и время, и масса, и энергия, и излучение, и тяготение — все это разные способы представлять себе нечто единое. И стоит только разобраться в том, как работает что-нибудь одно, сразу получаешь ключ ко всему остальному. Если верить Уилки, то все физики до самого последнего времени, даже после того как появилась атомная бомба, только и делали, что бродили по обочинам. Они взялись было за единую теорию поля, но сами в нее по-настоящему не верили и действовали так, будто все это совершенно разные вещи. А Ледбеттер догадался, что такое на самом деле излучение, и благодаря этому Кэлхун с Уилки получили ключ ко всей остальной физике. Вы поняли? — добавил он с улыбкой.

— Не очень,— сознался Томас.— А вы не могли бы сказать, что это дает?

— Ну, прежде всего, тот первичный эффект Ледбеттера, от которого здесь погиб почти весь личный состав,— Уилки считает, что это всего лишь случайное побочное явление. Брукс говорит, что полученное излучение повлияло на коллоиды живых тканей: у тех, кто погиб, они коагулировали. Но с тем же успехом это излучение можно использовать, чтобы высвободить энергию поверхностного натяжения. Только вчера они таким способом взорвали полкило говяжьей вырезки — взрыв был как от динамитной шашки.

— Да ну?

— Правда. Только не спрашивайте меня, как они это сделали, я просто повторяю то, что мне было рассказано. Суть в том, что они, кажется, поняли, как устроено вещество. Они могут взры-

вать его — иногда — и использовать энергию взрыва. Они могут превращать один химический элемент в другой. Они, по-моему, убеждены, что знают с какого конца подойти, чтобы понять природу тяготения, и тогда они смогут обращаться с ним так же, как мы сейчас обращаемся с электричеством.

— Я думал, что по современным представлениям тяготение — это не вид энергии.

— Правильно, но в единой теории поля сама энергия — не энергия. Черт возьми, это очень трудно объяснить на человеческом языке. Уилки говорит, что это можно описать только математически.

— Ну раз так, то мне, должно быть, придется примириться с тем, что я ничего не понимаю. Но откровенно говоря, я удивлен, что они успели так много сделать за такое короткое время. Ведь это меняет все наши представления. От Ньютона до Эдисона прошло полтораста лет, а тут такие результаты за несколько недель!

— Я и сам удивляюсь. Мне это приходило в голову, и я даже спросил Кэлхуна. Он изобразил из себя ужасно умного и объяснил мне, как школьнику, что те первопроходцы просто-напросто не знали тензорного исчисления, векторного анализа и матричной алгебры, и в этом все дело.

— Может быть, так оно и есть,— пожал плечами Томас.— У нас в Институте права этому не учили.

— У нас тоже. Я пробовал посмотреть их расчеты. Я знаю алгебру и немного учил высшую математику, но уже много лет их в руки не брал и, конечно, ничего не понял. Похоже на санскрит: множество непонятных значков, и даже те, которые знаешь, означают что-то совсем другое. Вот смотрите — я полагал, что «a», умноженное на «b», всегда равно «b», умноженному на «a».

— А разве нет?

— То-то и оно, что у них все не так. Но мы отвлеклись. Рассказывайте, что вы узнали.

— Слушаюсь, сэр.

Томас рассказывал долго стараясь как можно обстоятельнее описать, что он видел, слышал и чувствовал. Ардмор слушал, не перебивая, и только изредка задавал вопросы, чтобы уточнить

какую-нибудь подробность. Когда Томас закончил, Ардмор помолчал немного, а потом сказал:

— Наверное мне подсознательно хотелось, чтобы вы вернулись и сообщили что-нибудь такое, после чего все встало бы на свои места и было бы сразу ясно, что делать. Но то, что вы рассказали, не слишком обнадеживает. Я не вижу, как отвоевать обратно страну, которая полностью парализована и находится под таким тщательным контролем.

— Но я видел не все. Я был всего километрах в трехстах отсюда, не больше.

— Да, но ведь вы многое слышали от других хобо, которые побывали во всех концах страны?

— Да.

— И все говорили примерно одно и то же. Должно быть, мы можем считать, что картина получается довольно близкая к истине. Насколько свежей, по-вашему, была та информация, которую вы получили из вторых и третьих рук?

— Ну, если речь идет о новостях с восточного побережья, то им дня три-четыре, не больше.

— Должно быть, так и есть. Новости всегда передаются кратчайшим путем. Все это не слишком радует. И все-таки...— он умолк и озадаченно нахмурился,— все-таки вы, кажется, сказали что-то такое, что может стать ключом к решению всех проблем. Никак не могу сообразить, что это было. У меня появилось такое ощущение, но я подумал о чем-то другом, отвлекся и потерял нить.

— Может быть, мне начать сначала? — предложил Томас.

— Да нет, в этом нет необходимости. Завтра я прослушаю с начала до конца всю запись, если только до этого не вспомню все сам.

Их прервал повелительный стук в дверь.

— Войдите! — крикнул Ардмор.

На пороге появился полковник Кэлхун.

— Майор Ардмор, что там за история с пленным паназиатом?

— Это не совсем так, полковник. У нас здесь, действительно, находится один человек азиатского происхождения, но он американец.

Кэлхун не обратил внимание на его слова.

— Почему мне об этом не сообщили? Я давно уже поставил вас в известность о том, что мне для экспериментов срочно необходим человек азиатского происхождения.

— Доктор, нас здесь слишком мало, чтобы соблюдать все формальности. Со временем вы бы так или иначе об этом узнали — да ведь и в самом деле уже знаете.

Кэлхун сердито засопел.

— Случайно, из разговора моих подчиненных!

— Извините, полковник, но тут уж ничего не поделаешь. Как раз сейчас Томас докладывал мне о том, что он выяснил.

— Очень хорошо, сэр,— ледяным голосом произнес Кэлхун.— Не откажите в любезности сейчас же прислать ко мне этого азиата.

— Я не могу это сделать. Он спит после приема снотворного, и вы сможете увидеться с ним не раньше чем завтра. Кроме того, хоть я и не сомневаюсь, что он пойдет нам на встречу и согласится участвовать в любом эксперименте, тем не менее он не пленный, а американский гражданин и лицо, которое мы взяли под свою защиту. Нам придется поговорить об этом с ним.

Кэлхун вышел так же порывисто, как и вошел.

— Джефф,— задумчиво произнес Ардмор, глядя ему в след,— я хочу сказать вам неофициально — сугубо неофициально! — что если когда-нибудь получится так, что мы не будем связаны дисциплиной, я тут же съезжу этому старому мерзавцу по физиономии!

— А почему бы вам его не приструнить?

— Не могу, и он это прекрасно знает. Он незаменим и неоценим. Для наших исследований нужны его мозги, а мозги не заставишь подчиняться приказам. Но вы знаете, хоть он и гений, но я иногда подозреваю, что он немного не в себе.

— Очень может быть. Зачем ему так понадобился Фрэнк Митсуи?

— Ну, это довольно сложно объяснить. Они доказали, что первичный эффект Ледбеттера зависит от свойств жизненной формы, на которую он действует,— это что-то вроде ее собственной частоты. Такая особенная частота, или длина волны, есть как будто у каждого человека. На мой взгляд, это немного отдает астрологией, но

доктор Брукс говорит, что так оно и есть, и это даже не ново. Он показал мне статью одного типа из Лондонского университета по фамилии Фокс — она была напечатана еще в сорок пятом,— так вот этот Фокс показал, что у каждого кролика гемоглобин имеет свою характерную длину волны: из всего спектра он поглощает именно эту волну, и никакую другую. По этому признаку — по спектру поглощения гемоглобина — можно отличить одного кролика от другого или кролика от собаки. Фокс пробовал проделать то же самое с человеком, но ничего не получилось: оказалось, что существенных различий в длине волн нет. Но Кэлхун и Уилки соорудили спектроскоп для того спектра, с которым работал Ледбеттер, и там ясно видно, что у каждой пробы человеческой крови — своя длина волны. Значит, если они построят излучатель, который можно будет настраивать, и начнут излучать волны разной длины, то, когда дойдет дело до вашей индивидуальной частоты, ваши красные кровяные тельца начнут поглощать энергию, молекулы гемоглобина разрушатся — раз, и вы мертвы! А я буду стоять рядом с вами и останусь жив и даже невредим, потому что мою частоту они не затронут. Так вот, у Брукса появилась идея, что эти частоты должны быть связаны с расовой принадлежностью. Он думает, что можно будет настраиваться на ту или иную расу — например, прикончить в толпе всех азиатов, а белых не тронуть, или наоборот.

— Ну и ну! — Томас поежился.— Вот это будет оружие!

— Да, еще какое! Пока все это только на бумаге, но они хотят его испытать на Митсуи. Насколько я понимаю, убивать они его не собираются, но это будет чертовски опасно. Для него.

— Фрэнк не откажется рискнуть,— заметил Томас.

— Я тоже так считаю.— Ардмор подумал, что Митсуи, может быть, даже лучше умереть быстрой и безболезненной смертью в лаборатории.— Теперь вот что. Мне представляется, что с помощью ваших приятелей, с их источниками информации, мы могли бы наладить что-то вроде постоянной разведывательной службы. Давайте-ка поговорим о том, как это сделать.

Пока ученые проверяли свои гипотезы о связи между расовой принадлежностью и усовершенствованным эффектом Ледбеттера, Ардмор получил несколько дней передышки и смог всерьез подумать о том, как применить новое оружие для военных целей. Однако ничего придумать не смог. Да, оружие получилось могучее, и даже не одно оружие, а много, потому что вновь открытые силы, казалось, так же многолики, как и электричество. Можно было почти не сомневаться, что будь год назад в распоряжении вооруженных сил Соединенных Штатов то, что теперь создали ученые Цитадели,— страна не потерпела бы поражения.

Но шесть человек не могут одержать вверх над целой империей. Во всяком случае с помощью грубой силы. Императору ничего не стоит пожертвовать шестью миллионами солдат, устоять против которых шесть человек не в состоянии. Орды завоевателей, даже ничем не вооруженные, обрушатся на них, как лавина, и погребут под горами мертвых тел. Чтобы применить новое оружие, Ардмору нужна была армия.

Вопрос заключился в том, как ее набрать и обучить.

Конечно, паназиаты не станут спокойно смотреть, как он собирает силы по всей стране. Организованный ими тщательный полицейский надзор за населением свидетельствовал о том, что они прекрасно понимают, чем им грозит мятеж, и готовы раздавить любую его попытку, прежде чем она разрастется до опасных размеров.

Остаются, правда, скрывающиеся от них хобо. Он спросил Томаса, нельзя ли использовать их для ведения военных действий. Но тот покачал головой.

— Вы, командир, не понимаете, что такое хобо. Из сотни их и одного такого не найти, кто мог бы строго соблюдать дисциплину, а без этого тут не обойтись. Представьте себе даже, что вы дали каждому по излучателю,— я не говорю, что это возможно, но допустим,— и все равно у нас будет не армия а непослушная толпа.

— Разве они не станут драться?

— Ну, конечно станут. Но каждый будет драться сам по себе. Каждый перебьет множество плоскомордых, но в конце концов один из них застанет его врасплох и прикончит.

— А сбор информации им можно доверять?

— Это другое дело. Большинство и знать не будет, что их для этого используют. Я сам отберу десяток, не больше, которые станут

моими связными, да и тем скажу ровно столько, сколько им нужно знать.

Ардмор все больше убеждался в том, что с какой стороны не посмотреть, прямое применение нового оружия нереально. Лобовая атака хороша только тогда, когда хватает живой силы. Легко было генералу Гранту говорить: «Я буду драться на этой позиции, даже если придется простоять на ней все лето»,— он мог терять по три солдата за каждого убитого противника и все-таки победить. Но для командира, который не может позволить себе потерять даже одного-единственного человека, такая тактика не подходит. Остается одно: военные хитрости и демонстрации, обманные маневры и удары врасплох. «Остаться в живых сегодня, чтобы на завтра сражаться вновь»,— вспомнилась ему строчка из полузабытого стихотворения. Да, это то, что нужно. Придумать что-нибудь совершенно неожиданное, такое, чтобы паназиаты и не подозревали об опасности, пока не станет поздно.

Это должно быть что-то вроде «пятой колонны», которая подточила демократические страны Европы изнутри в те трагические дни, что завершились окончательным падением европейской цивилизации. Но это будет не «пятая колонна» предателей, стремящихся парализовать свободную страну, а нечто противоположное — «шестая колонна» патриотов, почетной задачей которой будет подорвать боевой дух завоевателей, их уверенность в себе, внушить им страх. А сделать это можно только с помощью военной хитрости.

Когда Ардмор пришел к такому выводу, на душе у него немного полегчало. В этом он кое-что понимал, не зря он всю жизнь занимался рекламой. До сих пор он пытался найти военное решение, но какой из него военный? И нечего было изображать из себя фельдмаршала. У него просто иначе устроена голова. Здесь все решает психология толпы. Когда-то его начальник, у которого он учился рекламному ремеслу, говорил: «Дайте мне достаточно денег и не связывайте руки, и я уговорю даже санитарного врача купить у меня партию дохлых кошек». Ну хорошо, руки у него не связаны, денег хватает. Конечно, использовать газеты и все остальные привычные каналы рекламы теперь нельзя, но что-нибудь наверняка удастся придумать. Вопрос в том, как нащупать слабое место паназиатов и найти способ подействовать на него с помощью нового оружия Кэлхуна. Подействовать так, чтобы им стало тошно, чтобы сами запросились домой.

Никакого определенного плана у него не было. А когда человек не знает, что предпринять, он обычно созывает совещание. Ардмор так и сделал.

Он вкратце изложил суть, повторив все то, что сообщил ему Томас и что удалось почерпнуть из «учебных» телепрограмм, которые передавали завоеватели. Потом он коснулся тех возможностей, которые открываются благодаря исследованиям научного персонала, и разных вариантов их использования в военных целях, специально подчеркнув, что для эффективного применения нового оружия необходимы люди. Закончил он тем, что попросил всех высказать свои предложения.

— Правильно ли я понял, майор,— начал Кэлхун — что после того как вы категорически настояли, что сами будете принимать все решения военного характера, теперь вы предлагаете нам сделать это за вас?

— Вовсе нет, полковник. Я по-прежнему несу ответственность за все принимаемые решения, но это совершенно необычная ситуация, и любая идея, от кого бы она ни исходила, может оказаться полезной. Я себя не переоцениваю и не считаю, что один здесь наделен здравым смыслом или способен оригинально мыслить. Я хотел бы, чтобы каждый из нас предложил что-нибудь на общее обсуждение.

— А у вас есть какой-нибудь собственный план?

— Свои соображения я изложу после того, как выскажутся остальные.

— Ну хорошо, сэр.— Доктор Кэлхун встал.— Раз вы об этом просите, я скажу вам, как, по моему мнению, следует поступить в такой ситуации,— и я убежден, что это единственно возможное решение. Вы знаете, как могучи те силы, которые мне удалось поставить нам на службу.— Ардмор заметил, как при этих словах Уилки поджал губы.— В своем резюме вы их, пожалуй, даже недооценили. У нас здесь, в Цитадели, есть десяток скоростных разведывательных воздушных машин. Если оборудовать их

энергетическими установками Кэлхуна, они будут превосходить в скорости любой самолет противника. Мы поставим на них самые мощные излучатели и начнем наступление. Располагая таким огромным превосходством в вооружении, мы поставим на колени всю Паназиатскую империю — это будет только вопрос времени!

«Как может быть человек настолько близоруким?» — подумал Ардмор, но спорить не стал, сказав только:

— Благодарю вас, полковник. Я прошу подробно изложить ваш план в письменном виде. А пока не хочет ли кто-нибудь развить предложение полковника или выдвинуть какие-нибудь возражения? — он немного подождал в надежде, что кто-нибудь попросит слова, потом добавил: — Ну, высказываетесь! Ведь идеальных решений не бывает. Наверняка у вас есть чем этот план хотя бы дополнить.

Первым решился Грэхем.

— А сколько раз в день вы собираетесь приземляться, чтобы перекусить?

— Что за глупости! — отрезал Кэлхун, прежде чем Ардмор успел вмешаться.— Я считаю, что сейчас неподходящее время для шуток.

— Подождите минутку! — возразил Грэхем.— Это не шутка, я вполне серьезно. В конце концов, это как раз по моей части. Наши машины могут продержаться в воздухе без посадки не так уж и долго. Чтобы отвоевать таким способом всю территория Соединенных Штатов, понадобится довольно много времени, даже если мы найдем достаточно людей, чтобы машины не простаивали без дела. Значит время от времени им придется возвращаться на базу, чтобы поесть.

— Значит все это время мы должны удерживать базу в своих руках,— внезапно вставил Шир.

— Вокруг базы тоже можно поставить излучатели,— раздраженно сказал Кэлхун.— Майор, я вынужден просить у вас прекратить обсуждение подобных нелепых замечаний.

Ардмор потер рукой подбородок и промолчал. Рэндол Брукс, который до сих пор внимательно слушал, вытащил из кармана клочок бумаги и начал что-то быстро на нем чертить.

— Доктор Кэлхун, мне кажется, в том, что говорит Шир, есть некоторый смысл. Посмотрите — вот тут база. Паназиаты могут окружить ее своими воздушными кораблями за пределами досягаемости излучателей. Скорость наших машин-разведчиков тут не имеет значения, потому что противник может использовать для блокады сколь угодно воздушных кораблей и не пропустить их к базе. Правда, на них будут стоять боевые излучатели, но нельзя же вести бой сразу с сотней воздушных кораблей. К тому же не забудьте, что паназиаты тоже хорошо вооружены.

— И очень даже хорошо,— добавил Уилки.— Нельзя допустить, чтобы расположение базы стало им известно. Если только они узнают, что мы скрываемся под этой горой, они разнесут ее в пыль своими ракетными бомбами с расстояния в тысячи километров!

Кэлхун резко встал.

— Я не намерен больше оставаться здесь и выслушивать пораженческие рассуждения малодушных недоучек. Составляя свой план, я исходил из того, что выполнять его будут настоящие мужчины.

И он с надменным видом вышел.

Ардмор сделал вид, что не заметил его ухода, и поспешно продолжал:

— Возражения, которые были здесь высказаны против предложения полковника Кэлхуна, на мой взгляд, могут относиться к любому плану прямых, открытых боевых действий. Я обдумывал несколько таких планов и отказался от них примерно из тех же соображений — хотя бы из-за трудностей с материальным обеспечением. Тем не менее возможно, что мне просто не пришел в голову какой-нибудь вполне реальный вариант. Может ли кто-нибудь предложить такой способ ведения прямых боевых действий, который не подвергал бы опасности личный состав?

Никто не ответил.

— Очень хорошо. Если такое предложение у кого-нибудь появится позже, прошу об этом сообщить. А пока мне представляется, что мы вынуждены действовать хитростью. Если сейчас мы еще не можем сразиться с противником в открытую,— значит, нужно его дурачить до тех пор, пока это не станет возможно.

— Понятно,— согласился доктор Брукс.— Как на корриде — махать у быка под носом красной тряпкой, чтобы он не заметил шпаги.

— Вот именно. Если бы только это было так же просто! Нет ли у кого какой-нибудь идеи — как нам использовать то, что у нас есть, но чтобы они при этом не могли сообразить, кто мы, где находимся и сколько нас? А пока вы думаете, я покурю.— Через некоторое время он добавил: — Имейте в виду, что у нас два преимущества. Во-первых, противник, очевидно, не догадывается даже о нашем существовании. А во-вторых, наше оружие покажется им совершенно необычным и даже загадочным. Это вы, Уилки, говорили, что эффект Ледбеттера похож на колдовство?

— Ну еще бы, командир! Могу смело сказать, что если не считать приборов, что стоят у нас в лабораториях, не существует никакого способа даже обнаружить те силы, с которыми мы работаем. Никто и не поймет, что происходит. Это то же самое, что пытаться слушать радиоволны невооруженным ухом.

— Вот это я и имел в виду. Для них это будет загадка. Как для индейцев, когда они впервые повстречались с огнестрельным оружием белого человека: они умирали, не понимая отчего. Подумайте об этом. Теперь я буду молчать, а вы говорите.

Первое предложение высказал Грэхем.

— Майор!

— Да?

— А что если нам заняться похищением людей?

— Это как?

— Ну, вы сами говорили, что нужно их запугать, верно? Что если устроить небольшую вылазку с излучателем Ледбеттера? Отправиться ночью на машине-разведчике и выкрасть какую-нибудь важную персону, может быть, даже самого Наследного Принца? Вышибить излучателем дух из всякого, кто попадется нам навстречу, зайти и захватить его?

— Что вы можете об этом сказать, джентльмены? — спросил Ардмор, решив пока не высказывать свое мнение.

— По-моему, в этом что-то есть,— заметил Брукс.— Я предложил бы настроить излучатели так, чтобы они не убивали, а только погружали в бессознательное состояние на несколько часов. Мне кажется, психологическое действие будет сильнее, если они потом очнутся и увидят, что их предводитель исчез. Никаких воспоминаний о том, что происходило за это время, у них не останется — Уилки и Митсуи могут это подтвердить.

— А зачем ограничиваться одним Наследным Принцем? — спросил Уилки.— Мы могли бы посылать в каждую вылазку четыре команды, по две на каждой машине, и совершить за одну ночь двенадцать рейдов. Может быть, нам удастся захватить столько начальства, что это их серьезно дезорганизует.

— Похоже, это неплохая идея,— согласился Ардмор.— Не исключено, что нам не удастся провести такую операцию больше одного раза. Если мы сможем одним ударом заметно ослабить их командование, это подорвет их боевой дух, а может быть, и даст толчок к всеобщему восстанию. Вы хотите что-то сказать, Митсуи?

Он заметил, что Митсуи явно чем-то не нравился план, который они обсуждали.

— Боюсь, ничего из этого не выйдет,— нехотя произнес тот.

— Вы хотите сказать, что нам не удастся их таким способом выкрасть? Вам, наверное, известно что-то такое, чего мы не знаем, про то, как у них поставлена охрана?

— Нет, нет. Если у вас есть оружие, которое действует сквозь стены и поражает человека прежде, чем он сообразит, что происходит, то вы, наверное, сможете их похитить. Но только результат будет совсем не такой, как вам кажется.

— Почему?

— Потому что вы ничего этим не добьетесь. Они и мысли не допустят, что их командиры у вас в плену, а решат, что все они покончили с собой. Последствия будут ужасными.

Дело касалось психологии, и мнения присутствующих разошлись. Но никто не мог поверить, что паназиаты осмелятся ответить репрессиями, если будут располагать достоверными сведениями, что их божественные вожди не погибли, а находятся в руках противника. Кроме того, такой план позволял немедленно приступить к действиям, а этого всем очень хотелось. В конце

концов, за неимением лучшего, Ардмор согласился его принять, хотя и испытывал какие-то смутные опасения.

Следующие несколько дней ушли на то, чтобы подготовить к выполнению задачи воздушные машины-разведчики. Шир, трудившийся по восемнадцать, а то и по двадцать часов в сутки, проделал титаническую работу; все остальные с готовностью ему помогали. Даже Кэлхун сменил гнев на милость и согласился принять участие в вылазке, хотя и отказался заниматься «грубым неквалифицированным трудом». Томас совершил короткую рекогносцировку и выяснил, где располагаются ближайшие двенадцать паназиатских штабов.

Воодушевленный возможностью начать наконец хоть как-то действовать, Ардмор и не вспоминал о собственном решении создать «шестую колонну» — подпольную или полуподпольную организацию, которая занималась бы деморализацией противника изнутри. Нынешний план этого не предусматривал — операция готовилась чисто военная. Ардмор чувствовал себя если не Наполеоном, то по меньшей мере сандинистом, который наносит неожиданные удары по регулярным частям и скрывается в ночи.

Но Митсуи оказался прав.

Они регулярно смотрели телевизионные передачи, чтобы знать, что завоеватели считают нужным сообщать своим рабам. Почти все к восьми часам вечера привычно собирались в зале и прослушивали новые распоряжения, адресованные населению. Ардмор поощрял такие собрания, которые называл «сеансами ненависти»,— он считал, что от этого поднимается боевой дух.

За два дня до намеченной вылазки все собрались в зале, как обычно. Уродливое широкоскулое лицо очередного пропагандиста неожиданно сменилось другим — это был пожилой паназиат, которого ведущий представил как «божественного хранителя мира и порядка». Он не стал тратить время попусту и сразу перешел к делу. Американцы, состоявшие на службе правительства одной из провинций, совершили страшный грех: они восстали против своих мудрых правителей, захватили священную особу губернатора и удерживали его в качестве пленного в собствен-

ном дворце. Солдаты Небесного Императора сокрушили безумных святотатцев; при этом губернатор, как это ни печально, отошел к праотцам. Объявлялся траур, который вступал в силу немедленно; в знак его начала населению провинции предстояло, согласно разрешению свыше, искупить грех своих соотечественников. Студия, откуда велась передача, исчезла, и на экране появилось огромное множество людей — мужчин, женщин и детей, толпившихся за колючей проволокой. Камера показывала их крупным планом, и обитателям Цитадели были хорошо видны слепое отчаяние на лицах, заплаканные дети, женщины с младенцами на руках, беспомощные отцы семейств.

Однако это продолжалось недолго. Камера поднялась ввысь, прошлась панорамой по бескрайнему морю живых существ и вновь показала крупным планом один его уголок.

На людей направили луч, который вызывал эпилептический припадок. Через мгновение в них не осталось ничего человеческого — как будто десяткам тысяч гигантских цыплят разом свернули шеи и бросили в загон, где они бились в предсмертных судорогах. То одно, то другое тело взлетало в воздух, подброшенное сильнейшими судорогами, от которых трещали кости и переламывались хребты. Матери отшвыривали от себя детей или же сдавливали их насмерть, как в тисках.

На экране снова появилось невозмутимое лицо чиновника-азиата. С притворным сожалением в голосе он объявил, что само по себе покаяние в грехах — это еще не все; оно должно быть дополнено воспитательными мерами, которые в данном случае будут распространены на одного человека из тысячи. Ардмор быстро прикинул — это означало сто пятьдесят тысяч человек. Не может быть! Однако вскоре ему пришлось поверить. На экране снова появился крупный план — на этот раз тихая улица какого-то американского города. Камера показала, как подразделение паназиатских солдат врывается в комнату, где перед телевизором сидит семья, потрясенная только что увиденным: мать прижимает к груди рыдающую маленькую девочку. Появление солдат вызывает у них не испуг, а лишь тупое оцепенение. Отец безропотно предъявляет свою регистрационную карточку, офицер,

командующий подразделением, сверяет ее с каким-то списком, и солдаты приступают к делу.

Видимо, им было приказано убивать как можно более жестоко.

Ардмор выключил приемник.

— Вылазка отменяется,— объявил он.— Всем ложиться спать. И перед сном каждому принять снотворное. Это приказ.

Через минуту в зале уже никого не было. Выходя, никто не произнес ни слова. Оставшись один, Ардмор снова включил приемник и досмотрел все до конца. Потом он долго сидел в одиночестве, тщетно пытаясь привести в порядок свои мысли. Тому, кто отдает приказ принять снотворное, приходится обходиться без него.

Глава 4

Большую часть следующих двух дней Ардмор провел в одиночестве и даже обедал в своей комнате, за все время он ни с кем не сказал и двух слов. Теперь ему было ясно, в чем он ошибся, и хотя резня произошла не по его вине, легче от этого не становилось — он все равно чувствовал себя к ней причастным.

Но проблема оставалась нерешенной. Он убедился, что был прав, когда принял решение создать «шестую колонну». «Шестая колонна» — вот что сейчас нужно; организация, которая внешне не нарушала бы порядков, установленных завоевателями, но со временем могла бы стать средством их свержения. На это, может быть, уйдут годы, но открытое выступление было страшной ошибкой, и повторять ее нельзя.

Он по-прежнему чувствовал, что в рассказе Томаса промелькнула мысль, которая могла бы оказаться полезной. Он снова и снова прослушивал запись, но хотя к этому времени уже выучил ее наизусть, никак не мог уловить того, что искал.

« — Они систематически вытравливают все, что составляет американскую культуру,— говорил Томас.— Закрыты школы, не выходят газеты. Напечатать что бы то ни было по-английски считается тяжким преступлением. Они объявили, что вскоре всякую

деловую переписку нужно будет вести на их языке, а до тех пор все письма должны проходить цензуру. Запрещены любые собрания, кроме религиозных.

— Я думаю, этому они научились в Индии.— В записи его собственный голос звучал как-то непривычно.— Так легче держать рабов в повиновении.

— Наверное, вы правы, сэр. По-моему, это исторический факт: процветающие империи всегда мирились с местными религиями, хотя искореняли все остальное.

— Похоже на то. Продолжайте.

— Главное их орудие, мне кажется,— система регистрации. Они ввели ее с самого начала и ничему другому не уделяли столько внимания. В результате Соединенные Штаты теперь превращены в один большой концлагерь, где почти никто не может свободно перемещаться и общаться с другими без разрешения надзирателей».

Слова, слова, слова! Ардмор столько раз их прослушивал, что уже почти не улавливал смысла. Может быть, в рассказе Томаса ничего такого и не было, и все это ему только померещилось?

В дверь постучали. Это был Томас.

— Меня попросили вам кое-что сказать, сэр,— начал он осторожно.

— Что же?

— Видите ли, все собрались в зале. Они хотят с вами поговорить.

Еще одно совещание, на этот раз не по его инициативе. Что ж, придется идти.

— Скажи, что я сейчас буду.

— Слушаюсь, сэр.

После того как Томас вышел, он несколько секунд сидел неподвижно, потом подошел к письменному столу и достал из ящика свой пистолет. Запахло бунтом — об этом можно было догадаться по тому, что кто-то решился созвать общее совещание без его разрешения. Он проверил обойму, передернул затвор, надел портупею, но, подумав, снял ее и положил пистолет обратно в ящик. Это сейчас не поможет.

Он вошел в зал, занял свое место во главе стола и сказал:

— Я вас слушаю.

Брукс окинул взглядом стол, убедился, что больше никто говорить не собирается, откашлялся и начал:

— Мы хотели бы спросить, есть ли у вас какой-нибудь план действий.

— Нет. Пока нет.

— Тогда у нас есть! — вмешался Кэлхун.

— Да, полковник?

— Нет никакого смысла сидеть тут сложа руки. В нашем распоряжении — самое могучее оружие, какое только есть в мире, но, чтобы применить его, нужны люди.

— Дальше?

— Мы намерены ликвидировать базу и отправиться в Южную Америку! Там мы сможем найти правительство, которому понадобится подобное оружие.

— Какую пользу это принесет Соединенным Штатам?

— Но это совершенно ясно! Империя, вне всякого сомнения, собирается распространить свое влияние на все наше полушарие. Мы можем уговорить это правительство начать превентивную войну. Или, возможно, организовать армию из беженцев.

— Нет!

— Боюсь, что вам придется с этим смириться, майор,— злорадно произнес полковник. Ардмор повернулся к Томасу.

— Вы согласны с ними?

— Я надеялся, что у вас есть план получше, сэр,— нехотя ответил тот.

— А вы, доктор Брукс?

— Ну, это, по-моему, более или менее реально. Я того же мнения, что и Томас.

— Грэхем?

Ответом ему было молчание. Уилки на мгновение поднял глаза, но тут же отвел их в сторону.

— Митсуи?

— Я вернусь наверх, сэр. У меня тут еще остались дела.

— Шир?

На скулах у Шира вздулись желваки.

— Я согласен, если вы не будете возражать, сэр.

— Благодарю вас.

Ардмор повернулся к остальным.

— Я сказал: «Нет!» — и это остается в силе. Тот из вас, кто покинет базу, будет считаться нарушителем присяги. И вы тоже, Томас! Это не мой каприз. То, что вы предлагаете, ничем не отличается от вылазки, которую я отменил. Пока народ Соединенных Штатов остается заложником в руках паназиатов, мы не можем начать военные действия! Неважно, откуда будет исходить инициатива, изнутри или извне,— тысячи, а может быть, миллионы невинных жертв заплатят за это своей жизнью!

Преодолев волнение, он окинул взглядом сидящих за столом — как они восприняли его слова? Кажется, согласны — или готовы согласиться. Все, кроме Кэлхуна. Но в то же время они недовольны.

— Предположим что вы правы, сэр,— медленно произнес Брукс.— Допустим, что так оно и есть. Но неужели мы ничего не можем сделать?

— Я об этом уже говорил. Мы должны создать то, что я назвал «шестой колонной». Мы должны скрываться, нащупывать слабые места противника и использовать их.

— Я понимаю. Может быть, вы и правы. Может быть, это неизбежно. Но сколько же для этого понадобится терпения! Мы ведь не боги, а люди.

Ардмор почувствовал, что вот-вот вспомнит то, чего ему не хватало. Но что именно?

— Значит, нам обещают журавля в небе,— вмешался Кэлхун.— Вам бы в проповедники пойти, майор Ардмор. А мы предпочитаем действовать.

«Вот оно! Вспомнил!»

— Вы почти правы,— ответил Ардмор.— Вы слышали рассказ Томаса?

— Слышали в записи.

— Вы помните, что есть один случай, когда белым людям все же разрешается создавать свои организации?

— Да нет, ничего такого, по-моему, не было.

— Не было? Разве им не разрешается собираться для одной определенной цели?

— Я знаю! — воскликнул Томас.— Церковь!

Ардмор дал им время осознать услышанное, а потом тихо спросил:

— Вам не приходило в голову, что можно много чего сделать, если основать новую религию?

Наступило недоуменное молчание. Его прервал Кэлхун:

— Он сошел с ума!

— Успокойтесь, полковник,— миролюбиво сказал Ардмор.— Нет ничего удивительного, что вы решили, будто я спятил. Действительно, на первый взгляд это безумие — говорить об основании новой церкви, когда мы хотим только одного — драться с паназиатами. Но подумайте, ведь нам нужна организация, без этого мы не сможем создать, обучить и вооружить армию. Организация и система связи, которая позволит нам согласовывать свои действия. И все это придется делать на глазах у паназиатов, не возбуждая у них подозрений. Все это возможно, если мы будем не военной организацией, а религиозной сектой.

— Это немыслимо! Я отказываюсь в этом участвовать!

— Ну что вы, не надо, полковник. Вы нам очень нужны. Например, та же система связи — представьте себе, что в каждом городе страны стоит храм, и все они соединены между собой линиями связи, а центр находится здесь, в Цитадели!

Кэлхун презрительно фыркнул.

— Конечно — и азиаты подслушивают все ваши переговоры.

— Вот для чего вы нам нужны, полковник! Разве вы не сможете создать такую систему связи, чтобы они не могли подслушивать? Может быть, что-нибудь вроде радио, только оно должно работать в одном из ваших новых диапазонов, чтобы на эти волны не реагировали их приемники. Или не сможете?

Кэлхун снова фыркнул, но уже иначе.

— Что за вопрос, конечно, смогу. Это элементарно.

— Вот зачем вы нам нужны, полковник,— чтобы находить решения, которые вам, с вашим выдающимся талантом, представляются элементарными...

Ардмору на мгновение стало противно: уж очень это напоминало текст рекламного объявления.

— ...Но которые всем нам, остальным, кажутся чудом. Вот в чем суть религии — она не может без чудес! Вам придется напрячь все силы своего гения, чтобы изобрести такие вещи, которых никогда не понять паназиатам и которые они сочтут сверхъестественными.— Видя, что Кэлхун все еще колеблется, он добавил: — Вы сможете это сделать, надеюсь?

— Конечно, смогу, мой дорогой майор.

— Ну и прекрасно. Через сколько времени мы получим в свое распоряжение систему связи, которую нельзя будет подслушать?

— Точно сказать не могу, но много времени на это не потребуется. Я все еще не вижу смысла в вашей идее, майор, но я займусь такой системой, если, по-вашему, она необходима.

Он встал и торжественно вышел.

— Можно мне, майор? — вмешался Уилки.

— Конечно, Уилки.

— Я могу разработать для вас такую систему.

— Ничуть не сомневаюсь, но нам придется использовать все наличные силы. Для вас тоже найдется достаточно дел. Теперь об остальном. Вот что я имею в виду — это, конечно, всего лишь приблизительные наметки, я хочу, чтобы вы обсудили их и высказали все возражения, какие только вам придут в голову. Мы должны предусмотреть, насколько это возможно, все неожиданности. Мы сделаем вид, что основываем некоторую евангелическую религию, и постараемся привлечь к ней население. Как только мы соберем людей в таком месте, где можно будет беседовать с ними без помех, мы отберем тех, кому можно доверять, и завербуем в нашу армию. Мы назначим их дьяконами церкви или еще чем-то в этом роде. Главной нашей приманкой будет благотворительность — и тут, Уилки, пригодится ваша трансмутация элементов. Вы будете получать для нас драгоценные металлы, прежде всего золото, чтобы у нас всегда хватало денег. Мы накормим бедных и голодных — благодаря паназиатам их теперь более чем достаточно! — и очень скоро народ повалит к нам валом. Но это далеко не все. Мы будем устраивать настоящие чудеса. Не столько

для того, чтобы произвести впечатление на белое население — это не так важно,— сколько для того, чтобы запутать наших господ и повелителей. Мы станем проделывать такие штуки, которых они не смогут постигнуть — будут только зря ломать голову и терять уверенность в своих силах. Понимаете, мы ничего не будем предпринимать против них, мы во всем останемся послушными подданными Империи, но при этом будем делать такие вещи, которые им не под силу. Они почувствуют растерянность, у них начнут сдавать нервы.— По мере того как идея принимала конкретные формы, он понял, что все это похоже на хорошо продуманную рекламную компанию.— К тому времени, когда мы будем готовы пойти в наступление, они окажутся деморализованы, напуганы и легко поддадутся панике.

Его увлеченность понемногу передавалась слушателям, хотя такой подход и был для них непривычен.

— Послушайте, командир,— сказал Томас,— может быть, это и сработает, я не говорю, что нет, только как вы собираетесь все это наладить? Неужели их чиновники не догадаются, что дело нечисто, когда увидят, как ни с того ни с сего появилась какая-то новая религия?

— Может быть, и догадаются, но вряд ли. Все западные религии представляются им одинаково нелепыми. Они знают, что у нас религий множество и большинство им совершенно незнакомо. Это единственное преимущество, которое дала нам Эпоха не общения. Они решат, что имеют дело с чем-то вроде тех дурацких сект, которые в Южной Калифорнии каждый день появляются десятками.

— Ну хорошо, командир, а с чего мы все это начнем? Не можем же мы просто так выйти из Цитадели, ухватить за пуговицу какого-нибудь желтолицего и сказать ему: «Я Иоанн Креститель!»

— Конечно, нет. Это нужно еще продумать. У кого есть какие-нибудь идеи?

Наступило молчание — все напряженно думали. Наконец Грэхем сказал:

— А что если начать с самого начала и ждать, когда на нас обратят внимание?

— Что вы имеете в виду?

— Ведь у нас здесь людей хватит, если не гнаться за большим размахом. Будь у нас где-нибудь храм, один из нас мог бы стать первосвященником, а остальные — кем-то вроде апостолов. А дальше — подождем, пока нас заметят.

— Хм-м-м. В этом что-то есть, Грэхем. Но все-таки нужно будет развернуть дело как только можно шире. Мы все станем священниками, и церковными служителями, и кем угодно, а Томасу я поручу набрать нам паству среди его приятелей. Или нет, подождите. Пусть лучше они придут к нам в качестве пилигримов. Мы начнем с того, что пустим слух, который будут распространять хобо. Они будут говорить всем: «Грядет Учитель!»

— А что это означает? — осведомился Шир.

— Пока ничего. Но со временем будет что-нибудь означать. Теперь слушайте, Грэхем. Вы художник. С сегодняшнего дня вы будете готовить нам обеды левой рукой, а правой начнете набрасывать эскизы облачений, алтарей и прочей бутафории. Архитектура храма, интерьеры — всем этим тоже придется заняться вам.

— А где будет находиться храм?

— Это серьезный вопрос. Он должен быть где-нибудь неподалеку, если мы не хотим вообще покинуть Цитадель, а мне кажется, что этого делать не следует: она нужна нам как база и лаборатория. Но он не должен быть и слишком близко — мы не можем рисковать привлечь внимание к этой горе.— Ардмор побарабанил пальцами по столу.— Непростое дело.

— А почему бы не превратить в храм все вот это? — спросил доктор Брукс.

— Что-что?

— Я имею в виду, конечно, не этот зал, но почему бы не поставить наш первый храм прямо над Цитаделью? Это было бы очень удобно.

— Конечно, доктор, но это же неизбежно привлечет внимание к... Погодите! Кажется, я понял, о чем вы говорите.— Он повернулся к Уилки.— Боб, нельзя ли использовать эффект Ледбеттера, чтобы держать в тайне существование Цитадели, если храм будет стоять прямо над ней? Можно это сделать?

Уилки растерянно посмотрел на него. В этот момент он больше, чем обычно, напоминал большого щенка колли.

— Нет, эффект Ледбеттера для этого не годится. А вам нужен именно эффект Ледбеттера? Потому что если нет, то можно было бы без особого труда наладить экран седьмого типа в области магнитогравитационных волн, так что ни один прибор, работающий в электромагнитном диапазоне, ничего не сможет зарегистрировать. Дело в том, что...

— Да ведь мне неважно, как вы это сделаете! Я даже не знаю, как все это называется,— мне нужен рёзультат. Очень хорошо, значит, этим и займитесь. Мы подготовим проект храма, запасем здесь все материалы, чтобы его осталось только смонтировать, потом выйдем на поверхность и как можно скорее его поставим. Кто знает, сколько на это может понадобиться времени? Боюсь, я мало что понимаю в строительстве.

Уилки и Шир принялись о чем-то оживленно шептаться, потом Уилки сказал:

— Об этом особо не волнуйтесь, командир. Тут пригодятся силовые лучи.

— Это какие?

— У вас где-то должен лежать наш отчет. Притягивающие и отталкивающие лучи, которые мы разработали, основываясь на ранних экспериментах Ледбеттера.

— Да, майор, об этом можете не беспокоиться,— добавил Шир,— я все сделаю. Силовые лучи в безгравитационном поле — мы этот храм выстроим быстрее, чем карточный домик. Кстати, перед тем как начинать, я собираюсь потренироваться на картонных моделях.

— Отлично, ребята! — одобрил Ардмор с улыбкой. При мысли о том, сколько впереди нелегкой работы, он испытал искреннюю радость.— Вот такой разговор мне нравится. На сегодня сборище закончено. За дело! Томас, зайдите ко мне.

— Минутку, командир,— сказал Брукс, вставая и направляясь к двери вслед за ним.— А что если...

И они вышли, продолжая оживленно беседовать.

Несмотря на радужные надежды Шира, построить храм на вершине горы над Цитаделью оказалось не так просто. Никто из их крохотной команды не имел опыта крупного строительства.

Ардмор, Грэхем и Томас вообще ничем подобным никогда не занимались, хотя Томас был мастер на все руки и в свое время изучил плотничье ремесло. Кэлхун знал только свою математику, да и характер не позволял ему снизойти до физической работы. Брукс ничего не имел против, но он был не строитель, а биолог.

Уилки, блестящий физик, хорошо справлялся с инженерными проблемами, которые имели отношение к его исследованиям, и легко мог сконструировать какой-нибудь нужный ему прибор. Но ему никогда не приходилось строить мосты, возводить плотины или хотя бы руководить бригадой рабочих. Тем не менее вся тяжесть задачи должна была лечь на его плечи. Шир для этого не годился: он хоть и считал, что может построить дом, но на самом деле слишком увлекался всевозможными мелочами, больше думал об инструментах и был на месте скорее в мастерской, чем на строительной площадке. Ему было вполне под силу построить модель здания в уменьшенном масштабе, но организовать крупную стройку он не мог. Кроме Уилки, делать это было некому.

Несколько дней спустя Уилки явился в кабинет Ардмора с рулоном чертежей подмышкой.

— Как, можно, командир?

— А, заходите. Боб. Садитесь. Что там у вас? Когда мы начнем строить наш храм? Смотрите, я тут подумал о том, как еще мы могли бы скрыть, что под ним находится Цитадель. Что если мы расположим алтарь так, чтобы...

— Извините, командир.

— Да?

— Мы можем предусмотреть в проекте все, что вы захотите, только сначала мне надо бы немного лучше представлять себе, каким вообще должен быть наш храм.

— Это ваше дело — ваше и Грэхема.

— Слушаюсь, сэр. Но какого размера он будет?

— Какого размера? Ну, я точно не знаю. Большой! — Ардмор широко развел руки.— Он должен впечатлять!

— Метров что-нибудь около десяти по фасаду?

— Десяти? Да это смешно! Что вы строите — киоск для торговли лимонадом или главный храм великой религии? Вы его,

правда, еще не начали строить, но только так нужно подходить к делу. На него должны смотреть, выпучив глаза! Разве вам не хватает стройматериалов?

Уилки покачал головой.

— Да нет, когда можно превращать элементы друг в друга по Ледбеттеру, материалы — не проблема. Мы можем получать их сколько угодно из самой горы.

— Я так и думал. Выпиливайте гранитные блоки побольше и укладывайте их, как кирпичи, с помощью ваших силовых лучей.

— Нет, что вы!

— Нет? А почему?

— Ну, наверное, можно и так, только получится довольно неказисто. К тому же я не знаю, как тогда его перекрыть. Я-то хотел сделать другое. Тоже с помощью эффекта Ледбеттера, но не выпиливать блоки, а делать — трансмутировать — материалы, которые нам нужны. Видите ли, гранит состоит в основном из окислов кремния. Это немного осложняет дело, потому что оба элемента стоят в нижнем конце Периодической таблицы. Придется приложить много усилий, чтобы избавиться от лишней энергии,— ее будет огромный избыток, чуть ли не столько же, сколько вырабатывает атомный реактор в Мемфисе, и ее нужно будет куда-то девать. Пока я не вижу, как это сделать. А потом...

— Давайте-ка ближе к делу!

— А я как раз подбираюсь к делу, сэр,— с некоторой обидой в голосе ответил Уилки.— Когда вы идете от верхнего или нижнего конца Периодической таблицы к середине, при трансмутации выделяется энергия, а в обратном направлении — поглощается. Еще в середине прошлого века придумали, как получать энергию таким способом,— на этом и основана атомная бомба. Но если занимаешься трансмутацией ради того, чтобы получить стройматериалы, то совершенно не нужно, чтобы при этом выделялась энергия, как в атомной бомбе или реакторе. Это совсем ни к чему.

— Ну еще бы!

— Поэтому приходится использовать и второй тип трансмутации — тот, при котором энергия поглощается. В сущности, я стараюсь, чтобы один тип уравновешивал другой. Возьмите, скажем, магний. Он расположен между кремнием и кислородом. Энергия связи здесь...

— Уилки!

— Да, сэр?

— Считайте, что я не пошел дальше третьего класса. И скажите мне только, сможете вы изготовить все материалы, какие вам нужно, или нет?

— Да, сэр. конечно

— Тогда чем я могу вам помочь?

— Видите ли, сэр, все дело в том, как устроить перекрытие. Ну и в размерах. Вы говорите, что десять метров по фасаду мало...

— Нет, это никуда не годится. Вы бывали на Североамериканской выставке? Помните павильон «Дженерал Атомикс»?

— Видел на фотографиях.

— Нам нужно что-нибудь такое же броское и эффектное, только гораздо больше. А почему вы ограничились десятью метрами?

— Понимаете, сэр, я не смогу пронести через дверь панель больше чем два на десять метров. Там коридор поворачивает.

— А подъемник для машин-разведчиков?

— Я об этом уже думал. Там пройдет панель шириной в четыре метра, зато длиной не больше восьми. Между ангаром и подъемником тоже есть поворот.

— Хм-м-м... Погодите, а разве вы не можете сваривать панели этой своей волшебной палочкой? Я думал. вы хотите монтировать храм по частям — готовить их здесь, внизу, а наверху только собирать.

— Примерно так. Пожалуй, можно будет сварить стены, какие нужно. А все-таки, майор, какого размера должно быть здание?

— Как можно больше.

— Это сколько?

Ардмор назвал цифру. Уилки присвистнул.

— Стены такого размера мы, наверное, сможем поставить, но я не представляю себе, как их перекрыть.

— По-моему, я видел здания с пролетами не меньше.

— Ну конечно. Дайте мне инженеров-строителей, архитекторов и завод, где можно было бы изготовить формы на такие

пролеты, и я вам построю храм любых размеров. А одни мы с Широм этого сделать не сможем. Даже с помощью силовых лучей. Простите, сэр, но я не вижу выхода.

Ардмор встал и положил руку на плечо Уилки.

— То есть пока не видите. Не огорчайтесь, Боб. Что бы вы ни построили, будет хорошо. Только не забывайте — это наше первое появление на публике. От него многое будет зависеть. Вряд ли на наших повелителей произведет большое впечатление будка для продажи горячих сосисок. Храм должен быть как можно больше. Хорошо бы, чтобы он был вроде самой большой египетской пирамиды, только построить его нужно гораздо быстрее.

— Я постараюсь, сэр,— озабоченно ответил Уилки.— Пойду подумаю, как это можно сделать.

— Вот и прекрасно.

Когда Уилки вышел, Ардмор повернулся к Томасу:

— Что вы об этом думаете, Джефф? Неужели я слишком многого требую?

— Никак не могу понять,— медленно произнес Томас,— почему вы придаете этому храму такое значение?

— Ну, прежде всего, это прекрасная маскировка для Цитадели. Если мы не хотим сидеть в ней, ничего не делая, пока не умрем от старости, то рано или поздно сюда и отсюда начнет ходить множество людей, и хранить в тайне ее расположение мы больше не сможем. Значит, нужно какое-то прикрытие. Куда постоянно ходят люди? В церковь — службы и все прочее. Все прочее будет у нас внизу, а службы станут прикрытием.

— Это я понимаю. Но потайной ход вниз прекрасно можно устроить и в десятиметровом здании, для него необязательно строить такие хоромы, каких вы требуете от Уилки.

Ардмор нахмурился. Черт возьми, неужели никто, кроме него, не понимает, как важна реклама?

— Послушайте, Джефф, все будет зависеть от того, сумеем ли мы с самого начала произвести должное впечатление. Если бы Колумб явился к королеве просить пятачок, его бы вытолкали из дворца в шею. А он выпросил коронные бриллианты. Нам нужна внушительная вывеска.

— Наверное, вы правы,— ответил Томас без особого убеждения.

Несколько дней спустя Уилки попросил разрешения выйти с Широм наружу. Далеко уходить они не собирались, и Ардмор отпустил их, взяв слово, что они будут вести себя осторожно. Немного позже он встретил их в коридоре, который вел к лабораториям,— они тащили громадный гранитный блок. В рюкзаке на спине у Шира был портативный излучатель Ледбеттера. Каменная глыба под действием силового луча висела в воздухе, не касаясь ни стен, ни пола, и Уилки вел ее за собой на веревке, как корову.

— Господи, что это у вас такое? — воскликнул Ардмор.

— Да так, камень, сэр.

— Вижу. А зачем?

— Майор, у вас будет попозже свободная минута? — с таинственным видом спросил Уилки.— Мы хотим вам кое-что показать.

— Значит, не хотите говорить? Ну ладно.

Через несколько часов Уилки позвонил ему и попросил зайти и прихватить с собой Томаса. Когда они пришли и мастерскую, там уже собрались все, кроме Кэлхуна.

— С вашего разрешения, мы начнем, сэр,— сказал Уилки, отдав Ардмору честь.

— Бросьте эти формальности. А разве вы не хотите подождать полковника Кэлхуна?

— Я его приглашал, но он отказался.

— Ну, тогда начинайте.

— Слушаюсь, сэр.— Уилки повернулся к остальным.— Считайте, что этот камень — вершина горы, под которой мы находимся. Давай, Шир.

Уилки встал к излучателю Ледбеттера. Шир уже стоял у другого такого же излучателя, снабженного прицелом и еще какими-то непонятными приспособлениями. Он нажал на несколько кнопок, и излучатель выбросил луч света толщиной в карандаш. Водя им, как пилой, Шир срезал верхушку камня. Уилки с помощью силовых лучей перехватил отрезанную часть и передвинул ее в сторону, где она повисла в воздухе. Срез был гладким и блестел как зеркало.

— Вот на этом месте будет стоять храм,— сказал Уилки.

Шир продолжал резать камень своим лучом, поворачивая излучатель. Плоская верхушка приобрела квадратную форму и превратилась в верхнюю площадку четырехгранной усеченной пирамиды. В одной из ее граней он вырезал ступени.

— Достаточно, Шир,— скомандовал Уилки.— Теперь будем делать стену. Подготовь поверхность.

Шир что-то сделал с излучателем, и луч стал невидим, а плоская вершина пирамиды почернела.

— Углерод,— объявил Уилки.— Видимо, искусственный алмаз. Это будет наша рабочая площадка. Давай, Шир.

Уилки передвинул отрезанную часть камня так, что она оказалась над площадкой. Шир отрезал от нее кусок, он расплавился, стек на поверхность площадки, растекся по ней и застыл. Теперь то, что было камнем, напоминало какой-то белый металл. Когда он совсем остыл, Шир с помощью силового луча отогнул вверх края, и получилось что-то вроде открытой коробки длиной и шириной по полметра и глубиной сантиметра три. Уилки поднял ее с площадки, передвинул в сторону и подвесил в воздухе.

Потом все повторилось сначала, только вместо коробки получился плоский лист. Уилки убрал его в сторону и снова поставил на площадку коробку.

— Теперь начинка,— объявил Уилки.

Он придвинул отрезанную часть камня, установив ее над коробкой. Шир отрезал кусочек, дал ему опуститься в коробку и направил на него луч. Камень расплавился и растекся по дну коробки.

— Гранит — это, в сущности, стекло,— объяснил Уилки.— А нам нужно пеностекло, поэтому сейчас мы не будем ничего трансмутировать. Разве что чуть-чуть, чтобы был газ, чем его вспенивать. Добудь-ка малость азота, Шир.

Шир кивнул и на мгновение включил луч. Масса как будто вскипела, заполнила коробку до краев и так застыла.

Уилки придвинул плоский лист, висевший в воздухе,— он оказался над коробкой и медленно опустился на нее, как крышка, хотя и немного перекошенная.

— Привари его, Шир.

Лист раскалился докрасна и осел вниз под действием собственной тяжести, как будто прижатый невидимой рукой. Шир обошел его со всех сторон, приваривая края крышки к коробке. Когда он закончил, Уилки поставил запечатанную коробку на бок на краю площадки и, не выключая излучатель, направился в дальний угол комнаты, где лежала груда каких-то деталей, укрытая брезентом.

— Чтобы не тратить зря ваше время, ну и ради практики тоже, мы заранее сделали еще четыре штуки,— объяснил он и поднял брезент.

Под брезентом лежали точно такие же панели, как та, которая только что была изготовлена у них на глазах. Не прикасаясь к ним, Шир с помощью излучателя поднял их одну за другой и установил на площадке — получился куб. Уилки повернулся к своему излучателю и удерживал их в нужном положении, пока Шир не сварил все стыки.

— Тонкая работа у него получается лучше, чем у меня,— пояснил он.— Ладно, Шир, теперь дверь.

— Какого размера? — буркнул Шир. Это были первые слова, которые он произнес за все время.

— Решай сам. Я думаю, сантиметров двадцать в высоту.

Шир что-то промычал и вырезал в стене, обращенной к склону со ступенями, прямоугольное отверстие. Когда оно было готово, Уилки объявил:

— Вот вам и храм, командир.

Ни камня, ни того, во что он превращался, за все это время не разу не коснулась рука человека.

Последовали аплодисменты, такие бурные, что в комнате, казалось, не пять человек, а несколько десятков. Уилки раскраснелся от удовольствия, Шир стоял молча, стиснув зубы. Все столпились вокруг модели.

— Оно горячее? — спросил Брукс.

— Холодное, я пробовал,— ответил Митсуи.

— Я не о том.

— Нет, все в порядке,— успокоил его Уилки.— По способу Ледбеттера получаются только стабильные изотопы.

Ардмор, разглядывавший модель вблизи, выпрямился.

— Насколько я понимаю, вы хотите все это проделать там, наверху?

— А что, разве нельзя, майор? Конечно, можно делать все здесь, а наверху только монтировать храм из небольших панелей, но это займет не меньше времени. И потом я не очень представляю себе, как из маленьких панелей собирать крышу. Вот такие слоистые панели — самая легкая, прочная и жесткая конструкция, какую мы можем получить. Мы их придумали ради того, чтобы можно было перекрыть тот большой пролет, который вам нужен.

— Ну, как хотите. Вам виднее.

— Конечно, за такое короткое время все не сделаешь,— сказал Уилки.— Это же только скелет. Я не знаю, сколько займет отделка.

— Отделка? — переспросил Грэхем.— У вас же получилась прекрасная строгая форма, зачем портить ее всякими украшениями? Куб — самая благородная и красивая фигура, какая только есть на свете.

— Я согласен с Грэхемом,— заметил Ардмор.— Вот он наш храм, таким он и должен быть. Что может быть эффектней сплошного, цельного массива? Не надо его портить.

Уилки пожал плечами.

— Не знаю. Я думал, вам нужно что-нибудь покрасивее.

— Но это же красиво! Только одного я не могу понять, Боб. Имейте в виду, я не собираюсь заниматься критикой. Соорудить такую штуку немногим легче, чем сотворить мир за шесть дней. Но скажите мне, зачем вам понадобилось выходить наружу? Вы могли зайти в любую пустующую комнату, снять облицовку со стены и этим вашим волшебным ножом вырезать из самого сердца нашей горы любой кусок камня, какой вам нужен.

Уилки с ошеломленным видом поднял на него глаза.

— Я об этом как-то не подумал.

Глава 5

Патрульный вертолет медленно кружил в небе южнее Денвера. Командир, лейтенант паназиатской армии, взглянул на карту, составленную из свежих аэрофотоснимков, и знаком приказал пилоту зависнуть в воздухе. Да, вот оно — огромное здание кубической формы, возвышающееся на высокой скале. Его обнаружила картографическая служба нового Западного Царства Небесной Империи, и патруль послали произвести расследование.

Для лейтенанта это был еще один рядовой вылет. Хотя здание не фигурировало ни в каких описях административного района, в котором находилось, ничего удивительного он в этом не видел. Недавно завоеванная территория огромна, а туземцы, ленивые и распущенные, как и подобает представителям низших рас, ведут записи крайне неаккуратно. Пройдет не один год, прежде чем все, что есть в этой дикой стране, будет тщательно учтено, инвентаризировано и занесено в списки, тем более что эти люди с болезненно бледными лицами почему-то, как дети, упрямо не желают воспринимать блага цивилизации.

Да, это займет немало времени — может быть, больше, чем присоединение Индии. Он с грустью вздохнул. Сегодня пришло письмо из дома — главная жена пишет, что вторая жена подарила ему сына. Что делать — подать заявление о зачислении в колонисты, чтобы можно было вызвать сюда семью, или же молить богов, чтобы его наконец отпустили в увольнение?

Но такие мысли не подобают человеку, который служит Небесному Императору! Он повторил про себя Семь Принципов Воинствующей Расы и показал пилоту на ровное место среди гор, куда можно приземлиться.

Вблизи здание выглядело еще внушительнее: огромный, сплошной кубический объем с длиной ребра не меньше шестидесяти метров. Стена, обращенная к нему, светилась чистым изумрудно-зеленым светом, хотя вечернее солнце находилось по другую сторону здания. Видна была и часть правой боковой стены — она горела золотистым цветом.

Из вертолета высадилось отделение солдат, а за ним — проводник из горцев, которого они взяли с собой в этот вылет. Лейтенант спросил его по-английски:

— Ты видел раньше это здание?

— Нет, повелитель.

— Почему?

— Я в этих местах никогда не был.

Вполне возможно, что он лжет, но карать его нет никакого смысла, и лейтенант решил не обращать внимания.

— Иди впереди.

Они с трудом поднялись по крутому склону до того места, где начиналась ведущая к кубу широкая лестница, еще шире, чем сам куб. Прежде чем вступить на нее, лейтенант некоторое время колебался. Он ощущал какое-то легкое беспокойство, непонятную тревогу, как будто некий внутренний голос предупреждал его о неведомой опасности.

Когда лейтенант поставил ногу на нижнюю ступень, над ущельем прокатился глубокий, чистый музыкальный звук. Ощущение тревоги усилилось и перешло в безотчетный ужас. Видно было, что ужас передался и солдатам. Лейтенант решительно шагнул на следующую ступень, и снова в горах раздался звук, такой же чистый, но другого тона.

Лейтенант упорно поднимался по бесконечной лестнице, солдаты следовали за ним. Каждый их нелегкий шаг — нелегкий, потому что ступени были чуть выше и чуть шире, чем нужно,— сопровождали медленные, грозные, трагические ноты. И чем ближе было здание, тем сильнее становилось ощущение надвигающейся катастрофы и неизбежной гибели.

Когда лейтенант уже приближался к верхней площадке, медленно распахнулись обе створки огромной двери. В открывшемся проеме стоял человек в изумрудно-зеленой мантии до самой земли. Белые волосы и ниспадающая борода обрамляли лицо, исполненное достоинства и доброты. Старец величественно двинулся вперед и подошел к краю площадки в тот самый момент, когда лейтенант поднялся на последнюю ступень. Лейтенант с изумлением увидел, что вокруг головы старца висит в воздухе мерцающий нимб. Он еще не успел подумать, что это может означать, как старец благословляющим жестом поднял правую руку и заговорил:

— Да пребудет с тобой мир!

Его слова сбылись! Безотчетный страх, который ощущал лейтенант, исчез, как будто кто-то повернул выключатель. Он почувствовал огромное облегчение и вдруг понял, что этот человек низ-

шей расы — видимо, жрец — вызывает у него теплое чувство, какое подобает испытывать только к равному. Он поспешно повторил про себя инструкцию по общению с жрецами низших религий.

— Что это за место, святой человек?

— Ты стоишь на пороге храма Мотаа, Владыки Владык и Господа Всего Сущего!

— Мотаа? Хм...

Лейтенант не мог припомнить бога с таким именем, но это не имело значения. У этих бледнолицых существ тысячи странных богов. «Есть три вещи, необходимые рабу: еда, работа и его боги. Из них только одной нельзя его лишать — богов, иначе он может взбунтоваться»,— гласили Правила управления.

— Кто ты такой?

— Я смиренный священнослужитель. Первый Слуга Шаама, Властелина Мира.

— Шаама? Ты, кажется, сказал, что твоего бога зовут Мотаа?

— Мы служим Владыке Мотаа в шести из тысячи его ипостасей. Вы служите ему по-своему. Даже Небесный Император служит ему по-своему. Я — слуга Властелина Мира.

«Это уже что-то похожее на оскорбление величества, если не на кощунство,— подумал лейтенант.— Впрочем, бывает, что у богов много имен, а этот туземец, кажется, безобиден».

— Хорошо, святой старик. Небесный Император разрешает тебе служить твоему богу так, как ты считаешь нужным, но я должен осмотреть храм именем Империи. Отойди в сторону.

Старец не двинулся с места и ответил с сожалением в голосе:

— Прости меня, повелитель, но это невозможно.

— Это мой долг. Отойди в сторону!

— Ну пожалуйста, повелитель, умоляю тебя! Тебе нельзя входить в храм. В этой своей ипостаси Мотаа — Бог белых людей. Иди в ваш храм, но в этот тебе входить нельзя. Все, кроме последователей Шаама, караются за это смертью.

— Ты мне угрожаешь?

— Нет, повелитель, нет,— мы служим Императору, как нам велит наша вера. Но это запрещено самим Владыкой Мотаа. Я не смогу спасти тебя, если ты нарушишь запрет.

— Именем Небесного Императора — дай мне дорогу!

Лейтенант уверенно зашагал по широкой террасе к двери храма, за ним с топотом шли солдаты. Его снова охватил панический ужас, который усиливался по мере приближения к огромной двери. У него сжалось сердце, он чувствовал непреодолимое желание бежать куда глаза глядят. Только воспитанное долгой муштрой мужество, граничащее с фатализмом, заставляло его идти дальше.

Сквозь открытую дверь он увидел гигантский пустой зал, а в дальнем его конце — высокий алтарь, который тем не менее казался в этом огромном помещении крохотным. Каждая из стен зала светилась своим цветом: красным, голубым, зеленым и золотистым. Потолок был абсолютно, безупречно белым, а пол — столь же абсолютно черным. «Нечего бояться,— сказал он себе.— Этот непонятный ужас — слабость, недостойная воина».

Лейтенант шагнул через порог. В то же мгновение он ощутил головокружение, приступ дикого ужаса и упал без сознания. Та же участь постигла и солдат, которые двинулись за ним.

Из-за угла выскочил Ардмор.

— Прекрасно, Джефф! — воскликнул он.— Вам бы на сцене выступать!

Старый священник облегченно вздохнул.

— Спасибо, командир. А что дальше?

— Подумаем, время есть.

Ардмор повернулся к алтарю и крикнул:

— Шир!

— Да, сэр?

— Выключи генератор! — И добавил, обращаясь к Томасу: — От этого проклятого инфразвука у меня самого по спине мурашки ползают, хоть я и знаю, в чем дело. Интересно, что чувствовал этот наш приятель?

— По-моему, ему было очень не по себе. Я не ожидал, что он сможет дойти до двери.

— Ничего удивительного. Даже я чуть не завыл, как пес на луну, а ведь это я велел включить генератор. Самый верный способ получить нервное расстройство — когда пугаешься сам не зная чего. Ну хорошо, мы поймали медведя за хвост. Что теперь с ним делать?

— А как быть с этим? — Томас кивнул в сторону горца, который все еще стоял на одной из верхних ступеней гигантской лестницы.

— Ах да! Эй вы, идите сюда! — позвал его Ардмор. Человек не двинулся с места, и Ардмор добавил: — Да мы же белые люди, черт возьми! Вы что, не видите?

— Вижу,— ответил горец,— только что-то мне это не нравится.

Тем не менее он медленно приблизился к ним.

— Это маленький сюрприз для наших желтолицых друзей,— сказал Ардмор.— А вам теперь все равно деваться некуда. Остаетесь с нами?

К этому времени на площадке собрался весь гарнизон Цитадели. Горец посмотрел на них.

— Похоже, выбирать не приходится.

— Пожалуй, но мы предпочли бы, чтобы вы согласились добровольно.

Горец перекатил во рту табачную жвачку на другую сторону, оглядел безупречно чистую площадку в поисках места, куда бы сплюнуть, не нашел и ответил:

— А что вы затеяли?

— Заговор против наших азиатских повелителей. Хотим задать им жару.

Проводник еще раз оглядел собравшихся, неожиданно протянул руку и сказал:

— Согласен.

— Вот и хорошо,— отозвался Ардмор, пожимая ему руку.— Как вас зовут?

— Хау. Александр Гамильтон Хау. Короче — Алекс.

— Хорошо, Алекс. Что вы умеете делать? Готовить можете?

— Немного могу.

— Хорошо.— Ардмор повернулся к Грэхему.— Вот вам и помощник на первое время. Я с ним потом еще поговорю. Теперь вот что. Джефф, вы не обратили внимания, что один из этих орангутангов что-то уж очень медленно падал?

— Возможно. А что?

— Вот этот, да? — Он дотронулся ногой до одной из распростертых фигур.

— Кажется.

— Надо с ним разобраться до того, как мы приведем их в чувство. Если бы он был монголоид, ему следовало бы отдать концы быстрее. Доктор Брукс, не проверите ли вы рефлексы у этого парня? И не слишком с ним церемоньтесь.

После нескольких манипуляций, произведенных Бруксом, стало очевидно, что солдат в сознании. Ардмор нагнулся и сильно нажал пальцем на нерв у него за ухом. Солдат привстал на колени, корчась от боли.

— Ну, приятель, рассказывай, в чем дело.

Солдат молчал, бесстрастно глядя на него. Ардмор внимательно всмотрелся ему в лицо и, повернувшись к остальным спиной, чтобы они не видели, сделал быстрый жест рукой.

— Так бы сразу и говорили,— отозвался солдат.

— Маскировка, надо сказать, отличная,— восхищенно заметил Ардмор.— Ваше имя и звание?

— Немного татуировки плюс пластическая операция,— сказал солдат.— Я Даунер, капитан армии Соединенных Штатов.

— Я майор Ардмор.

— Рад с вами познакомиться, майор.— Они обменялись рукопожатием.— В самом деле, очень рад. А то я болтаюсь с ними уже не первый месяц и никак не могу найти какое-нибудь начальство.

— Что ж, вы нам очень пригодитесь, людей нам не хватает. Мы поговорим позже, а пока у меня срочные дела.— Ардмор повернулся к своим товарищам.— По местам, джентльмены. Начинаем второй акт. Проверьте свой грим. Уилки, отведите куда-нибудь Хау и Даунера, чтобы их не было видно. Будем приводить в чувство наших сонливых гостей.

Даунер дотронулся до локтя Ардмора.

— Минутку, майор. Я не знаю, что вы замышляете, но так или иначе — вы не думаете, что мне надо бы остаться в прежней роли?

— Что? Хм-м-м... Пожалуй, в этом что-то есть. А вы не против?

— Нет, если только это нужно,— рассудительно ответил Даунер.

— Нужно. Томас, идите сюда.

Посовещавшись, они договорились, что свои донесения Даунер будет передавать через бродяг. Ардмор быстро ввел его в курс дела — ровно настолько, насколько это было нужно.

— Ну что ж, желаю удачи,— закончил он.— Ложитесь снова и притворитесь мертвым, а мы начнем воскрешать ваших друзей.

Увидев, что лежавший неподвижно лейтенант приоткрыл глаза, Томас с Ардмором и Кэлхуном подошли к нему.

— Хвала Господу! — провозгласил Томас.— Повелитель жив!

Лейтенант растерянно посмотрел вокруг, потряс головой и схватился за пистолет. Ардмор, выглядевший очень внушительно в красном облачении Диса, Властелина Смерти, предостерегающе поднял руку.

— Осторожнее, повелитель, умоляю! Дис услышал молитву и воскресил тебя. Не разгневай его еще раз!

— Что случилось? — спросил азиат после некоторого колебания.

— Владыка Мотаа повелел Дису, Властелину Смерти, призвать тебя к себе. Мы вознесли молитвы Тамар, Властительнице Милосердия, чтобы она за тебя заступилась.— Он показал в сторону открытой двери храма, где перед алтарем стояли на коленях Уилки, Грэхем и Брукс, тоже в священнических облачениях.— К счастью, она услышала нашу молитву. Иди с миром!

В этот момент Шир, сидевший за пультом, усилил мощность инфразвука. Снова ощутив непонятный страх, озадаченный лейтенант счел за лучшее пойти на попятный. Он построил солдат, и они начали спускаться по широким ступеням, сопровождаемые неумолимыми торжественными звуками органа.

— Ну вот,— сказал Ардмор, когда они скрылись из виду,— в первом раунде победила вера. Томас, я хочу, чтобы вы сейчас же отправились в город.

— Да?

— В полном облачении и убранстве. Разыщите коменданта округа и подайте официальную жалобу на лейтенанта такого-то, который злонамеренно осквернил нашу святыню, чем навлек на себя гнев богов, и мы умоляем заверить нас, что это не повторится.

Изображайте справедливое возмущение, но демонстрируйте всякое почтение к светским властям.

— Я высоко ценю ваше доверие,— саркастически отозвался Томас.

Ардмор усмехнулся.

— Понимаю, задание нелегкое, но от этого многое зависит. Если мы сумеем воспользоваться их же собственными обычаями и правилами, чтобы теперь же установить прецедент и придать нашей церкви законный статус, полдела будет сделано.

— А что если они потребуют мою регистрационную карточку?

— Если будете держаться достаточно высокомерно, им это и в голову не придет. Главное — побольше нахальства. Они должны привыкнуть к мысли, что если человек в мантии и с нимбом над головой — значит, никаких документов ему не требуется. Потом это нам будет очень на руку.

— Ладно, попробую. Только я ничего не обещаю.

— Думаю, справитесь. Во всяком случае, ничего плохого с вами случиться не может — вы для этого прекрасно экипированы. Не выключайте защитный экран, пока кто-нибудь есть поблизости. Не пытайтесь объяснять им, что это такое, пусть упрутся в него, если вздумают подойти. Это чудо, а чудеса объяснять не надо.

— Хорошо.

Донесением лейтенанта командование осталось недовольно. Не испытал удовлетворения и сам лейтенант. Он почувствовал, что задета его личная честь, что он потерял лицо. Это ощущение только усилилось, когда непосредственный начальник сказал ему:

— Вы, офицер армии Небесного Императора, допустили, чтобы вас унизили в присутствии людей низшей расы. Что вы можете сказать в свое оправдание?

— Прошу простить меня, мой господин.

— Дело не во мне. Вы должны держать ответ перед своими предками.

— Я понял, мой господин! — Он протянул руку к короткой сабле, висевшей у него на боку.

— Не спешите с этим — я хочу, чтобы вы сами все рассказали Кулаку Императора.

Кулак Императора — военный губернатор округа, на территории которого находились и Денвер, и Цитадель, выслушал рассказ лейтенанта так же неласково.

— Как вас угораздило вторгнуться в их святыню? Эти люди — как дети, они легко возбудимы. Ваши действия могут привести к гибели многих более достойных, чем вы. А нам придется опять истребить множество рабов, чтобы их проучить.

— Я совершил ошибку, мой господин.

— Несомненно. Можете идти.

Лейтенант вышел, чтобы в самое ближайшее время отправиться в путь,— но не к семье, а к прародителям.

Кулак Императора повернулся к своему адъютанту.

— Служители этого культа, вероятно, обратятся к нам с жалобой. Позаботьтесь о том, чтобы умиротворить их, и заверьте, что их богам ничто не грозит. Запишите все данные об этой секте и отдайте распоряжение ее не трогать.— Он вздохнул.— Ох, как мне надоели эти дикари с их лжебогами! Но иначе нельзя: боги, которым поклоняются рабы, и их служители всегда выступают на стороне господ. Это закон природы.

— Воистину так, мой господин!

Ардмор очень обрадовался, когда Томас благополучно вернулся в Цитадель. Как бы ни был он уверен, что Джефф способен выпутаться из самого трудного положения, как бы ни убеждал его Кэлхун, что защитный экран, если правильно с ним обращаться, может предохранить от любого оружия, какое только есть в распоряжении паназиатов,— Ардмор немало поволновался, пока Томас ходил подавать жалобу властям. В конце концов, паназиаты не поощряют местные религии,— они их только терпят.

— Добро пожаловать домой, приятель! — воскликнул он, хлопнув Томаса по спине.— Рад снова видеть вашу противную физиономию. Ну как? Рассказывайте.

— Дайте мне сначала скинуть эту проклятую мантию. Сигарета есть? Вот чем плохо быть святым — они не курят.

— Есть, конечно. Вот, держите. Что-нибудь ели?

— Нет, и уже давно.

Ардмор снял трубку и позвонил на кухню.

— Алекс, принесите каких-нибудь деликатесов для лейтенанта Томаса! И скажите всем — они могут услышать, что он будет рассказывать, если заглянут ко мне в кабинет.

— Спросите, нет ли у него авокадо. Давно не ел экзотических фруктов.

Переговорив с Хау, Ардмор сообщил:

— Говорит, что авокадо у него в морозильнике, но он сейчас разморозит парочку. Теперь рассказывайте. Что сказала Волку Красная Шапочка?

— Знаете, вы можете не поверить, командир, но все прошло на удивление гладко. Я добрался до города, подошел к первому же азиату-полицейскому, который попался навстречу, сошел с тротуара и благословил его — посох в левой руке, правая над головой Никаких там смиренных поз, сложенных рук и склоненных голов! Потом я говорю: «Да пребудет с тобой мир! Пусть повелитель проводит своего слугу к наместнику Небесного Императора!» По-моему, он был не силен в английском и позвал на помощь еще одного плоскомордого. Этот по-английски немного понимал, и я еще раз сказал то же самое. Они пощебетали что-то между собой нараспев, а потом отвели меня во дворец к Кулаку Императора. Так и шли, вроде торжественной процессии,— они по бокам, а я в середине и немного впереди.

— Это вы хорошо придумали,— одобрил Ардмор.

— Мне тоже так показалось. В общем, привели они меня туда. и я рассказал всю историю какому-то мелкому чиновнику. Результат был потрясающий: меня тут же повели к самому Кулаку.

— Ну да?

— Погодите, это еще не все. Я, правда, немного струхнул, но сказал себе: «Джефф, приятель, если покажешь им, что боишься, тебе отсюда живым не уйти». Я знаю, что перед чиновником такого ранга белому человеку полагается пасть на колени, но я этого делать не стал, а благословил его стоя, в точности так же, как тех двоих. И это мне сошло с рук! Он посмотрел на меня и сказал: «Благодарю тебя за благословение, святой человек. Ты

можешь подойти». Между прочим, прекрасно говорит по-английски. Ну, я довольно подробно рассказал ему, что тут у нас случилось,— официальную версию, конечно,— и он начал меня расспрашивать.

— О чем?

— Сначала спросил, признает ли моя религия власть Императора. Я заверил, что признает, что наши последователи обязаны подчиняться светским властям во всех светских делах, но что поклоняться наша вера велит только истинным богам и так, как мы привыкли. Потом я пустился в теологические рассуждения Сказал, что все люди поклоняются единому Богу, но у него тысяча ипостасей. В своей небесной мудрости Бог представляется разным народам в разных ипостасях, потому что не подобает слугам и повелителям поклоняться ему одинаково. Поэтому шесть его ипостасей — Мотаа, Шаам, Менс, Тамар, Бармак и Дис — отведены для белых людей, так же как Небесный Император,— та его ипостась, которой поклоняется раса повелителей.

— Ну и как он к этому отнесся?

— Кажется, решил, что это довольно удобное учение — для рабов. Он спросил, чем еще занимается наша церковь, кроме богослужений, и я сказал, что наше главное стремление — помогать бедным и больным. Это ему, по-моему, понравилось. Похоже, что раздача пособий на бедность доставляет нашим добрым повелителям порядочные хлопоты.

— Пособий? А разве они раздают какие-нибудь пособия?

— Ну, не совсем пособия. Но когда сгоняешь пленных в концлагерь, их нужно чем-то кормить. Экономика почти совсем разрушена, и наладить ее они еще не успели. Я думаю, они будут только приветствовать движение, которое хоть немного облегчит им заботу о пропитании рабов.

— Хм-м-м... Ну и что дальше?

— Ничего особенного. Я заверил его, что наша вера запрещает нам, духовным пастырям, заниматься политикой, а он сказал, что нас трогать больше не будут, и отпустил меня. Я еще раз его благословил, повернулся и пошел восвояси.

— Похоже, тебе удалось его умаслить,— сказал Ардмор.

— Не знаю, командир. Этот старый прохвост умен, как Макиавелли. Впрочем, нет, никакой он не прохвост, он настоящий государственный деятель. Должен сказать, что он произвел на меня большое впечатление. Паназиаты вовсе не такие дураки — все-таки они завоевали и удерживают полмира, это сотни миллионов людей. Если они терпят местные религии, значит, считают, что это правильная политика. И пусть считают, нам только на руку, что у них такие умные и опытные чиновники.

— Вы, конечно, правы, мы, безусловно, не должны их недооценивать.

— Но я еще не кончил. Когда я выходил из дворца, меня опять взяли под караул два солдата и так от меня и не отходили. Я шел и шел себе, не обращая на них внимания. Идем мы мимо центрального рынка, а там стоит в очередях несколько сотен белых — пытаются купить какой-нибудь еды по своим продовольственным карточкам. И тут мне пришло в голову: дай-ка проверю, так ли уж я неприкосновенен. Я остановился, забрался на ящик и принялся говорить проповедь.

Ардмор присвистнул.

— Господи, Джефф, вы не должны были так рисковать!

— Но ведь надо было это выяснить, майор. К тому же я был почти уверен, что в самом худшем случае они меня только остановят, и все.

— Ну, пожалуй. Так или иначе, нам все равно приходится рисковать, тут ничего не поделаешь. Вполне может оказаться, что храбрость — самая лучшая политика. Простите, я вас перебил. И что было дальше?

— Сначала мои конвоиры обалдели от неожиданности и не знали, что делать. Я продолжал, а сам время от времени на них поглядывал. Скоро к ним подошел еще один, видимо старший по званию, они посовещались, и он куда-то ушел. Минут через пять снова появился, встал и смотрит, как я разглагольствую. Я решил, что он ходил звонить куда следует и ему велели меня не трогать.

— А как реагировали люди?

— По-моему, больше всего их поразило то, что белый человек у всех на глазах нарушает установленные правила и это ему сходит с рук. Много говорить я не стал, а только твердил, что «грядет Учитель», и всячески разукрашивал эту тему разными красивыми словами. Говорил, что они должны быть паиньками и не бояться, ибо Учитель грядет, чтобы накормить голодных, исцелить больных и утешить страждущих.

— Хм-м-м... Значит, вы надавали обещаний, и нам теперь придется их выполнять.

— Я как раз к этому подхожу, командир. Мне кажется, мы должны срочно открыть в Денвере свой филиал.

— У нас слишком мало людей, чтобы открывать филиалы.

— Разве? Не хотел бы с вами спорить, только я не представляю себе, как мы сможем навербовать себе последователей, если не отправимся к ним сами. Сейчас они вполне к этому готовы: будьте уверены, что каждый белый человек в Денвере уже слышал про старика с нимбом — не забудьте про нимб, командир! — который говорил проповедь на рынке, и азиаты его не трогали. Да они будут сбегаться к нам толпами!

— Может быть, вы и правы...

— Думаю, что прав. Согласен, мы не можем послать туда никого из основного персонала Цитадели. Но вот что можно сделать. Мы с Алексом пойдем в город, подыщем подходящее здание и начнем службы. На первых порах можно будет обходиться излучателями, вмонтированными в посохи, а потом Шир отделает нам интерьер и установит стационарный излучатель в алтаре. Как только дело наладится, я оставлю там Алекса — и он станет нашим миссионером в Денвере.

Пока Ардмор беседовал с Томасом, в кабинете понемногу собрались все остальные. Ардмор повернулся к Алексу Хау.

— Что вы на это скажете, Хау? Сможете изображать из себя священника, говорить проповеди, организовывать благотворительность и все такое?

Горец ответил не сразу.

— Я думаю, майор, мне бы лучше остаться при прежнем занятии.

— Да тут нет ничего трудного,— настаивал Ардмор.— Проповеди для вас можем писать мы с Томасом. Все, что от вас

потребуется,— это не болтать лишнего, глядеть в оба и всех подходящих людей заманивать сюда для вербовки.

— Дело не в проповедях, майор. Проповедь я сказать могу, когда-то в молодости сам был проповедником. Но только мне совесть не позволит распространять эту липовую религию. Я знаю, цель у вас благородная, и я согласился быть с вами, но лучше уж я останусь при кухне.

Ардмор задумался, а потом очень сёрьезно ответил:

— Алекс, я, кажется, вас понимаю. Я никого не хочу заставлять действовать против совести. Мы бы не пошли на то, чтобы создавать видимость церкви, если бы могли сражаться за Соединенные Штаты как-нибудь иначе. Неужели ваша вера запрещает вам сражаться за свою страну?

— Нет, не запрещает.

— Главной вашей обязанностью в качестве священника будет помогать беспомощным людям. Неужели это не соответствует вашей вере?

— Конечно, соответствует. Потому-то я и не могу это делать во имя ложного бога.

— Но разве это ложный бог? Или вы считаете, что Господу не все равно, каким именем вы его называете, если вы делаете то, что ему угодно? Имейте в виду,— добавил он поспешно,— я не говорю, что этот так называемый храм, который мы тут построили, можно считать храмом истинного Бога. Но разве то, что вы чувствуете в своем сердце, когда поклоняетесь Богу, не важнее, чем слова и обряды, которыми вы при этом пользуетесь?

— Все это верно, майор, то, что вы говорите,— святая правда, только мне это что-то не по душе.

Ардмор видел, что Кэлхун прислушивается к их спору с плохо скрытым раздражением, и решил его прекратить.

— Алекс, я хотел бы, чтобы вы сейчас пошли и как следует подумали. Зайдите ко мне завтра, и, если вы не сможете примирить это задание со своей совестью, я дам вам освобождение от воинской службы по причине религиозных убеждений. Вам даже не придется работать на кухне.

— Это уж вовсе ни к чему, майор. Мне кажется...

— Нет, нет. Если вам нельзя одно, то нельзя и другое. Я не хочу никого заставлять действовать вразрез с его верой. Так что идите и подумайте.

И, не дожидаясь ответа, Ардмор поспешно выпроводил его.

Кэлхун больше не мог сдерживаться.

— Ну, знаете, майор! В этом и состоит ваш план — под видом военной хитрости насаждать суеверие?

— Нет, полковник, не в этом. Но в данном случае то, что вы называете суеверием,— уже существующий факт. Хау — первый пример того, с чем нам придется столкнуться,— того, как отнесутся общепринятые религии к этой, которую изобрели мы.

— Может быть, нам следовало подражать какой-нибудь из них? — заметил Уилки.

— Может быть. Очень может быть. Я об этом думал, но ничего подходящего не придумал. Не могу себе представить, чтобы кто-нибудь из нас начал изображать из себя, скажем, пастора обычной протестантской церкви. Я человек не слишком религиозный, но и я бы этого переварить не смог. Возможно, что в конечном счете меня беспокоит то же самое, что и Хау. Но у нас нет другого выхода. Мы вынуждены считаться со взглядами других церквей и по возможности не вступать с ними в конфликт.

— Можно вот что сделать,— предложил Томас.— Один из догматов нашей церкви мог бы состоять в том, чтобы допускать и даже поощрять поклонение любым другим богам. Кроме того, всякая церковь нуждается в деньгах, особенно сейчас. Мы могли бы предложить им финансовую поддержку без всяких предварительных условий.

— Да, и то и другое будет полезно,— согласился Ардмор.— Но это штука деликатная. Мы должны использовать любую возможность, чтобы завербовать как можно больше настоящих священников. Будьте уверены, что к нам примкнет каждый американец, как только поймет, куда мы метим. Задача будет состоять в том, чтобы отобрать тех, кому можно доверить нашу тайну. Теперь насчет Денвера,— Джефф, ты готов снова отправиться туда, скажем, завтра?

— А Хау?

— Мне кажется, он все-таки согласится.

— Минутку, майор! — Это был доктор Брукс, который до сих пор, по своему обыкновению, молча слушал.— Мне кажется, лучше было бы подождать день или два, пока Шир не внесет кое-какие изменения в конструкцию посохов.

— Что за изменения?

— Помните, мы экспериментально установили, что эффект Ледбеттера можно использовать для стерилизации?

— Да, конечно.

— Благодаря этому мы и можем со спокойной совестью обещать больным исцеление. Но мы недооценили возможностей этого метода. На этой неделе я заразил себя сибирской язвой...

— Сибирской язвой?! Господи, доктор, зачем же так рисковать?

Брукс спокойно взглянул на Ардмора.

— Но ведь без этого не обойтись,— начал терпеливо объяснять он.— Эксперименты на морских свинках дали хороший результат, но разработать методику можно только в опытах на человеке. Так вот, я заразил себя сибирской язвой, подождал некоторое время, чтобы дать болезни развиться, а потом подверг себя ледбеттеровскому облучению на всех диапазонах, кроме тех частот, которые смертельны для теплокровных позвоночных. Болезнь исчезла. Меньше чем через час в результате естественного преобладания анаболизма над катаболизмом от патологических симптомов не осталось и следа. Я выздоровел.

— Будь я проклят! А как, по-вашему, при других болезнях это тоже поможет так же быстро?

— Не сомневаюсь. Дело не только в том, что это подтверждают опыты на животных. Такой же результат дал еще один эксперимент, хоть и непреднамеренный,— впрочем, это можно было предвидеть заранее. Может быть, кто-нибудь из вас заметил, что у меня в последние дни был сильный насморк. Облучение и его вылечило заодно с сибирской язвой. Известно, что насморк вызывает несколько десятков патогенных вирусов, а облучение уничтожило их всех без разбора.

— Очень рад это слышать, доктор,— сказал Ардмор.— В конечном счете одно это принесет человечеству, может быть, больше пользы, чем любое военное применение эффекта Ледбеттера. Но какое отношение это имеет к организации филиала нашей церкви в Денвере?

— К этому, возможно, и не имеет. Но я позволил себе дать указания Ширу переделать один портативный излучатель, чтобы любой из наших агентов, не имея в руках ничего, кроме посоха, мог исцелять больных. Я думаю, стоит подождать, пока Шир не переделает таким же образом посохи Томаса и Хау.

— Я думаю, вы правы, если это не займет слишком много времени. А можно посмотреть, как его переделали?

Шир продемонстрировал посох, над которым работал. Внешне он ничем не отличался от прочих: это был шест почти двухметровой длины, увенчанный резным набалдашником в форме куба с ребром сантиметров в десять. Грани куба были окрашены в те же цвета, что и стены храма. Причудливые золотые завитушки, арабески и рельефные фигурки на поверхности набалдашника и самого посоха скрывали рукояти управления излучателем, встроенным в куб. Не изменив внешний вид посоха, Шир всего лишь добавил в излучатель дополнительную схему, позволявшую ему генерировать излучение на всех частотах сразу, кроме тех, что смертельны для позвоночных. Для этого нужно было только нажать на определенный золотой листок на поверхности посоха. Над конструкцией посоха и его оформлением Шир и Грэхем бились долго, стремясь к тому, чтобы украшения и скрытый среди них излучатель составляли единое целое. Они прекрасно сработались, и неудивительно, ведь способности у них были сродни: художник всегда на две трети мастер-ремесленник, а ремесленник в душе всегда отчасти художник.

— Я бы вот что еще предложил,— сказал Брукс, после того как все осмотрели посох и познакомились с его действием.— Нужно, чтобы этот новый эффект был посвящен Тамар, Властительнице Милосердия, и чтобы загорался ее цвет, когда будет включен излучатель.

— Правильно,— согласился Ардмор.— Хорошая идея. Приводя в действие посох, нужно, чтобы он всякий раз светился тем цветом, что закреплен за соответствующим богом, к которому мы

якобы взываем. Давайте установим такое правило. И пусть они ломают голову, как обыкновенный свет может творить чудеса.

— Зачем заниматься всей этой ерундой? — спросил Кэлхун.— Все равно паназиаты не догадаются, как у нас это получается.

— По двум причинам, полковник. Прежде всего, таким способом мы наведем их на ложный след и введем в заблуждение их ученых, когда те попытаются раскрыть нашу тайну. Не надо недооценивать их способностей. Но ещё важнее психологическое действие, которое это окажет на людей, чуждых науке,— и желтых, и белых. Если что-то похоже на чудо, все думают, что это и есть чудо. Научными чудесами обыкновенного американца не удивить, он к ним привык и считает в порядке вещей: «Ну и что, подумаешь? Вам за это и платят». Но добавьте к этому пару дешевых эффектов и дурацких заклинаний, а главное — не заикайтесь о науке,— и он будет потрясен. Чисто рекламный трюк.

— Ну ладно,— сказал Кэлхун, явно не желая продолжать разговор,— вам, конечно, лучше знать — у вас, по-видимому, большой опыт по части того, как дурачить публику. Я над такими вещами никогда не задумывался, мое дело — настоящая наука. Если я больше вам не нужен, майор, я пойду, мне нужно работать.

— Конечно, полковник. Конечно! Продолжайте свою работу, она для нас важнее всего.— Но когда Кэлхун вышел, Ардмор задумчиво добавил: — И все-таки не понимаю, почему психологию масс нельзя считать наукой. Если бы кто-нибудь из ученых в свое время взялся всерьез исследовать то, что прекрасно знает из опыта любой рекламный агент или политик, мы бы, может быть, теперь не оказались в таком положении.

— Кажется, я мог бы вам ответить,— скромно заметил доктор Брукс.

— Что-что? А, конечно, доктор. Что вы хотите сказать?

— Психологию не считают наукой, потому что там все слишком сложно. Ученые мыслят упорядоченно и любят ясность. Таких областей знаний, где ясности не хватает, они стараются избегать, а тяготеют к тем, где ее внести сравнительно легко — например, к физическим наукам. И получается, что в более сложных предметах предоставляется разбираться практикам. Например,

есть достаточно строгая наука термодинамика, но вряд ли в ближайшие годы появится наука психодинамика.

Уилки повернулся к Бруксу:

— Вы в самом деле так считаете, Брукс?

— Конечно, мой дорогой Боб.

Ардмор постучал по столу.

— Это очень интересная тема, и я с удовольствием продолжил бы вашу беседу, но сейчас хватает дел поважнее. Вернемся к нашей церкви в Денвере,— у кого есть еще какие-нибудь предложения?

Глава 6

— Очень рад, что мне не придется этим заниматься,— сказал Уилки.— Представления не имею, с чего начинать.

— Очень может быть, что вам все-таки придется этим заняться,— возразил Ардмор.— И всем нам тоже. Черт возьми, была бы у нас хоть сотня-другая людей, на которых можно положиться! Но их нет, а нас только девять человек...— он помолчал, барабаня пальцами по столу.— Всего девять!

— Вам никогда не заставить полковника Кэлхуна изображать из себя проповедника,— заметил Брукс.

— Ну хорошо, значит, восемь. Сколько в Соединенных Штатах городов, Джефф?

— Фрэнк Митсуи тоже не годится,— продолжал Брукс.— И уж если на то пошло, я хоть и не отказываюсь, но не представляю себе, чем могу быть здесь полезен. С таким же успехом я мог бы давать уроки танцев.

— Не волнуйтесь, доктор, я в этом понимаю не больше вашего. Будем импровизировать на ходу. К счастью, никаких правил в этих играх не существует,— можем изобретать свои собственные.

— Но как вы добьетесь, чтобы это звучало убедительно?

— А нам не надо, чтобы это звучало убедительно. Мы не собираемся никого обращать в свою веру. С теми, кто уверует по-настоящему, будут только лишние хлопоты. Нам нужно одно —

чтобы наши повелители сочли новую религию законной. А для этого особой убедительности не понадобится — всякая религия при ближайшем рассмотрении выглядит глуповато. Вот, например...— Ардмор поймал взгляд Шира и сказал: — Прошу прощения, я никого не хочу обидеть. Тем не менее это факт, и мы должны им воспользоваться в военных целях. Возьмите любую религиозную мистерию, любой теологический догмат — если пересказать их на обычном языке, всякому нормальному человеку станет ясно, какая это сущая чепуха. Начиная от ритуального, символического поедания человеческой плоти и крови, которое практикуют все христианские секты, и кончая прямым людоедством, которым занимаются дикари. Подождите! — продолжал он.— Не надо бросать в меня тяжелыми предметами! Я не осуждаю никакую веру, я просто хочу сказать, что мы вольны делать что угодно, если только это будет называться религиозным ритуалом и не вызовет возражений у желтомордых. Но мы должны решить, что именно собираемся делать и что будем при этом говорить.

— Что мы будем говорить, по-моему, не так уж важно,— сказал Томас.— Я ничего такого не говорил, кроме красивых слов, и все сошло прекрасно. Важно другое — как нам на самом деле пустить корни в городах. У нас для этого просто не хватит людей. Вы именно об этом подумали, когда спросили меня, сколько в стране городов?

— Хм... Ну да. Мы не сможем приступить к действиям, пока не охватим все Соединенные Штаты. Придется готовиться к долгой войне.

— Майор, а зачем нам нужно охватить все города до единого?

Ардмор внимательно посмотрел на Томаса.

— Продолжайте.

— Видите ли,— осторожно начал Томас,— судя по тому, что мы уже знаем, паназиаты не держат гарнизонов в каждом поселке. Их армия сосредоточена в шестидесяти или семидесяти местах. А в большинстве мелких городишек есть только сборщик налогов, мэр и начальник полиции в одном лице, который присматривает за исполнением приказов Кулака. Собственно говоря, такие местные начальники — даже не военные, хоть и носят

оружие и одеты в форму. Они что-то вроде наместников — гражданские чиновники в должности военных губернаторов. Мне кажется, мы вполне можем не принимать их в расчет: они не продержатся у власти и пяти минут, если лишатся поддержки гарнизона, расположенного в ближайшем большом городе.

Ардмор кивнул.

— Я понимаю, что вы хотите сказать. Вы считаете, что нужно заниматься только большими городами, где стоят гарнизоны, а на остальные махнуть рукой. Но имейте в виду, Джефф,— не стоит недооценивать противника. Если Великий Бог Мотаа будет являться только там, где стоят гарнизоны, это может показаться странным кому-нибудь из паназиатской службы безопасности, если ему вздумается поинтересоваться статистикой местных религий. Я считаю, что наша церковь должна быть вездесущей.

— А я все-таки позволю себе заметить, сэр, что это невозможно. У нас не хватит рук. Не так просто будет набрать и обучить даже столько людей, чтобы организовать по церкви хотя бы в каждом крупном городе.

Ардмор задумался, грызя ноготь. Потом он сказал:

— Вы, наверное, правы. Черт возьми, но ведь мы вообще ничего не добьемся, если будем сидеть тут и ломать себе голову над будущими трудностями. Я же говорю, что придется импровизировать на ходу. Сначала надо организовать штаб-квартиру в Денвере. Джефф, что вам для этого понадобится?

Томас нахмурился.

— Не знаю. Деньги, наверное.

— Это не проблема,— сказал Уилки.— Сколько надо? Я могу сделать вам хоть полтонны золота.

— Не думаю, чтобы я смог унести больше двадцати килограммов.

— Но ему не так просто будет реализовать слитки,— заметил Ардмор.— Нужна звонкая монета.

— Годятся и слитки,— возразил Томас.— Я просто отнесу их в Имперский банк. Добыча золота разрешена и даже поощряется, только когда меняешь его на деньги, наши добрые повелители оставляют себе изрядный процент.

Ардмор покачал головой.

— Вы забываете о том, как это будет выглядеть. Священнику в мантии и с нимбом над головой не к лицу лезть в карман за чековой книжкой и авторучкой. И вообще счет в банке вам ни к чему: по нему противник сможет в точности выяснить, чем вы занимаетесь. Вы должны за все расплачиваться красивыми, новенькими, сверкающими золотыми монетами. Это произведет огромное впечатление. Шир, вы умеете делать фальшивые монеты?

— Никогда не пробовал, сэр.

— Самое время начать. У нас каждый должен иметь вторую профессию. Джефф, когда вы были в городе, вам не представился случай раздобыть хотя бы одну монету Империи для образца?

— Нет. Но думаю, что монету можно будет достать — я дам знать своим хобо, что мне нужно.

— Жаль только, что придется ждать. Но без денег соваться в Денвер не стоит.

— А это обязательно должны быть монеты Империи? — спросил доктор Брукс.

— Что-что?

Биолог выудил из кармана золотой пятидолларовик.

— Эту монетку я с детства ношу с собой на счастье. По-моему, время настало, пора пустить ее в оборот.

— Хм-м-м... Что вы об этом скажете, Джефф? Можно будет расплачиваться американскими деньгами?

— Ну, бумажные деньги не годятся, а что до золотых монет... Сдается мне, эти кровопийцы возражать не станут, лишь бы монеты были золотые. Во всяком случае, по цене лома их принимать будут. А уж американцы от таких не откажутся.

— По какой цене их будут принимать, не так важно.— Ардмор бросил монету Ширу.— Сколько времени вам понадобится, чтобы изготовить килограммов двадцать вот таких?

Сержант внимательно осмотрел монету.

— Не так уж много, если их не чеканить, а отливать. Вы хотите, чтобы все они были одинаковые, сэр?

— А почему бы и нет?

— Видите ли, на них стоит год выпуска.

— А, понимаю. Ну ничего не поделаешь — это наш единственный образец. Будем надеяться, что они не обратят внимания или не придадут этому значения.

— Если вы дадите мне немного больше времени, сэр, то, думаю, я мог бы кое-что сделать. Я отолью штук двадцать в точности таких же, а потом вручную награвирую разные годы. Получится двадцать разных типов монет, а не один.

— Шир, вы настоящий художник. Так и сделайте. И заодно постарайтесь, чтобы на них были царапины и вмятины, на всех разные.

— Я уже об этом подумал, сэр.

Ардмор усмехнулся.

— Похоже, мы сумеем доставить Его Небесному Величеству множество неприятностей. Ну, что еще, Джефф? Есть какие-нибудь вопросы или можно закрывать заседание?

— Только один вопрос, командир. Как мне добраться до Денвера? Или нам, если Хау все-таки согласится?

— Я ждал, когда вы об этом вспомните. Дело непростое: вряд ли Кулак даст вам вертолет, как бы вы его ни просили. А если на своих двоих? У вас, надеюсь, нет плоскостопия или каких-нибудь там мозолей?

— Будь я проклят, если это доставит мне удовольствие. До Денвера далековато.

— Ничего не поделаешь. Хуже всего то, что с этой проблемой придется сталкиваться постоянно, если мы хотим распространить нашу организации на всю страну.

— Я не понимаю, в чем тут трудность,— вмешался Брукс.— По-моему, населению все же разрешено пользоваться транспортом, кроме воздушного.

— Ну да, только нужно получить пропуск, а это долгая процедура. Ничего,— продолжал Ардмор,— настанет день, когда одеяние жреца бога Мотаа само по себе будет пропуском куда угодно. Если мы правильно себя поведем, мы сделаемся их любимчиками и получим всевозможные привилегии. Но пока надо доставить Джеффа в Денвер так, чтобы не привлечь к нему излишнего внимания и не натрудить ему ноги. Скажите-ка,

Джефф, а как вы сегодня добирались до города? Мы это совсем упустили.

— На попутных машинах. Тоже не такое уж простое дело. Большая часть водителей слишком боится полиции и не хочет рисковать.

— Нет, это никуда не годится, Джефф. Жрец бога Мотаа не должен просить, чтобы его подвезли. Это никак не вяжется с чудесами.

— А что же, по-вашему, следовало делать? Черт возьми, майор, если бы я шел пешком, я бы и до сих пор не вернулся. А скорее всего, меня бы сгреб первый же полицейский, до которого еще не дошли последние новости,— возразил Томас с необычным для него раздражением.

— Прошу прощения, Джефф, я не должен был к этому цепляться. Но нам придется придумать что-нибудь получше.

— А что, если мне просто подбросить его на одной из наших машин-разведчиков? — спросил Уилки.— Ночью, разумеется.

— Радары работают и по ночам, Боб. Вас попросту собьют.

— Не думаю. В нашем распоряжении огромные запасы энергии, иногда мне и думать страшно, как они велики. Я, пожалуй, мог бы соорудить такое устройство, чтобы всякий радар, который нас засечет, тут же перегорел.

— А противник после этого будет знать, что здесь еще остались люди, которые разбираются в электронике? Нет, раскрывать наши карты еще рано. Боб.

Уилки сконфуженно умолк. Немного подумав, Ардмор сказал:

— Впрочем, рисковать все равно придется. Сооружайте ваше устройство, Боб, и летите всю дорогу на бреющем полете. Мы вас отправим часа в три-четыре ночи — авось удастся проскочить незамеченными. А если надо будет, пускайте это устройство в ход. Только потом все должны немедленно возвратиться на базу. Нельзя, чтобы кто-нибудь сообразил, что тут замешаны жрецы бога Мотаа. Даже время не должно совпадать. То же самое относится и к вам, Джефф. Если на вас нападут после того, как Уилки доставит вас на место, пускайте в ход эффект Ледбеттера и уничтожьте всех солдат, кто окажется поблизости, а сами тут же уходите в подпо-

лье. Паназиаты ни при каких обстоятельствах не должны догадаться, что жрецы Мотаа способны на что-нибудь еще, кроме произнесения проповедей. Ликвидируйте свидетелей и исчезайте.

— Будет сделано, командир.

Маленькая машина-разведчик зависла над горой Лукаут поблизости от Денвера. Люк распахнулся, и на землю тяжело спрыгнул человек в мантии, чуть не упав при этом: под мантией у него был тяжелый пояс с золотом. За ним из машины легко выскочил еще один человек в такой же мантии.

— Все в порядке, Джефф?

— Вполне.

Уилки высунул голову в иллюминатор и крикнул:

— Удачи вам!

— Спасибо. А теперь заткнись и лети обратно.

— Ладно.

Люк захлопнулся, и машина исчезла в темноте.

Уже рассветало, когда Томас и Хау спустились к подножью горы и направились в сторону Денвера. По-видимому, никто их не заметил, хотя один раз им пришлось, затаив дыхание, несколько минут просидеть в кустах, прячась от проходившего мимо патруля. Джефф держал наготове свой посох, положив большой палец на золотой листок под набалдашником. Но патруль миновал их, не догадываясь, какие рукотворные молнии на него нацелены.

Когда они добрались до города, было уже светло. Теперь они больше не прятались. В такой ранний час паназиатов на улицах почти не было: они еще спокойно спали, хотя рабы уже спешили на работу. При виде Томаса и Хау американцы только с любопытством посматривали на них, но не останавливались и не пытались с ними заговорить. Все уже твердо усвоили первейший закон любого полицейского государства — никогда не совать нос не в свое дело.

Заметив вдали направлявшегося к ним паназиата-полицейского, Джефф и Алекс сошли с тротуара, включили защитные экраны и стали ждать. Американцев поблизости не было видно — стоило появиться полиции, как улица пустела. Джефф облизнул пересохшие губы и сказал:

— Я буду говорить, Алекс.

— Идет.

— Вот он. Господи, Алекс, включи же нимб!

— Сейчас.

Хау залез пальцем под тюрбан за правым ухом, и тут же у него над головой вспыхнул радужный мерцающий нимб. Это было просто свечение ионизированного воздуха, как во время полярного сияния,— сущие пустяки по сравнению с прочими чудесами, но выглядел нимб очень эффектно

— Так-то лучше,— вполголоса сказал Джефф.— А что у тебя с бородой?

— То и дело отклеивается. Я вспотел.

— Смотри, чтобы не отклеилась не вовремя! Сейчас он подойдет.

Томас встал в позу благословения, Хау последовал его примеру.

— Мир тебе, повелитель,— произнес Джефф нараспев.

Полицейский остановился. Его познания в английском языке ограничивались лишь несколькими приказаниями: «Стой!», «Иди!», «Предъяви карточку!», а во всех остальных случаях он объяснялся с рабами при помощи дубинки. Однако одеяния на этих белых показались ему знакомыми — точно такие были изображены на объявлениях, только что расклеенных в казарме, где говорилось, что это еще одно дурачество, дозволенное рабам.

Тем не менее раб есть раб и должен знать свое место. Он должен поклониться, а эти два раба не кланялись. Полицейский замахнулся дубинкой, чтобы ткнуть в живот того, кто стоял ближе. Однако дубинка, не достигнув цели, отскочила назад с такой силой, что у него заныла рука, как будто он с размаху стукнул по чему-то очень твердому.

— Мир тебе! — повторил Джефф, следя за каждым движением паназиата.

На боку у полицейского болтался вихревой пистолет; Джеффу он был не страшен, но в его планы не входило демонстрировать этому типу, что оружие против него бессильно. Он жалел о том, что пришлось привести в действие защитный экран, и надеялся, что полицейский просто не поверит своим глазам и ощущениям.

Тот стоял в полном недоумении. Он удивленно посмотрел на свою дубинку, замахнулся еще раз, но передумал и решил прибегнуть к своему скудному запасу английских слов.

— Иди!

Джефф снова воздел руку.

— Мир тебе! Не подобает фарджону снипировать каскопады в присутствии Великого Бога Мотаа! Фрапуй!

И он указал другой рукой на Хау.

Полицейский бросил на него непонимающий взгляд, отступил на несколько шагов, огляделся вокруг и засвистел в свисток.

— Зачем ты показал на меня? — спросил Алекс шепотом.

— Не знаю. Так просто. Не зевай!

Подбежал еще один полицейский, очевидно постарше чином, и оба осторожно приблизились к Томасу и Хау, обмениваясь короткими замечаниями на своем певучем языке. Второй полицейский достал пистолет.

— Ну-ка, парни, пошли быстро!

— Идем, Алекс! — Томас выключил защитный экран и последовал за полицейским, надеясь, что Алекс сделает то же самое: рекламировать чудесные свойства экранов пока не стоило.

Паназиаты отвели их в ближайший полицейский участок. Джефф шел, благословляя всех, кто попадался навстречу. Когда участок был уже близко, старший полицейский послал младшего вперед, и в дверях их встретил дежурный офицер — видно было, что ему не терпится поглядеть, какой необычный улов доставили его подчиненные. Кроме нетерпения, он испытывал и некоторую тревогу, потому что знал, какая судьба постигла несчастного лейтенанта, первым обнаружившего этих странных святых людей. Он твердо решил, что не повторит его ошибки и не потеряет лицо.

Джефф подошел к нему, встал в позу и произнес:

— Мир тебе! Повелитель, я должен пожаловаться тебе на твоих слуг. Они помешали нам делать свое святое дело, которое получило благословение Его Императорского Высочества — самого Кулака Императора!

Офицер неуверенно помахал в воздухе своей тростью, что-то сказал подчиненным и снова повернулся к Джеффу.

— Кто ты?

— Слуга Великого Бога Мотаа.

Тот же вопрос паназиат задал и Алексу, но Джефф не дал ему ответить.

— Повелитель,— сказал он поспешно,— это очень святой человек, он дал обет молчания. Если ты заставишь его нарушить обет, грех падет на твою голову.

Офицер колебался. В объявлении ясно говорилось, что трогать этих сумасшедших дикарей не следует, но там не было сказано, как же с ними обращаться. Ему очень не хотелось устанавливать прецедент — за это могли и наградить, но скорее можно было угодить к праотцам.

— Пусть соблюдает свой обет. Покажите мне свои карточки.

Джефф изобразил на лице изумление:

— Мы ничтожные слуги Великого Бога Мотаа, у нас нет даже имен, зачем нам эти карточки?

— Карточки, быстро!

Стараясь сохранить спокойствие, Джефф грустно сказал:

— Мне жаль тебя, юный повелитель. Я буду молиться за тебя Великому Мотаа. Но сейчас я вынужден просить отвести меня к Кулаку Императора, и немедленно.

Эту речь он прорепетировал несколько раз и надеялся, что она произведет нужное действие.

— Это невозможно!

— Его Высочество уже говорил со мной, он будет говорить со мной еще раз. Кулак Императора всегда готов встретиться со слугами Великого Бога Мотаа.

Офицер взглянул на него, повернулся и вошел в полицейский участок. Томас и Хау остались ждать на улице.

— Как ты думаешь, он в самом деле прикажет отвести нас к наместнику? — шепотом спросил Хау.

— Надеюсь, что нет. Не думаю.

— А что ты тогда будешь делать?

— Там будет видно. И вообще заткнись, ты же дал обет молчания.

Через несколько минут офицер снова появился и бросил:

— Вы можете идти.

— Куда? К Кулаку Императора? — злорадно спросил Джефф.

— Нет, нет! Просто идите! Убирайтесь с моего участка!

Джефф отступил на шаг, в последний раз благословил его, и оба «священника» удалились. Уголком глаза Джефф успел заметить, как офицер поднял трость и с силой опустил ее на голову старшего из полицейских, но сделал вид, что ничего не видел.

Когда они свернули за угол, Джефф сказал Хау:

— Ну вот, теперь они надолго от нас отстанут.

— Почему ты так решил? Он на нас зол, как черт.

— Не в этом дело. Нельзя, чтобы он или какой-нибудь другой фараон думал, будто может нами командовать, как простыми смертными. Мы не успеем отойти и на три квартала, как весь город будет знать, что я вернулся и что трогать нас нельзя. Так и должно быть впредь.

— Может быть, только мне все равно кажется, что не стоит настраивать против себя полицейских.

— Ты не понимаешь,— с досадой сказал Джефф.— Только так с ними и можно. Полицейский есть полицейский, какого бы цвета он ни был. Они действуют страхом и понимают только страх. Как только до них дойдет, что нас трогать нельзя, что к нам привязываться опасно, они станут разговаривать с нами так же почтительно, как со своим начальством. Вот увидишь.

— Надеюсь.

— Так оно и будет. Полицейский есть полицейский. Погоди, они еще станут на нас работать. Смотри, вон еще один идет!

Быстро догонявший их паназиат не стал ни обгонять их, ни останавливать, а перешел на другую сторону улицы и пошел с ними вровень, делая вид, будто никого не замечает.

— Как по-твоему, что у него на уме, Джефф?

— Это наш почетный эскорт. Вот и хорошо, Алекс,— теперь ни одна обезьяна к нам и близко не подойдет. Можем спокойно

заняться своим делом. Ты, должно быть, хорошо знаешь город? Где, по-твоему, нам устроить храм?

— Смотря что нам нужно.

— Этого я сам толком не знаю.— Он остановился и утер пот со лба: мантия оказалась довольно теплой, а под ней был еще спрятан тяжелый пояс с золотом.— Сейчас вся эта затея кажется мне довольно глупой. Должно быть, не гожусь я в тайные агенты. Не устроить ли его в Вест-Энде, где живут те, кто побогаче? Мы должны произвести хорошее впечатление.

— Нет, не думаю, Джефф. В богатых кварталах сейчас осталось только два сорта людей.

— Это какие?

— Или паназиаты, или предатели — те, кто торгует на черном рынке и вообще с ними сотрудничает.

Томас брезгливо поморщился.

— Должно быть, я отстал от жизни. Знаешь, Алекс, до этой минуты мне и в голову не могло прийти, что американец, какой бы он ни был, способен сотрудничать с завоевателями.

— Я бы тоже не поверил, если бы не видел этого своими глазами. Есть такие, кто на все способен. От рождения.

Они присмотрели заброшенный склад недалеко от реки, в многолюдном районе, населенном беднотой и превратившемся в трущобу. Три четверти магазинов стояли заколоченные: торговля почти прекратилась. Опустевших складов было множество — этот Томас выбрал потому, что здание имело почти кубическую форму, как и их главный храм. Кроме того, он был отделен от соседних построек с одной стороны переулком, а с другой — пустырем.

Дверь склада была взломана. Они осторожно заглянули туда, потом вошли внутрь и осмотрелись. Повсюду валялся какой-то хлам, но стены были прочные, и водопровод действовал. Весь первый этаж занимало просторное помещение шестиметровой высоты с несколькими колоннами, вполне подходящее для богослужений.

— По-моему, годится,— решил Томас. Из кучи мусора у стены выскочила крыса, он, не задумываясь, направил на нее свой

посох, крыса высоко подпрыгнула в воздухе и упала замертво.— Как бы нам его купить?

— Американцы не имеют права владеть недвижимостью. Придется разыскать того чиновника, который наживается на его аренде.

— Ну, это, наверное, будет нетрудно.

Они вышли. Сопровождавший их полицейский поджидал на углу, старательно глядя в другую сторону.

Улицы уже заполнились народом. Томас поймал за рукав пробегавшего мимо мальчишку лет двенадцати, но с невеселым, циничным взглядом взрослого, повидавшего виды мужчины.

— Мир тебе, дитя. Кто арендует этот склад?

— Пустите меня!

— Я тебе ничего не сделаю.

Он сунул мальчишке одну из самых лучших пятидолларовых монет, вышедших из рук Шира. Мальчишка посмотрел на нее, потом на азиата-полицейского, все еще стоявшего на другой стороне улицы. Тот, казалось, не обращал на них внимания, и монета исчезла у мальчишки в кармане.

— Поговорите с Конски. Все такие штуки по его части.

— Кто такой Конски?

— Все знают, кто такой Конски. Послушай, дед, а что это ты так вырядился? Смотри, как бы косоглазые не прицепились.

— Я служу Великому Богу Мотаа. Бог Мотаа хранит своих слуг. Отведи нас к этому Конски.

— Ничего не выйдет. Я с косоглазыми не путаюсь.— Мальчишка попытался вырваться, но Джефф, продолжая крепко держать его, достал еще одну монету и показал ему.

— Не бойся. Бог Мотаа не даст в обиду и тебя.

Мальчишка посмотрел на монету, оглянулся по сторонам и сказал:

— Ну ладно, пошли.

Они свернули за угол и подошли к невысокому зданию, в нижнем этаже которого помещалась пивная.

— У него контора вон там, наверху.

Джефф отдал мальчишке монету.

— Приходи к нам на склад,— сказал он.— У Бога Мотаа найдутся для тебя еще подарки.

— По-моему, это было неосторожно,— заметил Алекс, когда они поднимались по лестнице.

— Ничего, парень неплохой,— ответил Джефф.— Конечно, жизнь сделала из него уличного мальчишку, но он на нашей стороне. Он всем будет про нас рассказывать. Кроме азиатов.

Конски держался вежливо, но осторожно. Скоро стало ясно, что у него «есть связи», но от разговора о деле он всячески уклонялся до тех пор, пока не увидел наличные. После этого его уже ничуть не смущали ни необычная одежда, ни странное поведение посетителей. (Томас разыграл перед ним всю церемонию, включая благословение, хотя и понимал, что особого впечатления это не произведет,— просто ему не хотелось выходить из роли.) Он выяснил, о каком здании идет речь, долго торговался из-за платы за аренду и «за особые услуги» — так он назвал взятку,— а потом куда-то ушел.

Томас и Хау были рады, что на некоторое время остались одни. Непрерывно изображать «святых людей» было довольно утомительно; к тому же с того момента, как они покинули Цитадель, у них не было ни крошки во рту. Джефф извлек из-под своей мантии несколько бутербродов, и они перекусили. В довершении всего рядом с кабинетом Конски оказался туалет.

Три часа спустя они уже стали обладателями документа на двух языках, где говорилось, что Небесный Император соблаговолил предоставить своим верноподданным таким-то то-то и то-то,— короче говоря, документ об аренде склада. За дополнительную изрядную сумму Конски взялся в тот же день прислать рабочих, чтобы произвести там уборку и необходимый ремонт. Джефф поблагодарил его и с невозмутимым видом пригласил посетить первую же службу в новом храме.

Они снова направились к складу. Выйдя из конторы Конски, Джефф сказал:

— Знаешь, Алекс, нам, конечно, еще придется иметь дело с этим типом, он нам много будет помогать, но только когда придет время... В общем, я веду небольшой список, и он там стоит первым. Я хочу с ним сам посчитаться.

— Оставь немного на мою долю,— сказал Хау.

Когда они подошли к складу, откуда-то появился тот самый мальчишка.

— Еще что-нибудь нужно, дед?

— Благослови тебя Бог, сынок. Да, кое-что нужно.

Получив еще кое-какое вознаграждение, мальчишка отправился добывать для них койки и постельное белье.

Джефф посмотрел ему вслед и сказал:

— Я думаю, надо сделать из него причетника. Он может бывать в таких местах, куда нам не попасть, и делать то, что мы не сможем. К тому же его вряд ли станут останавливать полицейские.

— Я бы не советовал ему доверять.

— А я и не стану. Он будет знать только одно: мы с тобой — двое полоумных, которые убеждены, что служат Великому Богу Мотаа. Мы ни одному человеку не имеем права доверять, Алекс. Ну, пошли, надо перебить здесь крыс, пока не пришли рабочие. Дай-ка я проверю регулировку твоего посоха.

К концу дня Первый Денверский Храм Великого Мотаа уже действовал. Правда, на вид он еще ничем не отличался от обычного склада и не имел пока ни одного прихожанина. Но весь мусор был убран, в воздухе стоял густой запах дезинфекции, и входную дверь уже можно было запереть. В углу стояли две койки и запас еды не меньше чем на две недели.

А на другой стороне улицы по-прежнему торчал полицейский.

Полиция не спускала с них глаз еще четыре дня. Дважды отряд полицейских обыскивал все здание. Томас не противился: скрывать им пока было нечего. Единственным их оружием были посохи да небольшой излучатель Ледбеттера под мантией на спине у Хау, из-за которого он казался горбуном.

За это время им удалось при содействии Конски обзавестись мощным автомобилем и разрешением ездить на нем как самостоятельно, так и с шофером по всему округу. Эта «особая услуга» обошлась им очень не дешево. Нашли и шофера, но уже без помощи Конски, а через малыша Дженкинса — того самого мальчишку, который помогал им в первый день.

На четвертый день, около полудня, полиция сняла наблюдение. Вскоре Джефф оставил Хау стеречь храм и на машине

отправился в Цитадель. Обратно он вернулся в сопровождении Шира, тоже наряженного, к большому его неудовольствию, в мантию и бороду, которые ему совершенно не шли. Шир привез с собой ящик кубической формы, раскрашенный в шесть священных цветов Бога Мотаа. Когда они вошли в храм и заперли дверь, Шир распечатал ящик, соблюдая большие предосторожности во избежание взрыва, который разнес бы вдребезги все здание, и занялся сооружением «алтаря». К полуночи работа была закончена. Оставалось еще сделать кое-что снаружи, пока Томас и Хау стояли на страже, готовые оглушить или, если нужно, прикончить всякого, кто попытался бы помешать Ширу.

Первые лучи утреннего солнца озарили изумрудно-зеленый фасад храма. Остальные стены сияли красным, золотистым и небесно-голубым цветом. Храм Бога Мотаа был готов принять новообращенных — и кое-кого еще.

И самое главное — войти в дверь храма беспрепятственно теперь мог только человек белой расы.

За час до рассвета Джефф занял пост у дверей и принялся ждать, стараясь преодолеть волнение. В столь внезапно преобразившийся склад неминуемо должны были явиться солдаты для очередного обыска. Нужно было остановить их — если необходимо, оглушить или даже убить, но ни в коем случае не допустить в храм. Он надеялся убедить их, что храм — неприкосновенная территория, куда имеют доступ только принадлежащие к расе рабов. Однако чрезмерное рвение со стороны какого-нибудь мелкого чиновника вынудило бы его прибегнуть к решительным мерам, а это лишило бы их надежды на мирное распространение новое религии.

Из двери храма вышел Хау и неслышно подошел к нему. Томас вздрогнул от неожиданности.

— Кто?! А, это ты, Алекс? Не надо, я и так дергаюсь.

— Извини. Майор Ардмор на связи. Хочет знать, как дела.

— Поговори с ним сам, я не могу отойти от двери.

— Он еще хочет знать, когда вернется Шир.

— Скажи, что я его сразу же отошлю, когда буду уверен, что выйти отсюда не опасно. Но ни минутой раньше.

— Хорошо.

Хау ушел. Джефф оглядел улицу и насторожился: какой-то паназиат в форме с любопытством разглядывал храм. Через минуту он двинулся прочь быстрой рысцой — солдаты Паназии всегда передвигались таким способом, находясь при исполнении служебных обязанностей.

«Ну, Мотаа, держись,— сказал про себя Джефф.— Пришел твой черед».

Не прошло и десяти минут, как появился отряд солдат под командованием офицера, который раньше уже обыскивал здание.

— Дай нам войти, святой человек.

— Нет, повелитель,— твердо ответил Джефф.— Храм уже освещен. Никто не может входить в него, кроме тех, кто поклоняется Великому Богу Мотаа.

— Мы не сделаем вашему храму ничего плохого, святой человек. Дай войти.

— Повелитель, если вы войдете, я не смогу уберечь вас от гнева Мотаа. И от гнева Кулака Императора тоже.— Прежде чем офицер успел над этим задуматься, Джефф поспешно продолжил: — Великий Бог Мотаа ожидал тебя и повелел тебя приветствовать. Он поручил мне, своему ничтожному слуге, передать тебе три дара.

— Три дара?

— Для тебя...— Джефф вложил ему в руку тяжелый кошелек,— для твоего начальника, да благословит его Бог...— за первым кошельком последовал второй,— и для твоих солдат.

Он протянул третий кошелек, и теперь у паназиата были заняты обе руки.

Некоторое время офицер стоял в нерешительности. По весу кошельков он не мог не понять, что в них находится. Ему в жизни не приходилось держать в руках столько золота. Он повернулся, что-то отрывисто приказал солдатам и зашагал прочь.

Из двери храма снова вышел Хау.

— Ну как, Джефф, обошлось?

— На этот раз как будто да.— Томас проводил взглядом удалявшихся солдат.— Полицейские во всем мире одинаковые. Знал я одного такого сержанта из железнодорожной полиции.

— Ты думаешь, он разделит золото, как ты сказал?

— Ну, солдатам не достанется ничего, это точно. Со своим начальником, может быть, поделится, чтобы держал язык за зубами. Думаю, третий кошелек он где-нибудь припрячет еще по дороге к участку. Важнее другое — честный он политик или нет.

— То есть как?

— Честный политик — это такой, кто продается только один раз. Пойдем, пора готовиться, сейчас явятся клиенты.

В тот вечер в храме состоялось первое богослужение. Оно вышло не слишком внушительным — Джефф только еще учился священнодействовать. Они решили последовать старому доброму обычаю миссионеров: сначала пение, потом еда. Но еда была отменная — по хорошему куску мяса с белым хлебом. Ничего подобного прихожане не пробовали уже много месяцев.

Глава 7

— Алло! Алло! Джефф, это вы? Вы меня слышите?

— Слышу, слышу, майор. Можете так не кричать.

— Терпеть не могу эту чертову связь. Куда лучше обыкновенный телефон — такой, где видно, с кем говоришь.

— Был бы у нас обыкновенный телефон, наши друзья-азиаты могли бы нас подслушивать. А почему бы вам не попросить Боба с полковником устроить видеоканал? Уверен, что им бы это ничего не стоило.

— Боб уже придумал, как это сделать, но Шир занят выше головы — собирает установки для алтарей, и мне не хочется его отвлекать. Вы не могли бы подыскать хоть несколько человек ему в помощь? Механика, например, а лучше двоих, и радиотехника? С производством у нас никак дело не ладится. Шир уже с ног валится. Мне каждый вечер приходится приказывать ему, чтобы шел спать.

Томас подумал.

— Есть тут у меня один человек. Бывший часовщик.

— Часовщик? Замечательно!

— Ну, не знаю. Он немного не в себе, у него всю семью перебили. Тяжелый случай, почти как у Фрэнка Митсуи. Кстати, как там Фрэнк? Приходит в себя?

— Кажется, да. Не совсем, конечно, но он как будто очень увлечен работой. На нем теперь и кухня, и вся канцелярия, которую вели вы.

— Привет ему от меня.

— Хорошо. Теперь об этом часовщике. Когда будете вербовать людей для Цитадели, можно их отбирать не так тщательно, как для оперативной работы. Раз уж они попадут сюда, им отсюда не выйти.

— Знаю. Когда я направил к вам Эстеллу Дивенс, я не стал особо ее проверять. Но я бы ее к вам не послал, если бы ее не собирались забрать и отправить за океан в веселый дом.

— Вы все сделали правильно. Эстелла молодец. Она помогает Фрэнку на кухне, шьет вместе с Грэхемом мантии, а Боб Уилки обучает ее работать с пара-радио.— Ардмор усмехнулся.— У нас, кажется, возникают сексуальные проблемы. По-моему, Боб в нее втрескался.

— Правда? — Голос у Томаса неожиданно стал серьезным.— Командир, а не начнутся из-за этого какие-нибудь истории?

— Не думаю. Боб — человек порядочный, а Эстелла — замечательная девушка, можете мне поверить. Если биология пересилит, я возьму и поженю их — как верховный священник наивеличайшего Бога Мотаа.

— Боб не согласится. Если хотите знать, он в душе немного пуританин.

— Ну, тогда как высший гражданский чиновник в этой нашей деревушке. Не придирайтесь. Или пришлите мне сюда настоящего священника.

— А что, если прислать еще несколько женщин, майор? Когда я направлял к вам Эстеллу, то ни о чем таком не думал, но тут хватает молодых женщин, которым помощь нужна не меньше, чем ей.

После долгой паузы Ардмор ответил:

— Капитан, это очень трудный вопрос. К моему большому сожалению, должен сказать, что у нас все-таки военная организация,

а не миссия для спасения людей. Вербовать женщин вы должны только для выполнения определенных функций, которые им по плечу. Ни в каком другом случае вербовать женщин не следует. Даже ради того, чтобы спасти их от веселых домов Паназии.

— Хорошо, сэр. Слушаюсь. Не надо было мне посылать к вам Эстеллу.

— Ну, что сделано, то сделано. С ней-то все как будто в порядке. И если женщина нам подходит, смело ее вербуйте. Похоже, война кончится не скоро, и я думаю, что нам будет легче поддерживать боевой дух, если здесь будет смешанное общество, а не чисто мужская компания. Без женщин мужчинам трудно, они теряют перспективу. Но в следующий раз лучше пришлите кого-нибудь постарше — какую-нибудь такую мать-настоятельницу или дуэнью. Например, профессиональную медсестру средних лет. Чтобы могла помогать Бобу в лаборатории и в то же время стать для них вроде приемной матери.

— Постараюсь.

— И пришлите того часовщика. Он нам позарез нужен.

— Сегодня же вечером устрою ему проверку под наркозом.

— А это необходимо, Джефф? Если паназиаты перебили его семью, ясно, на чьей он стороне.

— Это он так говорит. Мне будет спокойнее, когда я услышу от него то же самое после укола. Вдруг его подослали?

— Хорошо, вы правы, как всегда. Делайте свое дело, а я буду заниматься своим. Джефф, когда вы сможете передать храм Алексу? Вы нужны мне здесь.

— Алекс мог бы принять его хоть сейчас и продолжать то, что мы начали. Но насколько я понимаю, моя главная задача — вербовать «священников», которых можно будет посылать на самостоятельную работу — создавать новые ячейки.

— Это верно, но разве Алекс не сможет это делать? В конце концов, окончательную проверку они проходят здесь. Мы ведь решили, что ни один человек не должен узнать, чем мы на самом деле занимаемся, пока не окажется здесь, в Цитадели, под нашим контролем. Так что, если Алекс ошибется и пришлет не того, кого нужно, ничего страшного не случится.

Джефф еще раз мысленно взвесил то, что собирался сказать.

— Послушайте, командир, вам оттуда, может быть, представляется, что все очень просто, но на самом деле это совсем не так. Мне кажется...

Он умолк.

— В чем дело, Джефф? Нервы сдают?

— Наверное.

— Почему? По-моему, операция идет по плану.

— Пожалуй... Может быть. Майор, вы сказали, что война кончится не скоро.

— Да.

— Так вот, лучше бы она кончилась поскорее. Иначе мы можем ее проиграть.

— Но она не может скоро кончиться. Мы не имеем права начинать активные действия, пока у нас не будет достаточно верных людей, чтобы нанести удар сразу повсюду.

— Да, конечно, только надо бы, чтобы это случилось как можно быстрей. Как по-вашему, что для нас страшнее всего?

— Ну, если нас кто-нибудь выдаст, случайно или намеренно.

— Нет, сэр, я с этим не могу согласиться. Вам так кажется, потому что вы смотрите на все из Цитадели. А я здесь вижу совсем другую опасность, и она меня постоянно беспокоит.

— Какую, Джефф? Выкладывайте.

— Самая страшная опасность, которая все время висит у нас над головой, как дамоклов меч,— это что власти сами начнут нас в чем-то подозревать. Они могут догадаться, что мы не те, за кого себя выдаем,— не просто еще одна идиотская западная секта, годная только на то, чтобы держать рабов в узде. Если им это хоть раз придет в голову, а мы будем еще не готовы,— нам конец.

— Ну, не стоит нервничать, Джефф. В случае чего вы достаточно вооружены, чтобы без труда пробиться сюда, на базу. Пока вы в одной из их столиц, атомную бомбу они на вас не сбросят, а новый экран над Цитаделью, если верить Кэлхуну, выдержит и атомный взрыв.

— Сомневаюсь. Но даже если и так, то какой нам от этого толк? Ну укроемся мы там и будем сидеть, пока не умрем от старости.

Как мы отвоюем страну, если не сможем и носа высунуть наружу?

— Хм-м-м... Никак, конечно. Но у нас будет время, чтобы придумать что-нибудь еще.

— Не обманывайте себя, майор. Если они поймут, в чем дело,— мы проиграли, и тогда американский народ лишится своего последнего шанса. По крайней мере, в этом поколении. Нас все еще слишком мало, какое бы там новое оружие ни придумали Кэлхун с Уилки.

— Ну, допустим, что вы правы. Но ведь вы знали все это еще до того, как отправились в город. Откуда такая паника? Может быть, это просто переутомление?

— Может быть. Но я говорю о той опасности, которую вижу. Если бы мы действительно были религиозной сектой и не имели никакого оружия, они оставили бы нас в покое, верно?

— Правильно.

— Значит, нам приходится как-то скрывать, что у нас есть много такого, чего нам иметь не положено. Вот в этом и есть главная опасность, и мне здесь она хорошо видна. Во-первых...— Томас начал загибать пальцы, забыв о том, что командир его не видит.— Во-первых, этот защитный экран вокруг храма. Без него мы обойтись не можем, нельзя допустить, чтобы в храм пришли с обыском. Но то, что он существует, немногим лучше любого обыска. Если какой-нибудь паназиатский начальник вздумает явиться нас проверить, несмотря на нашу неприкосновенность,— спектакль окончен. Я не смогу его убить, но не смогу и допустить, чтобы он вошел в храм. До сих пор мне, слава богу, удавалось заговаривать им зубы и обходиться щедрыми взятками.

— Джефф, но ведь они и так знают, что храм защищен экраном. Знают с того самого первого дня, когда познакомились с нами.

— Думаете, знают? Сомневаюсь. Я припоминаю свой разговор с Кулаком — уверен, что тому офицеру, который пытался войти в главный храм, просто не поверили. И готов спорить на что угодно — его уже нет в живых, у них так заведено. Солдат, которые при этом были, можно не считать. Теперь вторая опасность — персональные экраны, которыми защищаемся мы, «священники».

Я воспользовался своим только один раз и очень об этом жалею. К счастью, это тоже был рядовой солдат, который не стал бы об этом докладывать: ему бы никто не поверил, и он потерял бы лицо.

— Но, Джефф, «священники» не могут ходить без экранов! Нельзя, чтобы хоть один посох попал в руки противника. Я уж не говорю о том, что без экрана эти обезьяны могут сделать «священнику» укол наркотика, прежде чем он успеет покончить с собой.

— Мне вы об этом можете не говорить, я понимаю, что без экранов нам нельзя. Но и пользоваться ими мы не рискуем, приходится опять-таки заговаривать зубы. Еще одна опасность — нимбы. Это была ошибка, командир.

— Почему?

— Конечно, на суеверных они производят впечатление. Но паназиатские начальники не суевернее нас с вами. Возьмите Кулака — я был у него в нимбе. На него это впечатления не произвело; мое счастье, что он не обратил на нимб особого внимания — должно быть, решил, что это просто фокус для привлечения верующих. А если бы подумал и решил выяснить, как я это делаю?

— Да, пожалуй,— сказал Ардмор.— Наверное, в следующем городе нужно будет обойтись без нимбов.

— Поздно. Нас здесь официально называют «святые люди с нимбами». Это наша торговая марка.

— Ну и что? Джефф, мне кажется, тебе прекрасно удалось все скрыть.

— Есть еще одна опасность. Не такая непосредственная — она вроде бомбы замедленного действия.

— Да?

— Деньги. У нас слишком много денег. Это вызывает подозрения.

— Но вам же нужны были деньги для работы.

— Уж я-то это прекрасно знаю. Иначе мы не могли бы так далеко продвинуться. Вы знаете, командир, их еще легче подкупить, чем американцев. Для нас это нарушение правил, на которое смотрят все-таки неодобрительно, а для них — важный элемент культуры. И слава богу, благодаря этому мы для них вроде курицы, которая несет золотые яйца.

— А почему вы считаете, что это бомба замедленного действия? В чем вообще здесь опасность?

— Вспомните, чем кончилась история с той курицей. В один прекрасный день какой-нибудь умник вздумает поинтересоваться, откуда в курице берется столько золота, и разберет ее на части. Пока что все, кто с нас что-то имеет, смотрят на это сквозь пальцы и норовят хватать, пока дают. Готов спорить, что до поры до времени никто не проболтается, сколько ему досталось. До Кулака, скорее всего, еще не дошло, что у нас, судя по всему, неограниченный запас американских золотых монет. Но когда-нибудь он об этом узнает — вот тут-то бомба и взорвется. Если не удастся подкупить и его — под каким-нибудь благовидным предлогом,— он затеет расследование, которое кончится для нас плохо. И все равно рано или поздно мы наткнемся на такого чиновника, у которого любопытство пересилит жадность. Когда этот день настанет, у нас все должно быть готово!

— Хм-м-м... Наверное, вы правы, Джефф. Что ж, постарайтесь сделать все, что сможете, и поскорее навербуйте как можно больше «священников». Будь у нас хоть сотня надежных агентов, которые работали бы с людьми так же успешно, как вы,— мы могли бы назначить «день Д» уже через месяц. Но пока что это может занять не один год, и вы правильно говорите,— события могут разыграться раньше, чем мы будем к ним готовы.

— Я вижу, вы понимаете, почему мне не так просто подыскивать «священников». Тут нужна не только преданность, они должны уметь морочить людям голову. Я этому научился, когда был хобо. А Алекс не умеет, он слишком честный. Но я уже почти завербовал одного, его фамилия Джонсон.

— Да? А что это за человек?

— Раньше торговал недвижимостью и хорошо умеет уговаривать людей. Его бизнес паназиаты, конечно, прикрыли, а в трудовой лагерь он не хочет. Сейчас я его прощупываю.

— Если решите, что подходит, присылайте его сюда. А может быть, сначала я посмотрю на него сам.

— Что-что?

— Я слушал вас и думал,— Джефф, я ведь плохо представляю себе обстановку. Надо бы приехать к вам и увидеть все своими глазами. Раз уж мне предстоит командовать парадом, я должен понимать, что к чему. А сидя в этой норе, я отрываюсь от жизни.

— Но я думал, что у нас с вами этот вопрос давно решен, сэр.

— То есть?

— Кого вы оставите исполнять обязанности командира — Кэлхуна?

Ардмор несколько секунд помолчал, потом сказал:

— Идите вы к черту, Джефф!

— А все-таки?

— Ну ладно, давайте об этом не будем.

— Не обижайтесь, командир. Я хотел, чтобы вам все стало ясно, поэтому и говорил так долго.

— Вы правильно сделали. Я хочу, чтобы вы все это повторили, и как можно подробнее. Я посажу Эстеллу и велю ей записать все, что вы скажете. А потом мы из этой вашей лекции сделаем инструкцию для кандидатов в «священники».

— Хорошо, но давайте немного позже, у меня через десять минут служба.

— Неужели Алекс не может даже провести службу?

— Да нет, у него не так уж плохо получается. Его проповеди даже лучше моих. Но это самое удобное время для вербовки, майор: я присматриваюсь к людям, а потом беседую с каждым по отдельности.

— Ладно, ладно, отключаюсь.

— Пока!

На богослужения в храме теперь собиралось множество народу. Томас не обольщался мыслью, что причина этого — особая привлекательность учения о Великом Боге Мотаа: уже во время службы вдоль стен накрывали столы, и на них появлялась обильная еда, приобретенная на золото Шира. Тем не менее Алекс справлялся неплохо. На его проповедях Джеффу иногда казалось, что старому горцу в конце концов удалось примирить свою совесть со столь необычной работой, и теперь он как будто проповедовал собственную веру — так убедительно у него получалось.

«Если он будет продолжать в том же духе,— сказал себе Джефф,— женщины того и гляди начнут падать в обморок. Надо бы сказать ему, чтобы не так нажимал».

Однако обошлось без неожиданностей, и вот уже зазвучал заключительный гимн. Прихожане пропели его с большим увлечением, после чего дружно направились к столам. Подобрать подходящие мелодии для гимнов долго не удавалось, пока Джеффа не осенила идея написать новые слова к самым обычным патриотическим песням Америки. Теперь стоило прислушаться повнимательнее, и можно было услышать, как те, кто посмелее, повторяют прежние, подлинные слова.

Пока прихожане были заняты едой, Джефф расхаживал среди них, гладя по головке детей, благословляя всех налево и направо и слушая, о чем они говорят. Когда он проходил мимо одного из столов, какой-то человек встал и остановил его. Это был Джонсон, бывший торговец недвижимостью.

— Можно вас на два слова, святой отец?

— Я слушаю, сын мой.

Джонсон дал понять, что хотел бы поговорить наедине. Они выбрались из толпы и остановились у алтаря.

— Святой отец, я сегодня не могу вернуться домой.

— Почему, сын мой?

— Я так и не смог перерегистрировать свою карточку. Сегодня мой последний льготный день. Если я покажусь дома, мне не миновать лагеря.

Джефф строго посмотрел на него.

— Ты ведь знаешь, что слуги Мотаа не подстрекают к неповиновению светским властям.

— Но вы же не дадите им меня арестовать!

— Мы не отказываем в убежище. Может быть, дело не так плохо, как тебе кажется, сын мой. Если сегодня ты переночуешь здесь, завтра кто-нибудь может взять тебя на работу и перерегистрировать твою карточку.

— Значит, я могу остаться?

— Можешь.

Томас решил, что Джонсона уже можно оставить навсегда. Если подойдет, поедет в Цитадель для окончательной проверки, а если нет,— останется служкой при храме: помощников с каждым днем требовалось все больше, особенно на кухню. Когда прихожане разошлись, Джефф запер двери и проверил все помещение — не остался ли в храме кто-нибудь, кроме постоянных помощников и тех, кому разрешили остаться на ночь. Таких набралось человек шесть; к некоторым из них Джефф присматривался, надеясь впоследствии их завербовать.

Когда осмотр был закончен, а храм убран, Джефф выпроводил всех на второй этаж, в спальни, и запер за ними дверь. Он делал так каждый вечер. Алтарю со всеми спрятанными в нем чудесными приспособлениями непрошеное любопытство не грозило — он был защищен отдельным экраном, который включался из подвала, но на всякий случай Джефф хотел быть уверен, что никто к нему не подойдет. Ежевечернее запирание дверей, конечно, сопровождалось священнодействием, смысл которого сводился к тому, что нижний этаж — место святое и находиться там никому не дозволено.

Алекс и Джефф спустились в подвал, заперев за собой тяжелую, окованную железом дверь. Там в большой комнате стояли силовая установка алтаря, аппарат связи с базой и те самые две койки, которые Малыш Дженкинс раздобыл в их первый день в Денвере. Алекс разделся, принял душ и улегся в постель. Джефф *тоже скинул мантию и тюрбан, оставив только бороду* — теперь она была у него собственная,— надел комбинезон, сунул в зубы сигару и вызвал базу.

Следующие три часа он диктовал под храп Алекса, а потом тоже лег спать Проснулся Джефф с каким-то тревожным чувством. Свет не горел, значит, разбудила его не утренняя побудка. Несколько минут он лежал неподвижно, потом протянул руку и взял с пола посох.

Кроме него и Алекса, мирно храпевшего на своей койке, в комнате кто-то был. Джефф был в этом убежден, хотя не слышал ни одного подозрительного звука. Он на ощупь отрегулировал

посох, чтобы обе койки оказались внутри защитного экрана, и включил свет.

У аппарата связи стоял Джонсон в каких-то необычных очках сложной конструкции и с инфракрасным фонарем в руке.

— Стой и не двигайся,— тихо сказал Джефф. Джонсон резко повернулся, сдвинул очки на лоб и несколько секунд стоял, щурясь от яркого света. Внезапно у него в руке появился вихревой пистолет.

— Лежи спокойно, дед,— огрызнулся он.— Имей в виду, это не игрушка.

— Алекс! — позвал Джефф.— Алекс! Проснись!

Алекс сел на койке, готовый действовать, и схватил свой посох.

— Мы оба под экраном,— быстро сказал Джефф.— Возьми его, но не убивай.

— Только шевельнитесь, плохо будет,— предостерег их Джонсон.

— Не делай глупостей, сын мой,— ответил Джефф.— Великий Бог Мотаа хранит своих слуг. Положи пистолет на пол.

Алекс, не тратя времени на разговоры, крутил ручки на своем посохе. У него никак не получалось то, что нужно: до сих пор Джефф провел с ним всего несколько тренировочных занятий. Джонсон взглянул на него и после недолгого колебания выстрелил в упор.

Ничего не произошло — энергию выстрела поглотил защитный экран. На лице у Джонсона отразилось изумление: оно еще усилилось мгновение спустя, когда Алекс с помощью силового луча вырвал у него из руки пистолет.

— Теперь расскажи нам, сын мой,— сказал Джефф,— почему ты решился нарушить святость храма Мотаа?

Джонсон обернулся к нему и сказал с угрюмым вызовом в голосе:

— Бросьте вы эту муру про своего Мотаа. Меня на это не возьмешь.

— Не подобает глумиться над Богом Мотаа.

— Да бросьте, я вам говорю. Лучше объясните, что это такое?

Он показал на посох.

— Бог Мотаа ничего никому не объясняет. Сядь, мой сын, и моли его о прощении.

— Еще бы, так я и сел. Нет, я сейчас отсюда уйду. И если не хотите, чтобы сюда нагрянули косоглазые, не вздумайте мне мешать. Я белого человека не выдам, но кто меня тронет, пусть пеняет на себя.

— Ты хочешь сказать, что ты просто вор?

— Лучше придержи язык. Вы тут швыряетесь золотом направо и налево — конечно, всякому это интересно.

— Сядь.

— Я ухожу.

Он повернулся к двери.

— Придержи его, Алекс,— сказал Джефф,— только не причини боли.

Задача была непростая, и Алекс замешкался. Джонсон был уже на середине лестницы, когда ноги у него подкосились, и он тяжело упал, ударившись головой об угол. Джефф не спеша встал и надел мантию.

— Присмотри за ним, Алекс,— сказал он.— Я пойду на разведку.

Он поднялся наверх и через несколько минут вернулся. Джонсон лежал без сознания на койке Алекса.

— Ничего страшного,— сообщил Джефф.— Замок в верхней двери был отперт отмычкой, я его снова запер. Там никто не проснулся. Нижний замок придется менять, в нем все чем-то расплавлено. Надо бы защитить эту дверь экраном, я скажу Бобу.— Он взглянул на тело, распростертое на койке.— Еще не пришел в себя?

— Начал было, я вколол ему пентотал натрия.

— Хорошо. Я хочу его допросить.

— Я так и думал.

— Наркоз полный?

— Да нет, доза мала. Ровно столько, чтобы разговорился.

Томас изо всех сил стиснул пальцами мочку уха Джонсона, но тот лишь чуть шевельнулся.

— Почти полный. Должно быть, сильно ударился головой. Джонсон! Ты меня слышишь?

— М-м-м... Да.

Допрос длился долго. В конце концов Алекс сказал:

— Послушай, Джефф, а нужно нам все это выслушивать? У меня такое чувство, как будто я копаюсь в помойной яме.

— Мне тоже противно, но мы должны знать все,— ответил Джефф и продолжал допрос.

От кого Джонсон получал деньги? Что интересует паназиатов? Как он передавал сведения? Когда следующая связь? Кто еще на них работает? Что паназиаты думают о храме? Знает ли его начальник, что он здесь?

И наконец,— что заставило его пойти против своего народа?

Действие укола кончалось. Джонсон уже начинал понимать, где находится, но сдерживающие центры у него были еще отключены, и он выкладывал все начистоту, не заботясь о том, что о нем подумают:

— Должен же человек о себе заботиться, верно? Если ты не дурак, нигде не пропадешь.

— Мы с тобой, наверное, дураки, Алекс,— заметил Томас. Помолчав несколько минут, он сказал: — Кажется, он выложил все, что знает. Теперь надо решить, как с ним поступить.

— Если сделать еще укол, он может рассказать что-нибудь еще.

— Ничего я вам не скажу, не заставите! — заявил Джонсон, не зная, что уже рассказал все.

Томас тыльной стороной руки ударил его по лицу.

— Заткнись! Сделаем укол, и заговоришь как миленький. А пока помолчи.— Он повернулся к Алексу:

— Конечно, есть шанс, что из него можно будет выкачать что-нибудь еще, если отправить его на базу. Но вряд ли, и к тому же это трудно и опасно. Если нас с ним поймают или если он убежит, пиши пропало. Я считаю, лучше всего покончить с ним прямо сейчас.

Потрясенный Джонсон попробовал привстать, но Алекс с помощью посоха уложил его обратно.

— Эй, о чем вы там говорите? Это же будет убийство!

— Сделай ему еще укол, Алекс, чтобы не мешал.

Хау молча взял шприц. Джонсон сначала пытался увернуться, потом начал биться, но в конце концов укол подействовал. Хау выпрямился. Лицо у него выражало такую же тревогу, как только что — лицо Джонсона.

— Ты действительно собираешься это сделать, Джефф? Если да, то имей в виду — я не обещал, что пойду на убийство.

— Это не убийство, Алекс. Это казнь шпиона.

Хау закусил губу.

— Не вижу ничего плохого в том, чтобы убить человека в честном бою. Но связать его и потом прикончить, как свинью,— это уж слишком.

— А казнят всегда так, Алекс. Ты когда-нибудь видел, как умирают в газовой камере?

— Но это все-таки убийство, Джефф. Мы не имеем права его казнить.

— Я имею на это право. Я здесь командир отдельной части, и у нас идет война.

— Но черт возьми, Джефф, его не судил даже военно-полевой суд.

— Суд нужен для того, чтобы установить, виновен человек или нет. Он виновен?

— Ну конечно, виновен. Но человек имеет право на то, чтобы его судили.

Джефф тяжело вздохнул.

— Алекс, когда-то я был юристом. Единственный смысл уголовного права западных стран, которое создавалось столетиями, со всеми его тонкостями,— гарантировать, чтобы ни один невиновный не был осужден и наказан по ошибке. Иногда из-за этого остаются на свободе и виновные, но цель-то в другом. У меня нет ни людей, ни времени, чтобы устраивать военно-полевой суд. Но его вина установлена полностью, никакой суд здесь не нужен. И я не намерен ставить под угрозу своих людей и рисковать поражением в войне, которую мы ведем, ради того, чтобы он мог воспользоваться правом на защиту. Если бы можно было стереть его память, если бы он мог пойти и доложить, что мы просто полоумные святоши и

хотим только накормить голодных,— я бы его отпустил. Не ради того, чтобы не пришлось его убивать, а для того, чтобы запутать противника. Но я не могу его отпустить.

— Я не говорил, что его надо отпустить, Джефф!

— Молчи, солдат, и слушай. Если я отпущу его теперь, когда он так много узнал, паназиаты заставят его все рассказать, как это сделали мы, даже если сам он не захочет. Здесь его держать негде, везти на базу опасно. Я вынужден его казнить.

Он умолк.

— Капитан Томас...— начал Алекс нерешительно.

— Да?

— Вы не хотите вызвать майора Ардмора и спросить его, что он думает?

— Нет, не хочу. Потому что это бессмысленно. Если я буду просить его принять за меня решение — значит, я для этой работы не гожусь. И вот что еще я хочу сказать. В тебе слишком много мягкости и сентиментальности. Ты, похоже, считаешь, что Соединенные Штаты могут победить в этой войне так, чтобы никого при этом не тронуть. У тебя не хватает духу даже присутствовать при казни предателя. Я надеялся в скором времени передать тебе здесь командование, но вместо этого завтра же отправлю тебя в Цитадель и сообщу командиру, что тебе ни в коем случае нельзя доверять заданий, требующих контакта с противником. А пока выполняй мой приказ. Помоги оттащить его в ванную.

Губы у Хау дрогнули, но он ничего не сказал. Вдвоем они подняли лежавшего без сознания Джонсона. Еще до «освящения» храма Томас велел разобрать стенку между туалетом и соседней комнаткой и установить там старую чугунную ванну. В эту ванну они и положили тело.

Хау провел языком по губам.

— А почему в ванну?

— Потому что будет много крови.

— Разве ты это сделаешь не посохом?

— Нет, мне понадобится целый час, чтобы разобрать излучатель и вынуть ту схему, которая не дает ему поражать белых людей. И я не уверен, что потом смогу правильно поставить ее на место. Принеси мне свою опасную бритву и убирайся.

Хау вернулся с бритвой, но не ушел, а стоял рядом, держа ее в руках.

— Тебе когда-нибудь приходилось резать свинью? — спросил он.

— Нет.

— Тогда я лучше тебя знаю, как это делается.

Он наклонился над Джонсоном, взял его за подбородок и откинул ему голову назад. Джонсон захрипел. Хау одним быстрым движением перерезал ему горло, отпустил его голову, выпрямился и посмотрел, как из шеи хлещет кровь, расплываясь лужей. Он плюнул в нее, шагнул к умывальнику и сполоснул бритву.

— Извини, Алекс, я, кажется, немного поторопился с выводами,— сказал Джефф.

— Нет,— медленно ответил Алекс, не поднимая глаз,— не поторопился. Должно быть, просто нельзя так сразу привыкнуть к тому, какая бывает война.

— Должно быть. Ну, давай уберем это.

Хотя выспаться Томасу не удалось, он встал необычно рано, потому что собирался еще до утренней службы сообщить Ардмору, что произошло. Ардмор внимательно его выслушал и сказал:

— Я пришлю Шира, чтобы он поставил экран на дверь подвала. Теперь мы будем в каждом храме устраивать что-нибудь в этом роде. А как быть с Хау? Вы хотите отослать его сюда?

— Нет,— решительно сказал Томас.— Мне кажется, у него в голове уже все встало на место. Он от природы брезглив, но мужества у него хватает. Черт возьми, командир, должны же мы доверять хоть кому-нибудь!

— И вы можете оставить на него храм?

— Пожалуй... Да. Теперь — да. А что?

— Потому что я хочу, чтобы вы отправились в Солт-Лейк-Сити. Прямо сейчас. Я полночи не спал — думал о том, что вы мне вчера говорили. Вы были правы, Джефф,— я здесь зажирел и стал плохо соображать. Сколько человек у вас сейчас готово к вербовке?

— Тринадцать, без Джонсона. Конечно, в «священники» годятся не все.

— Пришлите их сюда. Немедленно.

— Но я еще не проверил их, командир!

— Я решил изменить порядок вербовки. Проверять их под наркозом будем только в Цитадели. У вас для этого нет подходящих условий. Я поручаю это Бруксу, а сам буду иметь дело только с теми, кого он пропустит. Теперь главная задача «священников» — отбирать возможных кандидатов и отсылать их в главный храм.

Томас подумал.

— А как насчет типов вроде Джонсона? Нельзя же, чтобы они проникли в Цитадель.

— Я об этом подумал — поэтому мы и будем проверять их здесь. Вечером будем давать каждому снотворное, чтобы ни о чем не догадывались. А ночью укол, потом подъем — и на допрос. Если подходит — все в порядке; если же нет, он никогда не узнает, что был допрос, и решит, что проверку прошел.

— Ну и что?

— В этом вся прелесть. Он будет зачислен в служители Великого Бога Мотаа, примет обет,— а потом мы его загоняем до полусмерти! Он будет спать в келье на голом полу, есть что придется и притом очень мало, проводить в молитвах по многу часов в день. Его ждет такая муштра, что у него и случая не будет догадаться, чем мы тут занимаемся. А когда он будет этим сыт по горло, мы с великим сожалением удовлетворим его просьбу о снятии обета — пусть катится к своим повелителям и рассказывает все, что ему вздумается.

— Звучит неплохо, майор,— одобрил Томас.— Просто здорово — и похоже, что это должно сработать.

— По-моему, должно. Таким способом мы сможем извлечь хоть какую-то пользу из агентов, которых к нам подошлют. А после войны выловим их и расстреляем — тех, кто действительно занимался шпионажем, а не просто одураченных. Но это все между прочим, главное — те кандидаты, которые пройдут проверку. Мне нужны завербованные, и как можно скорее. Несколько сотен, не меньше. Из них я отберу по крайней мере шестьдесят кандидатов в «священники», подготовлю их и всех сразу разошлю с заданиями. Вы убедили меня, Джефф, что тянуть опасно, и я хочу, чтобы мы проникли сразу во все крупные центры распо-

ложения паназиатов. Теперь я понимаю, что это наш единственный шанс.

Томас присвистнул.

— Задачка не из легких, а, командир?

— Это вполне можно сделать. Вот новая инструкция по вербовке, включите запись.

— Включил.

— Хорошо. К нам сюда следует посылать только тех кандидатов, у которых во время вторжения погибли близкие или есть другие веские основания полагать, что они будут на нашей стороне при любых обстоятельствах. Явно неуравновешенных следует отсеивать, но тщательный психологический отбор будет проводиться уже в Цитадели. Нужны люди следующих профессий: для работы в качестве «священников» — коммивояжеры, специалисты по рекламе, журналисты, проповедники, политики, психологи, психиатры, мелочные торговцы, карнавальные зазывалы, специалисты по подбору кадров, адвокаты, театральные режиссеры; для работы, не требующей контактов с публикой или противником,— квалифицированные металлообработчики и рабочие всех других специальностей, электронщики, ювелиры, часовщики, повара, стенографистки, лаборанты, врачи, портные. Кандидаты второй категории могут быть женского пола.

— А священники нет?

— Что по этому поводу думаете вы?

— Я против. Для них женщина — просто ноль. И даже меньше. Вряд ли женщина-священник сможет с ними работать.

— Мне тоже так кажется. Как вы считаете, может Алекс взять на себя вербовку согласно этой инструкции?

— Хм-м-м... Знаете, командир, я бы не хотел сейчас предоставлять его самому себе.

— Но вы не думаете, что он допустит какой-нибудь промах и нас выдаст?

— Нет, но и большого толку от него может не быть.

— Что ж, все-таки придется бросить его в воду — пусть постарается выплыть. С этого момента мы будем действовать как можно энергичнее, Джефф. Сдайте храм Алексу и явитесь сюда. Вы с

Широм отправитесь в Солт-Лейк-Сити сегодня же, совершенно открыто. Купите еще один автомобиль и возьмите с собой вашего шофера, Алекс найдет себе другого. Шир должен вернуться сюда через сорок восемь часов, а еще дня через два вы должны отправить нам первых завербованных. Две недели спустя я пришлю кого-нибудь вам на смену,— скажем, Грэхема или Брукса.

— Да? Но они оба не очень подходят для такой работы.

— Управятся как-нибудь, ведь вы уже сдвинете дело с мертвой точки. А я, как только смогу, пришлю вместо них кого-нибудь более подходящего. Вы, когда вернетесь, устроите здесь школу для «священников»,— вернее, будете продолжать в ней занятия. Это будет ваша задача, на оперативную работу я вас больше посылать не собираюсь, разве что случится что-нибудь неладное.

Томас вздохнул.

— Ну вот и доигрался. Вперед наука — никогда не надо говорить лишнего начальству.

— Ничего не поделаешь. Поторапливайтесь.

— Минутку. А почему Солт-Лейк-Сити?

— Потому что, мне кажется, там должна хорошо пойти вербовка. Мормоны — люди себе на уме, очень практичные, и я не думаю, что среди них найдутся предатели. Если вы за это возьметесь, вам, я думаю, удастся убедить их старейшин, что Великий Бог Мотаа может им пригодиться и не опасен для их веры. Мы еще очень мало используем существующие религии, а они должны стать опорой движения. Возьмите тех же мормонов — у них множество миссионеров-любителей. Если правильно повести дело, вы сможете навербовать среди них немало таких, какие нам нужны,— опытных, отважных, привычных к враждебному окружению, красноречивых и сообразительных. Понимаете?

— Понимаю. Ну что ж, я, конечно, могу попробовать.

— У вас получится. При первой возможности мы пришлем кого-нибудь на смену Алексу и отправим его на самостоятельную работу в Шайенн. Это не такой уж большой город, и, если у него ничего не выйдет, беда невелика. Но готов спорить, что с Шайенном все будет в порядке. А вы беритесь за Солт-Лейк-Сити.

Глава 8

Денвер, Шайенн, Солт-Лейк-Сити... Портленд, Сиэтл, Сан-Франциско... Канзас-Сити, Чикаго, Литтл-Рок... Нью-Орлеан, Детройт, Джерси-Сити... Риверсайд, Файв-Пойнтс, Батлер, Хэкетстаун, Нейтик, Лонг-Бич, Юма, Фресно, Амарилло. Грантс, Парктаун, Бремертон, Коронадо, Вустер, Уикенберг, Санта-Ана, Виксберг, Ла-Салл. Морганфилд, Блейсвилл, Барстоу, Уолкил, Бойз, Якима, Сент-Огастин, Уолла-Уолла, Эйбилин, Чаттахучи, Лидс, Ларами, Глоуб. Саут-Норуолк, Корпус-Кристи...

«Мир вам! Мир — это счастье! Придите, немощные и отягощенные! Придите! Несите свои горести в храм Мотаа! Войдите в святая святых, куда нет входа повелителям! Высоко поднимите голову, белые люди, ибо грядет Учитель!

Ваша маленькая девочка при смерти, у нее тиф? Несите ее к нам, пусть исцелят ее золотые лучи Тамар! Вы потеряли работу, вам грозит трудовой лагерь? Придите к нам! Придите! Вы будете спать в нашем храме и есть за столом, который никогда не пустеет. Работы здесь для вас хватит. Вы можете стать пилигримом и нести слово веры другим, мы вас научим.

Кто за все платит? Да благослови вас Бог, это золото — дар Мотаа! Спешите! Грядет Учитель!»

Люди шли в храмы толпами. На первых порах их влекло любопытство: новая, необычная религия была желанным развлечением, которого так недоставало в унылой, монотонной жизни рабов. Инстинктивная склонность Ардмора к броским рекламным приемам оправдала себя — более традиционный, более умеренный культ никогда не привлек бы к себе такого внимания.

Но зайдя в храм ради любопытства, они снова и снова возвращались уже по другим причинам. Там бесплатно кормили и ничего особенного не требовали,— что стоит спеть несколько безобидных гимнов, если потом можно остаться и как следует поужинать? Да эти священники позволяли себе покупать такие деликатесы, каких американцы давно уже не видели: масло, апельсины, прекрасное мясо. И расплачивались за них в магазинах Империи полновесной золотой монетой.

К тому же у местного священника всегда можно было стрельнуть немного денег, если приходилось туго. А что касается веры, то эта церковь и не требовала принять ее учение. Всякий мог приходить и пользоваться всеми благами, оставаясь при собственной вере — никого даже не спрашивали, к какой вере он принадлежит. Конечно, священники и служители в храмах как будто принимали своего бога о шести ипостасях всерьез, ну и что из этого? Их дело. Разве мы не стояли всегда за свободу религий? И не надо забывать, сколько добра они делают.

Взять хотя бы Тамар, Властительницу Милосердия. В этом определенно что-то есть. Достаточно увидеть, как слуга Шаама усыпляет ребенка, который задыхается от дифтерии, а потом исцеляет его золотыми лучами Тамар, и как через час этот ребенок выходит из храма здоровехонький,— поневоле задумаешься. Когда половина врачей погибла в боях, а из оставшихся в живых большинство сидит по лагерям,— от тех, кто может лечить болезни, так просто не отмахнешься. Пусть это похоже на шаманство и суеверие, мы ведь люди практичные — важнее всего результат!

Но дело было не только в реальной пользе — еще сильнее было психологическое воздействие. Храмы Мотаа стали местом, где всякий может ходить с высоко поднятой головой и ничего не бояться,— не то что у себя дома. «Вы слышали? Говорят, ни один плоскомордый ни разу не вошел ни в один их храм. Они не могут туда попасть, даже когда загримируются под белых людей,— из них тут же вышибает дух, прямо в дверях. Я-то думаю, что эти обезьяны просто до смерти боятся Бога Мотаа. Не знаю, в чем тут дело, только у них в храмах легко дышится. Пойдите как-нибудь со мной — сами увидите!»

Достопочтенный доктор Дэвид Вуд зашел к своему приятелю, столь же достопочтенному отцу Дойлу. Старик сам открыл ему дверь.

— Заходите, Дэвид, заходите. Рад, что вы пришли. Давненько не виделись.

Он провел его в свой крохотный кабинет, усадил и угостил табаком. Вуд с озабоченным видом отказался.

Некоторое время они болтали о разных разностях. Старый католик видел, что Вуд хочет что-то сказать, но расспрашивать не спешил. И только когда стало ясно, что его молодой коллега не может или не хочет начать разговор сам, он сказал:

— Мне кажется, что-то не дает вам покоя, Дэвид. Могу ли я спросить, в чем дело?

Дэвид Вуд решился.

— Отец, что вы думаете об этой компании, которая называет себя служителями Бога Мотаа?

— Что я о них думаю? А что я должен о них думать?

— Не увиливайте, Фрэнсис. Разве вам безразлично, что под самым вашим носом угнездилась языческая ересь?

— Знаете ли, мне кажется, здесь не все так бесспорно, Дэвид. Что такое, собственно, язычество?

Вуд недовольно фыркнул.

— Вы прекрасно знаете, о чем я говорю! Об этих лжепророках! Их одеяния, их нелепый храм, все это шутовство...

— Вы чуть не сказали — папистское шутовство, ведь верно? Нет, эти их причуды меня не слишком волнуют. Если говорить об определении язычества, то, рассуждая строго логически, я должен считать любую секту, не признающую непогрешимости Наместника Бога на Земле...

— Бросьте свою схоластику! Мне сейчас не до того.

— Это не схоластика, Дэвид. Я как раз хотел сказать, что логика логикой, но Господь бесконечно милосерден и мудр, и он наверняка найдет какой-нибудь способ допустить в Царствие Небесное даже таких, как вы. Что же до этих жрецов Бога Мотаа, то я не занимался анализом их вероучения, но мне представляется, что они делают полезное дело — дело, которое оказалось не под силу мне.

— Вот это меня и беспокоит, Фрэнсис! В моем приходе была одна женщина, неизлечимо больная раком. Я знал, что иногда людям в таком состоянии помогали... эти шарлатаны. Что мне было делать? Я молился, но не получил ответа.

— И что же вы сделали?

— В минуту слабости я послал ее к ним.

— Ну и что?

— Они ее исцелили!

— В таком случае я не стал бы особенно переживать. Мы с вами — не единственные сосуды благодати Божьей.

— Подождите! После этого она побывала у меня в церкви лишь однажды, а потом ушла навсегда. Теперь она живет в так называемом убежище, которое они устроили для женщин. Она примкнула к этим идолопоклонникам! Я не могу с этим примириться, Фрэнсис! Какая польза от того, что исцелено ее смертное тело, если это подвергает опасности ее душу?

— Она хорошая женщина?

— Одна из лучших.

— Тогда я полагаю, что Господь сам позаботится о ее душе, без нашего с вами участия. Кроме того, Дэвид,— продолжал Дойл, набивая трубку,— эти так называемые священники... Ведь они не считают для себя унизительным прибегать в делах веры и к нашей помощи. Вы же знаете, что они не совершают венчании. А если вы когда-нибудь захотите воспользоваться их храмом, то убедитесь, что не так уж сложно...

— Это немыслимо!

— Возможно, но я недавно обнаружил у себя в исповедальне подслушивающее устройство.— Священник сердито поджал губы.— И теперь, когда мне предстоит выслушать что-нибудь такое, что могло бы представить интерес для азиатов, я с разрешения хозяев делаю это в укромном уголке храма Мотаа.

— Не может быть, Фрэнсис! — воскликнул Вуд и, немного успокоившись, спросил: — А ваш епископ об этом знает?

— Видите ли, у епископа очень много других забот...

— Ну, знаете!..

— Нет, нет, я написал ему письмо, где изложил ситуацию как можно обстоятельнее. Как только найдется человек, который соберется в те края, я попрошу его отвезти письмо. Когда речь идет о делах церкви, я стараюсь не пользоваться официальными каналами связи — там всегда возможны всякие искажения.

— Так вы ему не сообщили?

— Я же сказал, что написал ему письмо! Господу Богу это известно, а если епископ прочтет его не сразу, ничего страшного не случится.

Месяца два спустя Дэвид Вуд принес присягу и был зачислен в Секретную службу армии Соединенных Штатов. Он не очень удивился, когда вскоре после этого его старый приятель отец Дойл подал ему при встрече тайный опознавательный знак, известный только сотрудникам этой службы.

Церковь росла. Повсюду возникали все новые тайные организации при храмах и подземные центры связи — под ними. Там, в этих центрах, о существовании которых благодаря достижениям науки противник и не догадывался, у приемопередающих устройств, работавших в пара-диапазоне, круглые сутки посменно дежурили операторы. Эти люди добровольно отказались от надежды когда-нибудь вновь увидеть дневной свет, они общались лишь друг с другом и со священником своего храма и числились без вести пропавшими в списках, составленных завоевателями-азиатами. К своему неустанному труду, к неизбежным лишениям они относились философски: война есть война. Их боевой дух поддерживало сознание, что они снова обрели свободу и готовы защищать ее. Они с нетерпением ждали того дня, когда благодаря их усилиям свободным станет весь народ страны, от побережья до побережья.

А в Цитадели женщины в наушниках тщательно записывали все, о чем сообщали операторы пара-радио. Их доклады перепечатывались, систематизировались, обобщались, снабжались ссылками и комментариями. Два раза в день дежурный офицер связи клал на стол майора Ардмора короткую справку обо всем, что произошло за последние двенадцать часов. Сообщения почти из двух десятков епархий, адресованные Ардмору, приходили кипами и ложились на тот же стол. Кроме этих бесчисленных бумаг, каждая из которых требовала внимания, к нему поступало множество отчетов из лабораторий: помощников у Кэлхуна теперь хватало, все пустовавшие, заселенные лишь призраками погибших комнаты были заполнены, и работа там шла по шестнадцать часов в день.

Из управления кадров сплошным потоком шли требования прислать то в один, то в другой отдел еще людей. Снова и снова приходилось решать головоломный вопрос: кого можно посвятить

в тайну? Весь персонал был разделен на три категории. Рядовые служащие, занятые на вспомогательных работах,-- например секретарши и делопроизводители,— совершенно не соприкасались с внешним миром. Служителям храмов, имевшим дело с публикой, сообщали только то, что им необходимо было знать, и они даже не догадывались, что служат в армии. Наконец, сами «священники» по необходимости должны были быть в курсе дела — их приводили к присяге, зачисляли в армию Соединенных Штатов и объясняли истинное назначение всей организации.

Но даже «священники» не знали главного секрета — научного объяснения чудес, которые они творили. Их обучали обращению вверенными им техническими устройствами — обучали тщательно и дотошно, чтобы они могли безошибочно пользоваться смертоносными символами своей власти. Но, если не считать тех редких случаев, когда наружу выходил кто-нибудь из первоначальной семерки, ни один человек, знакомый с эффектом Ледбеттера не покидал Цитадели.

Со всей страны в Главный храм б"из Денвера прибывали под видом пилигримов кандидаты в «священники». Здесь они жили в подземном монастыре, расположенном под зданием храма этажом выше Цитадели. Их подвергали психической проверке всеми способами, какие только можно изобрести. Не прошедших испытание отсылали назад, в местные храмы, где они работали простыми служителями, так и не узнав ничего существенного. Тех же, кто выдержал проверку, кто в специально подстроенных ситуациях не потерял головы от гнева, не поддался искушению проболтаться, доказали свое мужество и преданность,— этих посылали на беседу к Ардмору, который принимал их в обличье Первосвященника Бога Мотаа. Больше половины их он браковал — без всякой внешней причины, руководствуясь лишь интуицией, неясным тревожным ощущением, которое подсказывало ему, что это не тот человек.

Но, несмотря на все предосторожности, каждый раз, когда он подписывал приказ о зачислении на службу новичка и о направлении его на самостоятельную работу, Ардмора охватывало глубокое беспокойство: что, если этот человек и станет тем слабым звеном, из-за которого рухнет все дело?

Такое напряжение было ему не по силам. Слишком большая ответственность свалилась на одного человека, слишком много мелочей приходилось ему помнить, слишком много решений принимать. Ему все труднее становилось сосредоточиться, справляться даже с самыми простыми делами. Он потерял уверенность в себе, стал раздражительным. Его настроение передавалось окружающим и распространялось все дальше.

Что-то нужно было делать.

Ардмор не привык себя обманывать и сознавал, что с ним происходит что-то неладное. Однажды он вызвал к себе Томаса и все ему рассказал.

— Как вы думаете, Джефф, что мне делать? — спросил он в заключение.— Может быть, я не гожусь для такой работы? Не подыскать ли мне кого-нибудь, кому можно было бы передать дела?

Томас медленно покачал головой.

— Мне кажется, этого делать не стоит, командир. Никто не сможет работать больше вас, ведь в сутках всего двадцать четыре часа. К тому же если кто-то вас заменит, перед ним встанут те же самые проблемы. Вы по крайней мере прекрасно знаете обстановку и понимаете, чего мы хотим.

— Но я же должен что-то придумать. Мы вот-вот приступим ко второму этапу нашего плана — начнем систематически подрывать боевой дух паназиатов. Когда наступит критический момент, каждая из наших организаций должна быть готова действовать как воинская часть. Это значит, что нам только прибавится работы. И я могу просто не справиться! Черт возьми, Джефф, почему это никто никогда не пытался создать науку об управлении, чтобы руководителю крупной организации необязательно было превращаться в психа! Вот уже целые двести лет эти проклятые ученые изобретают такие штуки, для использования которых неизбежно приходится создавать большие организации,— и никому в голову не пришло задуматься над тем, как должны работать эти самые организации! — Он сердито закурил.— Глупость какая-то!

— Погодите минутку, командир.— Томас наморщил лоб, пытаясь что-то припомнить.— Кажется что-то в этом роде уже делалось.

Помнится, я где-то читал, что Наполеон был последним из генералов.

— Что-что?

— Да, это то самое. Там было написано, что Наполеон был последним из генералов, кто непосредственно командовал войсками, потому что это стало слишком сложно. В скором времени немцы изобрели штабы, и там говорилось, что после этого генералов больше не стало — настоящих генералов. Что никакой Наполеон не устоял бы против армии, которой командует генеральный штаб. Может быть, вам тоже завести у себя штаб?

— Господи, да у меня же есть штаб! Десяток секретарш, два десятка посыльных и помощников тут от них повернуться негде!

— Мне кажется, это не такой штаб, о котором там было написано. Такой штаб был у Наполеона.

— А какой штаб должен быть у меня?

— Я точно не знаю, но, по-моему, такие штабы есть во всех современных армиях. Вы ведь не кончали никакого военного училища?

— Вы прекрасно знаете, что нет.

Действительно, Томас уже давно догадывался, что Ардмор — не профессионал и волей-неволей вынужден многое делать просто по наитию. Ардмор знал, что Томас это знает, но до сих пор оба на эту тему помалкивали.

— Так вот, мне кажется, если найти кого-нибудь, кто окончил военное училище, он мог бы подсказать нам кое-что полезное.

— А где его взять? Все такие люди или погибли в боях, или ликвидированы после вторжения. А если и уцелели, то сидят тихо и изо всех сил стараются, чтобы никто не догадался, кто они такие. И нельзя их за это осуждать.

— Нет, конечно. Ну ладно, больше об этом не будем. Наверное, это была не такая уж блестящая идея.

— Не торопись, идея на самом деле хороша. Послушай, но ведь армия — не единственная крупная организация. Возьмите большие корпорации — «Стандард Ойл», например, или «Ю. С. Стил энд Дженерал Моторс»,— они, должно быть, тоже работают по такому принципу.

— Возможно. Некоторые, во всяком случае: во многих руководители тоже долго не выдерживают. Похоже, что генералы всегда погибают молодыми.

— Но все-таки там могут кое-что знать. Попробуйте разыскать кого-нибудь, кто там работал.

Через пятнадцать минут считывающие машины в управлении кадров уже перебирали с бешеной скоростью перфокарты всего личного состава. Выяснилось, что несколько человек с руководящим опытом работают на разных административных постах в самой Цитадели. Их тут же вызвали к Ардмору, а еще полутора десяткам был послан приказ немедленно «совершить паломничество» в Главный храм.

Первый из специалистов по управлению оказался негодным. Необыкновенно энергичный и напористый, он привык сам вникать в мельчайшие подробности, действуя примерно так же, как и Ардмор. Он смог предложить лишь незначительные усовершенствования в работе с бумагами — они обещали кое-какую экономию сил, но не меняли положения в принципе. Однако со временем нашлось несколько спокойных, невозмутимых людей, которые хорошо были знакомы с наукой управления. Один из них, бывший генеральный директор треста, даже изучал когда-то современные методы административной работы и был их горячим сторонником. Его Ардмор сделал своим начальником штаба. С его помощью отобрали еще несколько человек: один из них возглавлял управление кадров в компании «Сирс энд Роубак», другой был постоянным заместителем руководителя департамента общественных работ в одном из восточном штатов, третий — вице-директором страховой компании. Впоследствии нашлись и другие.

Оказалось, что новая система работает. На первых порах Ардмору было нелегко к ней привыкнуть: он всю жизнь работал в одиночку, а теперь у него как будто появилось несколько вторых «я», каждое из которых действовало и подписывало бумаги от его имени, что его изрядно смущало. Однако со временем он понял, что в любой ситуации эти люди, исходя из тех же соображений, принимают те же решения, какие бы принял он сам. Тем не менее

он почувствовал себя как-то странно, когда у него вдруг появилось свободное время и он мог наблюдать, как другие выполняют его собственную работу его же собственными методами, претворяя в жизнь несложный, но эффективный принцип деятельности любого штаба.

Теперь у него была возможность заниматься усовершенствованием этой системы и вникать лишь в те действительно важные дела, где требовались какие-то новые ответственные решения. Теперь он мог спать спокойно, зная, что один или несколько вторых «я» постоянно бодрствуют и начеку. Теперь он знал, что даже если погибнет, этот коллективный мозг все равно будет продолжать работать, пока цель не будет достигнута.

Было бы ошибкой думать, что паназиатские власти созерцали рост и распространение новой религии с полной безмятежностью. Однако на самой важной первой стадии ее развития они так еще и не поняли, что она может представлять для них опасность. На рапорт покойного лейтенанта, который первым узнал о культе Бога Мотаа, никто не обратил внимания — ему просто не поверили.

Добившись для служителей своей церкви свободы действий и передвижения, Ардмор и Томас неустанно внушали каждому из миссионеров, как важно поддерживать дружественные отношения с местными властями, проявляя смирение и такт. Извлекать прибыль из разоренной, враждебно настроенной страны было нелегко, азиаты с радостью брали золото от «священников» и ради этого готовы были на многое смотреть сквозь пальцы. Они не без оснований считали, что раб, который умножает их благосостояние,— хороший раб. Поэтому с самого начала было издано распоряжение оказывать всяческую поддержку жрецам Бога Мотаа, поскольку они способствуют освоению завоеванной страны.

Правда, некоторые паназиатские полицейские и мелкие чиновники, имея дело со «священниками», замечали, что при этом иногда происходит что-то весьма странное. Но так как во всех подобных случаях это означало для них потерю лица, они старались держать язык за зубами. Лишь долгое время спустя, когда накопилось достаточное количество не подлежащих сомнению

сообщений, власти убедились, что у всех без исключения жрецов Мотаа есть несколько неприятных и, больше того, недопустимых особенностей. Прежде всего, они оказались неприкосновенными. К ним даже нельзя было приблизиться вплотную, как будто их окружает прозрачная стеклянная стена. Против них были бессильны вихревые пистолеты. Они безропотно давали себя арестовывать, но каким-то образом всегда исчезали из тюрем. И, что хуже всего, стало ясно, что ни один паназиат ни при каких обстоятельствах не допускается в храм Бога Мотаа.

Примириться с этим власти не могли.

Глава 9

Мириться с этим власти не стали. Сам Наследный Принц отдал приказ арестовать Ардмора.

Сделано это было, конечно, не так грубо и прямо. В Главный храм сообщили, что Внук Неба предлагает Первосвященнику Бога Мотаа прибыть к нему.

Ардмор сидел у себя в кабинете, когда это сообщение доставил ему начальник штаба Кендиг. Впервые за все время их знакомства Ардмор заметил на его лице признаки волнения.

— Командир! — выпалил он.— Перед храмом приземлился воздушный крейсер, и капитан говорит, что ему приказано забрать вас с собой!

Ардмор отложил бумаги, которые просматривал.

Кендиг нахмурился.

— Что вы будете делать?

— Вы меня хорошо знаете. Как по-вашему, что я буду делать?

— Ну, мне кажется, вы поедете с ним. Только не нравится мне это. Лучше бы вам не ездить.

— А что еще мне остается делать? К открытому разрыву мы еще не готовы, нужно продолжать играть роль. Адъютант!

— Здесь, сэр!

— Пришлите моего ординарца, пусть приготовит полное облачение со всеми принадлежностями. Потом попросите капитана Томаса немедленно явиться сюда.

— Есть, сэр!

И адъютант бросился к видеофону. Облачаясь с помощью ординарца, Ардмор давал последние указания Кендигу и Томасу.

— Ну вот, Джефф, теперь все в ваших руках — держите вожжи крепче.

— Что вы хотите сказать?

— Если что-нибудь случится и я не смогу поддерживать связь со штабом, вы остаетесь за командующего. Приказ лежит у меня на столе, подписанный и скрепленный печатью.

— Но, командир...

— Нечего, нечего. Я давно уже так решил. Кендиг об этом знает и весь штаб тоже. Я бы и раньше взял вас в штаб, но вы были мне нужны в качестве начальника разведки.

Ардмор бросил взгляд в зеркало и пригладил свою курчавую светлую бороду. Бороды отрастили все, кто выступал перед публикой в качестве «священников». Азиаты с их скудной растительностью на лице выглядели рядом с ними женоподобными, и это порождало у них комплекс неполноценности, вызывая смутное, трудно объяснимое неприятное ощущение.

— Может быть, вы заметили, что из строевых офицеров вы по-прежнему старше всех по званию. Я позаботился об этом именно на такой случай.

— А Кэлхун?

— Да, о Кэлхуне. Как строевой офицер вы, конечно, старше его. Правда, боюсь, это вам не очень поможет с ним управляться, так что выпутывайтесь, как сможете. В крайнем случае приказывайте ему, он обязан подчиняться, только старайтесь обойтись без лишнего нажима. Впрочем, вы все это и без меня знаете.

В комнату вбежал посыльный, одетый послушником, и, отдав честь, отрапортовал:

— Сэр, дежурный по храму докладывает, что паназиатский офицер в большом нетерпении.

— Очень хорошо. Это мне и нужно. Инфразвук включен?

— Да, сэр, мы это даже по себе чувствуем — нервы начинают шалить.

— Ну, вы-то выдержите, вы же знаете, в чем дело. Передайте дежурному, пусть он скажет инженеру за пультом: надо, чтобы

уровень беспорядочно менялся, падал до нуля и поднимался снова. К тому времени, как я выйду, мы должны довести азиатов до настоящей истерики.

— Будет исполнено, сэр. Что-нибудь передать капитану крейсера?

— Сами ничего ему не говорите. Пусть дежурный сообщит, что я на молитве и не велел себя беспокоить.

— Хорошо, сэр.

Посыльный поспешно удалился. Ардмор пожалел, что не увидит, какая физиономия будет у косоглазого, когда ему это передадут.

— Я очень рад, что мы успели вовремя наладить эти головные телефоны,— заметил Ардмор, когда ординарец надевал на него тюрбан.

Первоначально тюрбаны служили только для того, чтобы скрыть под ними устройство, создающее над головой каждого служителя Бога Мотаа светящийся нимб. В тюрбане и с нимбом «священник» казался больше двух метров ростом, что тоже вызывало у низкорослых азиатов неприятные ощущения. Однако позже Шир изобрел способ поместить под тюрбан еще и переговорное устройство, которое теперь уже стало обязательной принадлежностью обмундирования «священника».

Ардмор поправил тюрбан, чтобы мембрана микрофона плотнее прилегала к сосцевидному отростку кости у него в ухе, и сказал обыкновенным голосом, как будто ни к кому не обращаясь:

— Говорит командующий. Проверка.

Как будто изнутри его головы прозвучал приглушенный, но отчетливый ответ:

— Говорит дежурный по связи. Вас слышу.

— Хорошо,— сказал Ардмор.— Включите пеленгаторы, пусть постоянно держат меня на прицеле. Будьте готовы соединять меня через ближайший храм со штабом. Мне может в любой момент понадобиться выход на первый канал.

Первый канал представлял собой систему всеобщего оповещения, к которой были подключены все храмы страны.

— От капитана Даунера что-нибудь слышно?

— Только что пришло донесение, сэр, я переправил его в штаб.

— Да? А, вижу.

Ардмор подошел к своему письменному столу, нажал на кнопку и вынул из факсимильного приемника листок бумаги. «Передайте командиру,— было написано на нем,— здесь что-то готовится. Не знаю что, но все начальство заметно приободрилось и держится нахально. Смотрите в оба и будьте осторожны». Больше в донесении ничего не было, да и этот текст, передававшийся из уст в уста, вполне мог содержать какие-то искажения. Ардмор нахмурился, потом подозвал адъютанта:

— Пришлите ко мне мистера Митсуи.

Когда вошел Митсуи, Ардмор протянул ему донесение.

— Вы уже слышали, что меня собираются арестовать?

— Об этом тут все слышали,— спокойно сказал Митсуи и отдал ему донесение.

— Фрэнк, представьте себе, что вы Наследный Принц. Чего бы вы намеревались добиться моим арестом?

— Командир,— отозвался Митсуи с обидой в голосе,— вы говорите так, как будто я один из этих... из этих кровожадных...

— Я прошу меня простить, но мне все же хотелось бы услышать ваше мнение.

— Ну хорошо. Должно быть, я собирался бы подержать вас взаперти, а тем временем прикрыть вашу церковь.

— Что еще вы можете сказать?

— Не знаю. Пожалуй, я вряд ли бы на это решился, если бы не был уверен, что смогу каким-нибудь способом преодолеть ваши защитные системы.

— Да, вероятно, вы правы.

Ардмор снова произнес, как будто ни к кому не обращаясь:

— Центр связи, объявите полную готовность на первом канале. Каждый священник, который сейчас находится вне своего храма, должен в него вернуться немедленно. Передайте это срочно, и пусть доложат об исполнении.— Он снова повернулся к остальным.— Теперь немного перекусим, и я отправлюсь. К тому времени наш желтолицый друг там, наверху, будет уже готовенький. Есть еще какие-нибудь вопросы напоследок?

Через дверь, скрытую за алтарем, Ардмор вышел в главный зал храма и медленно двинулся к широко открытому центральному порталу. Он знал, что паназиатский командир его видит, и постарался пройти двести метров, отделявшие его от входа, как можно величественнее. За ним следовала толпа служителей храма в красных, зеленых, голубых и золотистых одеждах. Приблизившись к дверям храма, свита выстроилась полукругом, а он один вышел наружу и подошел к паназиату, который был вне себя от раздражения.

— Твой властелин хочет меня видеть?

Офицер, с трудом совладав с собой, произнес по-английски:

— Тебе было приказано явиться ко мне. Как ты смеешь...

— Твой властелин хочет меня видеть? — повторил Ардмор, не дав ему закончить.

— Вот именно! Почему ты не...

— Тогда ты можешь проводить меня к нему.

Ардмор прошел мимо офицера и начал спускаться по ступеням храма, предоставив ему выбирать — бежать вдогонку или остаться позади. Повинуясь первому импульсу, офицер бросился было вслед, чуть не упал, споткнувшись на широких ступенях, и в конце концов занял отнюдь не почетную позицию далеко сзади, рядом со своими солдатами.

В городе, который Наследный Принц сделал своей столицей, Ардмору приходилось бывать, но еще до азиатского вторжения. Когда они приземлились на городском аэродроме, он огляделся вокруг — ему не терпелось увидеть, какие перемены произошли здесь за это время. Небо во всех направлениях бороздило множество воздушных машин — видимо, это объяснялось большей, чем в других местах, относительной численностью захватчиков. В остальном почти все осталось, как было. Вдали справа виднелся купол Капитолия штата: Ардмор знал, что теперь это дворец военного губернатора. В его внешнем виде что-то чуть изменилось; Ардмор не мог понять, что именно, но это было что-то совершенно чуждое западной архитектуре и придавало зданию восточный облик.

Долго разглядывать город Ардмору не пришлось. Стража, окружив его со всех сторон, подвела к эскалатору, который вел куда-то в подземные помещения. Они миновали множество дверей, охраняемых солдатами. При их приближении солдаты отдавали честь офицеру, возглавлявшему конвой, а Ардмор каждый

раз благословлял их в ответ, как будто приветствия предназначались ему одному. Офицер негодовал, однако ничего не мог поделать. Вскоре между ними началось молчаливое соревнование — кто первый ответит на приветствие. В конце концов офицер одержал верх, но для этого ему пришлось, к немалому удивлению охранников, отдавать им честь первым.

Когда они оказались в каком-то длинном прямом коридоре, Ардмор попробовал проверить связь.

— Великий Бог Мотаа,— произнес он,— слышишь ли ты своего слугу?

Офицер покосился на него, но ничего не сказал. В ушах у Ардмора тут же зазвучал приглушенный голос Томаса:

— Слышу вас, командир. Вас ретранслируют через храм, который в Капитолии.

— Великий Мотаа говорит, его слуга слышит. Воистину сказано, что невелик заяц, а уши у него длинные.

— То есть желтомордые вас подслушивают?

— И ныне и присно. Поймет ли Великий Мотаа шко-фр шильный?

— А, школьный шифр? Конечно, командир. Только, пожалуйста, помедленнее.

— Оч-ошо хор-ень. Погово-же позрим.

Вполне удовлетворенный, Ардмор умолк. Он очень надеялся, что паназиаты записывают все его слова,— тогда это обеспечит им изрядную головную боль. Даже такой нехитрый шифр легко раскрыть только тому, для кого этот язык — родной.

Приказ доставить во дворец Первосвященника Бога Мотаа Наследный Принц отдал не столько из соображений политики, сколько из любопытства. Правда, дела в завоеванной стране шли не самым лучшим образом, но он был убежден, что его советники — просто старые бабы, готовые в любую минуту удариться в панику. Разве возможно такое, чтобы религия рабов не стала опорой для завоевателей? Рабам нужна стена плача: они приходят в свои храмы, молят своих богов вызволить их из-под ига угнетателей, а потом идут и безропотно трудятся в поле и у станка, довольные, что смогли излить душу в молитве.

— Но для этого нужно, чтобы боги никак не откликались на их молитвы,— заметил как-то один из советников.

Он был прав: не могло быть и речи о том, чтобы богу вздумалось в самом деле сойти с пьедестала и предпринять какие-нибудь действия.

— А разве этот их Бог Мотаа что-нибудь сделал? Кто-нибудь это видел?

— Нет, Ваше Небесное Высочество, но...

— Так что он сделал?

— Мы не можем этого знать. Никому еще не удалось проникнуть в их храмы.

— Разве я не распорядился, чтобы никто не беспокоил рабов, когда они поклоняются своим богам? — ласковым тоном, не предвещавшим ничего хорошего, осведомился Принц.

— Конечно, Ваше Небесное Высочество, конечно,— поспешил заверить его советник,— их никто не беспокоит. Но ваши секретные агенты ни разу не смогли войти в храм для проверки, как ни пытались маскироваться.

— Да? Может быть, они просто плохо маскировались? Что же им мешало?

Советник покачал головой.

— В этом все дело, Ваше Небесное Высочество. Никто из них не в состоянии ничего припомнить.

— Не может быть. Что за нелепость? Приведите ко мне кого-нибудь из них, я сам его допрошу.

Советник развел руками.

— Мне очень жаль. Ваше Высочество...

— Ах, вот что? Ну конечно. Да почиют их души в мире.

Поглаживая свое пышно расшитое шелковое одеяние, Принц погрузился в размышления. Его взгляд упал на резные шахматы необыкновенно тонкой работы, расставленные на доске сбоку от него, и он лениво передвинул пешку. Нет, это решение не годится: белые должны начать и дать мат в четыре хода, а так получается пять. Он снова повернулся к советнику.

— Может быть, стоило бы обложить их налогом.

— Мы уже пробовали...

— Без моего разрешения? — еще ласковее спросил Принц.

На лице советника выступил обильный пот.

— Если бы это оказалось ошибкой, Ваше Высочество, то мы хотели, чтобы ответственность за нее пала на нас.

— Вы полагаете, что я способен совершить ошибку? — В свое время, будучи совсем молодым губернатором провинции в Индии, Принц написал учебник по управлению покоренными расами, изучение которого стало обязательным для каждого чиновника.— Ну хорошо, оставим это. Значит, вы обложили их налогом, и, вероятно, весьма обременительным. Ну и что?

— Они его платят, Ваше Высочество.

— Утройте его.

— Я не сомневаюсь, что они и тогда будут его платить, потому что...

— Удесятерите его. Назначьте такой высокий налог, чтобы они не смогли его уплатить.

— Но, Ваше Высочество, в этом-то и дело. Золото, которым они платят налог,— химически чистое. Наши мудрецы утверждают, что оно изготовлено искусственно, путем трансмутации. Они в состоянии уплатить любой налог. Больше того,— поспешно продолжал он,— по нашему мнению, которое, разумеется, не может сравниться с божественной мудростью Вашего Высочества,— тут он отвесил поклон,— это вообще не религия, а неведомая нам наука!

— Вы хотите сказать, что эти варвары располагают наукой, которая превосходит все известное Избранной Расе?

— Умоляю простить меня, Ваше Высочество, но что-то у них есть, и это сказывается на моральном состоянии наших людей. Число почетных самоубийств уже вызывает серьезные опасения, и к нам поступает слишком много рапортов от служащих, которые ходатайствуют о разрешении вернуться в страну отцов.

— Я надеюсь, вы не поощряете таких ходатайств?

— Нет, конечно, Ваше Высочество, но это приводит только к тому, что число почетных самоубийств среди наших людей, которые вынуждены общаться со служителями Бога Мотаа, продолжает расти. Страшно сказать, Ваше Высочество, но похоже, что такое общение подрывает дух ваших возлюбленных чад.

— Хм-м-м. Я думаю... Да, пожалуй, мне надо повидаться с этим Первосвященником Бога Мотаа.

— Когда Ваше Высочество хочет его видеть?

— Я вам об этом сообщу. А пока имейте в виду, что наши мудрецы — если только они не прожили на свете слишком долго и не перестали на что-то годиться,— должны быть в состоянии воспроизвести любое научное открытие, известное этим варварам, и найти способ ему противодействовать.

— Воистину так, Ваше Высочество.

Наследный Принц с любопытством смотрел на приближавшегося Ардмора. «Этот человек, по-видимому, не испытывает страха. Нужно признать, что для варвара вид у него довольно внушительный. Очень интересно. А что это светится у него над головой? Любопытно».

Ардмор остановился перед Принцем и, высоко воздев руку, произнес благословение.

— Ты просил меня прибыть к тебе, повелитель,— сказал он.

— Да. «Неужели этот человек не знает, что он должен встать на колени?»

Ардмор огляделся вокруг.

— Не прикажет ли повелитель своим слугам принести мне стул?

«Нет, этот человек просто великолепен — как жаль, что ему предстоит умереть. Или можно придумать какой-нибудь способ оставить его при дворе для развлечения? Конечно, это будет означать неминуемую смерть для всех, кто присутствует при этой сцене, а потом, может быть, и для многих других, если он и дальше будет выкидывать такие занятные штуки. Но, пожалуй, цена не так уж и велика».

Он сделал знак рукой. Двое слуг, явно потрясенные происходящим, поспешно принесли табуретку. Ардмор сел. Взгляд его упал на шахматный столик. Принц заметил это и спросил:

— Ты играешь в эту мудрую игру?

— Немного, повелитель.

— Как бы ты решил эту задачу?

Ардмор встал, подошел к шахматной доске и стал разглядывать позицию. Принц молча следил за ним. Придворные застыли в ожидании, безмолвные, как шахматные фигуры.

— Я бы пошел этой пешкой — вот так,— заявил наконец Ардмор.

— Так? Весьма неожиданный ход.

— *Но он необходим. После него следует мат в три хода* — впрочем, повелитель, конечно, это видит.

— Конечно. Да, конечно. Но я пригласил тебя сюда не для игры,— добавил он, отводя взгляд от доски.— Мы должны поговорить о другом. Я с сожалением узнал, что поступают жалобы на твоих последователей.

— Что огорчает повелителя, огорчает и меня. Может ли твой слуга спросить, в чем провинились его чада?

Принц еще раз взглянул на шахматы, потом поднял палец, и один из слуг опустился перед ним на колени, подставив ему доску для письма. Принц обмакнул кисточку в тушь, быстро написал несколько иероглифов и запечатал бумагу перстнем. Слуга, кланяясь, отступил и передал послание другому, который поспешно вышел.

— О чем это мы? Да, мне сообщили, что им не хватает смирения. Они не проявляют должного почтения к Избранным.

— Не придет ли повелитель на помощь скромному священнику, поведав ему, кто из его чад повинен в недостойном поведении и что он может сделать, чтобы они исправились?

Принц вынужден был признать про себя, что оказался в нелегком положении. Этот невежа-священник каким-то образом ухитрился перехватить инициативу. Принц не привык, чтобы его расспрашивали о подробностях, это неприлично. Кроме того, ему было просто нечего ответить: поведение священников Бога Мотаа было во всех отношениях совершенно безупречным.

Но вокруг стояли придворные, ожидая, что он скажет в ответ на эту непристойную выходку. Как там сказано в древних книгах? «Конфуций, поставленный в тупик глупым вопросом...»

— Не подобает слуге задавать вопросы повелителю. Ты только что провинился в том же, что и твои последователи.

— Я прошу прощения, повелитель. Но хотя раб не может задавать вопросы, разве не написано в древних книгах, что он может молить о снисхождении и помощи? Мы, простые слуги, не

обладающие мудростью Солнца и Луны. Разве не вы нам вместо отца и матери? Неужели вы откажетесь просветить нас с высоты своего величия?

Принц едва удержался, чтобы не прикусить губу от досады. «Как же это произошло? Коварный варвар снова повернул дело так, что я оказался не прав. Нельзя давать ему говорить — это опасно! Но пока нужно принять вызов: когда раб умоляет о снисхождении, честь требует ответить достойно».

— Мы согласны просветить тебя в одном — хорошенько запомни этот урок, и ты станешь мудрее во всем остальном.— Принц умолк, *а потом продолжал, тщательно подбирая слова:* — Ты и твои последователи низших рангов неподобающим образом приветствуете Избранных и тем наносите оскорбление всякому, кто это видит.

— Что я слышу? Неужели Избранная Раса пренебрегает благословением Бога Мотаа?

«Опять он все вывернул наизнанку! Наука управления гласит: повелитель должен делать вид, будто считает истинными богов, которым поклоняются рабы».

— Мы не отвергаем благословения. Но, произнося его, ты должен вести себя, как подобает слуге в присутствии повелителя.

Внезапно в ушах Ардмора зазвучал голос Томаса:

— Командир! Командир! Вы меня слышите? У дверей всех наших храмов стоят отряды полиции, они требуют, чтобы священники сдались в плен. Такие сообщения идут со всей страны!

— Великий Мотаа слышит! — произнес Ардмор, обращаясь к Принцу, но надеясь, что Джефф поймет.

— Это вы мне, командир?

— Тогда позаботься о том, чтобы его последователи это усвоили,— сказал Принц почти сразу, так что Ардмор не успел придумать никакой высокопарной фразы, которая содержала бы второй смысл, предназначенный для Томаса. Но он уже знал, что происходит, а Принц и подумать не мог, что он знает. Этим необходимо было воспользоваться.

— Как я могу поучать своих священников, если в этот самый момент ты берешь их под арест?

В голосе Ардмора звучала уже не смиренная просьба, а обвинение. Лицо Принца оставалось бесстрастным, и только глаза выдавали изумление. Неужели этот человек догадался, что означают только что написанные им иероглифы?

— Ты говоришь нелепости.

— Нет! В то самое время, когда ты объяснял мне, как я должен поучать своих священников, твои солдаты ломились в двери храмов Мотаа! Послушай, вот что желает передать тебе Бог Мотаа. Его служители не боятся земных властей. Не в твоих силах их арестовать, и ты никогда не смог бы это сделать, если бы Бог Мотаа не повелел им смириться. Через тридцать минут, очистившись духовно и препоясав чресла для грядущего испытания, каждый из них добровольно сдастся на пороге своего храма. А до тех пор — горе всякому, кто посмеет нарушить неприкосновенность храмов Мотаа!

— Так его, командир! Правильно! Значит, каждый священник должен протянуть полчаса, а потом сдаться — правильно я понял? И вооружиться излучателями, переговорными устройствами и всеми последними новинками. Подтвердите, если сможете.

— В жилу, Джефф! — Ардмору пришлось рискнуть, надеясь на то, что Принцу эти слова покажутся бессмысленными, а Джефф поймет.

— Хорошо, командир. Не знаю, что вы задумали, но мы с вами — на тысячу процентов!

Лицо Принца напоминало каменную маску.

— Уведите его.

Ардмор уже исчез за дверью, а Его Небесное Высочество еще долго сидел в молчании, глядя на шахматную доску и теребя нижнюю губу.

Ардмора поместили в подземное помещение с металлическими стенами и массивным засовом на двери. Но этого им показалось мало: едва он вошел, как послышалось шипение, и он увидел, что край двери в одном месте раскалился докрасна. Дверь заварили! Судя по всему, они не доверяют собственной охране и приняли все меры, чтобы он не мог бежать. Он вызвал Цитадель.

— Бог Мотаа, ты слышишь своего слугу?

— Да, командир.

— Умный понимает с полуслова.

— Понял, командир. Вас все еще подслушивают. Давайте обиняками, я догадаюсь.

— Пахан хочет побазарить со всеми шестерками.

— Вам нужен первый канал?

— И не тяните резину.

После короткой паузы Томас доложил:

— Все в порядке, командир, вы в эфире. Я буду наготове, чтобы переводить, только это вряд ли понадобится: все поймут. Начинайте, у вас пять минут, чтобы они успели сдаться вовремя.

— Кнокайте все — мамка велит, чтобы детки шли к дяде. Все клево, лишь бы погремушки были наготове. Берите на понт, фраера перетрухают. Туз козырь — косые с фосками. Не дрейфь, прорвемся.

— Поправьте меня, командир, если я не так понял. Вы хотите, чтобы священники сдались полиции и держались, как ни в чем не бывало, тогда азиаты перепугаются. Они должны вести себя, как вы,— хладнокровно и нахально. Посохи должны быть у каждого при себе, но пускать их в ход можно только по вашему приказанию. Правильно?

— Элементарно, мой дорогой Ватсон!

— А что делать дальше?

— Еще не вечер.

— Что-что? А, понял, ждать дальнейших указаний. Все ясно, командир. Время вышло!

— Гуляй, шпана!

Ардмор решил подождать до тех пор, пока все паназиаты, кроме охранников, улягутся спать или, по крайней мере, разойдутся по казармам. То, что он собирался сделать, могло произвести должное впечатление только в том случае, если никто не поймет, что произошло. Ночью шансов на это было больше.

Он вызвал Томаса, просвистав несколько первых тактов известной матросской песенки. Тот ответил мгновенно — он не ушел с дежурства и сидел у приемника, время от времени подбадривая пленников и ставя для них пластинки с записями военной музыки.

— Да, командир?

— Пора. Всем линять!

— Бежать из плена?

— Как нож сквозь масло.

Раньше они уже говорили о том, как это нужно будет проделать в случае необходимости. Томас подробно проинструктировал всех по радио и доложил:

— Готово. Только свистните, командир!

— Свистнул.

Он явственно представил себе, как Томас удовлетворенно кивнул.

— Есть, сэр! Ну, ребята, пошли!

Ардмор поднялся, расправил плечи и подошел к одной из стен камеры, встав так, что на нее падала его четкая тень. Да, здесь годится. Он отрегулировал свой посох так, чтобы тот генерировал первичное ледбеттеровское излучение в диапазоне, действующем только на людей монгольской расы. Дальность действия он поставил максимальную, а мощность — такую, чтобы излучение не убивало, а лишь оглушало, и после этого включил излучатель.

Через некоторое время Ардмор выключил излучатель и снова подошел к стене. Теперь нужно было перенастроить посох — работа предстояла тонкая. Он как можно тщательнее проверил регулировку и снова включил излучатель. В полной тишине атомы металла начали превращаться в атомы азота, которые тут же смешивались с воздухом. Вскоре в прочной стене появилось обширное отверстие, контуры которого повторяли форму его тени. Немного подумав, Ардмор еще раз включил излучатель и вырезал над отверстием окружность по размеру своего нимба. После этого он установил первоначальную настройку и, снова включив излучатель на полную мощность, шагнул в отверстие. Оно оказалось немного тесновато, и ему пришлось протискиваться боком.

В коридоре валялись на полу неподвижные тела десятка паназиатских солдат. Стена, сквозь которую он прошел, находилась напротив заваренной двери, но он с самого начала догадался, что камера будет охраняться со всех четырех сторон, а может быть, еще и сверху, и снизу.

Чтобы выбраться наружу, ему пришлось преодолеть еще не одну дверь и каждый раз перешагивать через тела солдат. В конце концов он оказался на свободе, но совершенно не представлял себе, где находится.

— Джефф! — позвал он.— Где я?

— Секунду, командир. Вы сейчас... Нет, запеленговать вас мы не можем, но это где-то почти точно на юг от ближайшего храма. Вы все еще около дворца?

— Совсем рядом.

— Тогда поворачивайте к северу, тут недалеко.

— А где север? Я совсем запутался. Нет, подождите,— нашел Большую Медведицу. Все в порядке.

— Поспешите, командир.

— Постараюсь.

Метров двести он пробежал рысцой, потом перешел на быстрый шаг. «Черт возьми,— подумал он,— когда целый день сидишь с бумагами, совсем теряешь форму».

Навстречу Ардмору попалось несколько азиатов-полицейских, но они были не в состоянии даже его заметить: генератор первичного излучения Ледбеттера в его посохе все еще работал на полную мощность. Белых почти не было видно — комендантский час соблюдался строго. Ему повстречались лишь несколько перепуганных уборщиков улиц. Он подумал, не увести ли их с собой в храм, но решил, что не стоит: они не в большей опасности, чем остальные сто пятьдесят миллионов американцев.

Показался храм, четыре стены которого горели четырьмя цветами Бога Мотаа. Ардмор ускорил шаг и вбежал в двери. Сразу же появился местный священник. Ардмор радостно поздоровался с ним, внезапно почувствовав, как приятно наконец поговорить со своим, с товарищем. Оба быстро прошли за алтарь и спустились вниз, в центр управления и связи, где оператор пара-радио и его сменщик, увидев их, обрадовались чуть ли не до слез. Ардмора угостили черным кофе, который он с удовольствием выпил. Потом он велел оператору отключить первый канал и наладить видеосвязь со штабом.

Томас, казалось, готов был прыгнуть в передающую камеру.

— Уайти! — завопил он.

С самого вторжения Ардмора никто не называл этим старым прозвищем, он даже не знал, что Томасу оно известно, но теперь на душе у него стало теплее.

— Привет, Джефф! — отозвался он.— Рад вас видеть. Есть какие-нибудь донесения?

— Кое-какие есть. И все время поступают новые.

— Переключайте меня на каждую епархию по очереди, первый канал — это слишком громоздко. Пусть коротко докладывают обстановку.

Меньше чем двадцать минут спустя он принял рапорт последней епархии. Все священники уже вернулись в свои храмы.

— Хорошо,— сказал он Томасу.— Теперь переключите излучатели в каждом храме на обратное действие и разбудите этих обезьян, которых уложили священники. Пусть пройдутся направленным излучением по всему пути, по которому возвращался каждый, до самой тюрьмы.

— Будет сделано, если вы так велите, командир. Только почему не дать им проснуться самим, когда действие облучения кончится?

— Потому что, если они неожиданно придут в себя прежде, чем их обнаружат,— объяснил Ардмор,— это будет выглядеть куда таинственнее, чем если их просто найдут полумертвыми. Наша задача — сломить их боевой дух, и так будет лучше.

— Вы правы, как всегда, командир. Приказ уже отдан.

— Прекрасно. Когда это будет сделано, пусть все проверят защитные экраны храмов, включат инфразвук и ложатся спать — все, кто не на дежурстве. Я думаю, завтра у нас будет нелегкий день.

— Хорошо, сэр. А вы разве не возвращаетесь сюда?

Ардмор покачал головой.

— Лишний риск. Наблюдать за событиями я с таким же успехом могу по телевидению — это будет ничуть не хуже, чем если бы я стоял рядом с вами.

— Шир готов в любой момент слетать и забрать вас. Он мог бы посадить машину прямо на крышу храма.

— Скажите ему спасибо, но это не нужно. Теперь сдайте дела дежурному по штабу и поспите немного.

— Будет сделано, командир.

Около полуночи Ардмор поужинал вместе с местным священником, а потом позволил ему отвести себя в подземную спальню.

Глава 10

Ардмор проснулся от того, что кто-то изо всех сил принялся его трясти. Он открыл глаза и увидел оператора пара-радио, который дежурил накануне.

— Майор Ардмор! Майор Ардмор! Проснитесь!

— М-м-м-м... Угу... Что такое?

— Проснитесь! Вас вызывает Цитадель — срочно!

— Который час?

— Около восьми. Скорее, сэр!

К тому времени, как Ардмор добрался до видеофона, он уже почти проснулся. У аппарата был Томас. Увидев Ардмора, он сразу же начал:

— Есть новость, командир. Плохая новость. Паназиатская полиция устраивает облавы на наших прихожан. Прочесывает квартал за кварталом.

— Хм-м. Наверное, этого следовало ожидать. Многих успели забрать?

— Не знаю. Я вызвал вас сразу же, как только пришло первое сообщение, а сейчас они идут одно за другим со всей страны.

— Ну что ж, надо браться за дело.

Священник, хорошо вооруженный и защищенный, мог позволить себе рискнуть и пойти под арест, но эти люди совершенно беззащитны.

— Командир, вы помните, что они сделали после первого мятежа? Скверное дело, командир. Что-то мне не по себе.

Ардмор понимал, чего боится Томас,— ему самому стало страшно. Однако он постарался никак этого не показать.

— Не надо паники, приятель,— сказал он спокойно.— Пока еще ничего с нашими людьми не случилось — и мы должны сделать так, чтобы с ними ничего не случилось и дальше.

— Но что вы собираетесь делать, командир? Нас слишком мало, чтобы остановить их, пока они не перебьют множество народу.

— Слишком мало, чтобы остановить их силой,— может быть; но есть и другие способы. Продолжайте собирать сведения и

предупредите всех, чтобы никто не начал действовать очертя голову. Я свяжусь с вами минут через пятнадцать.— И он выключил аппарат прежде, чем Томас успел ответить.

Надо было как следует подумать. Если бы он мог вооружить посохом каждого из прихожан, все было бы очень просто. Защитный экран теоретически позволял уберечь человека от чего угодно, за исключением, пожалуй, атомной бомбы или отравляющего газа. Но у производственного управления Цитадели едва хватало сил на то, чтобы снабдить посохом каждого нового священника, и о том, чтобы обеспечить посохами всех, не могло быть и речи: никаких возможностей для их массового выпуска не было.

Конечно, священник может растянуть свой экран настолько, чтобы укрыть им любое пространство и сколько угодно людей, но такой растянутый экран слишком проницаем — его можно пробить даже снежком. Нет, это не годится.

Ардмор вдруг сообразил, что снова думает лишь о непосредственном силовом воздействии,— но ведь он прекрасно знал, что такой подход бесперспективен! Вместо этого требовалось что-то вроде психологического джиу-джитсу — какой-нибудь хитрый прием, позволяющий обратить силу противника против него самого. Военная хитрость — вот что нужно. Каких бы ответных действий противник ни ждал,— именно их и следовало всячески избегать! Делать все, что угодно, кроме этого!

Но что? Ему показалось, что он нашел ответ, и он вызвал Томаса.

— Джефф,— сказал он,— дайте мне первый канал.

Несколько минут он говорил, обращаясь ко всем священникам,— медленно и обстоятельно, выделяя самое важное.

— Что-нибудь непонятно? — спросил он наконец и долго отвечал на вопросы, которые задавали ему из разных епархий.

Ардмор вышел из храма вместе с местным священником. Тот пытался его отговорить, но он ничего не хотел слушать. Священник был, конечно, прав. Ардмор и сам знал, что ему не следует *рисковать без необходимости, но все-таки позволил себе роскошь* хоть ненадолго вырваться из-под сдерживающего влияния Джеффа Томаса.

— Как вы намерены узнать, где они держат наших людей? — спросил священник, бывший торговец недвижимостью по фамилии Уорд. Человек незаурядного ума, он Ардмору сразу понравился.

— Ну, а что сделали бы вы, если бы меня под рукой не было?

— Не знаю. Должно быть, явился бы в полицейский участок и попробовал как-нибудь запугать дежурного косоглазого, чтобы он мне сказал.

— Годится. Где тут участок?

Штаб-квартира паназиатской полиции находилась у самого дворца, кварталах в восьми-девяти к югу от храма. По пути они встретили много паназиатов, но никто их не трогал. Остолбенев от изумления, азиаты только провожали глазами двух служителей Бога Мотаа, шествующих по улице как ни в чем не бывало. Даже полицейские патрули, видимо, не знали, что предпринять,— никакие инструкции такой случай не предусматривали.

Тем не менее кто-то предупредил об их приближении. У входа их встретил растерянный офицер-азиат, который без особой уверенности объявил:

— Сдавайтесь! Вы арестованы!

Они направились прямо к нему. Ардмор воздел руку, благословляя его, и произнес нараспев:

— Мир тебе! Проведи меня к моим людям.

— Вы что, собственного языка не понимаете? — сердито рявкнул паназиат.— Вы арестованы! — Его рука потянулась к кобуре.

— Твое земное оружие,— спокойно сказал Ардмор,— бессильно против Великого Бога Мотаа. Он повелевает тебе провести меня к моим людям. Я тебя предупредил!

Ардмор продолжал идти вперед, пока его защитный экран не пришел в соприкосновение с телом офицера и тот не ощутил исходящего неизвестно откуда давления. Нервы паназиата не выдержали, он отступил на шаг, выхватил пистолет и выстрелил в упор. Вихрь, вылетевший из ствола, ударился в экран, который бесследно его поглотил.

— Великий Мотаа недоволен,— заметил Ардмор хладнокровно.— Веди за собой его слугу, пока Великий Мотаа не вынул из тебя душу.

Он повернул регулятор на посохе и привел в действие другой эффект, еще ни разу не испытанный на паназиатах. Принцип был очень прост: излучатель генерировал силовой луч цилиндрической формы — получалось нечто вроде невидимой трубки. Ардмор направил луч на лицо офицера, переключил регулятор на притяжение, и мгновение спустя весь воздух из трубки оказался выкачан. Офицер замахал руками, тщетно пытаясь вдохнуть. Когда у него из носа потекла кровь, Ардмор отключил луч.

— Где мои чада? — спросил он еще раз, так же спокойно.

Офицер, повинуясь первому побуждению, кинулся бежать. Ардмор силовым лучом прижал его к двери, снова переключил генератор на всасывание и направил луч на его живот.

— Где они?

— В парке,— прохрипел офицер и согнулся пополам в приступе рвоты.

Ардмор и священник величественно повернулись и начали спускаться по ступенькам, сметая со своего пути силовым лучом всех, кто пытался их остановить.

Парк располагался позади здания бывшего капитолия штата. Они обнаружили, что прихожан согнали в поспешно сооруженную загородку, которую в несколько рядов окружали паназиатские солдаты. Рядом был выстроен помост, где суетились техники, устанавливая телекамеры. По-видимому, рабам собирались преподать еще один наглядный урок. Ардмор не заметил поблизости никаких признаков установки, с помощью которой в тот раз вызывали эпилептический припадок: или ее еще не привезли, или паназиаты собирались прибегнуть к какому-то иному виду наказания. Возможно, эти солдаты — не что иное, как расстрельная команда.

На мгновение Ардмор испытал сильное желание взяться за посох и вышибить дух из всех солдат до единого. Они стояли по команде «вольно», сложив оружие в пирамиды, и ему, скорее всего, удалось бы это сделать раньше, чем они успеют причинить хоть какой-нибудь вред — не ему, а беззащитным прихожанам. Но он тут же решил, что это будет неверный шаг. Он был прав, внушая своим священникам, что их единственное оружие сейчас — блеф: справиться со всей армией Паназиатской империи им не под силу.

Но он все же должен был так или иначе дать возможность этим людям достигнуть храма, где они окажутся в безопасности.

Толпа за загородкой узнала Уорда, а может быть, и самого Ардмора — слухи о нем распространились по всей стране. Он видел, как отчаяние на их лицах внезапно сменилось надеждой. Они возбужденно теснились у загородки. Однако он шел мимо, удостоив их лишь поспешного благословения. Уорд следовал за ним. Надежду на лицах людей сменило недоверие, а потом и растерянность, когда они увидели, что он подошел к командиру паназиатов и благословил его точно так же, как и их.

— Мир тебе! — воскликнул Ардмор.— Я пришел тебя помочь.

Офицер отдал какой-то приказ на своем языке. Двое солдат подбежали к Ардмору и попытались его схватить. Защитный экран отбросил их назад, они сделали еще одну тщетную попытку и застыли на месте, повернувшись к своему командиру, в ожидании нового приказа, как собака, поставленная в тупик невыполнимой командой.

Ардмор, не обращая на них внимания, приблизился вплотную к командиру паназиатов.

— Мне сказали, что мой народ провинился,— объявил он.— Великий Мотаа накажет его.— Не ожидая ответа, он повернулся спиной к озадаченному офицеру и крикнул: — Именем Шаама, Властителя Мира!

Ардмор повернул ручку, и из посоха вырвался зеленый луч. Он направил его на прихожан, которые повалились с ног, как спелые колосья пшеницы от порыва бури. Через несколько секунд все до единого, мужчины, женщины и дети, неподвижно лежали на земле, как мертвые. Ардмор снова повернулся к офицеру-паназиату и низко склонился перед ним.

— Твой слуга просит принять их покаяние.

Сказать, что офицер растерялся, было бы мало. Он хорошо усвоил, как следует поступать в случае сопротивления, но не знал, что делать, когда ему с такой готовностью шли навстречу,— про это ему никто ничего не говорил.

Ардмор не дал ему времени подумать.

— Великий Мотаа все еще не удовлетворен,— сообщил он,— и повелел мне одарить тебя и твоих людей подарками. Золотыми подарками!

Он повернул ручку переключателя, и из посоха вырвался ослепительно белый луч. Он направил его на оружие, сложенное в пирамиды справа от него, и Уорд сделал то же слева. Ружья сверкали и искрились под лучом, и везде, где он касался металла, тот мгновенно приобретал глубокий золотистый оттенок. Это было золото — чистое золото!

Рядовому солдату паназиатской армии платили не больше, чем всегда и повсюду платят рядовому солдату. Ряды паназиатов смешались и перепутались, как вереница скаковых лошадей перед барьером. Какой-то сержант шагнул к пирамиде, взял ружье, осмотрел его и поднял высоко над головой, возбужденно выкрикнув что-то на своем языке.

Солдаты бросились к ружьям. Они кричали, размахивали руками и пускались в пляс. Они дрались друг с другом из-за оружия, ставшего драгоценным, хотя и бесполезным в бою. Они не обращали никакого внимания на офицеров, которых тоже охватила золотая лихорадка.

Ардмор взглянул на Уорда и кивнул.

— А ну, покажем им! — скомандовал он и, переключив ручку, направил луч на паназиатского командира.

Тот свалился без сознания, так и не поняв, что произошло, потому что в отчаянии смотрел только на своих солдат, забывших о дисциплине. Уорд тем временем занялся остальными офицерами.

Потом Уорд превратил в пыль ворота загородки, а Ардмор направил на пленников луч обратного действия. Теперь предстояло самое трудное — уговорить больше трехсот человек, оглушенных и растерянных, подчиниться и организованно двинуться в одном направлении. Однако громкие голоса и непреклонная решимость Ардмора и Уорда в конце концов сделали свое дело. Оставалось только с помощью силового луча расчистить себе путь сквозь толпу азиатов, потерявших рассудок от неожиданного богатства и продолжавших драться между собой. При этом Ардмору пришла в голову еще одна идея: он принялся таким же способом сгонять вместе прихожан — точь-в-точь как деревенская девочка подгоняет прутиком гусей.

Девять кварталов до храма они преодолели за десять минут. Пришлось двигаться рысцой, хотя многие, запыхавшись, пытались протестовать. В конце концов они достигли цели раньше, чем противник успел прислать подкрепление. На всякий случай Ардмор и Уорд укладывали без сознания каждого азиата, который попадался им на пути.

Добравшись наконец до дверей храма, Ардмор утер с лица пот и со вздохом сказал:

— Уорд, у вас найдется что выпить?

Он не успел докурить сигарету, как его вызвал Томас.

— Командир,— сказал он,— к нам начинают поступать донесения. Я думаю, вам интересно?

— Слушаю.

— До сих пор все идет как будто хорошо. Процентов двадцать священников доложили, что их люди в безопасности.

— Потери есть?

— Есть. Погибли все прихожане из Чарльстона в Южной Каролине. Их перебили еще до того, как до них добрался священник. Он включил посох на полную мощность и напал на азиатов — истребил их раза в два-три больше, чем эти обезьяны убили наших, а потом пробился назад, в храм.

Услышав это, Ардмор покачал головой.

— Плохо. Мне жаль его прихожан, но еще больше жаль, что он не выдержал и кинулся на паназиатов. Он раскрыл наши карты, а ведь мы еще не готовы.

— Но его можно понять, командир: среди прихожан была его жена.

— Я его не осуждаю. К тому же что сделано, то сделано — рано или поздно нам все равно пришлось бы вступить в бой. Просто теперь придется действовать намного быстрее. Еще какие-нибудь осложнения?

— Почти никаких. Кое-где по пути к храму пришлось вести арьергардные бои, есть небольшие потери.

Ардмор увидел, как связной принес Томасу толстую пачку бумаг. Томас взглянул на них и сказал:

— Еще донесения, командир. Прочитать вам?

— Нет. Подготовьте общий рапорт, когда доложат все. Или почти все — скажем, через час. Связь окончена.

Через час выяснилось, что больше девяноста семи процентов последователей Бога Мотаа препровождено в храмы и находятся вне опасности. Ардмор собрал штаб и изложил свои ближайшие планы. На заседании он, можно сказать, присутствовал и сам: на том месте, где он обычно сидел, стояли микрофон, телекамера и приемник.

— Нам пришлось приступить к действиям,— сказал он.— Как вы знаете, мы не рассчитывали начать раньше, чем через две недели, может быть, даже через три. Но теперь у нас нет выбора. Мне кажется, мы должны действовать как можно быстрее, чтобы постоянно опережать противника.

Он предложил высказываться. Присутствовавшие согласились, что нужно действовать немедленно, но когда разговор зашел о том, что следует делать, мнения разделились. Выслушав всех, Ардмор принял решение,— он утвердил план дезорганизации противника по варианту номер 4 и приказал начинать подготовку.

— Помните,— предупредил он,— как только мы начнем, отступать будет поздно. События уже развиваются быстро, а дальше дело пойдет еще быстрее. Сколько у нас лучеметов?

Лучемет представлял собой наипростейший ледбеттеровский излучатель, какой только можно было сконструировать. Внешне он очень напоминал пистолет, и пользовались им примерно так же. Он генерировал направленный луч первичного ледбеттеровского излучения в диапазоне, смертоносном для людей монгольской крови, но ни для кого другого. Научить с ним обращаться можно было за каких-нибудь три минуты: чтобы привести его в действие, достаточно было прицелиться и нажать на спуск. При этом стрелявший не мог убить из него — в буквальном смысле слова — даже мухи, не говоря уж о человеке белой расы, но для азиатов это была верная и внезапная смерть.

Оружия для решающих боев должно было понадобиться много, и, чтобы наладить его производство и распределение, пришлось решить немало сложных проблем. Посохи, которыми пользовались священники, для этого не годились — каждый из них был штучным изделием, тончайшим инструментом, сравнимым разве что с лучшими швейцарскими часами. Шир тщательно отделывал вручную только самые ответственные детали каждого посоха, и все равно, чтобы удовлетворить возраставшую потребность, пришлось придать ему в помощь множество наиболее квалифицированных слесарей-инструментальщиков. Все держалось на их ручной роботе — о массовом производстве не приходилось и думать, пока американцы не вернут себе снова контроль над заводами. Кроме того, чтобы более или менее умело использовать все возможности посоха, каждый священник должен был пройти долгий курс обучения под руководством опытных инструкторов.

Лучемет оказался прекрасным выходом из положения. Он был несложен, прочен и не содержал никаких движущихся частей, кроме кнопки-спуска. Тем не менее изготавливать лучеметы в сколько-нибудь значительных количествах в самой Цитадели было нельзя: их пришлось бы доставлять оттуда во все концы страны, и это неминуемо привлекло бы внимание паназиатских властей. Поэтому каждому священнику, отправлявшемуся в свой храм, вручали образец лучемета, и он должен был сам найти среди прихожан достаточно квалифицированных рабочих, которые могли бы делать это сравнительно простое оружие. Под каждым храмом уже не первую неделю работали тайные мастерские, где тысячами готовили детали и собирали вручную сотни маленьких, но смертоносных изделий.

Штабной офицер, отвечавший за снабжение, доложил Ардмору, сколько запасено лучеметов.

— Очень хорошо,— одобрил Ардмор.— Это меньше, чем у нас прихожан, но ничего не поделаешь. К тому же многих все равно придется отбраковать. На наши священнодействия клюнули все до единого психи, какие только есть в стране,— все эти длинноволосые мужчины и стриженые женщины. Если их не считать, очень

может быть, сколько-нибудь лучеметов еще останется. Кстати, если в самом деле найдутся лишние, то в каждом приходе есть, наверное, молодые, крепкие, решительные женщины, от которых в бою будет то́лк. Их тоже нужно вооружить. Что до психов, то в общей диспозиции есть подробные указания — как объявить прихожанам, что все это только прикрытие, под которым мы готовили мятеж. Нужно только вот что еще добавить. Девять человек из десяти будут без памяти рады услышать то, что мы им сообщим, и без колебаний пойдут с нами. Но один из десяти может заупрямиться, струсить, даже попытаться сбежать из храма. Ради Бога, предупредите всех священников, чтобы были осторожны: пусть сообщают это не всем одновременно, а собирают по нескольку человек, не больше, и пусть будут готовы усыпить своими посохами всякого, кто вздумает им помешать. И пусть держат таких под замком, пока все не кончится,— перевоспитывать их нам некогда. А теперь — вперед! До конца дня священники должны объявить обо всем прихожанам и попытаться организовать их в некое подобие воинских частей. Томас, я хочу, чтобы воздушная машина, которая сегодня вечером отправится за Наследным Принцем, сначала подобрала меня здесь. Пусть на ней летят Уилки и Шир.

— Хорошо, сэр. Но я собирался лететь сам. Вы не возражаете?

— Возражаю,— сухо сказал Ардмор.— Если вы посмотрите диспозицию, вы увидите, что согласно ей командующий операцией должен находиться в Цитадели. Поскольку я здесь, а не в Цитадели, вы должны занять мое место.

— Но, командир...

— Мы не имеем права рисковать собой оба. Во всяком случае, пока. Так что лучше помолчите.

— Слушаюсь, сэр.

Через некоторое время Ардмора снова вызвали к аппарату. На экране он увидел дежурного по центру связи.

— Майор Ардмор, с вами хочет говорить Солт-Лейк-Сити. Срочно.

— Соедините.

Вместо дежурного на экране появилось лицо священника из Солт-Лейк-Сити.

— Командир,— начал он,— тут у нас есть один очень странный пленный. Мне кажется, лучше вам допросить его самому.

— Мне некогда. А в чем дело?

— Понимаете, он азиат, но утверждает, будто на самом деле он белый и вы его знаете. Самое странное то, что он как-то прошел через наш экран. Я думал, такого не бывает.

— Такого действительно не бывает. Давайте его сюда.

Как и начал догадываться Ардмор, это оказался Даунер. Ардмор представил его местному священнику, еще раз заверив того, что его защитный экран в полном порядке.

— Теперь, капитан, выкладывайте.

— Сэр, я решил явиться и доложить вам все в подробностях, потому что наступает критический момент.

— Знаю. Давайте подробности.

— Сейчас, сэр. Не знаю, представляете ли вы себе, какой ущерб уже нанесен противнику. Их боевой дух тает, как снег в оттепель. Они нервничают и теряют уверенность в себе. Что произошло?

Ардмор вкратце изложил ему события последних суток — его арест, арест священников, арест всех последователей Мотаа и их освобождение. Даунер молча кивал.

— Тогда все понятно. Я не знал, в чем дело, ведь они никогда ничего не говорят простым солдатам. Но я видел, что у них началось разложение, и решил сообщить вам.

— Что же случилось?

— Ну, я думаю, лучше всего просто рассказать вам, что я видел, а выводы уж делайте сами. В Солт-Лейк-Сити взят под стражу второй батальон полка «Дракон». Ходят слухи, что все его офицеры покончили с собой. Я думаю, это тот самый батальон, который дал всем здешним прихожанам благополучно уйти, но точно не знаю.

— Возможно. Продолжайте.

— Я знаю только то, что видел. Их привели утром с опущенными знаменами и развели по казармам, а снаружи приставили сильную охрану. Но это не все, дело не только в каком-то батальоне,

который посадили под арест. Командир, вы знаете, как может разложиться целый полк, когда полковник начинает терять управление?

— Знаю. Они теряют управление войсками?

— Да. По крайней мере, здесь, в Солт-Лейк-Сити. Готов спорить, что здешний командующий боится сам не знает чего и его страх передается войскам, до самого последнего солдата. Многие кончают с собой, даже рядовые. День-другой походит мрачный как туча, а потом садится лицом к Тихому океану и выпускает себе кишки. Но есть основания думать, что то же самое происходит по всей стране. Наследный Принц именем Небесного Императора издал приказ, что почетные самоубийства отныне запрещаются.

— И как это подействовало?

— Пока еще рано говорить — приказ огласили только сегодня. Но можно себе представить, что это для них означает, командир. Для этого нужно пожить среди них, как я. Для паназиата потеря лица — это все. Они так заботятся о внешних приличиях, что американцу этого никогда не понять. А сказать человеку, который потерял лицо, что ему запрещено свести баланс и предстать перед предками очистившимся,— это хуже, чем убить его. Можете быть уверены, что Наследный Принц тоже напуган, иначе он никогда не решился бы на такую меру. Наверное, за последнее время он потерял невероятное количество своих офицеров, раз такое вообще пришло ему в голову.

— Это радует. Я надеюсь, что за эту ночь мы сможем подорвать их боевой дух еще сильнее. Значит, вы считаете, что они готовы отступить?

— Ничего такого я не говорил, майор. И не хотел бы, чтобы вы так подумали. Эти проклятые желтые обезьяны,— продолжал он вполне серьезно, забыв, что сам с виду в точности похож на азиата,— в таком состоянии еще раза в четыре опаснее, чем когда они ходят задрав нос. Они способны из-за любой мелочи потерять голову и начать убивать направо и налево — женщин, детей, всех без разбора!

— Хм-м. Вы что-нибудь можете предложить?

— Могу, командир. Нанесите по ним удар всеми силами и как можно скорее, пока они не принялись истреблять всех вокруг. Они уже дрогнули — добейте их! До того как они вспомнят, что есть мирное население. Иначе начнется такое кровопролитие, что по сравнению с ним вторжение будет выглядеть, как пикник на лужайке! Это, кстати, одна из причин, почему я явился в храм. Не хочу, чтобы мне приказали убивать своих.

Сообщение Даунера заставило Ардмора задуматься. Он понимал, что Даунер, вероятно, правильно судит о том, как работает голова у азиатов. Та опасность, о которой говорил Даунер,— опасность карательных мер против гражданского населения,— существовала с самого начала. Поэтому им и пришлось основать культ Бога Мотаа: нельзя было идти на прямые боевые действия, потому что это грозило систематическим истреблением мирных жителей. Если верить Даунеру, паника, посеянная в рядах завоевателей, теперь угрожала толкнуть их именно на такие жестокие действия.

Может быть, отменить вариант 4 и ударить сегодня же?

Нет, это просто нереально. Священникам нужно дать хотя бы несколько часов на то, чтобы организовать из прихожан партизанские отряды. Значит, остается действовать по плану, стараясь как можно больше ослабить завоевателей. Как только дело пойдет, паназиатам будет не до мирного населения.

Маленькая воздушная машина-разведчик снизилась и мягко, бесшумно приземлилась на крыше храма в городе, который сделал своей столицей Наследный Принц. Когда Ардмор подошел к ней, широкий люк открылся, из машины вылез Уилки и отдал честь.

— Привет, командир!

— Здравствуйте, Боб. Как раз вовремя, я вижу,— ровно полночь. Как вы думаете, вас не заметили?

— Вряд ли. Во всяком случае, радаром не засекли ни разу. Мы летели высоко и быстро — замечательная штука эта управляемая гравитация.

Они поднялись в машину. Шир кивнул командиру и сказал через плечо: «Добрый вечер, сэр», не снимая рук со штурвала. Как только они пристегнулись, машина взмыла вертикально вверх.

— Какие будут приказания, сэр?

— На крышу дворца — и будьте осторожны.

Не зажигая огней, с огромной скоростью, не пользуясь никакими двигателями, которые мог бы засечь противник, маленькая машина понеслась к цели. Когда они приземлились снова, Уилки хотел открыть люк, но Ардмор остановил его:

— Сначала осмотритесь как следует.

Воздушный крейсер паназиатов, патрулировавший над резиденцией вице-императора, изменил курс и включил прожектор. Его луч, направляемый радаром, упал на маленькую машину.

— Вы достанете до него на таком расстоянии? — почему-то шепотом спросил Ардмор.

— Проще простого, командир.

Уилки поймал цель в скрещение линий и нажал на спуск. Казалось, ничего не произошло, но луч прожектора передвинулся куда-то в сторону.

— Вы уверены, что попали? — с сомнением спросил Ардмор.

— Безусловно. Теперь он будет лететь на автопилоте, пока не кончится горючее. Но в живых там никого не осталось.

— Хорошо. Шир, смените Уилки у излучателя. Не открывайте огонь, пока вас не обнаружат. Если мы не вернемся через тридцать минут, возвращайтесь в Цитадель. Пошли, Уилки, порезвимся немного.

Шир молча выслушал приказ, но по тому, как заходили желваки у него на скулах, было видно, что он остался им недоволен. Ардмор и Уилки, оба в полном священническом облачении, осмотрели крышу в поисках хода вниз. Излучатель в посохе Ардмора непрерывно работал в диапазоне, действовавшем на людей монгольской расы, однако уровень был установлен такой, чтобы излучение не убивало, а только оглушало. Перед тем как они приземлились, гораздо более мощный излучатель, установленный на воздушной машине, подверг облучению в том же диапазоне весь дворец, и все находившиеся там азиаты должны были лежать без сознания,— но Ардмор не хотел рисковать.

Крышу резать не пришлось. Ардмор и Уилки осторожно спустились по крутой железной лестнице, предназначенной для ра-

бочих-ремонтников. Оказавшись внутри здания, Ардмор не сразу сориентировался и подумал, не разыскать ли какого-нибудь азиата, чтобы привести его в чувство и силой заставить показать дорогу. Однако им повезло: они были как раз на нужном этаже и вскоре увидели вход в помещение, которое занимал Принц,— об этом можно было догадаться по численности лежавших здесь без сознания охранников. Дверь была не заперта: покой Принца всегда оберегали не замки, а вооруженные часовые, и иметь дело с ключом ему в жизни не приходилось.

Принц неподвижно лежал в своей постели, рядом валялась выпавшая у него из рук книга. По углам просторной комнаты были распростерты тела четверых слуг. Уилки с интересом разглядывал Принца.

— Вот где он, значит, устроился. Что дальше, майор?

— Встаньте по ту сторону кровати, я буду стоять здесь. Нельзя давать ему сосредоточиться на ком-то одном. И встаньте ближе, чтобы ему пришлось смотреть на вас снизу вверх. Главное скажу я, но вы время от времени тоже вставляйте несколько слов, чтобы сбить его с толку.

— А что говорить?

— Что-нибудь благочестивое. Чтобы звучало внушительно, но ничего не означало. Сможете?

— Пожалуй. Мальчишкой я продавал газеты на улице.

— Вот-вот. Он крепкий орешек, голыми руками его не возьмешь. Я попробую сыграть на двух врожденных чувствах, которые есть у каждого человека,— на страхе удушья и боязни высоты. Я мог бы сделать все сам с помощью посоха, но будет проще, если этим займетесь вы.

— А что нужно делать?

Ардмор объяснил и добавил:

— Ну ладно, за дело. Встаньте на свое место.

Он нажал кнопку, и посох засветился всеми четырьмя цветами. Уилки сделал то же. Ардмор подошел к выключателю и погасил свет в комнате.

Наследный Принц Паназии, внук Небесного Императора и наместник Западного Царства Империи, очнулся и увидел, что

над ним в полумраке стоят две внушительных фигуры. Та, что повыше, была в мантии, которая излучала мерцающий молочно-белый свет, и в светящемся точно так же тюрбане, а над ее головой белым пламенем сиял нимб. Яркие лучи рубинового, золотого, изумрудного и сапфирового света изливались из набалдашника, который венчал ее посох. Вторая фигура была похожа на первую, только облачение ее светилось багрово-красным светом, как раскаленное железо в горне. На лица обоих падали отблески разноцветных лучей.

Фигура в белом повелительным жестом простерла руку и произнесла:

— Вот мы и встретились снова, несчастный Принц!

Принц многое повидал в жизни, и страх был ему неведом. Он попытался сесть, но какая-то невидимая сила толкнула его в грудь и удержала на месте. Он хотел что-то сказать, но почувствовал приступ удушья.

— Молчи, недостойный! Моими устами говорит Бог Мотаа. Молчи и внимай!

Уилки понял, что пора отвлечь внимание азиата.

— Безмерна мощь Бога Мотаа! — произнес он.

— Твои руки обагрены кровью невинных,— продолжал Ардмор.— Пора положить этому конец.

— Безмерна справедливость Бога Мотаа!

— Ты угнетал его детей. Ты покинул страну своих предков и вторгся в чужую землю, неся с собой огонь и меч. Ты должен вернуться обратно!

— Безмерно терпение Бога Мотаа!

— Но ты злоупотребил его терпением. Ты разгневал его. Я предостерегаю тебя: берегись!

— Безмерно милосердие Бога Мотаа!

— Вернись туда, откуда ты пришел. Вернись немедля и уведи с собой всех, кто пришел с тобой! — Ардмор протянул руку вперед и медленно сжал ее в кулак.— А если пренебрежешь этим предостережением, дух покинет твое тело.

Что-то сдавило грудь Принца с такой силой, что он не мог вздохнуть и только хрипел, выпучив глаза.

— Если ты не послушаешь Бога Мотаа, тебя ждет падение с высоты твоего трона.

Тело Принца как будто лишилось веса и поднялось в воздух до самого потолка, а потом так же внезапно обрушилось на постель.

— Так говорит Бог Мотаа!

— И да слышит его слова всякий, кто способен слышать! — подхватил Уилки, воображение которого уже грозило иссякнуть.

Ардмор понял, что пора кончать. Его взгляд упал на шахматный столик Принца, которого он до сих пор не заметил. Столик стоял у самого изголовья кровати — очевидно, для того, чтобы Принц мог развлекаться игрой, когда ему не спится. Судя по всему, Принц придавал шахматам немалое значение, и Ардмору пришла в голову еще одна мысль.

— Бог Мотаа сказал все. А теперь послушай, что скажет тебе старый человек. Люди — не шахматные фигурки!

Словно какая-то невидимая рука смела резные фигуры с доски. Глаза у Принца вспыхнули гневом — его дух не могли укротить никакие угрозы.

— А теперь Властитель Шаам велит тебе спать.

Зеленый луч на мгновение стал ослепительно ярким, и тело Принца обмякло.

— Ф-фу! — выдохнул Ардмор.— Я рад, что это кончилось. Спасибо за помощь, Уилки,— актер из меня никудышный.

Он задрал край мантии и вытащил из кармана брюк пачку сигарет.

— Закурите-ка,— предложил он.— Теперь нас ждет грязная работа.

— Спасибо,— сказал Уилки, беря сигарету.— Послушайте, командир, мы действительно должны перебить всех, кто тут есть? Не по душе мне это.

— Не поддавайтесь малодушию,— строго возразил Ардмор.— Идет война, это вам не шутка. Гуманных войн не бывает. Мы во вражеской крепости, которую нужно обезвредить, иначе ничего не выйдет. С воздуха это сделать нельзя, ведь по нашему плану Принц должен остаться в живых.

— А что, если просто оставить их лежать без сознания?

— Слишком много вы рассуждаете. Для дезорганизации противника нужно, чтобы Принц был жив и продолжал командовать, но лишился всех своих помощников. Это создаст еще большую путаницу, чем если мы просто убьем его и командование перейдет к следующему по рангу. Вы это прекрасно знаете. За работу!

Включив на полную мощность смертоносное излучение своих посохов, они направили его по очереди на все стены, потолок и пол комнаты. Камень, металл, кирпич, дерево — ничто не могло защитить азиатов от гибельных лучей, распространявшихся на десятки метров. Уилки, стиснув зубы, старательно делал свое дело.

Пять минут спустя они уже рассекали стратосферу, направляясь домой, в Цитадель.

В ту же ночь из Цитадели вылетели еще одиннадцать воздушных машин. В Цинциннати, Чикаго, Далласе, в других крупных городах, от побережья до побережья, они выныривали из тьмы, подавляли сопротивление там, где его встречали, и высаживали по горсточке молчаливых и решительных людей. Эти люди врывались в дома, минуя лежавших без сознания часовых, и вытаскивали из постелей высших чиновников Империи — губернаторов провинций, командующих войсками, всех, кто олицетворял власть завоевателей. Бесчувственное тело каждого из них доставляли на крышу местного храма Мотаа, где его принимал и уносил внутрь бородатый священник в мантии. А машина уже неслась в следующий город, где все повторялось сначала. Это продолжалось до самого утра.

Глава 11

Как только Ардмор вернулся в Цитадель, в него вцепился Кэлхун.

— Майор Ардмор,— заявил он, откашлявшись,— я ждал вас, чтобы поговорить об очень важном деле.

«Умеет же он выбирать время для разговоров»,— подумал Ардмор.

— Да?

— Я полагаю, вы рассчитываете, что приближаются решающие события?

— Да, дело идет к концу.

— Насколько я могу понять, все должно решиться в самое ближайшее время. Я, правда, почти ничего не смог узнать от вашего Томаса: он отказывается держать меня в курсе дела. Мне не совсем ясно, на каком основании он считает себя уполномоченным говорить от вашего имени, когда вы отсутствуете. Но речь сейчас не об этом,— продолжал Кэлхун, с великодушным видом взмахнув рукой.— Я хотел сказать вот что. Позаботились ли вы о том, как организовать управление страной после того, как мы выгоним азиатских завоевателей?

«Куда он клонит?» — подумал Ардмор.

— Да нет, зачем? Конечно, должен быть какой-то переходный период, когда страной будут управлять военные, пока мы не разыщем всех членов правительства, кто остался в живых, и не организуем всеобщие выборы. Думаю, это будет несложно: ведь мы будем действовать через местных священников.

Кэлхун высоко поднял брови.

— И вы, мой милый, в самом деле хотите сказать, что всерьез намерены вернуться к этим давно устаревшим формам — выборам и всему прочему?

Ардмор ответил ему непонимающим взглядом.

— А что вы предлагаете?

— Но это же очевидно. Нам представляется уникальная возможность разом покончить со всеми прежними глупостями и ввести подлинно научный образ правления — власть человека, который будет избран за его ум и научную подготовку, а не за умение заигрывать с безграмотной толпой.

— Вы говорите о диктатуре? А где же мне найти такого человека? — спросил Ардмор с напускной мягкостью, не предвещавшей ничего хорошего.

Кэлхун не ответил, но весь его самодовольный вид говорил о том, что, по его мнению, долго искать нужного человека не придется.

Ардмор притворился, что не заметил проявленной Кэлхуном готовности служить нации.

— Но дело не в этом,— заявил он, больше не скрывая возмущения.— Полковник Кэлхун, мне очень жаль, что приходится напоминать вам о вашем долге, но имейте в виду — мы с вами люди военные. А военные не должны совать нос в политику. Свой офицерский чин мы получили на основании Конституции, и наш единственный долг — служить этой Конституции. Если народ Соединенных Штатов пожелает изменить форму правления, он нам об этом сообщит! А пока — у меня есть свои обязанности, у вас свои, вот и выполняйте их.

Кэлхун, казалось, собирался разразиться речью, но Ардмор оборвал его:

— Это все. Выполняйте приказ, сэр!

Кэлхун круто повернулся и пошел прочь. Ардмор вызвал своего начальника разведки.

— Томас,— сказал он,— я поручаю вам самым тщательным образом, но осторожно следить за всеми действиями полковника Кэлхуна.

— Будет сделано, сэр.

— Все воздушные машины вернулись, сэр.

— Хорошо. Сколько всего доставлено?

— Минутку, сэр. На каждую машину пришлось примерно по шесть вылетов, значит, если считать и этот последний... м-м-м... девять и два — одиннадцать... всего семьдесят один пленный за шестьдесят восемь вылетов.

— Потери есть?

— Только у азиатов, всего...

— Черт возьми, это меня не интересует! У нас!

— У нас потерь нет, майор. Один из наших сломал руку — свалился с лестницы в темноте.

— Ну, это не так страшно. Скоро начнут поступать сообщения с мест о демонстрациях — во всяком случае, с восточного побережья. Сразу дайте мне знать.

— Будет сделано.

— И пришлите ко мне, пожалуйста, ординарца, я скажу ему, чтобы принес таблетки кофеина. Сами тоже примите — день будет нелегкий.

— Хорошая мысль, майор.

И адъютант вышел.

В шестидесяти восьми городах по всей стране полным ходом шла подготовка к демонстрациям, которые составляли второй этап плана дезорганизации по варианту 4.

Священник храма в Оклахома-Сити поручил важную часть работы двум своим местным помощникам — водителю такси Патрику Минковски и оптовому торговцу Джеку В. Смиту. Они были заняты тем, что прилаживали железные кандалы на ноги Голоса Кулака — наместника Паназиатской Империи в Оклахома-Сити. Обнаженное безжизненное тело паназиата было распростерто на длинном рабочем столе в мастерской, расположенной под храмом.

— Готово,— объявил Минковски.— Без нагрева лучше не заклепать. Но ему и так будет нелегко от этой штуки избавиться. Где там трафарет?

— Вон он, сзади тебя. Капитан Айзекс говорил, что надо потом заварить шов его посохом, только мне кажется, что не стоит возиться. А как-то странно называть священника капитаном Айзексом, правда? Значит, мы теперь уже официально в армии?

— Толком не знаю. Меня одно интересует — как бы покрепче насолить этим плоскомордым обезьянам. Но думаю, что да: раз Айзекс офицер, значит, он имеет право вербовать новобранцев. Послушай, где у него должен быть рисунок — на спине или на животе?

— Давай сделаем с обеих сторон. Странная все-таки это история с армией. Ходишь себе в церковь, а потом раз — и это, оказывается, воинская часть, и тебе велят принести присягу.

— Лично меня это вполне устраивает,— заметил Минковски.— «Сержант Минковски» — звучит совсем неплохо. Меня не взяли в армию раньше из-за больного сердца. А что до церкви, то все эти сказки про Великого Бога Мотаа не для меня, я сюда ходил только ради того, чтобы бесплатно поесть и свободно вздохнуть.

Он снял трафарет со спины азиата, а Смит принялся закрашивать быстросохнущей несмываемой черной краской обведенный тонкой линией контур иероглифа.

— Интересно, что это по-ихнему означает?

— А разве ты не слышал? — спросил Смит и перевел ему.

На лице Минковски появилась восхищенная улыбка.

— Вот это да,— протянул он.— Если бы кто-нибудь попробовал сказать такое мне, ему бы не поздоровилось. А ты меня не разыгрываешь?

— Да нет. Я был в центре связи, когда этот рисунок передавали из Главного храма... то есть из штаба. И вот еще какая любопытная штука. Я видел на экране того типа, который передавал рисунок, так он тоже азиат, точь-в-точь как вот этот,— Смит ткнул пальцем в сторону бесчувственного тела.— Но его называли «капитан Даунер» и обращались с ним так, как будто он из наших. Что бы это могло значить?

— Не знаю. Наверное, он за нас, иначе не был бы в штабе и на свободе. У меня краска осталась, что с ней делать?

Применение оставшейся краске нашлось — капитан Айзекс заметил это сразу, как только вошел, чтобы посмотреть, как идут дела. Он с трудом сдержал улыбку.

— Я вижу, вы тут добавили кое-что от себя,— заметил он, стараясь, чтобы его голос звучал как можно официальнее.

— Жаль было, что краска пропадает,— объяснил находчивый Минковски.— Уж очень он был весь голый.

— Ну, это дело вкуса. Я бы сказал, что так он выглядит еще голее. Ну ладно, оставим это. Поторопитесь, ему нужно еще обрить голову.

Пять минут спустя Минковски и Смит стояли в ожидании у дверей храма. На полу у их ног лежал Голос Кулака, завернутый в одеяло. К храму на полной скорости подъехал полугрузовой дуоцикл и резко затормозил у самого входа. Раздался гудок, и из окна машины высунулась голова капитана Айзекса, который сидел на месте водителя. Минковски, бросив сигарету, взял лежавшего на полу азиата за плечи, а Смит за ноги, они с трудом подняли его и подтащили к машине.

— Кладите на заднее сиденье,— приказал капитан Айзекс.

Минковски сел за руль, а Айзекс и Смит втиснулись на сиденье рядом с тем, кого им предстояло вскоре продемонстрировать публике.

— Нужно найти где-нибудь скопище азиатов побольше,— сказал капитан.— Если там будут и американцы, тем лучше. Поезжай быстрее и не обращай ни на кого внимания. Если кто-нибудь попробует нас остановить, я уложу его своим посохом.

И он пересел так, чтобы смотреть вперед через плечо Минковски.

— Хорошо, капитан. А неплохая тачка,— добавил Минковски, когда дуоцикл рванулся вперед.— Как это вы ее так быстро раздобыли?

— Пришлось уложить парочку азиатов,— коротко ответил Айзекс.— Смотри, перекресток!

— Вижу!

Машину резко развернуло, и она едва проскочила перед самым носом у потока автомобилей, двигавшихся в поперечном направлении. Полицейский-паназиат замахал на них руками, но они были уже далеко.

— Как по-вашему, капитан, вон то место годится? — спросил через несколько секунд Минковски, указав подбородком вперед, на обширную площадь перед общественным центром.

— Годится.

Капитан склонился над неподвижной фигурой на полу и поднес к ней свой посох. Азиат зашевелился. Смит навалился на него и покрепче замотал одеялом голову и плечи жертвы.

— Выбирай место, какое хочешь, и остановись. У нас все готово.

Машина остановилась так внезапно, что всех бросило вперед. Смит распахнул заднюю дверцу, и они с Айзексом, взявшись за углы одеяла, выбросили уже пришедшего в сознание азиата на улицу.

— Сматываемся. Пат!

Машина прыгнула вперед, предоставив остолбеневшим от изумления и ужаса азиатам самим искать выход из позорной ситуации. Двадцать минут спустя краткое, но четкое донесение о

происшедшем уже было вручено Ардмору, сидевшему в своем кабинете в Цитадели. Он просмотрел его и передал Томасу.

— Смотрите, Джефф, вот это фантазия у ребят!

Томас прочел донесение и кивнул.

— Надеюсь, что и все остальные справятся не хуже. Пожалуй, надо было дать им более подробные указания.

— Не думаю. Подробные указания убивают всякую инициативу. А так они изо всех сил стараются изобрести способ покрепче досадить нашим косоглазым повелителям. Надеюсь, что результаты будут очень любопытные.

К девяти часам утра по местному времени Цитадели каждый из семидесяти с лишним высших паназиатских чиновников был возвращен своим соотечественникам живым, но навечно и безнадежно опозоренным. Насколько можно было судить по имевшимся сведениям, ни в одном случае паназиаты не имели ни малейшего повода связать происшедшее с культом Мотаа. Это была для них просто катастрофа — тяжелейшая психологическая катастрофа, которая обрушилась на них посреди ночи без предупреждения и не оставила никаких следов.

— Вы еще не назначили время перехода к третьему этапу,— напомнил Ардмору Томас, когда донесения поступили из всех городов.

— Знаю. Думаю, часа через два, не больше. Нужно дать им время осознать, что произошло. Деморализация будет во много раз сильнее, когда они смогут собрать сведения со всей страны и поймут, что публично опозорены все их высшие чиновники. Если учесть, что мы почти полностью вывели из строя их главное командование, у них должна начаться массовая истерика, к чему мы и стремимся. Но нужно дождаться, чтобы она охватила всю страну. Даунер на месте?

— Он в центре связи на перехвате.

— Передайте, чтобы меня соединили с ним, я хочу знать, что ему удается услышать.

Томас снял трубку внутреннего телефона и сказал в нее несколько слов. Почти сразу же на экране над столом Ардмора появилось азиатское лицо — это был Даунер.

— Что-нибудь слышно? — спросил Ардмор. Даунер отодвинул наушник от одного уха и вопросительно посмотрел на Ардмора.

— Я говорю, слышно что-нибудь? — повторил тот.

— Кое-что слышно. Они в панике. Я записал, что смог перевести.— Он ткнул пальцем в микрофон, подвешенный на шее. На его лице появилось сосредоточенное выражение, и он добавил: — Сан-Франциско пытается соединиться с дворцом.

— Ну, не буду мешать,— сказал Ардмор и отключился.

— Там прошел слух, что Кулак Императора погиб. Сан-Франциско запрашивает разрешения на... Минуту, связисты предлагают попробовать другой диапазон. А, вот — они пользуются позывными Наследного Принца, но работают на волне губернатора провинции. Не могу понять, что они говорят — это или шифр, или какой-то диалект, которого я не знаю. Дежурный, попробуйте еще какой-нибудь диапазон, мы попусту теряем время. Вот, это уже лучше.— Даунер вслушался, потом радостно сказал: — Слушайте, командир,— кто-то говорит, что губернатор южной провинции лишился рассудка, и просит разрешения его сместить. А вот еще кто-то — он хочет знать, почему не отвечает дворец и как с ним связаться, ему нужно доложить о мятеже...

— Откуда он говорит? — снова подключился Ардмор.

— Не разобрал. Все частоты заняты, и почти везде передают что-то нечленораздельное. Не дают друг другу говорить, влезают я чужие передачи...

Кто-то тихо постучал в дверь кабинета Ардмора. Дверь приоткрылась, и появилась голова доктора Брукса.

— Можно войти?

— А, конечно, доктор. Входите. Мы слушаем, что капитану Даунеру удается перехватить по радио.

— Жаль, он у нас один такой, кто может переводить.

— Да, только от его перехвата не так уж много пользы — разве что общее впечатление.

Почти целый час они слушали все, что удавалось перехватить Даунеру. Это были большей частью разрозненные обрывки, но из них становилось все яснее, что разгром дворца в сочетании с

эмоциональным потрясением от надругательства над самыми важными чиновниками администрации не оставили камня на камне от обычно хорошо налаженной работы паназиатского правительства. В конце концов Даунер сказал:

— Вот какой-то приказ. Минутку... Запрещается вести любые передачи открытым текстом — все должно передаваться шифром.

Ардмор взглянул на Томаса.

— Джефф, я думаю, пора. Кто-то еще не совсем потерял здравый смысл и самообладание и пытается привести остальных в чувство. Не исключено, что это наш старый приятель, Наследный Принц. Надо его остановить.

Он позвонил в центр связи.

— Пора, Стивс,— сказал он дежурному офицеру.— Включайте на полную мощность.

— Глушить?

— Да. Предупреди все храмы по первому каналу, и пусть начинают одновременно.

— Они уже готовы, сэр. Выполнять?

— Хорошо. Выполняйте!

Уилки уже давно сконструировал нехитрое приспособление, с помощью которого всю огромную энергию храмовых излучателей можно было при желании преобразовать в сплошной спектр электромагнитных волн — другими словами, в радиопомехи. И теперь в эфире не было слышно ничего, кроме воя и треска, как будто одновременно разразились вспышка на Солнце, магнитная буря и полярное сияние.

На экране было видно, как Даунер сорвал с себя наушники.

— Чтоб вас... Какого черта меня не предупредили? Он снова осторожно поднес к уху наушник и покачал головой.

— Ничего не слышно. Похоже, мы пережгли все приемники, какие есть в стране.

— Вполне возможно,— заметил Ардмор,— но все равно будем продолжать глушение.

К этому времени на всей территории Соединенных Штатов уже не осталось никакой единой системы связи, кроме пара-радио в храмах Мотаа. Азиатские правители не могли воспользоваться даже телефоном: все подземные кабели уже давно были выкопаны за ненадобностью и сданы в металлолом.

— Сколько еще будем ждать, командир? — спросил Томас.

— Недолго. Мы дали им на разговоры ровно столько времени, чтобы до них дошло, какая заваруха началась по всей стране. Теперь мы лишили их связи. Сейчас должна начаться паника. Подождем, пока она распространится, чтобы охватила всех до единого. Вот когда совсем дозреют, тогда и начнем.

— А как вы сможете узнать, что они уже дозрели?

— Никак. Придется положиться на собственное чутье. Пока пусть повертятся — скажем, около часа. А потом примемся за дело.

— Хорошо бы вся эта история раз и навсегда кончилась,— заметил Брукс, который заметно нервничал.— Нелегко она нам далась...

Он умолк, не закончив фразы. Ардмор повернулся к нему:

— Только не думайте, что она может кончиться раз и навсегда.

— Но ведь... Как только мы окончательно добьем паназиатов...

— Вот здесь вы и не правы.— Ардмор тоже нервничал, это было видно по его резкому тону.— Потому мы и оказались в таком скверном положении, что рассчитывали решить проблему раз и навсегда. Чтобы отразить угрозу со стороны паназиатов, мы приняли Закон о не общении и укрепили западное побережье,— а они напали на нас с севера, через полюс. У нас могло бы хватить ума это предвидеть, ведь такие примеры истории известны. В свое время Французская Республика попробовала раз и навсегда остановить ход событий Версальским договором Но это не получилось, они построили линию Мажино и на этом успокоились. И чего они добились? Полного разгрома! Жизнь — процесс динамический, остановить ее нельзя. Только в сказке все может кончиться тем, что «они жили долго и умерли в один день», а на самом деле...

В этот момент на пульте замигала красная лампочка и прозвучал тревожный звонок. На экране появился дежурный офицер из центра связи.

— Майор Ардмор!

Почти сразу же на экране возникло взволнованное лицо Фрэнка Митсуи.

— Майор! — выпалил он.— Полковник Кэлхун спятил!

— Спокойнее, Фрэнк, спокойнее! Что случилось?

— Он от меня сбежал и сейчас в храме. Ему взбрело в голову, что он и есть Бог Мотаа.

Глава 12

Ардмор отключил Фрэнка и переключился на дежурного офицера.

— Соедините меня с главным алтарем, и поживее!

На экране появился центр связи Главного храма, но за пультом Ардмор увидел не дежурного, а Кэлхуна. Дежурный полулежал в своем кресле, беспомощно свесив голову набок. Ардмор тут же отключил связь и бросился к двери. За ним по пятам кинулись Томас и Брукс, оставив далеко позади адъютанта. Все трое вбежали в лифт, на предельной скорости поднялись на верхний этаж и выскочили в большой зал храма. Впереди, метрах в тридцати, возвышался алтарь.

— Я приказал Фрэнку за ним следить...— начал было Томас на бегу, но тут над верхним краем алтаря показалась голова Кэлхуна.

— Стоять на месте!

Они остановились.

— Осторожнее, майор! — шепнул Брукс.— Большой излучатель наведен на нас!

— Знаю,— бросил ему Ардмор вполголоса и откашлялся.— Полковник Кэлхун!

— Я Великий Бог Мотаа. Вы должны говорить со мной почтительно!

— Да, разумеется, Великий Мотаа. Но скажи своему слуге, разве полковник Кэлхун — не одна из твоих ипостасей?

Кэлхун подумал.

— Пожалуй,— согласился он наконец,— иногда мне кажется, что да. Да.

— Тогда я хочу обратиться к полковнику Кэлхуну.— Ардмор осторожно сделал несколько шагов вперед.

— Стоять на месте! — Кэлхун приник к излучателю.— Берегитесь, мои лучи настроены на белых людей!

— Осторожнее, командир,— шепнул Томас,— он может этой штукой все вокруг разнести!

— Уж это-то я знаю! — почти беззвучно ответил Ардмор и собрался продолжать свои рискованные переговоры, но в этот момент что-то отвлекло внимание Кэлхуна.

Они увидели, как Кэлхун оглянулся, поспешно развернул тяжелый излучатель и обеими руками нажал на кнопки управления. Потом еще раз взглянул куда-то поверх излучателя, быстро повернул несколько рукояток и снова нажал на кнопки. Почти в тот же момент что-то тяжелое обрушилось на него, и он исчез из виду.

Обежав алтарь, они увидели Кэлхуна, который беспомощно барахтался на полу под тяжестью тела какого-то коренастого смуглого человека. Это был Фрэнк Митсуи. Его безжизненные глаза напоминали стекляшки, мышцы были сведены судорогой.

Понадобились усилия четырех человек, чтобы скрутить Кэлхуна, напялить на него импровизированную смирительную рубашку и отнести в лазарет.

— Насколько я понимаю,— сказал Томас, провожая их взглядом,— он настроил излучатель так, чтобы тот убивал только белых людей. Поэтому после первого раза Фрэнк остался невредим, и пришлось менять регулировку излучателя. Это нас и спасло.

— Но не спасло Фрэнка.

— Да, ничего не поделаешь. Второй удар встретил его уже в прыжке. Вы пробовали потрогать его руки? Мгновенная коагуляция — они как кр, гое яйцо.

Размышлять о трагическом конце маленького Митсуи было некогда. Ардмор и все остальные поспешили вернуться в кабинет, где застали начальника штаба Кендига, который хладнокровно принимал донесения. Ардмор потребовал, чтобы тот вкратце изложил ситуацию.

— Новость только одна, майор,— они сбросили атомную бомбу на храм в Нэшвилле. Немного промахнулись и разнесли целый квартал к югу от храма. Вы еще не назначили время, когда начинать? Уже было несколько запросов.

— Пока еще рано, но осталось совсем немного. Если у вас больше ничего нет для меня, я сейчас же дам последние указания по первому каналу.

— У меня ничего нет, сэр, можете начинать.

Когда первый канал был готов, Ардмор вдруг почувствовал, что его охватывает волнение. Он откашлялся.

— Мы приступаем к действиям через двадцать минут,— начал он.— Я хочу повторить самые главные пункты плана.

За каждой из двенадцати воздушных машин-разведчиков был закреплен какой-нибудь крупный город — или, что почти то же самое, крупное скопление паназиатских войск. Воздушная атака на них должна была стать сигналом для наземного наступления. Ардмор еще не кончил говорить, а воздушные машины, за исключением одной, уже неслись в стратосфере к своим целям. Установленные на них мощные излучатели должны были нанести как можно больший ущерб военным объектам, особенно казармам и аэродромам. Священникам, почти неуязвимым для противника, предстояло одновременно атаковать его с земли при поддержке излучателей, которые стояли в каждом храме. А преследование и уничтожение живой силы было поручено «пехоте», состоящей из прихожан.

— Передайте им приказ — огонь открывать первыми, не раздумывая, с любой дистанции. Лучемет выдерживает без перезарядки тысячу выстрелов и не может причинить вред белому человеку. Пусть стреляют по всему, что только шевельнется! И вот еще что,— добавил он,— пусть не пугаются, когда увидят что-то непонятное. Если запахло чудом,— значит, это постарались наши ребята: ведь чудеса — наша специальность! Вот и все. Удачной охоты!

Заключительное предостережение Ардмора касалось действий особой группы, состоявшей из Уилки, Грэхема, Шира и Даунера. Уилки изобрел кое-какие специальные эффекты, в чем ему немало помогла художественная фантазия Грэхема, и сейчас четверке предстояло привести их в исполнение. Ее действия не предусматривались общим планом: Уилки и сам не знал, что из этого получится,— но Ардмор выделил им воздушную машину и предоставил полную самостоятельность.

Пока Ардмор говорил, ординарец надел на него полное облачение. Он поправил тюрбан, проверил связь со штабом по парарадио и повернулся к Кендигу и Томасу, чтобы попрощаться. Он заметил, что Томас как-то странно глядит на него, и почувствовал, что краснеет.

— Тоже хотите в бой, Джефф?

Томас ничего не ответил.

— Я, конечно, чувствую себя свиньей. Но из нас двоих только один может ввязаться в драку, и это буду я.

— Вы не так меня поняли, командир. Не настолько уж я рвусь убивать.

— Да? Пожалуй, я тоже. И все-таки пойду драться. Фрэнк Митсуи так и не успел свести с ними счеты, я хочу сделать это за него.

Они обменялись крепким рукопожатием.

В столицу паназиатов Ардмор прилетел уже после того, как Томас дал сигнал к началу атаки и в городе шел бой. Пилот посадил машину на крыше храма и, высадив его, сразу же отправился выполнять свое собственное задание.

Ардмор огляделся вокруг. В непосредственной близости от храма все было тихо — об этом позаботился оператор, сидевший в алтаре за большим излучателем. Когда они только еще снижались, Ардмор видел, как врезался в землю паназиатский воздушный крейсер, но не заметил, кто его сбил. Он спустился в храм.

В опустевшем зале стоял около дуоцикла какой-то человек. Он подошел и отрапортовал:

— Сержант Брайен, сэр. Священник... то есть лейтенант Роджерс велел мне вас дождаться.

— Очень хорошо. Пошли.

Он сел в машину. Брайен сунул пальцы в рот и пронзительно свистнул.

— Джо! — крикнул он. Из-за края алтаря появилась чья-то голова.— Я поехал, Джо.

Голова скрылась, и высокие двери храма распахнулись. Брайен сел рядом с Ардмором и спросил:

— Куда?

— Надо поискать, где самый жаркий бой. Нет, лучше туда, где побольше паназиатов.

— Это одно и то же.

Машина запрыгала по широким ступенькам храма, свернула направо и набрала скорость.

Улица упиралась в небольшой сквер, засаженный декоративным кустарником. За кустами укрывались четыре или пять фигур, одна лежала на земле. Машина замедлила ход, Ардмор услыхал несколько звонких щелчков — стреляли из вихревого ружья или пистолета. Одна из фигурок, прятавшихся за кустами, дернулась и упала.

— Они вон в том доме! — крикнул Брайен ему прямо в ухо.

Ардмор отрегулировал свой посох так, чтобы он излучал узкий направленный луч, и повел лучом по фасаду дома. Щелчки прекратились. Из двери, до которой еще не успел дойти луч, выскочил азиат и побежал по улице. Ардмор изменил регулировку посоха и направил на него тонкий, яркий луч света. Как только луч достиг цели, раздался глухой низкий удар, и человек исчез — на месте, где он только что был, осталось лишь клубящееся облачко, которое скоро растворилось в воздухе.

— Господи помилуй, что это было? — спросил Брайен.

— Коллоидный взрыв. Я снял поверхностное натяжение с клеток его тела. Мы приберегали это до сегодняшнего дня.

— Но почему он взорвался?

— От внутреннего давления. Там не одна сотня килограммов. Поехали дальше.

Следующие несколько кварталов были безлюдны, только кое-где валялись трупы. Ардмор не выключал посоха и обводил лучом все здания, мимо которых они проезжали. Воспользовавшись передышкой, он связался со штабом.

— Есть какие-нибудь сообщения, Джефф?

— Пока почти ничего, командир. Еще рано.

Они выскочили на открытое место, и только тут Ардмор сообразил, куда привез его Брайен. Это были расположенные на окраине города общежития университета — теперь здесь помещались казармы армии Империи, а находившиеся рядом стадион и поле для гольфа были превращены в аэродром.

Только здесь он впервые ясно понял, какую жалкую горсточку американцев повел в бой против неприятельской армии. Вдалеке справа растянулась жиденькая стрелковая цепь. Видно было, что азиаты несут тяжелые потери, но их были тысячи, одного их численного превосходства было достаточно, чтобы подавить американцев. «Черт возьми, почему этот гарнизон не истребили с воздуха? Может быть, что-то случилось с воздушной машиной?» — подумалось ему.

Ясно, что экипаж, скорее всего, был слишком занят отражением воздушных атак и не успел заняться казармами. Нужно было, наверное, брать город за городом по одному, собрав в кулак все воздушные машины, в надежде на то, что глушение радиосвязи не позволит противнику объединить свои силы. Но менять план действий уже поздно — жребий брошен, сражение завязалось по всей стране. Остается биться до конца.

Он поспешно настраивал свой посох, чтобы попытаться изменить ход боя. Сначала он отрегулировал его на первичное ледбеттеровское излучение и, включив на полную мощность, перебил множество азиатов. Потом он решил изменить тактику и перешел на коллоидные взрывы — это не так быстро и удобно, зато сильнее действует на боевой дух противника. Световой луч он отключил, чтобы все это выглядело как можно таинственнее, и наводил посох через прицел, установленный на набалдашнике. Раз! И азиат превратился в клуб дыма. Прицел установлен верно — два! Три! Четыре! И вскоре счет жертв шел уже на десятки.

Этого азиаты не выдержали. Храбрые и опытные солдаты, они не могли устоять против того, чего не понимали. Спутав ряды, они бросились бежать к казармам. Со стороны американцев до Ардмора донеслись радостные возгласы. Цепь поднялась из укрытий и двинулась вперед, преследуя отступавшего в панике неприятеля. Ардмор снова вызвал штаб.

— Дайте мне первый канал!

Через несколько секунд он услышал:

— Вы на первом канале.

— Командиры, внимание! Как можно больше пользуйтесь коллоидным взрывом! Они его боятся как огня!

Повторив приказ, он отключился и приказал Брайену ехать ближе к домам. Машина въехала на тротуар и двигалась вперед, объезжая деревья. Вдруг раздался сильнейший взрыв, машина приподнялась в воздух и тяжело рухнула набок.

Немного придя в себя, Ардмор попытался встать. Дверцу над ним заклинило, и пришлось прожигать в ней дыру с помощью посоха. Он выбрался наружу и оглянулся на Брайена.

— Вы ранены?

— Ничего страшного,— Брайен пошевелил руками и ногами.— Кажется, ключица треснула, и все.

— Держитесь за мою руку. Вылезете сами? Я не могу отпустить посох.

После нескольких неудачных попыток ему все же удалось вытащить Брайена из машины.

— Мне придется вас оставить. Лучемет при вас?

— Да, сэр.

— Хорошо. Желаю удачи.

Он бросил взгляд на оставшуюся позади воронку и подумал: «Хорошо, что был включен защитный экран».

Несколько десятков американцев осторожно продвигались между зданиями, ведя непрерывный огонь. Два выстрела достались на долю Ардмора — ведь им было приказано стрелять первыми. «Молодцы! — подумал он.— Выполняют приказ — палят по всему, что только шевельнется».

Над окраиной студенческого городка показалась низко летящая воздушная машина паназиатов. За ней тянулся шлейф тяжелого желтого тумана. Газ! Они решили отравить собственных солдат, чтобы уничтожить горсточку американцев! Полоса тумана медленно оседала на землю, приближаясь к Ардмору. Внезапно он понял, что для него это так же опасно, как и для всех остальных: экран не может защитить от газа, ведь сквозь него должен проходить воздух. «Похоже, пришел мой черед»,— подумал Ардмор.

Тем не менее он попытался навести свой посох на воздушную машину, но не успел: она покачнулась и рухнула на землю. «Значит, наши все-таки в воздухе — прекрасно!» Полоса газа все приближалась. Нельзя ли ее обойти? Нет. Может быть, попробовать задержать дыхание и пробежать сквозь нее? Вряд ли. И тут ответ, который он никак не мог найти, неожиданно всплыл из его подсознания. Трансмутация! Через несколько секунд он уже настроил свой посох и, водя им вокруг, проделал в смертоносном облаке широкую брешь. Он водил лучом, как шлангом для поливки, и частицы тумана превращались в безвредный, животворный кислород.

— Джефф!

— Да, командир?

— Много возни с газами?

— Порядочно. Только что...

— Неважно. Передайте всем по первому каналу — посохи нужно настроить так...

И он объяснил, как действовать против этого неосязаемого оружия. Маленькая воздушная машина-разведчик с ревом снизилась над казармами, на мгновение зависла, а потом принялась взад и вперед утюжить над ними небо. Внезапно вокруг наступила тишина. Давно бы так; впрочем, у пилота, должно быть, хватало и других дел. Ардмор вдруг понял, что оказался в одиночестве,— пока он отбивал газовую атаку, бой передвинулся куда-то и сторону. Он огляделся в поисках какого-нибудь транспортного средства, которое можно было бы забрать, чтобы объехать город и выяснить, как идут дела. «Какая-то дурацкая война,— подумал он.— Никакого порядка, деремся одновременно повсюду. Но ничего не поделаешь, так уж получилось».

— Командир! — услышал он голос Томаса.

— Слушаю, Джефф.

— К вам направляется Уилки.

— Хорошо. Как у него получается?

— Прекрасно. Потерпите немного, увидите сами. Я видел только чуть-чуть на экране, из Канзас-Сити. Там уже все кончено.

— Хорошо.

Ардмор снова огляделся вокруг... надо же найти какой-то транспорт. Ему хотелось, чтобы к тому времени, когда прибудет Уилки, поблизости было бы хоть несколько паназиатов. Живых. На расстоянии квартала он увидел стоявший у тротуара брошенный мотоцикл и завладел им.

Неподалеку от дворца он обнаружил множество паназиатов, и здесь бой складывался не в пользу американцев. Ардмор тут же привел в действие свой посох и был занят тем, что выискивал паназиатов и взрывал их по одному, когда появился Уилки. Над крышами зданий в конце квартала показалась невероятно огромная, непроницаемо черная человеческая фигура трехсотметровой высоты. Фигура легко перешагивала через самые высокие дома, а ее ступня занимала всю ширину улицы — это выглядело так, будто Эмпайр Стейт Билдинг сошел со своего места и пошел прогуляться. Фигура была одета в традиционное облачение служителя Бога Мотаа и держала в руке посох.

А кроме того, она говорила. Голос се звучал, как раскаты грома, и разносился на многие километры.

— Поднимайтесь, американцы! Ваше время пришло! Учитель грядет! Поднимайтесь на борьбу с поработителями!

«Как же они сами это выдерживают? — подумал Ардмор.— И где они — внутри фигуры или летят где-то над ней в воздушной машине?»

Фигура перешла на паназиатский язык. Ардмор не понимал слов, но примерно представлял себе, о чем идет речь. Даунер сообщал завоевателям, что час отмщения настал и что всякий, кто хочет спасти свою желтую шкуру, должен бежать немедленно. Только излагал он это куда выразительнее, в подробностях, прекрасно зная слабые места их психологии.

Наводящая ужас фигура остановилась в парке перед дворцом, низко наклонилась и коснулась огромным пальцем бегущего азиата. Тот исчез. Фигура снова выпрямилась и продолжала говорить на паназиатском языке — но на площади уже не осталось ни одного противника.

Бой еще несколько часов то затихал, то возобновлялся, но был уже мало похож на правильные боевые действия, а напоминал, скорее, облаву на крыс. Одни азиаты сдавались в плен, другие кончали с собой, но большинство погибло от руки своих бывших рабов.

Томас делал подробный доклад Ардмору о том, как идут дела во всех городах страны, когда его прервал дежурный из центра связи:

— Вас срочно вызывает священник из столицы, сэр.

— Давайте.

— Майор Ардмор? — прозвучал голос священника.

— Да, я слушаю.

— Мы взяли в плен Наследного Принца.

— Ну да?!

— Да, сэр. Прошу вашего разрешения его казнить.

— Нет!

— Как вы сказали, сэр?

— Я сказал — нет! Я буду говорить с ним в вашем штабе. Смотрите, чтобы с ним ничего не случилось!

Прежде чем приказать привести к себе Наследного Принца, Ардмор сбрил бороду и переоделся в военную форму. Когда наконец паназиатский властитель предстал перед ним, он взглянул ему прямо в глаза и сказал без особых церемоний:

— Все ваши люди, которых мне удастся спасти, будут погружены на корабли и отправлены туда, откуда явились.

— Вы милосердны.

— Я полагаю, вы уже понимаете, что вас обманули и перехитрили — благодаря достижениям науки, на которые оказалась не способна ваша культура. Вы могли смести нас с лица земли в любое время — вплоть до самого последнего момента.

Лицо азиата оставалось бесстрастным. Ардмор искренне надеялся, что это только внешнее спокойствие.

— То, что я сказал о ваших людях, не относится к вам,— продолжал он.— Вас я считаю обыкновенным преступником.

Принц поднял брови.

— За то, что я вел войну?

— Нет, в этом вы, возможно, еще могли бы оправдаться. За массовое убийство, которое было совершено по вашему приказу на территории Соединенных Штатов,— за ваш «наглядный урок». Вы будете подвергнуты суду, как любой другой обыкновенный преступник, и я сильно подозреваю, что приговор будет гласить: «Повесить за шею, пока не умрет». Это все. Уведите его.

— Одну минуту, прошу вас.

— Что еще?

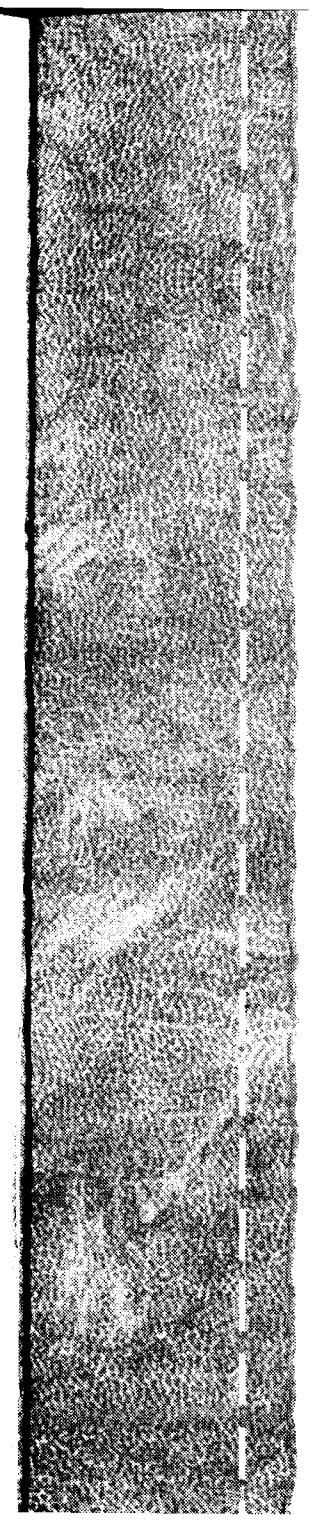
— Вы помните шахматную задачу, которую видели в моем дворце?

— Ну и что?

— Вы не скажете мне, как решить ее в четыре хода?

— Ах, вот что! — Ардмор от души рассмеялся.— Вы очень легковерны, да? Я не знаю, как ее решить. Это был просто блеф.

И тут невозмутимое спокойствие, наконец, изменило Наследному Принцу. Суд над ним так и не состоялся. На следующее утро его нашли мертвым — он лежал, уронив голову на шахматную доску, которую попросил ему принести.

КОММЕНТАРИИ

Стр. 23. Контра — карточный термин, обозначающий удвоение ставки.

Стр. 35. ...уже 84 градуса...— имеется в виду по Фаренгейту, примерно 30 градусов по Цельсию.

Стр. 38. ...температура поднимется выше 120 градусов...— по Цельсию это выше 48 градусов.

Стр. 39. ...солитер...— вид пасьянса, хотя американцы обозначают этим словом любой пасьянс.

Стр. 50. ...ни одного лимерика...— лимерик — шутливое стихотворение из пяти строк в определенной форме, часто фривольного содержания.

Стр. 94. ...4 июля 1776 года...— то есть в день подписания Декларации независимости Соединенных Штатов Америки.

Стр. 97. ...миры, в которых королева Елизавета вышла замуж за графа Эссекса...— Роберт Эссекс (1567–1601) был фаворитом английской королевы Елизаветы I (1533–1603). После 1589 года в их отношениях чередовались то охлаждение, то восстановление дружбы. После того как Эссекс заключил невыгодное для английского правительства перемирие с ирландскими повстанцами, Елизавета передала его суду Звездной палаты. Эссекс попытался

поднять восстание, но был арестован и осужден. Королева долго колебалась, но тем не менее граф был казнен 25 февраля 1601 года. Более известен его сын, так же Роберт Эссекс (1591–1646). Принадлежал в палате лордов к оппозиции, протестовал против мер Якова I и Карла I и отстаивал привилегии парламента. Карл I безуспешно пытался склонить его на свою сторону, а после окончательного разрыва между королем и парламентом встал на сторону последнего и некоторое время командовал республиканской армией.

...Франклин был убит током... — Бенджамин Франклин (1706–1790) известен в первую очередь как один из авторов Декларации независимости США и американской Конституции 1787 года. Но он еще и ученый, один из пионеров исследования атмосферного электричества, в частности предложил использовать громоотвод. В 1789 году был удостоен звания почетного члена Петербургской Академии наук.

Стр. 106. ...обозначенную леди Годиву... — леди Годива, графиня Ковентри, на спор проехала по улицам города обнаженной, чтобы избавить подданных от непосильных податей, наложенных ее супругом Леофриком, графом Мерси и лордом Ковентри.

Стр. 116. ...и еще сумах... — Сумах — род деревьев и кустарников, растущих в Америке, Африке и Азии, богатые дубильными веществами. Употребляется как приправа в пищу, хотя некоторые из видов ядовиты и высокоаллергенны.

...как получить танин... — танины (от франц. Tanner — дубить кожу) — фенольные соединения, содержащиеся во многих растениях; применяются для дубления кож, протравливания тканей и в медицине в качестве вяжущих средств.

Стр. 184. Диалог на французском языке можно перевести следующим образом:

Мсье, не говорите ли Вы по-французски?
Что?
Вы говорите по-французски, мсье?

Ну да! Вы французы?
Нет-нет! Я американец. Мы все американцы.
Действительно? Но это невозможно!
Это правда, мсье. Уверяю вас. Соединенные Штаты Америки.

Стр. 254. ...стоградусная шкала прожила два тысячелетия... — выше Фарнхэм вел подсчеты по шкале Фаренгейта, которая построена на разделении промежутка между точкой закипания воды и точкой замерзания на 180 градусов.

Стр. 292. ...в Сибизе — Seebees («морские пчелы») — название флотского хозподразделения, нечто вроде морского строительного батальона.

Там, за гранью

Стр. 372. ...автоматический пистолет Кольта — Кольт Сэмюэль (1814–1862) в 1835 году взял патент на револьвер с барабаном, автоматически подававшим патрон в ствол (по некоторым данным является изобретателем этого оружия. Некоторые источники этот факт отрицают), а в 1836-м основал компанию по производству стрелкового оружия. Его шестизарядный «писмейкер», выпущенный в 1873 году, стал классикой и самым популярным револьвером в США.

Стр. 387. ...игровая площадка Дианы открыта для публики! — Диана, римская богиня Луны, охоты и диких животных. Несмотря на девственность, помогает женщинами в зачатии и деторождении.

...сам Лей не чурался веселых мест... — Вилли Лей (1906–1969), исследователь, писатель и популяризатор науки, один из наиболее последовательных ранних сторонников идеи пилотируемых космических полетов. Получил образование в Берлинском и Кенигсбергском университетах со специализациями в нескольких областях — астрономии, физике, зоологии и палеонтологии. В 1927 г.

стал одним из основателей Германского ракетного общества, участвовал в проектировании, постройке и испытаниях первых немецких ракет с двигателями на жидком топливе, а также выпустил научно-популярные книги «Космическое путешествие» и «О возможности межпланетных путешествий». После прихода к власти нацистов эмигрировал в США. Вилли Лей начал писать научно-популярные статьи для фантастических журналов, под псевдонимом «Роберт Вилли» написал несколько фантастических рассказов, а с сентября 1952 г. числился научным редактором журнала Galaxy Science Fiction, в котором вел ежемесячную колонку, посвященную новостям науки и техники. Вилли Лей скончался 24 мая 1969 г., менее месяца не дожив до первой высадки человека на Луну,— события, о котором он мечтал всю жизнь. Один из лунных кратеров, расположенных на обратной стороне Луны, назван в его честь Кратером Лея.

Стр. 396. Генетики Великого Хана...— хан — изначально правитель монгольского племени, затем термин был принят во многих мусульманских обществах. У сельджуков и харезм-шахов Центральной и Юго-западной Азии хан — высший титул, тогда как в Иране равен скорее губернатору провинции.

Стр. 478. ...дерево «Генерал Шерман» — секвойя в Национальном парке в Калифорнии, самое огромное дерево в мире (почти 84 метра в высоту и более 31 метра в обхвате), названа в честь генерала Уильяма Текумсе Шермана, героя войны Севера и Юга.

Стр. 529. ...обладали множеством общих менделианских характеристик...— Грегор Иоганн Мендель (1822–1884), австрийский священник, биолог и ботаник, сыгравший огромную роль в развитии представлений о наследственности. Законы Менделя лежат в основе современной генетики.

Стр. 535. ...великий Аррениус выдвинул блестящую теорию...— Аррениус Сванте Август (1859–1927), выдающийся шведский физик и химик, лауреат Нобелевской премии по химии в 1903 г.

Проявил исключительные способности к биологии, физике и математике, посещая кафедральное училище в Упсале, в 1876 г. поступил в Упсальский университет (специализировался в физике и химии), где через два года получил степень бакалавра естественных наук, а затем в течение еще трех лет продолжал изучать там физику. С 1881 г. продолжил обучение в Физическом институте Королевской шведской Академии Наук, где специализировался в изучении проводимости электролитов. Сделал несколько важных открытий, таких как температурная зависимость скорости реакций, выдвинув представления об активных, обладающих избыточной энергией и способных вступать в химическое взаимодействие молекулах, число которых экспоненциально возрастает с ростом температуры. Ввел понятие энергии активации и вывел уравнение зависимости константы скорости реакции от фактора частоты столкновения молекул, температуры и энергии активации, ставшее одним из основных в химической кинетике. Первым высказал теорию, что накопление в атмосфере углекислого газа способствует повышению средней температуры, то есть сформулировал гипотезу о парниковом эффекте. Аррениус также предположил, что в космическом пространстве благодаря давлению света могут переноситься споры и другие живые семена.

Шестая колонна

Стр. 618. ...Фрэнк Рузвельт Митсуи был настоящий американец...— герой назван в честь Франклина Делано Рузвельта (1882–1945), тридцать второго президента США. Юрист по образованию, начал политическую карьеру в 1910 г. как демократ, в 1913–1920 гг. был помощником министра Военно-морского флота, но в 1921 г. заболел полиомиелитом и до конца жизни страдал параличом ног. До начала Второй мировой войны политика Рузвельта как президента была направлена на решение внутренних проблем страны. В 1944 г. был избран на четвертый срок, что никогда ранее не случалось в истории США. Несомненно, Рузвельт

оставил значительный след в мировой истории как один из наиболее выдающихся президентов США.

...чем английский аристократ Джордж Вашингтон...— Джордж Вашингтон (1731–1799), первый президент США. Во время Войны за независимость был назначен главнокомандующим Континентальной армии. В ходе войны потратил на армию, не получавшую средств из других источников, почти все свое состояние.

Стр. 628. ...одного типа из Лондонского университета по фамилии Фокс...— Гарольд Мунро Фокс (1889–1967), британский зоолог, наиболее известный работами по пигментации крови беспозвоночных. В 1966 году был награжден медалью Дарвина, которую каждый год вручает Королевское общество за «работу в биологии, столь же признанного размаха, как и у Чарльза Дарвина».

Стр. 659. ...Хау. Александр Гамильтон Хау...— персонаж носит имя в честь Александра Гамильтона (1755–1804), государственного деятеля США, идеолога и руководителя Партии федералистов. Гамильтон еще в двадцатилетнем возрасте в ходе публичных дебатов о судьбе американских колоний написал три статьи в поддержку их независимости, в начале революции создал и возглавил отряд ополчения. В 1777 г. стал личным секретарем и адъютантом Дж. Вашингтона, но в 1781 г. ушел с этого поста в действующую армию. В 1789 г. стал министром финансов в первом американском правительстве, но в 1795 г. ушел в отставку, сохранив связи с политическими лидерами. Поддерживал, несмотря на личные разногласия, Томаса Джефферсона на президентских выборах, фактически порвав с федералистами. В 1804 г. был смертельно ранен на дуэли со своим политическим противником по партии Аароном Бэрром. Его портрет изображен на десятидолларовой банкноте.

СОДЕРЖАНИЕ

СВОБОДНОЕ ВЛАДЕНИЕ ФАРНХЭМА 5

ТАМ, ЗА ГРАНЬЮ 361

ШЕСТАЯ КОЛОННА 585

КОММЕНТАРИИ 773